
ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ в 1871-1918 гг.
ШВЕЦИЯ
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
КОР. ДАНИЯ
Копенгаген
Клайпеда (Мемель)
Неман
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ШЛЕЗВИГ
ГОЛЬШТЕЙН
Киль
Любек
МЕКЛЕНБУРГ-ШВЕРИН
Шверин
Нейштрелиц
Гамбург
Щецин (Штеттин)
ПОМЕРАНИЯ
Кенигсберг
ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ
Гданьск (Данциг)
ЗАПАДНАЯ ПРУССИЯ
Ольденбург
ОЛЬДЕНБУРГ
Бремен
ГАННОВЕР
Ганновер
Брауншвейг
БЕРЛИН
БРАНДЕНБУРГ
Франкфурт
Познань
Варшава
Гаага
НИДЕРЛАНДЫ
Детмольд
ВЕСТФАЛИЯ
Арользен
Дюссельдорф
Кёльн
Брюссель
БЕЛЬГИЯ
Кассель
ГЕССЕН
Лейпциг
Дессау
Вроцлав (Бреслау)
СИЛЕЗИЯ
ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ
Гота
Рудольштадт
Альтенбург
Дрезден
САКСОНИЯ
РЕЙНСКАЯ ПРОВИНЦИЯ
Кобленц
НАССАУ
ГЕССЕН
Франкфурт
Кобург
Майнц
Дармштадт
ДАРМШТАДТ
Прага
Нюрнберг
ПФАЛЬЦ (к Баварии)
Шпейер
Карлсруэ
Верден
ЛОТАРИНГИЯ
Страсбург
Штуттгарт
ВЮРТЕМБЕРГ
БАВАРИЯ
БОГЕМИЯ (ЧЕХИЯ)
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
ФРАНЦИЯ
ЭЛЬЗАС
БАДЕН
ГОГЕНЦОЛЛЕРН
Мюнхен
Дунай
Вена
Братислава (Пресбург)
Зальцбург
ШВЕЙЦАРИЯ
Берн
Инсбрук
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
Граница Германской империи
Территория Пруссии
Цифрами обозначены:
1. Ольденбург; 2. Мекленбург-Штрелиц; 3. Шаумбург-Липпе; 4. Липпе-Детмольд; 5. Брауншвейг; 6. Ангальт; 7. Вальдек-Пирмонт.
Тюрингские государства:
8.Шварцбург-Зондерсхаузен; 9. Шварцбург-Рудольштадт; 10. Саксен-Веймар-Эйзенах; 11. Саксен-Кобург-Гота; 12. Саксен-Альтенбург; 13. Саксен-Мейнинген; 14. Рейс младшей линии; 15. Рейс старшей линии.

Западносибирский центр германских исследований
Германский исторический институт в Москве

ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ

ТОМ 2

От создания Германской империи до начала XXI века

Допущено Министерством образования и науки Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «История»

Москва
2008

УДК 94(430)"1870/20"
ББК 63.3(4Гер)
И90

Рецензенты:
кафедра всеобщей истории Ярославского государственного университета
(зав. кафедрой д-р ист. наук, профессор *М. Е. Ерин*);
ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
д-р ист. наук *Б. М. Туполев*.

Ответственный редактор тома:
д-р ист. наук, проф. *Ю. В. Галактионов*

Авторы:
Бетмакаев А. М. (главы VI, VII), Бяликова Т. А. (главы VI, VII), Галактионов Ю. В. (глава V), Глушков А. Е. (глава II), Корнева Л. Н. (глава IV), Супрыгина Г. Г. (главы I, VIII), Ющенко О. И. (главы VI, VII)

Составитель научно-справочного аппарата *А. А. Мить*

И90 **История Германии** : учебное пособие : в 3 тт. / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. — М.: КДУ, 2008. — Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века / А. М. Бетмакаев, Т. А. Бяликова, Ю. В. Галактионов, [и др.]; отв. ред. Ю. В. Галактионов; сост. науч.-справ. аппарата А. А. Мить. — 672 с.: ил., [16] с.: цв. ил.

ISBN 978-5-98227-255-3
ISBN 978-5-98227-257-7 (Т. 2)

Учебное пособие подготовлено коллективом ученых Западносибирского центра германских исследований. На большом фактическом материале с учетом новейших достижений исторической науки показаны основные этапы развития германской истории с 1871 г., дана характеристика политических, экономических, социальных и культурных составляющих исторического процесса, освещена повседневная жизнь населения Германии. Издание соответствует Государственному образовательному стандарту Министерства образования и науки Российской Федерации.

Для студентов, аспирантов, преподавателей и всех, интересующихся историей Германии.

УДК 94(430)"1870/20"
ББК 63.3(4Гер)

ISBN 978-5-98227-255-3
ISBN 978-5-98227-257-7 (Т. 2)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том учебного пособия «Истории Германии» охватывает период от создания Германской империи до начала XXI в., то есть небольшой по сравнению с первым томом отрезок времени — немногим более 130 лет. Но это время было насыщено событиями всемирно-исторического значения. Лейтмотивом тома стала проблема путей развития национального государства, борьба авторитарной и демократической альтернатив.

В первой главе раскрывается сложный процесс становления национального государства и перехода к империализму, важные изменения в социальной и политической структуре немецкого общества, которые произошли на рубеже XX–XXI вв. Особое внимание уделяется политике «культуркампфа», подъему организованного рабочего движения в Германии, образованию и деятельности СДПГ. При характеристике внешней политики акцент делается на колониальных захватах Германии, на ее подготовке к войне за передел мира и роли в истории Первой мировой войны.

Во второй главе показывается, что Первая мировая война явилась результатом столкновения интересов всех великих держав, хотя роль Германии в ее развязывании была очень велика. В главе достаточно подробно освещается ход боевых действий, изменения в настроениях немецкого общества по отношению к проблеме «война–мир». Война предстает как катализатор демократических процессов в Германии. Наибольшее внимание уделено Ноябрьской революции, проблемам ее характера и значения.

В третьей главе основное внимание сосредоточено на противоречивости политического развития Веймарской республики, обусловленной и слабыми сторонами ее конституции, и тяготами Версальского мирного договора. В главе всесторонне анализируется экономическая, политическая и духовная жизнь республики, показывается нарастание ее кризиса и крушение. Предпринята попытка ответить на вопрос, который вот уже более 70 лет волнует всех исследователей истории Германии: был ли приход нацистов к власти исторической неизбежностью или существовали альтернативы?

В четвертой главе, посвященной истории Третьего рейха, дается общая характеристика нацистской диктатуры как ярко выраженной

тоталитарной формы международного фашизма 1930–1940-х гг. Показывается воздействие национал-социализма на жизнь немецкого и европейских народов, прослеживается уровень одобрения или неприятия нацистских идей и самого режима, степень сопротивления ему, характеризуются главные проблемы обширной историографии национал-социализма. Особое внимание уделено нацистской партии как проводнику государственной политики, роли А. Гитлера как консолидирующей фигуры немецкого общества. Анализируется механизм контроля и подавления инакомыслия, идеология и пропаганда, внешняя политика, а также повседневная жизнь Третьего рейха. Значительное место уделено истории Германии в годы Второй мировой войны и краху нацизма.

В пятой главе анализируется процесс рассмотрения германского вопроса на совещаниях и конференциях союзников по антигитлеровской коалиции в 1941–1945 гг. Большое внимание уделено Германии в так называемый «час ноль», дается характеристика тяжелой социально-экономической, политической и морально-психологической обстановки в зонах оккупации. Показано как осуществлялась союзниками верховная власть; как рассматривался германский вопрос на сессиях СМИД; как осуществлялась по зонам оккупации политика «четырех Д». Анализируется процесс раскола Германии и образования двух германских государств — ФРГ и ГДР. Ставится проблема причин, альтернатив и ответственности за раскол Германии внешних сил и самих немцев.

В шестой и седьмой главах дается сравнительная характеристика 40-летнего развития ФРГ и ГДР. Показываются причины, ход и последствия западногерманского «экономического чуда». Анализируются проблемы взаимодействия власти и общества в ФРГ и ГДР, их внутренняя и внешняя политика, развитие духовной жизни и культуры обеих стран.

Восьмая глава посвящена характеристике развития германского вопроса как одного из важнейших факторов мировой политики, рассмотрению отношений между ФРГ и ГДР в 1950–1980-е гг. Показаны внешние и внутренние аспекты объединительного процесса в 1989–1990 гг., сложные перипетии международных переговоров в мае-октябре 1990 г. по формуле «2+4», историческое значение Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии.

В девятой главе характеризуются государственное устройство объединенной Германии, развитие экономики, социальные отношения, общественно-политическое развитие ФРГ в 90-х — начале 2000-х гг.

Авторами второго тома учебного пособия являются: канд. ист. наук, доц. А. М. Бетмакаев (гл. VI, VII); канд. ист. наук, доц. Т. А. Бяликова (гл. VI, VII); д-р ист. наук, проф. Ю. В. Галактионов (гл. V); канд. ист. наук, проф. А. Е. Глушков (гл. II, III); канд. ист. наук, доц. Л. Н. Корнева (гл. IV); канд. ист. наук, доц. Г. Г. Супрыгина (гл. I, VIII); канд. ист. наук, доц. О. И. Ющенко (гл. VI, VII). В главе III использованы материалы, любезно предоставленные канд. ист. наук, доц. Н. В. Ковалевой. Научно-справочный аппарат подготовил канд. ист. наук, доц. А. А. Мить.

Ю. В. Галактионов

ГЛАВА I

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ИМПЕРИАЛИЗМ (1871–1914)

1. Германия в эпоху канцлерства Бисмарка (1871–1890 гг.)

Проблема формирования национального государства

Германская империя была провозглашена 18 января 1871 г. Ее основы оформила Конституция, принятая 4 мая 1871 г. Прообразом ее стала конституция Северогерманского союза. В ней также были учтены договоры с южно-германскими государствами: Баденом, Баварией, Вюртембергом и Гессеном-Дармштадтом. За этими государствами закреплялись некоторые особые права. Бавария и Вюртемберг, например, сохранили право на управление почтой и телеграфом, на доходы от продажи водки и пива. Бавария закрепила за собой частичную самостоятельность в управлении армией и железными дорогами. Она председательствовала в комитете иностранных дел империи. Германская империя представляла собой федерацию из 22 германских государств и 3 вольных городов: Любека, Бремена и Гамбурга, заключивших между собой «вечный союз». Конституция 1871 г. оформила модель федеративного, централизованного государственного устройства. Каждому государству, входящему в союз, представлялась определенная автономия. Этого права была лишена завоеванная во франко-прусской войне провинция Эльзас-Лотарингия, которая до 1918 г. имела статус «имперской области» и управлялась штатгальтером, подчиненным непосредственно императору.

Федеральное собрание — высший законодательный орган страны — состояло из бундесрата и рейхстага. Бундесрат (союзный совет) являлся органом представительства союзных государств. Члены бундесрата назначались исполнительными органами государств, поэто-

му в нем преимущественно были представлены местные правители. Союзный совет нередко выступал в качестве совещательного органа при императоре. Он имел право роспуска рейхстага при согласии императора, разрешал конфликты, возникающие между государствами. Бундесрат отражал специфическую структуру Германской империи. Формально он был призван стоять на страже интересов всех субъектов федерации, но не соответствовал своему назначению, прежде всего в силу неравного представительства государств, входящих в империю.

Пруссии в бундесрате было выделено 17 из 58 мест как самому крупному государству империи по территории (она занимала две трети площади страны), экономическому потенциалу, населению, военной мощи. Благодаря этой квоте она заняла господствующее положение в федерации, без ее согласия не могло быть изменено ни одно положение Конституции. Особое значение Пруссии в империи закреплялось также тем, что по Конституции германским императором (кайзером) мог быть только прусский король. Он обладал обширными полномочиями, которые давали ему почти абсолютную власть.

Нижняя палата парламента — рейхстаг — состояла из 382 депутатов. Он формировался избирателями, но находился под контролем кайзера. К числу его полномочий относились законодательная инициатива, утверждение законопроектов и бюджета империи, в том числе военного. Депутаты рейхстага не получали вознаграждения за свою работу.

Кайзер являлся главой исполнительной власти, назначал и отправлял в отставку высших должностных лиц империи, в том числе канцлера. Он определял содержание внешней политики, заключал договоры и союзы с другими государствами, с согласия бундесрата мог объявлять войну и мир. Конституция вверяла ему командование армией и флотом. За императором закреплялось право созывать и распускать бундесрат и рейхстаг, право разработки имперских законов и контроля над ними. Ему принадлежала прерогатива применять санкции в отношении государств, нарушающих союзные обязательства. В затруднительных случаях он интерпретировал конституцию. Конституция 1871 г. отразила консервативные представления правящих кругов (и массового сознания) о государственной власти монарха, воля которого является высшей.

В государственной структуре Германской империи высоко значимой была роль имперского канцлера. Одновременно он являлся председателем бундесрата и при равенстве голосов в верхней палате

его голос имел решающее значение. Канцлером империи становился, как правило, премьер-министр Пруссии. Имперское правительство определяло торговую, таможенную политику, развитие флота, транспортной системы, контролировало банковское дело, чеканку монет, зарубежные платежи, консульскую службу.

Позитивным было провозглашение Конституцией — впервые в истории Германии — равного избирательного права для мужчин, достигших возраста 25 лет. Однако избирательных прав были лишены женщины, нижние чины армии и флота, лица, получающие пособия для бедных. Конституция уравняла в правах евреев с коренным населением. Однако в Пруссии до 1918 г. сохранялась избирательная система 1850 г., которая разделяла избирателей на три класса по количеству уплачиваемых налогов.

Конституция империи создавалась как механизм, призванный обеспечить решение представителями юнкерства и крупной буржуазии при гегемонии Пруссии важнейших внутри- и внешнеполитических задач. Глава XI закрепляла всеобщую воинскую обязанность. Она включала право вводить по всей империи прусское военное законодательство, использовать армию в полицейских целях, объявлять военное положение на территории любого союзного государства.

В 1871–1890 гг. ключевой фигурой в политической системе империи являлся ее канцлер ***Отто фон Бисмарк*** (1815–1898), впоследствии граф, князь и герцог. Его влияние было так велико, что этот период получил название «эры Бисмарка». С его именем связывается проведение политики, определяемой такими понятиями, как «революция сверху», «германский бонапартизм» и пр. Бисмарк был ярым монархистом, склонным к силовым действиям и к пренебрежению правом. Он преклонялся перед армией и говорил, что в его груди бьется сердце прусского офицера. За неуклонное продвижение к цели — объединению Германии путем войн с Данией, Австрией, Францией — он получил прозвище «железного канцлера». Как политик, он всегда руководствовался государственными интересами, и от этого принципа никогда не отступал. Во имя создания могущественной Германии канцлер подавлял свои личные симпатии и вступал в соглашения, которые способствовали достижению этой цели. Но когда соглашение исчерпывало себя, он без сожаления отбрасывал своих недавних союзников.

Важнейшей задачей, которую предстояло решить правительству Бисмарка, было создание национального государства. Немецкий

историк Вольфганг Моммзен писал, что Германская империя, возникшая в 1871 г., не являлась национальным государством, а была подобна раковине, в полости которой впервые в истории немцы, как моллюски, должны были вызреть в нацию. Трудность этого процесса заключалась в том, что население, проживавшее на всех германских территориях, в отличие от жителей других европейских стран не чувствовало себя единой нацией. Священная Римская империя являлась конгломератом национальных образований с полицентризмом власти и не была в полном смысле ни нацией, ни государством. Поэтому создание централизованного государства с едиными структурами и чувством национальной идентичности оказалось сложной задачей. Правители союзных государств, политические партии, конфессии имели различные представления о путях решения этой проблемы. Так, южногерманские государства стремились сохранить как можно больше самостоятельности, чтобы противостоять гегемонии Пруссии. ***Вильгельм I*** (1797–1888), опасаясь роста сепаратистских настроений в среде государей, вначале даже отказывался от титула «германский император», предпочитая титул «император Германии», однако позднее уступил нажиму Бисмарка. Имперские власти стремились также нейтрализовать негативное впечатление от серии войн, завершивших процесс объединения страны, и постоянно подчеркивали, что Эльзас и Лотарингия являются «старыми имперскими землями» Германии, что Шлезвиг и Гольштейн относятся к империи вследствие наличия в них немецкоязычного населения. Учитывая сильные сепаратистские настроения среди жителей аннексированной Польши, вошедшей в состав Пруссии, власти ограничивались ссылкой на то, что они нашли свою родину в Пруссии и должны сохранить ее в объединенной Германии.

О. фон Бисмарк

Для формирования у немцев национального чувства власти империи использовали недавнюю франко-прусскую войну. Призывы

к консолидации нации обусловливались необходимостью противостоять «общему врагу» — Франции, в которой были сильны настроения реваншизма. Символическим было провозглашение Германской империи на территории Франции в Версальском дворце 18 января 1871 г. В этот день ровно 170 лет назад курфюрст Бранденбурга Фридрих III завладел прусской короной. Помпезность церемонии должна была закрепить в общественном сознании глубину поражения Франции, препятствовавшей объединению Германии, особую значимость для всех немцев победы Пруссии и ее главенство во вновь созданной империи. Сам акт оглашения Вильгельмом I на этой церемонии прокламации «К германскому народу» о создании империи публицисты, историки, художники вскоре мифологизировали, подчеркивая в этом событии реализацию имперской идеи, особую *германскую* миссию Пруссии и династии Гогенцоллернов.

Расчет Бисмарка на то, что поражение Франции и создание империи укрепят национальные чувства и вызовут единение, в определенной степени оправдался. Депутат рейхстага фон Унру, путешествуя по Вюртембергу и Бадену, отмечал в заметках, что повсеместно он «видел над стойками и прилавками неумелые, дилетантски нарисованные изображения кайзера и Бисмарка, престолонаследника и Мольтке... Кайзер и империя повсюду вызывали настроения энтузиазма». Иной была реакция ряда германских князей. Баварский принц Отто писал в начале феврале 1871 г. своему брату о тяжкой участи «находиться в Германии, в которой доминирует Пруссия», и о церемонии провозглашения империи, на которой было все так «горделиво, блестяще, великодержавно» и в то же время так «бессердечно и пусто».

Правящие круги Германии в процессе формирования нации использовали все, что в сознании немцев напоминало об их общности: язык, культуру, историю. Эти компоненты были необходимой, но отнюдь не достаточной предпосылкой тому, чтобы из немецкой «культурной нации» возникло национальное государство. В 1871 г. еще только шел поиск идей, которые сплотили бы Германскую империю. Одной из первых такие идеи по традиции попыталась сформулировать протестантская церковь. Ее иерархи утверждали, что евангелическая церковь является «цементирующим средством» империи и нации. В конце января 1871 г. придворный проповедник А. Штёккер заявил, что, наконец, «воплотилась Святая евангелическая империя германской нации». Одна из газет этой конфессии в марте 1871 г. превозносила Вильгельма I как монарха, положившего начало «новому этапу истории евангелической империи германской нации».

Лозунги «евангелической монархии» и «евангелической империи» были призваны стать несущими конструкциями объединенной Германии, стержнями национальной идентичности. Одновременно они выступали в качестве критериев отличия старой католической средневековой империи от новой протестантской, созданной Бисмарком, и отличия Германии от Австрии.

С 1871 г. в разработку подобного рода трактовок включились либеральные историки. Они выдвинули апологетические идеи об обозначившейся якобы уже в средневековье германской миссии Пруссии, об особом предназначении династии Гогенцоллернов в «прусско-германской истории», об исключительных качествах Бисмарка. Им вторили консерваторы, которые также объявили Пруссию «бастионом патриотизма» и видели в ее деяниях путеводную нить Бога. Они убеждали общество, что поскольку объединение Германии явилось творением Пруссии, то империя должна стать прусской, военизированной. Г. Клейст-Ретцлов выразил это в следующем тезисе: «Мы не желаем быть поглощенными империей, а хотим остаться в ней Пруссией».

Ориентация на протестантизм и «прусское руководство» вызвала противоречивую реакцию. С одной стороны, протестантизм мог объединить разнородные политические и социальные силы в Пруссии и ряде северогерманских земель. Но, с другой стороны, такой подход к формированию национального государства вбивал клин между жителями Пруссии и других территорий, между католиками и протестантами. Католики справедливо усматривали в претензиях прусского протестантизма на лидерство в империи стремление Пруссии к политической гегемонии. Они опасались, что она будет управлять государствами, вошедшими в империю, как провинциями. Епископ Майнца Кеттелер призывал католиков консолидироваться, чтобы не допустить их вытеснения с политической арены Германской империи.

Не смогли в новых условиях дать понятия «национального» и либералы. Ранее они выступали против династической раздробленности и милитаризма, но когда во главе национального движения и империи встала милитаристская Пруссия, либералы оказались не в состоянии разрешить это противоречие. В конечном итоге ни одна общественная группа в Германии не выдвинула идей, которые могли бы сплотить нацию. Позднее немецкий философ Г. Плеснер назвал Германскую империю воплощением «великодержавия без государственной идеи». Он видел причину этого в запоздалом объединении страны. Национальное государство стало формироваться в ней в пе-

риод, когда миновало время захватывающих универсальных идей, подобных тем, которые выдвинула Великая французская революция. Поэтому правящие круги созданной Бисмарком империи сформулировали лишь лозунг национального государства.

Процесс же его формирования растянулся на годы. Символично, что до 1892 г. Германская империя не имела национального гимна и флага. Лишь после ухода Бисмарка в отставку правительство постановило, что немецким национальным флагом является черно-бело-красный флаг. В качестве гимна была утверждена «Песнь немцев», сочиненная ***Хофманом фон Фаллерслебеном*** (1798–1874) еще в 1841 г. В тексте песни развивалась тема национального единства и процветания, свободы, и она начиналась словами: «Германия, Германия превыше всего, превыше всего в мире...». Сопровождением к стихам была выбрана музыка, сочиненная Й. Гайдном в 1797 г. для подъема национального духа австрийцев, оборонявшихся от французов под Веной. Императорским гербом стал черный одноглавый орел со щитом Гогенцоллернов на груди и короной Карла Великого над ним. В число официальных национальных праздников были включены: день провозглашения империи — 18 января; день разгрома прусскими войсками французов в битве под Седаном в 1870 г. — 2 сентября; дни рождения императоров Вильгельма I — 22 марта, а затем Вильгельма II — 27 января. Эти атрибуты сыграли свою роль в формировании национального чувства немцев, но наибольшее влияние на данный процесс оказали факторы экономического и политического характера.

Социально-экономическое развитие

Объединение Германии создало предпосылки для формирования единого экономического пространства, завершения промышленного переворота, возможности выхода Германии на мировые рынки. В 1870-е гг. в парламенте доминировали национал-либералы — сторонники буржуазного развития империи и укрепления национального государства, с которыми Бисмарк в этот период пошел на сотрудничество. Большинство депутатов других буржуазных партий также избегали конфликтов с канцлером, который пользовался большой популярностью и авторитетом в стране. Консолидация усилий позволила в короткие сроки создать инфраструктуру для развития единой экономики страны. Период 1871–1878 гг. получил название эры экономического либерализма, так как государство использовало методы лишь косвенного регулирования экономики и придерживалось политики свободной торговли.

Согласно конституции, на территорию империи распространялось финансовое и коммерческое законодательство Северогерманского союза. Была создана единая валютная и банковская система. В ноябре 1871 г. правительство издало постановление о золотом стандарте и выпуске рейхсмарок. Право выпускать банкноты и монеты получил учрежденный в 1871 г. Имперский банк. Постепенно были созданы общеимперские ведомства, контролирующие железные дороги (1870), финансы (1879), почтовое дело (1880), колонии (1907), и службы, которые занимались торговым флотом, таможенной политикой, связью, статистикой.

Эпоха грюндерства

Экономическое развитие Германии после объединения отличалось неравномерностью. Годы благоприятной конъюнктуры сменялись периодами кризисов, которые пришлись на 1873-1879 гг., 1884-1887 гг. и 1891-1895 гг. Тем не менее Германия с 1873 по 1895 г. сделала рывок в процессе модернизации. Период 1871-1873 гг. в истории империи получил название «грюндерства» (от нем. *gründen* — основать, организовать, учреждать). Он был отмечен массовым неупорядоченным созданием многочисленных акционерных обществ, банков, страховых компаний, железных дорог и пр. Их учреждение было облегчено возможностью получения дешевого кредита в германских банках, активы которых пополнились благодаря потоку платежей из Франции в 1871-1873 гг. в счет ее 5-миллиардной контрибуции. Условия для учредительства улучшились и благодаря либеральному законодательству, отменившему ограничения на создание акционерных обществ и банков. Инвестиционный поток 1871-1873 гг. почти в 2,8 млрд марок способствовал образованию 928 акционерных обществ в Германии. Сумма инвестиций за эти три года на 0,5 млрд превышала сумму капиталовложений за 1850-1870 гг. Особо высокими темпами «грюндерства» отличалась Пруссия. Стремительно расширялась банковская система: за 1872-1875 гг. было учреждено 249 новых банков.

Модернизация армии и сооружение оборонительных укреплений вызвали бум в военной и строительной промышленности. «Учредительская горячка» сопровождалась обширной эмиссией ценных бумаг, биржевыми спекуляциями, игравшими на повышение стоимости акций, созданием фиктивных фирм, мошенничеством и, в конечном итоге, привела к краху множества предприятий и банков. Германский историк Гюнтер Оггер так характеризует состояние немецкого обще-

ства в начале 70-х гг. XIX в.: «Каждый хотел получить долю в новом богатстве, блеск французских миллиардов ослепил помещиков и пенсионеров, банкиров и прислугу, высшее общество и бедняков. Спекуляция превратилась в излюбленное занятие общества тех дней, а биржевой бюллетень стал настольной книгой буржуазии». В спекуляциях участвовали депутаты рейхстага, министры, аристократы. Даже Бисмарка упрекали в том, что, управляя государством, он «чересчур много внимания уделял своей личной шкатулке».

Волна «грюндерства» не была обеспечена соответствующей производственной базой, сетью сбыта и повлекла выпуск большого объема некачественного товара, не находившего спроса. Разразившийся в 1873 г. мировой экономический кризис положил конец «грюндерской горячке». В 1874–1875 гг. он охватил все отрасли хозяйства, а с 1875 г. совпал с международным аграрным кризисом и принял затяжной характер. Банкротство банков и закрытие предприятий вызвали массовую безработицу. В 1878–1879 гг. более четверти рабочих индустрии и перерабатывающих отраслей остались без работы. Прибыли устоявших в кризисе крупных предприятий сократились в несколько раз. Даже такие известные угледобывающие, сталелитейные компании, как «Хердер ферайн», «Хиберния», «Феникс», «Бохум ферайн», «Вестфалише унион», паровозостроительный завод магната Борзига, вследствие падения спроса на их продукцию прекратили выплату дивидендов на годы. Лишь в 1879 г. была пройдена стадия самого глубокого спада, а осенью 1880 г. обозначился поворот к росту. Но в 1882 г. началась новая, хотя и менее глубокая депрессия, которая продолжалась четыре года. 1886–1890 гг. были отмечены подъемом экономического развития.

Кризис 1873–1879 гг., несмотря на разрушительные последствия, имел и некоторое позитивное воздействие на германскую экономику. В годы «грюндерства» удалось закрепиться химико-фармацевтическим фирмам, машиностроительным предприятиям, толчок в развитии получили железнодорожное и пивоваренное производство, судостроение, оптические производства. Чрезвычайно выросло значение «Дойче банк», поставившего под контроль экспортные сделки немецких фирм. Кризис выявил слабую конкурентоспособность германских товаров на мировых рынках, необходимость расчета перспектив развития, ориентации на стабильный рост и получение оптимальной прибыли. После кризиса началась болезненная структурная перестройка экономики, изучение потребностей внешнего рынка, поиски путей рационализации и повышения производительности

труда. Решение этих задач и обеспечило позднее Германии выход на мировые рынки.

В 70–80-е гг. опережающими темпами развивались металлургическая, горнодобывающая промышленность, железнодорожное строительство. Германия с опозданием вступила в стадию завершения промышленного переворота, но ей удалось извлечь из этого ряд важных преимуществ. Она широко заимствовала технический и технологический опыт передовых индустриальных стран, практиковала покупку машин, патентов, промышленный шпионаж. В 1878 г. открытие английским инженером С. Дж. Томасом способа обесфосфоривания железных руд позволило использовать богатейшие запасы железных руд Лотарингии, не находивших ранее спроса из-за примесей фосфора, придававшего хрупкость металлу. Они превратились в главную сырьевую базу германской металлургии и обусловили ее ускоренное развитие. В 1890 г. в Германии было выплавлено 2,2 млн т стали, что в 11 раз превышало объем выплавки 1870 г. Почти в три раза за два десятилетия в стране выросла добыча каменного угля.

Индустриальному развитию Германии способствовало железнодорожное строительство, которое привело к созданию единой транспортной системы, формированию национального рынка. В 1870–1879 гг. в строительство железных дорог вкладывалось 25 % валового внутреннего продукта. За 20 лет после 1871 г. протяженность железнодорожных линий увеличилась с 19,6 тыс. до 42,1 тыс. км, а к 1913 г. она достигла 63,4 тыс. км. По темпам железнодорожного строительства Германия занимала первое место в Европе. Германская буржуазия располагала резервным рынком наемного труда: рабочий класс быстро пополнялся за счет выходцев из крестьянства, мелкобуржуазных слоев города и переселенцев из восточных аграрных районов страны. Стимулирующее воздействие на процесс индустриализации оказывала политика перевооружения армии. Владельцы военных производств получали государственные заказы, инвестиции, помощь в обеспечении сырьем, рабочей силой. В начале 90-х гг. свыше 50 % населения было занято в промышленности, торговле и транспорте.

Более медленными темпами развивалось сельское хозяйство. Если промышленное производство с 1870 по 1913 г. выросло в пять раз, то сельскохозяйственное — лишь в два раза. Оно в большей степени было подвержено кризисам. На большей части страны развитие капитализма в аграрном секторе проходило по так называемому «прусскому пути». Основная масса земли находилась в руках крупных землевладельцев — юнкеров, которые превратились в предпринима-

тельский класс с большими капиталами и товарными хозяйствами. Их доминирование в Восточной Пруссии, Бранденбурге, Померании в условиях развития рыночных отношений повлекло за собой разорение основной массы малопроизводительных крестьянских хозяйств. Две трети сельских хозяйств Германии в конце XIX в. имели наделы до 2 га. Многие безземельные и малоземельные крестьяне становились батраками либо уходили в город.

В первые годы после создания империи для сельского хозяйства Германии продолжалось «золотое время», которое началось несколько десятилетий назад. К середине 1870-х гг. цены на рожь достигли наивысшего уровня по сравнению с «голодными» 1840-ми гг. Аграрное производство получило импульс в связи с развитием строительства сети железных дорог, связавших воедино все регионы страны. Благодаря дешевому корабельному фрахту стали доступны английские потребители. До середины 1870-х гг. Германия самостоятельно обеспечивала свои потребности в зерне. Но с 1876 г. из-за роста городского населения и потока переселенцев она была вынуждена приступить к импорту зерна. Перед Первой мировой войной Германия ввозила уже треть потребляемой пшеницы и почти половину ячменя.

Начавшийся в 1875 г. международный аграрный кризис резко изменил ситуацию на рынке сельскохозяйственной продукции. Развитие транспортных средств облегчило доставку дешевой сельскохозяйственной продукции из США, Канады и Аргентины в Европу. Через Балтику в Германию хлынул поток хлеба из России. Падение цен на мировом рынке вызвало в Германии аграрный кризис. В 1880–1886 гг. цены на зерно составляли 65 % от уровня 1870 г. Кризис форсировал структурную перестройку аграрного сектора. Крупные крестьянские хозяйства запада и ряда областей юга Германии пошли по пути улучшения пород скота, выведения новых культур, создания кормовой базы для животноводства, механизации производственного процесса. Постепенно они нашли свою нишу на рынке и закрепились на нем. Но на востоке страны крестьянские хозяйства, специализирующиеся на зерне, терпели крах. Переход к производству новых видов продукции затруднялся отсутствием дешевых банковского кредита и рабочей силы, в связи с оттоком аграрного населения в промышленные районы.

Юнкеры, традиционно занимавшие привилегированное положение в прусском обществе, столкнувшись с трудностями в ходе аграрной перестройки, перенасыщением зарубежного рынка, начали поиски механизмов защиты своих экономических интересов. В 1879 г.

крупные землевладельцы выдвинули лозунг «Защита национального труда» и потребовали от правительства субсидировать юнкерские хозяйства и путем введения высоких пошлин закрыть германские рынки для иностранных производителей. Защитить свои интересы им удалось благодаря поддержке магнатов индустрии. Банкротство многих банков привело к удорожанию кредита и сокращению возможностей займа. Кризис сбыта повлек за собой падение цен в металлургической промышленности (в 1878 г. на 50–60 % по сравнению с 1873 г.), сокращению производства, нерентабельности введения новых технологий. В 1876 г. владельцы крупных сталелитейных заводов и горнорудных предприятий создали Центральный союз германских промышленников. Он, как и аграрии, аргументируя интересами национальной безопасности, угрозой массовой безработицы, призвал правительство защитить национальных производителей от конкуренции со стороны Великобритании, Бельгии и Франции протекционистскими пошлинами. Союз добивался также государственных субсидий предприятиям, финансирования строительства железных дорог, представительства крупных промышленников в рейхстаге.

Однако против политики протекционизма выступила буржуазия развивающихся экспортных отраслей, торговая буржуазия портовых городов, группы аграрной буржуазии, производящей на международный рынок, а также национал-либералы. Поэтому лишь в июле 1879 г. блок крупных аграриев и промышленников добился первого повышения тарифов на ряд импортных промышленных товаров и сырье, а также вино, чай, кофе. Таможенные законы 1885 г. и 1887 г. поэтапно увеличили тарифы на ввоз промышленного сырья и зерна. В результате цены на зерно в Германии поднялись в 5 раз. Эти законы означали окончание эры экономического либерализма и явились одной из причин распада союза Бисмарка с либералами. В партии либералов они обусловили формирование течения, тяготеющего к национализму, что вскоре привело к ее расколу.

Таможенная политика оставалась одной из наиболее острых внутриполитических проблем Германии до начала Первой мировой войны. С экономической точки зрения протекционистский курс не был эффективным. Хотя он создал более благоприятные условия для развития германской индустрии, но повлек замедление темпов развития экспортных отраслей хозяйства, от успешности которых зависели баланс торгового оборота, бюджет страны, покупательский спрос на внутреннем рынке. Не предотвратил он, как ожидалось, и экономических спадов, которые произошли в 1882 г. и 1890 г. «Таможенная

стена» лишила низы городского населения возможности воспользоваться преимуществами падения цен на хлеб на мировом рынке. Но протекционизм выполнил важную социально-политическую задачу: он сохранил господство восточно-прусских юнкеров и магнатов индустрии на внутреннем рынке.

Рост народонаселения и социальная структура германского общества

Эпоха индустриализации обусловила сдвиг в демографическом развитии. Население империи увеличилось с 41,6 млн в 1873 г. до 52 млн в 1895 г. Этому способствовали улучшение здравоохранения, снижение детской смертности, некоторый рост продолжительности жизни, улучшение благосостояния жителей, а также поток переселенцев из Восточной Европы. Но этот процесс имел противоречивые последствия. До середины 1890-х гг. экономика страны не могла обеспечить всех нуждающихся рабочими местами, и Германия превратилась в «страну эмигрантов». В 1866–1895 гг. из нее выехали, в основном в США, 2,9 млн человек. Рост промышленности форсировал процесс *урбанизации*. Численность жителей городов (по критериям того времени — это поселения с 2 тыс. жителей и более) увеличилась почти на 8 млн. Возрастало число жителей крупных городов (более 100 тыс. человек). Если в 1871 г. в таких городах проживало только 4,8 % населения Германии, то в 1910 г. уже 21,3 %. Особенно быстро увеличивалось население промышленных районов: Рейнско-Вестфальского, Верхней Силезии, Саарской и Аахенской областей, Лотарингии. Урбанизация символизировала движение Германии от аграрного общества к индустриальному.

В период империи происходило динамичное изменение социальной структуры общества. Статус жителя Германии определяли такие традиционные критерии, как происхождение, размер состояния, связи в обществе и доступ к структурам власти. Но в эпоху индустриализации все более значимым становилось и качество полученного образования, и уровень профессиональных знаний. По классификации известного социолога В. Зомбарта, рабочий класс вместе с «пролетаризующимися слоями» составлял в Германии 67,5 % населения; доля средней и крупной буржуазии (включая буржуазную интеллигенцию) — 29–32 %.

В 1900 г. численность крупной буржуазии в Германии не превышала 70–75 тыс. человек, вместе с членами семейств — 200–250 тыс. человек. Класс предпринимателей воспроизводился в основном из

их собственных рядов. В начале XX в. 53 % капиталистов являлись сыновьями предпринимателей. Приток в их среду происходил также за счет управляющих, сумевших накопить капитал и открыть собственное дело, и выходцев из среды чиновничества, которые, используя деловые связи с буржуазией, обращались к бизнесу. Германская буржуазия редко пополнялась за счет выходцев из среды дворянства, лиц «свободных профессий», крестьянства. В ней почти отсутствовала группа «социальных выдвиженцев» — тех, кто из низов сумел самостоятельно подняться вверх по общественной лестнице. Германские предприниматели отличались высоким уровнем образованности. В 1914 г. 41 % из них имели высшее образование.

На многих предприятиях Германии применялся патерналистско-авторитарный стиль управления, которому была присуща строгая иерархичность и регламентация как производственной, так и частной жизни трудящихся. Он сложился под влиянием порядков, практикуемых в государственном аппарате, армии, в юнкерских хозяйствах. В то же время он отличался рыночным рационализмом, восприимчивостью к опыту буржуазии других индустриальных стран. В завершенном виде этот стиль был представлен на заводах рурского магната Круппа и саарского предпринимателя барона фон Штумма. Одной из главных своих задач они считали борьбу против рабочего и профсоюзного движения. Против бастующих ими нередко использовалась наемная «частная армия», которая не останавливалась перед применением самых жестких мер. В то же время они практиковали и методы «социальной подкормки» трудящихся: строили жилье для квалифицированных рабочих, участвовали в создании касс взаимопомощи, просветительских, спортивно-оздоровительных обществ и др.

Богатейшие представители германской буржуазии стремились в повседневной жизни имитировать образ жизни знати. Они приобретали дворянские поместья, с роскошью обставляли дома, на патриархальный лад устраивали семейный быт, ориентировались на высокий образовательный стандарт. Германские буржуа прилагали большие усилия для проникновения в «высший свет», получения статуса офицера-резервиста, почетных орденов и чинов, обеспечивающих доступ к государственным должностям. Пределом желаний для них являлось дворянское звание, брак с представителями знати. Элементы «аристократизации» крупной буржуазии являлись символическим выражением ее приверженности монархо-этатистскому менталитету, культивируемому в Германской империи. Однако грань между дворянством и состоятельными группами буржуазии всегда

оставалась труднопреодолимой. Слияния дворянства и крупной буржуазии в единый, элитарный слой в Германии так и не произошло. Дворянское звание имели менее 15 % прусских мультимиллионеров. В то же время имперские власти поощряли верноподданнические настроения буржуазии. Две трети владельцев и управляющих ста крупнейших предприятий Германии были удостоены чина коммерческого и тайного советника, две пятых — награждены орденами.

Особенно динамично формировались «новые средние слои». Развивающиеся в процессе модернизации производство и инфраструктура, государственное управление и система образования, здравоохранение, наука и культура требовали большого количества специалистов. Накануне Первой мировой войны к «новым средним слоям» относилось около 15 % населения империи. Главным элементом этого формирующегося класса стали служащие. В годы империи происходило обособление основной массы «новых средних слоев» от промышленного рабочего класса. Они выполняли, как правило, чистую, менее тяжелую работу, были более образованны. Служащие раньше рабочих стали получать отпуска, а в 1911 г. были включены в более благоприятную систему страхования. Действуя в системе управления, они имели лучшие шансы на продвижение по служебной лестнице, верхней ступенью которой были должности управляющих и директоров. В период империи «новые средние слои» консолидировались под воздействием схожего социокультурного положения, уклада жизни, этических ценностей и политических пристрастий. Они были более лояльны, чем рабочие, к классу собственников и общественной системе в целом. Этому способствовало их происхождение: в 1910 г. 80 % служащих были выходцами из буржуазных слоев. В конце XIX в. началось массовое проникновение в состав служащих женщин, возник «мир бюро», в котором они доминировали. В 1892 г. служащими являлись 92,8 тыс. женщин, в 1907 г. — 452 тыс.

Быстро возрастала также численность научно-технической и творческой интеллигенции, которая пополнила ряды «новых средних слоев». Формирование этого слоя было связано с процессом индустриализации, требующим большого числа инженеров, конструкторов, ученых для обслуживания наукоемких, технологичных отраслей промышленности, расширением сектора услуг и системы образования. Группа творческой интеллигенции (журналисты, писатели, художники, актеры и др.) составляла всего 0,8 % от общего числа населения страны, но принадлежность к ней была престижной, она обладала немалым влиянием, так как участвовала в формировании обществен-

ного мнения, оказывала некоторое воздействие на деятельность политических институтов. Высшее образование перестало быть привилегией господствующих классов, к нему приобщились средние слои. Вузовский диплом повышал шансы лиц наемного труда в процессе их проникновения в более высокие слои общества. В связи с образовательным бумом возникло понятие «образованного бюргерства», «образованных классов». В университетах Германии в 1870 г. обучались 17,8 тыс. студентов, перед Первой мировой войной — 60 тыс.

В германском обществе сохранились «старые средние слои», хотя их доля в составе населения сокращалась. Их ядро традиционно составляли владельцы ремесленных предприятий, купцы и лавочники, домовладельцы и др. Вместе с домочадцами их численность сохранялась на уровне 2,3-2,5 млн человек, что составляло около 5 % населения страны. Особо значительные изменения произошли в группе мелкой буржуазии. Она постоянно подвергалась дифференциации. На одном ее полюсе сосредоточились мастера, труд которых в условиях промышленного роста, урбанизации находил повышенный спрос — это строители, повара и кулинары, квалифицированные портные и др., которые собрали стартовый капитал, учли новые потребности рынка. Другой полюс был представлен ремесленниками, чей труд в эпоху индустриализации вытесняли механизмы. Они работали в одиночку, так как не имели возможности нанять подручных, теряли собственность. С 1877 г. по 1907 г. доля таких ремесленников в Рейнской области сократилась в 2,5 раза.

Подобное воздействие модернизации испытывала и мелкая торговая буржуазия. В 1883 г. четыре пятых всех торговых предприятий относилось к разряду мелких. В начале XX в. владельцы половины розничных магазинов являлись уже не собственниками, а арендаторами торговых помещений. Несмотря на стремление учитывать потребности покупателей, применять новые формы закупок товаров, снижение цен, мелкие торговые предприятия не выдерживали конкуренции с крупными магазинами. В торговле, как и в других секторах экономики, протекал процесс концентрации, выразившийся в создании сети крупных универсальных магазинов, первые из которых были созданы А. Вертхеймом и О. Титцем. В 1907 г. треть из 1,1 млн магазинов относилась к числу крупных.

Форсированными темпами развивался промышленный пролетариат. Численность рабочих во всех секторах экономики в 1882 г. составляла 10,7 млн, в 1895 г. — 12,8 млн. Рабочий класс в течение жизни одного поколения стал самой многочисленной социальной

группой немецкого общества. Особо быстро увеличивалась группа занятых в промышленном производстве и ремесле: в 1882 г. их было 4,1 млн, в 1895 г. — почти 6 млн. Новым явлением в конце XIX в. стало массовое включение женщин в промышленное производство. Доля женщин, занятых в перерабатывающей промышленности, за 1875-1907 гг. выросла с 16,3 до 17,8 %, в сфере услуг — с 21,7 до 38,1 %. Но они повсеместно подвергались дискриминации, их зарплата составляла 35-50 % от зарплаты мужчин. Во все секторы экономики интенсивно вовлекались дети и подростки. Острой проблемой молодых рабочих было отсутствие современной системы профессионального обучения. В Германии лишь на ремесленных предприятиях действовала архаичная система производственного ученичества, сложившаяся еще в средневековье. Большинство молодых людей поступало на работу, не имея никакой профессиональной подготовки.

Промышленный рабочий класс не был единым, а был расчленен на отраслевые и квалификационные группы. Во главе пирамиды находилась «рабочая аристократия» — высококвалифицированные рабочие современных отраслей. Далее следовали обученные рабочие (1907 г. — 4,9 млн) и необученные (3,5 млн). Разница в почасовой оплате обученных и необученных рабочих в различных отраслях составляла от 20 до 55 %. Даже квалифицированным рабочим, достигшим 40-45 лет, предприниматели резко снижали зарплату. В глазах буржуазии их ценность на рынке труда падала, в связи сокращением их способности к интенсивному труду, большей вероятностью профессиональных заболеваний, инвалидности. В распоряжении предпринимателей всегда был резерв молодой рабочей силы. В 1907 г. 39 % рабочих были моложе 25 лет. В период кризисов возникала массовая безработица. Но даже в период экономического подъема, начавшегося с середины 1890-х гг., она оставалась на уровне 2,5-3,4 %.

Как и в других странах Европы, рабочий класс Германии подвергался эксплуатации. В 1871 г. в империи был установлен 12-часовой рабочий день (вместо 14-16-часового). Дополнения к трудовому законодательству в 1908 г. привели к снижению рабочего дня до 10 часов, а в 1913 г. — до 9,5 часов. Однако сокращение рабочего времени буржуазия компенсировала интенсификацией труда. Механизация производственных процессов сопровождалась повышением темпов выполнения отдельных операций. Даже в начале XX в. большинство рабочих Германии не имели полноценного отдыха, трудились во вредных для здоровья условиях, испытывали страх перед травмами, локаутами, санкциями за нарушение установленных на предприя-

тиях правил, столкновениями с начальством. В то же время этим явлениям сопутствовали относительный рост реальной заработной платы, улучшение жилищных условий, постепенное развитие системы социального страхования и трудового законодательства. В многомиллионном рабочем классе протекали процессы дифференциации, которые создавали резкие границы между его отдельными группами. Тем не менее, по оценке видного специалиста по социальной истории Германии Х.-У. Велера, в период империи он «развивался в единый социальный класс... с менталитетом, отмеченным коллективизмом, общностью интересов, с чувством идентичности и переплетения интересов, с собственными классовыми организациями, со специфическим пониманием мира и нередко с утопическим отношением к будущему».

В 70-е гг. XIX в., когда во всей Западной Европе дворянство вступило в фазу заката, в Германии его престиж оставался высоким. В немалой степени этому способствовало то, что в процессе объединения Германии прусская армия, командование которой состояло преимущественно из аристократии, победила в трех войнах. Создание империи объявлялось «творением знати». После франко-прусской войны в легендарную фигуру превратился Отто фон Бисмарк. Его политические достижения обладали исключительной силой, убеждающей в законности действий всего дворянского сословия.

Высшее дворянство Германии в очередной раз проявило способность адаптации к новым условиям, к социальной консолидации, что позволило ему сохранить и даже упрочить свой привилегированный статус и политическое влияние вплоть до краха империи в 1918 г. С родовым происхождением, богатством, «заслугами» аристократии перед государством и монархией были связаны выборы в бундесрат. В ее среде по-прежнему действовал «кодекс чести», который предписывал разрешать конфликты посредством дуэли, вести «соответствующий положению» образ жизни, пренебрегать низшими слоями и «повседневным трудом». Знать стремилась сохранять кастовость своего социального слоя, свысока относилась к представителям буржуазии.

Во главе дворянского класса находилась династия Гогенцоллернов, исключительные права которых закрепила германская конституция. Региональная знать, используя, прежде всего, институт бундесрата, сохранила свое особое положение в структуре власти Германской империи. Княжеские дворы оставались социально-политическими центрами во всех союзных государствах. Но ни один из них не мог

сравниться с императорским двором, который в годы правления Вильгельма II приобрел особую помпезность. Он превратился в самостоятельный центр власти, в котором были сосредоточены рычаги влияния на политику государства, важнейшая информация, связи и протекции. При дворе вращалась огромная масса придворных, сохранившая деление на 56 разрядов.

Авторитет дворянства в германском обществе оставался высоким и в связи с тем, что часть его сумела включиться в рыночные отношения, в формирующееся индустриальное общество. Многие дворяне не только сохранили, но и приумножили свое состояние, обратившись к предпринимательству и связанным с ним сферам деятельности. Расширился круг профессий, «достойных» лиц дворянского звания. Нередко обедневшие дворяне становились управляющими аграрных и промышленных предприятий, учеными, деятелями культуры, служащими. Более распространенными стали их браки с представителями буржуазных слоев. Дворянство сотрудничало с буржуазией в партиях и союзах.

Самая крупная группа дворянства была сосредоточена в Пруссии. В целом она насчитывала около 20 тыс. семей. В ней выделялись 60 самых богатых аристократов Пруссии, две трети которых имели состояние в 20 млн марок. На Пруссию приходилась основная доля крупных аграрных предприятий. В 1907 г. из имеющихся в империи 23,6 тыс. хозяйств этого типа, 19,1 тыс. находилась на ее территории. Но рыночные отношения вносили коррективы в распределение земельной собственности: в начале XX в. 42 % рыцарских поместий Пруссии перешли в руки буржуазии. Однако знать закрепила за собой ключевые позиции путем концентрации земельных площадей. Из 159 владельцев прусских латифундий площадью в 5 тыс. га и более 149 являлись представителями аристократии. Они и составили ядро «властвующей элиты», которая успешно отстаивала привилегии юнкеров.

Высшее дворянство, особенно прусское, по-прежнему доминировало в государственном аппарате, руководстве армии, дипломатическом корпусе, высших судебных инстанциях. В 1903 г. аристократическое происхождение имели 40 % глав различных правительственных отделов, в 1913 г. — 55 %. Накануне мировой войны все послы и государственные секретари имперского ведомства иностранных дел были аристократами по происхождению, посланники — на 84 %. Особенно прочными позиции дворянства оставалось в Пруссии. В 1914 г. 92 % глав администраций, 50 % их заместителей, 68 % глав полиции, 57 % ландратов являлись дворянами. По оценке Х. Велера, некоторые из чиновников знатного происхождения обладали широким кругозо-

ром, глубокими профессиональными знаниями, высокими личностными качествами, но многие из них отличались сословными предрассудками, догматизмом, отсутствием гражданского пафоса.

В большей степени процессы «обуржуазивания» в период империи затронули сферу юстиции, требующую специалистов с университетским образованием, и прусскую армию. В 1913 г. лишь треть офицеров в ней были аристократами. Их доля в войсках разного рода значительно отличалась. В кавалерии офицеров знатного происхождения было 80 %, в пехоте — 47 %, в саперных частях — всего 6 %. В составе гвардейских частей в 1908 г. лишь четыре офицера являлись выходцами из буржуазии.

Внутриполитическое развитие

Первым канцлером Германской империи был назначен Отто фон Бисмарк, который сохранил за собой пост министра-президента Пруссии, что впоследствии стало традицией. Канцлер умело влиял на Вильгельма I, который полагался на него в наиболее важных вопросах. Особенно прочным положение Бисмарка было в 70-е гг. благодаря его роли в объединении Германии, создании национального государства, результативной внешней политике. Он был осыпан милостями Вильгельма I: получил княжеский титул и земли в герцогстве Лауэнбург и значительно увеличил размеры своих земельных владений.

Партийная система Германии

В Германской империи продолжался процесс формирования многопартийной системы, начавшийся в 1860-е годы. Наследницей Немецкой прогрессистской партии, боровшейся против Бисмарка в период конституционного конфликта, явилась образованная в 1867 г. Национал-либеральная партия (НЛП). В 1870-е годы она была одной из самых влиятельных буржуазных партий, так как стояла во главе национального движения и оказывала поддержку Бисмарку в объединении Германии. В 1871–1879 гг. Бисмарк небезуспешно сотрудничал с ней. В начале 1870-х гг. партия имела самую многочисленную фракцию в рейхстаге — 119 из 397 депутатов. Ее сторонниками были некоторые круги крупной промышленной и торговой буржуазии, часть чиновничества, буржуазной интеллигенции.

Национал-либералы поддерживали курс канцлера на создание централизованного государства, но одновременно выступили за учет особенностей регионов. В 1870-е гг. НЛП добивалась развития парла-

ментаризма, контроля над правительством, но не использовала парламентского большинства для ограничения авторитарного курса Бисмарка. Социальной проблематике она не уделяла особого внимания. Вначале национал-либералы придерживались курса невмешательства государства в экономику, но крах грюндерства и экономическая депрессия 70-х гг. привели к снижению влияния НЛП и вызвали в ней борьбу между сторонниками и противниками политики протекционизма, которая закончилась победой идей национализма над либерализмом. В НЛП произошел сдвиг вправо. Для сохранения своего влияния она стала поддерживать политику колониальной экспансии, усиления армии, гонки военно-морских вооружений.

Левее национал-либералов находилась ***Прогрессивная партия***, социальная база которой состояла из представителей средних и мелкобуржуазных слоев. В период руководства партией О. Рихтером она критиковала чрезмерную централизацию общественной жизни, политику «опруссачивания», выступала за подотчетность правительства рейхстагу, позднее — против всевластия монополий. Новый лидер прогрессистов — Ф. Науманн — пытался внести коррективы в программу партии, призывал к союзу с социал-демократами. Но большинство заняло отрицательную позицию по отношению к рабочему классу и социалистам.

На правом фланге спектра политических сил Германии находились консервативные партии. ***Партия свободных консерваторов***, которая с 1871 г. стала называться в рейхстаге Немецкой имперской партией, не имела широкой социальной базы, была немногочисленной, но сплоченной и влиятельной. Свободные консерваторы представляли интересы крупных аграриев и владельцев предприятий тяжелой промышленности, в основном Вестфалии и Рурской области, и получили название «союза ржи и стали». Среди ее приверженцев были такие «капитаны индустрии» как Крупп и фон Штумм. К ней тяготела бюрократия высшего ранга. Партия безоговорочно поддерживала курс Бисмарка на консолидацию империи. Она отстаивала незыблемость монархической формы правления, юнкерских привилегий, приоритет протестантской церкви, доминирующей роли Пруссии в империи и отличалась ярым антидемократизмом. На рубеже 1870–1880-х гг. она выступила инициатором повышения таможенных тарифов. Канцлер всегда мог рассчитывать на свободных консерваторов в политике противодействия либерально-демократическим реформам.

В 1876 г. состоялось учреждение ***Немецкой консервативной партии — (НКП)***, представлявшей интересы юнкерства Восточной Пруссии, Бранденбурга, Померании, а также прусского офицерства

и чиновничества, евангелического духовенства, зажиточного крестьянства. Последовательные монархисты, немецкие консерваторы решительно противостояли всякой оппозиции, как со стороны рабочего класса и социал-демократии, так и либералов, католического клерикализма. Она опиралась на приверженных ей региональных чиновников, на небольшие группы профессиональных политиков, наладивших систематическую работу с населением. Немецкие консерваторы содействовали созданию в 1893 г. Союза сельских хозяев, который поставлял им новых членов и избирателей из числа мелкого и среднего крестьянства.

Руководство союза стремилось воспитать у сторонников партии чувство причастности к аристократии, общности с нею в защите неприкосновенных корпоративных прав земледельцев, приверженности монархии. Крупные аграрии формировали у крестьянства неприятие процесса модернизации, разрушающего якобы их традиционный уклад. В результате взаимодействия с Союзом сельских хозяев немецким консерваторам удалось создать партию нового типа — динамичную, опирающуюся на широкую массовую базу. Своему успеху НКП была также обязана использованию элементов народнической *(völkische)* идеологии «крови и почвы» и антисемитизма, к которому тогда прибегали все правые организации. Консерваторы доминировали в ландтаге Пруссии, до 1912 г. НКП вместе со свободными консерваторами имела влиятельное представительство в рейхстаге.

В декабре 1870 г. образовалась католическая ***Немецкая партия Центра (Центр)***, занявшая место справа от либералов. Свое название она получила от католической фракции, в 1850–1860-е гг. располагавшейся в центре прусской палаты депутатов. После образования в 1875 г. Социал-демократической рабочей партии она действительно оказалась в центре спектра политических сил. Партия Центра возникла в связи с опасениями католической церкви утратить свои традиционные привилегированные позиции в империи, в которой утвердилось «протестантское, северогерманское начало», а католическое население оказалось в меньшинстве. Она имела большое влияние в Южной и Западной Германии, среди католического населения Эльзаса и Лотарингии, польских земель. Конфессиональный принцип организации партии позволил ей не ориентироваться на отдельные социальные группы и способствовал притоку членов из всех слоев общества, которые стремились сообща отстаивать свои интересы в империи.

Партия Центра решительно выступала против чрезмерного контроля Бисмарка над общественной жизнью, за федерализм,

и привлекала к себе сторонников, подчеркивая необходимость защиты автономии католиков. В своих программных установках и реальной политике Центр был так же консервативен, как и консерваторы-протестанты. Но наличие среди его избирателей большого числа рядовых католиков побуждало его выдвигать социальные требования. Центр, в отличие от других буржуазных партий, был строго организован, опирался на разветвленную сеть католических союзов и объединений. Он проповедовал христианско-социальные идеи, воспитывал у своих приверженцев неприятие индустриализации, научно-технического прогресса, ратовал за сохранение особого, близкого к корпоративному образу жизни католиков. Особую неприязнь партия испытывала к идеям социализма, либерализма и к их носителям.

Пик влияния партии Центра пришелся на 1870-е гг. — период борьбы Бисмарка с католической церковью, когда она, подвергаясь гонениям, сумела создать себе образ «мученицы»; за нее в эти годы голосовало до 80 % избирателей-католиков. По мере смягчения конфликта между государством и католической церковью оппозиционность Центра уменьшалась. Это привело к оттоку от него тех избирателей, которых не устраивал ряд его установок, противоречащих духу времени. Так, в 1880 г. за Центр голосовало 23 % всех избирателей, в 1912 г. — 16 %.

Рабочее движение и политика Бисмарка

Формирование индустриального общества сопровождалось ростом численности и организованности рабочего класса, активизацией забастовочного движения. В рабочем движении Германии действовали две политические организации: Всеобщий германский рабочий союз (ВГРС) и Социал-демократическая рабочая партия (СДРП).

Членов ВГРС, созданного в 1863 г. ***Фердинандом Лассалем*** (1825–1864), называли «лассальянцами». Они считали крестьянство «сплошной реакционной массой» и рассчитывали, путем легальной агитации за введение всеобщего избирательного права за устройство производительных ассоциаций с помощью государства, постепенно превратить Пруссию в «свободное народное государство». ВГРС насчитывал в середине 1870-х гг. 15,3 тыс. членов.

Членов СДРП, основанной ***Августом Бебелем*** (1840–1913) и ***Вильгельмом Либкнехтом*** (1826–1900) в 1869 г. в г. Эйзенахе, называли «эйзенахцами». Они руководствовались в своей деятельности основными положениями марксизма о классовой борьбе. СДРП насчиты-

вала в середине 1870-х гг. 9,1 тыс. членов.

Эти организации соперничали друг с другом. На них ориентировались профсоюзы. Лассальянские профсоюзы имели преобладание среди высокооплачиваемых ремесленных рабочих Северной Германии. Профсоюзы эйзенахцев были влиятельны на промышленных предприятиях в районах Рейна, Рура, Саара и Саксонии.

А. Бебель

Лидеры СДРП А. Бебель и В. Либкнехт добивались преодоления раскола, объединения всех сил рабочего класса. В период предвыборной кампании в рейхстаг 1874 г., благодаря сотрудничеству многих местных организаций, произошло сближение партий. Вместе СДРП и ВГРС провели в рейхстаг 9 депутатов. Относительный успех рабочих партий на выборах побудил Бисмарка создать из социал-демократов, так же как и из партии Центра, образ «врага империи», «партии переворота», которая подрывает «национальное государство». Правительство развернуло наступление на ВГРС и СДРП, ограничивало возможности их агитационной и общественной работы. Их лидеры подвергались арестам и заключению. К кампании травли присоединились многие предприниматели. Они начали увольнять рабочих — членов СДРП. «Стальной магнат» ***Альфред Крупп*** (1812–1887) уволил со своих заводов всех рабочих-социалистов.

Но такой правительственный курс наоборот способствовал консолидации рабочих партий. В декабре 1874 г. они начали переговоры об объединении. В марте 1875 г. лидеры ВГРС и СДРП подготовили проект программы партии. Незадолго до объединительного съезда он был передан К. Марксу и Ф. Энгельсу. К. Маркс сделал принципиальные, с точки зрения марксизма, замечания в работе, известной как «Критика Готской программы». Однако организаторы съезда не ознакомили с ними делегатов, опасаясь, что дискуссия по их поводу сорвет процесс объединения. В результате программа Социал-демократической рабочей партии, принятая в мае 1875 г. на съезде в Готе, сохранила сильное влияние лассальянства.

В Готской программе содержались такие демократические требования, как введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права и даже прямого народного законодательства. Эта часть программы была нацелена на улучшение социального положения рабочих и усиление их политического влияния, но, с точки зрения марксизма, эти требования не выходили за рамки левого либерализма. Готская программа была во многих пунктах утопической, но на момент создания СДРП она в целом соответствовала уровню мировоззрения приверженцев обеих организаций. Между тем влияние партии быстро распространялось, особенно в промышленных районах. И вскоре ее практическая деятельность «переросла» рамки программы.

В 1875 г. было принято также решение об объединении профсоюзов литейщиков, машиностроителей, каменщиков, плотников. К 1878 г. в Германии действовало 27 отраслевых профсоюзов социал-демократической направленности, получивших позднее название «свободных» (от буржуазного и клерикального влияния). Они приобщали рабочих к участию в общественной жизни, служили связующим звеном с СДРП.

Преодоление раскола в рабочем движении произошло в период экономического кризиса и повысило способность рабочего класса к защите своих интересов. В правящих кругах в это время обсуждался вопрос о протекционистских тарифах на импортное зерно, скот, ряд промышленных товаров. Правительство учитывало, что их введение приведет к удорожанию стоимости жизни рабочих и вызовет стачечное движение. Чтобы предотвратить его подъем, по инициативе правительства рейхстаг принял в октябре 1878 г. «Закон против общественно опасных устремлений социал-демократии», получивший впоследствии название «исключительный». Он запрещал социал-демократам всякую политическую деятельность, кроме участия в избирательных кампаниях. Закон неоднократно продлевался и действовал до 1890 г.

После вступления в силу «исключительного закона о социалистах» СДРП оказалась на нелегальном положении, ее организации были распущены, почти все издания закрыты, проведение собраний, митингов запрещено. Из промышленных центров были высланы активные участники движения. Репрессивный закон вызвал вначале растерянность в партии. Группы анархистов призывали к вооруженному выступлению против правительства. Некоторые лидеры СДРП, например *Эдуард Бернштейн* (1850–1932), наоборот, призвали отка-

заться от революционных целей, от пролетарского характера партии, открыть в нее доступ представителям широких слоев населения. К. Маркс и Ф. Энгельс в так называемом «циркулярном письме» настоятельно рекомендовали руководству СДРП сохранить политическую самостоятельность.

Руководству партии во главе с А. Бебелем, В. Либкнехтом удалось организовать не только участие СДРП в избирательных кампаниях и в деятельности рейхстага, но и наладить внепарламентскую работу с использованием ее легальных и нелегальных форм. Постепенно были восстановлены местные организации СДРП, организована система нелегальной доставки в Германию газеты «Социал-демократ», издававшейся вначале в Цюрихе, а затем Лондоне. Позднее в Германии были созданы подпольные типографии. Партийные собрания проводились под видом заседаний профсоюзных, певческих, просветительских объединений, клубов курильщиков и пр. СДРП публично подчеркивала свою приверженность легальным методам работы. Она не только избежала разгрома, но значительно укрепила и расширила свои ряды, усилила влияние на трудящихся.

Бисмарк понимал, что с рабочим и социал-демократическим движением невозможно справиться одними репрессивными мерами, поэтому он стал сочетать их с социальными реформами для рабочего класса. Он изучил программу СДРП и заявил, что правительство способно самостоятельно решить «рабочий вопрос». В 1881 г. Вильгельм I подтвердил, что правительство намерено содействовать развитию и финансированию системы социального обеспечения рабочих. Эта реформа была призвана убедить их в том, что государство в состоянии создать «общество социальной справедливости». Сам Бисмарк соглашался, когда его социальную политику в пропагандистских целях называли «государственным социализмом». Она была направлена против распространения идей социализма в рабочем движении.

Социальная поддержка трудящихся не была новым явлением в Германии. В 1871 г. в Германии был принят закон, обязывающий владельцев железных дорог, горных предприятий выплачивать небольшие компенсации рабочим либо их семьям в случае травм, инвалидности и смерти. Однако социальное законодательство, принятое в 1880-е гг. по инициативе правительства Бисмарка, было более масштабным, учитывало разнообразные ситуации. Оно натолкнулось на сопротивление консервативных сил, и для его проведения понадобилось около десяти лет. Формирование системы социального обеспечения началось с закона о несчастном случае. После трехлет-

него обсуждения закон был принят в 1884 г. Он вводил обязательное страхование всех рабочих и ряда групп служащих с годовым доходом не более 2 тыс. марок и гарантировал им помощь при несчастном случае, произошедшем на работе. Закон предусматривал оплату лечения пострадавшего в течение 14 недель, пенсию в случае нетрудоспособности. Размер пенсии инвалида составлял две трети его заработка. В случае смерти работника его семье полагалась пенсия, не превышающая 60 % зарплаты погибшего. Но закон не включил в сферу своего действия работников сельского хозяйства.

Закон о медицинском страховании обсуждался всего два месяца и был принят в июне 1882 г. Его действие распространялось на рабочих и служащих большинства отраслей, чей дневной заработок не превышал 6,6 марок. Медицинское страхование вступало в силу только в случае профессиональной болезни или производственной травмы, которая не излечивались более 13 недель. Финансирование медицинского страхования на две трети осуществлялось за счет взносов трудящихся и на одну треть — предпринимателей. Страхование обеспечивало лечение, в том числе стационарное, бесплатное обеспечение лекарствами, выплату пособия с четвертого дня болезни в размере 50 % от заработка.

Законопроект о пенсионном обеспечении пожилых рабочих и опеке над инвалидами обсуждался в рейхстаге с 1881 г. по 1889 г. В силу закон вступил 1 января 1891 г., его основу составляло положение об обязательном страховании широкого круга рабочих и служащих с годовым доходом не более 2 тыс. марок. Позднее было внесено дополнение о страховании владельцев ремесленных и мелких предприятий, а также мастеров, работающих на дому. Лица, не подлежащие обязательному страхованию, могли оформить страховку добровольно, если они не достигли 40 лет. Этот вид страхования после пяти лет уплаты взносов давал право на получение пенсии по инвалидности и по старости. Пенсия по старости полагалась с 70 лет, если трудящийся регулярно платил не менее 30 лет. В создании страхового фонда участвовали в равных долях предприниматели, рабочие и государство.

Под давлением рабочего и профсоюзного движения эта система развивалась до Первой мировой войны. За 1885–1903 гг. в социальное законодательство было внесено 11 дополнений. В 1885 г. страхованием по болезни было охвачено 4,7 млн трудящихся, в 1913 г. — 14,6 млн. Число застрахованных от несчастного случая составляло в 1887 г. 269 тыс., в 1910 г. — 6,2 млн человек. Численность имеющих страховку по старости и инвалидности выросла с 1892 г. по 1915 г.

с 11,7 млн до 16,8 млн человек. Началось вовлечение в эту систему и семей застрахованных. Германское социальное законодательство было весьма прогрессивным для своего времени, и улучшило положение трудящихся. Были заложены основы «социального государства», получившего развитие в XX в. «Германская модель» социального страхования была заимствована рядом европейских стран, а Бисмарк получил характеристику «белого революционера».

Однако ожидания правительства, что социальные реформы приведут к снижению активности рабочего класса, не оправдались. Под воздействием агитации социал-демократов во второй половине 1880-х гг. не прекращались забастовки с требованиями повышения зарплаты и сокращения рабочего дня. Некоторые из них закончились частичной победой. За годы действия «исключительного закона» в шесть раз выросло число членов «свободных» профсоюзов, достигнув в 1890 г. 300 тыс. членов. На выборах в рейхстаг в 1890 г. за СДРП проголосовало около 1,4 млн избирателей, и она получила 35 депутатских мест. Радикализация СДРП проявилась в изъятии из Готской программы тезиса о том, что партия будет стремиться к выполнению своих целей исключительно «законными средствами». Итоги выборов и состояние рабочего и социал-демократического движения свидетельствовали о банкротстве «исключительного закона», который не был продлен рейхстагом в 1890 г.

На внутриполитическом развитии империи сказалось отсутствие у рейхстага права контролировать исполнительную власть. Бисмарк в период своего канцлерства умело использовал свои широкие полномочия и стремился ослабить рейхстаг, направляя против него общественное мнение, угрожая роспуском. Он искусно применял тактику маневра и уступок, вступал во временные соглашения с отдельными политическими партиями и парламентскими группами, раскалывал оппозицию, привлекая на свою сторону одну ее часть, изолируя другую. Так, осторожно, но действенно используя противоречия между либералами и партией Центра, он добился поддержки католиков при проведении защитительных тарифов. Канцлер небезуспешно лавировал между различными социальными силами, прежде всего между юнкерами и крупной буржуазией.

Политика «культуркампфа»

В 1870-е гг. Бисмарк сотрудничал в рейхстаге с национал-либералами. Опиралась на них и часть консерваторов, в декабре 1871 г. Бисмарк начал кампанию против католической церкви и пар-

тии Центра. В качестве повода было использовано заявление папского секретаря Д. Антонелли, выражающее солидарность Центру. Хотя партия не была послушным орудием Ватикана и не ставила под сомнение существующий порядок, официальная пропаганда стала создавать из нее «образ врага», который угрожает безопасности империи. Католическую церковь и Центр обвиняли в пособничестве Ватикану, в «возбуждении» польского освободительного движения, в тяготении к Австро-Венгрии. В туманных выражениях речь шла об их участии в международном заговоре католических стран, направленном против Германии с целью ее разрушения. Эта кампания обозначила переход к политике, направленной на подавление сепаратистских настроений среди католического населения, на утверждение прусской гегемонии в Германии, на скорейшую централизацию империи и подчинение католической церкви государству. Она получила название «культуркампфа» (борьба за культуру). Еще одной важной, но тщательно скрываемой, причиной «культуркампфа» явилось стремление переключить внимание общественности от проблем, связанных с грюндерством — коррупцией, взяточничеством, созданием фиктивных фирм и банков с целью наживы — на духовные проблемы.

В июне 1872 г. Бисмарк открыто «объявил войну» партии Центра и папской курии. Первым его мероприятием было упразднение отделения католиков в прусском министерстве культов, и запрет деятельности ордена иезуитов. Затем был отменен надзор всех конфессий над начальным образованием. Духовные лица и организации лишались права делать публичные заявления по проблемам политического развития страны. Новое законодательство не вызвало возражения ни у одной из парламентских партий. Кульминацией кампании «культуркампфа» явились законы, принятые прусским ландтагом в мае 1873 г. — так называемые «майские законы» против католицизма. Они устанавливали контроль государства над назначением священнослужителей на церковные должности. Претендующие на них духовные лица должны были представлять свидетельства об окончании гимназии, университета или сдаче экзаменов по философии, истории, германской литературе. Государство получило право налагать на священнослужителей дисциплинарные взыскания. Епископства, иерархи которых были уволены, переходили под управление государства. С 1874 г. вводился обязательный гражданский брак. Последним в этом ряду был «закон о корзине хлеба» 1875 г., который прекращал финансирование католической церкви в случае ее нелояльного отношения к государству.

Поводом для применения принятого законодательства явилось покушение на Бисмарка в 1874 г., совершенное подмастерьем католиком Кульманом. Канцлер использовал это событие для роспуска 300 католических объединений, в которых состояло 400 тыс. человек. В 1875 г. арестам, гонениям, смещению с постов подвергались епископы и множество рядовых духовных лиц, было закрыто 20 газет. В 1876 г. около 1300 католических приходов (из них треть в Пруссии) не имели священнослужителей. Несмотря на эти меры, Бисмарку не удалось добиться ослабления католической церкви. Католическое духовенство не подчинялось законам, несмотря на преследования. Политика «культуркампфа» во многих районах лишила верующих возможности совершать религиозные обряды, что потрясло приверженцев не только католицизма, но и других конфессий. Недовольство политикой Бисмарка широко распространилось в стране. Многие жители Германии считали, что эта политика подрывает основы религиозной жизни страны и процесс формирования национального государства. Гонения усилили солидарность католиков: на выборах в рейхстаг 1874 г. Центр завоевал вдвое больше голосов избирателей, чем в 1871 г., сумел получить поддержку датских, польских, эльзасских депутатов и увеличил свою фракцию до 95 человек. Результаты выборов показали, что партия не только не была вытеснена из политической жизни, но стала второй по значимости в рейхстаге, и превратилась в фактор, с которым канцлер должен был считаться.

Бисмарк вскоре осознал, что политика «культуркампфа» не дала ожидаемых результатов. Признаки смены курса проявились в выступлении канцлера в рейхстаге в апреле 1875 г. К удивлению слушателей, он высказал надежду, что настанет день, когда можно будет иметь дело с главой римско-католической церкви, готовым к взаимопониманию. Однако, лишь в 1878 г. новый глава Ватикана Лев XIII направил в Берлин послание с выражением надежды на восстановление дружественных отношений, но одновременно давал понять, что они установятся лишь в случае отмены «майских законов». Отказаться от политики «культуркампфа» Бисмарк мог лишь с согласия своих союзников — национал-либералов, имевших большинство в рейхстаге, которые, однако, были настроены на продолжение этого антиклерикального курса.

К этому времени Бисмарк уже тяготился партнерством с либералами, которые постоянно требовали постов в кабинете, противодействовали политике протекционизма, и начал поиски более приемлемых союзников. Весной 1879 г. началось сближение пра-

вительства с партией Центра. Бисмарку удалось привлечь ее к поддержке своей таможенной и налоговой политики. Одновременно происходило сближение партии Центра с консерваторами, при поддержке которых католик Франкенштейн был избран вице-президентом рейхстага.

В 1880–1883 гг. большинство законов «культуркампфа» было отменено. От этой эпохи сохранился лишь гражданский брак и надзор государства над школьным образованием. Политика «культуркампфа» ухудшила духовное состояние германского общества, взаимоотношения между двумя христианскими конфессиями и поколебала доверие католического населения к новому государству. Отход от политики «культуркампфа» был обусловлен как ее крахом, так и подъемом рабочего движения, в котором Бисмарк видел главную опасность для существующего строя.

В 1880-е гг. фракция Центра заняла ключевое место в парламенте и оказалась приемлемой как для правых, так и левых группировок в рейхстаге. Ее консервативное крыло предпринимало попытки обновить средневековый «союз алтаря и монархии» и нередко поддерживало политику Бисмарка. Группы, близкие к либералам, неоднократно пытались провалить или, по крайней мере, изменить содержание проектов правительства. Руководство партии противостояло давлению Бисмарка и, чтобы пресечь обвинения в связях с Ватиканом, добилось от папы признания независимости германских католиков от римско-католической церкви. Лавирование между правыми и левыми силами позволило Центру после выборов 1890 г. стать крупнейшей фракцией рейхстага.

Обеспокоенность Центра ростом влияния в Германии социал-демократии побудила его создать свои организации для работы с массами. В 1890 г. был учрежден «Народный католический союз Германии», в который за год вступило 100 тыс. человек; к 1914 г. в нем было уже 850 тыс. членов. Своей главной целью союз объявил противодействие СДРП и проведение политики «христианских социальных реформ». Он развернул кампанию по привлечению членов и избирателей к партии Центра, наладил просветительскую работу, издательскую деятельность. В Западной Германии Центру и церкви удалось создать христианское крыло в профсоюзном движении. Католические клерикалы способствовали выдвижению представителей трудящихся в ландтаги и рейхстаг, разрабатывали проекты социальных реформ. В 1902 г. по инициативе Центра был принят закон, предусматривавший передачу части прибыли от аграрных тарифов в страховые кассы

вдов и сирот. В 1890-е годы партия Центра, при помощи Союза сельских хозяев, создала объединения крестьян.

Национальный вопрос

Заметное место во внутренней политике правительства Бисмарка занимал национальный вопрос. Правительство не имело концепции решения проблем народностей, входивших в состав империи. Тема наций, как правило, возникала в зависимости от других важных внутри- и внешнеполитических проблем. Так, в период грюндерства в центре внимания общественности оказалось еврейское население, которое, наряду с католической церковью, социал-демократами и поляками, было причислено к «врагам империи». Многие из евреев, получивших по конституции гражданские права, успешно интегрировались в германское общество, утвердились в банковском деле, предпринимательстве, в сфере культуры и науки. Они получали доступ к университетскому образованию и таким «закрытым» ранее для них профессиям, как юристы и врачи, составляя все более серьезную конкуренцию коренным немцам.

Крах грюндерства в мае 1873 г. подвел черту под сравнительно коротким периодом, способствовавшим эмансипации евреев. В широких кругах населения возросли недовольство отсутствием «духа подъема» в экономике и даже агрессивность. Пострадавшие ставили вопрос о виновниках краха. Творцы грюндерства, опасаясь ответственности, стремились переложить ее на либералов, неспособных, якобы, защитить национальные интересы, и евреев. Они доказывали, что, используя совокупный финансовый капитал, евреи подготовили кризис 1873 г., подорвали позиции Германии; что произошла «иудаизация либерализма». Дело в том, что самыми авторитетными лидерами национал-либералов были некрещеные евреи *Эдуард Ласкер* (1829–1884) и *Людвиг Бамбергер* (1823–1899), а в 1873 г. огромный резонанс получило дело «короля железных дорог», еврея Бетеля Генри Штроусберга, выпустившего спекулятивные акции. Его банкротство обернулось разорением множества мелких держателей акций. И хотя именно национал-либералы, в частности Ласкер, выступили в прусском ландтаге с разоблачением махинаций периода грюндерства, часть людей была убеждена, что за спиной либералов действовал «международный еврейский заговор». В общественном мнении 1870-х гг. антисемитизм и антилиберализм оказались неразрывно связанными. Национал-либералы были сторонниками модернизации страны и поддерживали эмансипацию евреев. Поэтому консерваторы

превратили антисемитизм в средство наступления на своих противников — либералов, выступавших за обновление страны, против устаревших традиций. Консерваторы, используя антисемитизм и антилиберализм, мобилизовали в свою поддержку те социальные слои, которым угрожала индустриализация: крестьян, мелкую буржуазию города.

Антисемитскую кампанию в 1874 г. начали известные журналисты — ***Константин Франтц*** (1817-1891) и ***Вильгельм Марр*** (1818-1904). Они утверждали, что при доминирующих в рейхстаге национал-либералах «евреи стали центральным пунктом развития» страны. Франтц писал, что «на глазах у всех возникает германский рейх еврейской нации». Марр в своей книге «Победа еврейства над германством» нападал на евреев как на расу, которая «стала мировой силой первого ранга» и стремится к вселенскому господству. Прусский журналист Фердинанд Перро в 1875 г. в серии статей внушал читателям, что сограждане семитской расы перехватили духовное руководство в германском рейхстаге, а евреи Ласкер и Бамбергер дирижируют большинством депутатов. Публицист ***Отто Глагау*** (1834-1892) убеждал тех, кто понес ущерб от грюндерских махинаций, что евреи являются носителями «хищнического» капитала, который противостоит «производительному», «созидательному» капиталу немцев. Он возлагал на еврейство ответственность за тяжелое положение трудящихся. В антисемитскую кампанию с целью дискредитации либералов включились и лидеры Центра, идеолог партии ***Вильгельм Эммануил фон Кеттелер*** (1811-1877) характеризовал «культуркампф» как «масонско-еврейско-либеральный заговор». На германских обывателей обрушилась лавина изданий, в которых евреи сравнивались с вампирами, заразой. В них содержались призывы к их изгнанию, стерилизации и даже уничтожению.

В 1879 г. антисемитская кампания достигла кульминации. К ней присоединился известный историк ***Генрих фон Трейчке*** (1834-1896). Он выразил озабоченность тем, что антисемитизм приводит к расколу германского общества, но в то же время резко выступил против потока еврейских переселенцев из Восточной Европы. По его мнению, они представляют «банду целеустремленных молодцев, не имеющих приличных штанов... дети которых рано или поздно поставят под свой контроль германские биржи и прессу». В итоге, Трейчке, сделав традиционное для идеологов антисемитизма заключение «евреи — наше несчастье», предложил концепцию «интегрального национализма», который укрепит единое государство и одновременно

решит этнические проблемы. По его мнению, необходимо добиться «высокого уровня этнической и культурной однородности внутренней жизни» общества, которая будет содействовать росту мощи Германии во внешней политике. Для реализации этой стратегии евреи должны отказаться от своей культурной и религиозной идентичности и стать составной частью интегрированной германской нации. Взгляды Трейчке вызвали критику части германской интеллигенции. Профессор Берлинского университета *Теодор Моммзен* (1817–1903) назвал его позицию «евангелием нетерпимости».

В конце 1870-х гг. в Германии стали возникать антисемитские организации. Наиболее известной из них была ***Христианско-социальная рабочая партия — (ХСРП)***, организованная в 1879 г. духовником кайзера ***Адольфом Штеккером*** (1835–1909). Он назвал современное еврейство «огромной опасностью для всей немецкой народной жизни», так как оно было и остается «народом в народе, государством в государстве, племенем для себя среди чужой расы», притязающим на господство в Германии. В программе ХСРП содержалось требование контролировать рост состояния евреев, ввести квоту для евреев-юристов, уволить учителей-евреев из системы школьного образования. Она положила начало более массовому антисемитскому движению в стране. Интерес к ХСРП проявила часть мелкой и средней буржуазии, студенчество, напуганное притоком еврейской молодежи в университеты. Только в Берлине численность партии достигла в 1884 г. 56 тыс. человек. Поддержка двора способствовала сближению ХСРП с привилегированными слоями общества, в котором антисемитизм стал признаком респектабельности. В среде трудящихся вражда к еврейскому населению практически не проявилась. В начале XX в. ХСРП стала терять свое влияние, так как в империи появились другие националистические и шовинистические организации. Но Германия стала своего рода «образцом» проведения антисемитских кампаний для европейских стран.

На протяжении всех лет своего канцлерства Бисмарк проводил в Познани и других районах компактного проживания поляков последовательную антипольскую политику. Он относил поляков, наряду с социал-демократами и католиками, к силам, которые представляли угрозу созданной им империи. Для подавления оппозиции проводилась политика германизации в области культуры. В 1876 г. в Пруссии был принят закон, запрещающий использовать польский язык в делопроизводстве. В 1877 г. рейхстаг утвердил закон о проведении судебных процессов на немецком языке. Затем политика герма-

низации приняла более широкие масштабы. В 1898 г. власти империи запретили применение польского языка в школах, при проведении собраний, а в 1906 г. — даже в системе религиозного образования. Эта политика рассматривалась как «народническая борьба германцев против славян» и являлась, по сути, расистской.

Прусским правительством ставилась задача ассимиляции поляков и колонизации польских земель. Эта проблема возникла в связи с ростом потока переселенцев из аграрной Восточной Пруссии в район «индустриального сердца» Германии — Рурскую область, или в США. Многие переселенцы являлись немцами, а не поляками, поэтому в остэльбских областях и Познани снизилась доля германского населения. Прусское правительство забило тревогу по поводу «полонизации» востока страны и развернуло кампанию с требованием провести «германизацию» этих регионов. Прусский ландтаг под давлением юнкеров в апреле 1886 г. принял закон о создании фонда, контролируемого Колонизационной комиссией. Его средства предназначались для скупки земель у польской аристократии, чтобы лишить ее имений и влияния. Затем Бисмарк подхватил идею либералов о переселении в Восточную Пруссию германских крестьян. На переселенческую кампанию в 1886–1914 гг. Пруссия выделила около 1 млрд золотых марок. Результаты ее, вопреки ожиданиям, были сравнительно скромными. Созданному для этой цели в 1894 г. «Союзу Восточной марки» за 20 лет удалось переселить всего 22 тыс. «германских хозяев», что вместе с семьями составило около 120 тыс. человек.

Политика германизации проводилась и по отношению к датскому населению в Северном Шлезвиге, франкоязычному — в Эльзасе и Лотарингии, хотя в этих районах дискриминация не носила столь жесткого характера. В 1871–1873 гг. империю покинули около 60 тыс. жителей Эльзаса и Лотарингии, получивших право выбора подданства. Права остальных были ограничены по сравнению с коренными жителями Германии. Лишь в 1911 г. Эльзас и Лотарингия получили самоуправление, в бундесрате они располагали только совещательным голосом. Штатгальтер, управлявший ими, был подотчетен только кайзеру.

* * *

1878–1879 гг. явились гранью во внутриполитическом развитии «эры Бисмарка». Канцлер пошел на разрыв с сильнейшей до этого времени партией национал-либералов, опираясь на которых он создавал национальное государство и проводил политику «культуркампфа».

Противодействие НЛП протекционистскому курсу обусловило союз Бисмарка с партией Центра и консерваторами, которые сплотились перед угрозой «красной опасности».

Чтобы закрепить новую расстановку политических сил, Бисмарк распустил 11 июня 1878 г. рейхстаг, используя в качестве повода покушение одного психически больного на Вильгельма I. В предвыборной кампании консерваторы запугивали немецких обывателей революцией и кризисами. В итоге либеральные партии утратили 38 мест в парламенте, консерваторы на столько же увеличили свое представительство. Хотя либералы сохранили перевес над консерваторами — 125:105, принятие решений стало зависеть от партии Центра, которая получила 93 мандата.

Бисмарк использовал сдвиг вправо в расстановке сил рейхстага, оказывал давление на депутатов, добиваясь одобрения протекционистских тарифов, закона против социалистов, мер по укреплению армии. Он угрожал роспуском рейхстага, ревизией конституции, введением монархического либо военного правления. В октябре 1878 г. в рейхстаге 204 из 397 депутатов от консервативных партий и Центра, а также 27 членов правого крыла НЛП, образовали Народнохозяйственный союз с целью проведения высоких тарифов. Бисмарк, опираясь на поддержку этого союза, начал переговоры с бундесратом, доказывая, что высокие тарифы стабилизируют положение Германии. После принятия рейхстагом в июле 1879 г. первых протекционистских законов последовал не только окончательный разрыв Бисмарка с национал-либералами, но и распад их партии. Она раскололась в ходе дебатов о тарифах на сторонников протекционизма и фритреда. В 1880 г. из НЛП вышли представители левого крыла и образовали в 1884 г. вместе с прогрессистами ***Германскую партию свободомыслящих***. Правые же национал-либералы перешли на позиции безоговорочной поддержки правительства.

События 1878–1879 гг. создали условия для перехода правительства к консервативной политике, которая опиралась на социальный блок крупных промышленников и землевладельцев — «союз фабричных труб и петухов». Бисмарк, укрепив свои позиции, оказал содействие министру внутренних дел Пруссии ***Роберту фон Путткамеру*** (1828–1900) в проведении чистки прусского государственного аппарата от либерально мыслящих чиновников и назначении на все важные посты выходцев из знати, верноподданных монархистов. В итоге, с конца 70-х гг. в Германии резко сократились предпосылки для развития парламентарно-демократической системы.

Внешняя политика

Наиболее ярко незаурядные способности Отто фон Бисмарка проявились во внешней политике. Он успешно использовал свой дипломатический опыт, опирался на военные достижения, чтобы обеспечить Германии стабильное положение в Европе.

Выигранная Германией франко-прусская война лишь на время ослабила Францию. Париж с 1871 г. начал восстанавливать вооруженные силы, к 1873 г. справился с выплатой контрибуции. Бисмарка беспокоило широкое распространение во Франции реваншистских настроений, налаживание более тесных отношений между правительством Франции и Россией, объявление всеобщей воинской повинности. В то же время Франция старалась осложнить германо-российские отношения. Против России пытались настроить Бисмарка и австрийцы. Однако, Бисмарк хотел иметь хорошие отношения и с Австро-Венгрией, и с Россией. Он надеялся предотвратить союз Петербурга с Парижем путем вовлечения России в союз с Германией и Австро-Венгрией. Бисмарк, которого преследовал «кошмар коалиции» (выражение русского дипломата графа П. А. Шувалова), страшился России и возможной войны с ней. Германский канцлер учитывал, что Россия была склонна к сближению с Германией из-за возросшей активности Англии в Иране и Средней Азии. Во время встречи с министром иностранных дел России *Александром Михайловичем Горчаковым* (1798–1883) Бисмарк сказал, что « он смотрит на тесное согласие с Россией как на единственно разумную политику для Пруссии».

Наиболее выгодной и безопасной комбинацией для Бисмарка, который стремился объединить Европу против Франции, представлялся союз с Австрией и Россией. В октябре 1873 г. Германия присоединилась к *Шёнбруннскому договору*, подписанному в июне того же года императорами Австрии и России. Договор предполагал принятие совместных мер для поддержания европейского мира. Применение военной силы должно было обсуждаться на отдельных переговорах. Это соглашение получило название *Соглашение трех императоров* — германского, русского, австрийского. Оно носило расплывчатый характер, а союз был непрочным и противоречивым. Но канцлер полагал, что он сохранил мост, соединяющий Берлин и Санкт-Петербург, и перекинул мост в Вену.

Германия развернула шумную пропагандистскую кампанию против западного соседа. Используя начавшуюся во Франции реорганизацию армии, она обвинила ее в подготовке к реваншистской войне. В 1875 г. Бисмарк пытался устрашить Францию возможностью

военного конфликта. Дело дошло до «военной тревоги 1875 г.», которая обострила международную напряженность. Британия, Россия и Австро-Венгрия не хотели дальнейшего усиления Германии. Англия осталась приверженной принципу баланса сил в Европе. Королева ***Виктория*** (1819–1901) обратилась к Вильгельму с посланием, предупреждающем о тяжелых последствиях войны с Францией. А. М. Горчаков от имени ***Александра II*** (1818–1881) заявил о дипломатической поддержке Парижа. Германской дипломатии пришлось приложить усилия для урегулирования конфликта с Францией. Эти события стали шагом к постепенному охлаждению германо-российских отношений.

Бисмарк старался ослабить влияние России на Западе и направить ее активность на Ближний Восток, где в 1875–1877 гг. возник кризис в связи с подъемом национально-освободительного движения славян против турок. Попытки России оказать поддержку славянам по дипломатическим каналам не привели к решению вопроса из-за неуступчивости Турции на переговорах и жесткого противодействия Англии и Австро-Венгрии. Итогом стала русско-турецкая война 1877–1878 гг., в которой Россия одержала победу. В годы войны Бисмарк содействовал продвижению Дунайской империи на Балканы, а после войны поддержал Англию и Австро-Венгрию, выступивших в 1878 г. за созыв Берлинского конгресса с целью ревизии Сан-Стефанского мирного договора. На этом конгрессе Россия осталась в изоляции и была вынуждена отказаться от ряда завоеванных территорий, создания крупного болгарского государства, признать сокращение территории Сербии, Черногории и Румынии.

После Берлинского конгресса произошли изменения в расстановке сил. Прежде всего началось охлаждение германо-российских отношений, на которые повлияли усилившиеся экономические противоречия: Германия запретила импорт говядины из России из-за вспышки чумы в ее южных областях, — и началось сближение Германской империи с Австро-Венгрией. Несмотря на попытки Вильгельма I и Александра II в сентябре 1879 г. прийти к соглашению, Бисмарк добился заключения секретного германо-австрийского ***союзного и оборонительного договора***, который был подписан ***7 октября 1879 г.*** Он имел антироссийскую направленность. В первой же статье договора говорилось о том, что в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению России, обе стороны обязуются выступить на помощь друг другу «со всею совокупностью военных сил своих империй и соответственно с этим не заключать мира иначе, как

только сообща и по обоюдному согласию». Вторая статья предусматривала, что если Австро-Венгрия или Германия подвергнется нападению какой-либо другой державы (но не России), другая участница договора обязуется соблюдать благожелательный нейтралитет; если же нападающему государству будет оказана поддержка Россией, то в силу вступит условие, оговоренное в первой статье. Этот документ создал один из самых прочных союзов, заключенных Бисмарком, и явился первым среди договоров, приведших к созданию двух противостоящих коалиций.

В *1881 г.* был создан второй ***Союз трех императоров*** (Германии, Австро-Венгрии и России). Бисмарк сводил цель Союза к формуле: «Попытаться держаться втроем, пока сомнительным равновесием распоряжаются пять великих держав. Вот настоящая гарантия против коалиции». Каждая из трех сторон обязывалась соблюдать нейтралитет в том случае, если одна из участниц договора окажется в состоянии войны. Так, Россия должна была соблюдать нейтралитет в случае франко-германской войны, а Германия и Австрия гарантировали ей нейтралитет в случае войны с Англией. Германия была гарантирована, таким образом, от опасности войны на два фронта.

После длительных переговоров Германия, Австро-Венгрия и Италия подписали в *мае 1882 г.* союзный договор сроком на пять лет, известный как ***Тройственный союз***. Договаривающиеся стороны взяли обязательства не принимать участия в коалициях, направленных против одной из сторон союза. Они гарантировали друг другу, что, в случае одновременного участия в войне, не заключат сепаратного мира. В соответствии с договором, Германия и Австро-Венгрия взяли обязательство оказать всеми своими силами помощь Италии в случае «не спровоцированного нападения» на нее со стороны Франции, а Италия обязывалась поступить таким же образом при нападении Франции на Германию. При нападении на одного из участников блока какой-либо великой державы (кроме Франции) два других участника договора гарантировали благожелательный нейтралитет. Тройственный союз, который Бисмарк назвал Лигой мира, был направлен, прежде всего, против Франции и закрепил положение Германии как великой державы.

Бисмарк всегда демонстрировал, что он является противником колониальной политики. Канцлер был убежден, что Германская империя не может начать завоевание колоний, так как ее положение в центре Европы уязвимо и чревато угрозой войны на два фронта. Он опасался, что территориальные претензии Германской империи не-

избежно вызовут сопротивление Англии и Франции, а она не имеет достаточно сил, чтобы преодолеть его. До 1880-х гг. к колониальным захватам индифферентно относилась и германская буржуазия, занятая проблемами приспособления к процессам модернизации.

Упрочение положения империи в 80-х гг. XIX в. и обострение противоречий между европейскими странами создало более благоприятную ситуацию для колониальной политики Германии. На правительство усилили нажим участвующие в заморской торговле торгово-промышленная буржуазия и судовладельцы, которые требовали приобретения колоний. В ***1882 г.*** был создан ***Германский колониальный союз***, а в ***1884 г.*** учреждено ***Общество германской колонизации***, которое поставило перед собой задачу аккумулировать колониальный капитал, находить подходящие районы для колонизации и управлять потоком германских переселенцев. Одним из его основателей являлся *Карл Петерс* (1856–1918), авантюрист, исследователь Африки, знаток колониальной политики европейских стран. Весной 1884 г. он обратился к германской общественности с манифестом, в котором указывал на то, что германская империя является ведущей державой Европы, но немецкие переселенцы везде служат конкурентам империи, усиливая их мощь. Он призывал немцев действовать быстро и мощно, чтобы «исправить упущения столетий» и нагнать европейцев в создание колониальных владений.

Общество германской колонизации активно поддержали правые либералы и свободные консерваторы, убеждая, что колонии помогут в сбыте германской продукции, в решении социального вопроса, консолидируют общество на основе поддержки политики колониализма. Лидер национал-либералов *Иоганнес Микель* (1829–1901) заявил на конгрессе этого общества, что в борьбе за колонии «утихают грызня конфессий, политические, религиозные и социальные противоречия». Прогрессивные силы, осуждающие колониальные захваты, подвергались травле и, по сложившейся традиции, приравнивались к «врагам Германской империи». В 1884 г. было образовано министерство колоний.

В 1880-е гг. наметились сдвиги в позиции Бисмарка по колониальному вопросу, которые отчасти были обусловлены внутриполитическими мотивами. Канцлер решил реализовать некоторые колониальные требования правых сил, надеясь укрепить свои личные позиции за счет их поддержки. Основы германских колониальных владений были заложены путем получения охранных грамот от местных властей подданными Германии. В 1884 г. Бисмарк провозгласил

протекторат империи над прибрежной территорией в Юго-Западной Африке в районе бухты Ангра-Пекена, приобретенной бременским купцом А. Людерицем. Она стала первым колониальным владением Германии. Летом 1884 г. германский флаг был поднят над территориями Камеруна и Того.

В 1885 г. Германия установила протекторат над Восточной Африкой, где большая часть территории в 60 тыс. кв. м была приобретена Обществом германской колонизации, а затем над северной частью Новой Гвинеи. Территория в Новой Гвинее получила название «Земля кайзера Вильгельма», а прилегающая к ней группа островов — «Архипелаг Бисмарка». В стратегическом плане они не имели особого значения, но их захват символизировал приобщение Германии к числу колониальных держав. После этого ее колониальная экспансия была свернута из-за сопротивления ведущих европейских держав, тем более что осуществлялась она преимущественно по частной инициативе. Когда немецкий ученый-путешественник Людвиг Вольф попросил канцлера помочь в поисках пропавшего исследователя и, в случае необходимости, применить силу, Бисмарк отверг эту просьбу. Он сказал: «Ваша карта Африки очень хороша, но моя карта Африки находится в Европе. Здесь расположена Россия, и здесь... расположена Франция, а мы находимся в середине; такова *моя* карта Африки». Тем не менее в дальнейшем происходила консолидация сил, заинтересованных в расширении колониальной империи Германии. В 1887 г. ими была создана головная организация — ***Германское колониальное общество***.

В 1887 г. в очередной раз осложнились отношения Германии с Францией. Новую «военную тревогу» вызвало назначение на пост военного министра Франции генерала Ж. Э. Буланже, лидера реваншистов, приступившего к перевооружению армии. Бисмарк в ответ провел законопроект об увеличении германской армии до 486 тыс. человек. В 1885–1886 гг. обострились до предела и австро-русские отношения из-за попыток австрийцев посадить на болгарский престол своего ставленника. Болгарский вопрос привел к окончательному распаду Союза трех императоров, созданному в 1881 г. Поскольку в эти годы обострялось и англо-германское соперничество, Бисмарк вновь пошел на сближение с Россией. В ***июне 1887 г.*** был подписан тайный русско-германский ***«Перестраховочный договор»*** на три года. Россия и Германия объявляли «благожелательный нейтралитет» в случае войны с третьей державой, кроме случаев нападения Германии на Францию или России на Австро-Венгрию. Германия признавала интересы России на Балканах, особенно законность ее решающего

влияния в Болгарии и восточной части европейской Турции. Обе стороны признавали принцип закрытия проливов Босфор и Дарданеллы для всех военных судов. Но Бисмарку не удалось добиться от России обязательства о сохранении нейтралитета в возможной войне Германии с Францией.

Нарастание англо-французских противоречий в сфере колониальной политики и англо-русских на Ближнем Востоке способствовало сближению Великобритании с Тройственным союзом. В 1887 г. была реализована идея Бисмарка о Средиземноморском союзе в составе Англии, Австро-Венгрии и Италии, который был нацелен на сохранение статус-кво в Средиземном и Черном морях. Он, как и другие договоры, имел антифранцузскую и антирусскую направленность. Отношения с Россией ухудшились до такой степени, что руководство Генштаба Германии разрабатывало планы превентивной войны против нее. Но Бисмарк, несмотря на давление, которое на него оказывало военное окружение, избегал войны с русскими.

Внешняя политика Бисмарка отличалась целеустремленностью и умением виртуозно играть на противоречиях великих держав. В итоге многолетних усилий первый канцлер сумел организовать «германский мир» — сложную систему блоков и союзов, которая, по его замыслу, должна была гарантировать безопасность и гегемонию Германии в Европе, а также равновесие сил и мир на континенте. В его политике еще сохранялись тенденции прорусской направленности: он учитывал, что Германия может не выдержать войны на два фронта, и для обеспечения безопасности страны ей необходим мир с восточным соседом.

2. Кайзеровская империя Вильгельма II в 1890–1914 гг.

Парламентский конфликт 1890 г. и отставка Бисмарка

В марте 1888 г. умер Вильгельм I. На престол вступил его сын, ***Фридрих III*** (1831–1888). Он был не чужд либеральных идей, обещал развитие парламентаризма, но был болен раком горла, и правил всего 99 дней.

В июне 1888 г. престол занял его сын ***Вильгельм II*** (1859–1941). Он был болезненным ребенком, с детских лет отличался повышенной

1888 г. в связи с критикой Вильгельма II германской политики в отношении России. До открытого конфликта дело дошло при обсуждении социальной политики правительства. Вильгельм II в начале правления исходил из идеи патерналистского характера монархической власти и не хотел начинать с применения насильственных мер. Он стремился укрепить свой авторитет путем реформ в области трудовых отношений. Бисмарк выступал против вмешательства государства в производственные отношения, утверждая, что уступки лишь увеличат претензии рабочих. Он ратовал за бессрочное продление «исключительного закона». Рейхстаг же отказался продлевать его, предпочитая политику социального примирения. Фридрих I, великий герцог Бадена, писал в эти дни: «Рейхсканцлер втягивает нас в конфликт, для которого у него самого нет сил, соответствующих его прежнему авторитету».

В избранном в феврале 1890 г. рейхстаге «картельные партии» утратили большинство. Заметно увеличилось число голосов, отданных за социал-демократов — (19,7 %) и партию свободомыслящих. С рейхстагом такого состава Бисмарк не желал сотрудничать. Попытки привлечь к поддержке правительства сильнейшую фракцию — партию Центра, не увенчались успехом. Тогда Бисмарк решается на государственный переворот, о котором заявляет 2 марта 1890 г. на заседании прусского правительства. Его сценарий включал сложение с себя полномочий императора прусским королем Вильгельмом II и разрыв союза, заключенного германскими государствами в 1871 г. Затем предполагалось восстановить империю на основе новой, более консервативной конституции. Вильгельм II, опасаясь непредсказуемых последствий, отказался участвовать в нем.

Правление Бисмарка завершилось тем же, с чего началось — острейшим конфликтом с парламентом. В возникшей в 1890 г. альтернативе: сотрудничать ли правительству, согласно конституции, с парламентом, либо пойти по пути отмены конституции — канцлер без размышления выбрал второй путь. Его отношения с Вильгельмом II обострились еще больше, когда император потребовал отменить реанимированный Бисмарком указ 1852 г., предписывавший министрам обращаться с предложениями к монарху лишь с санкции канцлера. Бисмарк настаивал на своем распоряжении. Кульминацией конфликта стала попытка Бисмарка продлить «Перестраховочный договор» с Россией. Но его противники убедили кайзера, что договор противоречит интересам Германии. Показал свою неэффективность и исключительный закон против социалистов. За 12 лет его действия социал-демократия, наоборот, укрепила свои позиции. Все эти про-

тиворечия и разногласия привели в марте 1890 г. к отставке «железного канцлера».

При всей неоднозначности оценок личности Бисмарка современниками и историками бесспорно что он был одним из самых ярких политиков в новой истории Германии. Бисмарк являлся «творцом германского единства», содействовал становлению национального государства. Его внешняя политика способствовала превращению Германии в великую державу, обеспечила ей безопасность в Европе. В то же время канцлер не мыслил категориями индустриального общества, не признавал связи между внешней и экономической политикой, считал важным государственным приоритетом защиту интересов юнкеров и представителей тяжелой промышленности, противился признанию значения рабочего класса в обществе. Бисмарк слабо представлял тенденции развития грядущей эпохи, отмеченной становлением империализма.

Период 1890–1918 гг. в германской истории называют вильгельмовской эпохой. Но Вильгельму II не удалось, подобно Бисмарку, балансировать между разнородными политическими и социальными силами, и так же влиять на ход событий. Молодой кайзер стремился персонально определять внутри- и внешнеполитический курс Германии. При этом он часто менял решения, бесцеремонно вмешивался в сферы компетенций министров, был подвержен влиянию придворных, среди которых доминировали военные и приверженцы прусских традиций. Но кайзер был способен добиваться своих целей. Отстаивая интересы прусского юнкерства, Вильгельм II способствовал также развитию современной промышленности, науки, внедрению новых технологий, понимая их значение в государстве и для решения внешнеполитических задач. Он утверждал приоритет власти монарха над рейхстагом, причем эта установка находила поддержку юнкерства и не вызывала противодействия буржуазии.

Экономическое развитие

К середине 1890-х гг. в Германии в основном завершилась промышленная революция, и начался переход к ее «второй волне», основанной на новейших научно-технических достижениях, новых энергоносителях, серийном производстве и специализации. Период благоприятной конъюнктуры, несмотря на мировой кризис 1901–1903 гг. и кризис 1907–1908 гг., продолжался до 1913 г. В сознании германского общества он остался как «золотые годы процветания». За 1895–1913 гг. объем промышленного производства в стране уве-

личился в два раза, валового национального продукта — на 50 %. В 1885 г. число занятых в промышленности и аграрном секторе сравнялось. Доля Германии в мировом промышленном производстве выросла с 13 % в 1870 г. до 16 % в 1914 г. В канун Первой мировой войны она обогнала Великобританию и вышла на второе место в мире по уровню промышленного производства после Соединенных Штатов Америки.

За четверть века в промышленности Германии произошла структурная перестройка. В 1890-е гг. ведущие позиции в ней заняли новые отрасли — электротехническая, химическая, машиностроение, точная механика и оптика. Опираясь на них, в погоне за прибылью германские производители устремилась на международные рынки. К 1913 г. по объему внешней торговли Германия занимала второе место в мире, лишь не намного отставая от Великобритании, а по производству искусственных материалов и фармацевтических товаров добилась монопольного положения на мировых рынках. Современники отмечали, что «по виртуозности технического производства и агрессивности предпринимательского духа» никто не мог соперничать с Германией. В 1887 г. англичане потребовали, чтобы на немецких товарах, реализуемых на международных рынках, для предупреждения потребителей об их низком качестве стояла марка «Сделано в Германии» *(Made in Germany)*. Однако вскоре она стала знаком высококачественной продукции.

Немецкие производители освоили модели качественно новых связей науки, техники и промышленности, заложив традицию развития наукоемких производств. На ведущих химических предприятиях — БАСФ в Людвигсхафене, фабриках Хёхста во Франкфурте-на-Майне и заводах Байера в Леверкузене к 1914 г. были заняты сотни дипломированных химиков. Германские предприниматели создавали научно-исследовательские лаборатории и конструкторские отделы, сотрудники которых своими открытиями и изобретениями обеспечивали им приоритеты в соперничестве с конкурентами. Технические инновации сыграли значительную роль в развитии электротехнической промышленности. Особое место заняло производство моторов, которые широко использовались не только в индустриальном секторе, но и в ремесленном, аграрном производстве, являясь дешевым и эффективным источником энергии. Спрос на электротехнические изделия форсировал строительство электростанций. Стимулирующее воздействие на экономику Германии оказало выполнение шести программ строительства военно-морского флота.

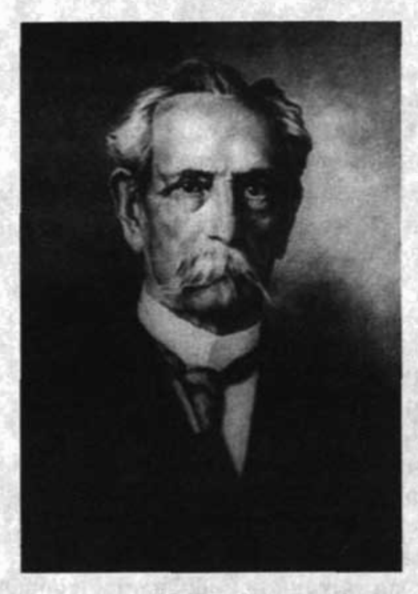
раздражительностью и импульсивностью, его левая рука почти не действовала. По желанию родителей кронпринц обучался в обычной гимназии в Касселе, затем в Боннском университете. Мировоззрение престолонаследника складывалось под влиянием феодально-аристократических взглядов прусского офицерства. Вильгельм II получил военное образование в Потсдаме и, благодаря упорству и мужеству, сделался блестящим кавалеристом. Его отличала живость ума, любознательность, но, вместе с тем, чрезмерная самоуверенность, апломб, непредсказуемость. Кайзера выводило из себя любое противодействие. На одном из приемов Вильгельм II заявил: «В стране есть лишь один господин — это я, и другого я не потерплю». Молодой кайзер был твердо настроен на изменение баланса сил между монархией и имперским канцлером в свою пользу, что выразилось в его стремлении к «личному правлению». Эта установка кайзера не могла не привести к осложнению отношений с Бисмарком, обладавшим при Вильгельме I почти неограниченной властью.

В 1889–1890 гг. у канцлера был ряд неудач как во внутренней, так и во внешней политике. Его позиции были ослаблены распадом поддерживавшего его «картеля» из национал-либералов и консерваторов, которые временно объединились для борьбы за усиление армии и колониальную экспансию. Потерпела фиаско его политика в отношении рабочего класса, представлявшая комбинацию репрессивных мер и социальных реформ. Бисмарку не удалось ни ограничить влияние социал-демократии, ни добиться от трудящихся лояльного отношения к государству и монархии. Последний год его канцлерства ознаменовался волной забастовочного движения рабочих. В 1889 — начале 1890 г. состоялось более 1,2 тыс. забастовок. Применение военной силы по приказу министра внутренних дел Пруссии Р. фон Путткамера привело во многих местах к кровопролитию.

Вильгельм II

Первые трения между кайзером и канцлером возникли в

К. Ф. Бенц

Крупнейшей отраслью германской экономики, еще со времен первой фазы индустриализации, стало машиностроение. В 1913 г. в нем было занято 17 % всех работающих в промышленности. Германия несколько отставала в области автомобилестроения, которое еще не вышло на передовые рубежи в мире. Перед мировой войной в стране было около 100 тыс. легковых автомобилей. Однако именно в Германии в 1885 г. ***Карл Фридрих Бенц*** (1844–1929) создал первый в мире автомобиль, работающий на бензине. В 1899 г. на международных гонках в Ницце машина, изготовленная на заводах ***Готлиба Даймлера*** (1834–1900), заняла первое место. Она была названа «Мерседесом».

Традиционные отрасли — горная и металлургическая, хотя уже не определяли динамику экономического роста, но еще выполняли функции «несущих конструкций» германской экономики. Высокая экономическая конъюнктура способствовала росту их производства. Ежегодный прирост продукции горнодобывающей промышленности в предвоенный период составил 4,7 %. В Рурской области добыча угля за 1895–1913 гг. выросла почти в 3 раза. На рубеже веков Германия производила угля и стали больше, чем Британия, а к 1914 г. перегнала ее и по экспорту продукции этих отраслей. Высоким темпам индустриализации в период «кайзеровской» Германии способствовало наличие квалифицированной рабочей силы. Так, в машиностроении и электротехнике уже в 1895 г. 47 % рабочих-мужчин и 13 % женщин являлись квалифицированными, в металлургии и металлообработке — 70 % мужчин и 25 % женщин.

В германской экономике протекал процесс концентрации производства и капитала, по темпам которого Германия превосходила другие европейские страны. Образование монополий способствовало более глубокой модернизации, специализации, повышению эффективности производства и роста производительности труда.

Наиболее распространенной формой монополии в Германии явился картель — объединение, регулирующее объемы производства, условия сбыта продукции и найма рабочей силы. Одним из крупнейших объединений стал образованный в 1893 г. Рейнско-Вестфальский угольный синдикат во главе с ***Эмилем Кирдорфом*** (1847–1938). Он контролировал 95–98 % добычи угля в этом регионе и половину в других областях Германии. В электротехнической промышленности две крупнейшие фирмы — «Сименс-Гальске» и Всеобщее электрическое общество (АЭГ) производили три четверти продукции отрасли. Ведущие позиции в области точной механики и оптики заняла фирма «Карл Цейс». В химической промышленности доминировали «ИГ Фарбениндустри», БАСФ, поставлявшие две трети мирового производства анилиновых красителей. Все сталелитейные заводы в 1904 г. объединились в Стальной трест. В 1896 г. в промышленности Германии действовало 260 картелей, в 1911 г. — около 600. С 90-х гг. облик промышленности стали определять предприятия-гиганты с многочисленным персоналом. В 1913 г. на заводах Круппа работали 73 тыс. человек, Тиссена — 30 тыс., Маннесмана — 15 тыс.

В конце XIX в. в Германии большое распространение получили акционерные общества. В 1907 г. из 100 крупнейших промышленных предприятий империи 77 были организованы на акционерных началах. Причиной создания таких обществ являлась потребность в крупных капиталовложениях для развития и расширения новых производств. Беспрецедентные масштабы в Германии приобрело слияние промышленного и банковского капитала. Ведущие позиции в финансовой сфере заняли такие банки-гиганты, как «Дойче банк», «Учетное общество», «Дрезднер банк», «Дармштадский банк», «Берлинское торговое общество». Они расширяли свое влияние через членство в советах по управлению крупнейшими предприятиями. Так, у «Дойче банк» сложились устойчивые связи с предприятиями электротехнической промышленности, прежде всего с АЭГ. Директор «Дойче банка» ***Георг фон Сименс*** (1839–1901) был одновременно председателем наблюдательного совета компании. В 1914 г. этот банк был представлен в руководстве 186 самых успешных предприятий страны.

В Германии сложился слой финансовой олигархии, состоящий из 300 владельцев промышленных концернов и банков. Наиболее влиятельными среди них являлись А. Крупп, Э. Кирдорф, ***Карл Фердинанд фон Штумм*** (1836–1901), ***Гуго Стиннес*** (1870–1924), братья ***Рейнхард*** (1856–1922) и ***Макс*** (1857–1915) ***Маннесман*** и др. Они не только сосредоточили в своих руках финансы, трудовые ресурсы

и рычаги распределения рынков, не только символизировали преуспевание германской индустрии, но и стали оказывать определяющее влияние на общественно-политическое развитие империи.

Процесс индустриализации оказывал разрушительное воздействие на мелкий бизнес. В 1881–1907 гг. доля работников мелких и мельчайших предприятий сократилась в два раза. В то же время мелкое производство демонстрировало высокую выживаемость и приспособляемость к потребностям рынка. Главным мотивом этого являлась угроза пролетаризации и потеря самостоятельного статуса.

В «кайзеровской» Германии сельское хозяйство утратило ведущее положение в экономике, но осталось ее крупным сектором. Развитие капитализма в сельском хозяйстве по-прежнему происходило «прусским путем», но помещичье и крестьянское хозяйство более динамичными темпами перерастало в товарное. В условиях индустриализации мелкие хозяйства были неконкурентоспособны, поэтому многие крестьяне вступали в кооперативы, присоединялись к акционерным обществам, фирмам. Обострившаяся конкуренция побуждала германских землевладельцев искать пути повышения продуктивности хозяйства, в частности через механизацию. За двадцать предвоенных лет применение удобрений, сеялок, молотилок и т. д. способствовало повышению урожайности в два раза. Механизация и рационализация сельского хозяйства привели к сокращению времени обработки урожая и объема зимних работ. Юнкеры предпочитали заключать краткосрочные договоры, вследствие этого выросло число сезонных рабочих. Отсутствие постоянной работы и привлечение восточно-прусскими юнкерами дешевого труда польских эмигрантов обусловило рост безработицы среди местного населения.

Период «кайзеровской» Германии был отмечен «демографическим взрывом». Численность населения империи увеличилась с 52 млн в 1895 г. до 66,9 млн в 1913 г. По этому показателю Германия заняла второе место в Европе — после России. В период высокой конъюнктуры эмиграция за океан резко сократилась. Если за 1881–1882 гг. страну покинули 400 тыс. человек, то в 1912 г. — всего 18,5 тыс. Но миграционные процессы не прекратились, а приняли другое направление. В конце XIX в. началось массовое переселение жителей из аграрных районов Восточной Германии в индустриально развитые западные регионы: в Вестфалию, Рурскую и Рейнскую области, Лотарингию. Половина переселенцев была польского происхождения. В 1910 г. в городах проживало 60 % населения. В 1890-е гг. Германия открыла двери иммигрантам, так как некоторые отрасли испытывали недоста-

ток рабочих рук. Если в 1871 г. в империи было 207 тыс. иностранцев, то в 1910 г. — 1,2 млн, причем две трети их были выходцами из России и Австро-Венгрии.

Рабочее и социал-демократическое движение

В условиях индустриализации динамично увеличивалась численность рабочего класса. В 1895 г. во всех секторах экономики было занято 12,8 млн, а 1907 г. — 17,8 млн рабочих. Особенно быстро росла численность рабочих в промышленности и ремесле: в 1895 г. она составила почти 6 млн, в 1907 г. — 8,6 млн. Концентрация рабочих на крупных предприятиях способствовала осознанию ими общественной значимости их труда. В отдельных его группах, особенно находящихся под влиянием социал-демократов, происходило формирование классового самосознания, готовности к более радикальным методам защиты интересов. Единству действий препятствовало наличие в профсоюзном движении нескольких течений. Влиятельными были христианские профсоюзы (340 тыс.), направлявшиеся католической церковью и партией Центра. В рабочей среде действовали также буржуазно-либеральные профсоюзы (120 тыс.), созданные еще в 1860-е гг. ***Максом Гиршем*** (1832–1905) и ***Францем Густавом Дункером*** (1822–1888), — они назывались гирш-дункеров-скими. Забастовки 1889–1890 гг. способствовали росту влияния Свободных немецких профсоюзов, сотрудничающих с СДПГ.

Преследования в годы «исключительного закона» обусловили, с одной стороны, радикализацию теории Социал-демократической партии Германии и распространение в ней марксизма. С другой стороны, закон против социалистов, который запретил партию, но допускал ее участие в парламентской деятельности, способствовал выработке реформаторской практики. В ***1891 г.*** на съезде в Эрфурте была принята новая партийная программа (***«Эрфуртская программа»***). В подготовке ее теоретической части принимали участие ***Фридрих Энгельс*** (1820–1895), ***Карл Каутский*** (1854–1938) и Эдуард Бернштейн. Из нее были удалены все лассальянские положения. Конечной задачей в ней ставилось создание социалистического общества путем превращения частной собственности на средства производства в общественную собственность. Программа содержала установку на завоевание политической власти пролетариатом. Но ее создатели не включили требование установления диктатуры пролетариата, как и демократической республики, аргументируя это опасением вызвать преследования. Вторая часть Эрфуртской программы содержала

требование всеобщего избирательного права, пропорциональной системы выборов, введения прогрессивного налога, права на забастовку, свободы слова, собраний, печати, равноправия женщин и др. В программе отсутствовали положения относительно путей построения социалистического общества. Она допускала борьбу за демократические свободы, путь социальных реформ и революцию. В результате, одни группы социал-демократов привлекал революционный пафос партии, другие — ее прагматические установки. На Эрфуртском съезде германская социал-демократия приняла не только новую программу, но и новое название — «Социал-демократическая партия Германии» (СДПГ).

В 90-е гг. XIX в. формируется массовое социал-демократическое движение. Еще в 1880-е гг. СДПГ превратилась в крупнейшую партию Германии. В 1906 г. она насчитывала 400 тыс. членов, в 1914 г. — 1,1 млн, а свободные профсоюзы — 2,6 млн. В начале XX в. социал-демократы имели 65 типографий, которые выпускали 91 партийное издание. Партией были созданы массовые организации: Рабочий спортивный союз, молодежные и женские группы. В ее кооперативные организации в 1909 г. входило 1,4 млн человек. На выборах в рейхстаг СДПГ получила в 1898 г. — 2,1 млн голосов (27,2 %), в 1903 г. — 3 млн (31,7 %); в 1907 г. — 3,3 млн (28,9 %); в 1912 г. — 4,25 млн (34,8 %). Рабочее и социал-демократическое движение стало важным фактором политического развития Германской империи.

Центрами влияния СДПГ были индустриальные регионы и крупные города с преобладанием пролетарского населения. За партию голосовало, как правило, большинство рабочих-протестантов старше 25 лет (по официальной статистике 5,5 млн), так как рабочие-католики в основном ориентировались на партию Центра. Социал-демократов поддерживала также часть избирателей из среды интеллигенции, служащих и чиновников низшего ранга, мелких предпринимателей. Но СДПГ так и не удалось наладить связи с крестьянством. В 1895 г. на очередном съезде в Бреслау большинство депутатов отвергло проект аграрной программы А. Бебеля, который хотел привлечь к поддержке партии мелкое крестьянство. Партия сознательно делала упор на агитационной работе среди городских рабочих и ремесленников. Не ставилась задача привлечения к СДПГ представителей растущих «новых средних слоев». Таким образом, и на рубеже XX в. СДПГ в целом оставалась чисто «классовой партией».

Быстрый рост количества членов, изменения в социальном составе СДПГ привели к сдвигам в расстановке сил внутри партии,

которые отражали глубинные процессы, связанные с новой фазой развития капитализма. Кадровые рабочие представляли опору революционного направления, в то же время в партии увеличивалась доля выходцев из мелкобуржуазных слоев, недовольных политикой правительства, порой даже «пролетаризовавшимися» в процессе индустриализации. В условиях экономического подъема возросла прослойка так называемой «рабочей аристократии» — квалифицированных рабочих. В 1912 г. их доля в составе трудящихся Пруссии достигла 15 %. Эти группы были более склонны к борьбе за социальные реформы и легальные методы действия. Опорой реформизма в СДПГ стала часть бюрократизирующейся профсоюзной верхушки и депутатов фракции СДПГ в рейхстаге, убежденных в эффективности методов парламентаризма. Противоречие между революционной теорией и реформистской практикой, содержавшееся в Эрфуртской программе, было обусловлено не только тактическими соображениями.

В социал-демократическом движении вызревало течение, призывающее пересмотреть некоторые принципиальные положения марксизма. В конце 1890-х гг. главным теоретиком ревизионизма становится Э. Бернштейн. Наибольшую известность получила его работа «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», вышедшая в 1899 г. Автор назвал марксизм «теорией катастроф» и выступил с отрицанием почти всех его основных постулатов. Бернштейн опровергал тезисы марксизма о нарастании противоречий между трудом и капиталом, о неизбежном крахе буржуазного общества. Он выступил против утверждений марксизма о необходимости революции, классовой борьбы, экспроприации буржуазии и обобществления основных средств производства. Особенно остро он критиковал положение о диктатуре пролетариата, утверждая, что рабочий класс не подготовлен к осуществлению политической власти. Автор доказывал, что большинство общественных институтов охватил процесс демократизации, и возможно преобразование капиталистического общества путем социальных реформ, в частности через создание кооперативных товариществ, которые могут стать ячейками будущего социалистического общества. Придавая исключительное значение реформам, он писал о социализме: «Эта цель... для меня ничто, движение же — все». Бернштейн призывал СДПГ отказаться от революционных целей и стать не пролетарской, а народной партией, то есть открыть доступ в нее представителям всех демократических слоев населения.

Против Бернштейна и его приверженцев выступили ***Роза Люксембург*** (1871–1919), В. Либкнехт, К. Каутский, ***Франц Меринг*** (1846–1919),

А. Бебель и др. Центральным вопросом дискуссии стала проблема соотношения революции и реформы. Представительница революционного крыла СДПГ Р. Люксембург в брошюре «Социальная реформа или революция» (1900) отстаивала установку СДПГ на завоевание рабочим классом политической власти. Она отрицала возможность проведения через буржуазный парламент кардинальных общественных преобразований, содействующих движению к социализму.

К. Каутский в «споре о ревизионизме» занял центристскую позицию. Не соглашаясь с Р. Люксембург по большинству пунктов, он поддержал ее в главном: заявил, что марксизм по-прежнему является верной теорией. По его мнению, рабочая партия, чтобы победить, должна ставить в качестве конечной цели социалистическую революцию. Каутского поддержало большинство руководителей СДПГ, которые опасались, что обострение дискуссий приведет к расколу партии. На съезде СДПГ в Ганновере в 1899 г. они добились осуждения ревизионизма. В резолюции объявлялось недопустимым изменение программы и тактики СДПГ. Резолюция предписывала партии «заботиться о сохранении самостоятельности и независимости», но она не запрещала социал-демократам сотрудничество «от случая к случаю» с буржуазными партиями, если речь идет «об усилении СДПГ на выборах, расширении прав и свобод народа, улучшении его социального статуса».

Несмотря на осуждение большинством делегатов съезда, ревизионисты не прекратили своей деятельности. Вокруг Бернштейна сложилась группа видных деятелей и теоретиков СДПГ: Г. фон Фольмар, И. Ауэр и др. Они наладили выпуск ряда изданий для пропаганды своих взглядов, использовали партийную прессу, в том числе центральный орган СДПГ — газету «Форвертс». В 1901 г. Бернштейн был избран депутатом рейхстага. Многочисленные мелкие группы «ревизионистов» возникли в местных организациях партии. Идеи реформизма и ревизионизма распространились и в профсоюзном движении. Но сознание большинства социал-демократов было отмечено неприятием духа вильгельмовской эпохи, проникнутой агрессией, национализмом, антисемитизмом. В партии доминировала установка на сохранение «пролетарской чистоты», классовой однородности. Идея создания широкого союза демократических сил не находила широкой поддержки. Эта установка, несмотря на рост числа избирателей партии, приводила СДПГ к политической изоляции, и особый ущерб наносила в период выборов в рейхстаг. Мажоритарная избирательная система, действовавшая в Германии, предусматривала проведение

второго тура голосования, если в первом туре ни один кандидат не наберет абсолютного большинства голосов. Буржуазные партии, как правило, объединялись, чтобы не допустить победы кандидата от социал-демократов, а СДПГ до начала XX в. отвергала предвыборные блоки и, получая большое число голосов избирателей, значительно уступала буржуазным партиям по количеству депутатов в рейхстаге.

В начале XX в. под воздействием революции в России 1905–1907 гг. повысилась активность рабочего класса Германии. На съезде СДПГ в Йене в 1905 г. большинством голосов была принята резолюция о возможности применения массовой политической стачки в целях защиты избирательного права и права на коалиции. В январе 1906 г. в Гамбурге была организована первая массовая политическая стачка. В забастовках в 1905–1907 гг. участвовало около 11 млн рабочих. Рабочие выражали солидарность с российской революцией. СДПГ резко осудила жестокие действия немецких колонизаторов при разгроме восстания племен гереро и готтентотов в 1904–1907 гг. в Юго-Западной Африке. Левые социал-демократы под руководством Р. Люксембург и *Карла Либкнехта* (1871–1919) вели активную борьбу против милитаризма и угрозы войны. За опубликованную в 1907 г. книгу «Милитаризм и антимилитаризм» К. Либкнехт был осужден на полтора года заключения в крепости.

Канцлерство Л. фон Каприви

В 1890–1894 гг. имперским канцлером был генерал *Лео фон Каприви* (1831–1899). В своем первом выступлении перед рейхстагом Каприви провозгласил «новый курс». Он обещал, что политика его правительства будет надпартийной, направлена на «примирение классов» и кооперацию со всеми «невраждебными государству» партиями и политическими силами. Эта установка радикально отличалась от политической практики Бисмарка, который опирался лишь на три «картельные партии». Одной из основных задач «нового курса» Каприви явилось стремление освободить рабочий класс от влияния социал-демократии и вовлечь его в орбиту буржуазных партий. Одним из первых шагов в этом направлении стала отмена исключительного закона 30 сентября 1890 г.

В области экономической политики при Каприви был осуществлен переход к индустриально-аграрному развитию. Канцлер поставил задачу создать лучшие возможности для развития промышленности, порой даже в ущерб крупным землевладельцам, традиционно находящимся под патронажем государства. Он был убежден, что статус

Германии на мировом рынке будет определяться развитием новых, экспортных отраслей промышленности, поэтому необходим отход от политики аграрного протекционизма. Каприви создал систему двусторонних торговых договоров с твердо обусловленными пошлинами на 12 лет. Германия снизила ввозные пошлины на сельскохозяйственную продукцию, некоторые виды сырья и полуфабрикаты, а ее европейские партнеры открыли свои рынки для германских товаропроизводителей.

Каприви придавал торговым договорам большое политическое значение. Он был убежден, что они будут содействовать экономическому сближению Германии с европейскими государствами. Экономическая «Срединная Европа» проектировалась им и как альтернатива колониальной политике. В 1891 г. были заключены договоры с Австро-Венгрией, Италией, Бельгией, Швейцарией, в 1893–1894 гг. — с Испанией, Сербией, Румынией и Россией. Снижение тарифов на пшеницу и рожь в полтора раза имело и социальные последствия. Оно несколько компенсировало ущерб трудящимся, нанесенный подорожанием продуктов питания в период экономического кризиса начала 90-х гг. Политика «нового курса» Каприви, которая в центр внимания поставила приоритеты развития промышленных отраслей, вызвала сопротивление юнкеров. Оно ожесточилось после включения в торговую систему России, договор с которой предусматривал понижение импортных тарифов на зерно на 30–50 %. Впервые в истории империи канцлер лишился поддержки восточно-прусских юнкеров, что, с учетом особого положения Пруссии, означало серьезное ослабление его позиций. С целью противостояния политике Каприви остэльбские аграрии использовали Союз сельских хозяев, который начал вербовку своих сторонников среди крестьянства, положение которого в условиях индустриализации было крайне нестабильным. На рубеже XIX–XX вв. крестьяне составляли 90 % из его 200 тыс. членов.

В области социальной политики реформы Каприви дали относительно скромные результаты. В 1891 г. при поддержке Вильгельма II канцлер провел через рейхстаг закон об охране труда. Он устанавливал обязательный воскресный отдых, 11-часовой рабочий день для женщин и 10-часовой для подростков, запрещал фабрично-заводской труд детей младше 13 лет. Закон учреждал арбитражные суды, формируемые из представителей государства, предпринимателей и рабочих, призванные разрешать производственные конфликты. В Пруссии удалось провести налоговую реформу. Прежняя система разделяла население на группы, каждая из которых платила почти

равную сумму налога. Реформа вводила прогрессивный подоходный налог, который несколько облегчил положение неимущих слоев. Часть налогов передавалась местному самоуправлению на решение проблем городов и общин.

В течение всего своего канцлерства Каприви пытался провести в рейхстаге военный законопроект. Он считал экономику важным, но недостаточно прочным фундаментом межгосударственных отношений. По его мнению, Германия в первую очередь нуждалась в сильной армии. Законопроект правительства предусматривал увеличение армии при сокращении срока службы с трех до двух лет, что позволяло обучить большее число призывников. Правительство не имело большинства в парламенте, и было вынуждено лавировать. Чтобы получить поддержку законопроекта депутатами польской фракции в рейхстаге, Каприви добился отмены проведенного Бисмарком закона о преимущественной продаже земель в польских областях немецким претендентам. Канцлер внес также законопроект, предусматривающий возвращение католической церкви средств, выплата которых ей была прекращена во время действия законов «культуркампфа». Этот проект вызвал противодействие свободомыслящих и национал-либералов, а его изъятие из обсуждения настроило против канцлера партию Центра. В результате, большинство депутатов этих партий в мае 1893 г. проголосовали в рейхстаге против военного законопроекта. Каприви, недовольный итогами голосования, назначил новые выборы в рейхстаг.

Этот правительственный кризис имел последствия и для развития партийной системы Германии. При обсуждении законопроекта об армии произошел раскол партии свободомыслящих. Незначительное большинство, выступившее против увеличения армии, преобразовалось в Народную партию свободомыслящих, которая отражала настроения в основном мелкобуржуазных слоев. Меньшинство учредило Объединение свободомыслящих, которое опиралось в основном на буржуазную интеллигенцию. Этот раскол ослабил леволиберальный лагерь, в новом рейхстаге бывшим картельным партиям удалось усилить свое представительство и провести проект увеличения армии. Этот относительный успех ненадолго упрочил положение Каприви. Но, в 1894 г. начался конфликт имперского канцлера с главой прусского правительства графом *Бото фон Эйленбургом* (1831–1912), который ратовал за новый, более жесткий закон против социалистов, получивших на выборах 1893 г. 1786 тыс. голосов (на 300 тыс. голосов избирателей больше чем в 1890 г.), и поддерживал планы кайзера

о государственном перевороте. Каприви категорически отверг оба проекта. Ситуация исключала возможность сотрудничества между ними и окончилась увольнением обоих. Отставка Каприви означала конец «нового курса».

Германия в годы канцлерства Х. фон Гогенлоэ

В октябре 1894 г. Вильгельм II назначил канцлером империи и премьер-министром Пруссии князя *Хлодвига фон Гогенлоэ* (1819–1901), своего дальнего родственника. Канцлеру было почти 76 лет, поэтому его рассматривали как переходную фигуру, которая вскоре будет заменена более способным и динамичным политиком. Гогенлоэ был на свой лад поклонником Бисмарка, но настолько отличался от него отсутствием бойцовских качеств, политической мудрости, внутренней силы, что даже сам сомневался, имеет ли он право занимать его место. Политические взгляды Гогенлоэ не были четко выражены, что вполне подходило Вильгельму II, который надеялся, что новый канцлер будет более управляемым, чем его предшественник. Но Гогенлоэ было трудно вовлечь в то, что не соответствовало его взглядам, и это свойство характера помогало новому канцлеру блокировать наиболее рискованные проекты кайзера. Со временем же его зависимость от императора, не без фамильярности называвшего Гогенлоэ «дядюшкой», возрастала.

Приход Гогенлоэ означал резкий сдвиг правительственной политики вправо, поскольку «новый курс» не привел к снижению влияния социал-демократии среди рабочего класса. Предпринимательские круги, среди которых особую известность получил крупный промышленник из Саара, депутат рейхстага барон фон Штумм, требовали прекратить социальные реформы, потому что, они, якобы, только повышают авторитет социал-демократии. По требованию Вильгельма II канцлер отверг предложения группы прусских чиновников, поддержанных рейхстагом, не ограничиваться реформами в области социального страхования, а принять более обширное трудовое законодательство, привлечь рабочих к участию в коммунальном самоуправлении, гарантировать им подлинное равенство в правах. Имперское правительство не только отклонило эти предложения, но в течение 1894 г. уволило в отставку всех инициаторов проекта. Эта акция означала замораживание курса социальной политики.

В период канцлерства Гогенлоэ при поддержке кайзера был предпринят ряд попыток наступления на социал-демократию. В декабре

1894 г. правительство внесло в рейхстаг проект закона «о предотвращении государственного переворота», который предусматривал суровые наказания за «развязывание классовой ненависти», оскорбление монархии, религии и церковных учений, покушение на собственность, брак, семью и пр. Он был направлен не только против социал-демократии, но и всех, кто выступал с критикой политики правительства. Законопроект был настолько реакционным, что оказался неприемлемым для большинства депутатов парламента, которые в мае 1895 г. отвергли его. Позднее в рейхстаг поступило еще несколько проектов подобного рода. Они содержали требования лишить социал-демократов избирательных прав, выслать их лидеров из страны, ограничить свободу прессы, право на союзы и собрания, ссылать на каторгу рабочих, выступающих против штрейкбрехеров, агитирующих за участие в стачках, ужесточения уголовного законодательства.

При дворе и в Генеральном штабе не прекращалось обсуждение возможности государственного переворота с целью установления «личного правления» Вильгельма II. Подобного рода инициативы не находили поддержки большинства партий рейхстага, трезво учитывающих силу социал-демократии, несмотря на враждебность к ней как политическому противнику. В 1895 г. Вильгельм II отреагировал на очередное отрицательное голосование парламента открытой телеграммой канцлеру: «Как последнее средство остаются брандспойты и картечь». В итоге правительству Гогенлоэ не удалось решить ни одной крупной внутриполитической проблемы, исчерпав себя в попытках реанимировать репрессивный курс против социал-демократии.

В конце правления Гогенлоэ придворные интриги, борьба политических группировок, в которой участвовал и кайзер, приобрела такие масштабы, что стала невозможна какая-либо разумная политическая инициатива. С 1895 г. Гогенлоэ, больной, почти 80-летний, тратил все свои силы на предотвращение отмены конституции путем государственного переворота и сдерживание сумасбродств и опрометчивых решений императора.

Еще в период пребывания Гогенлоэ на посту, ему стали подыскивать более способного и энергичного преемника. Выбор пал на ***Бернхарда фон Бюлова*** (1849–1929). Он был воплощением вильгельмовской эпохи. Бюлов происходил из старинного мекленбургского рода, имел университетское образование, широкие связи в обществе, большое состояние, добровольцем участвовал во франко-прусской

войне. Аристократическое происхождение и связи помогли ему сделать дипломатическую карьеру. Б. фон Бюлов был послом Германии в Италии, а в 1897 г. был назначен статс-секретарем ведомства иностранных дел. Одновременно с ним в высшее руководство Германии были введены контр-адмирал ***Альфред фон Тирпиц*** (1849–1930), получивший пост статс-секретаря имперского ведомства морского флота, граф ***Артур Адольф фон Посадовский-Венер*** (1845–1932) — пост статс-секретаря ведомства внутренних дел и ***Иоганнес фон Микель*** (1829–1901) — пост вице-президента правительства. Они и стали творцами вильгельмовской «мировой политики», гонки морских вооружений.

Во внутриполитической сфере И. фон Микель выступил одним из инициаторов проведения нового витка «политики сплочения». Она не была новым явлением в Германии и в разных вариантах проводилась на протяжении 1876–1918 гг. с целью противостояния процессам политической и социальной модернизации, а также рабочему и социалистическому движению. Бисмарк еще в 1876 г. провозгласил стержнем своей политики «картель производительных сил, поддерживающих государство». Отчасти это ему удалось путем создания «картеля правительственных партий» в 1887 г. Торговая политика Каприви, благоприятная для промышленников, заложила основы нового компромисса верхов общества, который действовал до 1918 г. Микель продолжил формирование альянса промышленников и аграриев, стремясь усилить его за счет широкой поддержки средних слоев. Он сделал ставку на «старые средние слои», нуждавшиеся в защите государства в условиях индустриализации. В 1897 г. правительство утвердило дополнения к промысловому уставу, которые повышали статус гильдейских объединений ремесленников. Они были преобразованы в корпоративную ремесленную палату, получившую право представительства в органах управления и принудительного вовлечения в нее ремесленников.

Нелегкой оказалась задача «сплочения» верхушки общества — крупных землевладельцев и различных групп буржуазии. Магнаты индустрии и юнкеры для обеспечения сотрудничества с правительством создали в 1897 г. при имперском ведомстве внутренних дел Экономический комитет во главе с Посадовским. В него вошли представители Союза сельских хозяев, Центрального союза германских промышленников и торговой буржуазии. Комитет получил право участия в подготовке закона о новых, более благоприятных для его учредителей таможенных тарифах. Они должны были всту-

пить в силу после истечения срока договоров, заключенных Каприви в 1903–1904 гг. Эта акция натолкнулась на сопротивление созданного в 1895 г. Союза промышленников и Объединения в защиту химической промышленности, представлявших интересы экспортных отраслей. В воззвании, направленном Вильгельму II в марте 1898 г., они выступили за свободу торговли и критиковали отстаивание правительством интересов крупных аграриев, что наносит ущерб всему обществу и влечет за собой удорожание жизни населения. В ноябре 1900 г. в Берлине они объединились в защиту действующих торговых договоров, назвав себя «форумом антиаграриев». Таким образом, таможенная политика Микеля сплотила лишь отдельные группы влиятельных в обществе классов.

Большей консолидации верхов и низов общества удалось добиться Бюлову и адмиралу Тирпицу, которые во главе с кайзером осуществляли переход Германской империи к «мировой политике». Правящие круги империи сознавали, что проведение «мировой политики» будет возможно лишь в случае, если Германия будет обладать военно-морским флотом, близким по мощи к британскому. Тирпица, главу военно-морского ведомства, называли «отцом» германского флота. Он учитывал, что многие депутаты рейхстага были настроены против крупномасштабного строительства военно-морских сил, так как по традиции считали морской флот лишь «вооруженной десницей» торгового флота. Он должен был охранять побережье и быть готовым разорвать в случае необходимости его блокаду. Поэтому Тирпиц начал формировать общественное мнение в поддержку создания крупных ВМС. По его инициативе в 1898 г. был создан Германский флотский союз, собравший промышленников, судовладельцев, представителей средней и мелкой буржуазии, лидеров политических партий. Лидеры Флотского союза призывали своих приверженцев проявить патриотизм и поддержать планы строительства военно-морского флота, с помощью которого будет решена великая национальная задача: превращение Германии в державу мирового ранга. В 1900 г. в союзе было 270 тыс. членов.

Пропаганду империалистических захватов развернул созданный в 1891 г. шовинистически настроенными элементами Пангерманский союз. Он призывал правительство не ограничиваться борьбой за охранные грамоты и лучшие инвестиционные условия для немецких предпринимателей за рубежом, как это было в эпоху Бисмарка. Пангерманцы требовали захватить английские, французские, португальские, бельгийские колонии и присоединить к Германии территории,

заселенные австрийскими немцами, а так же территории Голландии, Бельгии, скандинавских стран, северо-восточных районов Франции.

Пропагандистская деятельность Флотского союза и других националистических организаций, наряду с экономическими интересами промышленников, сыграла свою роль, и в марте 1898 г. рейхстаг принял первый закон о строительстве ВМФ. Программа предусматривала создание в течение шести лет 19 линкоров, 8 канонерок, 12 больших и 30 малых крейсеров. В 1900 г. была утверждена вторая программа развития военно-морских сил, намечавшая удвоение их мощи. Реализация этих программ должна была обеспечить соотношение германского и британского флота как 2 : 3, а в Северном море — их равенство. Принятие второй программы стало возможно благодаря поддержке консерваторов, которые добились от правительства обещания вновь увеличить армию и повысить тарифы на зерно. Таким образом, переход к «мировой политике» юнкеры и представители монополистического капитала использовали для упрочения своего господствующего положения в германском обществе.

Канцлерство Б. фон Бюлова

В октябре 1900 г. Гогенлоэ добровольно ушел в отставку, и Бюлов был назначен имперским канцлером. Он боготворил императора и всегда помнил, что своим назначением обязан ему. Опыт дипломатической службы позволял ему избегать прямых возражений Вильгельму II, исподволь корректировать его импульсивные поступки и решения, оставляя кайзеру при этом возможность без помех осуществлять «личное правление». Вильгельм II писал Бюлову: «Бернхард, с тех пор, как ты появился у меня, я могу спать спокойно». Канцлер лавировал между противоборствующими социально-политическими силами, не позволяя ни одной из них получить перевес. Он был убежден, что время консервативных переворотов и «исключительного закона» прошло, и часто не упорствовал, а шел на минимальные уступки, добиваясь стабильности в обществе. Бюлов был более компетентен во внешнеполитических проблемах, поэтому внутреннюю и социальную политику поручил графу фон Посадовскому. Бюлов, подобно Дэвиду Ллойд Джорджу (1863–1945) в Англии и Джованни Джолитти (1842–1928) в Италии, избрал курс «сплочения» общественных сил, допускавший даже поэтапное примирение социал-демократии с правительством. Канцлер говорил о необходимости «вживления четвертого сословия (рабочего класса) в государственный организм».

Б. фон Бюлов

Посадовский при поддержке партии Центра провел ряд законов, которые свидетельствовали о новом повороте к курсу социальных реформ. В 1899 г. была разрешена свобода коалиций между организациями. В 1900 г. расширился круг лиц, подлежащих страхованию от несчастного случая, в сельских общинах вводились арбитражные суды. В 1903 г. был запрещен труд детей до 12 лет в надомном хозяйстве. В 1904 г. — упразднен один из последних законов «культуркампфа», разрешающий властям высылать из Германии членов ордена иезуитов. С 1906 г. депутаты рейхстага стали получать вознаграждение за свой труд, что облегчило участие в работе парламента представителям СДПГ.

Несмотря на поддержку кайзера, Бюлов столкнулся с противодействием юнкеров, без оглядки на которых в империи нельзя было управлять. Конфликт возник в 1899 г. по поводу строительства Средне-Германского канала между Рейном и Эльбой, сооружение которого отвечало потребностям национальной экономики и германской буржуазии. Против проекта сплоченно выступили консерваторы, опасавшиеся, что эксплуатация канала приведет к увеличению импорта в Германию дешевого зерна. Лишь в 1905 г. рейхстаг принял проект.

В очередной раз спорным вопросом оказалась тарифная политика. Ввиду скорого окончания срока действия торговых договоров, заключенных Каприви, аграрии настойчиво требовали повышения ввозных пошлин в два с лишним раза. Бюлов лавировал, не желая действовать в ущерб экспортным отраслям германской промышленности, что вызвало острую критику Союза сельских хозяев. В итоге в 1902 г.

национал-либералами и консерваторами при поддержке Центра был принят компромиссный проект — «тариф Бюлова». Его последствием было повышение расходов трудящихся на продукты питания на одну треть. В политическом отношении таможенный закон 1902 г. являлся успехом «политики сплочения» Бюлова, объединившей юнкеров и магнатов тяжелой индустрии.

Канцлер нашел новый стиль поведения в рейхстаге, используя неформальные предварительные собеседования с лидерами фракций (кроме СДПГ), выясняя пределы возможных компромиссов. Уступками он привлек к себе партию Центра, без поддержки которой была бы невозможна ни флотская, ни таможенная политика. В период канцлерства Бюлова Центр приобрел статус «правительственной партии». Маневры и уступки Бюлова вызвали недовольство окружения кайзера. Интриги придворных ослабили позиции канцлера и вынудили его в 1906 г. разорвать сложившийся союз с партией Центра.

Поводом для разрыва послужили события в Юго-Западной Африке, где произошло восстание племен гереро, а затем готтентотов против германских колонизаторов. Повстанцы потребовали упразднения резерваций, возвращения отобранных земель. В 1904 г. 17-тысячный германский экспедиционный корпус превратил борьбу против восставших в уничтожение племен. Из 200 тыс. гереро и готтентотов живыми осталось 50–60 тыс. Депутат Центра *Маттиас Эрцбергер* (1875–1921) выступил с резкой критикой жестокого обращения колониальной администрации с местным населением. Клерикалы добивались участия в формировании колониальной администрации, но, получив отказ, в 1906 г. вместе с СДПГ и другими оппозиционными депутатами проголосовали против увеличения колониального бюджета, что вызвало роспуск рейхстага.

В предвыборной борьбе Бюлов избрал новую тактику: правительство объединилось с консерваторами и либералами всех направлений. На выборах в рейхстаг 1906 г., получивших название «готтентотских», новый консервативно-либеральный «картель» выступил с националистическими лозунгами и ополчился против всех сил, которые рассматривались правительством как неблагонадежные. Правительство выдвинуло лозунг «Борись за честь и благо нации против социал-демократов, поляков... и Центра». Оно грубо вмешивалось в избирательную кампанию, создавало агитационные группы, вменяло чиновникам в обязанность содействовать формированию блока. Особо активно в предвыборной борьбе выступил созданный в 1904 г. при содействии промышленников Имперский союз борьбы с социал-демократией.

Апелляция к националистическим чувствам масс обеспечила их мобилизацию, высокий уровень участия в выборах (84,7 %). Выборы принесли победу «бюловскому блоку», который получил 220 из 397 мест. Центр потерял лишь один мандат и остался сильнейшей фракцией. Представительство СДПГ сократилось на 38 депутатских мест, хотя число поданных за нее голосов уменьшилось всего на 2,8 %. В «бюловский блок» были вовлечены даже леволиберальные партии, так как поддерживающие их группы буржуазной интеллигенции в значительной мере оказались под воздействием обманчивой магии «мировой» и флотской политики. Лидеры левых либералов считали, что участие в «бюловском блоке» даст шанс выйти из затянувшегося состояния оппозиции и использовать его для проведения прогрессивных реформ. Канцлер же и не ставил задачу использовать большинство для развития парламентаризма, так как сознавал, что основой его власти является доверие монарха, а не поддержка рейхстага. Но Бюлов намеревался провести осторожную социально-политическую модернизацию существующей системы, устранить из нее наиболее одиозные явления.

Однако в «бюловском блоке», едином по проблемам внешней политики, по внутриполитическим вопросам сохранялись глубокие разногласия. Взрывоопасными оказались дебаты о реформе трехклассной избирательной системы в Пруссии. Левое крыло либералов настаивало на ее демократизации; консерваторы сплоченно противостояли реформе, справедливо усматривая в ней угрозу основам своего господства. Бюлов был вынужден лавировать, откладывая решение этой проблемы. Противоречивого успеха либералы добились в апреле 1908 г. По их инициативе был проведен имперский закон о союзах и собраниях, который отменял ряд региональных запретов. Закон разрешил женщинам участие в политических союзах и в политических собраниях, но запрещал это молодежи до 18 лет. Он включал также положение, запрещавшее деятельность антимилитаристских организаций. Первоначально в законопроекте содержался пункт, предписывавший проведение общественных собраний в империи только на немецком языке. Он вызвал бурю критики, и окончательная его редакция приостанавливала на 20 лет введение этого положения в тех регионах империи (Познань, Северный Шлезвиг, часть Эльзаса и Лотарингии), где 60 % местного населения не владело немецким языком.

В конце 1908 г. Бюлов оказался в сложной ситуации, вызванной бестактным поведением Вильгельма II. При поисках путей сближения с Англией в октябре 1908 г. кайзер дал интервью лондонской

газете «Дейли телеграф», в котором заявил, что сам он дружественно относится к Англии, хотя его в этом поддерживает лишь малая часть германского общества. Он заявил, что германский флот, который так беспокоит Англию, является только средством заставить мир считаться с немцами, а «в великих дебатах будущего» Германия и Британия могут объединить свои военно-морские силы. Одна часть английского общества восприняла это интервью с насмешкой, другая — как выражение вражды и высокомерия по отношению к Англии. Франция и Россия заявили официальный протест. Ситуацию усугубило то, что кайзер предварительно отправил текст интервью в ведомство иностранных дел и Бюлову, и возражений от них не последовало.

Это событие переполнило чашу терпения германской общественности. Вильгельму II припомнили многочисленные промахи за годы его «личного правления» и предостережения Бисмарка о том, что неосторожные действия императора приведут к катастрофе. В ноябре 1908 г. состоялось обсуждение скандала в рейхстаге, и все фракции осудили кайзера. Бюлов не взял на себя ответственности, а наоборот призвал Вильгельма II к большему благоразумию. Прогрессивная часть общества ожидала, что рейхстаг использует ситуацию для ограничения прерогатив монархии и усиления полномочий парламента. Но этот шанс не был использован, так как противоречия между парламентскими партиями оказались сильнее. Дебаты ограничились критикой «личного правления» императора. Последствием истории с «Дейли телеграф» была утрата доверия кайзера к Бюлову. Вильгельм II ждал повода для его отставки.

«Бюловский блок» развалился при попытке проведения канцлером финансовой реформы в 1908 г. Гонка морских вооружений привела к дефициту государственного бюджета в 4 млрд марок. Для его погашения срочно требовалось 500 млн марок в год. Правительственный законопроект, представленный в рейхстаг, четыре пятых этих средств изыскивал посредством повышения косвенных налогов на потребительские товары (пиво, водка, табак) и одну тятую — через повышение налога на прямых наследников: супругов и детей. Либералы в целом поддержали проект. Социал-демократы и левые либералы выступили против налогов на потребительские товары. Консерваторы усмотрели в реформе покушение на право земельной собственности, Центр — посягательство на брак и семью. Союз сельских хозяев назвал реформу «антигерманским», «социалистическим» мероприятием.

Дебаты по налоговой реформе выявили, что в рейхстаге произошла перегруппировка сил. Консерваторы, главный элемент «бюловско-

го блока», продемонстрировали свою нелояльность по отношению к нему. С консерваторами активно искала сближения партия Центра, чтобы ослабить неприемлемого для нее канцлера и взять реванш за «готтентотские» выборы, которые исключили ее из числа правительственных партий. В результате оформился «черно-голубой блок», состоявший из депутатов партии Центра и консерваторов (название происходит от черной одежды духовенства и «голубой» крови аристократии). 24 июня 1909 г. законопроект был отклонен. Бюлов, который с его принятием связывал свою дальнейшую политическую судьбу, подал в отставку. В принятом в июле 1909 г. законе налог на наследство был заменен налогом на ценные бумаги и биржевые сделки. Прусские юнкеры в очередной раз отстояли свои интересы и переложили груз военных расходов на плечи рядовых налогоплательщиков и части буржуазии.

Германия в период канцлерства Т. фон Бетман-Гольвега

Преемником Бюлова стал *Теобальд фон Бетман-Гольвег* (1856–1921). Он обладал типичными качествами прусского чиновника: был исполнительным, энергичным, коммуникабельным. Но, как и Каприви, он не являлся творческой натурой, был неспособен к хитроумным комбинациям. Бетман-Гольвег ранее занимался внутренней политикой, но не был искушен во внешнеполитических и военных вопросах — двух сферах, которые имели решающее значение для будущего Германии. В сложных ситуациях канцлер полагался на кайзера, который и ценил его за это. «Верен, как деньги», — был вердикт императора.

Канцлерство Бетман-Гольвега пришлось на период обострения внутриполитической ситуации в стране. Он сознавал, что политическая система Германии нуждается в реформах, но, будучи консервативным, не допускал и мысли о переходе к парламентарному правлению. Его попытки заручиться поддержкой рейхстага, как это вначале удалось Бюлову, вызвали противодействие двора, чиновников, военных. В рейхстаге, значение которого возросло, влияние упрочил Центр, но обострились отношения между недавними партнерами: либералами и консерваторами. В 1910 г. леволиберальные группы объединились в Прогрессивную народную партию, которая не исключала сотрудничества с СДПГ.

Первое поражение Бетман-Гольвег потерпел при попытке провести требуемую прогрессивной общественностью реформу сословной избирательной системы в Пруссии. Он предложил заменить двухсте-

пенные выборы прямыми и расширить круг избирателей привилегированного первого класса. В него входило менее 5 % избирателей, но они выбирали треть депутатов. Реформу отклонил сплоченный консервативно-протестантский блок. Не увенчалась успехом попытка Бетман-Гольвега осуществить более тесную интеграцию Эльзас-Лотарингии в империю, путем увеличения ее автономии. Провинция получила лишь ограниченное самоуправление. Канцлер не сумел оздоровить отношения с польским меньшинством в Пруссии.

В годы канцлерства Бетман-Гольвега кульминации достигла милитаризация германского общества. В качестве «новой идеи» правящие круги Германии с конца XIX в. использовали лозунг «интегрального национализма». Он свидетельствовал об утрате немецким национализмом освободительного содержания и был призван сплотить все группы германского общества в целях «мировой политики». Империалистический образ мышления распространился не только в высших слоях общества, но проник в средние слои и даже в отдельные группы рабочего класса. В дворянских и буржуазных кругах модным стал «милитаристский стиль». Предприниматели добивались для своих сыновей чина офицера-резервиста в престижных полках. На предприятиях утвердился полувоенный стиль управления, требующий беспрекословного подчинения персонала «хозяину». Идеи шовинизма, национализма, милитаризма получили благодатную почву в студенческих корпорациях, объединениях буржуазной молодежи, развернувших военную подготовку своих членов. Милитаристские настроения демонстрировал сам канцлер, который для своего первого выступления в рейхстаге надел форму майора-резервиста. Склонность к национал-патриотизму проявил даже ряд представителей правого крыла СДПГ. Пропаганду войны вели многочисленные милитаристские, националистические организации. Ведущее место среди них занимал Пангерманский союз, с ним консолидировались Колониальное общество, Флотский союз, Союз Восточной марки.

Широкую известность получила книга пангерманца, бывшего генерала ***Фридриха фон Бернхарди*** (1849–1930) «Германия и грядущая война» (1912). Выступая с позиций социал-дарвинизма, он воспевал «борьбу за существование», доказывал «превосходство» германской нации и называл войну биологической необходимостью, «нравственным требованием». Бернхарди призывал правящие круги империи воспитывать в народе готовность «жесткими способами участвовать в превращении Германии в мировую державу», «утверждать германский дух» на просторах земного шара. Для выполнения этой задачи

он требовал ликвидации основ буржуазной демократии, борьбы с социал-демократами и пацифизмом.

В атмосфере национализма быстро росла численность Имперского союза борьбы с социал-демократией, который накануне войны имел в своих рядах 200 тыс. человек. Увеличился поток антисемитских изданий, среди которых наибольшей известностью пользовались труды ***Пауль Антон де Лагарда*** (1827–1891), ***Теодора Фритча*** (1852–1934), ***Хьюстона Стюарта Чемберлена*** (1855–1927). В 1912 г. Фритч организовал Имперский союз молота, поставивший цель защитить германскую расу от еврейства. Символом его стала свастика. О степени распространения антисемитизма свидетельствовал меморандум, подписанный 200 известными в империи людьми, в том числе Вильгельмом II, требовавший сурового наказания для лиц, повинных в смешении германской и еврейской крови.

Выборы в рейхстаг в начале 1912 г. привели к очередному внутриполитическому кризису. На них СДПГ получила 4,2 млн голосов избирателей. Соглашение с Прогрессивной партией во втором туре выборов привело к увеличению ее представительства в рейхстаге с 43 до 110 депутатов. Она стала сильнейшей фракцией парламента. Оформление левоцентристского блока сделало невозможным правительственное большинство. Партийная система империи оказалась в тупике. Социал-демократы могли создать большинство в рейхстаге, заключив блок с либералами и представителями национальных меньшинств. Однако СДПГ догматически отказывалась вступать в коалиции с буржуазными партиями. Национал-либералы со своей стороны тоже считали такой союз не подлежащим обсуждению. В результате, ни одна из трех крупных парламентских группировок не была в состоянии обеспечить стабильную деятельность рейхстага. В этой ситуации Бетман-Гольвег старался как можно реже обращаться к рейхстагу и проводить надпартийную политику. Он опирался на те круги в обществе, которые испытывали недоверие к парламентским партиям и поддерживали канцлера против непрерывно дискутирующих депутатов. В итоге парламент терял авторитет в германском обществе. Вильгельм II в одном из писем презрительно называл его «бандой обезьян», «собранием болванов».

Успех СДПГ на выборах 1912 г. вызвал панику в правом лагере. Представители прусского чиновничества, верхушки армии и юнкерства предрекали в скором будущем демократизацию Германии, истерично требовали защитить государство и отвергали всякую попытку рейхстага ограничить их привилегии. Они резко критиковали

канцлера за слабость и нерешительность. В этой ситуации Бетман-Гольвег, под давлением Тирпица, попытался изыскать 100 млн марок на строительство флота путем введения налога на наследство, но, как и Бюлов, был вынужден отступить из-за противодействия прусских властей. Зато ему удалось провести в 1913 г. закон об увеличении армии сразу на 117 тыс. солдат и 19 тыс. офицеров, и даже обеспечить финансирование этого мероприятия путем введения налога на прирост стоимости унаследованного имущества. При обсуждении этого закона, форсирующего подготовку Германии к войне, социал-демократы отступили от последовательно антимилитаристских позиций — они голосовали за закон. Их новые лидеры ***Густав Носке*** (1868–1946), ***Фридрих Эберт*** (1871–1925), ***Филипп Шейдеман*** (1865–1939) считали, что вотум недоверия закону не найдет понимания в среде рабочего класса, часть которого с 1890-х гг., как и другие группы общества, постепенно проникалась духом национализма и шовинизма. Некоторые группы трудящихся оказались восприимчивыми к доводам правительства о том, что Германской империи необходимо повышать обороноспособность в связи с готовящейся агрессией со стороны «нецивилизованных славян».

Яркой демонстрацией широкого распространения настроений милитаризма, национализма, и капитуляцией канцлера перед военщиной стал конфликт, произошедший в ноябре 1913 г. в эльзасском городке Цаберн. В речи перед новобранцами один из офицеров сделал несколько оскорбительных выпадов против местного населения, что вызвало ряд выступлений, направленных против прусской армии, ранее неоднократно нарушавшей права населения Эльзаса. Против демонстрантов было применено оружие. Аресты производились по приказу командира гарнизона, а не по решению суда и полиции. В ответ на протесты командир гарнизона взял управление областью на себя, объявил осадное положение в Цаберне, а действия населения квалифицировал как оскорбление прусской армии. Военный трибунал, перед которым все же предстали два прусских офицера, признал их действия правомерными. В конце 1913 г. Цабернский конфликт обсуждался в рейхстаге. Военный министр ***Эрих фон Фалькенхайн*** (1861–1922), опираясь на поддержку кайзера, фактически оправдал действия своих подчиненных. Бездействие канцлера в этой ситуации привело 2 декабря 1913 г. к вотуму недоверия ему в рейхстаге, но решение не имело последствий, так как канцлер не зависел от его доверия. В Цабернском конфликте прусское государство в очередной раз продемонстрировало, насколько велико его влияние в империи.

Подготовка Германии к войне

С конца XIX в. Германия особое внимание уделяла военно-технической подготовке к войне. Она превосходила европейские страны по протяженности железных дорог, особенно на приграничных территориях: на 100 кв.км ее площади в среднем приходилось 11,8 км, во Франции — 9,6 км, в Европейской России — 1,1 км железных дорог. Германская военная промышленность накануне войны представляла собой мощную отрасль индустрии, включавшую около 30 государственных и частных заводов, на которых работали 180 тыс. человек. Главными поставщиками оружия были заводы Круппа и братьев ***Вильгельма*** (1834-1882) и ***Пауля*** (1838-1914) ***Маузер***. В 1879 г. из имперского бюджета на вооружение было выделено 428 млн марок, в 1913 г. — более 2 млрд марок. В 1914 г. Германия имела 761 тыс. человек в армии военного времени, 1,1 млн в резерве. В целом к началу войны число прошедших военную подготовку в Германии составляло более 4,9 млн человек (во Франции — 5 млн, Англии — 1,2 млн, России — 5,65 млн). Германская армия была дисциплинированной, умела быстро совершать марши, ее офицерский состав отличался высоким уровнем профессиональной подготовки. В 1914 г. вооруженные силы Германии превосходили все остальные армии по числу тяжелых артиллерийских систем (около 2,1 тыс. тяжелых орудий). Улучшилось качество стрелкового оружия. Винтовки фирмы «Маузер» неоднократно модернизировались, а модель 1898 г. была настолько хороша, что оставалась на вооружении до 1950-х гг. Немецкие конструкторы работали над монопланом-истребителем «Фоккер», бомбардировщиком «Гота».

Особыми приоритетами пользовался военно-морской флот. В результате выполнения в 1898-1912 гг. шести судостроительных программ флот империи неуклонно укреплялся. Германия осознавала невозможность создать флот, равный по мощи британскому (к 1914 г. немцы не достигли даже уровня в две трети от мощи ВМФ Британии, как ими планировалось). Однако она стремилась не уступать Англии в качестве при создании новых кораблей. В 1914 г. немецкий подводный флот занял первое место в мире (30 лодок), а надводный — второе, сравнявшись с США. При Вильгельме II утвердилась установка на создание германского флота такой мощи, что столкновение с ним оказалось бы чревато для противника риском уничтожения. По мнению правящих кругов страны, сильный военно-морской флот должен был придать вес Германии на переговорах с Англией.

План ведения войны был подготовлен в 1905 г. под руководством начальника Генерального штаба генерала ***Альфреда фон Шлифена***

(1833–1913), хотя доработка его велась и дальше. В частности, по отношению войны с Россией план исходил из того, что война со стороны Германии будет «молниеносной» («блицкриг») и наступательной. Стержнем концепции «блицкрига» явилось положение о сосредоточении военных сил Германии для одного генерального сражения с целью окружения основных сил противника и их уничтожения. Чтобы избежать необходимости ведения войны на двух фронтах одновременно (против России и Франции), было намечено первый решающий удар нанести по Франции и быстро покончить с ней, пока «медлительная» Россия будет проводить мобилизацию. Учитывая наличие линии крепостей на восточной границе Франции, германские стратеги наметили начать вторжение через территорию нейтральной Бельгии. Соотношение между силами правого и левого фланга германской армии должно было составить 7:1. Французская армия, продвигавшаяся навстречу мощному правому флангу, должна быть в короткий срок уничтожена. После поражения Франции победоносная война с Россией представлялась нетрудным делом.

Переход к «мировой политике»

Бисмарк во внешнеполитическом курсе ставил две основные задачи: превратить Германию в великую европейскую державу и сформировать систему международных союзов, которая обеспечит ее безопасность. Вильгельм II считал, что внешней политике Германии не хватает динамизма, и под давлением крупных монополистов и банкиров, тесно связанных с юнкерством, провозгласил во внешней политике «новый курс». Его целью было возвышение Германии от уровня континентальной — до ранга мировой державы, равноправной с Британской империей.

Повороту Германии к «мировой политике» способствовал экономический подъем, узость национального рынка, наличие качественно новой системы международных транспортных коммуникаций, ее недовольство гегемонией прежних лидеров колониального мира. Первоначально правящие круги Германии намеревались заставить европейские державы считаться с нею при новых колониальных захватах, а затем в империи вызрела готовность включиться в борьбу за передел уже поделенного мира.

Переход к «мировой политике» обозначила речь Б. фон Бюлова — тогда еще статс-секретаря — в рейхстаге в декабре 1897 г., в которой он заявил, что «времена, когда немец уступал одному соседу сушу, другому — море, оставляя себе одно лишь небо... — эти времена ми-

новали... Мы не хотим находиться в чей-либо тени, мы требуем своего места под солнцем». Среди приверженцев «мировой политики» сложилось два течения, различия между которыми сводились к способам ее реализации. Юнкеры и магнаты тяжелой индустрии были сторонниками силового захвата чужих территорий. Представители экспортных отраслей и банковского капитала более целесообразной считали экономико-финансовую экспансию. В целом германский империализм сочетал экономическое проникновение с политической и военной экспансией.

Главным инструментом проведения «мировой политики» должен был стать германский военно-морской флот. Его «творец» А. фон Тирпиц создавал его не для обеспечения мира с Англией, а для возможной войны с ней. По его замыслу, германский флот должен быть таким мощным, чтобы нападение на него было рискованным для любой страны, в том числе для Великобритании.

Изоляцию Германской империи предполагалось предотвратить путем стабилизации Тройственного союза, сближения с Англией, «привязывания» России к Германии и мер, предупреждающих реванш со стороны Франции. В то же время Германская империя, сохраняя верность своим партнерам по Тройственному союзу, стремилась иметь «свободу рук» в выборе новых союзников. При анализе расстановки сил на международной арене германская дипломатия нередко переоценивала англо-русские и англо-французские противоречия, преувеличивала заинтересованность Британии в союзе с Германией. Внешнеполитическому курсу Вильгельма II была присуща непоследовательность, отсутствие продуманной стратегии, за что кайзера нередко называли «полудилетантом».

В июне 1890 г. Германия отказалась от пролонгирования «Перестраховочного договора» с Россией. Этот шаг означал отдаление Германии от России и свидетельствовал о том, что ее ближайшим союзником стала Австро-Венгрия. Одновременно наметилась тенденция к сближению Германии с Британией. Во внешнеполитическое ведомство был назначен Фридрих Август фон Гольштейн (1837–1909), известный своими проанглийскими настроениями. При его посредстве в августе 1890 г. была оформлена сделка по разграничению германо-английских интересов в Африке. В итоге Германия отказалась от протектората над Занзибаром в Африке, получив в качестве компенсации от англичан остров Гельголанд. В начале 1890-х гг. Берлин вел с Лондоном переговоры о сотрудничестве, которое намеревался развить до участия Британии в Тройственном союзе.

Эта идея не получила поддержки в правящих кругах Великобритании, но германо-английское сближение ускорило создание франко-русского союза. После продления Тройственного союза в 1891 г. в третий раз Франция дала понять, что заинтересована в более тесных отношениях с Россией. Союз между ними был оформлен в августе 1891 г., а через год была подписана военная конвенция. Она предусматривала взаимное оказание значительной военной помощи в случае нападения со стороны Германии или Италии на Францию, и в случае нападения на Россию со стороны Германии или Австро-Венгрии. Соглашение явилось ответом на внешнеполитический курс Германии, направленный против России и Франции и создававший для каждой из них угрозу.

Германия, обеспокоенная сближением России со своим потенциальным противником, попыталась оказать давление на Петербург. Она перешла к таможенной войне, обложив русские товары более высокими пошлинами, чем товары других стран, и приняла закон об укреплении своих вооруженных сил.

В эти годы Генеральный штаб Германии разрабатывает доктрину «блицкрига», исходящую из возможности возникновения одновременной войны на два фронта — с Францией и Россией. Эта стратегия и явилась отправной точкой для построения отношений Германской империи с соседями.

Германская дипломатия постоянно стремилась играть на англо-французских и англо-русских разногласиях. Она надеялась на обострение конфликта между Британией и Францией, разгоревшегося в 1893 г. по поводу Сиама, намереваясь играть в нем роль арбитра. Но конфликт был урегулирован, и в итоге Германия лишилась оснований для совместной англо-германской политики против Франции. Возникшая ситуация обусловила новый поворот Берлина к Петербургу. Однако Германия не могла предложить царскому правительству интересующих его гарантий. «Сближение» ограничилось Торговым договором между Германией и Россией на десять лет, который взаимно вводил режим наибольшего благоприятствования в торговых отношениях.

В последние годы XIX в. Германия, как и другие великие державы, включилась в начавшуюся борьбу за передел мира. Уверенность в своих силах ей придавала растущая экономическая и военная мощь. В экономическом отношении Германия превосходила многие континентальные державы: на рубеже XIX–XX вв. ее доля в мировом промышленном производстве составляла 17 %. В начавшейся борьбе

за передел мира англо-германский антагонизм занял центральное место. Военно-политические круги Германии считали, что целями «мировой политики» империи должны стать «подрыв британского мирового господства» и «освобождение колониальных территорий, необходимых для нуждающихся среднеевропейских государств».

Вступление на путь «мировой политики» Германия ознаменовала приобретением опорных пунктов в Китае. Воспользовавшись убийством в провинции Шаньдун двух немецких миссионеров, Германия в 1898 г. оккупировала бухту Киао-Чао и навязала правительству Китая договор об ее аренде с портом Циндао на 99 лет. Позднее богатая природными ресурсами провинция Шаньдун стала сферой германского влияния. Германия, путем соглашения с группами английских и германских банков, добилась разграничения сфер железнодорожного строительства и закрепила монополию на железнодорожные концессии в Шаньдуне.

Выражением перехода к проведению «политики силы» явились попытки Германии проникнуть в долину Янцзы. Весной 1901 г. Германия вместе с Англией, Францией, Россией и Японией приняла участие в подавлении «боксерского восстания» в Китае, вызванного политикой европейских держав, направленной на раздел страны. Провожая экспедиционный корпус в Китай, Вильгельм II произнес печально знаменитую «гуннскую речь». В ней он давал наказ солдатам не знать жалости, пленных не брать и поступать так, как тысячу лет назад действовали гунны, имя которых устрашает и ныне. «Пусть имя Германии, — завершал он, — станет известно таким же образом, чтобы китаец никогда даже не отважился косо взглянуть на немца».

В период военных действий Германия вела переговоры с Англией о совместных гарантиях в реализации политики «открытых дверей» в Китае, которые имели антирусскую направленность. Обе стороны стремились не допустить усиления позиций России в Китае. Германия способствовала изоляции России при подготовке сепаратного русско-китайского соглашения 1901 г. Германская дипломатия вела двойную игру. Ей было выгодно участие России в войне с Японией, так как оно обеспечивало Германии свободу действий против Франции. Берлин подталкивал Россию к войне с Японией, обещая неприкосновенность западных границ и выделение крупного займа. Одновременно Германия гарантировала благожелательный нейтралитет и японскому правительству.

В 1902 г. Германия, применив морскую блокаду, заставила уплатить долги немецким инвесторам правительство Венесуэлы, присвоившее

их средства. Укрепляя свои позиции на Тихом океане, Германия после поражения Испании в войне с США в 1899 г. за 17 млн марок приобрела у нее в Тихом океане Каролинские и Марианские острова (кроме острова Гуам) и острова Палау, имеющие стратегическое значение. Вторжение Германии в регион Дальнего Востока и Тихого океана привело к осложнению в отношениях не только с Британией и Россией, но и с США.

Важнейшим направлением в германской экспансии стало ее экономическое и политическое проникновение в Османскую империю. Германия развернула борьбу за концессию на строительство железной дороги Берлин–Багдад, которую она получила в 1898 г. в результате поездки Вильгельма II в Турцию. В 1903 г. немцы добились права на сооружение дополнительной ветки от Багдада до Басры. Багдадская железная дорога явилась основным средством проникновения германского капитала в Османскую империю. Осуществление этого грандиозного проекта давало возможность Германии выйти к Персидскому заливу, а далее открывался путь к Персии, Индии, Суэцкому каналу. Багдадская магистраль подрывала монопольные позиции Британии в Аравийском море, на Аравийском полуострове и в Иране. Она делала уязвимыми позиции России в Закавказье, препятствовала реализации ее планов овладения черноморскими проливами. Железная дорога, вместе с поставками султану германского оружия, военными миссиями, все сильнее привязывала Турцию к германо-австрийскому блоку. «Прорыв» Германии на Восток приводил к столкновению ее интересов с интересами Британии и России.

На рубеже веков Германия вступила в длительный конфликт с Англией по поводу островов архипелага Самоа. Берлин намеревался поставить их под свой контроль и требовал уступки от Лондона. Во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. Германия добилась частичного успеха. Она воспользовалась тем, что Британия попала в затруднительное положение, так как российское правительство зондировало возможность совместного с Францией и Германией выступления против нее. Лондон вынужден был маневрировать, опасаясь вмешательства европейских держав. В 1899 г. Британия обеспечила себе нейтралитет со стороны Германии, уступив ей два острова из архипелага Самоа. Германская дипломатия постаралась испортить англо-русские отношения и в очередной раз начала переговоры с британским правительством о заключении военного союза. Но они не увенчались успехом, так как Лондон не пошел на сближение с Берлином.

В тот период времени англо-германские противоречия приобретают глобальный характер. Англия сталкивалась с обостряющимся соперничеством Германии в борьбе за рынки сбыта и источники сырья, за сферы приложения капитала в Китае, Океании, на Балканах, Ближнем Востоке, в Латинской Америке и Африке. Продолжая увеличивать сухопутную армию, Германия форсированными темпами создавала могущественный флот.

Проникновение Германии на Балканы, укрепление ее позиций на Босфоре, сооружение Багдадской железной дороги все более осложняло ее отношения и с Россией. Внешнеполитическая деятельность Берлина способствовала вызреванию условий для объединения Британии и России в противовес германскому блоку, несмотря на их противоречия в Средней Азии и Иране.

Столкновения с европейскими державами вынуждали Германию проявлять дипломатическую активность, чтобы обеспечить себе преимущества и союзников. Она не исключала привлечения к своей поддержке России, вела переговоры с Италией. Однако Германию опередила Франция, заключив 1 ноября 1902 г. соглашение с Италией о ненападении. Далеко идущие последствия для Германии имело подписание в апреле 1904 г. Англией и Францией соглашения, мирно разрешавшего их спорные колониальные вопросы в Северной Африке. Оно получило впоследствии название «Сердечного согласия» — Антанты. Его заключение было неожиданным для Германии, считавшей англо-французские противоречия непримиримыми. Франко-английский договор 1904 г. заложил основы антигерманского блока.

В 1905 г. Германия воспользовалась ухудшением отношений между Петербургом и Лондоном, связанным с официальной политикой Британии на первом этапе русско-японской войны, и попыталась заключить с Петербургом двусторонний союзный договор, направленный на отрыв России от Франции. В июле 1905 г. германский и русский монархи встретились на яхте у острова Бьёрке близ Выборга. Используя прогерманские настроения высших российских сановников и неверие Николая II (1868–1918) в возможность союза России с Англией, Вильгельму II удалось навязать русскому царю союзный договор. Статья I договора устанавливала, что «в случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет ей на помощь в Европе всеми своими сухопутными и морскими силами». В Германии этот договор вызвал противодействие Бюлова и Гольштейна, так как уточнение «в Европе» означало, что Россия не была обязана оказывать поддержку Германии

при возможных столкновениях на Дальнем Востоке, в Индии, Иране, то есть там, где конфликты могли быть наиболее вероятными.

Резкое неприятие договор вызвал и в Петербурге. Председатель правительства Сергей Юльевич Витте (1849–1915) и министр иностранных дел Владимир Николаевич Ламздорф (1844–1907) доказывали Николаю II, что заключение союза с Германией без оповещения об этом Франции обесценит франко-русский союз и полностью подчинит Россию германским интересам. Николай II вынужден был сообщить Вильгельму II, что договор не будет иметь силы в случае войны Германии с Францией. Это означало фактическое расторжение соглашения. С этого времени в российской внешней политике все рельефнее обозначается ориентация не только на Францию, но и Великобританию.

Чтобы добиться практических результатов в проведении бюловской концепции «мировой политики», Германия спровоцировала первый Марокканский кризис. Она воспользовалась ослаблением России в русско-японской войне и попыталась противодействовать превращению большей части Марокко в сферу влияния Франции. Нанесением ударов Франции Берлин рассчитывал обеспечить «благоразумное поведение» Англии, подорвать Антанту. После оформления в 1904 г. британо-франко-испанского соглашения по Марокко, Германия заявила, что оно противоречит международному соглашению 1880 г., которое гарантировало немцам равные права в этой стране, и наносит ущерб германской торговле и собственности. В марте 1905 г. Вильгельм II высадился в марокканском порту Танжер с целью демонстрации силы и потребовал от султана восстановления прав Германии в Марокко, объявив, что он готов защищать интересы империи в этой стране. Расчет на то, что другие державы не вмешаются в конфликт, не оправдался: Франция и Британия восприняли действия кайзера как вызов. На международной конференции в испанском городе Альхесирасе, созванной для обсуждения этого вопроса, Германия оказалась в изоляции и вынуждена была признать особое положение Франции в Марокко.

Конфликты, провоцируемые Германией, вели ее к внешнеполитической изоляции. Это проявилось в том, что единственной страной, оказывающей ей поддержку, оставалась Австро-Венгрия, которую Вильгельм II назвал «блистательным секундантом». Против Германии были направлены франко-русский союз, англо-французская Антанта 1904 г., развивающийся англо-русский диалог по урегулированию территориальных споров на Ближнем Востоке и Средней Азии. В 1907 г. взаимное стремление к сближению привело к подписанию русско-английского соглашения, урегулировавшего территориальные претензии

договаривающихся сторон в Тибете, Афганистане, Иране. Следствием соглашения было фактическое включение России в Антанту.

Борьба противостоящих блоков за влияние на Балканах привела к Боснийскому кризису 1908–1909 гг. Он был вызван угрозой нового включения бывших турецких провинций Боснии и Герцеговины, находившихся под протекторатом Австро-Венгрии, в состав Османской империи. Перспектива утратить эти территории побудила Вену осуществить давно вынашиваемый ею план их аннексии. Германия решительно поддержала экспансионистские намерения своей союзницы, так как Австро-Венгрия была ее единственной опорой в Европе и обеспечивала продвижение в Турцию. Германия помогла Австро-Венгрии сломить противодействие Сербии, отказавшейся признать аннексию Боснии и Герцеговины, завуалированной угрозой войны, в которую была бы втянута Россия. Россия, ослабленная поражением в войне с Японией, революционными событиями и не поддержанная Францией и Англией, была вынуждена принять решение о нейтралитете и побудить Сербию к признанию аннексии. Однако унижение, нанесенное Германией во время Боснийского кризиса, забыто не было. Политика Германии на Балканах обострила отношения Германии и с Англией.

Германия демонстрировала готовность действовать с позиций силы и в других регионах мира. В 1909 г. она заключила с Францией соглашение, которое зафиксировало равные возможности обеих сторон в экономической эксплуатации Марокко. Несмотря на соглашение, Берлин не смирился с усилением влияния Франции в этой стране. Поэтому, когда в 1911 г. в Марокко вспыхнуло восстание берберских племен, а французские войска по призыву султана оказали помощь в его подавлении, немецкая дипломатия немедленно отреагировала на эти действия Франции. Германия направила канонерскую лодку «Пантера» в порт Агадир, якобы для защиты жизни и имущества немецких предпринимателей. С «прыжком» «Пантеры» в германских правящих кругах связывалась надежда на реализацию планов создания обширной германской колониальной империи — «Срединной Африки». Она должна была возникнуть путем поглощения португальских и бельгийских колоний и соединения их с германскими колониями Африки, расположенными на берегах Атлантического и Индийского океанов. «Агадирский» кризис привел к обострению не только франко-германских, но и англо-германских отношений. Уступив совместному давлению Франции и Англии, Германия признала французский протекторат над Марокко, получив в качестве «компенсации» малопригодные территории во французском Конго.

Ключевым пунктом англо-германских противоречий стало морское соперничество. Особо острые формы оно приобрело в связи с форсированным строительством Германией военного флота. Немцы использовали свое технологическое преимущество и приступили в 1906 г. к созданию кораблей нового типа с мощной артиллерией — дредноутов, которые намного превосходили броненосцы, составляющие большинство боевых единиц английского флота. В 1908 г. Германия имела уже 8 дредноутов, а Британия — 19, что свидетельствовало о значительном усилении германских военно-морских сил и сокращении разрыва в их мощи с английскими. На все попытки британской дипломатии добиться ограничения гонки вооружений на море, немцы отвечали отказом. В начале 1912 г. в Германии был принят закон, который предусматривал увеличение на 60 % состава крупных боевых единиц. В ответ Англия заявила, что будет строить на каждый новый германский корабль — два. Эти решения означали непосредственную подготовку к войне. Последняя попытка договориться о нейтралитете с Германией и сокращении строительства сверхтяжелых линкоров английской стороной была предпринята в феврале 1912 г. Однако переговоры показали, что стороны не намерены идти на уступки, и сближение между ними невозможно.

Усилению международной напряженности способствовали балканские войны. Германия вместе с Австро-Венгрией противодействовала Сербии в первой балканской войне и стремилась ослабить блок балканских государств, противостоящий Турции. Он перестал существовать в ходе второй балканской войны, что было на руку немцам. В итоге балканских войн усилилась прорусски настроенная Сербия, и возросло влияние Германии в Турции, куда в ноябре 1913 г. была направлена немецкая военная миссия. Это вызвало негодование России, о поддержке которой по дипломатическим соображениям заявила Франция.

Германия выбирала время, чтобы развязать войну за передел мира. Немецкое командование летом 1914 г. считало необходимым ускорить ее начало, чтобы воспользоваться лучшей военной подготовленностью Германии. Поводом к войне послужило убийство 8 июля 1914 г. наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда (1863-1914) в боснийском городе Сараево. Правительство Вены возложило ответственность за эти события на Сербию. Австрийское командование начало подготовку к войне, получив поддержку германского кайзера, который считал, что Россия в ближайшие годы не будет боеспособна. 23 июля 1914 г. Сербии был представлен австрийский ультиматум, составленный в оскорбительных выражениях.

Для ответа сербам предоставлялось всего 48 часов. Хотя Сербия согласилась удовлетворить почти все требования этого ультиматума, Австро-Венгрия 28 июля 1914 г. объявила ей войну и начала военные действия. Используя факт частичной мобилизации в России, 1 августа 1914 г. Германия заявила о состоянии войны с ней. Запустив слухи о пограничных инцидентах, якобы спровоцированных французской стороной, Германия объявила 3 августа войну Франции. Вильгельм II был неприятно удивлен, когда 1 августа, в день вступления в войну России, получил сообщение английского посла, в котором говорилось, что нейтралитет Англии возможен в том случае, если Германия не нападет на Францию и не нарушит нейтралитета Бельгии. Когда это сообщение было получено Германией, ее войска уже вступили на бельгийскую территорию. Англия использовала просьбу Бельгии о помощи и 4 августа начала войну против Германии.

Вопрос о виновниках Первой мировой войны до сих пор является дискуссионным. современный российский исследователь проблем внешней политики Германской империи Б. М. Туполев считает, что «если в длительной перспективе ответственность за развязывание Первой мировой войны падает на всех основных ее участников, хотя и в разных долях, то в ее провоцировании именно в августе 1914 г. в наибольшей степени повинен германский и австро-венгерский империализм».

3. Культура и духовная жизнь

Развитие образования и науки

Быстрые темпы формирования индустриального общества форсировали развитие системы образования. В соответствии с социальной структурой общества сложилась дифференцированная, трехступенчатая система школьного образования. Основная масса детей и подростков обучалась в народной школе, которая в период «культуркампфа» освободилась от контроля церкви. Число народных школ за годы империи выросло в семь раз, достигнув в 1911 г. 38,6 тыс. Эти школы финансировались преимущественно государством и расходы на них с 1864 по 1911 г. выросли в 14 раз. Школьное воспитание было нацелено на формирование политически лояльного, преданного государству «подданного».

Представители высших и средних слоев получали среднее образование в платной 9-классной гимназии, которая в Германии находилась в компетенции земель. Классическая гимназия давала гуманитарное

образование. Потребности развивающегося промышленного производства, сельского хозяйства, транспорта и горного дела способствовали созданию системы реальных, а с 1890 г. — высших реальных школ.

Импульс в развитии получили университеты, которые готовили управленческие кадры, политическую элиту, научную интеллигенцию. В 1872 г. в Германии действовало 20 университетов, к 1914 г. число их выросло до 24. Появились высшие технические, аграрные, зоотехнические школы, горные академии, которые стремились повысить качество образования и добиться университетского статуса. Система высшего образования в Германии была обеспечена высококвалифицированными кадрами: в 1890 г. 52 % преподавателей являлись профессорами. Быстрыми темпами росло число студентов: в 1869 г. в университетах и высших школах Германии обучалось 32 тыс. студентов, в 1914 г. — 139 тыс.

В эпоху империи «пафос познания» переживала германская наука. Германия занимала одно из первых мест в мире по числу научных открытий. Так, в области медицины германскими учеными в 1870–1919 гг. было сделано 269 крупных открытий, другими учеными мира вместе взятыми — 357. В области физических наук в 1871–1900 гг. немцы сделали более 2 тыс. научных открытий, французы и англичане — 1,7 тыс. Научные исследования проводились также в созданных на предприятиях лабораториях, в специализированных научно-исследовательских институтах и обществах. Чтобы не отставать от других стран, по примеру США, германская буржуазия стала создавать научные фонды, которые вскоре превратились в основной источник финансирования теоретических наук. Этому способствовал Вильгельм II, понимавший значение науки для развития индустрии и военной мощи страны. В 1911 г. он учредил Общество кайзера Вильгельма, которое аккумулировало пожертвования и государственные средства на развитие фундаментальной науки.

Немецкие ученые внесли вклад в развитие почти всех разделов математики и физики. Так, ***Эрнст Эдуард Куммер*** (1810–1893) и ***Леопольд Кронекер*** (1823–1891) участвовали в создании основ современной алгебраической теории чисел. Труды ***Георга Кантора*** (1845–1918) способствовали возникновению новой отрасли — теории функций. ***Карл Теодор Вильгельм Вейерштрасс*** (1815–1897) участвовал в разработке математического анализа. ***Альберт Эйнштейн*** (1879–1955) создал частную (1905) и общую (1907–1916) теорию относительности. Он сделал смелые и, на первый взгляд, парадоксальные выводы о свойствах пространства, времени и движения материальных объ-

ектов. Эйнштейн стал также автором основополагающих теорий по квантовой теории света, ввел понятие фотона. На рубеже веков *Макс Планк* (1858–1947) выдвинул квантовую теорию, которая опровергла традиционные представления о непрерывности излучений. В 1895 г. *Вильгельм Конрад Рентген* (1845–1923) открыл лучи, названные его именем, и создал рентгеновскую трубку. Она нашла широкое применение в медицине, химии, физике, металлургии.

Немецкие ученые внесли значительный вклад в развитие органической химии. *Фердинанд Тиман* (1848–1899) разрабатывал теорию синтеза и применил ее на практике. *Адольф фон Байер* (1835–1917) способствовал становлению стереохимии, а в 1885 г. он на основе работ с бензолом создал «теорию напряжения». Синтетическим путем были получены антипирин, аспирин, антифебрин. Важную роль в становлении физической химии сыграл *Вильгельм Фридрих Оствальд* (1853–1932).

Рудольф Вирхов (1821–1902), занимавшийся цитологией, доказал, что клетки возникают путем деления. Успехам микробиологии способствовали открытия *Роберта Коха* (1843–1910), который в 1882 г. открыл возбудителя туберкулеза, в 1883 г. — возбудителя холеры. Его сотрудники выявили палочки брюшного тифа, возбудителей сапа, ящура, рожи, чумы и нашли лечение от них. В 1906 г. микробиолог *Август Пауль фон Вассерман* (1866–1925) разработал диагностику сифилиса.

В эпоху империи особую роль в гуманитарных исследованиях заняла историческая наука, где утвердилось суждение, что без взгляда в прошлое невозможна разумная жизненная ориентация. В исторической науке стал распространяться позитивизм, предписывающий скрупулезное изучение источников, глубокую специализацию и сосредоточенность на фактах и деталях. Слабой стороной позитивизма было нежелание устанавливать глубинные связи, постигать суть вещей и процессов. Приверженцы позитивизма разрывали связь исследования с изображением, категорически отвергая историописание как искусство. Но главным методом немецких историков продолжал оставаться историзм ранкеанского типа. Видным представителем этого направления был *Фридрих Майнеке* (1862–1954).

После 1871 г. в исторической науке доминировала «малогерманская» школа, возглавляемая *Иоганном Густавом Дройзеном* (1808–1884) и *Генрихом фон Зибелем* (1817–1895). Они доказывали, что создание империи Пруссией было внутренним смыслом германской истории. С апологетических позиций ими оценивался Бисмарк. Яркой фигурой этой школы являлся и *Генрих фон Трейчке* (1834–1896). Для него история была, прежде всего, политической историей, кото-

рая представлялась преимущественно как «большая политика», как творение «великих мужей». Он превозносил сильное государство, его власть и авторитет, национальное единство Германии. Трейчке яростно выступал против всего, что, с его точки зрения, подрывало их: против либералов, англичан, демократов, социалистов, евреев и пр. К числу видных представителей «малогерманской школы» принадлежал и видный историк античности *Теодор Моммзен* (1817-1903).

Эту подчеркнуто политическую и националистическую школу сменили представители молодой исторической школы, которые вновь обратились к наследию *Леопольда фон Ранке* (1795-1886). Они выступили против чрезмерной приверженности исторической науки партийности, против истории как «мирового суда», против апологии «малогерманской» школой прусского и имперского начала, а также против ненависти к французам. Исторические проблемы они рассматривали не с национальной точки зрения, а скорее как европейские, или даже мировые проблемы. Их интересовало развитие государства и церкви, европейские реформы и революции. М. Леман и М. Ленц стремились развенчать мифы о Фридрихе Великом и выявить связь между Великой Французской революцией и буржуазными реформами в Пруссии начала XIX в., использовать концепцию Ранке о великих державах, их борьбе за гегемонию и балансе сил для анализа новой системы международных отношений, учитывая роль США и Японии в ней.

Свою научную деятельность начинает выдающийся социолог и политэконом *Макс Вебер* (1864-1920). Центральной проблемой его изысканий был анализ связей между хозяйственной жизнью общества, материальными и идеологическими интересами различных социальных групп и их религиозным сознанием. Одной из самых известных работ Вебера является «Протестантская этика и дух капитализма» (1905). В противоположность *Карлу Марксу* (1818-1883), писавшему о социально-экономической обусловленности процесса первоначального накопления, Вебер выдвигает на первый план религиозно-этические факторы, доказывая, что протестантская культура способствовала возникновению в Западной Европе рыночной экономики.

Вернер Зомбарт (1863-1941) посвятил свои основные работы проблемам экономической истории Западной Европы и явился одним из основоположников теории «организованного капитализма». Большое внимание он уделял изучению социальной структуры индустриального общества, социальным движениям в нем.

Глубокое воздействие на всю культуру XX в. оказал *Фридрих Ницше* (1844-1900), который в более широком контексте поставил задачу пе-

реоценки ценностей, вызванную кризисом христианской космологии, организации, мировоззрения и морали. Ницше констатирует крах веры в категории разума, оказавшейся «чисто вымышленным миром», разрушение всей системы традиционных ценностей. По Ницше, «героизм времени упадка» заключается в том, чтобы занять позицию «по ту сторону добра и зла», противостоять действительности. Мораль понимается философом как ограничительный код. Лишь исключительно сильный, верящий в собственные силы человек способен выжить в этом мире, открыв источник и средоточие ценностей в самом себе.

Культура эпохи империи была отмечена тенденциями модернизма. Его многообразие проявилось в палитре таких течений, как реализм, натурализм, экспрессионизм, функционализм и др. Целью модернизма был прогресс и обновление всех культурных сфер. Художники отказывались от наследия классики, от приверженности традициям и прошлому, от романтической чувствительности и бегства от реальности в мир мечтаний и иллюзий. Искусство решительно обратилось к новому, «современному» миру. Идея прогресса непременно включала в себя динамику «прорыва» в будущее, разрыв с художественной традицией, принимающий нередко форму «мятежа».

Архитектура

Эти веяния с особой силой проявились в германской архитектуре. Церковь и замок — ее излюбленные темы — отступили перед новыми задачами. Архитекторы сосредоточились на конструировании новых официальных зданий: парламента, министерств, банков, судебных учреждений, учебных заведений, библиотек. В связи с урбанизацией возникли новые направления в градостроительстве: сооружение жилых кварталов, вокзалов, универмагов, бирж, кафе, казино, кинотеатров, тюрем. Особое место в нем заняли производственные постройки — фабрики, заводы, складские помещения. Немецкие модернисты сохранили интерес ко всем предыдущим архитектурным стилям, нередко эклектически видоизменяя и синтезируя их. Церкви и ратуши они продолжали строить в стиле готики, официальные здания в стиле ренессанса, купольные — в стиле барокко, появлялись мосты в стиле романтики. До начала XX в. в архитектуре городов излюбленным мотивом были элементы барокко. Они проявлялись в выборе типа колонн, окон, свободных лестниц, фронтонов и пр. Градостроительство учитывало новые явления городской жизни: наличие транспортных артерий, движение людских потоков, автомобилей, поездов. Архитекторы экспериментировали с применением новых

материалов: армированного бетона, железных конструкций, стекла и пластмассы, которые расширили возможности их творчества. Разработки в области теории напряжений дали возможность создавать мосты и здания с высокими куполами. Так, размах купола рыночного павильона, построенного в Лейпциге, составил 76 м.

Доминирующим стилем в начальный период империи был неоренессанс. Он отличался монументальностью, выполняя функцию презентации мощи и величия власти. Особенно наглядно эта установка проявилась в новом здании рейхстага, построенном в 1894 г. В 1870–1880-е гг. в этом стиле были сооружены оперные театры во Франкфурте-на-Майне и Лейпциге, музей армии в Мюнхене, университет в Страсбурге и др. Наиболее ярким представителем этого направления был ***Готфрид Земпер*** (1803–1879), который удачно сочетал классицизм и модернизм. Он соединял трехмерное пространство и текучую пластику, купола и изогнутые крыши, павильоны и окна в мансарде, взрывая кубизм классики.

Побочной линией этого направления явился «немецкий ренессанс», в котором проявилось бюргерское начало. Он нарочито подчеркивал асимметрию, вертикальную устремленность высоких крыш, пластичность, позднее использовал богатую орнаментальность. Наиболее выразительными постройками такого типа явились университет в Ростоке, ратуша в Гамбурге и др.

В архитектуре Германии оставил свой след излюбленный Вильгельмом II неоромантический стиль. Он применялся при создании соборов, замков, правительственных зданий. Наиболее ярким образцом этого стиля является собор, построенный в честь Вильгельма II в Берлине.

После 1900 г. мода на исторические стили пошла на спад. Архитектура городов приобретает подчеркнуто модернистский характер. Строители и архитекторы экспериментировали, создавая здания вокзалов, больших фестивальных залов, универмагов, мосты, арки. Железо, которое вначале применялось лишь для опор и каркасов и подвергалось маскировке, чтобы не нарушать впечатления нарядности, отныне становится ведущим строительным материалом. Не декорированным оно было использовано для внешней отделки дворца юстиции в Мюнхене, зала для праздников во Франкфурте. Такой же спрос испытывали бетон и стекло. Их широко применяли при строительстве универмага Тица в Дюссельдорфе, корпусов университета в Мюнхене и т. д.

Феноменальным явлением в архитектуре Германии явился «молодежный стиль» — национальный вариант стиля модерн. Он стремился через архитектуру передать движение, использовать возможности дру-

гих искусств, «природные» формы и новую их организацию. Фаворитом в отделке стал орнамент, в первую очередь растительный. Наиболее талантливо этот стиль был воплощен в творчестве ***Петера Беренса*** (1868–1940), ***Мартина Гропиуса*** (1824–1880), ***Йозефа Мария Ольбриха*** (1867–1908). Они создавали музеи, фотоателье, часовые башни, памятники, жилые кварталы, отели. Двуликость «молодежного стиля» выражалась в уходе от современности и устремленности в будущее. Его творцы отвергали все, что напоминало о прагматизме и рационализме повседневности, использовали в своих проектах ручные, мануфактурные изделия из керамики, цветного стекла, экзотических пород дерева.

Живопись

Модернистские поиски отразились и в изобразительном искусстве. Немецкие художники ***Макс Либерман*** (1847–1935), ***Ловис Коринт*** (1858–1925) и ***Макс Слефогт*** (1868–1932) на рубеже веков испытали сильное влияние французского импрессионизма. Они отказались от принципа естественного изображения, четкой прорисовки контуров фигур и предметов, локальных красок. Они изображали предметы так, будто бы их выхватил беглый взгляд художника. Чувства, нередко приподнятые, обостренные, выражались переливами красок. Нарушая традицию, они стремились изобразить моменты из жизни города, театра, фрагменты праздников, лошадиных бегов, танцев, детей и женщин. Они стремились закрепить на холсте свое «первое» впечатление», «прекрасное видение», движение.

Одним из самых известных художников Германии того времени был ***Адольф фон Менцель*** (1815–1905). Он оставил множество портретов современников, включая кайзера, его семью, нуворишей. Одновременно он реалистически изображал картины индустриального города, сюжеты из повседневной жизни простых людей.

В изобразительном искусстве Германии наибольшее развитие получил экспрессионизм (от лат. *expressio* — выражение). Он провозгласил единственной реальностью субъективный духовный мир человека. В 1904 г. в Дрездене экспрессионисты образовали группу «Мост» во главе с ***Эрнстом Людвигом Кирхнером*** (1880–1938), в которой известность получили ***Эмиль Нольде*** (1867–1956) и ***Оскар Кокошка*** (1886–1980). Другое объединение экспрессионистов — «Голубой всадник» — образовалось в Мюнхене. В него вошли ***Василий Кандинский*** (1866–1944), ***Франц Марк*** (1880–1916) и ***Август Макке*** (1887–1914). Они много экспериментировали с формой и цветом, чтобы выявить внутреннюю суть творчества и вещей, создать их заново. Символом изначального

в природе и в жизни художники-экспрессионисты считали животное. Они стремились отобразить напряжение, возникающее между фигурой животного и геометрической формой, между формой и цветом.

Социальной проблематике посвятила свое творчество *Кетэ Кольвиц* (1867-1945). В графических сериях «Восстание ткачей», «Крестьянская война» она в острой экспрессивной форме выразила социальный протест. Своим творчеством, доходящим порой до натурализма, она выступала против насилия и войны.

Музыка и театр

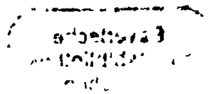
В музыкальной культуре Германии этого периода произошел отход от вагнеровской романтической традиции. Но ее влияние еще ощущалось в произведениях *Густава Малера* (1860-1911). Малер, в отличие от своего учителя А. Брукнера, тяготевшего к изображению Бога и божественного, показывал художника, потрясенного человеческими страстями, борющегося с демонами, отчаявшегося, но не теряющего надежды. Благодаря своим неоклассическим симфониям известность приобрел *Йоханнес Брамс* (1833-1896). Синтез неоклассицизма, неоромантизма и экспрессионизма блестяще представлял в своем творчестве *Рихард Штраус* (1864-1949).

Одним из талантливых представителей натурализма, сформировавшегося в последней трети XIX в., являлся драматург *Герхарт Гауптман* (1862-1946), написавший «Ткачей». Накануне мировой войны в его романах психологического характера («Крысы», «Юродивый Эммануэль Квинт», «Атлантида») доминирующее значение приобрела тема кризиса, усиливающаяся апокалиптическими мотивами.

Самым известным режиссером предвоенных лет в Германии был *Макс Рейнгардт* (1873-1943). Он инсценировал произведения наиболее ярких современных авторов: Гауптмана, Гофмансталя, Шницлера, Штернхейма, Стринберга, Ибсена, Шоу, Толстого, Горького. Он превратил постановочное дело в искусство, а режиссера — в центральную фигуру в театре.

Литература

В литературе германской империи отразились все основные европейские течения, от реализма до декаданса. Верность реалистической традиции сохранил *Теодор Фонтане* (1819-1898) В своих романах «Фрау Женни Трайбер», «Эффи Брист» он изображал распад прусского дворянства, пагубность сословных предрассудков, лживость буржуазной морали.

В конце XIX в. стремлением к разрыву с традициями прошлого была отмечена разновидность «позднебуржуазной поэзии» — «чистая» лирика. Она отличалась необычайной эмоциональностью, монологической лирикой самовыражения. Эта поэзия не претендовала на роль социально активного искусства, наоборот, считала причастность «массы» к искусству дурным симптомом современности. Одни поэты окружали себя ореолом избранничества, демонстрировали свое превосходство над «тупой массой». Другие, вследствие болезненной дисгармонии со своим временем, уходили в замкнутую духовную жизнь. В Германии олицетворением «искусства для искусства» в поэзии являлся ***Стефан Георге*** (1868–1933).

Творчество ***Томаса Манна*** (1875–1955) воплотило в себе те черты, которые сделали немецкий роман явлением мировой культуры. Писатель находил творческие ответы на возникшие проблемы индустриального общества, талантливо фиксировал приметы «нового времени». В романе «Будденброки» он показывает процесс упадка семьи буржуазных патрициев, презиравших нуворишей. В этом произведении яркая индивидуализация персонажей сочетается с их социальной типизацией. Если кайзер Вильгельм II громогласно заявлял о «великих временах», к которым он ведет Германию, писателю открывался ее «упадок». С таким характерным подзаголовком — «Упадок одной семьи» — и вышел в 1901 г. первый роман Т. Манна «Будденброки».

Т. Манн

Не менее громко заявляет о себе в начале XX в. и его старший брат ***Генрих Манн*** (1871–1950). Уже первый его роман «Страна тунеядцев» (1900) стал ярким образцом социально-сатирического романа. Однако самым известным произведением этого жанра стал роман Г. Манна «Верноподданный» (1914), в котором писатель обличал нравы и порядки кайзеровской Германии. Главный герой романа, Гесслинг, боится власти, подчиняется ей, восхищается ею и стремится походить на своего

кайзера до «мистической неразличимости». Этот роман очень важен для понимания эпохи, психологии миллионов «верноподданных» немцев, которые, недолгое время спустя, будут с радостью подчиняться и восхищаться новым кумиром — Гитлером.

Культура Германии в конце XIX — начале XX в. развивалась в русле европейских и мировых тенденций, испытывая воздействие не только западноевропейской, но и русской культуры. Произведения Л. Толстого, Ф. Достоевского были хорошо известны в Германии, пьесы А. Чехова и М. Горького ставились в немецких театрах. Влиятельным течением в немецкой культуре остается реализм, сохраняющий социально-критические корни. Одновременно развиваются новаторские течения, стремящиеся к обновлению, переоценке ценностей и идеалов предшествующей эпохи. В то же время проявляются и тенденции кризиса и упадка. Неприятие действительности выливается в демонстрацию нигилистического отношения к ней, неверие в прогресс и духовные силы человека.

* * *

Германская империя за 1871-1914 гг. превратилась в одну из самых крупных индустриальных держав мира, экономика которой базировалась на новейших достижениях науки и техники. Наиболее быстрыми темпами развивалась тяжелая индустрия, которая стала базой для современной военной промышленности. Внутриполитическое развитие Германии было отмечено сменой либеральных и репрессивных методов управления, при котором попытки «парламентаризации власти» наталкивались на противодействие сплоченного блока консервативных сил. Возросшая мощь Германской империи побудила ее вступить в конце XIX в. в борьбу за передел мира. Главной движущей силой германского экспансионизма стали крупные аграрии, магнаты тяжелой промышленности и военные круги. Они оказывали все большее влияние на политику правительства и способствовали распространению националистических и империалистических идей. В итоге Германия явилась одним из главных виновников развязывания Первой мировой войны.

ГЛАВА II

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

Война, начавшаяся 1 августа 1914 г., стала явлением планетарного масштаба. Современники называли ее «великой» войной, позже она получила название «первой мировой». В нее было вовлечено 38 государств с населением в 1,5 млрд человек — 87 % населения всей планеты. В действующие армии правительства мобилизовали 73 млн человек, из которых было убито около 10 млн и 20 млн ранено. Еще 5 млн погибло от голода и болезней. Жестокие методы ведения военных действий, преступления армий в отношении гражданского населения, огромные разрушения материальных и культурных ценностей стали трагедией для многих народов. Первая мировая война, подчинив своим требованиям экономику, государственные и политические институты, культуру, общественное сознание и психологию, повседневную жизнь огромных масс людей стала «тотальной» войной, войной нового типа.

Первая мировая война потрясла до основания геополитические основы миропорядка и привела к созданию новой системы международных отношений. На смену одним международным противоречиям пришли другие, которые делали войну не менее опасной, чем прежние. Произошла огромная внутренняя трансформация самой Европы. С ее политической карты исчезли многонациональные империи, появились новые государственные образования. Были сметены довоенные режимы, разрушена прежняя политическая культура, нравы и умонастроения; были посеяны озлобление, страх и неверие в будущее. Насилие превратилось в легитимный инструмент разрешения не только спорных международных, но и внутренних социальных и политических проблем. Два крупнейших европейских государства — Россия и Германия — пережили крупные революционные потрясения, которые оказали огромное влияние на весь послевоенный миропорядок. На передний план общественной жизни были вытолкнуты большие массы социальных низов, в глубинах которых

вызрели новые радикальные силы — коммунизм и фашизм. Коммунистическая идея класса и фашистская идея расы с разных сторон атаковали либеральную идею человека. Победив в крупнейших странах Европы, коммунисты и фашисты оказались заклятыми врагами в борьбе за мировое господство. Но, прежде чем столкнуться друг с другом в новой кровавой бойне, они попытались уничтожить своего общего врага — демократию. Не случайно, известный американский дипломат Джордж Кеннан назвал Первую мировую войну «зародышевой» катастрофой XX в.

1. Германия в мировой войне 1914–1918 гг.

Германская империя была одним из самых активных участников Первой мировой войны. В общей сложности, за годы войны в германскую армию было мобилизовано более 13 млн человек. Общие потери населения в войне составили 7 млн человек, в том числе было убито 2 млн. Более 1 млн оказалось в плену. Военные расходы составили 37,7 млрд долларов. Объем промышленного производства упал на 40 %.

Актуальные вопросы историографии Первой мировой войны

В мировой историографии многие десятилетия остаются дискуссионными вопросы о происхождении и целях Первой мировой войны. В национальных историографиях Великобритании, США, Франции просматривалось желание оправдать предвоенную политику своих правительств. Причины войны виделись, как правило, в стремлении Германии к мировому господству. Однако в немецкой исторической науке долгое время отрицалось стремление Германии к мировой гегемонии. Господствовал тезис о том, что Германия вела превентивную, оборонительную войну. Утверждалось, что это была война и против западного либерализма, и против русского царизма, «азиатского деспота», которые хотели навязать немцам чуждый им образ жизни. Об этом же писали в мемуарах бывшие германские рейхсканцлеры Теобальд Бетман-Гольвег, Георг фон Гертлинг, Макс Баденский, министры и дипломаты Маттиас Эрцбергер, Карл Гельфферих, Рихард фон Кюльман, генералы Пауль фон Гинденбург, Эрих Людендорф, Эрих фон Фалькенхайн и др.

Советская историография (М. Э. Айрапетян, В. И. Бовыкин, К. Б. Виноградов, А. С. Ерусалимский, Ф. И. Нотович, К. Ф. Шацилло и др.) видела главный источник войны в межимпериалистических противоречиях, обострившихся в результате борьбы великих держав за передел мира. Германия признавалась самой агрессивной империалистической страной капиталистического мира, стремившейся разрушить существующий миропорядок.

В последние 30–40 лет наметились новые тенденции в изучении проблемы происхождения Первой мировой войны. Значительный вклад в ее разработку внесла французская школа историков академика Пьера Ренувена (1893–1974). Она отказалась от принципа монизма в происхождении войны и признала ее истоком взаимодействие формально равноправных по своей значимости факторов. В настоящее время большинство историков, в том числе и российских, считают, что Первая мировая война была результатом длительного действия «глубинных сил» материального и духовного характера. Война представляется следствием сложного переплетения экономических, геополитических, дипломатических, идеологических, психологических, национальных факторов.

Признание многофакторности происхождения войны дает основание многим историкам полагать, что бессмысленно заниматься поиском страны, ответственной за развязывание войны. Действительно, существовавшая перед Первой мировой войной блоковая система международных отношений не была «жесткой». Любая из великих держав могла, с одной стороны, начать войну самостоятельно, а с другой — оказывалась в состоянии шантажировать войной своих противников и склонять к войне своих союзников. В ходе предвоенных международных кризисов союзники по Антанте и Центральному блоку еще удерживали друг друга от грубых провокационных действий, ведущих к войне. В 1914 г. механизмы сдерживания войны были отпущены всеми государствами. Это не означало, что правительства отказались от выполнения взятых ранее на себя международных обязательств. Известный американский политик и дипломат ***Генри Киссинджер*** (род. 1923) верно подметил, что Первая мировая война началась вовсе не потому, что отдельные страны нарушили заключенные договоры, а потому, что они исполняли их чересчур буквально.

Вместе с тем, очевиден тот факт, что германские правящие круги, провоцируя Австро-Венгрию на войну против Сербии, преследовали свои далеко идущие цели. Они стремились разрушить сложившийся на рубеже XIX–XX в. баланс сил на международной арене и претендо-

вали на роль гегемона в Европе. Тем самым Германия внесла наибольший вклад в эскалацию войны в период июльского кризиса 1914 г.

Ф. Фишер и современная немецкая историография

Серьезные изменения в оценке причин войны произошли и в немецкой историографии. В середине 60-х гг. XX в. были опубликованы работы западногерманского историка ***Фрица Фишера*** (1908-1999), самая известная из которых называлась «Рывок к мировому господству». В этой книге Фишер показал, что германская внешняя политика с конца XIX в. носила особо агрессивный характер ввиду позднего выхода страны в круг великих государств и поиска «места под солнцем». Германия, по мнению историка, тщательно готовилась к борьбе за гегемонию на европейском континенте не только в военном плане, но и экономически, политически, дипломатически, идеологически. На огромном фактическом материале Фишер раскрыл конкретные захватнические немецкие цели войны, которые формулировались кайзером, правительством, генералитетом, промышленниками, политическими партиями, различного рода союзами и обществами.

Выводы Фишера вызвали не просто широкую дискуссию в исторической науке ФРГ, а гипертрофированную критику со стороны многих немецких историков разных школ и поколений. Начало ее положил один из отцов послевоенной немецкой историографии ***Герхард Риттер*** (1888–1967). Он выступил против положения Фишера о том, что идея немецкой гегемонии на европейском континенте и за его пределами была главной во внешней политике Германской империи. Открытую неприязнь у немецких историков вызвал тезис Фишера о континуитете немецкой внешней политики от кайзера до Гитлера. Одни, последователи риттеровской критики, не находя веских аргументов для опровержения основного пафоса книги, писали о влиянии на Фишера «славянской националистической идеологии». Другие пытались возродить тезис о «превентивном» характере войны со стороны Германии. Третьи стремились «смягчить» выводы автора ссылкой на «равнозахватнические» планы других участников войны. Есть и такие историки, которые считают книгу Фишера «провокационной».

В настоящее время многие немецкие историки придерживаются мнения, что в 1914 г. все европейские лидеры играли с огнем войны. Никто не подозревал, что война затянется на четыре года, и будет стоить жизни 10 млн человек. Большинство европейских политиков

считало войну оборонительной, которая закончится к концу 1914 г. Но если войне суждено начаться, то должны быть победители, побежденные, аннексии, контрибуции, передел территорий, расчленение государств, выявление сфер влияния. В историографии утверждается, что Германия в 1914 г. войну не планировала. Она не сформулировала к июлю 1914 г. своих военных целей. Генеральные штабы Германии и Австро-Венгрии не имели определенного военного соглашения. Координация их военных операций и военных целей во время войны была менее глубокой и менее оперативной, чем координация действий стран Антанты. Проводится мысль, что стремление Германии «самоутвердиться» в качестве «великой державы» не содержало, якобы, в себе ничего аморального и предосудительного.

Отношение к войне немецкого общества

Объявив 1 августа 1914 г. войну России, Германия начала военные действия на Западе. 2 августа немецкие войска оккупировали нейтральный Люксембург. 3 августа германское правительство обвинило французов в провокациях на франко-германской границе и начало военные действия против Франции. Утром 4 августа немцы вторглись в Бельгию, нарушив ее нейтралитет. Вечером британский кабинет объявил войну Германии. Таким образом, в течение первых четырех дней августа 1914 г. Германская империя оказалась в состоянии войны с крупнейшими европейскими странами. В ходе уже начавшихся военных действий против Германии выступило еще 23 страны. На стороне Германии воевали Австро-Венгрия, Болгария и Турция. Попытки немецкой дипломатии привлечь на свою сторону Италию и Румынию закончились неудачей. Основными театрами военных действий армий Четверного союза были Западная и Восточная Европа. Балканы и Ближний Восток оказались второстепенными.

В августовские дни немецкий народ, как и народы других воюющих стран, оказался во власти национал-патриотизма. Война не стала для него чрезвычайным явлением, ибо идея войны давно уже прочно вошла в сознание каждого немца. «Бисмарковское» поколение немцев было воспитано войной за единую Германскую империю. «Постбисмарковское» поколение усвоило идею войны за «Великую Германию». «Что же, отдать французам Эльзас и Лотарингию?» — задавались вопросом в Германии. Мужчины считали себя обязанными идти на войну, и уже в первые недели в армию добровольцами записались 300 тыс. человек. Женщины видели свой патриотический долг в добровольной работе в военных госпиталях. На вокзалах духовые

оркестры играли военные марши, толпы людей провожали мобилизованных в армию солдат, распевавших популярную в те дни песенку: «Я же должен, я же должен уехать, ты останешься здесь, дорогая...».

Молодые офицеры мечтали о боевых сражениях и героических подвигах, о наградах и званиях. Они опасались, как бы война не закончилась раньше, чем они попадут на фронт. Эту уверенность в скорой победе внушал и кайзер, который обещал солдатам, что они вернутся домой еще до того, «как с деревьев опадут листья». Немцев не страшила война со многими противниками: больше врагов — больше чести. Известный немецкий публицист, драматург и поэт ***Эрнст Толлер*** (1893-1939) так писал об эмоциональном состоянии немцев: «Мы живем в состоянии опьянения. Слова "Германия", "Родина", "Война" имеют магическую силу. Когда мы их произносим, они не улетучиваются, они парят в воздухе, кружатся, воспламеняются и зажигают нас».

Если простые немцы были готовы на войне оборонять «честь» и «независимость» отечества, то немецкие интеллектуалы нашли ей «теоретическое» обоснование. В войне они увидели шанс отстоять особый «немецкий национальный путь развития». Французской революции XVIII в., «духу 1789 г.» была противопоставлена «немецкая революция 1914 г.», которая должна стать поворотным пунктом в европейской истории. Результатом «революции» будет, с одной стороны, полное уничтожение либерально-эгоистичного западного общества, с другой — разрушение российского самодержавного государства. «Немецкая революция» — это «революция созидания», ибо она формирует новое общество, основанное на «национальной общности», без социальной напряженности, без классовых противоречий и партийной борьбы. Общество, основанное на немецких ценностях: порядок, обязанность, справедливость в сочетании с монархией, всеобщим избирательным правом и парламентом. В этом проявляется, считали немецкие интеллектуалы, суть войны, «идея 1914», «дух 1914», «революция 1914».

В сентябре 1914 г. было опубликовано ставшее широко известным обращение «К культурному миру», подписанное 93 немецкими интеллектуалами, среди которых было 58 профессоров германских университетов. В обращении отрицалась вина Германии в развязывании войны, подчеркивалось единство нации и армии, вставшей на защиту немецкой культуры от угрозы «быть стертой с лица земли». Обращение во многих странах, в том числе и нейтральных, вызвало негативную реакцию и рассматривалось как проявление великогерманского шовинизма.

Воинственный энтузиазм «улицы» захватил и рейхстаг. 4 августа депутаты стоя приветствовали Вильгельма II, который заявил, что немцы не стремятся к завоеваниям. Они только хотят сохранить для себя и своих будущих поколений то место, на которое «поставил ее Всевышний». С трибуны рейхстага прозвучали призывы кайзера к «гражданскому миру», заключенные в ставшей широко известной формуле: «Я не знаю больше партий. Я знаю только немцев».

Вместе с депутатами от буржуазных партий за военный кредит 4 августа проголосовала фактически и вся фракция СДПГ, включая Карла Либкнехта, одного из лидеров антивоенного движения начала XX в. Только один член фракции оставил зал перед голосованием. Свою позицию социал-демократы объясняли тем, что они голосуют не «за» или «против» войны. Они голосуют лишь за то, что бы защитить отечество и быть со всем народом.

Военные цели Германии

Еще на рубеже XIX–XX вв. немецкое общество активно обсуждало планы создания такого миропорядка, в котором бы Германия занимала «достойное» место, соответствующее ее национальному величию и экономической мощи. Но если прежде эти планы носили, в определенной мере, риторический характер, то начавшаяся война поставила их на почву «реальной политики».

Наиболее обширной и законченной была программа послевоенного мироустройства, предложенная Пангерманским союзом в сентябре 1914 г. под названием «Меморандум о германских военных целях». Пангерманцы выступили за создание в Европе «Великой Германии» с населением 100–120 млн человек. Ее экономическую основу должна была составить «Срединная Европа», включающая в себя большую часть европейских стран.

Была подготовлена подробная программа расширения немецких колониальных владений. Она предусматривала захват французских, бельгийских и португальских колоний в Африке. Судьбу африканских колоний Англии предлагалось решить после того, как эта страна будет «поставлена на колени». В конечном счете, немцы стремились создать в Африке «единый колониальный рейх», так называемую «Срединную Африку». Колониальная империя должна быть богатой сырьем, располагать «удобными гаванями» и способной стать рынками сбыта немецких товаров.

Программу «беспощадного» экономического и политического ослабления Европы выдвинули немецкие магнаты угля и стали, в том

числе Альфред Крупп, Гуго Стиннес, Август Тиссен, директор пароходной компании «Гамбург-Америка» ***Альберт Баллин*** (1857–1918), Союз немецкой промышленности, Союз сельских хозяев, Ганзейский союз и др. Они требовали присоединения к Германии индустриальных областей северо-восточной Франции и Бельгии, расширения зоны источников сырья и рынков сбыта немецкой продукции.

Свой интерес к послевоенному переделу европейских границ высказывали и немецкие князья — «держатели» земель. Уже 14 августа баварский король *Людвиг III* (1845–1921) предложил разделить Эльзас-Лотарингию между немецкими княжествами. Король Саксонии захотел приобрести не только «свою» долю Эльзас-Лотарингии, но и территории в Польше и Прибалтике. Сразу несколько князей высказали претензии на трон будущего Польского королевства.

Канцлер Бетман-Гольвег разделял далеко не все экспансионистские притязания, выдвигаемые в политических кругах. Он был более умерен, более осторожен, всегда обдумывал каждое произносимое им слово, каждый свой внешнеполитический шаг. Как и все, он придерживался утверждения, что Германия ведет «вынужденную», «превентивную», «оборонительную» войну. Публично канцлер предпочитал больше рассуждать не о войне, а о послевоенном мире, который бы «обеспечил» безопасность его стране. Военные цели Германии Бетман-Гольвег предпочитал называть «немецкими условиями» мирных переговоров или «миром по-немецки», который должен наступить после окончания войны. На закрытых совещаниях в правительстве и встречах с политическими и военными деятелями, в секретных записках канцлер был более откровенным и говорил именно о военных целях.

Впервые канцлер изложил германские военные цели в секретной записке 9 сентября 1914 г., получившей название «сентябрьской программы» или «каталога военных целей» Бетман-Гольвега. Сам канцлер назвал этот документ «Предварительными директивами для немецкой политики при заключении мира». Записка впитала в себя весь комплекс геополитических и экономических требований немецкой промышленно-финансовой и военно-политической элиты.

Стержнем программы была известная доктрина «Срединной Европы», которая давно и активно обсуждалась в общественно-политических, промышленных и научных кругах страны. Но Бетман-Гольвег был более осторожен в трактовке «Срединной Европы». Под «Срединной Европой» канцлер понимал «среднеевропейский таможенный союз», включавший Австро-Венгрию, Бельгию, Голландию, Данию,

Польшу, Францию и, возможно, Швецию, Норвегию, Италию. В таком союзе формально все государства сохраняли самостоятельность и равноправие, но фактически находились под немецким контролем. Предполагалось наличие общих вооруженных сил и единой банковской системы. Франция, как великая держава, должна была исчезнуть с политической карты Европы, после войны выплачивать контрибуцию и передать Германии некоторые промышленные районы.

Восточная проблематика «сентябрьской программы» касалась, прежде всего, России. Российская империя, как и Франция, также исключалась из числа великих стран. Западную границу России Бетман-Гольвег предполагал отодвинуть от германских границ как можно дальше на восток. Европейскую территорию России он хотел расчленить под предлогом освобождения «нерусских народов» от господства «реакционного царского режима».

«Сентябрьская программа» канцлера дополнялась другими документами крупных правительственных чиновников. В них прямо предлагалось уничтожить экономически Францию, «исторического врага отечества», присоединить ее области, богатые углем и рудой, к Германии. Великобританию собирались лишить морского могущества. Немцы хотели иметь в Европе «широкое побережье» с более свободным выходом в океаны и «лучшие порты». Министр внутренних дел Пруссии ***Вильгельм фон Лебель*** (1855–1931) предлагал захватить у противника все, что Германия может «переварить», и даже то, что непосредственно немцам не нужно, но может в будущем ослабить конкурентов.

В течение последующих лет правительство еще не один раз возвращалось к обсуждению военных целей. Принципиальные задачи — установление немецкого мирового господства — оставались неизменными. Расширялись оккупационные зоны в России, уточнялись планы создания большой колониальной империи в Африке, с военно-морскими базами на побережье Индийского и Атлантического океанов. Немцы планировали получить с побежденных стран огромные контрибуции. Так, США и Великобритания должны были выплатить Германии по 30 млрд долларов, Франция — 40 млрд франков, Италия — 10 млрд лир. С Боливии, Бразилии, Китая, Кубы, Португалии, Японии немцы хотели получить по 12 млрд марок.

20 июня 1915 г. на съезде интеллектуальной немецкой элиты в Берлине был принят документ, известный под названием «Меморандум профессоров». Его подписали 352 профессора, 158 священников, 148 судей, 145 чиновников и др. — всего 1347 человек. В меморандуме

подчеркивалась необходимость германского продвижения в Восточную Европу и «приращения» территорий за счет Польши, Прибалтики, Украины, Белоруссии.

Российскую империю, простирающуюся от Балтийского до Черного морей, предполагалось вернуть к границам «до Петра Великого». Расчленение обосновывалось правом «угнетенных нерусских народов» на самоопределение и освобождением от «царского ига». Часть территорий предлагалось аннексировать, на других — создать марионеточные государства. В частности, Прибалтику одни предлагали включить в состав Германии, другие — образовать государства литовцев, латышей и эстонцев и поставить их под контроль Германии. Западные районы Царства Польского должны быть включены в состав Германии. На территории центральной Польши большинство предлагало создать польское государство под опекой Германии. Меньшинство считало возможным сохранить эти земли в составе России — для возможного торга с целью подписания с нею сепаратного мира. Программу экономического порабощения России предлагали немецкие промышленники. Их интересовали Прибалтика, Польша, Донская область, Крым, Приазовье и Кавказ — как крупные сырьевые базы германской индустрии.

Таким образом, немецкая концепция послевоенного миропорядка, как концепция разрыва «вражеского окружения» и гарантии «национальной безопасности», разрушала сложившийся в мире баланс сил и утверждала мировую гегемонию Германии.

Военные кампании 1914–1917 гг.

Пограничные сражения

Военные действия на Западном фронте начались стремительным наступлением германских войск. 20 августа они вышли к франко-бельгийской границе. Здесь развернулись основные бои, получившие название Пограничного сражения. Верховное военное командование (ВВК) намеревалось закончить западную кампанию в течение 6–8 недель, и затем направить основные силы на Восточный фронт. Совместным наступлением с Австро-Венгрией планировалось разгромить русскую армию. Тем самым достигался победоносный исход войны на обоих фронтах.

В Пограничном сражении столкнулись основные силы противников. Немецким армиям, насчитывающим 1,7 млн человек, противостояли союзные франко-бельгийские и английские войска общей численностью 1,6 млн. Союзники не выдержали немецкого удара и

25 августа начали отступать на юго-запад по всему фронту. Возникла непосредственная угроза Парижу, и 2 сентября французское правительство переехало из столицы в Бордо, что придало немцам уверенности в победе. К вечеру 4 сентября немецкие войска вышли к реке Марне, восточнее Парижа. В Германии ликовали, ожидая скорого падения французской столицы. В Ставке считали, что англо-французская армия уже разгромлена, и война на Западе достигла своих целей. С конца августа ВВК начало переброску части своих войск в Восточную Пруссию, где русские армии начали неожиданное наступление. План Шлиффена фактически провалился.

Немецкий генералитет недооценил воли французов к сопротивлению. В то время как немецкие самолеты сбрасывали на Париж листовки с предложением сдаться, парижские таксисты перевозили к линии фронта дополнительные войска. Союзное командование сумело провести перегруппировку своих войск и добиться заметного превосходства над противником в живой силе и технике. 6 сентября франко-британские войска перешли в контрнаступление по всему фронту от Парижа до Вердена. Началась знаменитая «битва на Марне», в которой столкнулось более 2 млн человек и почти 7 тыс. орудий. Она фактически стала генеральным сражением Первой мировой войны. Немецкие войска не выдержали натиска франко-британских армий и, неся значительные потери, были вынуждены отступить на северо-восток. К 12 сентября они закрепились на новых позициях.

Поражение на Марне явилось для Германии стратегическим поражением и было сравнимо с масштабами национальной трагедии. Рухнули планы немецкого командования на разгром противника в ходе «блицкрига». К тому же обнаружилась неспособность Верховного командования адекватно оценивать фронтовую обстановку и управлять войсками. Были допущены просчеты в материальном снабжении войск в ходе их продвижения вглубь французской территории. 14 сентября генерал-полковник ***Гельмут фон Мольтке*** (1848–1916) был снят с должности начальника Генерального штаба и на его место назначен генерал ***Эрих фон Фалькенхайн*** (1861–1922). Однако и новому командующему не удалось переломить негативную ситуацию. Предложенная им «стратегия изматывания» противника в отдельных операциях успеха не принесла. Попытки немецких войск начать наступление на флангах упирались в активную оборону противника. Постепенно боевые действия отступали на север. Это был знаменитый «бег к морю». К середине ноября враждующие ар-

рóям отечества». В глазах немцев они стали «настоящими полководцами», оба получили повышения в звании и по службе. Первый был назначен командующим всеми немецкими войсками на Восточном фронте, второй остался при нем в качестве «мозгового центра», то есть начальника штаба. Оба генерала считали, что германская победа завоевывается на Востоке, и требовали к Восточному фронту особого внимания. Однако попытки немцев развить свое наступление в 1914 г. в Польше серьезного успеха не имели. Взаимное истощение немецких и русских войск стабилизировало Восточный фронт. Германии не удалось вывести Россию из войны. Только весной 1915 г. немецкие войска начали наступление в Галиции и русской Польше. 5 августа они вошли в Варшаву, 15 сентября — в Вильно. Русская армия несла тяжелые потери. Гинденбург и Людендорф предлагали продолжить наступление на русском фронте с целью полного разгрома России. Фалькенхайн предпочел активизировать военные действия на Западном фронте, ибо промедление позволяло Франции и Великобритании и дальше резко наращивать перевес в живой силе и технике.

Битва за Верден

21 февраля 1916 г. немецкие войска начали наступление на крепость Верден. Взятие Вердена не только открывало путь на Париж, но и возвращало армии утраченный авторитет и волю к победе. В операции противники использовали авиацию, танки, огнеметы, сверхтяжелую артиллерию. ВВК предполагало закончить операцию в течение месяца. Затянулись же бои за Верден на 10 месяцев и не принесли немцам успеха. Французы устояли, хотя и потеряли 317 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. В «верденской мясорубке» немецкая армия также понесла значительные потери — 282 тыс. человек — которые не были восполнены до конца войны.

Во второй половине 1916 г. активные боевые действия противники развернули на р. Сомме. В сентябре англичане провели танковую атаку на позиции немцев. Однако кровопролитные сражения не дали преимущества ни одной из сторон. Но стратегическая инициатива перешла к войскам Антанты. Немецкое командование вновь переоценило возможности своих армий и недооценило силы противника, допустило ошибки стратегического и тактического характера.

На Восточном фронте Центральные державы, сосредоточившие здесь более 60 % своих войск, в 1916 гг. одержали ряд крупных побед над русской армией. Однако Россия вновь устояла, Восточный фронт не был ликвидирован. Более того, Австро-Венгрия в Галиции

мии уперлись в пролив Па-де-Кале. На этом закончились активные маневренные боевые действия. На Западном фронте, протяженностью в 700 км — от швейцарской границы до Северного моря, война вступила в длительный позиционный период. Войска зарывались в землю, чтобы годами сидеть в окопах. Только массированная артиллерийская перестрелка, бесконечно увеличивающая число убитых и раненых, обнаруживала существование воюющих сторон.

Восточный фронт. Военные действия на Восточном фронте в 1914 г. начались под диктовку русской армии. 4 августа, откликаясь на просьбу французов о помощи, русские войска с юга и востока вступили на территорию Восточной Пруссии. Под ударами 1-й русской армии генерала П. К. Ранненкампфа, главные силы немецкой армии начали отступление в Западную Пруссию в направлении р. Вислы. Германский Генеральный штаб был вынужден сменить руководство войсками. Новым командующим был назначен 67-летний отставной генерал ***Пауль фон Гинденбург*** (1847–1934), а начальником штаба армии — полковник ***Эрих Людендорф*** (1865–1937). Они никогда не были фаворитами Генерального штаба, но первый, не обладая глубоким военным мышлением, отличался властным характером. Второй имел не только крутой нрав, но и был исключительно талантливым стратегом и организатором. Эти два человека образовали мощный командирский тандем, который Гинденбург позже назвал «счастливым браком». Используя плохое управление и пассивность русских войск, и опираясь на полученное подкрепление с Западного фронта, немцы 26–31 августа нанесли тяжелое поражение 2-й русской армии генерала А. В. Самсонова в районе Танненберга. Затем немецкие войска нанесли удар по 1-й армии П. К. Ранненкампфа и вытеснили ее из Восточной Пруссии.

Э. Людендорф

Победа под Танненбергом скрасила горечь поражения немецких войск на Марне и потому вызвала в Германии бурное ликование. Гинденбургу и Людендорфу она принесла огромную славу как «ге-

потерпела тяжелое поражение в ходе знаменитого «брусиловского прорыва» в июне–августе 1916 г. Руководство Австро-Венгрии после этого поражения больше не верило в возможность военной победы и, опасаясь окончательной катастрофы, задумывалось о заключении сепаратного мира. Неудачей закончилось наступление австро-венгерских войск из Тироля против Италии.

Таким образом, военная кампания 1914–1916 гг. на европейском континенте развивалась далеко не так, как ее представляли правящие круги Германии. В ходе наступательных операций немецкая армия понесла значительные человеческие потери, лишаясь профессиональных военных кадров. Войска пополнялись необученными мобилизованными резервистами. Накопленный немцами запас вооружений и боеприпасов истощился уже в первые месяцы войны. Не имея стратегических резервов, немецкая армия оказалась не в состоянии начать новое крупное наступление одновременно на двух фронтах.

Третье Верховное командование

Летом 1916 г. в военно-политических кругах усилилась критика Верховного командования в связи с неудачами на Западном и Восточном фронтах. В августе Фалькенхайн был снят со своего поста. Новым начальником Генерального штаба был назначен «герой Танненберга» генерал-фельдмаршал Гинденбург. Людендорф получил пост первого генерал-квартирмейстера и фактически руководил всеми вооруженными силами Германии. Это было уже третье Верховное командование германской армии за период войны. С обновленным командованием немцы связывали свои надежды на военные успехи. Однако амбициозные «герои Танненберга» вскоре поняли, что их оценки положения на Западном фронте и перспектив войны были глубоко ошибочными. Теперь уже не Германия, а противник определял стратегию и ход войны.

Выход из неблагоприятной ситуации Верховное командование видело в радикализации методов военных действий. С 1 февраля 1917 г. Германия начала «неограниченную» подводную войну. Подводники превратились в самых популярных людей в стране. Немцы надеялись на полную морскую изоляцию стран Антанты и подрыв ее военно-экономического потенциала. В действительности решение о развертывании «неограниченной» подводной войны оказалось бесплодным в военном плане, так как не изменило общего хода войны в пользу Германии. Оно было катастрофическим в политическом отношении, ибо вызвало негативную реакцию в мире. В Вашингтоне германское

решение произвело эффект разорвавшейся бомбы. США не только осудили расширение подводной войны, но и объявили 6 апреля 1917 г. войну Германии.

В Берлине вступление в войну США не вызвало особой тревоги. Немцы, с одной стороны, недооценили возможности реального вмешательства США в ход военных событий. С другой стороны, они были убеждены в том, что их подводные лодки уничтожат военные транспорты, направляющиеся в Европу.

Организация военной экономики

Крах военных планов на Западном и Восточном фронтах и начавшаяся позиционная война поставили экономику и финансы Германии в тяжелое положение. Мировая война стала для Германии войной на истощение. Страна оказалась перед альтернативой воевать «до последнего немца» и «последней марки». Потребность в средствах ведения войны превысила все довоенные расчеты. Война разорвала традиционные внешнеэкономические связи Германии, прежде всего со странами Антанты, на долю которых в 1913 г. приходилось 80 % ее импорта и 67 % экспорта. Значительные трудности для немцев создавала экономическая блокада, начатая британским военно-морским флотом. Промышленность лишилась устойчивого снабжения стратегическими видами сырья, особенно железной рудой, которую немцы импортировали из Швеции. Весьма уязвимой в условиях войны оставалась и продовольственная безопасность страны.

Методы государственного регулирования

Правительство видело выход в мобилизации экономики на военные нужды с помощью государственного механизма. В 1914 г. в прусском военном министерстве был создан специальный отдел военного сырья, который возглавил крупный промышленник ***Вальтер Ратенау*** (1867-1922). В руководство отдела вошли видные представители промышленности и банков. На основании закона о «хозяйственной мобилизации» военно-сырьевой отдел занимался учетом и распределением наличного запаса сырья, определением его потребностей и поиском дополнительных источников. Был введен запрет на экспорт важнейших видов сырья, полуфабрикатов и готовой продукции; упрощен импорт продовольствия. Отдел регулировал цены на сырье, фураж и продовольствие, а также на товары повседневного спроса. В сентябре 1914 г. с такими же целями было основано акционерное общество «Военный металл» с капиталом более 6 млн марок.

За первые полтора года войны меры государственного регулирования положительно сказались на военной промышленности. Производство самолетов, снарядов, винтовок увеличилось в 1,5 раза, орудий и пулеметов — в 3,5 раза. Однако потребности войны на два фронта и необходимость вооружать союзников превосходили возможности немецкой промышленности. Военное производство требовало огромных финансовых расходов, которые покрывались в значительной мере за счет государства. Из 5,5 млрд марок, вложенных в годы войны в промышленность, более 3 млрд приходилось на долю государства. Лишившись возможности получать зарубежные кредиты, правительство широко использовало внутренние займы. За годы войны было выпущено 9 государственных займов на общую сумму 97,626 млрд марок. Государственный долг за военные годы вырос с 5 до 160 млрд марок. Бюджет сводился с постоянным дефицитом и в целях его покрытия в 1916 г. был введен прогрессивный налог на военную прибыль.

Чрезвычайно обострилась продовольственная проблема. До войны Германия импортировала 2 млн т пшеницы, 225 тыс. т мяса и жира, 110 тыс. живого скота, 135 тыс. т молочных продуктов. В связи с блокадой импорт продовольствия упал на 30–40 %. Одновременно снизился объем сельскохозяйственного производства внутри страны. Так, производство пшеницы в 1916 г. сократилось на 34 %, картофеля — на 54 % по сравнению с довоенным временем.

Недостаток продовольствия привел к введению мер государственного регулирования и на сельскохозяйственное производство. Хлебная монополия находилась в руках Имперского управления по зерновым продуктам. Из свободной торговли были изъяты пшеница, рожь, ячмень, овес. Появились подобные управления по кормам, мясу, картофелю и т. д. Все они были подчинены в 1916 г. Военно-продовольственному управлению. В связи с продовольственным кризисом была введена принудительная продовольственная разверстка, согласно которой производитель был обязан сдавать государству все излишки продовольствия. В 1915–1916 гг. в городах на основные продукты питания — хлеб, мясо, молоко, сахар, картофель, жиры — была введена карточная система. В конце войны на одного человека в день давали по карточкам 116 г муки, 18 г мяса, 7 г жиров. Цены на продукты питания регулировало государство, но они постоянно росли. Активизировался «черный рынок», на котором продавалось от 30 до 50 % всех продовольственных товаров. Дома и на работе немцы слышали слово «шибер» — «спекулянт». Натуральные продукты заменялись суррогатами. В Кёльне, например, по инициативе тогдашнего

заместителя бургомистра Конрада Аденауэра изготавливалась так называемая «кёльнская сосиска» — нечто малоаппетитное на основе соевой муки. За ней появился «кёльнский хлеб», представлявший собой смесь кукурузной муки, ячменя и риса. С 1916 г. «кёльнский хлеб» стал выдаваться по карточкам. Аденауэр распорядился продавать хлеб только черствым, не менее чем 2-дневной давности.

«Диктатура Верховного военного командования» и программа «тотальной войны»

Третье Верховное командование считало, что проводимые правительством мероприятия в военно-экономической сфере являются недостаточными. В Ставке Верховного командования, номинальной главой которого был кайзер, стали решаться не только вопросы ведения военных операций. Гинденбург и Людендорф («дуумвират») активно вмешивались в определение военно-политических целей, в решение внутригосударственных проблем, вопросов экономического обеспечения войны. Существовавшее ранее относительное равновесие между политическим и военным руководством было нарушено. Страна сползала к новому режиму, получившему название «диктатуры Верховного военного командования».

Осенью 1916 г. ВВК выдвинуло программу «тотальной войны», то есть мобилизации всех сил народа и экономики на победоносную войну. Программа «тотальной войны» в пропагандистских целях была названа по имени ее инициатора — «Программой Гинденбурга». Она предусматривала немедленное решение целого комплекса вопросов и должна была подогреть угасавший национал-патриотизм. Во-первых, к весне 1917 г. в 2–3 раза должно было увеличиться производство боеприпасов всех видов, артиллерии, минометов, пулеметов, самолетов, а также ручного инвентаря и стройматериалов для позиционной войны. Для выполнения этих требований необходимо было увеличить производство на существующих военных заводах и построить новые, а также изъять из других отраслей запасы сырья и металлов, энергоресурсов, рабочей силы. Во-вторых, Гинденбург требовал направить в действующую армию людские резервы и одновременно обеспечить военную промышленность квалифицированной рабочей силой.

В рамках «Программы Гинденбурга» 5 декабря 1916 г. рейхстаг принял закон «О вспомогательном патриотическом труде». По закону, все категории работающих на военном производстве могли переходить на другую работу только с разрешения представителя военного ведомства. Категорически запрещалось проведение за-

бастовок. Закон также вводил трудовую повинность для мужчин в возрасте от 16 до 60 лет. На военные заводы из действующей армии вернули 125 тыс. квалифицированных рабочих-специалистов. Неквалифицированные рабочие заменялись женщинами и подростками и отправлялись на фронт. Одновременно открывались профессиональные училища для подготовки квалифицированных рабочих кадров. 1 ноября 1916 г. при военном министерстве было создано Военное управление, которое и стало главным органом военно-экономической мобилизации. Его возглавил генерал *Вильгельм Грёнер* (1867–1939), ставший одновременно заместителем военного министра Пруссии, но подчинявшийся министру лишь формально. Под контролем Военного управления оказалась вся германская индустрия. «Программа Гинденбурга» в 1917 г. была выполнена, а по отдельным видам производства вооружений даже перевыполнена.

Таким образом, создавались механизмы государственного регулирования условий труда и рынка рабочей силы. Они соединялись с ранее принятыми мерами по государственному регулированию в сфере производства и снабжения с участием частного и акционерного капитала. В совокупности эти мощные механизмы регулирования вели к сращиванию государства с капиталистическим производством и складыванию «организованного» государственно-монополистического капитализма. В качестве немецкой экономической базы широко использовались оккупированные области европейских стран, из которых вывозилось сырье, готовая продукция, продовольствие. С ноября 1916 по ноябрь 1918 г. из Румынии в Германию было вывезено 890 тыс. т нефти, из оккупированного французского железорудного бассейна Брией–Лонгви до августа 1917 г. — 7,2 млн т железной руды. Широко использовался в Германии труд подневольных рабочих из оккупированных стран. До середины 1918 г. в Германии работало 170 тыс. рабочих, депортированных из Бельгии, и 130 тыс. — из Польши. Однако в целом экономика страны не могла удовлетворить потребности войны. Гражданские отрасли промышленности, сельское хозяйство, инфраструктура переживали глубокий кризис.

Кризис «гражданского мира». Отставка Т. фон Бетман-Гольвега

К весне 1917 г., несмотря на огромные усилия и жертвы, перспективы германской победы в войне оставались проблематичными. На пределе находились материально-технические, финансовые и людские ресурсы. Менялось и настроение масс. Они все меньше верили рас-

плывчатым сводкам с фронтов. Все чаще население задавало вопрос: «Когда же закончится эта война?». В народе осмеливались уже открыто выступать с ее осуждением. Если в 1915 г. антивоенные выступления носили спорадический характер, то с весны 1916 г. они принимают систематический характер. В 1917 г. демонстрации и забастовки стали обычным явлением. Возможно, антивоенные настроения затронули бы немцев гораздо раньше, если бы не своеобразие первой мировой войны: на территории Германии военных действий и разрушений не было, войну напрямую гражданское население не пережило.

Изменения в настроении масс первыми почувствовали социал-демократы. Если в декабре 1914 г. против военных кредитов в рейхстаге голосовал один Либкнехт, то через год уже 20 депутатов от СДПГ отказалась поддержать военный бюджет. В январе 1916 г. К. Либкнехт и Р. Люксембург образовали в рамках партии группу «Спартак», которая выступила против партийного курса «обороны отечества». Февральская (мартовская по европейскому календарю) революция в России ускорила процесс размежевания политических сил в Германии. В апреле 1917 г. антивоенное крыло СДПГ пошло на раскол и создало Независимую социал-демократическую партию Германии (НСДПГ). Сохранив за собой известную Эрфуртскую программу, партия выступила против войны, за демократические реформы и социализм. СДПГ, Центр и Прогрессивная партия в начале июля сформировали в рейхстаге оппозиционный Межфракционный комитет, который потребовал от правительства более решительных действий в проведении конституционных реформ и поисках мира «без аннексий и контрибуций».

Требования парламентской оппозиции совпали с намерениями Бетман-Гольвега, который не раз публично предупреждал, что продолжение войны и отсутствие политических перемен толкает страну навстречу внутренним потрясениям. Канцлер искал поддержки у формирующейся оппозиции, выстраивая новую политическую «диагональ». Он согласился с предложением СДПГ провести в Стокгольме международную социалистическую конференцию по вопросу о мире на основе принципов «без аннексий и контрибуций» и «самоопределения народов».

Весной 1917 г. Бетман-Гольвег предложил к реализации политику «новой ориентации». Под ней он имел в виду реформу прусской трехклассной избирательной системы и парламентаризацию страны, то есть формирование правительства, ответственного перед рейхстагом. Под давлением канцлера 7 апреля кайзер подписал «Пасхальное

послание», в котором обещал провести реформу прусского избирательного права после окончания войны. Бетман-Гольвег настаивал на подписании соответствующего указа. 10 июля канцлер ультимативно заявил Вильгельму II: реформа или отставка. Кайзер сдался и 11 июля подписал указ о введении в Пруссии нового избирательного закона и поручил правительству подготовить соответствующий указ. Как писал позже Людендорф, связь между «Пасхальным посланием» и русской революцией «была слишком очевидной». По его утверждению «элементы разложения» внутри страны использовали слабость правительства и начали наступление на государственный порядок.

Консерваторы и генералитет обвинили Бетман-Гольвега в неспособности объединить страну и поднять народ на победу. Гинденбург и Людендорф отказались от дальнейшей совместной с канцлером работы и заявили о намерении уйти в отставку. Не поддержали Бетман-Гольвега и СДПГ и Центр, которые обвинили канцлера в нерешительности и неспособности добиться большего. Оказавшись в изоляции, Бетман-Гольвег ночью 12 июля подал в отставку, которая 13 утром была принята кайзером.

На этом закончилась политическая карьера Бетман-Гольвега. Большинство современников не смогли по достоинству оценить деятельность рейхсканцлера. Его называли «неудачником», «консерватором», «политическим спекулянтом». В отечественной марксисткой историографии за Бетман-Гольвегом закрепилась также нелестная характеристика: «циник», «реакционер», «трус», «типичный прусский бюрократ». Конечно, Бетман-Гольвег был «сыном своего времени», верой и правдой служил своему кайзеру и отечеству. Находясь в большой зависимости от кайзера и военных, он пытался найти и реализовать собственные подходы к внешней и внутренней политике страны. Бетман-Гольвег раньше, чем его оппоненты из рейхстага и Верховного военного командования, увидел бесперспективность продолжения войны и трагические последствия поражения. Политика «новой ориентации» и поиски мира подчеркивали его стратегическое мышление. Порой ему не хватало настойчивости и уверенности в своей правоте, присущей Бисмарку, и он уступал своим жестким оппонентам в лице Гинденбурга и Людендорфа. Не сумел он найти общего языка и с растущей оппозицией, которая предала его в самый решительный момент. Отставка Бетман-Гольвега оказалась «пирровой победой» для парламентской оппозиции. Она так и не поняла, что в июле 1917 г. был потерян политик, который мог сопротивляться пангерманским силам.

Германская дипломатия: от «мирной резолюции» рейхстага до Брест-Литовского мира

Новым рейхсканцлером Вильгельм II назначил малоизвестного помощника прусского министра финансов, комиссара по продовольствию *Георга Михаэлиса* (1857–1936). Он оказался бесцветной личностью и верноподданным чиновником, полностью зависимым от Верховного командования. И это лишь обостряло отношения между оппозицией и правительством.

19 июля рейхстаг большинством в две трети голосов принял документ, известный под названием «мирной резолюции». В «мирной резолюции» говорилось о готовности Германии к переговорам о мире с Антантой, но конкретные его условия не оговаривались. Таким образом, резолюция не исключала германских претензий на аннексии и контрибуции, что заметно смягчало реакцию на нее кайзера, генералов и правительства. Михаэлис заявил в рейхстаге, что понимает «мирную резолюцию» как документ, призванный навсегда «гарантировать жизненные условия Германской империи на континенте и за морем». За словами канцлера «как я ее понимаю» скрывались аннексионистские планы. Позже сам Михаэлис писал, что он своей интерпретацией лишил резолюцию «характера величайшей опасности». «В конце концов, с этой резолюцией можно заключить такой мир, какой хочешь», — отмечал Михаэлис.

Тем не менее парламентский выпад заставил правоконсервативные силы консолидироваться. 2 сентября 1917 г. была создана Немецкая отечественная партия, которая представляла собой межпартийную организацию пангерманских националистических сил. В германском обществе обозначилась поляризация сил: с одной стороны была растущая оппозиция, с другой — блок авторитарных консервативных сил и генералитета. Отношения между ними, по мере военного поражения Центральных держав, принимали все более жесткие и непримиримые формы, но идти на полный разрыв с императором и Верховным командованием оппозиция не рисковала. 23 октября Межфракционный комитет предложил Вильгельму II отправить канцлера в отставку и тут же голосовал в рейхстаге за военные кредиты.

Михаэлис оказался не той фигурой, из-за которой кайзер мог бы пойти на конфронтацию с рейхстагом. 1 ноября новым, третьим за годы войны, канцлером и главой прусского правительства был назначен *Георг фон Гертлинг* (1843–1919), долгие годы заседавший в рейх-

стаге от партии Центра. Кроме Гертлинга, в состав правительства были включены два представителя Межфракционного комитета. Новый канцлер оказался не только старым по возрасту и старомодным по внешности. Он был «старым» и по образу мышления, инертным и глубоко консервативным человеком и не разделял позиции парламентского большинства. Гертлинг, как и Михаэлис, не собирался противостоять Верховному командованию. Но прошедшая в январе 1918 г. стачка рабочих Берлина, Гамбурга и других городов, под антивоенными и демократическими лозунгами, подтвердила стремление «низов» к переменам. Канцлер пытался в меру сил и возможностей сгладить разногласия между Верховным командованием и рейхстагом. Не случайно Гертлинга даже называли «канцлером примирения». Но успеха он не имел.

Осенью 1917 г. военная ситуация для немцев продолжала оставаться сложной. Однако победа в России большевиков в ноябре 1917 г. оживила надежды Германии на победоносное окончание войны. К власти в России пришли те люди, которые выступали за поражение «собственного правительства» в мировой войне. Германское правительство оказывало большевикам финансовую поддержку, а весной 1917 г. немцы способствовали проезду лидера большевиков В. И. Ленина через Германию в Россию. И теперь, возглавив Россию, большевики предложили всем воюющим странам заключить всеобщий мир, вольно или невольно подыгрывая немцам. Антанта отвергла это предложение. Германский кабинет сразу же ответил согласием. Ликвидация Восточного фронта давала возможность немецкому Верховному командованию активизировать военные действия на Западе. 5 декабря в Брест-Литовске представители двух стран подписали соглашение о перемирии. 22 декабря там же начались переговоры о сепаратном мире между странами Четверного союза и Советской Россией. Позицию Четверного союза определяла немецкая делегация, возглавляемая статс-секретарем министерства иностранных дел ***Рихардом фон Кюльманом*** (1873–1948).

Однако в советском руководстве были и противники мирного договора с Германией. Они считали, что продолжение войны вызовет европейскую революцию. Переговоры в Брест-Литовске поэтому затягивались в бесплодных дискуссиях, неоднократно прерывались. 10 февраля Кюльман предъявил большевикам ультиматум: либо мир на немецких условиях, либо продолжение войны. Глава советской делегации Л. Д. Троцкий отказался от подписания мира и от продолжения войны. «Ни мира, ни войны» — такой оказалась позиция

Троцкого в Бресте. 18 февраля войска Четверного союза начали наступление по всему Восточному фронту. Деморализованная русская армия отступала, сдавая немцам без боя города и железнодорожные станции. 23 февраля ЦК РКП(б), под угрозой В. И. Ленина уйти в отставку, согласился на германские условия мира.

Брест-Литовский мирный договор

Мирный договор был подписан 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске. По договору Россия теряла польские, литовские, частично белорусские и латвийские земли. Россия признавала независимость Украины, Польши и Финляндии, Прибалтики, уступала Турции Батум, Карс и Ардаган. С указанных территорий выводились российские войска, которые подлежали дальнейшей демобилизации. Немецкие войска оставались на оккупированной территории до заключения всеобщего мира. Германия навязала выгодные для себя экономические условия: режим наибольшего благоприятствования в торговле, беспошлинный вывоз сырья и др.

Немцы не пощадили побежденной России. В соответствии с подписанными договорами территориальные потери России составили около 1 млн кв. км. В этих областях проживало почти 56 млн человек — треть населения страны, добывалось 90 % каменного угля, 73 % железной руды. Здесь находилось 54 % российского промышленного потенциала и 33 % железных дорог, почти вся нефтяная промышленность. Для эксплуатации российских богатств немцы планировали создать синдикат с капиталом от 50 до 100 млн марок. При германском представительстве в Москве предполагалось создать специальный «хозяйственный штаб» для координации экономической деятельности немецких фирм в России.

В августе 1918 г. были подписаны дополнительные соглашения к Брест-Литовскому договору. Советское правительство признало за немцами территории, оккупированные ими уже после заключения Брест-Литовского мира. Между русскими и немецкими войсками устанавливались нейтральные зоны соответственно демаркационным разграничениям. По финансовому соглашению, названному в литературе «экономическим Брестом», советское правительство обязалось выплатить Германии пятью взносами 6 млрд золотых рублей, в том числе почти 250 т золотом, на 1 млрд товарами и 2,5 млрд кредитными билетами займа, обеспеченного государственными доходами России от концессий, предоставляемых немецким фирмам. Несмотря на тяжелейшее финансовое положение, Россия выплатила

немцам 93 т золота. Выплате оставшейся части помешало поражение Германии. Всего было поставлено золота на сумму 124 835 549 золотых рублей.

Брест-Литовский договор оценили в Германии как большую победу немецкого оружия и немецкой дипломатии. Даже в парламентской оппозиции он зажег луч надежды на победу над Антантой. Депутаты от Центра и Прогрессивной партии голосовали за ратификацию Брест-Литовского договора. Большинство фракции СДПГ, из опасения разрушить зыбкую конструкцию оппозиции, при голосовании воздержалось. «Против» голосовала только фракция НСДПГ, осудившая договор как аннексионистский.

Брест-Литовский мир был циничным со стороны Германии и развеял пропагандируемый миф о немецкой борьбе против «русского самодержавия». Договор раскрыл действительные цели германских правящих крутов и показал, что «мир по-немецки» угрожает суверенитету и территориальной целостности европейских стран. В этом и заключались настоящие военные цели Германии, как бы она их ни скрывала.

Военное поражение Германии. Образование правительства М. Баденского

Сосредоточив основные силы на Западе, германские войска начали 21 марта 1918 г. большое весенне-летнее наступление во Франции. В начале июня они находились в 70 км от французской столицы. Париж подвергался бомбардировкам немецкой авиации и обстрелам из «чудо-оружия» — дальнобойных пушек «Колоссаль», прозванных французами «толстыми Бертами». Немецкие генералы вновь заговорили о победе, но удача окончательно отвернулась от них.

В середине июля 1918 г. Антанта, опираясь на свое военное превосходство, перешла в контрнаступление по всему Западному фронту. Остановить наступление антантовских войск немцы оказались бессильными. В конце сентября Людендорф заявил кайзеру, что армия не имеет больше возможности выиграть войну. Он потребовал пойти на перемирие с Антантой, пока еще немецкие армии оккупируют территорию противника. Для этого Людендорф предложил создать в Германии «ответственное» парламентское правительство, с которым Антанта могла бы пойти на мирные переговоры. «Пусть они едят кашу, которую сами и заварили», — сказал Людендорф, имея в виду оппозицию.

3 октября 1918 г. германским канцлером был назначен 51-летний принц *Макс Баденский* (1867–1929). Его кандидатура была компромиссной, ибо устраивала Вильгельма, генералитет, консерваторов,

либералов и социалистов. Одни видели в нем «спасителя» Германии от позорного поражения, другие — политика, способного ввести страну в «новую эпоху». И те, и другие рассчитывали на нового канцлера, политическим идеалом которого была конституционная парламентская монархия британского образца.

М. Баденский

Новый кабинет формально создавался как парламентский: в его состав вошли представители Центра, Прогрессивной партии и СДПГ. Правительство принца Баденского нельзя рассматривать лишь как желание Верховного командования переложить на оппозицию ответственность за будущий мир — «позор поражения». За парламентское правительство партии Межфракционного комитета боролись давно и в трудное для страны время проявили желание и готовность взять на себя ответственность за будущее страны. Это была революция «сверху», которую задумал еще Бетман-Гольвег. Но если в 1917 г. о парламентаризации «верхи» думали как о «фиговом листке абсолютизма», по выражению независимых социал-демократов, то в условиях военного поражения никто не думал о полном сохранении старых порядков.

Учитывая сложившееся военно-политическое положение страны, новое германское правительство обратилось к американскому президенту ***Вудро Вильсону*** (1856–1924) с просьбой о посредничестве в мирных переговорах на основе известных «14 пунктов». Немцев они вполне устраивали, ибо в условиях военного поражения уже не казались слишком жесткими. Канцлер понимал неизбежность эвакуации германских войск из Бельгии и даже выплату ей компенсации за нарушенный нейтралитет и нанесенный войной ущерб. Эльзас-Лотарингию канцлер надеялся сохранить за Германией, придав ей статус союзного государства. Однако страны Антанты хотели не просто перемирия. Им нужна была полная капитуляция Германии. Дипломатическая переписка с Вильсоном затянулась на целый месяц.

Реализуя идеи демократизации и парламентаризации, рейхстаг объявил об амнистии политзаключенных и отменил прусскую 3-классную избирательную систему. Вводилось всеобщее избирательное право, которое значительно расширило число избирателей. Рейхстаг получил возможность решать вопросы объявления войны и заключения мира. В конце октября был принят закон об установлении парламентского контроля над правительством. Правительство и рейхсканцлер становились ответственными перед рейхстагом, а не перед императором. Под парламентский контроль было поставлено и военное командование. Однако внутренние механизмы нового режима еще не были четко обозначены. В частности, оставался неясным вопрос о том, кто будет выдвигать кандидатуру рейхсканцлера: император или рейхстаг. Тем не менее начавшаяся «октябрьская революция сверху» означала формальный переход Германии к парламентской монархии западноевропейского образца.

2. Революция 1918–1919 гг.

Восстание в Киле. Падение монархии

В середине октября для продолжения переписки Вильсон потребовал от германского правительства изменить форму правления. В Германии это вызвало взрыв негодования. Верховное командование настаивало на отказе от переговоров и продолжении войны «до последнего немца». На 5–6 ноября была запланирована новая мобилизация в немецкую армию. На замечание канцлера, что расширение военных действий только ухудшит условия переговоров, Людендорф грубо ответил, что «хуже не бывает».

Вечером 25 октября канцлер решился на отчаянный шаг: он подал кайзеру прошение об отставке. Это был ультиматум: переговоры или война, гражданское правительство или военная диктатура. В свою очередь и генералы пошли ва-банк. Утром 26-го рапорт об отставке подал Людендорф. Перед поездкой к кайзеру генерал сильно волновался, у него заметно тряслись руки. Как позже признавался Людендорф, это были самые горькие минуты в его жизни. Его мучили сомнения в правильности своего решения. Людендорф первым признал обреченность Германии на поражение. Но всю ответственность за переговоры он хотел переложить на гражданское правительство, спасая сомнительную «честь» армии. Но Людендорф был также убежден, что мир, продиктованный Антантой, приведет Германию к непоправимым

последствиям. И это беспокоило Людендорфа более всего. Уже после принятой кайзером его отставки, генерал сказал одному из близких офицеров: «Через 8 дней уберут фельдмаршала, через 14 дней не будет кайзера». В своей оценке Людендорф ошибся лишь на самую малость.

Макс Баденский остался на своем посту. Преемником Людендорфа стал генерал ***Вильгельм Грёнер*** (1867–1939). Он также был противником мирных переговоров на условиях Антанты и пытался улучшить позиции Германии на переговорах хотя бы временной активностью немецких войск. Командование военно-морского флота проявило собственную инициативу. 29 октября последовал его приказ атаковать английскую эскадру в открытом море. Это решение спровоцировало бунт на флоте. Матросы двух военных кораблей, «Тюрингия» и «Гельголанд», отказались подчиняться командирам и загасили топки. В ситуации, когда исход войны был ясен, никто не хотел умирать. Командование флота начало аресты матросских активистов.

3 ноября в Киле, крупнейшей военно-морской базе Германии, состоялась массовая демонстрация протеста моряков. Ее поддержали солдаты местного гарнизона и рабочие. По приказу коменданта демонстрация была разогнана, в ходе столкновения оказались убитые и раненые. В ответ восстал местный гарнизон, был создан объединенный Совет рабочих, солдат и матросов, который взял власть в Киле в свои руки. Совет потребовал немедленного окончания войны, отречения Гогенцоллернов, освобождения арестованных матросов и всех политзаключенных. В Киле были подняты красные флаги. Так в Германии началась революция.

Революция застала врасплох правительство, политические партии и военное командования. Попытки успокоить восставших не приводили к успеху. Оказавшийся в Киле в те дни М. Вебер пытался призвать матросов и солдат к выполнению священного долга — служить отечеству и кайзеру, но его слова не нашли понимания. Прибывший в Киль для успокоения восставших социал-демократ ***Густав Носке*** (1868–1946) был избран председателем созданного совета. Так СДПГ оказалась втянутой в революционные события.

Восстание в Киле явилось «пороховой бочкой», взорвавшей всю страну. Уставшие от войны, голодные и озлобленные солдаты, матросы, рабочие как будто ждали сигнала, чтобы подняться почти разом против кайзера, Верховного командования, правительства. Уже 4 ноября многие гарнизоны на Побережье поддержали восставших. 6 ноября в руках восставших были Любек, Гамбург, Бремен. 7–8 ноября — Брауншвайг, Ганновер, Франкфурт-на-Майне, Шверин и другие

города. Свергались местные монархии. Из Мюнхена бежал баварский король Людвиг III. Власть, «лежавшую на земле», как пишут мемуаристы, «подобрал» наспех сформированный совет рабочих и солдат, который взял на себя функции правительства и провозгласил Баварию «свободной республикой».

Руководство Независимой социал-демократической партии, получив известия о событиях на Побережье, в субботу утром, 2 ноября, приняло решение о подготовке вооруженного восстания в столице. Предполагалось силами революционно настроенных рабочих и солдат нейтрализовать части военного гарнизона Берлина, захватить важные стратегические объекты, свергнуть кайзера и правительство. Начать восстание решили 4 ноября, в понедельник.

В тот же день лидеры спартаковцев К. Либкнехт и ***Вильгельм Пик*** (1876–1960) тайно встретились с находящимся Берлине ***Карлом Радеком*** (1885–1939) — большевистским «специалистом» по Германии. Радек посоветовал спартаковцам начинать восстание с всеобщей забастовки под «революционными лозунгами», и только потом, через серию «агрессивных действий», перейти к вооруженному восстанию. Расчет делался на то, чтобы вызвать столкновение полиции с забастовщиками, обвинить власти в расстреле рабочих и подтолкнуть тем самым массы к восстанию. Вечером 2 ноября спартаковцы попытались навязать этот план лидерам НСДПГ, но не получили поддержки. Начало восстания было перенесено на 11 ноября с целью его более тщательной подготовки.

Революция привела к «советизации» Германии, которая, однако, не повторяла российский опыт. Немецкие советы были различными по социальному составу, по выполняемым функциям, по политической окраске. Существовали рабочие, крестьянские, солдатские советы. Были советы матросов, учителей, врачей, чиновников, юристов. Советское движение в немецкой революции в целом было далеко от понимания советов как формы диктатуры пролетариата. В большинстве своем советы оказались под контролем СДПГ, имевшей значительный опыт руководства массовым движением.

В ряде мест советы брали власть в свои руки, но чаще всего они устанавливали контроль над существующими органами управления. Главными требованиями большинства советов были: прекращение войны и заключение мира, отречение кайзера, роспуск рейхстага. Некоторые советы выдвигали более радикальные требования. Так, в Штутгарте совет требовал создания правительства из представителей рабочих, солдат, крестьян и сельскохозяйственных рабочих, проведе-

ния экспроприации промышленности и банков, установления 7-часового рабочего дня.

Остановить пока еще бескровную революцию и не допустить радикализации массового движения правительство могло только путем политических решений. Макс Баденский настаивал на отречении Вильгельма II и передаче власти наследнику престола. Канцлер по этому поводу вел постоянные переговоры по телефону со ставкой в Спа, где находился Вильгельм II. Однако император медлил с принятием решения. 7 ноября председатель СДПГ Фридрих Эберт предъявил главе кабинета ультиматум с требованием об отречении кайзера не позднее 8 ноября. В противном случае, предупреждал Эберт, социальная революция станет неизбежной. Но 8 ноября отречения так и не последовало.

Утром 9 ноября Правление СДПГ призвало рабочих к генеральной стачке под лозунгом «социальной революции». Руководство НСДПГ, боясь остаться в стороне от событий, также призвало рабочих и солдат к свержению монархии. На улицы Берлина вышли десятки тысяч рабочих и солдат с лозунгами: «Долой войну!», «Долой кайзера!». Они заняли телеграф, правительственные здания, полицейское управление, императорский дворец. Столица оказалась в руках восставших. Днем М. Баденский объявил об отречении Вильгельма II, роспуске рейхстага и отставке правительства. Пост канцлера М. Баденский от имени отрекшегося от престола кайзера предложил Ф. Эберту. Только легитимное правительство во главе с социал-демократом, как теперь представлялось М. Баденскому, могло не только обеспечить спокойствие и порядок, но и связать прошлую немецкую историю с состоявшейся революцией. Канцлер доверял лидеру СДПГ больше, чем другим политикам, ибо считал Эберта последовательным противником революции. Это решение нашло понимание и поддержку буржуазных политиков.

Эберт принял предложение, так как боялся, что безвластие может привести к большевизации событий и гражданской войне. Многолетнее участие СДПГ в парламентской деятельности убедило Эберта в правильности стратегии реформ и компромиссов, выбранной партией. Он не видел иной альтернативы, кроме принятия на себя и на свою партию всей ответственности за судьбы страны.

Днем 9 ноября Филипп Шейдеман, один из лидеров СДПГ, с балкона рейхстага в импровизированной речи объявил собравшимся берлинцам о падении монархии и провозгласил Германию республикой. В тот же день, несколькими часами позже, Карл Либкнехт с балкона императорского дворца призвал ликующих немцев бороться за

«новый пролетарский государственный строй», сделать Германию «социалистической республикой». Монархия, которая многим казалась необходимым и вечным атрибутом немецкой нации, пала легко, без кровопролития. Ранним утром 10 ноября теперь уже бывший германский император Вильгельм II тихо покинул ставку Верховного главнокомандования и навсегда остался в Голландии.

Образование республиканских органов власти

Вечером 9 ноября по инициативе Ф. Эберта начались переговоры с руководством НСДПГ на предмет создания коалиционного правительства. Они завершились днем 10 ноября созданием «революционного правительства», названным ***Советом народных уполномоченных*** (СНУ). В тот же день его персональный состав был утвержден общим собранием представителей рабочих и солдатских советов Берлина. В правительство вошли по три кандидата от каждой партии: от СДПГ — Фридрих Эберт, Филипп Шейдеман, ***Отто Ландсберг*** (1869–1957); от НСДПГ — ***Гуго Гаазе*** (***Хуго Хаазе***, 1863–1919), ***Вильгельм Дитман*** (1874–1954), ***Эмиль Барт*** (1879–1941). Эберт и Гаазе стали сопредседателями правительства. Тем не менее Эберт как председатель более крупной и популярной партии, внесшей больший вклад в победу революции, был фактическим главой СНУ. Внешне это выразилось в том, что он получил рабочий кабинет бывшего рейхсканцлера. К тому же Эберт возглавил два важных ведомства — внутренних дел и военное. Гаазе никогда не оспаривал первенства Эберта. Межпартийное соглашение о создании СНУ было первым политическим компромиссом на пути к демократической республике.

Функции представительной власти Берлинский совет временно, до созыва Всегерманского съезда советов, возложил на Исполнительный комитет, избранный в составе 24 человек. 12 членов Исполкома представляли советы рабочих (по 6 от каждой партии), еще 12 — были представителями солдатских советов. Распределение полномочий между Исполнительным комитетом и СНУ было закреплено несколькими специальными соглашениями, по которым формально правительство подчинялось Исполкому. Последний получил право назначать и смещать правительство и контролировать его деятельность. На практике правительство действовало самостоятельно. Оно сосредоточило в своих руках значительную часть функций, которые прежде выполняли рейхстаг, правительство и кайзер. Исполком пытался вмешиваться в деятельность СНУ, и это приводило к нередким конфликтам между двумя ветвями власти. Создание Исполнительно-

го комитета и Совета народных уполномоченных завершило антимонархический этап революции. Германия стала республикой.

Ф. Эберт

Но Эберта беспокоила позиция армии. Падение монархии для многих армейских чинов, считавших себя наследниками прусских военных традиций, означала не просто смену государственного строя, а личную трагедию, утрату смысла жизни. В ноябре 1918 г. присяга на верность и преданность императору были неотделимы от присяги на верность отечеству. Лишь позже военные стали осознавать, что «нити управления империей выпали из рук монарха задолго до отречения от престола», — как вспоминал генерал Эрих фон Манштейн. Сотрудничество с военными, как считал Эберт, исключало возможность контрреволюционного переворота и восстановления монархии. Но лидера СДПГ больше одолевал страх перед неуправляемостью «человека с ружьем» и возможным леворадикальным путчем.

Ночью 10 ноября у Эберта состоялся телефонный разговор с Гренером, по инициативе последнего. Начальник генштаба не был республиканцем. Но считал, что в сложившейся ситуации армия вместе с умеренными политиками способна остановить страну от сползания к гражданской войне. Гренер заявил о готовности сотрудничать с новым правительством, но на определенных условиях: легитимация власти, восстановление порядка, сохранение полномочий Верховного командования и снабжение армии всем необходимым. Эберт принял условия генерала. Союз «Эберт–Гренер» стал основой сотрудничества новой власти и старой армии. Это был второй, но уже военно-политический компромисс, который способствовал стабилизации республики. Многие критики союза Эберта с Гренером не учитывают того, что Верховное командование в ходе войны фактически было первым центром власти и располагало реальной силой даже в условиях революции. Правительство же нуждалось в армии для осуществления своей деятельности и установления общественного порядка.

Важнейшим условием политической, экономической и социальной стабильности страны явилось подписание перемирия с Антантой. Еще 7 ноября правительство М. Баденского направило во Францию германскую делегацию для переговоров. Правительство Ф. Эберта подтвердило ее полномочия. Рано утром 11 ноября на станции Ретонд в Компьенском лесу глава немецкой делегации М. Эрцбергер подписал перемирие. С точки зрения немцев, условия перемирия были крайне жесткими, по мнению французов — справедливыми. Это был ультиматум победителей. В течение 15 дней немцы обязывались вывести войска из захваченных территорий Франции, Бельгии, Люксембурга и Румынии, эвакуировать армии из Эльзас-Лотарингии, Австро-Венгрии и Турции. В России немецкие войска оставались до особого решения союзников. Антанта оккупировала левый берег Рейна. Предусматривались разоружение германской армии и передача оружия, части флота и другого имущества и ценностей победителям. Сохранялась блокада Германии. Денонсировались Брест-Литовский и Бухарестский договоры. Перемирие заключалось на 36 дней с правом продления.

Подписанием Компьенского перемирия закончилась Первая мировая война. Германия потерпела поражение. Оно явилось следствием ошибок и просчетов, допущенных германскими политиками и генералами, толкнувшими страну в военную авантюру. Теперь же немецкое общество оказалось в состоянии глубокой моральной и психологической травмы. Преодоление «посттравматического синдрома» у немцев шло, с одной стороны, через радикальное отрицание старого порядка, старых принципов и морали, с другой — через желание отомстить за «поруганную честь» отечества, через поиск и наказание виновников поражения. Так называемая «легенда об ударе кинжалом в спину», нанесенном якобы революцией немецкой армии, «непобежденной в бою», оказалась воспринятой частью немецкого общества. Опровергая «легенду», известный немецкий историк ***Ханс Дельбрюк*** (1848–1929) писал в те дни, что не поражение Германии было следствием революции, а, наоборот, революция явилась следствием поражения.

Внутренняя политика СНУ

В условиях послевоенной анархии и национального раскола, Совет народных уполномоченных свою деятельность сосредоточил на обеспечении стабильности, восстановлении производства и общественного согласия. Без этого не могло появиться нового демократического государства. Основой внутреннего курса правительства стали осторожность и компромисс, отказ от резких поворотов в политиче-

ской, экономической, социальной и военной сферах. СНУ отказался от чистки армии, бюрократического аппарата, сохранил большинство кайзеровских учреждений и полномочия их чиновников. Для новой власти было важно, чтобы система государственного управления продолжала функционировать. В этом были едины и Эберт, и Гаазе. Но компромисс со старой бюрократией и генералитетом обнаружил также неготовность социал-демократов полностью взять на себя правительственную ответственность. Государственная власть свалилась на них как снег на голову. Оказалось, что их многолетние мечты о власти и социализме не сопровождались конкретными представлениями об управлении государством и экономикой. Как едко заметил известный немецкий философ и историк ***Освальд Шпенглер*** (1880–1936), социалисты, получив всю полноту власти, выглядели несчастными.

12 ноября СНУ принял Программу действий, которая оказалась умеренной и компромиссной. Хотя Программа и предлагала ряд конкретных мероприятий, она сохраняла определенный элемент социальной и политической риторики. В ней говорилось о демократизации общественно-политической жизни, отменялось военное положение и цензура, вводились свобода слова, печати, собраний, объединений, политической деятельности. СНУ также заявил о созыве Национального собрания на основе всеобщего избирательного права женщин и мужчин с 20-летнего возраста. Это решение СНУ имело принципиальное значение для восстановления единства нации и достижения общественного согласия на демократических началах.

В затруднительной ситуации правительство оказалось при рассмотрении конкретных экономических проблем, в частности вопроса о собственности. Марксистская доктрина довоенной социал-демократии считала общественную собственность высшей формой собственности и предусматривала ликвидацию частной собственности путем ее социализации. Десятилетиями эта идея была в центре социалистической пропаганды. Однако реальности немецкой послевоенной экономики и печальный опыт большевистской национализации в России призывали немецких социал-демократов к осторожности. В правительственной программе частная собственность признавалась одной из основных форм собственности, и государство брало ее под защиту.

Правительство высказалось также за сохранение и укрепление государственной, общинной, коллективной, смешанной форм собственности. Для разработки рекомендаций по вопросам обобществления была образована «Комиссия по социализации» во главе с Карлом Каутским. Руководство СДПГ считало, что в условиях послевоенного

экономического кризиса нельзя «сломя голову» объявить все социализированным. Неподготовленная социализация приведет экономику к полному расстройству, а страна, как говорил Каутский, превратится «в сумасшедший дом». Социализация рассматривалась как результат серьезной научной подготовки и организации. Немецкие социал-демократы оказались намного прозорливее В. И. Ленина, погрузившего Россию в пучину национализации после октября 1917 г. и вынужденного применить «новую экономическую политику» в 1921 г.

Восстановление экономики и решение текущих социальных проблем СНУ связывал с регулирующей ролью государства. В стране было создано «Ведомство экономической демобилизации», на которое возлагалась задача по переводу милитаризованной экономики страны на производство продукции мирного времени. Одновременно было гарантировано право на свободу объединений всех работающих по найму, за исключением занятых на государственных предприятиях и в сельском хозяйстве. Устанавливался 8-часовой рабочий день, вводились пособия по безработице, инвалидам войны и семьям, потерявшим на войне кормильцев.

При содействии правительства Генеральная комиссия Свободных немецких профсоюзов (председатель *Карл Легин*, 1861–1920) и предпринимательские объединения (Г. Стиннес) создали Центральную комиссию для решения социальных проблем, урегулирования трудовых конфликтов, заключения тарифных соглашений во всех отраслях экономики. Это соглашение, подписанное 15 ноября 1918 г. и более известное под названием «соглашение Легина–Стиннеса», было третьим, социальным компромиссом молодой республики. Уже к концу 1919 г. тарифными договорами было охвачено 6 млн лиц наемного труда. Правительству и профсоюзам удалось смягчить первоочередные социальные проблемы, устраняя наиболее тяжелые последствия войны. В целом СНУ заложил основы всей социальной политики Германской республики.

Политика компромиссов СНУ, армии, профсоюзов и предпринимателей предотвратила социальную революцию и гражданскую войну, сохранила единство нации. Но мера сотрудничества СНУ с консервативными силами была значительно большей, чем того требовала ситуация. «Исторической ошибкой» Эберта, как считают некоторые исследователи, было то, что он не решился даже на частичную чистку высшего государственного аппарата и верхушки офицерского корпуса от откровенных сторонников старого режима. СНУ в целом не проявил достаточной воли к политическому творчеству и большей бдительности по отношению к правым. Не сделав ни того, ни другого и переоценив леворадикальную опасность, социал-демократы упустили

шанс на глубокую демократизацию страны. Взвалив на себя огромные социальные расходы, правительство поставило в критическую ситуацию финансовую систему страны. Государственный долг вырос с 50 млрд марок в 1918 г. до 86 млрд в 1919 г. и до 153 млрд в 1920 г. В стране нарастала политическая и социальная напряженность.

Первый Всегерманский съезд советов

Первый Всегерманский съезд советов проходил с 16 по 20 декабря 1918 г. После свержения монархии съезд становился важнейшим политическим событием, ибо должен был окончательно решить вопрос о власти: Национальное собрание или система Советов. Для немецкого общества это сводилось к тому, станет ли Германия демократическим государством или же пойдет по пути диктатуры.

Делегаты на съезд выбирались от рабочих и солдатских советов, в связи с этим многие функционеры социал-демократических партий, в том числе К. Либкнехт и Р. Люксембург, не были избраны на съезд. Из 489 делегатов 289 принадлежали к СДПГ, 90 были членами НСДПГ, из них только 10 относились к спартаковцам. Остальные делегаты состояли в солдатской и демократической фракциях. Выборы делегатов съезда показали, что СДПГ пользуется значительным влиянием среди рабочих и солдат.

По главному вопросу «Национальное собрание или система Советов» на съезде развернулась острая дискуссия. Суть проблемы сформулировал Эберт в своем обращении к делегатам. Он подчеркнул, что в Германии единственным источником власти является народ и его будущее связано только с правовым, демократическим парламентским государством. Конституционные основы такого государства должен разработать всенародно избранный парламент — Национальное собрание. Эберт, таким образом, уже в начале работы съезда отверг идею Советов как основы государственного строя. Он был уверен, что единый фронт социал-демократических партий одержит победу на выборах в Национальное собрание и получит мандат от немецкого народа на проведение реформ и разработку конституции.

Точку зрения Эберта поддержало большинство выступавших делегатов. Они подчеркивали, что власть Советов — это диктатура, которая неизбежно приведет к гражданской войне, и ссылались на положение в большевистской России. Руководство НСДПГ поддержало идею парламентской республики. Но оно считало, что в условиях демократической республики нельзя противопоставлять парламент и советы. Советы как выразители интересов пролетариата, по мнению независимцев, долж-

ны не только сохраниться, но и обладать законодательными рычагами для давления на парламент и правительство. Это была попытка найти «третий путь» развития страны в направление «демократического социализма», обходя капитализм и большевистский социализм.

Особую позицию по вопросу о советах заняли лидеры «Спартака». Они считали, что революция не может ограничиваться демократическим этапом, ибо он закрепил, по их мнению, власть буржуазии. Подлинное народовластие, считали спартаковцы, возможно только в условиях «социалистической демократии». Еще 10 ноября 1918 г. Либкнехт призывал к углублению революции путем передачи всей законодательной и исполнительной власти в руки рабочих и солдатских советов, как формы диктатуры пролетариата. Люксембург называла Национальное собрание «контрреволюционной крепостью», которую надо взять штурмом и срыть. Каутский тогда предупреждал спартаковцев, что движение революции «вглубь», ее подталкивание на советский путь будет означать начало гражданской войны.

За созыв Национального собрания на съезде проголосовало 344 делегата и только 98 — за власть советов. Левые радикалы назвали это решение «смертным приговором революции». Выборы в Национальное собрание были назначены на 19 января 1919 г. Таким образом, съезд высказался за скорейшую легитимацию новой власти.

Съезд передал всю законодательную и исполнительную власть до созыва Национального собрания в руки Совета народных уполномоченных, который сохранил свой прежний состав. В связи с этим, Центральный совет (ЦС) рабочих и солдатских депутатов, избранный съездом в количестве 27 человек, формально сохранил за собой право отзыва народных уполномоченных. Реально полномочия ЦС были сведены к «парламентскому надзору» за деятельностью правительства, вопреки стремлению НСДПГ наделить ЦС «полным правом» на одобрение или отклонение всех законов до их обнародования. Под влиянием левого крыла партии руководство НСДПГ отказалось участвовать в работе ЦС. В его составе оказались только представители СДПГ. Со времен победы революции это был первый серьезный конфликт в отношениях между двумя социалистическими партиями. Единство СДПГ и НСДПГ становилось иллюзорным.

На съезде был рассмотрен вопрос о социализации. С докладом по этому вопросу выступил ***Рудольф Гильфердинг*** (1877–1941), один из лидеров НСДПГ, автор известного научного труда «Финансовый капитал». Докладчик подчеркнул, что в условиях глубокой экономической разрухи первоочередной задачей является не социализация, а восстановление

промышленности с привлечением частного капитала. Однако идея социализации оказалась настолько популярной, что нашла поддержку и на съезде, который уполномочил правительство «незамедлительно» приступить к социализации всех «созревших» отраслей промышленности, в частности горной. Это решение свидетельствовало о стремлении делегатов съезда создать в Германии экономическую базу социалистического общества и подорвать основы буржуазной экономики.

Съезд также принял решение о демократизации армии, зафиксированное в так называемых «гамбургских пунктах», которые были предложены солдатским советом Гамбурга. Они предусматривали увольнение из армии генералов и офицеров, не принявших республики. Вводилась выборность командиров, отменялись знаки различия. «Гамбургские пункты» показали определенную самостоятельность солдатской фракции, которая не поддержала компромиссной политики народных уполномоченных по отношению к Верховному командованию. Однако на практике решения по военным вопросам не были выполнены. После окончания съезда Эберт отказался распространить их на высшее военное командование. В законе о рейхсвере, принятом Национальным собранием в марте 1919 г., не осталось и следов от «гамбургских пунктов».

Решение съезда Советов о созыве Национального собрания стало важным шагом на пути к консолидации германского общества на демократической основе, укрепляло позиции республики и расширяло ее социальную базу. Большинство немцев, напуганных революционными потрясениями, с Национальным собранием связывало надежды на консолидацию общества, установление внутреннего мира и порядка. Временно были нейтрализованы силы контрреволюции, что позволило избежать открытого столкновения с армией.

Борьба левых за власть Советов

СНУ, опираясь на неограниченные полномочия, полученные от Всегерманского съезда советов, предпринял жесткие меры по стабилизации внутреннего положения республики. 12 декабря 1918 г. СНУ утвердил декрет об образовании «добровольческого фольксвера», который должен был стать военной опорой республики. «Добровольческие корпуса» формировались из числа офицеров и унтер-офицеров бывшей кайзеровской армии. По предложению Эберта началось разоружение всех неконтролируемых правительством военизированных формирований.

23–25 декабря СНУ попытался разоружить «народную морскую дивизию», которая была военной опорой НСДПГ. Произошло воо-

руженное столкновение моряков с правительственными войсками. В связи с этим инцидентом в правящей коалиции возник острый конфликт, приведший ее к развалу. Независимцы расценили создание «добровольческих корпусов» и роспуск «революционных» отрядов как предательство революции. 29 декабря Гаазе, Дитман и Барт вышли из состава СНУ. 3 января их коллеги по партии вышли из состава прусского правительства. Государственная власть оказалась в руках СДПГ.

Одновременно произошел раскол в самой НСДПГ. Лидеры Союза «Спартака» считали действия руководства НСДПГ недостаточно радикальными и предательскими. 29 декабря 1918 г. состоялась общегерманская конференция левых радикалов, в которой приняло участие 83 делегата. С докладом о кризисе НСДПГ выступил Либкнехт. В грубой форме он обвинил лидеров партии в предательстве идеалов германской революции и рабочего класса. Либкнехт призвал левых бороться за власть «железным кулаком» пролетариата. 30 декабря конференция конституировалась как Учредительный съезд Коммунистической партии Германии (КПГ). Охваченные революционным порывом делегаты, вопреки мнению Р. Люксембург, приняли решение бойкотировать выборы в Национальное собрание, подтвердив антипарламентскую сущность новой партии.

Утвержденная съездом программа партии поставила задачу создания в Германии социалистического общественного строя в форме власти советов. Программа отрицала как «реформистские иллюзии» возможность мирного пути к социализму. Немецкий пролетариат, говорилось в программе, должен осознать, что «борьба за социализм — это самая острая гражданская война, какую видела мировая история». Обещая в программе принести «истерзанному человечеству мир», КПГ тут же призывала рабочих к новым жертвам во имя «классового интереса». В определении партийных задач съезд исходил из единственной альтернативы политического развития страны: либо диктатура буржуазии — либо диктатура пролетариата, то есть либо Национальное собрание — либо власть советов.

В начале января 1919 г. в стране назрел политический кризис. Поводом для него послужило отстранение от должности берлинского полицей-президента независимца Эмиля Эйхгорна, отказавшегося распустить созданные им вооруженные «отряды безопасности». Лидеры НСДПГ и КПГ объединились для совместной борьбы против СНУ. Однако обе партии преследовали различные цели. Если НСДПГ стремилась к «революционному реформированию» демократической республики, то КПГ добивалась установления пролетарской диктату-

ры и власти советов. Используя свое влияние на определенную часть рабочих и солдат, НСДПГ и КПГ организовали в Берлине 5 января многотысячную демонстрацию под общим лозунгом «Долой правительство Эберта». Он был дополнен коммунистическими призывами «За Советскую Германию». Группы вооруженных боевиков захватили помещения ряда газет, в том числе центрального органа СДПГ — газеты «Форвертс».

Лидеры НСДПГ и КПГ, возбужденные первыми успехами, вечером 5 января приняли решение начать широкомасштабное вооруженное восстание. Для его организации был создан Революционный комитет действия, который возглавили независимые социал-демократы ***Георг Ледебур*** (1850–1947) и П. Шольце, а также коммунисты К. Либкнехт и В. Пик. 6 января восставшие захватили вокзалы, здание полицейского управления, ряд других стратегических объектов в центре столицы. Ревком объявил о смещении правительства Эберта и взятии всей полноты власти в собственные руки. СДПГ ответила массовой демонстрацией своих сторонников. В Берлине произошли вооруженные столкновения между восставшими и силами правопорядка.

Чтобы избежать кровопролития, руководство НСДПГ и Революционный комитет действия большинством голосов высказались за переговоры с правительством и прекращение восстания. Коммунисты обвинили лидеров НСДПГ в предательстве, вышли из состава Революционного комитета и заявили о солидарности с восставшими. Рабочие кварталы столицы покрылись баррикадами. Однако предпринять какие-либо реальные шаги по организации и руководству восстанием коммунисты оказались не в состоянии. В самом руководстве партии не было четкой ясности о дальнейших действиях. К тому же силы восставших в результате отказа НСДПГ взяться за оружие были значительно ослаблены.

Для защиты республиканского строя и стабилизации положения СНУ и Центральный Совет приняли решение применить вооруженную силу. Ставку сделали на добровольческий корпус, командовать которым было поручено народному уполномоченному ***Густаву Носке*** (1868–1946). Его мало интересовали политические настроения добровольческого корпуса. Применение военной силы Носке рассматривал как средство наведения порядка в столице. 8 января добровольческий корпус начал наступление на позиции восставших. Несколько дней в Берлине и его пригородах шли бои с применением пулеметов, минометов и артиллерии. 11 января правительственны-

ми силами штурмом было занято здание газеты «Форвертс», 12 января — полицейское управление, вокзалы. К 13 января правительство установило полный контроль над столицей, восстание было подавлено, несколько сотен его участников — убито и арестовано. 15 января на конспиративной квартире были арестованы и в тот же день без суда и следствия убиты К. Либкнехт и Р. Люксембург. 12 февраля был арестован К. Радек, который несколько месяцев провел в тюрьме.

Спровоцировав радикальную часть рабочих на вооруженное восстание, КПГ оказалась не в состоянии его возглавить и фактически предала своих сторонников.

Некоторые проблемы историографии революции

Германская революция всегда привлекала внимание историков различных школ и направлений. В центре исследований находились вопросы об исторических предпосылках, причинах революции и альтернативности политического развития Германии в 1918–1919 гг. Марксистская историография революции (отечественная — В. И. Биллик, В. Г. Брюнин, М. И. Орлова, К. Д. Петряев и др., и восточногерманская — Р. Бауэр, В. Клейн, В. Руге, Г. Хорчанский и др.) имеет определенные положительные результаты в изучении некоторых ее конкретных проблем. Особо следует выделить фундаментальные работы Я. С. Драбкина, которые в 50–70-х гг. XX в. дали новые импульсы дискуссии по проблемам характера германской революции.

Исходная оценка германской революции в марксистской историографии вытекала из базисного положения о том, что в Германии на рубеже XIX–XX вв. сложились объективные предпосылки социалистической революции, которые находились в противоречии с субъективной слабостью пролетариата. Это привело к тому, что «живая история» революции укладывалась в жесткие догматические схемы. Вплоть до начала 1990-х гг. утверждалось, что в германской революции существовала альтернатива, которая была сформулирована «Спартаком»: или социализм — или капитализм. При этом социализм отождествлялся с диктатурой пролетариата в форме советов, а спартаковский курс на развязывание гражданской войны утверждался как единственно политически верный. Марксистская историография не хотела признавать, что немецкий пролетариат в ноябрьские дни «исчерпал» свои революционные возможности, так как исчез катализатор революции — мировая война. Попытки «штурмовать» демокра-

тическую республику так называемым «авангардом» рабочего класса были политической авантюрой и закончились поражением.

Наибольшие споры в марксистской историографии вызывал вопрос о характере германской революции. Ее называли то пролетарской, то буржуазной и даже социалистической. С начала 1960-х гг. закрепилась единая точка зрения о характере германской революции как буржуазно-демократической с социалистическими тенденциями.

Немецкая немарксистская историография революции (Г. А. Винклер, Э. Кольб, Э. Маттиас, Р. Рюруп, К. Д. Эрдман и др.), традиционно использующая широкую источниковедческую базу, чрезвычайно разнообразна и в концептуальном отношении, и по характеру конкретных исследований. За последние десятилетия она прошла определенную эволюцию от признания революции «случайным» эпизодом, рожденным исключительно поражением в войне или вмешательством извне, до констатации ее глубоких внутренних политических и социально-экономических предпосылок.

В немецкой историографии значительное внимание уделяется проблеме альтернативности революции. До настоящего времени популярным остается вывод, что в 1918 г. существовала одна альтернатива: социальная революция в союзе с левыми радикалами или парламентская республика в союзе с консервативными силами. В 1960–1970-х гг. как вполне реальная рассматривалась некоторыми историками возможность «третьего пути», то есть альтернативой буржуазной демократии была не столько диктатура пролетариата, сколько «социальная республика», опирающаяся на парламентскую систему и советы. Немецкие советы трактовались не как форма диктатуры пролетариата, а как народное движение, как органы общественного контроля. В 1980–1990-х гг. эта точка зрения в ходе «ревизии ревизий» подверглась критике многими немецкими историками, которые считали ее «преодоленной».

В 1980–1990-е гг. некоторые историки увидели в революции не «ослепляющую» альтернативу: демократия или большевизм, а другую — решительная политика реформ для укоренения демократии или сохранение преемственности со старым режимом. Признавая реализованной демократическую альтернативу, они подчеркивают, что СДПГ в ходе преодоления послевоенного экономического и социального кризиса не могла обойтись без сотрудничества со старыми силами. Часть историков подчеркивает, что социал-демократы слишком «передоверились» правым и не смогли «приглушить» их контрреволюционный потенциал. Противники парламентской демократии

стали партнерами парламентского правительства. Это определило консервативный характер республики.

* * *

Первая мировая война и революция завершили сложный период в истории немецкого национального государства, в недрах которого сложилось несоответствие между «экономическим модернитетом» и авторитарно-имперским государственным строем. Формирующиеся либерально-демократические силы не могли прорвать мощные оковы авторитарного режима политическими средствами. Война и поражение ослабили кайзеровский режим и явились катализаторами революционных перемен. Германская революция, как и любая другая, произошла не по «заказу» партий, была «сделана» не профессиональными революционерами. Она началась на периферии, стихийно, на основе широкого недовольства народа кайзеровским режимом, войной, поражением. Массовое демократическое сознание оказалось настолько мощным, что государственные устои империи развалились, как карточный домик.

Германская революция прошла два этапа в своем развитии. Первый этап хронологически охватывал период с 3 по 9–10 ноября 1918 г.: от Кильского восстания до падения монархии и образования СНУ. Это был ее первый, антимонархический этап. Свержение монархии было осуществлено широкими народными массами. Второй этап прошел под лозунгом «Национальное собрание или система Советов» и закончился 19 января 1919 г. выборами Национального собрания, означавшими победу демократии. Германская революция, таким образом, была по своему характеру народно-демократической.

В революции сформировались леворадикальные силы, которые претендовали на самостоятельную политическую роль. Их авангардизм, близкий к путчизму, был направлен на установление режима диктатуры, прикрытой системой советов. Первый этап леворадикального авангардизма начался с призыва Либкнехта 9 ноября к борьбе за «советскую республику». Закончился он поражением в январе 1919 г. Второй этап пришелся на февраль–апрель 1919 г. Вершиной его была Баварская советская республика, просуществовавшая с середины апреля до начала мая 1919 г. Советская альтернатива тогда не стояла на повестке дня, поэтому леворадикальные попытки «штурма» парламентской республики были тупиковым вариантом политического развития Германии.

ГЛАВА III

ВЕЙМАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА 1918–1933 гг.

1. Становление республики (1918–1923)

Формирование политической системы республики

Решение Всегерманского съезда советов о всеобщих демократических выборах в Национальное собрание вызвало перестройку всей партийно-политической системы страны. Начался распад прежних буржуазных партий и пошел болезненный процесс формирования новых партийных структур.

В ноябре 1918 г. состоялся учредительный съезд ***Немецкой демократической партии*** (НДП), объединившей либерально-демократическую часть немецкой буржуазии, среднего класса, научной и творческой интеллигенции. Партия тяготела к политическому центру, подчеркнуто выступала за демократическую республику и была готова к сотрудничеству с СДПГ. НДП называла себя «партией труда», считала частную собственность естественной формой собственности и выступала против социализации. Она была тесно связана с промышленно-финансовым капиталом, ориентированными на Западную Европу и США. Среди ее «отцов-основателей» были известные в стране политики, ученые, журналисты, предприниматели: ***Фридрих Науманн*** (1860–1919), ***Эрих Кох-Везер*** (1875–1944), братья ***Макс*** (1864–1920) и ***Альфред*** (1868–1958) ***Вебер***, ***Вальтер Ратенау*** (1867–1922) и дргие.

Справа от НДП находилась ***Немецкая народная партия*** (ННП), созданная в декабре 1918 г. Это была партия традиционного умеренного немецкого либерализма. ННП выступала за возрождение «Великой Германии» на базе парламентаризации общественного строя. Партия апеллировала к средним слоям, требуя защиты частной собственности и немецких национальных ценностей. От НДП ее

отличало резкое размежевание с социал-демократами. Политически в партии доминировали высшая бюрократия, крупные промышленники, торговцы, банкиры, от которых ННП получала мощную финансовую поддержку. Председателем партии был известный политик, национал-либерал ***Густав Штреземан*** (1878–1929). По самооценке партийных лидеров ННП занимала место «политической середины».

Активно вошла в новую политическую среду католическая ***Партия Центра***. Это не удивительно, ибо Центр всегда отличался тактической гибкостью и устойчивой социальной базой. Партия сочетала христианское социальное учение с идеологией умеренного либерализма. Партия продолжала опираться на христианские профсоюзы, многочисленные католические благотворительные и просветительские организации. Имея широкую социальную базу, партия претендовала на межсословный «народный» характер. Партийную элиту составляли профессиональные политики, крупные аграрии и промышленники: ***Карл Йозеф Вирт*** (1879–1956), ***Вильгельм Маркс*** (1863–1946), ***Карл Тримборн*** (1854–1921), ***Константин Ференбах*** (1852–1926), ***Маттиас Эрцбергер*** (1875–1921) и др. Заметной фигурой в партии был обер-бургомистр Кёльна Конрад Аденауэр. Лидеров Центра отличали высокий политический прагматизм и ориентация на ценностные принципы парламентаризма и демократии. Новую Германию Центр представлял себе в виде демократической, а не социалистической республики. Не случайно Центр в годы Веймарской республики оставался системообразующей партией и входил в правительственные коалиции различных составов. Однако Центр не избежал внутренних потрясений. В ноябре 1918 г. баварская организация Центра конституировалась в самостоятельную ***Баварскую народную партию*** (БНП), лидеры которой с недоверием относились к быстрому сближению Центра с СДПГ по вопросам демократизации страны. В дальнейшем Центр и БНП находили возможность для тесного сотрудничества.

М. Эрцбергер

СДПГ за 10 недель после падения монархии убедительно показала свое стремление поставить

парламентскую демократию на прочную конституционную основу. В предвыборной кампании партия подчеркивала, что революция закончилась, и начался созидательный этап построения правового демократического государства. Такая позиция расширила электорат партии.

НСДПГ продолжала отстаивать систему Советов как «третий путь» развития страны. В глазах избирателей она была врагом демократии и парламентаризма. Электоральная база партии замыкалась на радикальной части населения, поскольку КПГ отказалась от участия в выборах.

Из либерально-социалистического партийного ряда выпадала ***Немецкая национальная народная партия*** (НННП), оформившаяся 24 ноября 1918 г. В послереволюционном порядке партию не устраивала ни парламентская демократия с ее игрой политических сил, ни политическое господство социал-демократов. В ее программных документах подчеркивалось, что монархия, как надпартийная форма государственного правления, исторически соответствует менталитету немецкого народа. Собственно, своим образованием она была обязана тем силам, которые стремились спасти старопрусские политико-государственные традиции после падения монархии: остэльбскому дворянству и прусской промышленно-финансовой олигархии. НННП объединила все консервативные, так называемые «национальные» силы, за исключением правых радикалов. Лидерами партии были граф ***Куно фон Вестарп*** (1864–1945), ***Карл Гельферих*** (1872–1924), ***Оскар Хергт*** (1869–1967).

Национальное собрание за работой

Выборы в Национальное собрание, назначенные на 19 января 1919 г., проходили в соответствии с новым избирательным законом, по которому право голоса впервые получили женщины. Было зарегистрировано 36 млн избирателей, все еще находившихся в состоянии «посттравматического синдрома». Им предстояло избрать более 400 депутатов от различных политических партий и социальных классов. Избиратели на выборах отдали предпочтение тем партиям, которые последовательно выступали за демократизацию страны. Самой крупной фракцией располагала СДПГ — 165 депутатов. Но социал-демократы не получили права на формирование собственного «однородного» правительства. СДПГ была вынуждена пойти на коалицию с демократическими буржуазными партиями — НДП (75 мандатов) и Центром (91 мандат). За коалиционные партии про-

голосовало более 23 млн избирателей из 30 млн, принявших участие в выборах — 76,2 %. Буржуазные партии имели в Национальном собрании 54,5 % голосов, но не смогли образовать собственную коалицию ввиду их неоднозначного отношения к республике и СДПГ.

Национальное собрание открылось 6 февраля 1919 г. в г. Веймаре, подальше от неспокойного Берлина. Его работа проходила в условиях продолжающегося социально-экономического кризиса, который сопровождался забастовками в промышленных центрах страны. В ряде городов под красными знаменами активизировались левые независимцы и коммунисты. В апреле 1919 г. коммунисты захватили власть в Мюнхене и провозгласили «Баварскую советскую республику». Законная власть была восстановлена после ввода в Мюнхен правительственных войск.

Поражение коммунистов в Баварии показало всю бессмысленность и бесперспективность выступлений против демократической республики. Немцы устали от войны, революции, политических баталий, они хотели порядка и стабильности. Настроения немцев выразил писатель Томас Манн, который писал, что он устал от политики, что хочет деловитости, порядка и приличия. «Если это называется филистерством, — подчеркивал Т. Манн, — то я хочу быть филистером». Все это оказывало влияние на позицию депутатов, партий, и решения Национального собрания. Была принята временная республиканская конституция, утверждено коалиционное «веймарское» правительство, во главе с Филиппом Шейдеманом. Президентом страны депутаты избрали Эберта, который свою инаугурационную речь закончил здравицей в честь «немецкого отечества и немецкого народа».

Веймарская конституция

Значительное место в работе Национального собрания занял вопрос о новой конституции страны. Ее проект был разработан комиссией под руководством статс-секретаря министерства внутренних дел ***Гуго Пройса*** (1860–1925), известного юриста-демократа. 28 февраля проект был представлен депутатам Национального собрания. После долгих дискуссий, 31 июля, конституция была утверждена 262 голосами депутатов от СДПГ, НДП и Центра. «Против» проголосовали депутаты от НННП, ННП, НСДПГ. Это была первая демократическая конституция Германии. Она признавала верховную власть в государстве за народом — всеми мужчинами и женщинами старше 20 лет, обладавшими правом голоса. Конституция выражала компромисс между различными социальными слоями общества и со-

единяла в себе немецкую государственную традицию с республиканской формой правления. Сохранив прежнее название государства — «Германская империя», конституция объявила его республикой.

Значительная часть статей была посвящена системе государственного управления. Конституция исходила из идеи «сильного» президента, который мог бы противостоять партийному парламенту и сохранить единство страны. В 41-й статье было записано, что президент избирается всем германским народом, то есть легитимность его власти освящалась всенародным доверием. Каждый немец, которому исполнилось 35 лет, мог быть избран президентом на 7 лет с неограниченным правом переизбрания и широкими полномочиями. Президент представлял государство во внешних сношениях, являлся главнокомандующим армией (рейхсвером), он назначал выборы в рейхстаг и мог его распустить. Любой закон, который принимался рейхстагом, мог быть отклонен президентом и представлен на всенародное обсуждение. Одним из источников влияния президента на исполнительную власть было его право назначать и увольнять имперских чиновников, судей, офицеров, если закон не предусматривал иной возможности.

Особые полномочия президенту давала 48-я статья, в соответствии с которой при возникновении угрозы конституционному строю он мог вводить чрезвычайное положение и приостанавливать, полностью или частично, конституционные права граждан, использовать вооруженные силы для «обеспечения общественной безопасности и порядка». Президент получал право «союзной экзекуции», то есть мог с помощью вооруженной силы принудить ту или иную землю выполнять имперскую конституцию или имперские законы.

Президент получил право назначать правительство и принимать его отставку. Правительство возглавлял рейхсканцлер, который в случае препятствия к выполнению президентом своей должности мог заменить последнего на ближайшее время. Рейхсканцлер и имперские министры нуждались для выполнения своих обязанностей в доверии рейхстага. Правительство обладало правом законодательной инициативы и самостоятельно решало текущие проблемы внутренней и внешней политики.

Другой опорой веймарского порядка был рейхстаг. Он избирался на 4 года всеми, кто имел право голоса. Он принимал законы, утверждал государственный бюджет. Рейхстагу было подотчетно правительство, которому парламент мог выразить недоверие и отправить в отставку. Для получения доверия рейхстага правительство

должно было опираться на парламентское большинство. Министры правительства становились зависимыми от парламентской фракции своей партии, от партийных лидеров и могли быть заменены, если не выполняли их желания. Рейхстаг имел право возбуждать перед государственным судом Германской империи обвинения против президента империи, рейхсканцлера и имперских министров в том, что они преступно нарушили конституцию или имперский закон. Предложение о возбуждении обвинения должно быть подписано не менее чем 100 членами рейхстага и нуждалось в согласии две трети депутатского корпуса большинства.

Полномочия рейхстага ограничивались рейхсратом (имперским советом), в состав которого входили представители германских земель. Рейхсрат обладал правом отлагательного вето, преодолеть которое рейхстаг мог только квалифицированным большинством в две трети голосов.

При определении избирательной системы депутаты отклонили мажоритарный принцип формировании рейхстага, который способствовал бы утверждению двухпартийного парламента. Была принята «консенсусная» модель демократии, основанная на пропорциональной системе представительства. Эта модель ассоциировалась с многопартийной системой, которая соответствовала политической структуре формирующегося гражданского общества и партийному составу Национального собрания.

Конституция устанавливала между исполнительной и законодательной властью не только принцип разделения, но и принцип равновесия властей в виде президентско-парламентской системы. В ответ на право президента досрочно распустить рейхстаг, последний получал возможность досрочно сместить президента, если добивался положительного решения этого вопроса на всенародном референдуме.

Конституция провозгласила независимость судебной системы от исполнительной и законодательной власти. Судьи подчинялись только закону и назначались на должность пожизненно. Учреждался Верховный государственный суд Германской империи.

Конституция не изменила внутренней территориальной структуры республики и вводила принцип «разумного федерализма». Страна состояла из 15 земель и трех вольных городов, которые могли иметь только республиканскую форму правления. Основные вопросы жизнедеятельности государства, включая внешнюю политику, оборону, охрану общественной безопасности, гражданство, связь, пути сообщения, таможню, финансы, денежную эмиссию находились в ведении

федерального правительства. Ни одна из земель не имела права выхода из состава федерации. Принятый в таком виде, закон отразил компромисс, достигнутый между федералистами и унитаристами, и был направлен против сепаратистских движений в ряде регионов страны (Бавария, Рейнская область). Пруссия сохранила свою целостность и оставалась самой крупной землей — 62 % площади и 61 % населения страны. Таким образом, не был реализован старый лозунг революции 1848 г.: «разделить Пруссию».

При рассмотрении гражданских прав депутаты опирались на конституцию 1848 г., утвержденную во Франкфурте-на-Майне. Веймарская конституция провозглашала равенство всех перед законом, равные права мужчин и женщин. Утверждались свобода личности, слова, печати, собраний и объединений, вероисповедания, а также неприкосновенность жилища, тайна переписки. Предусматривалось создание всеобъемлющей демократической системы социального страхования, в том числе страхования по старости, потере трудоспособности, безработице. Этот комплекс прав и свобод дополнялся введением обязательного 8-летнего бесплатного школьного образования и бесплатного обеспечения учебниками.

Конституция гарантировала защиту как государственной, так и частной собственности. Пользование частной собственностью должно было учитывать общественные интересы. Государство получило право социализировать «подходящие» для этого частные предприятия, но только за приемлемую компенсацию и законодательным путем.

Таким образом, Веймарская конституция юридически закрепила итоги революции. Она была ориентирована на превращение Германии в демократическое государство с развитым гражданским обществом, консенсусной политической субкультурой и социальной ориентацией. Отражая компромисс между различными политическими и социальными силами, конституция создавала широкое поле деятельности не только республиканским, но и антиреспубликанским партиям, движениям и мировоззрениям. Это обрекало страну на тяжкие испытания.

Версальский мирный договор

Национальное собрание в Веймаре заседало одновременно с победителями мировой войны, собравшимися в Париже для выработки условий мирного договора с Германией. Немцы внимательно следили за ходом работы Парижской конференции, но оказать

какое-либо влияние на ее решения не могли. Когда лидеры Великобритании, США и Франции, преодолев разногласия, ознакомили немцев с условиями мирного договора, Германия пришла в шоковое состояние. Глава кабинета Ф. Шейдеман на собрании в актовом зале Берлинского университета 12 мая 1919 г. прокричал: «Пусть отсохнет та рука, которая подпишет договор и наденет на Германию такие кандалы» — и ушел в отставку.

Мирный договор был ультиматумом, предъявленным победителями побежденному. Германия признавалась ответственной за развязывание войны и должна была возместить ущерб, нанесенный военными действиями. Общую сумму ущерба победители предполагали определить до 1 мая 1921 г. До этого срока они требовали выплатить 20 млрд марок золотом, ценными бумагами, товарами. Кроме того, Германия должна была передать союзникам почти весь свой торговый флот, а также поставить в течение 10 лет около 400 млн т угля. Были секвестированы все зарубежные германские активы на сумму в 7 млрд долларов. Страны-победительницы получали на пять лет режим наибольшего благоприятствования в торговле с Германией.

Мирный договор перекроил германские государственные границы. Франции немцы возвращали Эльзас-Лотарингию, Польша получила часть западных и северо-восточных исторических территорий (Познань и др.), выход в Балтийское море («польский коридор»). Данциг превращался в «вольный город» под управлением Лиги Наций, но включался в польские таможенные границы. Часть спорных пограничных районов со смешанным населением передавались на основе проведенных там плебисцитов Бельгии, Дании и Польше. В особую политико-географическую зону был выделен Саар, который на 15 лет передавался под управление Лиги Наций. Угольные копи бассейна получила Франция. (В 1935 г. в результате плебисцита Саар отошел Германии, которая выкупила у Франции угольные шахты.) Мемель (Клайпеда) переходил под контроль Лиги Наций (в 1923 г. передан Литве). Всего на европейском континенте Германия потеряла 13 % ее довоенной площади — 70 579,5 кв. км с населением 6,5 млн человек. Кроме того, по мандатному принципу германские колонии передавались Лигой Наций под особое управление другим государствам. Германии запрещалось объединение с Австрией. Однако, договор сохранил Германию как единое государство.

Версальский договор предусматривал разоружение Германии. Сухопутная армия сокращалась до 100 тыс. человек, при 4 тыс. офицеров. Распускался генеральный штаб. Всеобщая воинская повинность

отменялась, и армия должна была комплектоваться путем добровольного найма. Германии запрещалось иметь на вооружении тяжелую артиллерию, авиацию, танки, подводные лодки. Левый берег Рейна и 50-километровая полоса на правом берегу демилитаризовались, но оставались в составе Германии. В течение 15 лет здесь должны были находиться оккупационные войска союзников.

Под угрозой полной оккупации Германии войсками Антанты Национальное собрание приняло условия мирного договора без всяких оговорок (за подписание голосовали 237, против — 138, воздержались — 5). Договор был подписан 28 июня 1919 г. в Зеркальном зале Версальского дворца. Тем самым Германия признала возникший миропорядок и обязалась его не нарушать.

Мирный договор стал документом, карающие условия которого, с одной стороны, оказались слишком мягкими, чтобы не допустить возрождения германского военного и экономического потенциала. С другой стороны, его условия были слишком жесткими, чтобы стать основой европейского примирения. Германское правительство полагало, что молодая немецкая демократия заслуживает справедливого мира, и рассчитывало на благосклонность победителей. Немцы вдруг забыли о тяжелых и унизительных условиях мира, навязанных ими в 1918 г. побежденной России в Брест-Литовске. Не испытывая снисхождения к другим, они рассчитывали на снисхождение к себе.

Все немецкие политические партии — от националистов до коммунистов — нашли договор несправедливым, унизительным и тяжелым. Необходимость его ревизии ни у кого не вызывала сомнения. Но если центристы надеялись на его постепенный пересмотр путем компромисса с Антантой, то националисты выступали за его ревизию путем открытой конфронтации с победителями. Правые обвинили веймарское правительство, подписавшее мирный договор, в предательстве немецкого народа. В отличие от них, КПГ обещала избавить Германию от «пут Версаля» после победы пролетарской революции в Европе.

Путч Каппа-Лютвица

К весне 1920 г. среди части военных вызрела идея «спасения» Германии от Версаля, революции, социалистов и либералов путем антигосударственного путча. Возглавил путчистов генерал ***Вальтер фон Лютвиц*** (1859–1942), который 10 марта 1920 г. предъявил Ф. Эберту ультиматум с требованием распустить Национальное собрание, провести выборы рейхстага и президента, отказаться от

сокращения армии. Эберт отклонил эти требования. Утром, 13 марта, подлежавшая расформированию морская бригада под командованием капитана третьего ранга ***Германа Эрхарда*** (1881–1971) с развевающимися черно-бело-красными кайзеровскими знаменами вошла в Берлин. Путчисты объявили республиканское правительство низложенным, а Национальное собрание — распущенным. Во главе правительства военные поставили ***Вольфганга Каппа*** (1858–1922), известного антиреспубликанскими взглядами. Одновременно с событиями в Берлине, военные мятежи произошли в Центральной и Северной Германии, Восточной Пруссии и других районах страны.

Республика оказалась в критическом положении, правительство и президент срочно покинули столицу, едва избежав ареста. Рейхсвер не поддержал официальную власть, но и не примкнул к путчистам. Выжидательную позицию заняли правоцентристские партии. На защиту республики встало Всеобщее объединение свободных немецких профсоюзов (ВОНП), возглавляемое Карлом Легином. Утром 13 марта началась всеобщая забастовка, в которой приняло участие 12 млн человек. Во многих регионах Германии были сформированы вооруженные отряды рабочих и начались тяжелые бои с путчистами. Упорный характер они носили в Берлине, в Средней Германии, в Силезии и Тюрингии. К 17 марта по большей части путч был разгромлен, лидеры мятежников бежали из Германии. Поражение путчистов показало, что большая часть немцев, несмотря на сложное социально-экономическое положение страны, сохраняет лояльность демократической республике. Но вектор их доверия к отдельным политическим партиям становился неустойчивым. Его колебания зависели от способности партий и партийных коалиций решать наиболее острые проблемы внутренней и внешней политики.

В. Капп

Это подтвердили выборы в первый рейхстаг Веймарской республики, состоявшиеся 6 июня 1920 г. За партии правительственной коалиции проголосовало почти на

11 млн избирателей меньше, чем в 1919 г. СДПГ потеряла более 16 % голосов избирателей. Центр недосчитался 6 %, НДП — 10 %. Правящий блок потерял парламентское большинство, а с ним и право на управление страной.

Характер и судьба правительственных коалиций, формировавшихся до очередных парламентских выборов 1924 г., оказались в зависимости от их отношения к репарационной проблеме. Это объяснялось тем, что репарационные платежи оказывали прямое влияние на экономическое положение страны, определяя тем самым уровень социальной и политической напряженности в германском обществе. Созданный летом 1920 г. буржуазный кабинет К. Ференбаха (Центр, НДП, ННП) в мае 1921 г. отверг установленную Антантой общую сумму репараций в размере 132 млрд золотых марок. Под угрозой оккупации рурских городов войсками победителей, кабинет Ференбаха 4 мая в полном составе ушел в отставку. Новое правительство Й. Вирта (Центр, СДПГ, НДП) приняло репарационный план Антанты, встав тем самым на путь «политики выполнения» Версаля. Вирт надеялся найти положительное решение репарационной проблемы в рамках планов экономической реконструкции Европы, предложенных британским премьер-министром Д. Ллойд Джорджем. Однако на Генуэзской конференции 1922 г., куда Германия была приглашена вместе с Россией, Франция блокировала решение репарационного вопроса. Немецкая делегация, возглавляемая Виртом, была разочарована и раздражена неудачей.

Рапалльский договор

В ответ немцы нанесли свой удар по Антанте. 16 апреля 1922 г. они подписали с советской делегацией договор, известный под названием Рапалльского. Еще в начале апреля, во время визита в Берлин наркома Г. В. Чичерина, Вирт категорически отказался подписать германо-советский договор. Немцы тогда еще надеялись на благосклонность Антанты в Генуе. Неудача на конференции сблизила два государства в их ненависти к общему врагу. Ось Берлин–Москва, об угрозе которой еще на Парижской мирной конференции предупреждал Ллойд Джордж, состоялась. Рапалльский договор носил политический и откровенно антиверсальский характер и вызвал беспокойство в правительствах европейских стран.

Рапалльский договор формально касался широкого спектра двухсторонних проблем. Германия и Россия обязывались восстановить в полном объеме дипломатические отношения. Они взаимно отказыва-

лись от возмещения военных и невоенных убытков. Обе страны обязались развивать торгово-экономические связи на основе принципа наибольшего благоприятствования. Но, ввиду собственной нужды в иностранных кредитах и глубокого финансово-экономического кризиса Советской России, извлечь заметные экономические выгоды из договора Германия не могла. Стал очевиден провал «политики выполнения». Летом 1922 г. был убит один из ее сторонников — Вальтер Ратенау. В ноябре 1922 г. правительство Вирта ушло в отставку.

Кризис 1923 г.

Новое правительство оказалось чисто буржуазным по своему составу. Министерские посты в нем получили представители Центра, НДП, ННП и Баварской народной партии. Возглавил кабинет крупный предприниматель, директор судоходной компании «Гамбург–Америка» ***Вильгельм Куно*** (1876–1933). Президент Эберт надеялся, что назначение на пост канцлера человека от бизнеса обеспечит поддержку правительственного курса со стороны промышленно-финансовых кругов и произведет благоприятное впечатление на заграницу.

Франко-бельгийская оккупация Рура

Кабинет Куно отказался от «политики выполнения». Ссылаясь на финансовую несостоятельность, Германия перестала выплачивать очередные репарационные платежи. К концу 1922 г. долг по репарациям составил от 12 до 16 % годовых взносов. Отказ от выплаты репараций был использован Францией для ужесточения антигерманской политики.

11 января 1923 г. французские и бельгийские войска оккупировали 2/3 территории Рура. Франко-бельгийские воинские подразделения заняли крупные заводы и фабрики, шахты, конфисковали запасы угля, металла, леса, валюты. На оккупированную часть приходилось 72 % добычи угля и более 50 % выплавки чугуна и стали. Рурская область была изолирована от остальной территории Германии. Немецкое правительство ответило на оккупацию отзывом своих послов из Франции и Бельгии, выдвинуло лозунг «Отечество в опасности» и призвало немцев к «пассивному сопротивлению» оккупантам.

По призыву правительства население Рура отказывалось выполнять распоряжения оккупационных властей, прекратили работу промышленные предприятия. Из различных районов Германии в Рур для ведения партизанской войны против французских войск отправлялись добровольцы. Их провокационные действия вызывали ответные

репрессии оккупационных властей и не способствовали разрешению конфликта.

Социально-экономический и политический кризис

К марту политика «пассивного сопротивления» достигла главной цели: Франция и Бельгия не могли получить в счет репараций ни угля, ни металла, ни леса. Франция оказалась в международной изоляции, ибо ее бывшие союзники не поддержали рурскую акцию. Но оккупация и «пассивное сопротивление» вызвали резкое падение производства в самой Германии. Систематическими стали перебои в снабжении населения продуктами питания и промышленными товарами. Правительственная поддержка «пассивного сопротивления» обходилась государству ежемесячно в 200 млн золотых марок. Постепенно нараставшая со времен войны, инфляция в 1923 г. приняла форму гиперинфляции. Курс марки постоянно падал. В конце января 1923 г. 1 доллар равнялся почти 18 тыс. марок, в июле — 353 тыс. В августе 1 доллар стоил 4,6 млн марок, осенью счет шел на миллиарды и триллионы. Производством специальной бумаги для банкнот занимались 300 бумажных фабрик, в 133 типографиях крутлосуточно печатались деньги. Цены на товары изменялись по несколько раз в день и выросли к осени в тысячи раз. Дневная зарплата квалифицированного рабочего осенью 1923 г. равнялась 3 трлн марок. Такую зарплату носили в рюкзаках или в корзинах для белья. Однако реальная заработная плата снизилась по сравнению с довоенной на 25 %. Росла численность безработных. В конце 1923 г. только 30 % всех немецких рабочих были полностью заняты на производстве. Народ нищал.

С другой стороны, государство, которое превратилось в должника, благодаря инфляции быстро освободилось от своих обязательств. Крупный бизнес и проворные дельцы спекулировали в ущерб национальной валюте, скупали за бесценок промышленные предприятия. Империя известного магната Стиннеса, сложившаяся в годы инфляции, включала в себя 290 угольных шахт, 200 железорудных предприятий, 56 чугунолитейных и сталелитейных заводов, 69 строительных фирм, 66 бумажных, химических и сахарных фабрик, 57 банков, 100 металлообрабатывающих предприятий.

Серьезной проблемой для страны стали центробежные тенденции, поставившие под угрозу территориальную целостность Германии. В начале 1923 г. активизировалась деятельность рейнских сепаратистов, уже давно стремившихся освободиться от прусской опеки. Опираясь на поддержку Франции, сепаратисты провозгласили

«независимую Рейнскую республику». Обострились отношения с Баварией, руководство которой фактически вышло из-под контроля центральных властей.

Правительство Куно потеряло кредит доверия немецкого населения. Весной и летом 1923 г. крупные забастовки прошли в промышленных регионах страны. В ходе всеобщей забастовки 11 августа правительство Куно ушло в отставку. Политика открытой конфронтации с Антантой потерпела поражение. 13 августа было создано правительство «большой коалиции» в составе представителей НДП, Центра, ННП, СДПГ. Возглавил кабинет лидер народной партии ***Густав Штреземан*** (1878–1929), давно мечтавший стать рейхсканцлером. 26 сентября правительство отменило «пассивное сопротивление». 27 сентября в Германии было введено чрезвычайное положение. Штреземан опасался, что продолжение «пассивного сопротивления» может привести страну к большевизации и распаду.

Немецкие радикалы в борьбе против республики

КПГ: курс на революцию

Кризисная ситуация 1923 г. расширила социальную базу и резко обозначила политическую агрессивность радикальных движений и партий. КПГ к осени 1923 г. насчитывала в своих рядах почти 300 тыс. человек. Ее местные организации находились во всех германских землях. Особенно сильными позиции партии были в промышленных центрах Средней Германии. Здесь коммунисты еще в 1921 г. спровоцировали рабочих на вооруженное выступление, закончившееся поражением. Но партия не отказалась от путчистских настроений и оказалась под полным влиянием Коминтерна. В 1923 г. коммунисты в Берлине и Москве отождествляли массовые выступления против правительства Куно с готовностью «низов» к свержению капитализма. Отставка кабинета в августе 1923 г. рассматривалась как неспособность «верхов» управлять страной. Оценки политической ситуации носили безальтернативно революционный характер. Пленум ЦК РКП(б) в сентябре утвердил тезисы «Грядущая германская революция и задачи РКП(б)», которые ориентировали Коминтерн и КПГ на подготовку вооруженного восстания. Была создана специальная комиссия Политбюро по международному положению в составе ***И. В. Сталина*** (1879–1953), Г. Е. Зиновьева, Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева, К. Б. Радека и др. руководителей партии и советского государства. Начало германской революции было назначено

на 9 ноября 1923 г., день пятой годовщины Ноябрьской революции. Находившийся в Москве председатель ЦК КПГ ***Генрих Брандлер*** (1881–1967) под давлением московских руководителей заявил о полной готовности партии и германского пролетариата к вооруженному восстанию. Тогда же в Германию были направлены специальные эмиссары Политбюро ЦК РКП(б), так называемая «четверка»: К. Б. Радек, Н. Н. Крестинский, Г. Л. Пятаков, В. В. Шмидт. Всего из Москвы в Германию отправили несколько десятков советников из военных и гражданских лиц.

«Немецкий Октябрь»

Начать восстание планировалось в Саксонии и Тюрингии, где осенью 1923 г. коммунисты входили в состав земельных правительств вместе с левыми социал-демократами. Правительство Штреземана, пытаясь удержать ситуацию под контролем, приняло решение ввести 21 октября в Саксонию части рейхсвера для «имперской экзекуции». КПГ была вынуждена на этот же день запланировать проведение всеобщей забастовки протеста, которая должна была послужить сигналом для начала всегерманского вооруженного восстания.

Собравшиеся 21 октября в столице Саксонии Хемнице на конференцию представители рабочих организаций, КПГ, СДПГ и правительства — всего 500 делегатов — отказались от проведения забастовки. Немецкий пролетариат не рвался в «решительный бой». В сложившейся ситуации председатель КПГ Брандлер принял решение отложить восстание на неопределенный срок. Только в Гамбурге местные коммунисты под руководством ***Эрнста Тельмана*** (1886–1944) 23 октября начали вооруженное восстание, которое закончилось поражением. «Немецкий Октябрь» не состоялся.

Э. Тельман

Последствия несостоявшейся революции оказались для КПГ печальными. Ее легальная деятельность временно была запрещена, многие активисты арестованы. За КПГ закрепилась оценка «партии гражданской войны». Коминтерн

признал курс на революцию в Германии «правильным». Всю ответственность за несостоявшуюся революцию московская «четверка» и Коминтерн возложили на руководство КПГ. Брандлера сняли с поста председателя, исключили из состава ЦК и отозвали в Москву, отстранив от политических дел.

Правый радикализм

Другим источником политической напряженности в начале 20-х гг. XX в. была ***Национал-социалистическая немецкая рабочая партия*** (НСДАП). Она возникла в Мюнхене в январе 1919 г. Первоначально партия называлась Немецкой рабочей партией и была одной из многочисленных националистических организаций, возникших в послевоенной Германии. В 1920 г. она получила новое название — НСДАП. Партия пополняла свои ряды за счет национал-патриотов из числа бывших участников мировой войны, средних слоев города и деревни, маргиналов. В феврале 1920 г. была принята программа партии «25 пунктов», которая предусматривала признание Германии национальным немецким государством с сильной централизованной властью, отнесение к гражданам государства только немцев, наделение их равными правами и равными обязанностями. В программе провозглашалась защита национал-социалистическим государством интересов различных слоев общества — рабочих, крестьян, торговцев, предпринимателей. В нее были также включены популярные в послевоенное время лозунги: отмена Версальского договора и возрождение Великой Германии, равенство немцев с другими народами, борьба против коррупции, спекуляции и нетрудовых доходов. Основу программы составили тезис о «примате общей пользы над личной выгодой», идея государственного капитализма («огосударствление трестов»), геополитика (требование «земли и территории»), антисемитизм («еврей — не немец»).

Такие программные требования как возрождение Великой Германии, теория жизненного пространства, расизм и другие — как и сам термин «национал-социализм» — не были «изобретением» послевоенных национал-патриотов. Предшествующая история Германии оставила им богатый теоретический арсенал. Но НСДАП приспособила прежние лозунги немецких националистов и консерваторов к новым условиям и придала им современное звучание. НСДАП стала выразительницей консервативного экстремизма масс.

В 1921 г. председателем партии стал ***Адольф Гитлер*** (1889–1945), австриец по происхождению, националист по убеждениям. Он быс-

тро обнаружил недюжинный талант организатора и тонкое чутье политика. При нем НСДАП стала превращаться в партию «нового типа»: массовую, дисциплинированную, централизованную, боевую, вождистскую. К 1923 г. она насчитывала до 50 тыс. членов. Партия получила финансовую поддержку крупного баварского капитала, создала пропагандистский аппарат, военизированные «штурмовые отряды», в которых состояло 15 тыс. человек. НСДАП превратилась в заметную силу, с которой приходилось считаться баварским политикам. Гитлер поставил задачу захватить власть в Германии и превратить страну в национал-социалистический Третий рейх. Он так определил задачи будущего государства.

1. Стабильность и порядок.
2. Защита частной собственности.
3. Поощрение немецкого «созидательного капитала».
4. Искоренение марксизма и либерализма.

Уже в начале 20-х гг. национал-социализм за идеологическое, организационное сходство и общность политической практики с итальянскими правыми радикалами получил название «фашизм».

«Пивной путч»

Осенью 1923 г., используя кризис республики, нацисты активизировали провокационные действия, открыто готовя антигосударственный путч. В ответ президент на основании закона о чрезвычайном положении передал исполнительную власть генералу ***Хансу фон Секту*** (1866–1936). Однако это не остановило нацистов. 8 ноября 1923 г., воспользовавшись конфликтом между баварскими властями и центральным правительством, в главном зале мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер», где собралось около 3 тыс. человек, Гитлер объявил о начале «национальной революции», провозгласил себя главой «имперского правительства», а генерала Людендорфа — главнокомандующим армии и призвал к «походу на Берлин» с целью захвата власти. Но утром 9 ноября полицейские подразделения разогнали колонны нацистов. 16 путчистов были убиты, а Гитлер арестован. Путч провалился, национал-социалистическая партия была запрещена по всей Германии. Время нацистов еще не наступило.

* * *

В 1918–1923 гг. молодая Германская республика подверглась своими противниками серьезным испытаниям на прочность. Под угрозой гражданской войны произошла консолидация парламентских сил. Го-

сударственные и политические лидеры страны в лице Эберта и Штреземана проявили как твердость, так и тактическую гибкость в защите республики. Парламентская демократия устояла. Большинство немцев не поддержало ни коммунистов, ни национал-социалистов. Демократической республике тогда не было альтернативы. Вместе с тем, своей победой республика была обязана не столько собственной силе, сколько слабости своих противников. В 1923 г., названном немецким историком ***Себастьяном Хаффнером*** (1907–1999) «безумным годом», и левые, и правые оказались в состоянии раскола. КПГ и НСДАП были запрещены. Но достигнутая консолидация СДПГ, Центра, НДП и ННП держалась на зыбком компромиссе, который рухнул «в одночасье». В ноябре социал-демократы вышли из коалиции, спровоцировав правительственный кризис. Штреземан был вынужден уйти с поста рейхсканцлера.

2. Веймарская республика в 1924–1929 гг.

Во второй половине 1920-х гг. ведущие страны западного мира преодолели разрушительные последствия мировой войны. К 1929 г. общий объем промышленного производства капиталистического мира увеличился почти в 1,5 раза по сравнению с довоенным уровнем. Вырос жизненный уровень значительной части населения. Профсоюзы и работодатели широко использовали политику социального партнерства и компромисса. Политическая роль рабочих партий укрепилась, за их кандидатов в странах Западной Европы голосовало почти 25 млн избирателей. Расширилась социальная база государства.

Радикальные антидемократические движения переживали глубокий организационный и идейно-политический кризис. Мировое коммунистическое движение хотя и продолжало ориентироваться на мировую революцию, но перешло от «штурма» капитализма к его «осаде». Праворадикальные фашистские партии и группы в большинстве европейских стран либо распались, либо резко сократили число своих сторонников. Начался период стабилизации.

Стабилизация экономики

С середины 20-х гг.XX в. германская экономика оказалась под воздействием целого ряда внешних и внутренних факторов, ко-

торые способствовали преодолению ее кризисного состояния. Важнейшее значение имело урегулирование репарационной проблемы. Рурский кризис показал, что проблема репарационных долгов зависела не столько от политики германских правительств, сколько от низкой платежеспособности страны. Новое выколачивание репараций по французскому методу могло не только окончательно разрушить германскую экономику, но и вызвать общеевропейский хаос. Американские и британские правящие круги выступили за прекращение экономической изоляции Германии и стабилизацию ее финансовой системы. С этим было вынуждено согласиться и новое французское правительство, возглавляемое *Эдуардом Эррио* (1872–1957).

План Дауэса

На Лондонской международной конференции в июле 1924 г. был утвержден план финансово-экономической санации Германии, предложенный комиссией экспертов под председательством американского банкира *Чарлза Дауэса* (1865–1951). Суть проблемы Дауэс сформулировал следующим образом: надо найти воду, которая бы двигала немецкую бюджетную мельницу. План Дауэса предусматривал снижение на четыре года ежегодных репарационных платежей (аннуитетов), при сохранении общей суммы репараций. В 1924–1927 гг. Германия должна была выплачивать по 1 млрд золотых марок, и только с 1928–1929 г. аннуитеты увеличивались до 2,5 млрд марок. В дальнейшем ежегодные репарационные платежи должны были определяться, исходя из платежеспособности Германии. План открывал германскую экономику для зарубежных займов и инвестиций. В качестве источников покрытия репарационных платежей и займов определялись доходы государственного бюджета, прибыли немецких железных дорог и промышленных компаний. Устанавливался международный контроль над бюджетом страны, системой внутреннего денежного обращения и кредитования и над трансфертом капитала за границу. Обязательным условием выполнения плана Дауэса было восстановление единого экономического поля Германии и вывод в течение года французских войск из оккупированной части Рура.

Таким образом, французская идеология экономических репрессий против Германии была заменена англосаксонской концепцией восстановления немецкой экономики. К концу 1920-х гг. приток иностранного капитала в Германию по разным оценкам составил до 25 млрд марок. В счет репараций за этот период немцы выплатили

немногим более 10 млрд марок. Приток инвестиций содействовал модернизации и рационализации германской промышленности.

Стабилизации германской экономики способствовала активная экономическая политика правительства. С середины 1920-х гг. было ограничено государственное вмешательство в экономику. Государственное регулирование приняло косвенный характер и велось экономическими методами: через бюджет, налоги, инвестиции, таможенные пошлины, торговые тарифы, кредиты.

Важным фактором правительственной финансовой политики буржуазных кабинетов явилось сбалансирование государственного бюджета путем резкого уменьшения государственных расходов и повышения доходов. Во второй половине 1920-х гг. более чем на треть был сокращен государственный аппарат, снижены зарплата чиновников и социальные расходы. В 1926–1927 гг. выросли косвенные налоги и налоги с физических лиц, одновременно снижались налоги на капитал в целях поощрения инвестиций. Так, в налоговых поступлениях в бюджет две трети общей суммы приходилось на сборы с потребителей и только одна треть — с производителей.

Стабилизации финансовой системы страны способствовало введение так называемой «рентной марки». Путем обмена одной «рентной марки» на 1 биллион бумажных марок уменьшалась денежная масса и снижалась инфляция. Тогда же был создан кредитный Рентный банк, уставной капитал которого составляла твердая валюта. Рентный банк кредитовал базовые промышленные предприятия и способствовал восстановлению и подъему важнейших отраслей экономики. В итоге, в середине 1920-х гг. государственный бюджет был сбалансирован, инфляция остановлена.

В 1925 г. истек пятилетний срок, в течение которого Германия в одностороннем порядке была обязана предоставлять победителям торговые льготы. В связи с этим, рейхстаг принял ряд законов о защите внутреннего рынка. Они позволили правительству поднять таможенные пошлины на некоторые виды импортных продовольственных и промышленных товаров. К 1928 г. пошлины возросли в целом почти в 3,5 раза. Одновременно германские предприниматели получили значительные льготы в экспортной деятельности. К 1929 г. германский экспорт превысил на 34 % довоенный уровень. Германия по объему экспорта вышла на третье место в мире после США и Великобритании. Объем внешней торговли был сведен с положительным сальдо.

Во второй половине 1920-х гг. в промышленности произошло обновление основного капитала. Широко использовалась новая техника

и технологии, стандартизация, механизация и электрификация. Применялись конвейерно-поточные технологии (система «фордизма»). Это привело к росту производительности труда в промышленности в целом на 15–20 %, в современных отраслях промышленности — на 30–40 % по сравнению с 1913 г.

В 1927 г. германская промышленность по общему объему производства вышла на довоенный уровень. В 1929 г. превзошла его на 17 %. Прирост объемов выпуска продукции в отдельных отраслях промышленности оказался еще более высоким. К концу 20-х гг. выпуск автомобилей вырос в 7 раз по сравнению с 1913 г., алюминия в 32 раза. По производству чугуна и стали Германия вышла на второе место в мире, по добыче угля — на второе место в Европе. Быстрыми темпами развивались химическая, газовая, электротехническая отрасли промышленности, а также некоторые отрасли машиностроения. Доля Германии в мировом промышленном производстве выросла с 8 % в 1923 г. до 12 % в 1929 г. Ряд немецких промышленных корпораций — АЭГ, «Сименс», концерн Круппа, концерн «ИГ Фарбениндустри», «Стальной трест» — вошли в число крупнейших в мире. Экономическое развитие Германии достигло высокого уровня стабилизации.

Политическая жизнь

В Германии после бурных событий 1923 г. политические страсти перенеслись в высшие государственные и общественные структуры: рейхстаг, правительство, партии. Заработали традиционные парламентские механизмы. В феврале 1924 г. было отменено чрезвычайное положение.

Государственная власть в республике с ноября 1923 по май 1928 г. находилась в руках буржуазных партий. За это время они сформировали несколько правительственных коалиций, существование которых было отмечено внутренним напряжением и противоречиями как по вопросам внешней, так и внутренней политики. «Неуживчивостью» отличалась Национальная партия. До конца 20-х гг. она объединяла консервативную часть электората и по числу голосующих за нее избирателей заметно опережала другие буржуазные партии. Это давало ее лидерам формальное основание на получение в буржуазной правительственной коалиции поста канцлера. Так, после выборов в рейхстаг в мае 1924 г. националисты собрали более 19 % голосов и предложили на пост канцлера 75-летнего адмирала Тирпица. Не получив согласия со стороны других буржуазных партий, ННПП

отказалась вступить в буржуазную коалицию. В кабинет, который возглавил католик В. Маркс, вошли представители Центра, НДП, ННП и БНП. Не имея за собой парламентского большинства, правительство Маркса сумело дотянуть до конца 1924 г. и было вынуждено уйти в отставку. Внеочередные парламентские выборы, состоявшиеся в декабре, закрепили успех НННП в буржуазном лагере. За нее проголосовало 20 % избирателей. Парламентская фракция националистов (103 депутата) по численности уступала только фракции социал-демократов (153 депутата).

НННП, однако, и на этот раз не добилась продвижения своего кандидата на пост канцлера, но согласилась войти в коалицию. На пост канцлера был приглашен «нейтральный» человек — бывший министр финансов *Ханс Лютер* (1879–1960), который не принадлежал ни к одной из партий. Он возглавил правоцентристское правительство, состоявшее из «министров-специалистов» и формально считавшееся «техническим». В действительности, члены правительства не только сохраняли тесные отношения с фракциями, но и зависели от их решений. В буржуазном лагере довольно быстро обнаружились центробежные тенденции, которые были инициированы националистами. В октябре 1926 г. они не поддержали прозападную политику правительства и вышли из его состава, развалив кабинет Лютера. В январе 1927 г. НННП вернулась в правительственную коалицию, но уже возглавляемую Марксом. Однако через год националисты вновь вышли из правительства, на этот раз из-за разногласий по вопросам внутренней политики. Буржуазная коалиция окончательно развалилась. На май 1928 г. были назначены досрочные выборы в рейхстаг, которые внесли существенные коррективы в расстановку политических сил.

Президентские выборы 1925 г.

На характер политического развития Германии значительное влияние оказывала фигура президента, который в соответствии с конституцией обладал значительными полномочиями. 28 февраля 1925 г. в возрасте 54 лет скончался первый президент республики Ф. Эберт. Его политическим идеалом было правовое конституционное государство, сохранение которого Эберт полагал возможным только при сотрудничестве рабочего класса и буржуазии. Он считал себя не проводником партийной политики, а «уполномоченным всего немецкого народа». Как президент, Эберт добивался создания и сохранения большой парламентской коалиции, с неизменным участием

СДПГ. В этом он не всегда находил поддержку и понимание не только в обществе, но даже в собственной партии. К середине 1920-х гг. Эберт оказался в изоляции и фактически был отстранен буржуазными партиями от серьезного влияния на политическую жизнь страны. Президент подвергался оскорблениям и унижениям со стороны националистов и коммунистов. Для первых он был предателем народа, для вторых — предателем рабочих. Депутат рейхстага от КПГ *Герман Реммеле* (1880–1939) с трибуны парламента заявил, что Эберт ушел в могилу «под проклятья немецкого пролетариата». Эберта вряд ли можно отнести к выдающимся немецким политикам, но заслуги его перед немецким народом, тем не менее, значительны. За 6 лет пребывания на посту президента, он проявил себя как гарант незыблемости конституции, единства нации и защитник интересов республики.

Избирательная кампания по выборам президента в 1925 г. проходила в условиях острых политических столкновений, формирования сложных партийных коалиций и долгих поисков «подходящих» кандидатов на освободившийся пост. Первый тур президентских выборов состоялся 29 марта 1925 г. Большинство партий, пытаясь определить свою популярность среди избирателей, выдвинули собственных кандидатов. Ими были: глава прусского правительства *Отто Браун* (1872–1955, СДПГ), бывший рейхсканцлер Вильгельм Маркс (Центр), глава баденского правительства *Вилли Гельпах* (1877–1955, НДП), лидер баварских клерикалов *Генрих Хельд* (1868–1938, БНП), Эрнст Тельман (КПГ), генерал Эрих Людендорф (НСДАП). Только ННП и НННП вместе с национал-патриотическими объединениями выдвинули единого кандидата — *Карла Ярреса* (1874–1951), обер-бургомистра Дуйсбурга.

В первом туре ни один из кандидатов не набрал требуемых для победы 50 % плюс один голос. Согласно закону о выборах, для избрания президентом во втором туре (26 апреля) достаточно было получить относительное большинство голосов. Партии «веймарской коалиции» под флагом Народного блока выдвинули единую кандидатуру Маркса. Руководство СДПГ понимало, что их электорат исчерпал свои возможности, и Браун не сумеет победить. Полагаясь на дисциплинированность своих сторонников, Правление партии призвало их голосовать за единого кандидата Народного блока.

Яррес также не имел шансов на победу. Правые заменили его во втором туре 77-летним генерал-фельдмаршалом Паулем фон Гинденбургом, выступавшим от имени Имперского блока. Коммунисты вновь выдвинули кандидатуру Тельмана, заведомо не имевшего ре-

альных шансов на успех. Они считали, что пролетариат не должен выбирать между «гражданским диктатором» Марксом и «военным диктатором» Гинденбургом. Идеологические принципы коммунистов оказались сильнее политического прагматизма. За Тельмана проголосовало 1,93 млн человек (6,3 %). Этих голосов как раз и не хватило Марксу для победы, он получил лишь 13,75 млн голосов (45,3 %). Президентом республики был избран Гинденбург, который собрал на 950 тыс. голосов больше (48,4 %), чем Маркс. Социал-демократическая газета «Форвертс» написала: «Гинденбург милостью Тельмана».

Гинденбургу, прусскому лютеранину, отдали свои голоса не только добропорядочные протестанты из Восточной Пруссии, где давно чтили «героя Танненберга». За фельдмаршала проголосовала вся консервативная Германия. По призыву БНП за него голосовали и баварские католики, недовольные заигрыванием Маркса с социал-демократами. Против Маркса, и тем самым за Гинденбурга, проголосовали антикатолически настроенные либералы Вюртемберга. Высший государственный пост занял человек, который никогда не был сторонником демократии и лишь вынужденно смирился с республикой. Гинденбург был символом монархизма и прусских военных традиций. Показательно, что он согласился выставить свою кандидатуру лишь после консультации с германским кронпринцем. Избрание Гинденбурга не означало, что немцы хотят реставрации монархии. Это было голосование против «партийных интересов», против «партийного государства», с которыми многие немцы отождествляли парламентскую демократию, и в которой разочаровались. В Гинденбурге многие видели «беспартийного» президента, «отца нации», который будет защищать единство немцев, порядок и дисциплину. «Немцы захотели иметь президента не

П. фон Гинденбург

в цилиндре, а в военном мундире и при орденах» — так прокомментировал итоги выборов Г. Штреземан.

Гинденбург пользовался абсолютным доверием генералитета, и рейхсвер получил новые возможности укрепить свое положение «государства в государстве». Воспрянуло и прусское дворянство, чье влияние на государственную власть после революции резко упало. Правые через окружение Гинденбурга, через близкий его сердцу мир военных и аристократов получили возможность влиять на принятие важных политических решений. Из трех центров власти — президент, правительство, рейхстаг — первый оказался в руках правых; во втором правые занимали некоторые важные посты и претендовали на пост канцлера; в третьем без правых не могло быть создано буржуазного парламентского большинства. В рейхстаге во второй половине 1920-х гг. треть депутатов выступала против Веймарской республики.

В апреле 1925 г. республиканцы проиграли не просто президентские выборы. Они проиграли битву за республику. Главный редактор крупнейшей немецкой газеты «Берлинер тагеблатт» Теодор Вольф в передовой статье, посвященной итогам президентских выборов, спрашивал: «Что можно поделать с народом, который не учится на своих ошибках?». Либерал и демократ Вольф не мог и подумать, куда приведут немцев эти ошибки.

Оппозиция власти и враги республики

Господство блока буржуазных партий во второй половине 1920-х гг. более четко определило границы между политической оппозицией исполнительной власти и открытыми врагами республики.

Оппозиционность СДПГ

Отказавшись участвовать в буржуазной правящей коалиции, СДПГ тем самым отказалась от двойственного состояния полуправительственной-полуоппозиционной партии, в котором находилась в первой половине 1920-х гг. Она перешла в открытую оппозицию к исполнительной власти, сохраняя верность парламентской демократии. Утрату правительственной ответственности СДПГ воспринимала без особого сожаления, полагая, что буржуазная коалиция сама должна держать ответ за свои решения. Партия использовала это время для осмысления прошедших событий и выработки своей будущей политики.

На партийном съезде в сентябре 1925 г. СДПГ сделала некоторый «шаг влево». В новой, Гейдельбергской, программе партии было записано, что демократическая республика является «опорным пунктом»

на пути к социалистическому государству. Современный капитализм, с его высокой степенью концентрации и централизации капитала и широкими возможностями государственного регулирования, рассматривался в качестве прихода эпохи «организованного капитализма». В программе утверждалось, что «организованный капитализм» ведет к замене «капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планового производства». Рабочий класс был сориентирован на борьбу за решение трех задач. Во-первых, на борьбу за «политическую демократию», то есть за развитие демократического правового государства, политический плюрализм и победу на парламентских выборах. Во-вторых, на борьбу за «экономическую демократию», то есть за участие рабочих в управлении производством. В-третьих, на борьбу за «социальную демократию», то есть за создание эффективной системы социальной защиты.

В соответствии с этими программными установками строилась вся практическая работа СДПГ. Партия выставляла своих кандидатов для участия в парламентских, земельных и муниципальных выборах, в производственные и наблюдательные советы предприятий. В конце 1920-х гг. тысячи социал-демократов занимали должности в органах управления различных уровней. Партия играла ведущую роль в ряде земельных правительств, а в «красной Пруссии» социал-демократы в 1919–1932 гг. (с небольшими перерывами) возглавляли правящую коалицию.

Параллельно формировалось и доверительное отношение к СДПГ определенной части немецкого бизнес-сообщества. Заместитель председателя Имперского союза немецкой промышленности Пауль Зильберберг в ноябре 1926 г. заявил, что только сотрудничество предпринимателей и рабочих может обеспечить процветание Германии. Это было признание авторитета СДПГ и открытый призыв к ее участию в правительственной коалиции. Обращение Зильберберга нашло положительный отклик у лидеров либеральных партий, и только националисты выступили против сотрудничества с СДПГ.

Партия сумела пережить политическую стагнацию и на выборах в рейхстаг в мае 1928 г. СДПГ получила почти 30 % голосов избирателей. Ее парламентская фракция насчитывала 153 депутата — на 22 больше, чем в рейхстаге прежнего состава.

«Большевизация» КПГ

КПГ и после поражения «немецкого Октября» продолжала сохранять революционный оптимизм. Коминтерн дважды, в 1924

и 1925 гг., менял руководство партии, в поисках наиболее дееспособных лидеров. Выбор пал на бывшего независимца Эрнста Тельмана, который пришел в КПГ в 1920 г. и быстро завоевал известность своей «революционной» твердостью. К 1925 г. он был членом ЦК партии, кандидатом в члены Исполкома Коминтерна, депутатом рейхстага, главой военизированной организации «Союз красных фронтовиков», и баллотировался на президентских выборах. Новый председатель КПГ под флагом «большевизации» партии начал ее чистку от «оппортунистов», «ультралевых» и своих личных противников. В партии насаждалась железная дисциплина, вера в непогрешимость партийного лидера и убежденность в победе революции. КПГ рассматривала подготовку и проведение пролетарской революции как непосредственную задачу немецкого рабочего класса. На VI конгрессе Коминтерна в 1928 г. Тельман заявил о «полной готовности» КПГ к социалистической революции. Лидеры Коминтерна считали КПГ наиболее продвинутой в революционном отношении среди зарубежных партий. Тельман стал последовательным проводником сталинского курса в мировом коммунистическом движении. К началу 1930-х гг. в КПГ складывается своеобразный «культ личности» Тельмана. Ее председатель фактически отказался от коллективного принятия решений на политбюро, в коммунистических газетах стали писать о «партии Тельмана», о «красном фронте Тельмана». Партия выступала с резкими нападками на Веймарскую республику, на СДПГ, называя социал-демократию «социал-фашизмом», и допустила целый ряд грубейших политических ошибок.

Возрождение НСДАП и «левые» нацисты

Еще одним врагом веймарской демократии была НСДАП. После «пивного путча» 1923 г. партия была запрещена. Гитлер оказался в тюрьме. Между сподвижниками нацистского вождя, оставшимися на свободе, началась борьба за лидерство. Партия распалась на отдельные группировки. Гитлер, однако, не считал, что потерпел поражение и в своей камере демонстративно повесил лавровый венок. Ему было только 35 лет, он был полон новых планов борьбы за власть и самоутверждение в мессианской роли «спасителя» Германии. Об этом он писал в книге «Майн кампф» («Моя борьба»). В ней на фоне эпизодов собственной биографии, личных переживаний и фантазий, Гитлер рассуждал о прошлом и будущем Германии, о нелегкой судьбе немцев. Поражение Германии в мировой войне, революцию и послевоенный кризис Гитлер объяснял тем, что немцы утратили спо-

собность служить отечеству и готовность к самопожертвованию ради интересов нации. Книга была основана на расовых теориях, на яром антисемитизме. Евреев Гитлер называл «разрушителями цивилизации», а Веймарскую республику — «величайшей ошибкой XX века». Чтобы Германия вновь стала великой, необходимо, писал Гитлер, возродить немецкий дух и волю, и подчинить их служению интересам всей нации, а не отдельного индивида. Только тогда Германия поднимется из руин, объединит всех немцев, создаст необходимое «жизненное пространство» и обеспечит немцам благополучие и порядок. Решить эти задачи, подчеркивалось в «Майн кампф», может только национал-социалистическая партия, возглавляемая Гитлером — новым национальным вождем.

В декабре 1924 г. Гитлер был освобожден из тюрьмы досрочно «за примерное поведение». Вернувшись на свободу, он увидел новую Германию, пережившую потрясения и встающую на «нормальный» путь развития. Гитлеру пришлось начинать с восстановления партии. Ему удалось добиться снятия запрета на ее деятельность, в течение года воссоздать и подчинить себе многие партийные группы.

Однако в промышленных районах Северной Германии, где в партийных организациях НСДАП было значительное число рабочих, Гитлер столкнулся с «левой оппозицией». Ее возглавляли местные партийные руководители, среди которых выделялись *Грегор Штрассер* (1892–1934) и его помощник *Йозеф Геббельс* (1897–1945). Они считали, что в условиях индустриального развития Германии будущее принадлежит не мелкой буржуазии, на которую ориентировался мюнхенский центр, а пролетариату. По их мнению, НСДАП должна стать рабочей партией, усилить антикапиталистическую и социалистическую направленность своих лозунгов. Штрассер требовал частичной социализации промышленных предприятий, отмены крупного землевладения и принудительного объединения крестьян в сельскохозяйственные кооперативы. Он был сторонником проведения реформы школьного образования в интересах бедных семей. Партия, считал Штрассер, должна стать революционной по своему характеру и использовать для захвата власти вооруженное восстание. «Левые» нацисты в борьбе против капитализма готовы были сотрудничать с коммунистами.

Гитлер расценил «левую оппозицию» не только как угрозу его власти в партии, но и как серьезную опасность для всего нацистского движения. В отличие от «левых» нацистов, Гитлер в середине 1920-х гг. решительно отказался от использования насилия в борьбе

за власть. «Национальную революцию» он представлял теперь как победу своей партии на парламентских выборах с использованием законных средств. В 1926 г. Гитлер, опираясь на политику «кнута и пряника», расколол оппозицию. Часть оппозиционеров была исключена из партии, Геббельс примкнул к Гитлеру, получив пост руководителя берлинской организации НСДАП. Штрассер был оставлен в партии, но оказался в изоляции и на некоторое время смирился с поражением. Летом 1926 г. Гитлер был вновь избран председателем НСДАП с диктаторскими полномочиями. Была подтверждена неизменность прежней программы партии — 25 пунктов.

Развитие партийных структур требовало огромных финансовых затрат. Денег, получаемых партией от баварских промышленников, уже не хватало. Из-за отсутствия средств в 1928 г. пришлось отменить съезд НСДАП. На выборах в рейхстаг в том же году партия собрала только 2,6 % голосов избирателей (810 тыс.), ее фракция насчитывала 12 депутатов. Неутешительными оказались результаты выборов и в земельные ландтаги. НСДАП переживала глубокий внутренний кризис.

Внешняя политика Г. Штреземана

В веймарские годы ни один из германских политиков не отказывался от ревизии Версальского договора. Г. Штреземан, возглавлявший министерство иностранных дел Германии в 1923–1929 гг., сформулировал первоочередные задачи германской внешней политики следующим образом.

1. Приемлемое для Германии решение вопросов о репарациях.
2. Защита 10–12 млн немцев, проживающих за пределами Германии.
3. Корректировка восточных границ: возвращение Данцига, польского коридора и пересмотр границы в Верхней Силезии.
4. Вступление Германии в Лигу Наций.

Вопрос об аншлюсе Австрии Штреземан ставил на «второй план», ибо его решение несло с собой не только сложные внешнеполитические проблемы, но и внутриполитические: усиление католического влияния в Германии, объединение Баварии и Австрии против Пруссии, преобладание клерикальных и социалистических партий в немецкой Австрии.

Рурский кризис со всей очевидностью показал, что ревизии Версальских постановлений и возвращения Германии в «концерт» великих держав можно добиться только путем усиления западной

ориентации с использованием противоречий в лагере победителей. Идеологом и проводником этого внешнеполитического курса как раз и стал министр Штреземан. Он использовал британскую политику «равновесия сил» в Европе в интересах Германии. Учитывал Штреземан и заинтересованность США в политической стабилизации Европы и разрешении европейских экономических проблем.

Германское правительство приветствовало усилия комитета Дауэса по разрешению репарационного вопроса. В плане Дауэса Г. Штреземан видел не «новый диктат» и «расправу» победителей над Германией, а «экономическое перемирие», которое отвечало интересам Германии. Более того, Штреземан смену экономической парадигмы победителей оценивал как открывающуюся возможность преодоления внешнеполитической изоляции Германии и продолжения борьбы за ревизию Версальского договора.

Наметившийся компромисс между победителями и Германией позволил перейти к урегулированию вопросов европейской безопасности. На Лондонской конференции 1924 г. Штреземану удалось сдвинуть с мертвой точки крайне болезненную для Германии проблему эвакуации франко-бельгийских войск из Рурской области. Французский премьер-министр Э. Эррио согласился освободить некоторые районы Рура уже в 1924 г. и завершить эвакуацию в 1925 г.

Штреземан считал, что и сама Германия должна также сделать шаг к ослаблению европейской напряженности. В конце 1924 — начале 1925 г. он сделал два важных внешнеполитических предложения. Первое — о готовности заключить Пакт о гарантии безопасности и неизменности западных германских границ. Второе — о намерении Германии вступить в Лигу Наций и желании получить место постоянного члена Совета Лиги. Инициативы Штреземана были поддержаны правительством Великобритании. В октябре 1925 г. в швейцарском курортном городке Локарно состоялась международная конференция, на которой был принят ***Рейнский гарантийный пакт***. По этому пакту Германия, Франция и Бельгия взяли на себя взаимные обязательства соблюдать неизменность существующих германо-французской и германо-бельгийской границ и демилитаризацию Рейнской зоны. Стороны обязывались не нападать и не прибегать к войне друг против друга. Они также согласились все возникающие между ними спорные вопросы разрешать путем международного арбитража. В качестве стран-гарантов соблюдения пакта выступили Великобритания и Италия.

В Локарно Штреземан добился того, что гарантийный договор не распространялся на страны Восточной Европы. Спорные вопросы

с Польшей и Чехословакией Германия соглашалась разрешать только через арбитражный суд. Штреземан считал, что Локарно открыло возможность возвращения утраченных земель на Востоке. Удержать немцев от насильственного разрешения территориальных претензий победители намеревались обязательным вступлением Германии в Лигу Наций. Оно состоялось 10 сентября 1926 г.

Локарнские соглашения были несомненным успехом германской внешней политики и создавали благоприятные условия для эволюции Версальского миропорядка. По словам Штреземана, в Локарно «был взорван краеугольный камень всей версальской системы». Но для окончательного освобождения Германии от «пут Версаля», подчеркивал министр, необходимы выдержка и терпение.

Однако в правительстве и рейхстаге Штреземан столкнулся с жесткой оппозицией своему курсу со стороны националистов. Министра обвинили в капитуляции перед Францией. В рейхстаге циркулировали слухи о возможной отставке Штреземана и направлении его послом в Великобританию. Пангерманский союз потребовал предать Штреземана суду за «государственную измену». Настороженно отнесся к прозападной политике правительства и президент Гинденбург. Вступление в Лигу Наций он обусловил целым рядом требований к западным странам. В частности, Гинденбург считал, что вступление Германии в Лигу Наций не должно означать признания Германией послевоенных границ в Европе. Штреземан по этому поводу записал в дневнике: «сердцем он [Гинденбург] совсем не с нами». Но 292 голосами «за» при 174 «против» рейхстаг ратифицировал Локарнские соглашения.

Ослабление европейской напряженности создавало возможность для расширения и углубления германо-французских отношений. В сентябре 1926 г. Штреземан и французский министр иностранных дел ***Аристид Бриан*** (1862–1932) на уединенной беседе в курортном городе Туари на франко-швейцарской границе наметили план развития двухсторонних отношений на перспективу («свидание в Туари»). Речь шла о досрочной и полной эвакуации Рейнской области, выкупе Германией Саара, долгосрочных экономических и финансовых связях и т. д. Однако из-за негативной реакции общественности двух стран «политика Туари» не была реализована.

Усиление западной ориентации Германии было сделано сознательно в ущерб восточной политике Германии. Сотрудничество немцев с западными странами ослабляло существующие между ними противоречия и отодвигало столь желанную Москве «межимпериалисти-

ческую войну». После Локарно в советском руководстве заговорили о создании в Европе «единого антисоветского фронта». Сталин предпочитал сохранить тот «клин» в отношениях немцев с победителями, который, как он полагал, «вбил» Рапалльский договор. Германскому правительству Москва хотела внушить мысль, что Локарно — это лишь «продолжение Версаля», а себя успокаивала убеждением, что «Локарно чревато новой войной в Европе».

Штреземан не симпатизировал Советскому Союзу, но и не высказывал к нему своей неприязни. Рапалльский договор он рассматривал как фактор давления на Запад. Незадолго до своей смерти в 1929 г. Штреземан подчеркивал, что Россия является «козырем» в его дипломатической игре с Западом. Показательно, что германо-советский торговый договор был заключен 12 октября 1925 г., в период работы Локарнской конференции. ***24 апреля 1926 г.***, когда активно обсуждались условия вступления Германии в Лигу Наций, был подписан ***договор о ненападении и нейтралитете между Германией и СССР***. При вступлении Германии в Лигу Наций Штреземану удалось оговорить свое право не участвовать в коллективных санкциях Лиги против государств-агрессоров в связи с отсутствием в Германии «необходимых механизмов». Германское правительство, таким образом, отказалось от участия в возможных санкциях Лиги Наций против СССР.

Однако во второй половине 1920-х гг. СССР не стал заметным внешнеэкономическим партнером Германии. Германский экспорт в Советский Союз в 1928 г. составил всего 3,3 % общего объема экспорта страны. Это объяснялось, во-первых, тем, что деловые германские круги были заинтересованы в иностранных инвестициях в собственную промышленность. На проходивших в начале 1928 г. в Берлине германо-советских переговорах по финансово-экономическим вопросам Штреземан отказался предоставить СССР долгосрочный кредит на 600 млн марок для размещения заказов на германских предприятиях. Во-вторых, немецкое правительство предпочитало видеть в СССР аграрную страну и потребителя продукции немецкой промышленности. В-третьих, советская монополия внешней торговли сдерживала использование принципа наибольшего благоприятствования германскими экспортерами. Переговоры 1928 г. были прерваны немецкой стороной, формально выразившей протест против ареста в Советском Союзе немецких инженеров, обвиненных во вредительстве по сфальсифицированному шахтинскому делу. У немецкой стороны возникали опасения за дальнейшее развитие германо-советских экономических отношений в связи с отказом со-

ветского руководства от НЭПа. Немецкие дипломаты отмечали, что сталинский курс отходит от «духа» рапалльских соглашений, и не исключали их денонсирования.

* * *

Во второй половине 1920-х г. Германия, как и большинство стран капиталистического мира, переживала процесс экономической и политической стабилизации. На первый план вышли парламентские методы управления страной и разрешения противоречий. Радикальные движения и партии были вынуждены приспосабливаться к новым условиям, перестраивая свои ряды. Германия преодолела международную изоляцию и вернулась в «концерт» великих держав.

3. Крах Веймарской системы (1929–1933)

Экономический кризис и «большая коалиция»

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. западная цивилизация оказалась в состоянии глубокого экономического кризиса. Порожденная им массовая безработица и резкое падение жизненного уровня огромного числа людей вызвали широкий размах социального протеста. В Германии экономический кризис начался чуть позже, чем в большинстве европейских стран, но затем набрал высокие темпы и принял тяжелый и разрушительный характер. Наивысшей точки он достиг в 1932 г., когда уровень промышленного производства упал по сравнению с 1929 г. на 40 %. Доля Германии в мировом промышленном производстве упала с 15 % в 1928 г. до 9 % в 1932. Число безработных достигало 7 млн человек. Средняя заработная плата сократилась более чем в 2,5 раза. Упал жизненный уровень значительной части населения. Прекратился приток иностранных инвестиций, наступили сроки выплаты долгов по зарубежным кредитам, обострилась репарационная проблема. В состоянии глубокого паралича оказалась финансовая система.

Германия вступила в мировой экономический кризис, имея правительство «большой коалиции» (СДПГ, Центр, НДП, ННП) во главе с социал-демократом ***Германом Мюллером*** (1876–1931). Оно было сформировано после майских 1928 г. выборов в рейхстаг, которые зафиксировали слабость позиции буржуазных партий и укрепление роли СДПГ. Социал-демократы получили еще один шанс для актив-

ного влияния на формирование государственной политики и укрепления демократических институтов.

Антикризисная политика правительства «большой коалиции» опиралась на механизмы государственного регулирования экономики, но оказалась малоэффективной и противоречивой. Буржуазные партии требовали защитить «национального производителя». В декабре 1929 г. Имперский союз промышленности опубликовал меморандум под названием «Подъем или спад?». В ультимативной форме промышленники предлагали правительству снизить налог на капитал и активизировать инвестиционную политику. Но министры-социалисты на первый план выдвигали решение социальных проблем.

Большие надежды на финансовую стабилизацию коалиционный кабинет связывал с решением репарационного вопроса. В январе 1930 г. был утвержден новый репарационный план, подготовленный специальным комитетом международных экспертов под председательством американца *Оуэна Янга* (1874–1962). План Янга отменял иностранный контроль над германской экономикой. На 1931–1934 гг. аннуитеты снижались до 1,65 млрд марок. В последующие 30 лет аннуитеты устанавливались в размере 2 млрд марок. По истечении этого срока объем ежегодных платежей устанавливался заново и зависел от платежеспособности Германии. Для осуществления принятых решений в Базеле создавался специальный Банк международных расчетов. Однако исполнение плана Янга не могло сразу же дать позитивных результатов. В условиях финансового кризиса репарации продолжали висеть над Германией, как «Дамоклов меч». К тому же, в самой Германии план Янга вызвал резко отрицательную реакцию со стороны национал-патриотов. Нацисты и коммунисты называли его планом «нового закабаления Германии».

В марте 1930 г. назрел правительственный кризис. В его основе оказались социальные проблемы. Социал-демократы предложили повысить социальные пособия за счет увеличения отчислений работодателей в фонд по безработице с 3,5 до 4 %. Для них пособия по безработице служили мерилом социальной политики партии. ННП, которая ориентировалась на интересы промышленников, категорически отказалась поддержать предложение социал-демократов. Под давлением свободных профсоюзов, требовавших защитить безработных, СДПГ настаивала на своем предложении. Она не приняла и компромиссного варианта, предложенного Центром. Оказавшись в изоляции, фракция СДПГ вышла из коалиции, и 27 марта кабинет Мюллера прекратил существование.

Некоторые историки считают, что произошел «самоотказ» социал-демократов от политического компромисса, который прежде лежал в основе веймарской системы. Возможно, лидеры СДПГ проявили в марте 1930 г. политическую близорукость, решившись ответственность за провал своей политики возложить на буржуазные партии. Но, скорее, ННП и Центр «выдавливали» социал-демократов из правительственной коалиции. В экстремальных условиях начавшегося кризиса, буржуазные партии стремились реализовать свои взгляды на пути его преодоления. В марте 1930 г. произошел не просто полный развал «большой коалиции». Началась первая фаза распада веймарской государственной системы. Правительство Мюллера стало последним парламентским правительством Германии. Экономический кризис стал катализатором краха парламентской системы.

Отказ от парламентской демократии в конце 1920-х — начале 1930-х гг. оказался широким политическим явлением и скорее отвечал общим настроениям германского общества, чем был исключением. Правительственные кризисы, длительные и нередко бесплодные парламентские споры, межфракционная борьба и отстаивание партийных интересов дискредитировали идею парламентаризма в глазах многих немцев. Они считали, что «партийное государство» обанкротилось, что президентская система в условиях кризиса более приемлема и, безусловно, обеспечит экономическое и политическое оздоровление. Новые политические настроения уловили и форсировали буржуазные политические партии, промышленно-финансовые круги, Гинденбург и его окружение. Они не хотели больше иметь дела ни с социал-демократами, ни вообще с парламентским правительством. Формировалась точка зрения, утверждающая, что настала пора заменить оказавшуюся бессильной парламентскую систему авторитарной властью, президентским правлением.

«Президентский» кабинет Г. Брюнинга. Наступление экстремистских сил

30 марта 1930 г. Гинденбург в соответствии с конституцией назначил канцлером председателя парламентской фракции партии Центра ***Генриха Брюнинга*** (1885–1970). В правительство вошли представители БНП, НДП, ННП, НННП. Это был кабинет, основанный не на доверии рейхстага, а на доверии президента. Правительство получило возможность управлять страной через принятие чрезвычайных декретов. Но его слабость заключалась в том, что большинство рейхстага могло объявить кабинету вотум недоверия. И тогда президент должен был

Г. Брюнинг

либо отправить свое правительство в отставку, либо распустить рейхстаг и в течение двух месяцев провести его новые выборы.

В первые месяцы правления кабинет Брюнинга пытался решать финансово-экономические проблемы еще с использованием парламентских традиций. В июле правительство направило в рейхстаг проект бюджета на 1930 г., названный «программой экономического оздоровления» страны. Правительство опиралось на известные и апробированные принципы: сбалансированность бюджета за счет сокращения государственных расходов и увеличение доходов. Урезались расходы на социальные программы, в том числе: пособия по безработице — на 30 %, пенсии — на 20–40 %. Напрямую ущемлялись интересы около 7 млн человек (вместе с семьями). Одновременно правительство оказывало санационную помощь ряду государственных и частных предприятий основополагающих отраслей экономики. Около 100 млн марок выделялось для поддержки сельскохозяйственного производства в восточных районах страны («восточная помощь»).

Представляя программу рейхстагу, канцлер предупредил, что в случае отклонения она будет проведена в жизнь путем принятия чрезвычайных декретов. Голосами депутатов левых партий программа была провалена в рейхстаге. Не исчерпав возможностей компромисса с депутатами, канцлер вступил в необъявленную войну с парламентом. 17 июля по представлению Брюнинга президент подписал первый чрезвычайный декрет «Об устранении экономических, финансовых и социальных нужд». Парламент сделал ответный шаг, и большинством голосов депутаты отклонили чрезвычайный декрет президента. Канцлер продолжил войну и озвучил подписанный президентом декрет о роспуске рейхстага с 18 июля. На 14 сентября были назначены парламентские выборы. Брюнинг рассчитывал, что в новом рейхстаге он найдет полную поддержку своей политике.

Выборы прошли при значительной активности масс. На избирательные участки пришло 82 % избирателей — почти на 7 % больше, чем в 1928 г. Однако результаты голосования не принесли удовлетворения Брюнингу. Буржуазный лагерь оказался в состоянии раскола и организационной неразберихи. Серьезное поражение потерпела НДП. Вследствие непоследовательности и колебаний партии в отношении демократических принципов, она теряла связи с массовым избирателем, превращаясь в партию немецких либералов-интеллектуалов. За НДП, которая стала называться «Немецкой государственной партией» (НГП), проголосовало только 4 % избирателей. Неудачными оказались результаты выборов и для ННП. После смерти в 1929 г. Штреземана партия сошла с либеральных позиций, но не смогла конкурировать с правыми в борьбе за их электорат. В 1930 г. ННП получила 4,5 % голосов.

Печальными оказались результаты и для НННП. В 1928 г. ее фактическим лидером стал газетный магнат ***Альфред Гугенберг*** (1865–1951), который отказался от наметившегося сближения партии с республикой. Это привело НННП к расколу. Из ее парламентской фракции вышли 29 депутатов. Число голосовавших избирателей за НННП в 1930 г. составило только 7 %. Единственной буржуазной партией, которая сохранила свои позиции, оказался Центр. Четко отлаженный партийный механизм, католический электорат и пропагандистский аппарат обеспечили партии голоса 12 % избирателей.

Несколько утратила свои позиции СДПГ, которая последовательно выступала в защиту демократии и республики. За нее проголосовало 24,5 %, но это было на 1,5 % меньше, чем в 1928 г. Социал-демократы сохранили самую крупную фракцию в рейхстаге.

КПГ шла на парламентские выборы под лозунгом борьбы против фашистской диктатуры, которая отождествлялась с президентским кабинетом Брюнинга. Тем самым КПГ не видела различия между правым буржуазным правительством и фашистским, между Брюнингом и Гитлером. В качестве альтернативы выдвигалась идея диктатуры пролетариата в форме советской власти. КПГ намеревалась национализировать промышленные предприятия и банки, экспроприировать крупные имения и передать землю крестьянам, повысить заработную плату, улучшить за счет государства социальное обеспечение. Широко использовала партия и «национальные» лозунги: борьба с засильем иностранного капитала, денонсация Версальского договора, отмена плана Янга — «нового заговора мирового империализма против немецкого народа».

Свои успехи в избирательных кампаниях КПГ связывала с рабочим классом, который в массе своей голосовал за социал-демократов. Коммунисты стремились скомпрометировать СДПГ в глазах рабочих. КПГ уже не удовлетворялась широко распространенными в коммунистической среде обычными ругательствами в адрес социал-демократов типа «социал-предатели», «социал-оппортунисты». В борьбе против СДПГ коммунисты стали активными пропагандистами коминтерновской теории «социал-фашизма», к рождению которой приложили руку не только Зиновьев и Сталин, но и лидеры КПГ — Эрнст Тельман и Герман Реммеле. Теория «социал-фашизма» была призвана обозначить классовое «перерождение» социал-демократии, потерю ею характера пролетарской партии и превращение в партию «империалистической», «фашизирующейся» буржуазии.

В условиях углубляющейся радикализации масс, за коммунистов проголосовало 4,6 млн человек — 13 % принявших участие в выборах. Это был несомненный успех. Парламентская фракция коммунистов (77 мандатов) стала третьей по численности. Но КПГ явно переоценивала свой успех, утверждая, что стала единственной победительницей на выборах.

Действительную победу одержала национал-социалистическая партия. За нее проголосовали 6,4 млн избирателей — 18,3 % принявших участие в выборах. Прирост голосов по сравнению с предшествующими выборами 1928 г. составил 800 %. Фракция нацистов в рейхстаге (107 депутатов) стала второй по численности. Немецкий избиратель оказался готовым к восприятию антиреспубликанской, антидемократической пропаганды, которую профессионально и с большим размахом вела нацистская партия.

За нацистов в 1930 г. голосовали, прежде всего, мелкобуржуазные слои, средний класс, то есть те, кто больше всего боялся опуститься ниже традиционного социального уровня. Нацистам отдали голоса более 3 млн женщин, благодаря нацистской пропаганде «3К» — традиционных немецких семейных ценностей: Kirche, Kinder, Küche (церковь, дети, кухня). За нацистов проголосовала значительная часть молодежи, особенно студенческой, нередко вопреки политическому выбору своих родителей. Молодежи импонировала идея «коренного обновления нации», осуществить которую нацисты предлагали молодым немцам. Одна из пропагандистских статей Г. Штрассера так и называлась: «Уступите дорогу, старики». За нацистов голосовали больше в восточных протестантских и северных районах, чем в католических

западных и южных. Их больше поддерживали в сельской местности и мелких городах, чем в крупных промышленных центрах.

Избирательный успех национал-социалистической партии можно объяснить тем, что она стремилась найти поддержку в различных социальных, экономических, религиозных слоях общества. В этом смысле нацистская партия была ближе к «народной» партии, чем все остальные немецкие партии. Многие из голосовавших избирателей за НСДАП были не столько сторонниками Гитлера, сколько противниками существующей власти. Национал-социалистическая партия фактически поглотила правое крыло политического спектра страны. До конца 1930 г. численность НСДАП увеличилась на 100 тыс. и составила 389 тыс. человек.

В результате выборов, в рейхстаге сложилось следующее соотношение сил: буржуазные партии оказались в меньшинстве, получив всего 178 мандатов из 577; партии прежней «большой коалиции» также не имели парламентского большинства: 280 депутатов. Открытые противники республики — КПГ и НСДАП — вместе с НННП получили 222 мандата. Таким образом, в 1930 г., во-первых, обнаружилось состояние раскола немецкого общества на основе его радикализации. Во-вторых, подтвердился начавшийся системный кризис парламентской демократии. В-третьих, был зафиксирован новый лидер правого лагеря. Им стала НСДАП, а сам Гитлер превратился в одну из ключевых фигур на политической сцене страны. Гинденбургу ничего не оставалось, как продолжить практику формирования «президентских» правительств. Брюнинг сохранил пост рейхсканцлера.

Углубление социально-экономического и политического кризиса

Между тем экономическое и финансовое положение страны продолжало резко ухудшаться. Летом 1931 г. обанкротились Национальный («Данатбанк»), Дармштадский и Дрезденский банки, Чиновничий банк Бремена и др. Прекратились платежи, кредитование, была приостановлена выдача зарплаты. Началось «бегство капиталов» за границу. Повышение Рейхсбанком учетной ставки до 7 % не дало положительного результата. Только с 19 мая по 19 июня золотой запас страны уменьшился на 1 млрд марок. Иностранная задолженность достигла почти 30 млрд марок. Распоряжением правительства временно были закрыты все немецкие банки, что вызвало панику среди мелких вкладчиков, которые толпами собирались у банков, пы-

таясь получить свои деньги. Санация банковской системы проходила медленно в связи с отсутствием средств.

В июне 1931 г. правительство опубликовало второй чрезвычайный декрет «Об устранении экономических, финансовых и социальных нужд», по которому были вновь урезаны расходы на социальные нужды. Отчисления в фонд страхования по безработице сократились на 30 %, а возрастная планка получающих пособие поднялась с 16 лет до 21 года. В октябре продолжительность выплаты пособия по безработице была снижена с 26 до 20 недель. Число принимаемых чрезвычайных декретов нарастало. В 1931 г. их было издано уже 44. Экономическая политика «бережливости» оборачивалась ростом нищеты, которая в политическом плане увеличивала число противников республики.

Финансовое положение страны осложнялось и необходимостью выплаты репарационных взносов и долгов по внешним займам. В июне 1931 г. Гинденбург обратился с личным письмом к американскому президенту *Герберту Гуверу* (1874–1964) с просьбой о временном замораживании всех германских долгов. Американское правительство объявило о введении годичного моратория («мораторий Гувера») на все виды платежей по международным долгам и репарациям. Летом 1932 г., уже после отставки кабинета Брюнинга, мораторий был продлен еще на 3 года. После этого Германия должна была выплатить в течение 15 лет окончательную сумму репараций в 3 млрд марок. Сумму эту немцы так и не выплатили.

Другой путь преодоления кризиса правительство Брюнинга видело в политике протекционизма. Вслед за США и другими странами Германия активно включилась в «таможенную войну», резко повысив импортные пошлины. В марте 1931 г. Германия и Австрия подписали соглашение о таможенном союзе. Предусматривалось уничтожение таможенных границ, установление единого таможенного закона и согласованных тарифов. Западная дипломатия расценила это соглашение как аншлюс Австрии и Германии, что противоречило версальским постановлениям и Женевскому протоколу 1922 г., запрещавшего аншлюс в форме экономического союза. Дело было передано на рассмотрение Гаагского третейского суда, который 5 сентября 1931 г. объявил аншлюс несовместимым с международными обязательствами Австрии. За два дня до этого решения Австрия и Германия расторгли таможенный союз. В политических кругах это расценили как крупное поражение Брюнинга.

В рейхстаге фактически сложился единый антиреспубликанский блок из коммунистов и нацистов, которые полностью парализовали

его работу. Для этого использовались различные способы, включая выкрики депутатов, обструкцию, шум, дискуссии по процедурным вопросам. Нацисты начинали скандал, как только слово получал коммунист, а коммунисты устраивали шум, как только на трибуну поднимался нацист. Нередко нацисты покидали зал заседаний, когда выступал «марксист», а коммунисты — когда выступал «фашист». Иногда они покидали зал вместе, как это было в феврале 1931 г., когда рейхстаг принял закон, ограничивающий возможность злоупотребления депутатским иммунитетом и интерпелляцией.

КПГ и НСДАП выступали иногда единым антидемократическим фронтом и за пределами рейхстага. Летом 1931 г. коммунисты и нацисты выступили на плебисците за роспуск прусского ландтага, который находился под контролем социал-демократов. Плебисцит потерпел провал, но обнаружил единство политических целей КПГ и НСДАП. Когда же в конце 1931 г. социал-демократы предложили коммунистам сотрудничать в антифашистской борьбе, компартия ответила отказом и начала пропагандистскую кампанию против СДПГ.

Гитлер все более осознавал, что успехи в завоевании рейхстага еще не означают завоевания правительственной власти. Опыт кабинета Брюнинга показал, что важнее завоевать доверие президента и влиятельных политических и экономических кругов, чтобы оказаться у власти. Однако значительная часть политической и финансово-промышленной элиты еще не видела в Гитлере «серьезного» политика и относилась к нему с предубеждением. С лета 1931 г. Гитлер начал активную кампанию по завоеванию влиятельных кругов страны.

10 октября 1931 г. Гитлера впервые принял Гинденбург, но на президента «богемский ефрейтор» не произвел впечатления крупного политика. В окружении президента говорили, что Гитлер еще может быть назначен министром почт, но только не канцлером. Лидер нацистов был откровенно расстроен. Но эта встреча оказалась важной не столько внутренним содержанием, сколько внешним эффектом: Гитлер был принят президентом. Под впечатлением этой встречи 11–12 октября в Гарцбурге прошла конференция так называемой «национальной оппозиции» — лидеров правых партий и организаций: НСДАП, НННП, Пангерманского союза, «Стального шлема» и др. Присутствовали отставные генералы, известные банкиры и промышленники, крупные помещики. Здесь был оформлен союз правых сил, получивший название «Гарцбургского фронта». Несмотря на громкое название, Гарцбургский фронт закрепил скорее существующие противоречия и личные амбиции лидеров правых,

чем их единство. Намерения Гугенберга создать под своим руководством единый блок «национальных сил» натолкнулись на противодействие Гитлера. Фюрер сам претендовал на лидерство в «едином национальном фронте». Несмотря на внутренние распри и скорый развал, Гарцбургский фронт способствовал укреплению материального положения и престижа нацистов среди немецких правых.

27 января 1932 г. в Промышленном клубе Дюссельдорфа Гитлер два с половиной часа выступал перед 300 представителями финансово-промышленной элиты. Это была тщательно подготовленная речь, рассчитанная на авторитарные взгляды присутствующих. Главная беда заключается в том, убеждал Гитлер промышленников, что демократические принципы современного немецкого государства не соответствуют его частнособственническим экономическим основам. Противоестественно строить политическую жизнь общества на принципах демократии, а экономическую сферу — на авторитете личности. Частная собственность, говорил Гитлер, требует, чтобы и государство основывалось на авторитете личности. Нельзя добиться величия государства, когда оно находится в состоянии внутреннего разлома, когда 50 % населения голосует за марксистов. Единственной силой, способной их остановить и консолидировать общество, является национал-социалистическая партия. Но для этого немцам придется пройти через «школу железной дисциплины».

Гитлер уходил с трибуны клуба промышленников под аплодисменты присутствующих. Гитлера и капитал соединило убеждение в необходимости авторитарного преодоления веймарской системы. Промышленников не устраивала веймарская демократия с ее социалистами, профсоюзами, коллективными договорами, правами масс. С нацистским государством они связывали «порядок и дисциплину», свободу бизнеса, налоговые льготы. В партийную кассу НСДАП стали поступать дополнительные средства от промышленников, собственно, как и в фонды других партий.

Президентские выборы 1932 г.

Брюнинга пугало усиление позиций нацистов. Он искал пути нейтрализации Гитлера, хотел привязать его «к столбу легальности» (В. Грёнер). Но Брюнинг исключал привлечение Гитлера в состав кабинета. Тревогу канцлера вызывали и предстоящие весной 1932 г. президентские выборы, и нежелание Гинденбурга еще раз баллотироваться на высший государственный пост. Брюнинг не исключал того, что выборы могут открыть перед Гитлером широкие политические перс-

пективы. Канцлер попытался конституционной поправкой продлить полномочия действующего президента на два года, чтобы выиграть время для стабилизации внутренней ситуации. Брюнинг рассчитывал на поддержку СДПГ, которая с осени 1930 г. придерживалась политики «терпимости» по отношению к правительству. Брюнинг и Центр, в свою очередь, поддерживали существование левоцентристской коалиции в Пруссии. Однако переговоры с парламентскими партиями о конституционной реформе закончились неудачей. Брюнингу с трудом удалось уговорить 84-летнего Гинденбурга, уставшего от политических коллизий, баллотироваться на новый президентский срок. Канцлер надеялся, что избиратели проголосуют за фельдмаршала, и будет выиграно время для преодоления нацистской опасности.

В президентскую кампанию включились все политические силы. Одни, как КПГ и НННП, выдвинули своих кандидатов, соответственно Тельмана и *Теодора Дюстерберга* (1875–1950), лидера националистической военизированной организации «Стальной шлем». Большинство партий, в том числе и СДПГ, поддержали кандидатуру Гинденбурга. Гитлер не сразу решился баллотироваться в президенты. Он понимал, что рискованно соперничать с легендарным героем Первой мировой войны, пользующимся широкой поддержкой политической элиты. Но отказ от участия в президентских выборах означал для Гитлера поддержку «системы». Только 22 февраля в берлинском Дворце спорта под ликующие возгласы нацистов Геббельс объявил о выдвижении Гитлера кандидатом в президенты. Фюреру было важно показать власть имущим, что он пользуется широкой поддержкой и может претендовать на пост рейхсканцлера. 26 февраля Гитлер, «человек без гражданства», стал на неделю правительственным чиновником Брауншвайга, что принесло ему германское гражданство и право участвовать в президентской гонке.

Нацистская партия сразу же развернула мощную изобретательную пропаганду с использованием технических средств: граммофонные пластинки, озвученные киноролики выступлений Гитлера, радио, специальный иллюстрированный журнал, колонны автомобилей, набитых штурмовиками с партийными знаменами. В пропагандистской кампании участвовала вся партийная элита. Сам Гитлер за 10 дней марта объехал на автомобиле всю страну, выступив перед 500 тыс. слушателей. Гинденбург выступил по радио — один раз накануне голосования.

Выборы президента проходили 13 марта 1932 г. Борьба за президентский пост развернулась между Гинденбургом и Гитлером.

Первый получил 49,6 % голосов, второй — 30,1 %. Два других кандидата — Тельман (КПГ) и Дюстерберг (НННП) — остались далеко позади, получив соответственно 13 и 7 % голосов. На 10 апреля был назначен второй тур голосования, в котором борьба вновь развернулась между Гинденбургом и Гитлером.

Перед вторым туром Гитлер использовал еще одно техническое новшество: на арендованном самолете он за неделю облетел 21 город, в каждом из которых выступал по 4–5 раз в день. «Гитлер над Германией» — с намеком писали нацистские газеты. Гитлер отказался от изложения своих конкретных намерений. Основной пафос его речей сводился к отрицанию действительности, призыву к переменам, к обличению «разрушителей империи» и нагнетанию угрозы марксизма. Он говорил о том, что могло подорвать доверие слушателей к демократии, рейхстагу, правительству. Вот образчик его выступления в ходе президентской кампании: «С самого первого дня революции... мы видим только ошибку за ошибкой, крах за крахом, бедствие за бедствием... Все, что было раньше, опрокинуто, все, что раньше казалось великим, свергнуто. Единственное, что нам осталось — это те люди и те партии, которые повинны в наших несчастьях. Они все еще у руля». Гитлер имел успех. За него проголосовало 36,7 % избирателей — 13,5 млн. Тельман потерял во втором туре более 1 млн голосов.

Как и ожидалось, президентом был избран Гинденбург, который получил 19,4 млн голосов — 53 %. Несомненно, Гинденбург был обязан своим избранием поддержке социал-демократов. Они стремились не допустить к власти Гитлера и считали Гинденбурга «меньшим злом». СДПГ и другие республиканские партии просто не имели единого кандидата, способного победить нациста Гитлера. В победе Гинденбурга СДПГ видела успех своего политического курса.

Президентская кампания не исчерпала пропагандистского натиска НСДАП. Она сразу же включилась в выборы депутатов ландтагов ряда немецких земель, в которых проживало четыре пятых населения страны. Нацисты победили в Анхальте, Вюртемберге, Гамбурге. В новом ландтаге Пруссии они получили 162 мандата (8 — в прежнем составе), в то время как социал-демократам досталось 93 места, вместо 137. Правившая здесь «веймарская коалиция» была разрушена. Прежний кабинет социал-демократа Отто Брауна сохранил свою власть только потому, что глава прусского правительства избирался квалифицированным большинством депутатов.

Успехи нацистов вызвали в верхних эшелонах власти уверенность в том, что необходимо привлечь НСДАП к управлению госу-

дарством. Но Брюнинг по-прежнему не имел намерений включать Гитлера в состав правительства. Более того, 14 апреля 1932 г. были запрещены «штурмовые отряды» (СА) и ношение униформы, усилились наказания за нарушения общественного порядка. Бавария и Пруссия запретили своим государственным служащим вступать в экстремистские организации. Однако «вся президентская рать» и сам Гинденбург уже намерились «приручить» Гитлера, чтобы использовать в своих интересах. Терпеть Брюнинга они больше не хотели. Им нужен был другой канцлер, руками которого можно было покончить с парламентской республикой и перейти к президентской диктатуре. Масла в огонь подлили жалобы со стороны восточно-прусских юнкеров президенту на канцлера, который сократил им государственные субсидии — «восточную помощь». Они обвинили Брюнинга в проведении политики «аграрного большевизма». 30 мая 1932 г. канцлер вместе с министрами был отправлен в отставку.

Политика кабинета Брюнинга и фигура самого канцлера широко обсуждается в исторической литературе. Советские историки считали Брюнинга «монархистом», «политическим партнером» нацистов, главным «исполнителем» воли реакционеров, канцлером, «открывшим» Гитлеру путь к власти. В немецкой историографии оценки деятельности Брюнинга более дифференцированы, порой откровенно противоположны. Одни историки считают его политику «последней попыткой» спасения веймарской демократии, другие — «первой ступенью» ее разрушения. Именно его политика бережливости часто считалась причиной углубления кризиса страны. Но важно отметить, что Брюнинг был противником любой диктатуры. Предотвратить ее наступление он рассчитывал установлением временного авторитарного президентского правления, оставаясь на посту канцлера. Это могла быть консервативная альтернатива нацистскому режиму. Но Брюнинг оказался в изоляции и был бессилен остановить пронацистские силы. Это была не вина, а беда канцлера Брюнинга. С его отставкой завершилась умеренная фаза президентской системы управления.

Президентский кабинет Ф. фон Папена

1 июня 1932 г. в Германии было создано новое правительство, которое возглавил ***Франц фон Папен*** (1879-1969). Это был отпрыск старинного дворянского рода, бывший офицер генерального штаба, удачно женившийся на дочери крупного промышленника. Он был богат, имел связи в промышленных и военных кругах, принадле-

Ф. фон Папен (слева)

жал к аристократическому «Клубу господ». Папен был членом партии Центра и польстился на пост канцлера вопреки позиции руководства. За это его исключили из партии. Папен никогда не был сторонником парламентаризма, некоторые немецкие историки называют его «откровенным реакционером».

Кабинет Папена также был президентским и не имел парламентской поддержки. Ключевой фигурой кабинета стал генерал ***Курт фон Шлейхер*** (1882–1934), занявший пост военного министра. Он и должен был обеспечить прочность кабинета, имея тесные связи с президентом и рейхсвером. Склонный к интригам, Шлейхер (его называли «кардиналом цвета хаки») рассчитывал сделать канцлера своим послушным орудием. В правительство вошли люди с известными в стране дворянскими фамилиями. Не случайно кабинет Папена окрестили «кабинетом баронов».

Папен быстро стал своим человеком в президентском окружении и даже «любимчиком» Гинденбурга. Опираясь на доверие президента, амбициозный канцлер стал претендовать на самостоятельность и выдвигать планы «великосветского» государственного переустройства Германии. Его проект «нового государства» предусматривал создание авторитарного режима, в котором центр власти находился в руках президента. Президент получал право единолично формировать независимое от партий и парламента имперское правительство. Сам парламент становился двухпалатным. Избираемый по новой, консервативной системе рейхстаг превращался во «вторую палату», лишенную права формирования и отзыва правительства. Его полномочия существенно ограничивались «первой палатой», члены которой назначались президентом пожизненно. Так Папен надеялся обеспечить господство старых аристократических слоев, именуемых «лучшими национальными силами». Опираясь на президентскую власть и рейхсвер, Папен предлагал запретить НСДАП, КПГ и, возможно, другие партии.

Однако реформаторский порыв Папена натолкнулся на сопротивление Шлейхера. Генерал опасался, что прямое столкновение рейхсвера с коммунистами и национал-социалистами приведет страну к гражданской войне. Шлейхер придерживался концепции «приручения» нацистов путем включения Гитлера в правительство правой коалиции. В начале июня Шлейхер сделал первый шаг на сближение с Гитлером. В обмен на согласие последнего поддержать кабинет Папена был отменен запрет СА, распущен рейхстаг и на 31 июля назначены досрочные выборы.

Летом 1932 г. политическая ситуация в Германии была близка к гражданской войне. На улицах немецких городов между штурмовиками и их противниками начались ожесточенные столкновения, в которые были вынуждены вмешиваться войска. За месяц только в Пруссии произошло почти 500 столкновений, в ходе которых были убиты 99 человек и ранены 1125. Наиболее острые схватки проходили между штурмовиками и боевиками КПГ. 17 июля в Гамбурге произошло столкновение между коммунистами и колонной нацистов, провокационно проходившей по улицам рабочего района Альтона. В завязавшейся перестрелке, которая, по мнению многих исследователей, была начата коммунистами, было убито 18 человек, многие получили тяжелые ранения. Это событие было названо альтонским «кровавым воскресеньем». В июле в подобных столкновениях погибло 30 коммунистов и 38 нацистов.

События в Гамбурге послужили поводом для давно готовившегося кабинетом Папена удара по Пруссии, правительство которой возглавляли социал-демократы. 20 июля чрезвычайным декретом президента правительство Пруссии было смещено, и власть перешла в руки Папена, занявшего пост земельного имперского комиссара. Прусская полиция была переподчинена рейхсверу. Это был насильственный переворот, который СДПГ смиренно приняла. Она отказалась не только от силового сопротивления, но даже от проведения всеобщей стачки протеста. Республика потеряла свою последнюю опору. КПГ, которая формально заявила о своей готовности к всеобщей забастовке, не предприняла для ее организации никаких практических шагов. Вряд ли она хотела защищать «правительство предателей», как называли прусское правительство Бауэра коммунистические газеты. Геббельс по этому поводу сказал, что «красные упустили свой величайший шанс. Больше его у них не будет».

Выборы в рейхстаг 31 июля 1932 г. продемонстрировали высокую активность избирателей. К избирательным урнам пришло 83,4 % из

44,2 млн человек, имеющих право голоса. Это была самая высокая явка за все годы существования Веймарской республики. Результаты выборов констатировали новое поражение республиканских сил. Умеренные буржуазные партии, некогда составлявшие парламентскую базу республики, лишились поддержки избирателей. Все вместе они получили 18 % голосов избирателей. За СДПГ проголосовало около 22 % избирателей.

Наибольшего успеха добилась национал-социалистическая партия, которая «поглотила» электорат буржуазных партий. За НСДАП проголосовало 13,7 млн избирателей — 37,2 %. Ее партийная фракция в рейхстаге оказалась самой крупной — 230 депутатов. Но национал-социалисты не решили главной задачи — они не обеспечили себе большинства в рейхстаге. Обеспокоенный Геббельс в те дни записал в дневнике: «Надо искать другие пути».

Выборы зафиксировали относительный успех коммунистов, которые получили около 15 % голосов (5,3 млн). Прирост голосов почти за два года (с сентября 1930 г.) составил около 700 тысяч, в то время как нацисты увеличили число своих сторонников более чем на 7 млн. Однако самообольщение вновь, как и в 1930 г., охватило коммунистических лидеров, которые провозгласили КПГ «единственной победительницей выборов». И никакой тревоги по поводу нарастающей угрозы фашизма.

В рейхстаге теперь противостояли друг другу три политических лагеря. Во-первых, националисты, поддерживающие Папена. Они имели около 7 % мест. Во-вторых, буржуазные партии, стоявшие на почве республики, но готовые к политическим «кульбитам». Вместе с социал-демократами они имели в рейхстаге около 40 % депутатов (соответственно 18 и 22 %). В-третьих, нацисты и коммунисты — открытые противники республики. Вместе они имели почти 53 % мандатов (соответственно 38 и 15 %). Борясь против всех и друг с другом, они подрывали основы парламентской демократии. Рейхстаг оказался недееспособным. Обозначился паралич конституционных механизмов, который открыл возможность закулисных интриг и махинаций.

13 августа Гитлер был принят президентом страны. Гитлер, как лидер победившей на выборах партии, рассчитывал получить пост канцлера. Но Гинденбург предложил ему только пост вице-канцлера в правительстве Папена. Настроенный получить «все или ничего», Гитлер посчитал сделанное предложение унизительным, отверг его и отказался от «политики терпимости» по отношению к кабинету Па-

пена. Гитлер согласился на переговоры с Центром о создании правительственной коалиции, чтобы сбросить кабинет Папена. С помощью коммунистов он надеялся провести референдум, чтобы отстранить от должности Гинденбурга.

30 августа 1932 г. состоялось первое заседание нового рейхстага. Его открыла старейший депутат, известная революционерка-коммунистка 75-летняя ***Клара Цеткин*** (1857–1933). Нарисовав тягостную картину экономического и социального кризиса, Цеткин неожиданно призвала депутатов отбросить «все разъединяющие политические, профсоюзные, религиозные и идеологические установки», чтобы защитить Веймарскую конституцию и рейхстаг от посягательств «фашистского правительства» Папена и отправить его в отставку. После пламенной речи Цеткин, депутаты избрали президентом рейхстага 39-летнего ***Германа Геринга*** (1893–1946), лидера самой крупной национал-социалистической фракции.

При новом составе рейхстага кабинет Папена опирался на уже устоявшиеся механизмы чрезвычайных декретов. В конце августа правительство разработало 12-месячную «Программу экономического и социального оживления», которая 4 сентября была утверждена чрезвычайным декретом президента. Программа с одной стороны предусматривала «ограничительные» меры в социальной сфере, с другой — «побудительные» в сфере бизнеса. В частности, программа окончательно разрушала существующую тарифную систему оплаты труда и позволяла работодателям снижать заработную плату рабочим без согласования с профсоюзом. Одновременно предприниматели получали налоговые льготы.

В результате принятия новой чрезвычайной программы на 23 % сократились размеры пособия по безработице, на 15 % — пособия из благотворительных фондов, на 15–24 % — пенсии инвалидам, вдовам, сиротам. Теперь семья из трех человек получала в неделю 51 марку, из которых 32 марки уходили на оплату жилья и коммунальных услуг и только 19 марок — на еду и прочие расходы. Почти 30 % безработных в 1932 г. перестали получать пособия, а часть вообще не была охвачена системой социальной защиты.

Чрезвычайный декрет вызвал бурю в политических партиях, но не в связи с его содержанием. Он стал поводом для одних свести счеты с Папеном, для других — свести счеты с рейхстагом, для третьих — вообще покончить с республикой. Но и Папен не хотел уступать. На второе заседание рейхстага, 12 сентября, Папен пришел с уже подписанным декретом о его роспуске. Когда коммунисты внесли пред-

ложение о вотуме недоверия кабинету, Папен передал Герингу знакомую депутатам красную папку с указом о роспуске рейхстага. Тем не менее предложение коммунистов было вынесено на голосование. Результаты оказались унизительными для правительства: 512 депутатов высказалось за недоверие правительству, и только 42 депутата его поддержали. На этом только что избранный рейхстаг прекратил свою работу. Новые выборы были назначены на 6 ноября 1932 г.

Политические комбинации осени — зимы 1932-1933 гг. Приход Гитлера к власти

Новую избирательную кампанию все политические партии вели на пределе сил. Население вяло реагировало на предвыборные лозунги. Пожалуй, только нацисты нашли простой и понятный избирательный слоган: «Честный заработок за честную работу». Настоящей политической сенсацией предвыборной кампании стала забастовка берлинских транспортников в начале ноября. Она была организована коммунистами, но к стачке присоединились нацисты. В течение нескольких дней коммунисты и нацисты вместе выставляли пикеты, избивали штрейкбрехеров, строили заслоны на трамвайных путях.

На выборы пришло 80 % зарегистрированных избирателей — меньше, чем в июле 1932 г. и в сентябре 1930. Результаты голосования показали, что «кабинет баронов» Папена продолжал оставаться в изоляции. Почти 90 % избирателей (более 30 млн) проголосовало за партии, находящиеся в оппозиции правительству. Продолжали утрачивать свои позиции социал-демократы. Они получили около 20 % голосов и потеряли 12 мест в рейхстаге. За КПГ проголосовало почти 17 % избирателей, партия провела в рейхстаг 100 депутатов. Если в июле разрыв в голосах избирателей между СДПГ и КПГ составлял 7,3 % в пользу социал-демократов, то теперь он сократился до 3,6 %. Но их общее представительство в рейхстаге в ходе трех последних парламентских выборов не изменилось. В сентябре 1930 г. СДПГ и КПГ имели 220 депутатов, в июле 1932 г. — 222, в ноябре — 221. Эти данные показывают, что СДПГ и КПГ, действуя в одном электоральном пространстве, исчерпали свои избирательные возможности. Однако Тельман смотрел на политические перспективы с большим оптимизмом.

Самыми неожиданными оказались итоги выборов для нацистов. Они получили 33 % голосов — 11,7 млн, что было на 2 млн голосов меньше, чем на предыдущих выборах. Численность парламентской

та возможностью гражданской войны. Шлейхер предложил свои услуги в качестве главы правительства, заверив президента, что сумеет договориться с нацистами о сотрудничестве. 3 декабря Шлейхер был назначен главой президентского кабинета, сохранив за собой пост военного министра. КПГ сразу же назвала правительство «новой ступенью фашистского режима».

Курт фон Шлейхер был выходцем из старинной прусской аристократической семьи и близким другом сына германского президента. Военную карьеру сделал при поддержке Грёнера, адъютантом которого стал в 1918 г. В конце 1920-х гг. был назначен начальником управления сухопутных сил рейхсвера и получил звание генерала. Умный, обаятельный, уверенный в себе и большой интриган, Шлейхер входил в ближайшее окружение президента. Став канцлером, он публично заявил, что готов сотрудничать со всеми конструктивными силами. Шлейхер даже рекомендовал министрам плотнее работать с парламентскими комиссиями, а депутатские фракции призвал отказаться в рейхстаге от межпартийных «разборок». Шлейхер получил «передышку» от рейхстага, который на своем заседании 6 декабря отказался голосовать за вотум недоверия новому правительству. С 9 декабря рейхстаг отложил пленарные заседания до 24 января 1933 г., предоставив правительству свободу действий.

Канцлер намеревался сотрудничать с различными профсоюзами, чтобы подорвать в них партийное влияние и заручиться поддержкой. С этой целью правительство отменило значительную часть статей чрезвычайного декрета от 4 сентября, который вызывал массовый протест рабочих и профсоюзов. Были выделены ассигнования на общественные работы в целях рассасывания безработицы. Шлейхера стали называть «социальным генералом», чем он был весьма польщен. Позже один из профсоюзных лидеров скажет, что имел дело с человеком, который «понимал» интересы рабочих.

Шлейхер имел свой план не просто «укрощения» несговорчивого Гитлера, а устранения последнего с политической арены путем раскола нацистской партии. Канцлер предложил посты вице-канцлера и премьер-министра Пруссии Г. Штрассеру, второму человеку в НСДАП. Штрассер считал, что максимализм фюрера отдаляет нацистов от власти и грозит партии полной изоляцией. Он принял предложение Шлейхера, рассчитывая на поддержку 60–70 депутатов нацистской фракции рейхстага.

В НСДАП назревал внутренний кризис, который вел партию к расколу. Гитлеру, однако, удалось преодолеть внутреннюю фронду

и изолировать Штрассера. 8 декабря между ними произошел открытый разрыв. Штрассер был вынужден уйти из партии. Таким образом, план Шлейхера провалился. Обещанного Шлейхером единства «национальных сил» не получилось. Канцлер оказался в изоляции. Окружение Гинденбурга подталкивало президента к прямым переговорам с Гитлером. Посредником в переговорном процессе оказался Папен.

4 января 1933 г. в доме кёльнского банкира Курта фон Шрёдера состоялась встреча Папена с Гитлером. Папен предложил Гитлеру возглавить коалиционное правительство из нацистов и националистов Гугенберга. Сам Папен претендовал на пост вице-канцлера при Гитлере, надеясь держать лидера нацистов под контролем. Гитлер согласился, но потребовал ряд ключевых министерских постов для своей партии. Соглашение состоялось. Эта встреча была важнейшим событием на пути нацистов к власти. Известный немецкий историк К. Д. Брахер назвал кёльнскую встречу «часом рождения Третьего рейха».

7 января в Дортмунде Папен информировал ведущих рурских промышленников о своей встрече с Гитлером. 9 января Папен известил о ходе переговоров Гинденбурга, и нашел поддержку президента. Параллельно Папен и Гитлер вели переговоры с лидером ННHП Гугенбергом. Самоуверенности Гитлеру на переговорах прибавила победа нацистов в ландтаг небольшой земли Липпе 15 января 1933 г. Нацисты получили 39 % голосов — больше, чем СДПГ. Исход выборов был воспринят президентским окружением как восстановление авторитета НСДАП.

22 января в доме виноторговца Иоахима фон Риббентропа, недавно примкнувшего к нацистам, Гитлер под покровом ночи встретился с сыном президента ***Оскаром фон Гинденбургом*** (1883–1960). Беседа с глазу на глаз продолжалась около двух часов и закончилась, к взаимному удовлетворению, полным согласием. Гитлер получал пост канцлера, Папен — вице-канцлера в правительстве «национальной концентрации», включавшем нацистов и националистов. Гитлеру были обещаны новые выборы в рейхстаг.

Шлейхер еще надеялся усидеть в кресле рейхсканцлера. Он дважды просил Гинденбурга объявить чрезвычайное положение, распустить рейхстаг, запретить НСДАП и КПГ. Фактически речь шла об установлении военной диктатуры при живом президенте. По Берлину пошли слухи о подготовке Шлейхером государственного переворота. Партийные лидеры, прусские аграрии, крупные промышленники

на встречах с Гинденбургом высказались не только против планов Шлейхера, но и против самого канцлера-генерала. Все они находили аргументы для его отставки. Предприниматели были недовольны заигрыванием Шлейхера с профсоюзами, аграрии — отказом от санирования сельского хозяйства, политики — перспективой введении чрезвычайного положения. Всем им кабинет «национальной концентрации» Гитлера представлялся предпочтительнее военной диктатуры Шлейхера. Оказавшись в полной изоляции, 28 января кабинет Шлейхера ушел в отставку.

Историки до настоящего времени спорят о роли Шлейхера в политических событиях 1932–1933 гг. Одни считают его «главным проводником» фашизации Германии и ставят в один ряд с Папеном. Другие утверждают, что Шлейхер пытался отойти от откровенно авторитарного курса Папена и расширить базу президентского режима. Часть историков видит в Шлейхере активного противника Гитлера. Они придерживаются того мнения, что введение чрезвычайного положения Шлейхеру нужно было не для изменения конституции, а для установления временной (или скрытой) военной диктатуры, которая только и могла остановить наступление фашистов и коммунистов. Кабинет Шлейхера рассматривается как вариант консервативной альтернативы фашистской диктатуре.

После отставки Шлейхера в политических кругах уже мало кто сомневался в том, что новым рейхсканцлером станет Гитлер. Войти в кабинет Гитлера изъявили желание лидеры Центра и даже социал-демократы. Однако Папен на эту тему с СДПГ переговоров не вел, а лидерам Центра ответил отказом. Папен в качестве партнера Гитлера по правительственной коалиции видел только ННavailable НННП. Но Гугенберг за свой союз с Гитлером хотел получить как можно больше. Он потребовал от Гитлера наряду с министерскими портфелями и ключевой пост министра внутренних дел Пруссии. В конце января Папен, Гитлер и Гугенберг неоднократно обсуждали состав будущего правительства. Даже утром 30 января в приемной кабинета президента Гитлер и Гугенберг продолжали спорить по поводу распределения правительственных должностей.

Около полудня 30 января президент привел к присяге нового рейхсканцлера. Им стал Адольф Гитлер. Он возглавил непрезидентский кабинет и должен был добиваться поддержки рейхстага, в котором нацисты были в меньшинстве. Республиканская конституция сохранялась, Гинденбург оставался главнокомандующим рейхсвером. Гитлер казался пленником президента. Папен записал в дневнике: «Мы

фракции НСДАП уменьшилась с 230 депутатов до 196. Пик своего влияния НСДАП прошла летом 1932 г. — как и экономический кризис. Отход избирателей от нацистской партии продолжился и на земельных выборах. Она потеряла большое число голосов на земельных выборах в Нижней Саксонии, Померании, Шлезвиг-Гольштейне. На выборах в ландтаг Тюрингии нацисты недосчитались почти 40 % голосов. Избирательные неудачи НСДАП дали повод лидерам КПГ списать ее с политических счетов и игнорировать опасность прихода нацистов к власти. Коммунисты полагали, что в создавшейся ситуации возрастает роль «социал-фашистов», как опоры финансового капитала.

Попытки Папена сформировать после выборов правительство парламентского большинства закончились неудачей. Гитлер даже отказался обсуждать с канцлером вопрос о сотрудничестве. 17 ноября 1932 г. Папен ушел в отставку. Проблему канцлера должен был решать президент. В середине ноября Гинденбург получил от крупных промышленников и банкиров, среди которых были ***Фриц Тиссен*** (1873–1951), ***Ялмар Шахт*** (1877–1970), ***Курт фон Шрёдер*** (1889–1966), письма с предложением назначить Гитлера на пост канцлера. Письма произвели на Гинденбурга большое впечатление. Он предложил Гитлеру канцлерство в правительстве парламентского большинства. Но лидер нацистов категорически отказался участвовать в коалиционном кабинете, настаивая на создании кабинета президентского.

1 декабря 1932 г. президент обсуждал сложившуюся ситуацию с Папеном и Шлейхером. Папен предложил вновь передать ему пост канцлера президентского кабинета, распустить рейхстаг и провести конституционную реформу указом президента. Возможные беспорядки он рассчитывал подавить с помощью рейхсвера. Шлейхер, как министр обороны, исключил использование армии и припугнул президен-

К. фон Шлейхер

наняли его [Гитлера] на работу... Через два месяца Гитлера в угол зажмем так, что у него кишки наружу полезут».

Вечером 30 января по улицам Берлина с горящими факелами и униформе, распевая боевые песни, прошла 25-тысячная колонна штурмовиков. Открылась новая страница германской истории.

Политические альтернативы 1933 г.

Многие десятилетия историки разных стран и направлений пытаются ответить на вопросы: было ли неизбежным установление нацистского режима в Германии? Существовали ли альтернативные пути преодоления политического кризиса 1932-1933 гг.? В советской историографии (В. Н. Виноградов, Г. Н. Горошкова, Я. С. Драбкин, В. С. Дякин, А. С. Ерусалимский В. Д. Кульбакин, М. И. Орлова, Г. Л. Розанов, Н. П. Шелудченко и др.) назначение Гитлера канцлером оценивалось как «захват власти». В качестве альтернативы фашизму рассматривалась только диктатура пролетариата. Эта позиция основывалась на «трех китах». Во-первых, на классовой оценке парламентской демократии как воплощении «диктатуры» буржуазии. Во-вторых, на отрицании понятия «национальный интерес» и противопоставлении классовых интересов. В-третьих, на коминтерновском определении фашизма как политического течения, выражающего интересы наиболее «реакционных и агрессивных кругов империалистической буржуазии». Из этого делался вывод, что в условиях глубокого социально-экономического и политического кризиса монополистическая финансово-промышленная олигархия сделала ставку на Гитлера и передала ему власть. Советские историки не считали неизбежным приход к власти нацистов. Они утвердились во мнении, что предотвратить нацистский переворот мог только немецкий пролетариат, возглавляемый КПГ. Однако «раскольническая» позиция СДПГ ослабила немецкий рабочий класс, чем и воспользовалась империалистическая буржуазия.

С конца XX в. в российской германистике началось переосмысление многих проблем истории Веймарской республики, в том числе и ее краха. Новые подходы к проблеме прихода Гитлера к власти оказались характерны разным поколениям исследователей (В. А. Артемов, И. Я. Биск, А. И. Борозняк, В. А. Буханов, Ю. В. Галактионов, Л. И. Гинцберг, М. Е. Ерин, Г. А. Космач, А. Б. Цфасман, Н. С. Черкасов, И. Д. Чигрин и др.). Впервые российские историки вышли за рамки дихотомии «фашизм — коммунизм». Поставлена под сомнение

или отрицается вовсе леворадикальная (коммунистическая) альтернатива фашизму.

В ходе научных дискуссий 1990-х гг. часть историков поставила вопрос о демократической альтернативе фашизму, которая могла быть реализована через единство всех демократических сил и создание антифашистского фронта. Ее сторонники не учитывают, что демократическая составляющая германского политического спектра в начале 1930-х гг. была чрезвычайно узкой и неустойчивой. Из него выпадала КПГ, которая никогда не была демократической партией. Буржуазные парламентские партии оказались в состоянии глубокого кризиса и отходили от поддержки республики. В начале 1930-х гг. немецкое общество обнаружило слабость демократического сознания и оказалось во власти массового «консервативного экстремизма».

Закономерно встает вопрос о консервативной альтернативе Гитлеру в форме скрытой военной диктатуры (вариант Шлейхера). Она была возможна при условии поддержки Шлейхера рейхсвером и демократическими партиями. Однако последние считали гражданский легальный кабинет Гитлера «меньшим злом», чем диктатура Шлейхера. Настроения военной верхушки выразил начальник военного управления генерал *Курт фон Хаммерштейн* (1878–1943) в письме Гитлеру: «Если Вы придете к власти законно, меня это устроит. В ином случае отдам приказ открыть огонь».

Историки ФРГ разных поколений и школ (К. Д. Брахер, М. Брошат, Х. А. Винклер, Э. Кольб, Р. Кюнль, Х. Моммзен, Х. Мюллер, Д. Пойкерт, К. Эрдман и др.) многие десятилетия также обсуждают вопрос о том, был ли неизбежным крах Веймарской республики и кто виноват в ее падении. Еще в 1950–1960-е гг. среди немецких историков получил широкое распространение тезис о «нежизненности» веймарской демократии, о ее «импровизированном» характере. Делался вывод о том, что «1933 г. был результатом 1918 г.».

Многие историки вину за немецкую катастрофу 1933 г. возлагают на либеральные немецкие партии — НДП и ННП. Эти партии, политическая энергетика которых лежала в основе веймарской государственности, оказались неспособными стать интегрирующей основой республики. Либеральные идеи не смогли конкурировать с идеологией «консервативной революции». С конца 1920-х гг. возможность политического самосохранения они связывали с переходом на антилиберальное и националистическое поле. Однако ни НДП, ни ННП не могли на нем конкурировать как с традиционными националистами, так и с национал-социалистами.

Ряд историков негативное развитие политической ситуации в начале 1930-х гг. связывают с Центром, который был важным фактором внутренней политики. Центр обвиняют в том, что, поддержав методы чрезвычайного управления канцлера Брюнинга, он содействовал движению страны в сторону авторитаризма и был готов вступить в правительство Гитлера.

Во многих работах немецких историков подробно исследуется позиция двух рабочих партий — СДПГ и КПГ — в период политического кризиса республики. Обе партии признаются важным элементом антифашистского движения. В январе 1933 г. им был предоставлен последний шанс для совместного отпора нацистам, но он не был использован ни коммунистами, ни социал-демократами. Обе партии не смогли преодолеть идеологических различий и создать единого антифашистского фронта. Существует, однако, мнение, что единый рабочий фронт не мог остановить Гитлера, так как любые акции протеста вели к гражданской войне, в которой рабочие не имели никаких шансов на успех.

Большинство немецких историков приходят к выводу, что из двух рабочих партий главную ответственность за приход нацистов к власти несет КПГ. Этот вывод они аргументируют тем, что КПГ была антидемократической партий. Она вела длительную борьбу против буржуазной республики с целью установления коммунистической диктатуры. Причем КПГ видела основного врага революции в социал-демократии, против которой и сосредоточила главный удар. Партия не была готова к единому антифашистскому фронту.

И все-таки преобладающим является мнение, что основной враг парламентской демократии был справа, в лице НСДАП. На эту тему написаны тысячи работ. Их пронизывает одна идея, что история движения нацистов к власти есть одновременно история разрушения республики. Гитлер, создавший национал-социалистическую партию, использовал антивеймарские и антиверсальские настроения немцев, экономический и политический кризис, чтобы обвинить парламентскую демократию не просто в неспособности возродить Великую Германию. Он обвинял Веймарскую республику в том, что она является порождением враждебных антигерманских сил и не соответствует немецкой ментальности. В грядущем же национал-социалистическом Третьем рейхе миллионы немцев, богатых и бедных, рабочих и крестьян, ремесленников и торговцев, протестантов и католиков увидели соединение традиционных национальных ценностей и революционного обновления.

4. Культура Веймарской Германии[1]

Поражение в мировой войне германского милитаризма и свержение монархии привело к раскрепощению духовных сил немецкого общества. Освежающий ветер перемен нанес мощный удар идеологии пруссачества, высокомерию военной и гражданской бюрократии и мещанскому самодовольству. Процесс обновления охватил не только общественно-политическую сферу и повседневную жизнь населения страны, но также искусство и культуру. В «двадцатые золотые» Германия была центром европейского экспрессионизма, представшего как движение протеста против «приземленного натурализма» в искусстве, как символ духовного мира человека и его чувственных переживаний.

Во второй половине 1920-х гг., когда Германия встала на путь экономической и политической стабилизации, в культуре и искусстве получило развитие новое направление, известное под названием «новая деловитость», или «новая вещность» ("*Neue Sachlichkeit*"). При всей направленности на реалистическое отражение действительности, в «новой деловитости» нашли проявление многие черты авангардного искусства.

Литература

Общественно-политическая борьба, развернувшаяся в Веймарской республике по проблемам войны и мира, оказалась и в центре внимания немецкой литературы. Значительная ее часть носила антивоенный характер, подчеркивая бессмысленность огромных разрушений, жертв и страданий людей на фронте и в тылу. Лучшими антивоенными романами были «Война» (1928) и «После войны» (1930) ***Людвига Ренна*** (1889–1979) и «На Западном фронте без перемен» (1929) ***Эриха Марии Ремарка*** (1898–1970). В центре внимания книги Ремарка находятся простые немецкие солдаты, испытывающие на себе все ужасы войны: бомбардировки, артиллерийские обстрелы, газовые атаки, рукопашные схватки. Они постоянно видят смерть своих товарищей и уже не испытывают страха за собственную жизнь. Но у этих «окопных людей» постепенно пробуждается чувство вины за все, что происходит на войне. Главный герой, рядовой германской

---

[1] При написании данного раздела использованы материалы, любезно предоставленные канд. ист. наук Н. В. Ковалевой.

армии, говорит убитому им французскому солдату: «Сегодня ты, завтра я. Но если я вернусь домой, я буду бороться против этого, против того, что сломило нас с тобой. У тебя отняли жизнь, а у меня? У меня тоже отняли жизнь. Обещаю тебе, товарищ: это не должно повториться никогда». Роман Ремарка разошелся тиражом в 8 млн экземпляров и был переведен на 30 языков мира.

Э. М. Ремарк

С середины 1920-х гг. стали популярными и другие литературные жанры: интеллектуальный роман (Томас Манн «Волшебная гора»), исторический роман (трилогия Генриха Манна «Империя»), социально-психологический роман — ***Альфред Дёблин*** (1878–1957) «Берлин, Александерплац», ***Ханс Фаллада*** (1893–1947) «Крестьяне, бонзы и бомбы», ***Герман Гессе*** (1877–1962) «Степной волк».

Радикально-противоположное осмысление истории кайзеровской Германии и опыта прошедшей войны нашло отражение на страницах националистической литературы: ***Ханс Фридрих Блунк*** (1888–1961), ***Ханс Гримм*** (1875–1959) и др. Ее герои и в 1920-е гг. продолжали преклоняться перед прусскими военными традициями и не расставались с мечтой о мировом лидерстве. Война воспринималась ими как необходимый аргумент в освобождении Германии от победившей, но стареющей культуры Запада.

Новым явлением в немецкой политической литературе 1920-х гг. стала идеология «консервативной революции»: ***Артур Мёллер ван ден Брук*** (1876–1925), ***Освальд Шпенглер*** (1880–1936), ***Эдгар Юлиус Юнг*** (1894–1934), ***Эрнст Юнгер*** (1895–1998) и др. Она отрицала как «старый» монархический режим, так и новую либерально-демократическую Германию. Задача «консервативной революции» заключалась в формировании новой модели общественного устройства, в основе которого должны лежать «немецкий народный дух», «немецкий социализм».

Театр и кино

Театральная культура Веймарской республики оказалась наполненной новациями драматургии, режиссуры, актеров, музыки, света. Инициатива в обновлении немецкой театральной сцены принадлежала руководителю «Немецкого театра» (Берлин), известному режиссеру ***Максу Рейнхардту*** (1873–1943). Он чутко уловил начавшийся процесс «инвентаризации» духовных ценностей и стал активным режиссером-экспериментатором. Рейнхардт широко использовал оригинальные сценические приемы, в которых сочетались музыка, пантомима, скульптура. По свидетельству современников, он то заменял художественные декорации композицией черных занавесов, то наполнял сцену оголенными ступенчатыми конструкциями. Спектакли Рейнхардта вызывали восхищение одних и резкое неприятие других зрителей. Театральная модель Рейнхардта получила название синтетического театра.

Другой значительной фигурой театрального искусства Веймарской Германии был ***Бертольт Брехт*** (1898–1956), выступавший одновременно как драматург, режиссер и теоретик-реформатор театра. Увлекшись в конце 1920-х гг. марксизмом, Брехт пришел к выводу, что театральное искусство должно способствовать распространению революционной идеологии. Для него главное в драматургии — это борьба против веры человека в предопределенность своей судьбы. Брехт считал нужным наглядно представить в произведении философскую и политическую позицию автора. Театральный спектакль часто не совпадал с фабулой пьесы, он прерывался прямыми авторскими комментариями, лирическими отступлениями, чтением газет, актуальным конферансом. Свою эстетику и драматургию он назвал «эпическим театром». Всемирную известность ему принесла «Трехгрошовая опера» (1928), написанная вместе с композитором ***Куртом Вайлем*** (1900–1950).

Б. Брехт

Другой известный театральный режиссер, коммунист ***Эрвин Пискатор*** (1893–1966), организовал в 1920 г. в Берлине «Пролетарский театр», в котором поставил

написанную вместе с труппой пьесу «День России». В 1924–1927 гг. Пискатор был главным режиссером театра «Фольксбюне» («Народная сцена»). Одним из первых он начал использовать принципы документализма на сцене: действие чередовалось с показом кинофильмов и кинохроники. Некоторые кадры снимались специально для спектаклей. Спектакль-обозрение «Вопреки всему» (1925) представлял собой грандиозный монтаж подлинных речей, газетных статей, листовок, воззваний, фотографий. Важную часть спектакля составляли плакаты, разъяснявшие действие и смысл отдельных эпизодов. В 1927 г. в Берлине открылся Театр Пискатора, работавший с перерывами до 1932 г. Здесь ставились предвыборные агитационные спектакли, под которые подгонялись самые различные пьесы. Пискатор пытался театральными и режиссерскими приемами показать на сцене партии и классы, фронт и тыл, прошлое и будущее, революцию и контрреволюцию. Не случайно Пискатора называют одним из создателей политического театра.

Модернистские постановки Рейнхардта, Пискатора, Брехта принесли славу режиссерам, их театрам и превратили Берлин в театральную столицу Европы.

В 1920-е гг. произошло обновление немецкой кинематографии. Благодаря банковским субсидиям возникла мощная кинопромышленность, в которой господствовали крупные компании: «Девести-Дойлиг», «Националь», «Прогресс» и др. Обновилась и техническая база кинематографа, расширилась сеть кинозалов. Фильмы демонстрировались с утра до вечера. В 1924 г. только берлинские кинотеатры посетило 40 млн зрителей. Основными «кинопотребителями» были рабочие и средние слои. Многие ходили в кино дважды в неделю. Популярностью у зрителей пользовались мелодрамы, комедии, детективы, исторические и экзотические драмы. Такие фильмы, как «Индийская гробница», «Владычица мира» режиссера ***Джо Мая*** (1880–1954), подолгу не сходили с афиш кинозалов.

Постоянно демонстрировались и мистические фильмы-ужасы, в которых действовали жестокие тираны и сверхчеловеческие существа. Немое кино давало широкий простор для раскрытия их образов через энергетику и пластику с использованием света и тени. Начало этому направлению положили фильмы режиссеров ***Роберта Вине*** (1873–1938) «Кабинет доктора Калигари» (1919) и ***Фридриха Вильгельма Мурнау*** (настоящая фамилия — Плумпе) (1889–1931) «Носферату — симфония ужасов» (1922). Обе ленты долгое время оставались одними из самых зловещих фильмов-ужасов в истории мирового кинематографа.

Реалистическое кино было представлено жанром, получившим название «каммершпиле» (камерная драма). В фильмах каммершпиле

местом действия были городские улицы, торговые лавки и квартиры, а героями — ремесленники, мелкие торговцы, служащие с их жизненными проблемами.

С середины 1920-х гг. в Германии начинаются эксперименты с производством звукового кино. Выдающийся вклад в его развитие внес кинорежиссер ***Вальтер Рутман*** (1887–1941). Уже в 1930 г. на экраны кинотеатров вышел 101 звуковой фильм из 146 законченных производством. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в Германии производилось больше фильмов, чем во всех других европейских странах вместе взятых. Немецкий кинематограф успешно конкурировал с американской кинопродукцией, хлынувшей на европейский кинорынок.

Немецкое кино дало миру несколько актеров мирового масштаба: ***Хенни Портен*** (1890–1960), ***Гарри Пиль*** (1892–1963) и др. Среди них звездой первой величины была несравненная ***Марлен Дитрих*** (настоящие имя и фамилия — Мария Магдалене фон Лош) (1901–1992), которая дебютировала в кино в 1923. Огромная популярность пришла к актрисе в 1930 г., когда она снялась в роли роковой женщины в полнометражной звуковой ленте «Голубой ангел». Фильм был снят по роману Г. Манна «Учитель Гнус, или Конец одного тирана» американским режиссером ***Джозефом Штернбергом*** (1894–1969) на немецкой кинофирме "УФА". После этого успеха Дитрих была приглашена в Голливуд, где снималась долгие годы.

Среди исполнителей мужских ролей выделялся ***Эмиль Яннингс*** (1884–1950). Он начал сниматься в кино с 1914 г. Широкую известность получил в начале 1920-х гг. после блистательного исполнения ролей исторических личностей: Людовика XV, Генриха VIII, Дантона, Петра I, Нерона. В конце 1920-х гг. актер уехал в США. В 1930 г. Яннингс снялся вместе с Дитрих в «Голубом ангеле». Звездой первой величины был ***Конрад Фейдт*** (1893–1943), снимавшийся в популярных фильмах режиссеров-экспрессионистов и специализирующийся на сложных психологических ролях. С приходом к власти фашистов, Фейдт эмигрировал в Англию, позднее переехал в США, где играл преимущественно в антифашистских лентах.

М. Дитрих

Музыка

Музыкальная культура Германии в 1920-е гг., как и культура в целом, также оказалась во власти авангардизма. Музыкальные произведения композиторов-авангардистов были очень сложными как для исполнения, так и для восприятия. Они ориентировались главным образом на так называемую «новую венскую школу», глава которой — композитор и дирижер ***Арнольд Шёнберг*** (1874-1951) работал в 1925–1933 гг. профессором Прусской академии искусств в Берлине.

Другим полюсом в немецкой музыке 1920-х гг. был неоклассицизм, сторонники которого следовали призыву ***Игоря (Игнатия) Стравинского*** (1882–1971) «Назад к Баху». В своих произведениях они широко сочетали музыкальный опыт прошлого (единство стиля, полифония) с современными способами музыкального выражения. В музыкальной культуре Веймарской республики неоклассицизм был связан с эстетикой «новой деловитости». Крупнейшим представителем этого направления был композитор, дирижер, музыкальный теоретик и исполнитель ***Пауль Хиндемит*** (1895–1963). С 1927 г. он преподавал в берлинской Высшей школе музыки. Оперы Хиндемита 1920-х гг. «Святая Сусанна», «Нуш-Нуши», «Кардельяк» и др. были высоко оценены критикой. Как альтист квартета он концертировал в различных странах, в том числе и в СССР (1927). Его последние концерты состоялись в начале 1960-х гг. в США, Италии, Австрии.

К числу выдающихся немецких композиторов принадлежал ***Курт Вайль*** (1900–1950). Уже в его первых операх начала 1920-х гг. чувствовалось сильное влияние экспрессионизма. С 1927 г. Вайль стал тесно сотрудничать с Брехтом, создав знаменитый «эпический театр». Самым известным их произведением стала «Трехгрошовая опера» (1928), которая принесла композитору всемирную славу.

Заметным явлением в музыкальной жизни республики в 1920-е гг. стали рабочие хоры, существовавшие в рамках рабочего Певческого союза, а также движение музыкальных агитгрупп, занимавшихся культурно-просветительной работой.

Изобразительное искусство

Немецкое изобразительное искусство до середины 1920-х гг. было представлено вторым поколением немецких экспрессионистов, имевших за плечами опыт мировой войны. В своих произведениях, используя острые цветовые и пластические контрасты, они раскрывали страдания, одиночество и страх «маленького человека», оказавшегося перед лицом мировой бойни. Так, фронтовые впечатления

Отто Дикса (1891–1969) составили основу более чем сотни рисунков, сделанных в ходе полевых сражений, и больших работ последующих лет. В 1920-е гг. он написал триптих «Война», вводивший зрителя в мир физических и нравственных страданий жертв войны.

Широкую известность получили графические циклы *Георга Гросса* (1893–1959), посвященные социальным проблемам и выполненным в острогротескной манере: «Лицо господствующего класса» (1921), «Расплата следует!» (1922–1923), «Новое лицо господствующего класса» (1930). Вступив в КПГ, Гросс в 1924 г. стал организатором «Красной группы художников», с 1928 г. — членом Ассоциации революционных художников Германии.

Эмиль Нольде (1867–1956) завоевал известность картинами, сочетавшими религиозные мотивы с нарочитым «варварством» форм и контрастами цветового строя. Известный скульптор *Эрнст Барлах* (1870–1938) создал несколько монументальных памятников, из которых наиболее известен «Памятник павшим» (1930) в Магдебургском соборе. Он представляет собой композицию, в которой автор объединил несколько деревянных фигур: «Раненый», «Молодой солдат», «Ополченец», «Погибший», «Мать», «Отец». С началом периода стабилизации эстетика «делового прагматизма» стала проникать и в изобразительное искусство. «Новое искусство» («новая деловитость») отличалось как объективностью, холодностью и сосредоточенностью в осмыслении реальности, так и склонностью к абстракции и стилизации. В 1925 г. в Мангейме состоялась первая выставка художников «новой деловитости». Здесь были представлены работы многих прежних художников-экспрессионистов, ставших сторонниками новой художественной эстетики.

Берлин — культурная столица Европы

Центром немецкой и европейской культуры в 1920-е гг. был Берлин. Столица привлекала деятелей искусства и культуры, литераторов, ученых со всей Германии не только своими музеями, выставочными залами и театрами, многочисленными кинотеатрами и концертными залами, учебными и научными учреждениями. Город оказался притягательным для всех, кто хотел вырваться из душной атмосферы провинциальной жизни. Он притягивал огромное число людей своей открытостью и свободой нравов, многочисленными варьете, кабаре, танцевальными клубами.

Берлин получил широкую известность и как один из мировых туристических центров. Массы людей соблазнялись зрелищем пышных ансамблей Унтер-ден-Линден и Бранденбургских ворот, величественными постройками в стиле барокко (Цейхгауз) и классицизма

(Оперный театр, Драматический театр, Старый музей), парадными правительственными зданиями (ратуша, рейхстаг). На юго-западе находились своеобразные «ворота» столицы — Потсдам — с его дворцово-парковым ансамблем Сан-Суси. Берлин был городом науки, издательств, газет и журналов. Он имел самое быстрое в мире метро, был одним из самых телефонизированных городов мира. В 1927 г. известный немецкий режиссер ***Вальтер Рутман*** (1887–1941) снял документальный фильм-репортаж «Берлин» (в российсом прокате — «Симфония большого города»), обошедший экраны мира. Шел он и в советском прокате. Фильм рассказывал о 24 часах жизни германской столицы во всех ее красках и контрастах.

Берлин стал важным транзитным центром на пути огромного потока людей, который вызвала Первая мировая война. Немецкая столица была крупнейшим центром русской эмиграции, которая внесла свой вклад в социокультурную жизнь города. В Берлине действовали русские рестораны, издавались русские газеты и журналы, русская классическая и современная литература. Бурное развитие города как центра международного модерна усилило противоречие между столицей и провинцией, обозначившееся еще до войны. Разноязычный открытый Берлин представлялся немецким бюргерам современным Вавилоном, городом-паразитом, который нужно было разрушить.

Повседневная жизнь

Промышленный подъем вызвал заметные изменения в социальной сфере. Ушли в прошлое инфляционные страхи, сократилась безработица, на треть выросла реальная заработная плата рабочих. Резко упало забастовочное движение. Наметилось конструктивное сотрудничество профсоюзов и работодателей. 16 июня 1927 г. рейхстаг принял один из важнейших социальных законов республики: закон о страховании по безработице, который стал основой всей тарифной системы. Как и требовали профсоюзы, закон обязывал работодателей отчислять в фонд помощи безработным одинаковую сумму с работниками по найму — 3 % от фонда заработной платы. Государство обязывалось предоставлять кредиты тем государственным учреждениям, которые не могли обеспечить выплату пособий по безработице из собственного фонда.

Быстро менялось общественное настроение, улучшился психологический климат, люди стали проявлять друг к другу больше доброжелательности и внимания. Выросла тяга к образованию. Германия еще с середины XIX в. была страной фактически «сплошной грамотности». Веймарская конституция закрепила это достижение, подчеркнув обяза-

тельный характер всеобщего школьного образования. Государство установило контроль над школой, пользование учебниками в которой было бесплатным. Германия стала едва ли не самой читающей в мире страной. Читали все и читали везде: дома, в трамвае, в пивной. Читали книги, иллюстрированные журналы и особенно газеты. Республика занимала первое место в мире по числу издававшихся газет и второе — по количеству журналов. Их можно было выписать на дом, купить в газетном киоске или у разносчиков. Газеты были разной политической ориентации: консервативные, либерально-демократические, правые, левые. Журналы выходили по проблемам промышленности и сельского хозяйства, ремесла и торговли, по науке и искусству. Издавались женские и детские журналы, спортивные и военные, о кошках и собаках, по домоводству и садоводству. Веймарская республика стала также и страной радиослушателей. По меткому выражению немецкого писателя Ханса Фаллады, радио получило доступ «в жилые кухни и крестьянские лачуги».

Престижным было получение высшего университетского образования. Уровень преподавания в университетах в целом был довольно высок, престиж учебного заведения определялся научными достижениями и известностью профессоров. Значительная часть профессуры унаследовала свои должности с кайзеровских времен и оставалась носителем консервативной идеологии. Самым авторитетным высшим учебным заведением в веймарские годы был Гейдельбергский университет. Посещение лекций было свободным, главным звеном обучения были семинары под руководством профессора. Студенты имели возможность переходить из одного университета в другой.

Медицинское обслуживание значительной части населения республики было организовано на базе медицинских страховых касс. Можно было получить и платную помощь у частнопрактикующих врачей. Застрахованный работник мог получить медицинскую помощь как амбулаторно, так и стационарно. В 1930 г. насчитывалось 4774 больницы, в которых имелось почти 600 тыс. коек. Лечебные учреждения были хорошо оснащены технически и укомплектованы квалифицированным персоналом. Городские больницы недостатка врачей не испытывали. Пережив голодные годы войны и послевоенного времени, немцы стали больше думать о рациональном питании. Наряду с традиционной пищей: колбасами, сливочным маслом, бульонами, супами-пюре, мясом с гарниром, они употребляли больше овощей, фруктов, соков.

Свободное время горожане любили проводить на природе. В субботу, после «укороченного» рабочего дня, и в воскресенье десятки тысяч людей — семьями и компаниями, с рюкзаками и палатками —

набивались в вагоны поездов и покидали притихшие города. Ближний туризм принял массовый характер. Например, 31 июля 1927 г. более 1 млн берлинцев покинули столицу и отправились на природу. Более организованный характер носил дальний туризм, когда объединенные в группы горожане уезжали в соседние страны. Спортом занимались мужчины и женщины разных возрастов и социальных слоев. Занятия физической культурой были обязательными в школах и вузах. Средства на занятия спортом и строительство спортивных сооружений выделяли государство, муниципалитеты и предприниматели. Самыми популярными видами спорта были гимнастика и спортивные игры, легкая атлетика. Немецкий высший свет отдавал предпочтение теннису, автогонкам и конному спорту.

Другим увлечением немцев были многочисленные «ферейны»: кружки, союзы, общества, клубы. «Ферейны» были молодежными, женскими, певческими, садоводческими. Настоящим поветрием стали танцы. Танцевали вальс и фокстрот, танго и чарльстон, танцевали в ресторанах и дома, на открытых площадках и клубах, под оркестр и патефон.

По-прежнему немцы любили проводить свободные часы в пивных, в достатке имевшихся на любой вкус и состояние. По пятницам, после еженедельной зарплаты, пивные заведения оказывались переполненными посетителями. В них можно было перекусить, выпить пива, почитать газету, поговорить о политике и даже провести встречу с избирателями или партийное собрание. Одни из пивных занимали маленькие полуподвальные помещения, были тесными и темными от табачного дыма и недостатка света. Другие вмещали несколько сот человек. Большой зал мюнхенской пивной «Хофбройхауз» мог принять до двух тысяч посетителей. Главный зал другой мюнхенской пивной, «Бюргербройкеллер», с которой начался печально известный «пивной путч» Гитлера в 1923 г., вмещал 3 тыс. человек и уступал по вместимости только цирку «Кроне» баварской столицы.

Еще первые послевоенные годы немецкие города, в том числе и столица Германии, находились в запущенном состоянии. Дворы редко убирались из-за забастовок дворников, фасады домов зияли пятнами отвалившейся штукатурки, по улицам ходили конки и дрожки. Города в основном были застроены еще с довоенных времен стандартными 4–5-этажными угрюмыми «домами-казармами», с небольшими внутренними дворами, покрытыми асфальтом. Они превращали жилые кварталы в каменные мешки.

Положение стало меняться в середине 20-х гг., когда рост городского населения потребовал ускорения жилищного строительства. В 1926 г.

в Германии было построено почти 206 тыс. квартир, в 1929 г. — около 318 тыс. Это больше, чем было построено во Франции за 15 послевоенных лет. Массовое гражданское строительство подталкивало архитекторов к коренному пересмотру прежних градостроительных концепций. Новые идеи были инициированы известным архитектором ***Вальтером Гропиусом*** (1883–1969), создавшим в г. Веймаре в 1919 г. архитектурно-строительный институт, известный под названием «Баухауз». С 1928 г. Гропиус работал в Берлине. Он и его коллеги предложили сочетание в градостроительной практике простоты и монументальности построек с применением новых материалов и конструкций. Вместо прежних монолитных городских кварталов началось строительство 3–4-этажных жилых домов в виде «строчек», с использованием стали, бетона, стекла, доступных воздуху и свету. Как правило, это были муниципальные дома с функционально оправданными дешевыми малометражными квартирами с центральным отоплением и водопроводом, канализацией, электричеством и газом. Они были предназначены для среднего класса и рабочих. Во-второй половине 1920-х гг. германские города стали чистыми и ухоженными. Появились большие зеленые площади, вечерами на улицах и зданиях вспыхивала разноцветная реклама. Основу городского транспорта составлял трамвай, постепенно увеличивался автобусный парк, было много такси.

По числу городского населения Германия занимала четвертое место в мире. Самым крупным городом оставался Берлин, население которого составляло в 1919 г. 3,8 млн человек. За ним шли: Гамбург (более 1 млн), Кёльн (634 тыс.), Мюнхен (631 тыс.), Лейпциг (604 тыс.), Дюссельдорф (407 тыс.).

Социальное положение и жизнь сельских жителей имели свою специфику. Голодная пора мировой войны коснулась деревни меньше, чем города, к концу 1920-х гг. деревня стала зажиточной. В крестьянских хозяйствах широко использовался труд временных наемных рабочих. Крестьянские дома в деревне стояли особняком и соединялись между собой шоссе, обсаженными деревьями. Общественными центрами деревни были церковь, школа, лавка и пивная.

Немецкая деревня оставалась хранительницей национальных традиций, обычаев и нравов. И после революции большинство крестьян продолжало симпатизировать монархии. Они не приняли республики, ненавидели ее атрибутику и отдавали предпочтение кайзеровскому гимну «Германия, Германия превыше всего». Традиционны были и развлечения крестьян. По воскресеньям они посещали церковную службу, торжественно отмечали деревенские праздники, на которых

выступали обязательные для каждой деревни хор и оркестр. Читали крестьяне мало, из газет предпочтение отдавали местным изданиям, а не столичным.

Особый уклад жизни сохраняла родовая земельная аристократия, которая после революции потеряла сословные привилегии, но не утратила собственности. Юнкеры почитали и сохраняли дворянские традиции, в основе которых, как считалось, лежали семья, земельная собственность и государственная, особенно военная, служба. В родовых замках висели портреты предков, Вильгельма II, отмечался день его рождения, хранились кайзеровские черно-красно-белые флаги. В аристократических семьях строго соблюдали этикет, содержали лакеев и поваров, старшие за столом разговаривали только по-французски. Для юнкерства монархия ассоциировалась с блеском и величием, а республика — с позором и бессилием. Слово «система» (веймарская) стало синонимом ругательства.

* * *

Культуру Веймарской Германии справедливо называют «культурой прорыва». Но между культурными завоеваниями немецкого авангарда и вкусами большей части немецкого общества лежала непреодолимая пропасть. Развитие культуры определялось противоречиями между волей к модернизации и страхом перед ней, между радикализмом и желанием сохранить старые ценности, между направленностью на вещественную рациональность и поворотом к глубокому иррационализму мистической окраски.

Современный российский исследователь Веймарской республики И. Я. Биск выделяет ряд моментов, важных для понимания ее духовной атмосферы. Во-первых, Веймарская республика была едва ли не самым демократическим государством того времени. Во-вторых, духовная жизнь в республике была очень наэлектризована, проникнута острейшей борьбой политических партий и идей — левых и правых, реакционных и прогрессивных. Имея в виду эту борьбу, публицист Курт Тухольский обоснованно назвал Германию «расколотой страной».

В-третьих, характерной особенностью духовного климата Веймарской республики было ожидание перемен, ощущение нестабильности, непрочности режима. Пресса концерна А. Гугенберга широко пропагандировала тезисы о том, что Ноябрьская революция была преступным безумием, а установленная руками «ноябрьских преступников» республика является «бессильной», «призрачной», «республикой стыда и позора».

ГЛАВА IV

ГЕРМАНИЯ В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ (30 ЯНВАРЯ 1933 г. – 8 МАЯ 1945 г.)

1. Приход нацистов к власти. Унификация общественной и политической жизни (1933–1934)

30 января 1933 г. президент Германии Пауль фон Гинденбург подписал указ о назначении Адольфа Гитлера рейхсканцлером. Эта дата считается началом нового, «национал-социалистического» периода в истории Германии. К этому времени нацистская партия была самой крупной в стране (850 тыс. членов). Она опиралась на многотысячные штурмовые отряды (СА) и располагала самой большой фракцией в рейхстаге. Национал-социалисты входили также в правительства ряда земель.

Мало кто из окружения Гинденбурга всерьез предполагал, что «передача» власти Гитлеру через несколько месяцев обернется полным «захватом» им власти и установлением в стране однопартийного террористического режима. Только коммунисты и социал-демократы, а также связанные с ними группы немецких интеллектуалов, предупреждали об опасности прихода Гитлера к власти. Но их антифашистские действия были разрозненными, непоследовательными и недостаточно массовыми. Большая часть немецкого общества нацистскую угрозу всерьез не воспринимала.

Поначалу казалось, что все идет согласно планам консерваторов. Гитлер как канцлер сформировал правительство «национальной концентрации», где национал-социалисты занимали только три поста: канцлера, министра внутренних дел (*Вильгельм Фрик*, 1877–1946) и министра без портфеля (Герман Геринг). Остальные места были поделены между представителями буржуазно-консервативных кругов. Военным министром

стал генерал ***Вернер фон Бломберг*** (1878–1946), который немало сделал для утверждения авторитета Гитлера в армейских кругах. Министром экономики стал Ялмар Шахт — авторитетный банкир и экономист. Консерваторы полагали, что произошла обычная смена правительства, целью которой является выход из кризиса, однако, для этого необходимы жесткие и даже авторитарные методы борьбы с «левой опасностью».

Идя к власти, нацисты обещали народу полную занятость, социальную заботу государства, достойную жизнь «простому» немцу и условия для повышения его социального статуса. Внешнеполитические планы нацистов предусматривали ревизию Версальского договора и возвращение Германии статуса великой державы. Нацистская программа по завоеванию «жизненного пространства» для немцев во многом соприкасалась с пангерманскими идеями и была поддержана реакционно-консервативными кругами. Нацистам предстояло теперь убедить большинство немецкого общества в том, что действия Гитлера и его партии совершаются от имени и во благо народа.

Новому канцлеру было очень важно укрепить доверие населения новому правительству. Помышлять о мгновенной узурпации власти было нельзя. Гитлер все еще чувствовал себя связанным по рукам и ногам старой правящей системой, и был вынужден действовать в ее рамках. На первых порах для него было очень важно представить свои мероприятия легитимными и конституционными. Поэтому нацисты не отважились отвергнуть республику как форму правления и сразу ликвидировать многопартийную систему. Придерживаясь этой тактики, Гитлер подписал указ о роспуске рейхстага и назначении новых выборов, которые должны были состояться 5 марта 1933 г.

Особое внимание новое правительство уделило взаимоотношениям с промышленными и военными кругами. Нацисты понимали, что без стабильно работающей промышленности, без боеспособной армии они не смогут закрепиться у власти, не говоря уже об осуществлении своих далеко идущих планов.

3 февраля 1933 г. Гитлер провел совещание с высшим руководством рейхсвера. Он заверил собравшихся, что добьется ликвидации всех военных и политических ограничений, наложенных Версальским договором, что военная мощь Германии будет не только восстановлена в полном объеме, но и значительно возрастет. Одновременно Гитлер недвусмысленно дал понять, что залогом успешного осуществления задуманных планов должно стать «наведение порядка в стране».

Убежденность Гитлера в осуществлении этих намерений значительно способствовала преодолению недоверия старой военной

А. Гитлер
и П. фон Гинденбург

элиты к бывшему ефрейтору германской армии. Союз армейской элиты с новой властью символически выразился позже: 21 марта 1933 г. в торжественный «День Потсдама» (день павших на полях сражений), после клятвы Гитлера на верность идеалам рейхсвера, президент — генерал-фельдмаршал Гинденбург обменялся с ним рукопожатием.

20 февраля 1933 г. состоялась многочасовая встреча Гитлера с крупнейшими предпринимателями. Ее результатом стало образование «Экономического совета», куда вошли ведущие промышленники и банкиры. Совет должен был тесно взаимодействовать с министерством экономики, которому вменялось в обязанность осуществить план по ликвидации безработицы и запуску находившейся в состоянии кризисной стагнации промышленности. На встрече было принято также решение о финансировании предвыборной кампании нацистов и с этой целью собрано 3 млн марок.

10 февраля 1933 г. началась предвыборная кампания. Она отличалась особой агрессивностью нацистской пропаганды. 17 февраля последовало распоряжение прусского министра внутренних дел Геринга, которое разрешало штурмовикам, эсэсовцам и членам «Стального шлема» применять оружие «в случае чрезвычайных обстоятельств».

В ночь на 28 февраля 1933 г. запылало здание рейхстага. В нем был арестован как поджигатель ***Маринус Ван дер Люббе*** (1909–1934), бывший голландский коммунист. Эти события были использованы нацистами для расправы с оппозицией, в первую очередь — с коммунистами. Нацистская пропаганда объявила, что поджог рейхстага был сигналом к началу «коммунистической революции». Сразу было арестовано 4 тыс. человек, в основном коммунистов, немного позже — член Исполкома Коминтерна болгарин ***Георгий Димитров*** (1882–1949). Гитлер обвинил КПГ в подготовке государственного переворота и добился от президента издания 28 февраля чрезвычай-

ного декрета «В защиту народа и государства». Декрет отменял или ограничивал важнейшие демократические права и свободы, вводил превентивный (без санкции прокурора) арест «враждебных» элементов. Этот декрет запустил репрессивную машину нацистов и вплоть до 1945 г. сделал для людей, объявленных «врагами» рейха, чрезвычайное законодательство — «нормой».

В эти дни коммунистам был нанесен значительный урон. По всей стране было арестовано более 10 тыс. активистов КПГ, в том числе председатель партии Э. Тельман. К первым жертвам репрессий, наряду с коммунистами, принадлежали и многие известные левые интеллектуалы. Так, «превентивному» аресту подверглись популярные журналисты ***Карл фон Осецкий (Оссицкий,***1889–1938) и ***Эгон Эрвин Киш*** (1885–1948), писатели ***Эрих Мюзам*** (1878–1934), ***Людвиг Ренн*** (1889–1979) и др. Одновременно на две недели было приостановлено издание социалистической прессы. Мобилизованные Герингом 50 тыс. членов штурмовых отрядов, эсэсовцев и активистов «Стального шлема» занимались розыском, поимкой и избиениями антифашистов, многие из них оказались в первых концентрационных лагерях.

В таких условиях 5 марта состоялись первые и последние при нацистах многопартийные выборы. НСДАП добилась впечатляющего успеха (288 депутатов против 196 на предыдущих выборах 6 ноября 1932 г.). Но в рейхстаге почти сохранили свои позиции другие большие партии — СДПГ (120 против 121) и Центр (74 против 70). Коммунистическая партия, фактически находившаяся под запретом, все же завоевала 81 мандат (против 100 на предыдущих выборах). Несмотря на «триумф», абсолютного большинства в парламенте нацистам не удалось достигнуть. Тогда были аннулированы голоса, поданные за КПГ. Одновременно были арестованы или скрылись 26 депутатов от СДПГ. Консервативная «Немецкая национальная народная партия» во главе с Гутенбергом (52 депутата) пошла на союз с НСДАП и обеспечила «национальное» большинство в парламенте.

За победой НСДАП на выборах последовало то, что нацисты называли «национальной революцией». 21 марта 1933 г. Гитлер потребовал от рейхстага чрезвычайных полномочий на 4 года для «ликвидации бедственного состояния народа». ***Отто Вельс*** (1873–1939) в своем выступлении разоблачил диктаторские намерения нацистов, социал-демократы голосовали против закона (94 — «нет»). Большинство же депутатов от буржуазных партий не без колебаний, но поддержало требование канцлера, обеспечив нацистам две трети голосов (444 — «да»). Закон «О полномочиях» от 24 марта 1933 г. позволял канцлеру

и правительству издавать законы и управлять страной без согласия рейхстага. Он существенно облегчил узурпацию власти Гитлером. Отныне Веймарская конституция превратилась в собственную тень.

Одним из важных результатов «национальной революции» был также разгон «неугодных» земельных правительств и замена их кабинетами, руководимыми нацистами (унификация земель). Была существенно ослаблена автономия земель. Параллельно с этим осуществлялось завоевание власти в городах и общинах. Все это стало продуктом комбинированных действий «сверху» — со стороны министерства внутренних дел и «снизу» — со стороны колонн штурмовиков и эсэсовцев, насильственно занимавших здания и учреждения. Позднее эти действия были оформлены законом о ликвидации полномочий земель и их передаче «Центру». Одновременно вводился институт имперских комиссаров (штатгальтеров) с целью наблюдения за «политической линией».

Наряду с ликвидацией буржуазно-демократических институтов власти начались первые погромы и бойкоты магазинов, принадлежащих евреям. В соответствии с программой НСДАП, штурмовики стали требовать изгнания евреев с государственной службы, из прессы и учреждений культуры, из торговли и ремесел. В эти весенние месяцы 1933 г. началась первая волна еврейской эмиграции и из Германии выехали 40 тыс. евреев. Одновременно стали уезжать и те, кто по политическим мотивам не принял нацистский режим.

7 апреля 1933 г. был принят закон о государственных служащих, в соответствии с которым на службе у государства могли находиться только лица арийского происхождения (немцы). Они должны были принимать присягу на верность родине и фюреру. Закон дал ход изгнанию со своих постов всех неугодных нацистам служащих.

Назначенный 13 марта 1933 г. главой нового министерства пропаганды и просвещения Йозеф Геббельс разворачивает широкомасштабную кампанию по борьбе с литературой, объявленной им «враждебной духу немецкого народа и государства». Геббельс лично открывает 10 мая 1933 г. на площади перед Берлинским университетом серию публичного сожжения книг. Среди них оказались труды деятелей культуры и науки, составивших славу Германии и мира: писателей и публицистов Г. Гейне, Л. Фейхтвангера, А. Цвейга, Б. Брехта, А. Зегерс, Г. Манна, Т. Манна, ученых А. Эйнштейна, М. Планка и др. Этим было положено начало расово-идеологической войне, которая стала характерной чертой нацистского управления страной.

Тем не менее первая волна террора вызвала воодушевление только у активных нацистов. Большая часть населения восприняла эти

довал самороспуск буржуазных и «народных» партий. Закон о запрете образования новых партий от 14 июля 1933 г. легализовал монополию НСДАП на власть и унификацию рейхстага. В стране установилась однопартийная система. Слияние партийных и государственных структур было закреплено «законом об обеспечении единства партии и государства» от 1 декабря 1933 г.

Отныне рейхстаг формировался по однопартийному принципу, где наряду с НСДАП, получали места организации, тесно примыкавшие к ней: СА, СС, «Гитлерюгенд», ДАФ и др. Нацистский парламент превратился в место, где послушно штамповались законы, угодные режиму. В то же время нацисты сохранили как форму прямое участие народа в подтверждении или отрицании политического курса правительства (плебисциты). Однако они играли во многом декоративную роль: в условиях однопартийной диктатуры и быстро формировавшегося террористического аппарата их результаты нетрудно было предугадать.

Католическая церковь в лице папы Пия XI пошла на соглашение с Гитлером. В обмен на свободу церковной деятельности Ватикан заключил с Германией 20 июля 1933 г. «Конкордат», признававший легитимность новой власти. Это оказало большую моральную и политическую поддержку нацистам как внутри страны, так и за рубежом. По сути это был первый внешнеполитический успех Гитлера.

Тем не менее, в конце 1933 — первой половине 1934 г. Гитлер столкнулся в собственных рядах с глухим недовольством курсом на союз со старой военной элитой и оттеснением «народной армии» штурмовиков на задний план. Кроме того, часть нацистов из мелкобуржуазных и рабочих слоев выступала за осуществление «социалистических» требований программы НСДАП. Это была угроза только что сложившемуся союзу нацистской верхушки с военным руководством и крупным капиталом. Окружение Гитлера, во многом намеренно, убеждало его, что речь идет о «второй революции и заговоре руководства СА» во главе с *Эрнстом Рёмом* (1887–1934), что и побудило «фюрера» принять решение об искоренении «оппозиции».

Под предлогом борьбы с заговорщиками в ночь на 30 июня 1934 г. были убиты Рём и более 100 руководителей штурмовых отрядов. Одновременно Гитлер расправился со всеми неугодными или «опасными» для него людьми как в собственных рядах, так и среди консерваторов. События «ночи длинных ножей» способствовали дальнейшей концентрации власти в руках Гитлера и партии. Одновременно они стали и победой военно-промышленной элиты,

которая опасалась штурмовиков. Большую роль в ликвидации «заговора» сыграли усилившиеся после прихода к власти «охранные отряды» (СС) во главе с *Генрихом Гиммлером* (1900–1945). Именно они вместе с нацистской партией становятся главной опорой диктатуры, вытеснив СА на второстепенные роли в сравнении с периодом Веймарской республики.

2 августа 1934 г. умер президент Гинденбург. В «политическом завещании», сфабрикованном Гитлером и окружением президента, свои президентские полномочия он «передавал» Гитлеру. Рейхсвер принял присягу на верность «главе государства», «фюреру нации» и главнокомандующему — Адольфу Гитлеру. В условиях пропагандистского давления нацистов и отсутствия какой-либо оппозиции, «народный референдум» 19 августа 1934 г. «закрепил» узурпацию власти нацистами и позволил Гитлеру объявить о «завершении национальной революции». Таким образом, на протяжении 1933–1934 гг. в Германии произошел процесс «унификации власти» нацистами, была установлена диктатура и заложены основы «государства фюрера».

Установление нацистской диктатуры в Германии явилось отражением общей тенденции к образованию тоталитарных государств (или близких им по типу), что было характерно для политического развития Европы 1920–1940-х гг. Национал-социализм был разновидностью европейского фашизма. Гитлеровское движение во многом следовало примеру итальянских фашистов во главе с Бенито Муссолини, пришедших к власти в Италии в 1922 г. Большое воздействие на нацистскую диктатуру оказывала и противоположная по идеологии, но также тоталитарная власть в Советском Союзе.

2. Механизм нацистской диктатуры. «Консолидация» режима (1935–1938)

Идеология и пропаганда. Гитлер как консолидирующая фигура общества

Пропаганда, мобилизация и вовлечение народа в строительство «новой» национал-социалистической Германии играли центральную роль в укреплении и консолидации нацистского режима.

Идеология национал-социализма являлась смесью элементов учения о «прусском социализме», империалистической геополитики

и расовых теорий под общим названием «национального социализма». Большое место в ней занимала идея построения в Германии «народного сообщества» на расовой основе, а также необходимости завоевания для него «жизненного пространства». Идеология нацизма была пропитана антисемитизмом, антимарксизмом и претензиями на тотальность власти. Наиболее полное отражение она нашла в книге Гитлера «Моя борьба» (1925), а отдельные ее аспекты разрабатывались другими «теоретиками» национал-социализма: ***Альфредом Розенбергом*** (1893-1946), ***Рихардом-Вальтером Дарре*** (1895–1953), Йозефом Геббельсом и др. Залогом осуществления идей национал-социализма Гитлер и другие руководители партии считали ликвидацию Версальских ограничений для Германии.

Узурпация власти дала нацистам возможность неограниченно манипулировать сознанием населения и пропитывать его своими взглядами. Гитлер говорил, что «пропаганда, как и террор, должна быть тотальной». В свете будущей войны за «жизненное пространство» это было особенно необходимо. Поэтому, наряду с партийными органами, в стране был создан мощный государственный пропагандистский аппарат. В деле его организации выдающуюся роль сыграл рейхсминистр народного просвещения и пропаганды, доктор философии Й. Геббельс. Одновременно Геббельс занял пост президента «Палаты по делам культуры». Цель пропаганды Геббельс обозначал как «духовную мобилизацию» нации, которой, как он считал, недоставало в период Первой мировой войны.

Все средства идеологического воздействия на массы — печать, радио, кино, театры — были поставлены под надзор министерства пропаганды. Из их органов были изгнаны все «расово-неполноценные» и политические противники. Левая печать была закрыта, а либеральная — унифицирована. Вводилось обязательное членство журналистов и деятелей культуры в нацистских объединениях (прессы, радио, театра, изобразительного искусства и др.). Ежедневные конференции в министерстве пропаганды задавали тему и тон для газет.

Нацистская пропаганда до поры до времени маскировала аннексионистские и военные цели режима. Основной упор делался на идее возрождения нации, на борьбе с безработицей и с «внутренними врагами» — «евреями и марксистами». Открыто провозглашалась необходимость консолидации немцев на основе расовой идеологии «крови и почвы». В первые годы много говорилось о миролюбии Германии, но в то же время выдвигались требования ревизии Версальского договора и равноправия в военном отноше-

действия настороженно. Церковные круги никак не отреагировали на происходившие события. Антикоммунизм и скрытый антисемитизм церкви помогал гитлеровцам, особенно в первые годы, практически беспрепятственно осуществлять гонения на противников режима.

Руководители социал-демократов и их профсоюзов осуждали начавшийся террор, но не предпринимали каких-либо серьезных действий. Для гитлеровцев же было важно переманить рабочий класс на свою сторону. Правительство не решилось запретить традиционное празднование 1 мая, но накануне объявило эту дату «Днем национального труда». Тысячи трудящихся под разными флагами, включая нацистские, вышли на демонстрации. Но уже на следующий день, 2 мая, штурмовики заняли все помещения профсоюзов, опечатали документы, арестовали многих профсоюзных лидеров и бросили их в концентрационные лагеря. Одновременно Гитлер объявил о необходимости создания ***Германского трудового фронта*** (ДАФ), который должен был «ликвидировать классовый раскол нации». 10 мая 1933 г. вышел указ о создании ДАФ, «фюрером» которого был назначен ***Роберт Лей*** (1890–1945).

СДПГ почти без сопротивления капитулировала перед Гитлером. Социал-демократы не отважились на организацию всеобщей политической забастовки как ответа на разгон профсоюзов. В их рядах господствовало замешательство. Большая часть депутатов от СДПГ выразила протест и покинула рейхстаг. Оставшиеся депутаты не смогли противостоять волне насилия. Рабочие, таким образом, оказались без руководства своих лидеров, а на спонтанные действия не решились. Это упростило задачу Гитлера по ликвидации Социал-демократической партии. 22 июня 1933 г. партия была запрещена. Из тех ее функционеров, кто не отказался от борьбы и сумел покинуть страну, в Праге образовался заграничный комитет СДПГ во главе с О. Вельсом.

Р. Лей (слева)
и Г. Крупп фон Болен

Консервативная и военная элита, промышленники и предприниматели встали на путь сотрудничества с новой властью. В период с 27 июня по 5 июля 1933 г. после-

нии с мировыми державами. Для решения внутренних и внешних задач, как утверждали агитаторы, необходимо сплочение народа вокруг партии и вождя. «Миф Гитлера», как спасителя нации, стоял в центре деятельности как самого фюрера, так и всех служб пропаганды и агитации. С его именем увязывались все внутри- и внешнеполитические достижения Германии.

Й. Геббельс и Ф. Тиссен

По мере укрепления положения Германии на международной арене тон ее пропаганды становился все более требовательным и безапелляционным. В пропагандистские материалы стали включаться пангерманские и аннексионистские требования. В годы же войны нацистская пропаганда не знала никаких ограничений в разнузданности и агрессивности по отношению к противникам.

Немецкие фашисты широко поставили себе на службу и превратили в орудие агитации сравнительно новые в техническом отношении средства массовой информации, такие как радио, кино. В связи с массовым производством «народного радиоприемника» число его владельцев увеличилось с 4,3 млн в 1933 г. до 10,8 млн в 1939 г. Практиковалось «совместное слушание» важных сообщений, речей государственных и партийных руководителей на предприятиях или в местных учреждениях НСДАП. По заказу нацистов киноиндустрия производила множество документальных и — меньше — художественных фильмов пропагандистского содержания. Нацисты «документировали» фюрера, историю партии, ее подразделений. К созданию таких фильмов режим сумел привлечь ряд талантливых режиссеров, например ***Лени Рифеншталь*** (1902–2003), которая сняла фильмы «Триумф воли», «Олимпия» и др.

Стремясь привязать людей к режиму, правительство ввело цикл новых нацистских празднеств, а также использовало в своих интересах старинные народные праздники. Во время торжеств нацисты впервые

стали широко использовать визуальные средства, которые оказывали особое воздействие на людей: ритуалы, символические массовые инсценировки и шествия, ярко расцвеченные флагами улицы городов, а вечером — силу игры электрического света и живого огня. Все должно было создавать впечатление «подъема нации с колен».

Огромную роль играли публичные выступления нацистских руководителей, особенно Гитлера и Геббельса. Последние обладали особым талантом убеждения и ораторского искусства. Их выступления записывались на радио и снимались на кинопленку. Они задавали тон и определяли содержание всей нацистской пропаганды.

Массированный пропагандистский нажим сыграл свою роль в консолидации общества. Голосования населения по вопросам внешней и внутренней политики показывают очень высокую степень одобрения режима. Так, 95 % немцев одобрили выход Германии из Лиги Наций (19 ноября 1933 г.), 85 % проголосовали за совмещение Гитлером постов канцлера и президента (19 августа 1934 г.), 99 % — за аншлюс Австрии (10 апреля 1938 г.).

На немецкий народ действовали не только политические факторы, но и харизматические черты лидера нацистов. Сила Гитлера как вождя заключалась в том, что он сумел соединить империалистические идеи с традиционными народными утопиями об обретении счастья в процветающем тысячелетнем рейхе. Такие черты менталитета немцев, как преклонение перед авторитетом власти, послушание, романтизм усиливали чувство национального единения и поднимали значение вождя. До Второй мировой войны авторитет фюрера в массах был очень высок, и нацисты активно эксплуатировали «капитал доверия» населения Гитлеру.

Несмотря на тотальный характер пропаганды, в обществе все же оставались лакуны и ниши, где на определенное время можно было избежать «партийного влияния» (праздничный семейный вечер, отдых, лечение или отпуск и др.). Частная жизнь вполне могла быть неофициальной. Но в целом влияние пропаганды нацистов было очень велико и даже позволяло им временами ослаблять террор.

Нацистская партия

Организующим и пропагандистским центром общественной жизни (особенно на местах) стала нацистская партия. 21 апреля 1933 г. Гитлер издал распоряжение о назначении ***Рудольфа Гесса*** (1894–1987) своим «доверенным лицом» по вопросам партийного руководства. Так была создана партийная канцелярия. После Гесса,

с 1941 г. ее стал возглавлять ***Мартин Борман*** (1900-1945). По мере укрепления режима росло влияние партийной канцелярии на все области государственной жизни и выработку курса в отношениях с административными службами, вермахтом, церковью, учреждениями образования и т. п. С 1935 г. штаб Гесса получил возможность назначать так называемых «уполномоченных НСДАП» по отдельным вопросам.

После прихода к власти произошел бурный рост НСДАП: с 850 тыс. в 1933 г. — до 8 млн 500 тыс. членов к 1945 г. Причинами этого роста явились успехи нацистского режима во внешней политике, активная пропагандистская и социальная деятельность. Но главное заключалось в том, что партия была единственной и правящей. Членство в ней открывало большие возможности для карьеры и получения различных привилегий. Ряды партии пополнялись из различных слоев немецкого общества, причем наблюдался значительный приток рабочих, численность которых в партии колебалось от 33 до 40 %. Рабочих привлекали успехи нацистов в области экономики — быстрое преодоление кризиса и рассасывание безработицы. Сказывалась также привычка рабочих к организованности. Привлекательной оказалась и деятельность ДАФ, особенно в области дешевого отдыха и массового туризма.

НСДАП стала более разнородной, а ее структура очень разветвленной. В партийном отношении вся страна была поделена на областные, окружные, городские, общинные и местные партийные организации. Функционеры партии, руководители разного уровня стали активными проводниками культа фюрера, агитаторами за новый курс внутренней и внешней политики.

Большую роль стали играть рейхсляйтеры — руководители общеимперских отделов партии, а также руководители областных организаций — гауляйтеры. Гауляйтеры назначали и смещали руководителей нижестоящих партийных органов. Они были ответственны за проведение больших собраний и выпуск местной партийной печати. С 1935 года местные партийные функционеры получили возможность непосредственно влиять на работу общинных и городских советов, бургомистров. Правда, распоряжением 1937 г. запрещалось совмещение партийных и государственных постов, но в реальности партийные руководители влияли на все стороны жизни. Особенно сильно это проявилось в годы войны, когда они практически отвечали и за снабжение населения продуктами, и за ликвидацию последствий бомбежек и др.

Партийные функционеры на местах работали в тесном контакте с молодежными, женскими и другими общественными союзами. Они совместно проводили различные кампании: «зимняя помощь», строительство общественных сооружений, участие в съездах и праздниках и др. Активные члены партии и штурмовых отрядов вместе с полицией и гестапо принимали участие в поимке «врагов», а также в антисемитских мероприятиях.

К 1937 г. на ниве пропаганды и агитации трудилось около 800 тыс. разного рода функционеров. В разгар войны их насчитывалось уже не менее 2 млн человек. Руководители рейха расплачивались с ними за верную службу орденами, медалями, чинами, другими наградами. Ежегодные съезды партии в Нюрнберге, которые, по сути, ничего не решали, стали, благодаря своей красочности и массовости, частью иллюзорного «сияния» Третьего рейха.

Партийная канцелярия стремилась стать своеобразным государством в государстве и активно проводить «кадровую политику», но все же ей не удалось полностью подчинить своему контролю государственный аппарат. И управление страной при Гитлере во многом сохраняло традиционные черты, где значение прежде всего придавалось профессиональной квалификации.

«Дочерние» и «примыкающие» к партии организации. «Гитлерюгенд»

Нацисты создали целую сеть организаций, примыкавших к их партии. К ним относились национал-социалистические союзы и объединения: учителей и доцентов, техников и инженеров, врачей и юристов, а также женские, ветеранские, благотворительные и другие организации. Они занимались клубной работой, организацией благотворительных мероприятий в пользу инвалидов войны, малообеспеченных или многодетных семей. Размах этой работы под руководством нацистских функционеров был весьма значительным; она придавала режиму дополнительную популярность и одновременно давала более широкую возможность для контроля над населением. Всего к 1945 г. была создана 61 такая организация, где состояло примерно 10 млн немцев.

Особое внимание НСДАП придавала работе с молодежью. Пропаганда часто обозначала нацизм как «организованную волю молодежи», как «прорыв молодого поколения», учитывая, что средний возраст членов партии до 1933 г. составлял 30 лет. «Фюрером» нацистской молодежи был назначен ***Бальдур фон Ширах*** (1907–1974).

Он возглавил крупнейшую организацию «Гитлеровская молодежь» («Гитлерюгенд» — ГЮ), которая объединила мальчиков и юношей от 10 до 18 лет.

К организации «Гитлерюгенд» примыкало «Объединение немецких девушек» («Бунд дойчер мэдель» — БДМ), целью которого стала подготовка девушек к роли подруги, жены и матери солдата. Большое значение в БДМ придавалось пропаганде «арийского» идеала красоты и веры. Существовала также сеть детских нацистских организаций. С 1939 г. членство в молодежных организациях стало обязательным для всех молодых немцев.

Для молодежи была введена обязательная трудовая повинность (10 месяцев). Молодые люди работали на строительстве дорог и сооружений, участвовали в сборе урожая, в «облагораживании» природы. Девушки из БДМ часто помогали многодетным крестьянам в домашнем хозяйстве. Юноши занимались технической и военной подготовкой: строевая служба, обращение с оружием, освоение новой техники — мотоциклов, аэропланов и др. Молодежные союзы нередко были и организаторами досуга.

Вся эта полезная и для многих привлекательная деятельность, казалось, отвечала духу молодежи и времени. Но она дополнялась жесткой пропагандистской обработкой. Молодежные союзы внедряли в сознание юношей и девушек идеи расовой исключительности немцев и обожания фюрера, готовили молодых людей к повиновению и военной службе. Члены детских и юношеских организаций регулярно ходили на обязательные просмотры документальных или художественных фильмов о нацистском движении. Они принимали активное участие в парадах, праздниках, факельных шествиях, разучивали соответствующие песни, речевки, которые воспитывали их в духе нацистского мировоззрения.

Романтизм, свойственный молодым людям, был благодатной почвой для широко пропагандировавшихся нацистами идей «возрождения страны», строительства «новой» Германии, создания государства «народного сообщества». Дневники и письма юношества тех лет, частично опубликованные к настоящему времени, дают почувствовать эту атмосферу подъема и веры, в которой жила тогда молодежь.

Но в Германии продолжали существовать небольшие молодежные группы, игнорировавшие членство в нацистских организациях. Например, в больших городах существовали неформальные объединения юношества по интересам (любители «свинга» и всего американского, неформального отдыха, бардовской песни и др.). Сохранялись

некоторые религиозные молодежные объединения. Все эти союзы находились под пристальным вниманием полиции и служб безопасности, но, вследствие их аполитичности, не запрещались. Однако влияние неформальных групп на молодежь не шло ни в какое сравнение с влиянием нацистских организаций.

Механизм контроля и подавления

Утверждение тоталитарной партийной системы в Германии сопровождалось созданием разветвленного репрессивного аппарата. В первые месяцы режима нацисты использовали для этих целей отряды СА. Штурмовики врывались в квартиры антифашистов, избивали и арестовывали их. Они создавали повсюду, где было возможно, тюремные помещения и временные концентрационные лагеря для своих политических противников.

После стабилизации режима надобность в непрофессиональных действиях СА отпала, их влияние на административные структуры уменьшилось, хотя численность отрядов продолжала оставаться высокой (на 1 января 1935 г. — 3 543 099 чел.). Режиму была нужна четко организованная, профессиональная и разветвленная система контроля над обществом и подавления инакомыслия. Такой системой стала организация СС («охранные отряды») во главе с Генрихом Гиммлером. Гиммлер был выходцем из зажиточных слоев, расовым фанатиком, мистиком и сторонником эзотерических (тайных) учений. Главой СС он стал в 1929 г., а с 1936 г. возглавил весь аппарат подавления и террора. В 1943 г. он был назначен министром внутренних дел.

Деятельность «охранных отрядов» вытекала из взглядов нацистов на задачи «охраны» общества. Сюда включались и подавление противников режима (охрана заключенных в концентрационных лагерях, отряды «Мертвая голова»), и слежка за гражданами Третьего рейха (служба безопасности — СД и тайная полиция — гестапо). К сфере деятельности СС относились вопросы депортаций населения (ведомство по расовым и поселенческим вопросам), а также проведение расово-идеологической войны на уничтожение (специальные отряды СС — «айнзацгруппы»).

В задачи СС входила также «охрана и забота» о сохранении «арийской крови». Условием вступления в эту организацию, наряду с преданностью идеям национал-социализма, была «расовая чистота» в трех поколениях, ее строгое соблюдение в вопросах взаимоотношений с людьми и создания семьи. Поэтому численность отрядов СС

К. Вольф, Г. Гиммлер и Р. Гейдрих

по сравнению с СА была существенно меньше. К 1939 г. в рядах СС насчитывалось около 260 тыс. человек. В ходе войны условия приема были ослаблены, и численность СС возросла до 950 тыс. человек, включая «войска СС».

Организация СС стала довольно быстро подминать под себя государственные органы. Она вела наблюдение за общей обстановкой в стране («общие отряды»), имела службу внешней разведки, а гестапо следило за всеми подряд, включая функционеров и рядовых членов нацистской партии. С началом войны, в связи с эксплуатацией военнопленных и заключенных концлагерей, значительно возросли хозяйственные функции СС. Гиммлер и его ведомство усердно претворяло в жизнь расовые бредни нацистов. СС строго следила за выполнением расовых и сегрегационных законов, под ее контроль были поставлены научные исследования по генетике и евгенике.

Служба безопасности (СД) во главе с ***Рейнхардом Гейдрихом*** (1904–1942) работала безостановочно. Многие немцы проявили готовность к сотрудничеству с ней по поиску «врагов рейха». Органы правосудия были «нацифицированы», и так называемые «народные суды» вынесли более тысячи смертных приговоров по политическим мотивам.

Все общество, так или иначе, оказалось под контролем «охранных отрядов». Руководство же СС было ответственно только лично перед Гитлером. В историографии нацизма широко распространено определение роли СС в Германии как «государства в государстве».

Неотъемлемой частью нацистского господства стали концентрационные лагеря. Сначала они предназначались для политических противников Гитлера. В конце июля 1933 г. в Германии насчитывалось 27 тыс. политических арестантов. В июне 1935 г. число политзаключенных в лагерях опустилось до 4 тыс., что говорило о стабилизации режима.

Несмотря на это обстоятельство, система концентрационных лагерей продолжала укрепляться и расширяться. На смену временным пришли стационарные лагеря. К 1937 г. в Германии существовало 4 крупных концентрационных лагеря: Дахау, Заксенхаузен, Бухен-

вальд и Лихтенбург. По мере расширения территории рейха добавились такие лагеря как Флоссенбург, Равенсбрюк (для женщин) и Маутхаузен. В связи с этим выросла и численность отрядов «Мертвая голова», которые насчитывали к концу 1937 г. 5 тыс. человек. Число заключенных к началу войны составляло 60 тыс. человек. Изнурительный труд, скудный рацион питания, пытки, избиения и убийства стали нормой их жизни.

С 1934 г. к политическим заключенным стали относить другую категорию арестованных: «вредные для народа элементы», к каковым были причислены «асоциальные», «сторонящиеся работы», гомосексуалисты, «свидетели Иеговы», евреи. Всем им не было места в «народном сообществе», у них в нацистской Германии была одна дорога — в концентрационный лагерь. С 1939 г. в некоторых лагерях стала практиковаться эвтаназия как элемент расовой политики — умерщвление неизлечимо больных, нетрудоспособных стариков, детей с тяжелыми наследственными заболеваниями.

Во время войны функции концлагерей расширились. Они стали местом концентрации рабской силы для подневольного труда миллионов военнопленных и депортированных народов Европы, а с 1942 г. и местом массового физического уничтожения «неполноценных народов» — евреев, цыган, части славянского населения.

«Убийцы за письменным столом» из СС отдавали распоряжения об умерщвлении или стерилизации наследственно- и душевнобольных детей и взрослых. В концентрационных лагерях врачи-эсэсовцы ставили чудовищные «медицинские» опыты над заключенными. По заказу СС и в связи с началом массового истребления заключенных (1942) химическая промышленность Германии (концерн «ИГ Фарбениндустри») разработала отравляющий газ «Циклон Б» для массового умерщвления людей в газовых камерах лагерей.

В самой Германии деятельность СС большей частью проходила все же под покровом тайны, и многие немцы не подозревали о масштабах ее преступных дел. После разгрома нацизма, когда деяния эсэсовской организации вышли наружу, она по праву стала в глазах мирового сообщества символом неслыханных в истории чудовищных преступлений против человечности.

«Консолидация» режима произошла на базе умелого сочетания террора, организационно-политического воздействия и пропаганды. К концу 1938 г. нацистская власть стала опираться и на согласие большинства немецкого народа. Этому способствовали успехи в экономике и внешней политике Германии в 1933–1938 гг.

3. Внутриполитическое развитие. Государство «народного сообщества» и повседневная жизнь

Преодоление кризиса и безработицы

Нацисты пришли к власти в условиях мирового экономического кризиса, особенно глубоко поразившего Германию. Свою предвыборную тактику НСДАП тогда строила, главным образом, на обещании широких мер борьбы с безработицей и помощи крестьянам. Эти обещания Гитлера были созвучны чаяниям населения Германии, так как к началу 1933 г. в стране только по официальным данным насчитывалось около 6 млн безработных. С включением работоспособных членов семей это составляло около 20 млн людей, или почти треть населения.

Для стабилизации и укрепления авторитета режима были очень важны заметные, а главное — быстрые успехи в этой области. Поэтому в 1933–1935 гг. нацистское правительство особое внимание уделяло преодолению экономического кризиса, оживлению механизма экономической конъюнктуры и созданию рабочих мест. В сознании немцев это время оказалось связанным с удивительно быстрой ликвидацией экономических и материальных невзгод последних кризисных лет Веймарской республики.

В июле 1933 г. был создан Генеральный совет германского хозяйства. В него вошли представители крупного капитала (отец *Густав* (1870–1950) и сын *Альфрид* (1907–1967) *Крупп фон Болен и Хальбах*, Фриц Тиссен, *Альберт Феглер* (1877–1915), *Карл Бош* (1874–1940) и др.), военной бюрократии, нацистской партии. Совместно с министерством экономики он ввел в действие «закон об органическом построении экономики» от 27 февраля 1934 г. Этот закон усиливал централизованное управление и контроль со стороны министерства экономики за народным хозяйством. Для облегчения управления были созданы 7 имперских отраслевых групп: промышленность, банки, торговля, ремесло, страхование, энергетика и туризм. Они подразделялись на 44 экономические группы, делившиеся на почти тысячу специальных подгрупп. Отраслевое управление дополнялось территориальным.

Финансовая и экономическая политика первых лет нацистского режима была тесно связана с именем крупного банкира Ялмара Шахта. Он возглавил Рейхсбанк и был назначен Гитлером министром

экономики. Благодаря его «новому плану» (система принудительного распространения ценных государственных бумаг, реприватизация, государственный контроль над внешней торговлей и др.), Шахту удалось запустить и обеспечить финансированием строительство скоростных дорог (автобанов), аэродромов и других сооружений. В короткий срок на «общественных работах», где использовалась большая масса ручного труда, удалось занять свыше 1,5 млн рабочих. Этим было положено начало ликвидации безработицы и созданию нацистской системы государственно-монополистического регулирования и планирования.

В течение четырех лет была создана сеть автодорог, заправочных станций, культурных и спортивных сооружений. Возобновилось производство на остановившихся во время кризиса заводах и фабриках, отступила безработица. В 1937 г. в стране оставалось лишь 900 тыс. безработных, и стал ощущаться недостаток рабочих рук, особенно в военной индустрии. Пропаганда твердила о наступлении экономического процветания и росте покупательной способности населения.

В действительности, в ходе экономического оживления шло восстановление состояния, предшествовавшего глубокому экономическому кризису 1929–1933 гг. Заработная плата росла медленно и только в отраслях, связанных с военной промышленностью. Покупательная способность была в действительности низкой, и дорогих товаров производилось очень мало в сравнении с Веймарским периодом. Режим «копил» (а точнее, инвестировал) средства на войну, и доля заработной платы в национальном доходе с 1934/35 гг. стала неуклонно снижаться.

Только с 1936 г., когда была широко развернута программа вооружений, начала подниматься реальная почасовая оплата, которая к 1938 г. достигла уровня 1929 г. Недельная же заработная плата достигла уровня 1929 г. лишь в 1941–1942 гг. Медленный рост заработной платы был связан с различными «добровольными» отчислениями из зарплаты на «нужды» ДАФ, «зимнюю помощь», а во время войны — на «железные накопления».

Из рабочей среды были вытеснены женщины, так как им надлежало выполнять, по нацистской мерке, свою «изначальную» функцию — быть домохозяйкой и матерью. Это стало возможным в связи с введением ссуды для новобрачных, которая, в случае рождения каждого следующего ребенка, частично списывалась. Кроме того, проводилась кампания против «двойной зарплаты» семьи и сознательно принижа-

лось значение женского труда. Способствовало рассасыванию безработицы и введение с 1935 г. всеобщей воинской повинности, а также трудовой повинности.

Действительно улучшилось положение дел в сельском хозяйстве. С февраля 1933 г. и до начала 1936 г. на его нужды было потрачено 3,5 млрд рейхсмарок. Благоприятное воздействие оказало уменьшение долгов крестьянских хозяйств с 1 млрд марок в 1931–1932 гг. до 650 млн в 1934–1935 гг. (главным образом за счет списания). Наблюдался подъем сельскохозяйственного производства (в 1939 г. — на 120 % по сравнению с 1928 г.) и крестьянских доходов. Усилилось самообеспечение страны продовольствием. Доходы крестьян от продажи своей продукции выросли с 6,5 млрд марок в 1933 г. до 10,5 млрд в 1938 г. Тем не менее они составили только 60 % от уровня предкризисных годов Веймарской республики.

Сохранялись многочисленные недостатки в обеспечении населения продуктами питания: салом, мясом, растительным и сливочным маслами, бобовыми культурами. Но большая часть иностранной валюты шла на закупку не этих видов продовольствия, а сырья для производства вооружений.

Популярность экономических мероприятий нацистов обеспечивалась не только реальным преодолением кризиса, но и массово-психологическим воздействием на население. Руководители Третьего рейха «освящали» своим символическим участием закладку зданий, начало строительства автотрасс. Затем все это тиражировалось прессой, пропагандистскими фото- и кинофильмами. Средства массовой информации постоянно демонстрировали «национальную солидарность» и «успешный прорыв» Германии на пути к созданию «народного сообщества».

Эмоциональный подъем, вызванный нацистской пропагандой, был одним из важных стимулов к экономическому росту. Люди ощущали, что после череды лет депрессии и сомнений наступило, наконец, время стабилизации и улучшения жизни. Экономические успехи и пропагандистский шум вокруг них затеняли неприглядную сторону режима: разрастание террористического аппарата, разрушение правового строя, подготовку новой войны за передел мира.

Государственное регулирование и планирование хозяйства. Экономическая подготовка к войне

На волне экономических успехов 1933–1935 гг. и на основе указов о регулировании экономика Германии обрела более четкие

формы и стабилизировалась. Экономический приоритет получила «хозяйственная оборона» и подготовка к войне. Без этого не могли быть осуществлены расово-империалистические проекты нацистов.

С 1934–1935 гг. большая часть государственных расходов стала неуклонно направляться на вооружение. Год от года росли расходы на армию. Введение в 1935 г. всеобщей воинской повинности, которая повысила численность вермахта со 100 до 500 тыс. человек, потребовало дополнительных расходов. В 1934 г. военные расходы составили 18 %; в 1936 г. — 39 %, а в 1938 г. — 58 % всех расходов народного хозяйства. Быстрое рассасывание безработицы и экономическая стабилизация были прямо связаны с гонкой вооружений.

Увеличение занятости населения привело к росту спроса на потребительские товары, которых из-за гонки вооружений стало не хватать. Это, в свою очередь, вызвало повышение цен, особенно на продовольствие. Министр экономики Я. Шахт, который был одновременно «уполномоченным военной экономики», выступал против слишком быстрого увеличения вооружений. Гитлер же требовал достижения высокой степени вооруженности за максимально короткий срок.

Осторожная позиция Шахта предопределила его уход в отставку. В апреле 1936 г. Гитлер назначает «уполномоченным по ресурсам и девизам» Г. Геринга. Назначение Геринга означало усиление партийного вмешательства в дела индустрии. Тогда же возникает идея «четырехлетнего плана», в основе которого лежало резкое ускорение производства вооружений. Ускоренная милитаризация экономики потребовала расширения сырьевой базы. Стратегическое сырье нужно было не только завозить из-за границы, но и больше производить внутри страны.

«Четырехлетний план» экономического развития был провозглашен Гитлером на партийном съезде 9 сентября 1936 г. Он предусматривал рост самообеспечения страны ресурсами и продовольствием (политика автаркии). В тайном приложении к плану говорилось, что в течение 4 лет экономика должна быть «приспособлена к войне», а вермахт «способен к ее ведению». «Генеральным уполномоченным» по этому плану был назначен Геринг. Он создал новую бюрократическую администрацию в лице так называемых «экономических групп» по ресурсам, валюте, занятости рабочих, сельскохозяйственному производству и надзору за ценами. Одновременно был создан «Генеральный совет» плана и институт «генеральных уполномоченных»

по отдельным отраслям промышленности. Вся эта система следила за производством и распределением ресурсов, направляя их основную часть на военное производство.

В 1937 г. был образован государственный угольно-металлургический концерн «Герман Геринг», разрабатывавший небогатые ресурсы немецких залежей торфа и руды. Концерн стал крупнейшим монополистическим объединением страны и особенно разросся в годы оккупации Европы, присваивая ресурсы оккупированных стран.

Целью всех этих преобразований было сближение и, по возможности, слияние экономики и политики, более тесное сотрудничество между нацистским режимом и крупной промышленностью. В структурах «четырехлетнего плана» во все большей степени рядом с офицерами вермахта важнейшие посты занимали менеджеры индустрии, не прекращавшие предпринимательской деятельности.

В связи с необходимостью разработки искусственных заменителей бензина и каучука, большой вес в системе «плана» приобрела химическая промышленность, особенно крупнейший концерн «ИГ Фарбениндустри». *Карл Краух* (1887–1968) — член Совета этого концерна и «Генеральный уполномоченный по химии» — тесно увязывал управленческие решения министерств с интересами «ИГ Фарбениндустри». Он способствовал заключению крупнейшего «бензинового договора» между концерном и министерством воздушного флота во главе с Герингом.

Государственное регулирование и планирование в нацистской Германии не являлось чем-то новым для страны. Они зародились еще в годы Первой мировой войны. В 1930-е гг. государственное регулирование в той или иной степени было характерно для ведущих капиталистических стран и выражало общую тенденцию кризиса либеральных методов экономического порядка. В Германии оно получило более яркое выражение на фоне политики автаркии и гонки вооружений. В марксистской историографии такая политика по праву была охарактеризована как государственно-монополистическое регулирование.

В результате совместных усилий государственных органов и крупных финансово-промышленных компаний началось ускоренное строительство вооруженных сил. К 1937 г. в Германии вступило в строй более 300 военных заводов, в том числе: 55 авиационных, 45 автомобильных и танковых, 70 химических, 15 военно-судостроительных и т. д. Если в 1931 г. в Германии было выпущено 13 самолетов, то в 1933 г. — 368, а в 1939 г. — 8295.

«Союз» индустрии и национал-социализма базировался на широком согласии с целями Гитлера, которые он огласил вскоре после прихода к власти. Обе силы были едины в необходимости устранения профсоюзов, в перевооружении Германии. Особенный интерес это представляло именно для крупных концернов. Планирование со стороны государства носило ограниченный характер. Оно не перерастало в широкий планово-экономический контроль, а потому было бы неправильно говорить о нацистском «гнете» над предпринимателями. Интересы режима превалировали в политической области, в то время как на поле экономических решений инициатива и свобода действий оставалась за частными предпринимателями. Сильное давление испытывали мелкие и средние предприятия, ремесленные хозяйства, так как политика нацистов по регулированию собственности и рынка служила, прежде всего, интересам крупной индустрии.

В 1938 г. был принят «второй», дополнительный «производственный план». Он предусматривал освоение материальных и финансовых ресурсов, полученных в результате начавшейся экспансии против соседних стран. В результате «аншлюса» (присоединения) Австрии Германия дополнительно получила новую рабочую силу, запасы золота и валюты на сумму в 1,4 млрд немецких марок. «Второй» план более ярко, чем первый, показывал милитаристские основы экономической политики. «План» предусматривал более жесткие формы государственного регулирования и производства таких важных для войны материалов, как порох, взрывчатка, легкие металлы, минеральные масла, резина и др.

Экономические и социальные издержки гонки вооружений тщательно маскировались. В первые годы режима производство вооружений носило теневой характер и скрывалось под экономическим оживлением и ликвидацией безработицы. С 1936 г. милитаризация стала неприкрытой. Но политика автаркии и в промышленности, и в сельском хозяйстве имела свой потолок. Средство для преодоления неудач и ограничений Гитлер видел во внешней экспансии. За счет нее он хотел расширить возможности и промышленности, и сельского хозяйства. Земельная реформа, обещанная нацистами, увязывалась с завоеванием немцами «жизненного пространства» на Востоке, а все трудности руководство Германии надеялось разрешить за счет природных и человеческих ресурсов покоренных стран.

В результате экономических мероприятий нацистского правительства хозяйство и вооружение Германии оказалось на уровне готовности, который отвечал планам и практике только коротких

военных акций (блицкриг). Именно таким способом нацисты собирались завоевать Европу. Именно на такую стратегию была настроена экономика, которую Гитлер считал лишь вспомогательным средством политики.

«Народное сообщество». Социальная политика

Осуществление грандиозных империалистических целей нацистов по завоеванию Европы, «жизненного пространства на Востоке» и переустройству мира требовали надежного тыла в собственной стране. Только террором и пропагандой нельзя было привлечь население на свою сторону. Свои завоевательные цели нацисты прикрывали достаточно привлекательной для широких масс идеей построения в Германии «народного сообщества», то есть созданием на расовой основе некоего нивелированного, с нечеткими классовыми границами общества.

Нацистские идеологи проповедовали расовую чистоту «арийцев», осуждали смешение немцев с «чуждыми расами», которые якобы грозили силе и единству немецкого народа. Одновременно они проповедовали необходимость освободить саму «арийскую расу» от влияния «недоразвитых» элементов и уродливой наследственности, выступали за развитие здорового образа жизни.

На «защиту» народа должны быть направлены все силы современного государства: от политики в социально-экономической и культурной жизни до жестоких мер террора. Индивиду — «члену народного сообщества» (фольксгеноссе) — следует отказаться от эгоистических побуждений в пользу «народного коллектива» (фольксгемайншафт). Поэтому исключительное значение нацисты придавали необходимости подчинения немцев «политической воле» вождя и целеустремленности в борьбе за «народное сообщество». В действительности, это облегчало задачу превращения Германии и немецкого народа в трамплин для рывка к новому переделу мира. Работа нацистов была направлена на привлечение к этой задаче всех социальных слоев общества.

Высшие слои

Для осуществления широкомасштабных планов Гитлеру были необходимы более надежные союзники, чем просто его воодушевленные сторонники из простого народа. Он нуждался в крепком союзе с «верхними слоями общества» — военными деятелями, денежными и промышленными тузами, профессиональной бюрократией,

интеллектуальной элитой. Союз нацистов с генералитетом состоялся уже в период 1933–1934 гг., но закрепился позднее, в ходе внешнеполитической экспансии и разработки военных планов.

В том же направлении шло становление союза с крупными промышленниками и финансистами, руководящим слоем бюрократии, особенно во внешнеполитическом ведомстве. На союз с новой властью пошло большинство немецкой профессуры и ученых. Преобладающая часть высшего общества к концу Веймарской республики была настроена консервативно и авторитарно. Нацисты не произвели каких-либо глубоких преобразований в сфере бизнеса, государственной службы или высшей школы. Неуклонно была проведена (но все же с осторожностью в этих сферах) только «аризация» — процесс вытеснения евреев из жизни общества.

Наиболее успешно складывался союз Гитлера с крупным капиталом. Сразу после смены правительства 30 января 1933 г. «Объединение немецких промышленников» поспешило засвидетельствовать свое доверие новому политическому курсу. Через месяц на встрече Гитлера и Шахта с представителями крупнейших фирм и объединений Гитлер пообещал присутствующим «спокойное будущее», «бесперебойный процесс вооружения в течение десяти, а может и сотни лет» и «никаких выборов». Представителей крупного капитала (особенно его крайне правого крыла) и нацизма объединяло стремление обуздать рабочее движение, провести перевооружение Германии, а также осуществить империалистические планы Гитлера по завоеванию «жизненного пространства».

Промышленники не выразили никакого сопротивления проводившейся реорганизации управления в принадлежащей им сфере. Более того, они подчас сами были инициаторами такой политики. Так, например, во главе Имперской группы промышленности встали деятели бывшего «Имперского сословия германской промышленности», а во главе региональных объединений — представители земельных союзов.

Практически единодушно крупный капитал поддержал «новый план» Шахта по оздоровлению немецкой экономики. С пониманием и одобрением предприниматели восприняли процесс унификации общественной и политической жизни, запрещение деятельности рабочих организаций и образование на их месте «Германского трудового фронта».

ДАФ проводил выгодную для капитанов индустрии социальную и тарифную политику, благоприятствовал развитию гонки вооруже-

ний. Усилению позиций работодателей способствовал «Закон о порядке национального труда», принятый 20 января 1934 г. Согласно ему, хозяйственная деятельность владельца предприятия дополнялась социальной функцией «фюрера», а рабочие объявлялись его «дружиной», которой следовало повиноваться своему вождю. Рабочие предприятия имели право избирать «Совет доверенных» с совещательными правами.

Закон вводил должность «Уполномоченного по труду» от нацистской партии. Занимавший этот пост член НСДАП нес важную социальную функцию — не допускать «классовых конфликтов». Он также наделялся правом распускать «Совет», предавать участников трудового процесса «суду чести». «Уполномоченные по труду» следили за введением тарифов и ставок, могли оспорить некоторые действия владельца предприятия, но большей частью они все же действовали в интересах работодателей.

Крупный капитал усилил свои позиции и в картельных объединениях. Учитывая растущее вмешательство государства в экономику, крупные концерны, имея «своих» людей в органах государственного аппарата, зачастую использовали его принудительную силу для проведения в картелях экономической и финансовой политики в своих интересах. Немецкие промышленники выиграли и от процесса «аризации» экономики, в результате которой им достался солидный кусок ресурсов. Однако наиболее тесное сотрудничество владельцев крупных кампаний с нацистами развернулось в процессе перевооружения Германии и во время войны. На оккупированных территориях они, при посредничестве СС, получали доступ к природным ресурсам и даровой рабочей силе.

С нацистским режимом активно сотрудничало большинство представителей высшей бюрократии, широких слоев технической интеллигенции. В ходе подготовки экспансии и милитаризации экономики почти все они оказались востребованными режимом. Правда, к началу и во время войны новая нацистская бюрократия начала теснить представителей «старой» бюрократической, дипломатической и научной элиты.

Союз или партнерство представителей высших слоев немецкого общества с нацистским режимом не исключали фактов несогласия, неодобрения или даже сопротивления режиму со стороны отдельных их представителей. Например, с 1936 г. и далее возрастает командный принцип экономической жизни и автономия хозяйственной деятельности значительно снижается, что пришлось по вкусу далеко не всем.

Вперед выдвигается союз с отраслями, играющими главную роль в начавшейся гонке вооружений. В годы войны возрастает также значение «хороших» отношений с СС, вермахтом и т. п. Возникавшие противоречия и недовольства служили причиной отставок и перестановок в экономическом ведомстве, разрыва отношений некоторых промышленников с Гитлером или ухода в оппозицию к нему. Но такие случаи были единичными. Несмотря на отдельные трещины, монолит крупного капитала и нацистской партии рухнул только вместе с крушением Третьего рейха.

Рабочий класс

Нацисты начали с того, что лишили рабочих прав и организаций, которые они завоевывали и создавали на протяжении более чем полувека. Коммунистическое и социал-демократическое движение было безжалостно подавлено, профсоюзы разогнаны, другие рабочие объединения — культурные, образовательные — «нацифицированы». На месте профсоюзов нацисты создали «Германский трудовой фронт», построенный по принципу «фюрерства».

Членство в ДАФ было, по сути, обязательным для всех, занятых в сфере производства, включая предпринимателей, но его линия была направлена, прежде всего, на установление контроля над рабочими массами. К 1942 г. ДАФ насчитывал в своих рядах 25 млн простых «фольксгенноссен», 44 тыс. главных и 1,3 млн почетных функционеров.

В своей деятельности «фронт» опирался на традиции социальных реформ в Германии предыдущего времени. В то же время он развил и новаторскую пропагандистско-организационную деятельность. Под знаком «народного сообщества» ДАФ стал усиленно насаждать образ «нового» рабочего, который должен быть свободен от классовых, профессиональных и конфессиональных предрассудков и быть преданным только «народному вождю».

«Трудовой фронт» побуждал предпринимателей к социальной и культурной деятельности, а рабочих — к их профессиональному образованию и стимулировал развитие производства ежегодными «соревнованиями» между предприятиями. Он стремился вести идеологическое «воспитание» своих членов во всех сферах жизни предприятия, включая отдых.

ДАФ поощрял развитие все новых видов развлечений, которые вызывали хорошее настроение у «народного сообщества»: организовывал отдых рабочими коллективами, спортивные соревнования между предприятиями, курсы народного образования, театральные

вечера и т. п. Это помогало пропаганде идеи «народного сообщества» и облегчало ее восприятие в массах.

Символами заботы нового государства о «маленьком человеке» стала деятельность примыкавших к ДАФ организаций: дешевого отдыха — *«Сила через радость»* (КдФ) и производственной — «Красота рабочего места». Важной была инициатива ДАФ по началу выпуска «народного автомобиля» («Фольксваген»). До 1939 г. 7 млн немцев воспользовались услугами КдФ и дополнительно 35 млн — однодневным отдыхом. Автомобильный завод «Фольксваген» был построен на специальные еженедельные отчисления, которые делали 336 тыс. немцев. Но реально на этом заводе выпускались только санитарные машины для вермахта.

Монополия нацистов на средства массовой информации позволяла им скрывать постоянное падение доли заработной платы в национальном доходе. Заработная плата с 1936 г. была заморожена. Страх рабочих перед гестапо и репрессиями ограничивал выражение классовой солидарности и недовольства. Протесты были единичными и кратковременными. Новое поколение рабочих уже не было так связано пролетарской взаимопомощью, как их старшие товарищи. Активная социальная политика помогала нацистам дисциплинировать народ, опекать и контролировать его. В перетягивании рабочих на сторону нацистов, в их лояльности режиму эта политика играла не менее важную роль, чем террор и пропаганда.

Средние слои города и деревни

Наряду с рабочими в поле «социальной заботы» нацистов находились и представители среднего класса — мелкие собственники и служащие, крестьянство, интеллигенция — те, кто составлял массовую базу нацистского движения. Среди них было особенно много членов партии и штурмовых отрядов, а влияние национал-социализма было сильным в этих слоях еще до его прихода к власти.

Унификация организаций служащих и ремесленников была проведена достаточно быстро и основательно. «Арийский» пункт в законе о служащих создавал дополнительные места для «фольксгеноссен» и в государственной бюрократической машине, и в образовательных учреждениях. «Аризация» мелкой и средней собственности пополняла карманы не только крупных промышленников, но и владельцев ремесленных мастерских и магазинов. Представительство среднего сословия было включено в структуры Трудового фронта и пользовалось его социальными благами.

С развертыванием военного производства программные заявления нацистов о защите «маленького» человека от давления крупной индустрии пришли в противоречие с интенсивной подготовкой к войне. Многие ремесленные предприятия были ликвидированы как «нерентабельные». Их материальные и людские ресурсы поступали в распоряжение крупных военных предприятий. Если же речь шла о «еврейских» мастерских, то нацисты их безоговорочно отнимали, а владельцев изгоняли. Но все же «арийские» ремесленные мастерские, которые экономически были способны служить нуждам военного производства, сохранялись и поддерживались. Во время войны прибыли от государственных заказов получали не только владельцы крупных заводов, но и мелкие предприятия.

В политике по отношению к крестьянам нацисты делали ставку на поддержку крупного крестьянского хозяйства, регулирование цен и производства сельхозпродукции. С этой целью в феврале 1933 г. под руководством «фюрера» крестьян Рихарда Дарре было создано «Имперское продовольственное сословие». Оно объединило всех крестьян и стало частью провозглашаемого нацистами «народного сообщества». В середине 1930-х гг. численность «сословия» составляла 17 млн человек. Все продукты питания — от зерновых, мяса, рыбы до маргарина и масла — состояли на учете у «Продовольственного сословия».

В политике нацистов по отношению к земледельцу наиболее ярко проявились расистские воззрения на крестьян, как «хранителей арийской крови». 29 сентября 1933 г. был принят закон «О наследственных дворах». Согласно ему, «почетное» право именоваться «крестьянскими» могли иметь только хозяйства размером от 7,5 до 125 га с подтверждением владельцем своего арийского происхождения. Такие хозяйства не могли продаваться, а при передаче по наследству — делиться. Именно с таких дворов прежде всего списывались долги.

К 1939 г. было создано 689,7 тыс. «наследственных дворов», что составило 21,6 % от всех хозяйств. Им запрещалось обременять себя долгами и ипотекой, но в то же время это тормозило приток в хозяйства капиталовложений, затрудняло их модернизацию и рационализацию. Главными поставщиками продукции оказались мелкие и средние хозяйства.

Благодаря государственному планированию и регулированию сельскохозяйственное производство существенно поднялось. Немало способствовала этому неустанная мобилизационная деятельность органов «продовольственного сословия». Год за годом они вели «бит-

ву за урожай» и искали средства для восполнения недостатка рабочих рук и капиталов для сельского хозяйства.

Вопрос об улучшении положения крестьянства был очень важным для политического руководства. По мере рассасывания безработицы, нацисты концентрировали энергию на ускорении вооружений и самообеспечении страны продовольствием. Повышение производства сельскохозяйственной продукции было решающей предпосылкой этого курса. Обеспечение населения собственным продовольствием выросло за период с 1928 по 1938 гг. на 15 %. Но продукты оставались дорогими по сравнению с европейскими странами. Следствием всего этого был минимальный уровень обеспечения населения такими продуктами как сало, мясо и растительное масло. Стандарт жизни сельского населения оставался по-прежнему ниже средней черты. Наблюдался отток населения из деревни.

Недостатки в сельском хозяйстве нацисты пытались сгладить активной социальной работой в деревне. Молодежные организации занимались преобразованием хозяйств, облагораживанием ландшафта. Студенты-медики изучали здоровье местного населения с точки зрения расово-биологического потенциала, вели статистику рождаемости и т. п. Девушки из БДМ помогали в ведении домашнего хозяйства в крестьянских семьях. Посредством практической работы с населением в духе идеологии «крови и почвы» сама молодежь становилась объектом воспитания в этом же духе.

Что касается других аспектов жизни «народного сообщества», то нацисты пытались подчинить своему влиянию школу и родительский дом. Там особенно сильным было значение «Гитлерюгенд» и нацистских женских организаций.

Школьное образование при нацизме представляло собой смесь традиционных черт образования и «революционно-идеологических» притязаний нацистов. Школьная политика полностью перешла под контроль министерства образования. Все учителя, которые недооценивали политические или «расовые» основы образования, были отправлены в отставку. Почти всех оставшихся объединили в «Национал-социалистический союз учителей». Одновременно были введены новые учебные планы, написаны учебники с новыми толкованиями прежде всего в области немецкого языка, истории и биологии, которые были «преобразованы» в свете мировоззрения нацистов. Больше внимания стало уделяться спортивному воспитанию.

Но полностью «нацифицировать» школу не удалось. Как и прежде, в ней изучали классические языки и литературу, а физику

и химию преподавали по старым планам. По этой причине были созданы специальные «нацистские школы», чтобы, по крайней мере, ограниченный круг молодых людей можно было полностью воспитать в духе Третьего рейха. «Национал-политические воспитательные заведения» («Напола») под сильным партийным влиянием стали альтернативой «старым» учебным заведениям и должны были воспитать будущую военную и управленческую элиту. Как подготовительная школа для воспитания будущего поколения «фюреров» действовали так называемые «школы Адольфа Гитлера», которые в своих учебных планах полностью следовали предписаниям нацистской идеологии.

Учащихся для этих школ тщательно подбирали с точки зрения политической благонадежности. При этом социальное происхождение ребят не играло особой роли. Главное, чтобы у них были задатки «фюрерства» и «арийское происхождение». Тем не менее в этих школах был необычайно высок процент детей из буржуазных семей. Это говорило о достаточно серьезном авторитете школьных инноваций нацистов среди богатых слоев общества. Но серьезного влияния на образование нацистские школы не имели. Их было немного: к концу войны насчитывалось 35 школ «Напола» и 12 «школ Адольфа Гитлера». Провозглашенная Гитлером «революция воспитания» по разным причинам не состоялась.

Подобным образом складывалось дело и в высшей школе. «Национал-социалистический союз студентов» развил бурную деятельность по привлечению студенческой молодежи на сторону новой власти. Активисты Союза участвовали в сожжении книг, способствовали изгнанию из университетов неугодных преподавателей и оказывали массированное давление на всех независимо организованных студентов. Последние готовы были поддержать новые власти, но некоторые организации были против требований освободиться от своих товарищей — «не арийцев».

Попытка унифицировать разнообразную студенческую жизнь не вызывала особенного энтузиазма у студентов и заставляла многих из них соблюдать дистанцию по отношению к Союзу. Они избегали политических мероприятий и приспосабливались к требованиям режима настолько, насколько было необходимо.

Влияние нацистской власти на университеты было негативным. Университеты и их подразделения лишились автономии. Ректоры назначались и были подотчетны министру образования. Они провозглашались «фюрерами» своих вузов. Нацисты проводили линию на

«дисциплинирование» научной и учебной деятельности, которое они понимали как верность политической линии национал-социализма.

В связи с пропагандой трудового воспитания, принижения роли высшего образования, снизилось количество студентов. Если в разгар кризиса, в летнем семестре 1931 г. число студентов составляло 138 тыс. человек, то к лету 1939 г., несмотря на экономический рост, оно снизилось почти наполовину. Особенно резко упало число студенток, в связи со специфической оценкой роли женщины нацистами. Между 1933 и 1939 гг. квота для поступления девушек в университеты и технические высшие школы уменьшилась с 18,2 до 14,1 %. Уменьшение числа студенчества давало дополнительные возможности увольнения в отставку неугодных профессоров и доцентов.

В университетах волной отставок и увольнений было затронуто приблизительно 20 % преподавателей, другие вузы (технические высшие школы и др.) были затронуты меньше. Университеты относительно либеральной направленности (Берлин, Франкфурт) потеряли до одной трети преподавательского состава. Вузы консервативной направленности (например, университет в Тюбингене) почти не были затронуты гонениями. Только в редких случаях ученые и преподаватели вузов поддерживали коллег, которым угрожала отставка, большинство же выказали готовность к сотрудничеству с нацистским режимом.

Среди ученых, которые покинули Германию и Австрию (по разным данным — от 2 до 3 тыс.), было 24 лауреата Нобелевской премии, что, несомненно, сказалось на уровне развития науки и преподавания в высшей школе. Такие институты с мировым именем, как Физический институт в Берлине, или Физико-математический институт университета Гёттинген потеряли большую часть своего персонала.

Развитие науки в разных отраслях было неравномерным. В сфере гуманитарного знания оно оказалось наиболее затронутым националистическим и милитаристским духом, особенно это относилось к истории и филологии и отрицательно сказалось на развитии этих дисциплин. Правда, в области философии наблюдалось некоторое продвижение вперед, в частности, в сфере развития экзистенциалистского направления (*Мартин Хайдеггер*, 1889–1976). И то только потому, что это течение формировалось под влиянием «философии жизни» XIX в., а культ поклонения одному из ее родоначальников — Фридриху Ницше — достиг в Третьем рейхе невиданных высот.

В сфере прикладного знания наука и техника развивались быстрыми темпами, так как они были тесно связаны с подготовкой к войне. В связи с развитием здравоохранения и спорта, определенное

развитие получили медицина, биология и генетика. Но достижениям в этой области был нанесен огромный урон в морально-нравственном плане, так как часть врачей и биологов медицинских учреждений оказались замешанными в преступных опытах над заключенными, в эвтаназии и других злодеяниях нацистов.

Национал-социалисты пытались создать собственные научные и учебные заведения (высшая школа НСДАП, «Научные академии национал-социалистического союза доцентов» в университетах Гиссена, Гёттингена, Киля и Тюбингена). Но они не составили серьезной конкуренции традиционным академиям наук в Берлине, Гёттингене, Лейпциге, Мюнхене и Гейдельберге.

Провозглашенное нацистами «народное сообщество» выбросило из своей среды людей, «неполноценных» в расово-политическом отношении, но это не привело к его однородности. Оно не устранило и не могло устранить глубоких различий между классами, между богатыми и бедными. Особенно ярко это проявилось во время войны, когда трудящиеся несли основное бремя военных будней, а в отношении «неполноценных» дело дошло до массовых убийств.

Тем не менее, в ходе создания «народного сообщества» были сделаны шаги по пути создания общества «среднего класса» — тенденции, наметившейся в странах Запада в целом и набравшей темпы после Второй мировой войны. Подъем экономики, активная социальная политика в отношении «фольксгенносен» ослепили и подкупили большинство немцев. Это, а также постоянная угроза террора, помогло им смириться с режимом и тяготами последующей войны.

Рейхсвер (вермахт) и нацистский режим

Гитлер уделял большое внимание завоеванию на свою сторону руководства армейского корпуса и, как нигде, был осторожен во взаимоотношениях с рейхсвером. Без сильной армии были невозможны ни консолидация режима, ни выполнение экспансионистских планов. Во многих своих выступлениях Гитлер не раз подчеркивал, что рейхсвер, наряду с нацистской партией, является «второй несущей колонной» государства.

Усилия правительства и самого Гитлера в 1930-е г. были направлены на сохранение традиций рейхсвера. Свое влияние на него они распространяли осторожно. Первичное недоверие армейской элиты к новому нацистскому режиму было преодолено в ходе событий 1933–1934 гг., когда армейская верхушка убедилась в стремлении Гитлера установить с ней хорошие отношения.

Военный министр Вернер фон Бломберг активно поддерживал и продвигал в военную среду гитлеровские планы по восстановлению и развитию военной мощи Германии. Армейское руководство с удовлетворением восприняло первые шаги нацистского правительства по ревизии Версальской системы. Оно одобрило переименование рейхсвера в вермахт. Закон 1935 г. восстановил всеобщую воинскую повинность. Весной того же года была принята новая структура вооруженных сил Германии, согласно которой вермахт подразделялся на три рода войск: сухопутную армию, флот и военно-воздушные силы. В сухопутных частях воссоздавался Генеральный штаб.

Это создавало блестящие возможности для быстрой карьеры, когда майоры рейхсвера за пару лет становились генералами вермахта. Офицерский корпус практически не препятствовал «аризации» армии. Он, не колеблясь, присягнул на верность лично Гитлеру как главе государства и главнокомандующему вооруженных сил. Впоследствии это обстоятельство серьезно мешало образованию широкой военной оппозиции Гитлеру.

Правда, осенью 1937 г. появилась первая трещина в отношениях руководства вермахта и нацистского правительства. На одном из совещаний с Гитлером часть армейской верхушки во главе с военным министром Бломбергом и начальником генштаба ***Вернером фон Фричем*** (1880–1939), а также генералы ***Людвиг Бек*** (1880–1944) и ***Эрвин фон Вицлебен*** (1881–1944) выразили сомнение в успехе планируемой Гитлером военной кампании против Чехословакии. Они опасались военных трудностей и жесткой реакции со стороны западных держав на оккупацию этой страны. Гитлер расценил их позицию как недоверие к его внешнеполитическим планам, что дало ему повод отправить сначала Бломберга, а затем и Фрича в отставку. Нацисты прибегли при этом к грязным методам их компрометации.

Генералитет практически никак не отреагировал на это (за исключением Бека), что дополнительно укрепило позиции нацистов в вермахте. В командовании армии была проведена реорганизация. Отдел вермахта при военном министерстве указом от 4 февраля 1938 г. был преобразован в ***Верховное главнокомандование вермахта*** (ОКВ). Начальником его штаба стал генерал ***Вильгельм Кейтель*** (1882–1946). Сухопутные силы возглавил генерал ***Вальтер фон Браухич*** (1881–1948). Они были известны как офицеры, беспрекословно послушные Гитлеру. Сам Гитлер становится Верховным главнокомандующим. Нацистскому руководству, таким образом, удалось действительно превратить вермахт в одну из главных «несущих колонн» Третьего рейха.

«Кризис Бломберга-Фрича», как он именуется в историографии нацизма, стал отправной точкой, с одной стороны, вовлечения вермахта в последующие военные и бесчеловечные преступления нацистского режима; с другой стороны, он положил начало формированию в части военных и бюрократических кругов Германии оппозиции нацистскому режиму и разработке ею планов отстранения Гитлера от власти.

Национал-социализм и церковь

В 1933 г. около 63 % населения Германии принадлежали к евангелической церкви, а 32,5 % — к католической, и нацисты вынуждены были считаться с этим фактом. В 24 пункте программы НСДАП было записано, что партия стоит на почве «положительного христианства» и борется только против «еврейско-материалистического духа внутри нас и вне нас».

Церковь обеих конфессий исторически принадлежала к большим общественным группам, которые номинально противостояли в Германии авторитарным или тоталитарным амбициям, будь то при Бисмарке или при Гитлере. Но некоторые идеи нацистов были созвучны идеям церковных иерархов: приверженность делу «национального возрождения» и сильного государства, «народного сообщества» и др.

Среди руководителей нацистской партии были и обыкновенные христиане, и религиозные мистики, и сторонники эзотеризма, и атеисты. Но независимо от степени религиозности, существовала несомненная неприязнь к католическому клиру с его пышными обрядами и строгой иерархией, с его влиянием на общественную и политическую жизнь. Не последнюю роль в этой неприязни сыграл и тот факт, что нацисты сами во многом хотели быть похожими на католическую церковь и безраздельно владеть душами людей.

Как и все другие политические силы, конфессии недооценили силу гитлеровского движения, а в 1933 г. поддались иллюзии найти приемлемую форму сосуществования с режимом. Наивысшими пунктами сближения между ними были: капитуляция евангелистов перед нацистами на конференции епископов в Фульде 28 марта 1933 г., а также заключение Конкордата между Берлином и Ватиканом 20 июля 1933 г.

Нацистское «Движение штурмовиков Иисуса Христа», возникшее еще в 1932 г., провозгласило образование собственной церкви под названием «Немецкие христиане» и стремилось приспособить церковь к задачам режима. Церковь «Немецких христиан» возглавил войсковой

пастор ***Людвиг Мюллер*** (1883–1945) — доверенное лицо Гитлера. Он пытался навязать политику «Немецких христиан» обеим традиционным конфессиям, переманить к себе их паству. Они же стремились сохранить свою автономию и противодействовали этому.

«Гражданский мир» между церковью и режимом длился недолго. Уже летом 1933 г. появились разногласия в связи с некоторыми требования «немецких христиан», например, установить в алтаре портрет Гитлера, по-новому толковать Священное Писание и т. п. При этом обе церкви избегали принципиальной оппозиции власти, а лишь выступали, по их утверждению, против радикального атеизма.

Серьезный конфликт разразился внутри евангелических церквей, когда на выборах синода 27 сентября 1933 г. имперским епископом был избран глава «Немецких христиан» Мюллер. Кроме того, евангелический молодежный союз был присоединен к «Гитлерюгенд». Эти действия натолкнулись на жесткое сопротивление только со стороны «Союза евангелических пасторов» во главе с ***Мартином Нимёллером*** (1892–1984). Под руководством «союза» повсюду образовывались общества «Исповедания», которые подтверждали свою приверженность Священному Писанию и документам Реформации, открыто осуждали радикализм нацистской церкви «Немецких христиан».

Особенно острой была борьба в 1937 г., когда последовал арест Нимёллера и штрафные санкции для его сторонников. Обыкновенные прихожане в массовом порядке стали покидать «Немецких христиан». Им не понравилось перенесение в церковь нацистского стиля борьбы и жаргона. Массовый выход верующих из нацистской церкви предопределил спад этого движения. Все попытки оживить его в 1942–1943 гг. успеха не имели.

Постепенно, часто невольно, в борьбу была втянута и католическая церковь. Конкордат не спас ее от тоталитарных притязаний нацистов. Церковь выразила осторожное недовольство некоторыми действиями нацистов. В ответ на это католические организации и союзы притеснялись, пресса была запрещена, юношеские и рабочие организации с 1935 г. постепенно распускались, были закрыты католические факультеты и т. п.

В ответ на это последовала беспрецедентная реакция Ватикана. 14 марта 1937 г. Папа Пий XI выпустил Энциклику «Со жгучим беспокойством» — первую и единственную на немецком языке. Папа обвинил нацистский режим в нарушении Конкордата, подверг острой критике и осудил нацистское «новое язычество» за его «идолопоклонство» расе, народу и государству.

Исходя из политического расчета и в связи с подготовкой к войне, в 1939 г. Гитлер прекращает «борьбу с церковью». Однако его «высказывания за столом» периода войны не оставляют сомнения, что после своей «конечной победы» он планировал полностью устранить в обществе влияние церкви и христианства.

Все же обе конфессии, за редким исключением, открыто не заступались перед общественностью за жертв нацистского террора, не осуждали преследования и массового убийства евреев. Лишь отдельные епископы вмешивались в некоторых случаях — когда, например, речь шла об акциях эвтаназии душевнобольных «арийцев». Но бесспорно, руководству обеих конфессий не хватило гражданского мужества для подобных действий. Официальные учреждения церкви если и не поддерживали режим, то в целом были ему лояльны.

Политика нацистов в области культуры

Культура Германии в период нацизма потерпела значительный урон. На нее отрицательно повлиял массовый отъезд из страны широко известных писателей, публицистов, музыкантов, художников. Снижение уровня развития культуры было также связано с насаждением нацистами своего понимания искусства. Все области культуры должны были отвечать мировоззрению национал-социализма. Критические или иронические оценки отвергались. Чуждые в расовом или политическом отношении художники, интеллектуалы и ученые преследовались или ограничивались в своей работе.

В сфере непосредственного руководства культурой всеобъемлющими правами обладала «Имперская палата культуры». Она была создана декретом от 22 сентября 1933 г. Палата стала инструментом надзора за деятельностью творческих работников и издателей, а также управления культурными процессами. Все, занимавшиеся культурной деятельностью, должны были приписаться к одному из отделов «Палаты»: пресса, художественная литература, радио и кино, музыка, изобразительное искусство и театр. Председателем палаты стал Геббельс.

Министерство пропаганды установило стандарты художественного творчества, и это касалось всех его форм. Специальные инструкции предписывали творческим работникам развивать следующие направления в искусстве: «фронтовое» товарищество и романтизм; «патриотическое», связанное с особенностями немецкого менталитета (национальный колорит, немецкий фольклор, германский дух, мистицизм немецкой души и т. п.). Можно было также творить в сфе-

ре расовой этнологии, прославляющей нордическую расу и защиту ее чистоты. Кроме того, существовало и прямое «партийное» направление в искусстве, которое возвеличивало нацистское мировоззрение, деятельность Гитлера и партии.

4 октября 1933 г. был принят закон о прессе, согласно которому местная, конфессиональная и другая независимая пресса, не ориентировавшаяся на НСДАП, была запрещена. Из газет и журналов изгонялись расовые и политические противники. Ряд изданий был вытеснен экономическими методами. В течение только одного 1933 г. число ежедневных газет в Германии сократилось с 2703 до 1128.

В наибольшей степени от нацистской политики пострадала немецкая литература. Германию покинуло более 250 немецких писателей и драматургов, поэтов и литературных критиков, среди которых были всемирно известные: Г. Манн, Т. Манн, Б. Брехт, Э.-М. Ремарк, ***Лион Фейхтвангер*** (1884–1958), ***Стефан Цвейг*** (1881–1942) и др. Несмотря на тяжелые условия эмиграции, большинство из них плодотворно трудилось. Многие принимали участие в антифашистской работе, создали блестящие образцы антифашистского романа и публицистики. Эти люди, вместе с другими представителями немецкой эмиграции и деятелями Сопротивления, спасали честь нации от позора террористического режима.

В самой Германии в области литературы восторжествовали поэмы, повести и романы второразрядного свойства, написанные в духе, рекомендованном министерством пропаганды. В то же время некоторые талантливые писатели, оставшиеся в Германии, ушли во «внутреннюю эмиграцию». Они старались держаться «вне политики», открыто не демонстрируя недовольство властью. К ним относились известный драматург ***Герхард Гауптман*** (1862–1946), писатель и эссеист ***Эрнст Юнгер*** (1895–1998), поэт-лирик и философ ***Готфрид Бенн*** (1886–1956), писатель ***Эрнст Глезер*** (1902–1963).

Для молодых авторов были некоторые ниши в писательских объединениях типа «Современная классика» — ***Йоханнес Бобровски*** (1917–1965), ***Вольфганг Борхерт*** (1921–1947), ***Гюнтер Айх*** (1907–1972) и др., — где они могли скрытно выразить свою оппозиционность власти. Однако стоило писателям разойтись в чем-то с нацистами или покритиковать их, как они становились неугодными и подвергались преследованиям.

Область театральной жизни также подверглась «расовой чистке» и унификации. Из страны уехали знаменитые режиссеры и драматурги, в том числе ***Фридрих Вольф*** (1888–1953). Нацисты пытались

возродить в духе «народности» театральные зрелища и представления. К 1937 г. существовало 40 специальных театральных площадок в исторических местах Германии, но затем это движение пошло на убыль и к началу войны практически исчезло.

На сферу музыки и изобразительного искусства особое влияние оказали культурные пристрастия Гитлера. Его любовь к музыке Р. Вагнера носила оттенок культа и мистики. Ежегодные вагнеровские музыкальные фестивали были превращены в демонстрацию связи «новой Германии» с традициями исторических музыкальных драм этого композитора. Легкая музыка признавалась, но «негритянский джаз» осуждался как «дегенеративная» музыка.

Служению национал-социализму напрямую было поставлено песенное творчество немецких композиторов. Песня о *Хорсте Весселе* (1907–1930) — «герое-мученике» нацистского движения была приравнена к национальному гимну. Нацистский режим поощрял написание и исполнение песен героико-патриотического плана, с ритмичной музыкой. Их легко было петь хором и в строю. В песнях также сквозили любовь к природе, народу, матери.

Гитлер был сторонником классических направлений в искусстве и решительно боролся с модернизмом и декадансом («упадничеством»). В 1936 г. он уполномочил руководителя Имперского управления изобразительного искусства профессора А. Циглера провести чистку 100 музеев от «декадентских» экспонатов. Комиссия собрала 12 890 картин, 700 из которых было продано в Люцерне на аукционе, принеся солидную валютную выручку. Среди них были и полотна таких известных немецких художников-авангардистов, как Э. Нольде, *Макс Бекман* (1884–1950), О. Кокошка, Г. Гросс.

В 1937 г. состоялось открытие первой выставки немецкой живописи и скульптуры в только что отстроенном «Доме искусства» в Мюнхене. Выставка четко отобразила пристрастие нацистов к определенным направлениям изобразительного искусства. Здесь были представлены в основном жанровая живопись, ландшафты, портреты в стиле реализма XIX в. Выделялись также работы, напоминавшие «салонную» живопись, с их ничего не значащей красотой обнаженного тела (А. Циглер). В пластическом искусстве были видны политико-воспитательные элементы «арийских» идеалов красоты, культа силы и власти (А. Брекер).

Скульптур и полотен в духе агитационной направленности было немного — около 5 %, в основном портреты и скульптуры нацистских деятелей. Гитлер изображался в различных ролях: то как «партийный

фюрер» или оратор; то как командующий среди «своих» солдат; то как одинокий, «харизматически» возвышенный «воин». Художники и далее развивали искусство, впрямую поставленное на службу нацистской идеологии. В то же время выразительное пластическое искусство известной немецкой художницы К. Кольвиц находилось фактически, под запретом. Параллельно с официальной выставкой была развернута и выставка «упаднического» искусства, которая, несмотря на язвительную критику, пользовалась успехом. Ее посетило свыше 2 млн человек.

Наибольший след в искусстве нацизм оставил в области архитектуры. Архитекторы Третьего рейха упорно трудились над задачей совмещения политических целей нацистов и эстетических задач искусства: ***Альберт Шпеер*** (1905–1981), ***Герман Гислер*** (1889–1948), ***Вильгельм Крайз*** (1873–1955) и др. При этом главным было подчеркнуть значение зданий не только как памятников «немецкого» искусства и культуры, но и как центров новой власти, соединяющих прошлое, настоящее и будущее Германии. Своей грандиозностью поражало место для проведения съездов и парадов в Нюрнберге. В партийных постройках этого старинного немецкого города было воплощено требование Гитлера о сочетании дорических и тевтонских форм сооружений.

Для архитектуры Третьего рейха был характерен сплав монументализма и любимых Гитлером стилей — неоклассицизма и необарокко. Монументализм как символ «величия» Третьего рейха стал отличительной чертой партийных и государственных, мемориальных и культурных комплексов в Мюнхене и Берлине, в Линце и в других городах (многое было разрушено в ходе войны).

В культурной политике нацисты стремились повлиять прежде всего на массового слушателя и зрителя. Вот почему так широко они использовали радио и кино, а упор делали на развлекательные программы и фильмы. Радиоречи фюрера были, конечно, большим событием, но и шлягеры популярных певцов, легкая музыка являлись обычной принадлежностью радиопрограмм. Образцы немецкой массовой культуры того времени мало чем отличались от соответствующих образцов других стран.

Подобным образом обстояло дело и в кино. Быстро росло число посетителей кинотеатров. Оно увеличилось с 1933 по 1939 г. с 250 до 600 млн человек ежегодно, а в 1943 г. г. кинотеатры посетило более 1 млрд зрителей. Были созданы пропагандистские фильмы, например, «Триумф воли» Л. Рифеншталь, «Еврей Зюсс» ***Фейта Харлана***

(1899–1964). С 1938 г. в кино перед художественным фильмом стал обязательным показ еженедельного политического обозрения. Но все же на экране господствовали аполитичные, главным образом веселые и занимательные фильмы. Нацистам было важно создать у людей хорошее настроение, убедить, что все в Германии идет нормально, и подавить критические голоса.

В этом же направлении работала и специфическая эстетика нацистского режима, родившаяся из сплава пропагандистской и культурной политики. Ее отличительными чертами стали праздничные и ритуальные действия с участием большой массы людей (парады, марши, факельные шествия), целенаправленное использование иллюминации, обилие флагов и штандартов. Все это должно было создавать у людей нужное нацистам настроение сопричастности власти.

И хотя режиму не удалось создать специфическое «нацистское искусство» (за исключением отдельных образцов живописи и области эстетики), но в значительной мере произошло превращение культуры в прямой инструмент идеологии и политики.

Антисемитизм и преследование евреев

Консолидация режима и формирование «народного сообщества» шли рука об руку с вытеснением из общественной, политической и экономической жизни евреев — самой крупной негерманской этнической группы населения. К 1933 г. их проживало в Германии около 500 тыс. Однако их представительство в отдельных областях хозяйства, медицины, юриспруденции и культуры доходило до 25–30 %. Это создавало почву для антисемитизма, хотя большинство евреев издавна проживало в Германии, были ее гражданами.

Часть из них исповедовала христианство, считала немецкий язык своим, а Германию — Родиной. Более 120 тыс. евреев воевали в германской армии в период Первой мировой войны. Исторически так сложилось, что не очень богатое еврейское население проживало на востоке Германии, на границе с Польшей, а состоятельное — главным образом в Берлине и других крупных городах.

Гитлер и его окружение были патологическими антисемитами: кто-то больше по политическим мотивам, кто-то — по религиозным. Многие рядовые члены партии были обыкновенными «бытовыми» антисемитами, недовольными конкуренцией в сфере торговли и ремесла. Именно на это недовольство опиралось руководство партии и СА при проведении бойкотов и еврейских погромов после прихода нацистов к власти. Но в недрах партийной канцелярии, юридической

службы государства и СС шла постоянная работа по «разрешению еврейского вопроса» — в смысле изгнания евреев из Германии.

Сразу после 30 января 1933 г. был взят неуклонный курс на вытеснение евреев из общественной и культурной жизни, государственных органов. Началась «аризация» собственности (ее передача «арийцам» — немцам) и эмиграция евреев, которую власти Германии в первое время поощряли и поддерживали. За период 1933–1939 гг. только в Палестину выехало 60 тыс. евреев.

Весной 1935 г. на востоке Германии прокатилась очередная волна погромов, в результате которой имелись убитые и раненые. Еврейской собственности был нанесен большой материальный ущерб. Это вызвало негативную реакцию за границей, причем настолько сильную, что режим, и прежде всего «буржуазный» министр экономики Я. Шахт, решили этот «народный протест» ввести в правовые рамки. Результатом их усилий стало «законодательное» преследование по расовым мотивам. ***15 сентября 1935 г.*** на съезде НСДАП были приняты так называемые ***«Нюрнбергские законы»***, которые регулировали положение евреев в Третьем рейхе, их отношения с немецким населением. «Закон о гражданстве» лишал евреев политических прав, они становились гражданами второго сорта.

«Закон о защите немецкой крови и немецкой семьи» запрещал браки евреев с арийцами и вводил понятие «нанесение ущерба расе». Нарушение закона каралось штрафом или заключением в тюрьму. Законом определялось также, кто такой еврей, исходя из понятия «чистоты крови». Появился такой термин как «мишлинге», то есть человек смешанной крови. От бредовой идеи о степени смешения крови зависели права и обязанности человека. Наиболее бесправными были так называемые «полные евреи». Принятие Нюрнбергских законов свидетельствовало о приобретении нацистским государством черт расовой дискриминации и сегрегации.

После принятия «Нюрнбергских законов» усилился процесс отчуждения евреев от общественной жизни в Германии. Последовали запреты смешанного обучения, ускорилась «аризация» экономики. Всего до 1938 г. был полностью «аризован» Немецкий банк; из 60 текстильных фабрик аризации подверглось 54; из 59 предприятий по производству одежды — 36; из 32 кожевенных и обувных — 21; из 20 предприятий черной металлургии — 16; из 7 предприятий табачной промышленности — 7.

После принятия «Нюрнбергских законов» наступил короткий спад в антисемитских акциях, так как 1936 г. был годом Олимпийских игр

в Германии. Нацистский режим хотел создать у иностранцев хорошее впечатление о стране и облегчить проведение внешней политики. В связи с этим были запрещены все антисемитские выступления и демонстрации. Но через полтора года в стране поднялась новая волна антисемитизма, вылившаяся в такой погром, которого Германия не знала со времен средневековья. Поводом к нему послужил террористический акт в Париже против немецкого дипломата, совершенный молодым евреем Г. Грюншпаном, который мстил за депортацию семьи. Это событие послужило сигналом к погрому. Нацисты заявили о необходимости «расчета» с евреями.

Вечером 9 ноября 1938 г. отряды СС и СА совершили нападения на еврейские магазины, учреждения и синагоги, которые продолжались всю ночь. Из-за огромных куч разбитого стекла эта ночь была названа «хрустальной ночью». Было разрушено и сожжено 267 священных для евреев мест, разгромлено 7500 еврейских магазинов и других заведений, был убит 91 человек. Сотни евреев покончили жизнь самоубийством или умерли позже от нанесенных увечий. Чтобы принудить оставшихся евреев к массовому бегству из страны, 10 тысяч евреев были арестованы и отправлены в концлагеря.

Эта чудовищная акция совершалась преимущественно самими нацистами, а остальное население было, в основном, зрителями. Открыто выражала сочувствие пострадавшим совсем небольшая группа людей. 10 ноября Геббельс дал распоряжение о прекращении «акции». Еврейское население должно было выплатить «искупительный штраф» в размере 1 млрд рейхсмарок, а все разгромленное восстановить за свой счет. До 1 января 1939 г. евреи были обязаны продать все свои предприятия, акции, магазины, мастерские, закрыть конторы и не имели права самостоятельно производить какую-либо продукцию. «Аризация» хозяйства превратилась, по существу, в экспроприацию.

После «хрустальной ночи» стала с особой силой проявляться изощренность нацистской политики по отношению к евреям. Появились распоряжения, которые запрещали евреям посещать кино и театры, парки и рестораны; владеть домом, машиной и телефоном; держать домашних животных; учиться в школах и университетах; пользоваться библиотеками и сферой обслуживания; носить дорогие вещи — золото и меха. Ходить по улицам и делать покупки евреям разрешалось только в определенное время; жить — только в определенных кварталах или домах. В отличие от немцев, в отношении которых сохранялись многие прежние законы «нормального» (буржуазного) государства, против евреев усиливалась мощь государства

«чрезвычайных мероприятий», а попросту творилось беззаконие. В любое время дня и ночи эсэсовцы могли ворваться в квартиру, произвести обыск, избить и арестовать людей без какого-либо вразумительного объяснения. Еврейское население намеренно сталкивалось на обочину жизни и погружалось в страх, отчаяние, нищету и изоляцию.

Насильственная «геттоизация» поневоле заставила евреев самоорганизовываться в общины, помогать друг другу, но было немало и тех, кто не выдерживал преследований или мысли о предстоящей депортации и кончал жизнь самоубийством. Если в феврале 1939 г.на территории Германии проживало 214 тыс. евреев, то к сентябрю того же года численность упала до 30 тыс. человек. Оставшимся становилось все труднее покинуть страну. В 1941 г. эмиграция вообще была запрещена.

Судьба немецких (и европейских евреев в целом) была предрешена в речи Гитлера 30 января 1939 г. в рейхстаге: «Если мировой еврейский финансовый капитал еще раз столкнет народы Европы в мировой войне, то результатом будет не большевизация мира и тем самым победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе». На самом деле не война, сама по себе, привела к массовым убийствам евреев (она их, конечно, чрезвычайно обострила, ускорила и придала чудовищные формы) — в основе всех действий против евреев лежало мировоззрение нацистов, вся их довоенная, «мирная» политика относительно данной группы населения.

Сопротивление и оппозиция нацизму

Тоталитарный режим Третьего рейха почти не оставил возможности для сопротивления ему. Только небольшое число сторонников рабочего движения, прежде всего коммунисты, не считаясь с жертвами, продолжали свою борьбу против нацизма и мужественно шли на смерть в застенках гестапо. К началу 1933 г. в рядах КПГ состояло 300 тыс. человек. Но к лету 1934 г. коммунистический партийный аппарат был практически полностью уничтожен. До 1935 г. коммунисты пытались сохранить в подполье ЦК партии, однако из-за многочисленных провалов отказались от этого. Они создали подпольные группы, которые концентрировали свои усилия, главным образом, на подготовке и распространении листовок, а также собирали сообщения с мест и тайно проводили собрания.

Часть партийного руководства (В. Пик, В. Ульбрихт и др.) была вынуждена эмигрировать, прежде всего, в Москву, где образовалось

заграничное бюро ЦК КПГ. На VII Конгрессе Коминтерна и на проходившей вслед за ним под Москвой в октябре 1935 г. (названной по конспиративным соображениям «Брюссельской») конференции была разработана новая стратегия. В ее рамках нацистские организации должны были быть ослаблены массовым вступлением в них коммунистически настроенных рабочих. Эта стратегия предусматривала также отказ от критики социал-демократов и создание единого с ними рабочего антифашистского фронта.

Так, коммунисты призывали рабочих участвовать в выборах на предприятиях в «Советы доверенных», чтобы в них бороться за права рабочих. Однако большого успеха это не принесло. Протест рабочих был ограниченным и направлялся не против нацистского режима, а против недостатков на производстве.

«Брюссельская» конференция КПГ трезво оценила положение, признав «победу фашизма» и выдвинув более реальную тактику выживания. Героическое, но полностью бесперспективное открытое сопротивление отдельных личностей было запрещено. Партийный аппарат был разделен на небольшие самостоятельные группы. Сторонники нелегальной КПГ сохраняли связи между собой, слушали иностранное радио, повышали свое мировоззренческое образование. Так, например, действовала молодежная коммунистическая группа в одном из трудовых лагерей недалеко от Дрездена, группа Йона Зига в Берлине и др. Благодаря этому, некоторые нелегальные группы коммунистического Сопротивления сохранились до конца Третьего рейха, но реально воздействовать на сложившееся положение вещей не могли.

Забота о самосохранении стала формой деятельности и других групп, связанных с рабочим движением, главным образом — социал-демократических. После роспуска профсоюзов, запрета СДПГ и эмиграции партийного руководства, ее сторонники стремились сохранить социалистическую традицию рабочего движения. Только отдельные разобщенные организации, такие как, например, независимая от СДПГ «Новое начинание» развивали нелегальную деятельность. Ее членом был и будущий канцлер ФРГ Вилли Брандт. Они занимались образованием своих членов и пытались в духе лозунга о «едином антифашистском фронте» установить контакты с коммунистическими группами, но к 1936 г. были практически полностью уничтожены.

Заграничное бюро СДПГ, образованное в Праге, а затем переместившееся во Францию, снабжало нелегалов документами, собирало сведения о внутреннем положении Германии и знакомило с ними ми-

ровую общественность. В 1936 г. в Париже было провозглашено создание Комитета народного фронта с участием видных коммунистов и социал-демократов (В. Пик, ***Рудольф Брайтшайд***, 1874–1944). Создание комитета поддержал и ряд немецких писателей: Л. Фейхтвангер, ***Арнольд Цвейг*** (1887–1968), Г. Манн. Но реального сотрудничества не получилось: слишком живучими оказались старые разногласия между коммунистами и социал-демократами. Более успешной для дела оказалась совместная работа между ними в подполье.

Представители христианских, либеральных и социалистических профсоюзов тоже искали возможность действовать совместно. Они обменивались книгами, делились листовками и сохранили «Нелегальное имперское руководство немецких профсоюзов» как постоянный орган в Германии. Из рядов католического рабочего движения выделялся кружок Сопротивления в Кёльне под руководством Отто Мюллера, Бернхарда Леттерхауза и Николауса Гросса. Они энергично выступали против попрания прав католиков и католического вероисповедания. Но нацистский режим так же неуклонно преследовал и сторонников некоммунистического рабочего движения. К этому добавлялась растущая изоляция участников Сопротивления по мере внутри- и внешнеполитических успехов нацистского режима.

Поэтому действия противников Третьего рейха не наносили ему существенного ущерба. Но нацистское руководство тщательно регистрировало все проявления недовольства или осуждения режима на предприятиях. А оно сохранялось и даже росло. Из-за недостаточного материального обеспечения, удлинения рабочего дня, плохих условий работы рабочие снижали темп работы («болтались»), намеренно производили брак, прикидывались больными, критиковали распоряжения «начальства». Но целенаправленных или массовых забастовок почти не было. Превалировали отдельные, чаще всего спонтанные акции. Причинами этого были: ликвидация традиционных рабочих организаций, устранение безработицы, социальная активность Трудового фронта, страх перед репрессиями и всепроникающая нацистская пропаганда.

Оппозиция Гитлеру в буржуазных, национально-консервативных и военных кругах формировалась дольше, чем у коммунистов и социалистов. Первые центры сопротивления оформились среди офицеров, дипломатов, высшей бюрократии и независимых интеллектуалов летом 1938 г. под впечатлением «кризиса Бломберга–Фрича», когда Гитлер стал главнокомандующим, а на горизонте обозначилась угроза войны.

Политическая оппозиция стала формироваться вокруг ***Карла Гёрделера*** (1884–1945), который до 1937 г. был обер-бургомистром Лейпцига. Военную оппозицию возглавил Людвиг Бек, бывший до октября 1938 г. начальником Генерального штаба сухопутных войск. От Бека контакты шли к полковнику ***Хансу Остеру*** (1887–1945) в службе разведки вермахта (абвер), которые успешно прикрывались ее шефом — адмиралом ***Вильгельмом Канарисом*** (1887–1945). Зарубежные контакты поддерживались ***Адамом фон Трот цу Зольцем*** (1909–1944) и др. ***Ханс фон Доναньи*** (1902–1945), как референт военного министерства и позднее как сотрудник Остера, систематически собирал информацию о преступлениях нацистского режима. Было запланировано произвести арест Гитлера и предать его верховному имперскому суду.

Заговорщики делали все, чтобы западные страны рассматривали их как некую альтернативу нацистскому режиму. Они выражали готовность к кооперации с Западом после ликвидации нацизма. Западные же страны шаг за шагом сдавали перед Гитлером свои позиции, подтверждая тем самым легитимность его действий на международной арене и усиливая власть нацистов. Как считают многие немецкие историки, успех Гитлера в Мюнхене в 1938 г. был тяжелым ударом для консервативной немецкой оппозиции. Он на долгое время парализовал ее.

4. Внешняя политика нацистской Германии: «старый» и «новый» империализм (1933 — сентябрь 1939 г.)

Внешнеполитические планы нацистов формировались под воздействием поражения Германии в Первой мировой войне. Большое влияние на них оказали «старые», конца XIX — начала XX в. пангерманские идеи и империалистические планы «натиска на Восток» для создания там обширной колониальной империи. Определенную роль в нацистских представлениях о будущем «новом порядке» в Европе играли немецкие проекты создания «Срединной Европы» под эгидой Германии. Но под воздействием человеконенавистнической расовой идеологии нацистов «новый» империализм гитлеровской клики отличался особым разрушительным качеством.

Прежде всего это касалось завоеваний на Востоке. В них не оставалось ничего от элементов «цивилизаторской миссии» или «патронажа» над отсталыми народами, имевшими место в колониальной политике XIX в. Колониальная империя на Востоке (в первую очередь, территория Советского Союза) должна была служить богатым источником рабского труда, огромных материальных ресурсов, а ее земля — объектом эксплуатации и расселения «избыточного» населения Германии. В то же время восточная колониальная империя рассматривалась как непременное условие господства и воплощения немецких планов «нового порядка» в остальной части Европы и в мире.

Нацистский «новый порядок» не был прописан в деталях, он поспешно разрабатывался в период Второй мировой войны, но его предварительным условием и содержанием должно было стать обеспечение господства «арийской» расы, «удаление» из Европы (путем вытеснения на Восток или убийства) «неполноценных рас», подавление своих политических противников.

Во внешнеполитической стратегии Гитлера с наибольшей силой проявлялся авантюризм и фанатизм, свойственный национал-социализму в целом. Ее проведение в жизнь с неизбежностью должно было привести европейское общество к военной катастрофе. Нацисты желали этого, ибо идеология войны лежала в основе их мировоззрения. Осуществлению этих планов мог помешать только решительный отпор со стороны других государств, особенно западных, с силой которых Гитлер был вынужден считаться. Поэтому «успехи» германской внешнеполитической деятельности и дипломатии 30-х гг. можно понять только в контексте реакции на нее других стран, прежде всего великих держав.

Нацистское правительство использовало весь антисоветский заряд внешнеполитического курса западных стран (и не только их). «Фюрер» постоянно заявлял о том, что лишь его страна способна стать эффективным защитником европейской цивилизации на пути у «большевистских орд», но при условии неуклонного усиления Германии.

При осуществлении своей стратегии нацистский режим допускал тактические маневры и временные уступки. Он прибегал к демагогии плебисцитов, не чураясь также использовать подлоги, провокации, организацию в других странах заговоров и путчей. Для своих целей он беспрецедентным образом использовал немецкое население в других странах («фольксдойче»), сделав его, по существу, заложником своей политики.

В довоенной внешней политике нацистской Германии можно выделить два периода: более мирный, или «ревизионистско-традиционный», период 1933–1936 гг., когда ревизия Версальского договора осуществлялась в значительной степени традиционными средствами дипломатии. Для нацизма этот этап был лишь промежуточной ступенью к его политике завоеваний. Второй период — 1937–1939 гг. являлся фазой экспансии и непосредственной подготовки к войне.

Внешняя политика в 1933–1936 гг.

Когда нацисты пришли к власти, многим поначалу казалось, что внешняя политика Германии мало изменится. Важнейшие посты во внешнеполитическом и военном министерствах занимали консерваторы. Министерство иностранных дел возглавил дипломат старой школы ***Константин фон Нейрат*** (1873–1956). Нацисты полностью взяли на вооружение планы консерваторов относительно восстановления армии и пересмотра Версальского договора. Они заимствовали идею аншлюса Австрии, а также создание, на случай блокады, автаркического хозяйства. Все это укладывалось в колею старой империалистической политики Германии.

Поначалу нацисты делали мало заявлений о своем внешнеполитическом курсе. На первых порах, по возможности, Гитлер стремился избегать международных конфликтов. Перед внешнеполитическими органами была поставлена задача прикрывать начавшееся вооружение Германии. Первые внешнеполитические шаги гитлеровского правительства успокоили зарубежье: 5 мая 1933 г. был пролонгирован Берлинский договор с Советским Союзом от 1926 г.; с удовлетворением была воспринята гитлеровская «речь о мире» от 17 мая и другие действия. Наконец, благожелательно было воспринято заключение конкордата с Ватиканом 20 июля 1933 г., особенно правительствами Италии и Испании.

Первым симптомом изменения политики Германии стал уход немецкой делегации с Женевской конференции по разоружению. Этот шаг выглядел оправданным, так как Франция и Англия отвергли требование Германии уравнять ее по вооружениям. На самом деле он отвечал логике тайно вынашиваемых Гитлером планов вооружения. Под предлогом нарушения равноправия Германия заявила 14 октября 1933 г. о своем выходе из Лиги Наций. Позиция нацистского правительства была поддержана «народным плебисцитом» 12 ноября 1933 г. Этот факт укрепил авторитет правительства и его стремление действовать более решительно.

С 1934 г. во внешней политике Германии явно прослеживается стремление к отказу от международной кооперации и к заключению двусторонних соглашений с соседями на Востоке и Юге Европы (главным образом в области внешней торговли и валютной политики). Это развязывало руки в международных делах, помогало изолировать соседей друг от друга и применить прессинг к каждому из них индивидуально.

Ярким примером такой «билатеральной» тактики стало заключение в январе 1934 г. на 10 лет пакта о ненападении с Польшей. Это соглашение ни в коем случае не означало отказа Берлина от будущей ревизии восточных границ, оно нужно было немецкой стороне для ослабления позиций СССР, а также Франции, как союзника Польши.

Старые кадры во внешнеполитическом ведомстве были не прочь поддержать нацистов и в их стремлении присоединить Австрию. Но 25 июля 1934 г., когда австрийские нацисты убили канцлера Э. Дольфуса, эта попытка окончилась неудачей. Спустя полгода эта неудача немецкой дипломатии была компенсирована присоединением Саарской области, находившейся под управлением Лиги Наций. Проведенный там в январе 1935 г. в соответствии с Версальскими договоренностями плебисцит о дальнейшей судьбе области показал, что 91 % жителей готовы войти в состав Третьего рейха. Это был первый внешнеполитический успех Гитлера.

Присоединение Саара было использовано Германией для дальнейшего разрушения Версальской системы. В марте 1935 г. в стране была введена всеобщая воинская повинность. Численность «оборонительной» армии мирного времени — вермахта достигла полумиллиона солдат. Армия получила 1500 самолетов и сильный военно-морской флот. Это был основательный подрыв Версальских ограничений.

Однако в этот раз западные державы дали Гитлеру понять, что они не потерпят столь вызывающего пересмотра статей Версальского договора. На международной конференции 1935 г. в итальянском городе Стреза правительства Франции и Англии, при поддержке Муссолини, договорились о совместном противодействии Германии в случае «возможных в будущем односторонних действий и нарушении договоренностей». И хотя в результате было принято лишь коммюнике общего характера, создавалось впечатление, что Третий рейх был изолирован в международном плане, что ему поставлены ограничения в его ревизионистских устремлениях.

Нельзя сказать, что европейские державы в целом ничего не делали для отпора нацистской Германии. Чтобы укрепить свое междуна-

родное положение и улучшить диалог с западными странами, 18 сентября 1934 г. Советский Союз вступает в Лигу Наций. 2 мая 1935 г. подписывается советско-французское соглашение о военно-политическом сотрудничестве на 5 лет; 16 мая — советско-чехословацкий договор о взаимопомощи. Эти договоры имели целью сдержать наступательную политику Германии.

Но западным странам не удалось создать реального единого фронта противодействия Германии. Причиной этого являлись различные внешнеполитические интересы «Фронта Стрезы». Так, в Англии уже было решено не препятствовать ревизионистским устремлениям Гитлера, если они не будут затрагивать ее интересы. Англию все же беспокоило начавшееся быстрое строительство вооруженных сил Германии. Она была заинтересована в ограничении немецких морских вооружений и пошла на переговоры с Гитлером. Их результатом явилось подписание в июне 1935 г. англо-германского договора по флоту, который предусматривал, что германский военно-морской флот не будет превышать по тоннажу 35 % от английского флота (45 % — вместе с подводными кораблями). Это соглашение вселило в Гитлера надежду на союз с Англией.

Между тем международная напряженность нарастала, продолжался распад Версальско-Вашингтонской системы. Италия в октябре 1935 г. захватила Абиссинию, для того чтобы заложить основы своей «Средиземноморской империи». Нацисты поддержали действия Италии и помогли итальянской экспансии военными материалами и сырьем. Этим Германия хотела ослабить свою изоляцию и перетянуть Муссолини на свою сторону.

Действия Германии остались без внимания западных стран. Нацисты использовали это обстоятельство для следующего шага в нарушении международного порядка — они решили ввести войска в демилитаризованную Рейнскую зону. Считалось, что она делает Германию в случае возможной войны с Францией, уязвимой с военной точки зрения. Гитлер «решил» эту проблему не путем дипломатических переговоров, а прямым вводом туда 7 марта 1936 г. 30 тыс. немецких солдат. Итальянский диктатор выступил на стороне Германии. Франция и Англия не рискнули на военные действия. Авантюра Гитлера удалась.

Гражданская война 1936–1939 гг. в Испании стала вторым, после Абиссинии, вооруженным конфликтом, который теоретически мог помешать планам нацистской дипломатии по ревизии послевоенного мира. Поэтому, а также ввиду раздуваемой угрозы «проникновения

большевизма» в Западную и Восточную Европу, Гитлер решил поддержать испанского генерала Франко, выступившего против правительства «Народного фронта».

В Испанию было направлено немецкое войсковое соединение, численностью более 6 тыс. человек, с 96 самолетами, 32 танками и артиллерией, получившее название «Легион Кондор». Спустя год, в апреле 1937 г., самолеты легиона стерли с лица земли басков город Гернику. Нацистам представилась хорошая возможность испытать новые типы оружия, в особенности штурмовую авиацию.

В ходе международных событий 1935–1936 гг. стал быстро оформляться союз Германии и Италии. Муссолини поддержал соглашение между Германией и Австрией от 11 июля 1936 г. о включении в правительство этой республики австрийских нацистов. Новое правительство обещало вести внешнеполитическую линию, считаясь с интересами Германии. Таким образом, была подготовлена почва для аншлюса Австрии.

Растущее взаимопонимание между Германией и Италией проявилось в заключении ими военно-политического соглашения от ***25 октября 1936 г.*** (***«ось Берлин–Рим»***). Государства договорились о разграничения сфер влияния и экспансии: Германия поддерживала Италию в Средиземноморском пространстве, оттягивая тем самым на себя внимание англичан и французов; Германия же могла более свободно действовать в зоне своих первостепенных интересов — в Центральной и Восточной Европе. Агрессивные планы Берлина и Рима получили полную поддержку и в Токио. Поэтому месяц спустя, ***25 ноября 1936 г.***, в Берлине был подписан так называемый ***«Антикоминтерновский пакт»*** между Германией и Японией, официальной целью которого провозглашалось сотрудничество в борьбе против деятельности Коммунистического Интернационала.

В целом Германии удалось к середине 1930-х гг. преодолеть внешнеполитическую слабость, расширить пространство для маневров на международной арене и к весне 1938 г. создать предпосылки для продвижения в Центральную Европу.

Этому способствовала позиция западных держав, проводимая ими политика невмешательства. Италия договорилась с нацистами относительно Австрии и своих интересов. Англия была «умиротворена» признанием ее первенства как колониальной державы. Франция во внешней политике была младшим партнером Англии и двигалась в ее фарватере. США проводили политику изоляционизма. С Парижем и Лондоном Вашингтон объединял глубоко укоренившийся антиком-

мунизм и стремление использовать Германию как «укрепленный вал против мирового большевизма».

Нацистская политика выигрывала еще и потому, что в тот период все западные страны находились под влиянием мировой экономической депрессии и были погружены в собственные экономические, политические и социальные проблемы.

Советский Союз выказывал готовность к участию в формировании системы коллективной безопасности против немецкой экспансии. Но западные страны отвергли его предложение. На это их подтолкнули нежелание сотрудничества с большевизмом и надежда на то, что экспансия Германии развернется в восточном направлении — именно против него.

Средние и малые государства Центральной, Восточной и Южной Европы больше не были уверены, что их безопасность будет и дальше опираться на твердую поддержку со стороны западных стран. С 1936 г. во все возрастающей мере они стали тяготеть к Берлину, как к новому центру европейской силы. Это было тем более понятно, что сотрудничество с Германией сулило им экономические выгоды: немецкий рынок активно потреблял ресурсы и продовольствие этих стран в обмен на кредиты и помощь в индустриализации.

Экспансия и подготовка войны. 1937 — 1 сентября 1939 г.

Провал идеи создания общеевропейской системы безопасности, укрепление нацистского режима внутри страны и на международной арене позволили Гитлеру сделать в последующие годы те шаги, которые привели к кризису международных отношений в Европе и, в конечном итоге, подготовили новую мировую войну.

Для утверждения сильного положения Германии в Европе решающее значение, по мнению нацистских дипломатов, имели дальнейшие поиски союзников. «Ось Берлин-Рим» считалась недостаточно прочной. Самым надежным представлялся союз с Англией, от которой следовало добиваться согласия с нацистскими планами экспансии на континенте. Гитлеровский посол в Лондоне ***Иоахим фон Риббентроп*** (1893-1946) настойчиво работал в этом направлении. Однако дальше заключения соглашения по флоту дело не пошло.

Тогда Риббентроп стал активно работать с Италией и Японией над формированием «треугольника Берлин-Рим-Токио», чтобы побудить эти государства к основательному пересмотру их внешней политики в ущерб Великобритании. В ноябре 1937 г. к Антико-

минтерновскому пакту присоединилась Италия, в феврале–марте 1939 г. — Венгрия и Испания. Потом его членами станут Болгария, Финляндия, Румыния. Таким образом, пакт де-юре оформил складывавшийся с начала 30-х г. блок стран-агрессоров, который под предлогом борьбы с мировым коммунизмом вел подготовку к новой мировой войне.

В ноябре 1937 г. на встрече с руководителями министерства иностранных дел и вермахта Гитлер дал понять, что будет переходить к военным завоеваниям, не оглядываясь на Англию. При этом он заявил, что «вопрос о жизненном пространстве для немцев должен быть решен не позднее 1943–1945 гг.» и что для этого необходимо покорить Австрию и Чехию, овладев их человеческими и материальными ресурсами. Гитлер заверил слушателей, что завоевание Чехословакии не вызовет ответных действий со стороны Запада.

Планы Гитлера относительно Чехословакии выходили далеко за пределы старых немецких экспансионистских планов. Гитлером были отвергнуты осторожные и чисто военные возражения против них, высказанные военным министром Бломбергом и верховным главнокомандующим сухопутной армии Фричем. Последовала их отставка («кризис Бломберга–Фрича»). Одновременно диктатор заменил консервативного политика, министра иностранных дел Нейрата, на нациста Риббентропа. Эти события означали усиление национал-социалистов в ущерб старым консерваторам во внешнеполитическом и военном ведомствах.

Начинается экспансионистская фаза внешней политики нацистов, приведшая к новой мировой войне. Эту фазу можно понять только в тесной связи с политикой Запада. В ноябре 1937 г. лорд Галифакс (будущий министр иностранных дел Англии в правительстве Чемберлена) в беседе с Гитлером дал понять, что Лондон не будет возражать против изменения границ Австрии и Чехословакии в пользу Германии. Он также сказал о готовности Англии обсудить вопрос о вольном городе Данциге (Гданьске), находившемся на территории Польши под защитой Лиги Наций (Германия требовала его возвращения). Это предложение было началом политики «умиротворения» Германии со стороны западных держав, которую с 1937 г. стал решительно проводить новый премьер-министр Англии Невилл Чемберлен.

Австрия оказалась первым независимым государством, подвергшимся захвату нацистами. Они использовали невиданные ранее методы давления на австрийское руководство: от провокаций австрийских фашистов до требования включить своих людей в

правительство. Так, министром иностранных дел и государственной безопасности Австрии стал гитлеровский ставленник ***Артур Зейсс-Инкварт*** (1892–1946).

Западные страны и Италия не оказали никакой помощи австрийскому канцлеру Шушнигу в попытках сохранить независимость страны. После ухода его в отставку, права канцлера присвоил Зейсс-Инкварт и «попросил» германское правительство ввести войска в республику. 12 марта 1938 г. немецкие войска оккупировали Австрию. В стране был развязан настоящий террор против всех политических противников. На следующий день Гитлер подписал «Закон о воссоединении Австрии с Германией» («аншлюс»). Он превращал Австрию в немецкую провинцию «Восточная марка». С этого момента термин «аншлюс» приобрел окраску насильственного захвата территории.

Немцы и подавляющее большинство австрийцев расценило это как огромный успех Гитлера. Западные страны обошлись ничего не значащими заявлениями, а Муссолини выразил удовлетворение аншлюсом. Только Советский Союз выступил с предостережениями и призвал к мерам коллективной безопасности. Но его голос не был услышан Западом. С присоединением Австрии улучшилось геополитическое положение Германии в Центральной Европе, расширились экономические и людские ресурсы, облегчалось продвижение Германии в юго-восточном направлении.

Фактическое согласие Англии и Франции с аншлюсом Австрии вдохновило правительство Германии на действия против Чехословакии. Она стала второй жертвой нацистской экспансионистской политики. Как и в случае с Австрией, Гитлер стремился держать чехословацкое правительство под постоянным давлением.

На этот раз заложником нацистской политики стало более чем двухмиллионное немецкое население, проживавшее главным образом в Судетской области Чехословакии. Фашистская пропаганда трубила об «угнетении» немцев в Чехословакии, о «подавлении их прав» и требовала передачи этой области Германии. 6 сентября 1938 г. на партийном съезде в Нюрнберге, носившем название «Великая Германия», Гитлер, как никогда прежде, резко атаковал чехословацкое правительство. Он называл его «террористическим», «преступным» и открыто пригрозил военной расправой в случае отказа от решения Судетского вопроса по своему варианту. Одновременно сходные претензии Гитлер выдвинул по отношению к Польше и Венгрии.

Чехословацкое правительство президента Бенеша, тем не менее, решило твердо противостоять попыткам расчленения страны. Совет-

ский Союз также подтвердил Чехословакии свои союзнические обязательства по отношению к ней. В этих условиях Гитлер был вынужден отступить и прибегнуть к посредничеству Англии и Франции.

Английская дипломатия — в лице премьер-министра Н. Чемберлена и французская — в лице главы правительства Э. Даладье в ходе нескольких встреч попыталась склонить Чехословакию к соглашению с Гитлером. Несмотря на это, 21 сентября 1938 г. чехословацкое правительство отвергло передачу Судетской области Германии. Но одновременно оно отказалось и от предложения СССР о помощи. До сих пор остается открытым вопрос о реальной возможности помощи со стороны Советского Союза, который не имел общих границ с Чехословакией.

Немецкое правительство, чувствуя себя уверенно, выдвинуло ультиматум, согласно которому Судеты должны были быть переданы Германии не позднее 2 часов дня 28 сентября 1938 г. Одновременно нацисты продолжали пропагандистскую обработку своего народа и европейской общественности. Выступая на грандиозном митинге во Дворце спорта, Гитлер заявил о стремлении присоединить Судеты любой ценой. Чтобы успокоить Запад, Гитлер заявил одновременно, что «Судеты будут последним территориальным притязанием Германии».

Когда был получен отрицательный ответ чехословацкой стороны, Гитлер, как Верховный главнокомандующий, отдал приказ о выдвижении на границу с Чехословакией 19 дивизий для подготовки нападения. Они стояли там, в ожидании приказа о начале наступательной операции. Однако его не последовало. Буквально в последние минуты западным странам удалось добиться от Муссолини согласия на посредничество при решении конфликта. Гитлер решил принять это предложение, чтобы не выглядеть поджигателем войны в глазах своего народа и мировой общественности. Вопрос о Судетах решался без участия Чехословакии, и соглашение между Германией, Италией, Англией и Францией выглядело как сговор против суверенного государства.

29–30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась конференция глав правительств Германии, Англии, Франции и Италии: Гитлера, Чемберлена, Даладье и Муссолини, где было достигнуто так называемое ***Мюнхенское соглашение***. Согласно ему, с 1 по 10 октября 1938 г. Чехословакия должна была очистить Судетскую область от своей армии и управленческих структур. Великобритания и Франция выступали гарантами оставшейся части Чехословакии в случае нападения на

нее. Германия и Италия присоединялись к этим гарантиям после урегулирования проблемы польского и венгерского меньшинств.

Мюнхенское соглашение по Чехословакии означало катастрофу для этого государства. Оно было принесено в жертву «политике умиротворения» западных стран. С момента конференции вопрос о ликвидации «остатков» Чехословакии был лишь вопросом времени.

Дальнейшие цели немецкой внешней политики были сформулированы поздней осенью 1938 г. в двух тайных выступлениях нацистских руководителей. От имени фюрера Гиммлер заявил перед высшим руководством СС, что «Гитлер создает такую великую германскую империю, которая еще неизвестна истории, и это означает покорение всего мира». Позднее, в доверительной беседе с узким крутом избранных журналистов, Гитлер сказал им, что время мирной пропаганды, которой занимался Третий рейх из внешнеполитических соображений, прошло, что немецкий народ надо постепенно психологически переориентировать на понимание того, что есть проблемы, которые «не поддаются мирному решению, и их надо решить военным путем».

Осенью 1938 г. были подготовлены распоряжения по ликвидации остатков Чехословакии, а также по захвату немецкими войсками автономной Мемельской области Литвы и аннексии города Данцига.

24 октября 1938 г. Германия предложила Польше возвратить Данциг под управление Германии, создать коридор на польской территории для свободного сообщения с Восточной Пруссией, продлить пакт о ненападении от 1934 г. на 25 лет и вступить в Антикоминтерновский пакт. С этого времени Польша становится следующим объектом давления Германии.

То, что Гитлер был настроен на войну, и только на нее, показывает его выступление перед руководством армии 10 февраля 1939 г. Успехи 1938 г. он оценивал лишь как промежуточный этап своих далеко идущих планов: «Мы должны снова восстановить то, что утратили три столетия назад... Со времени Вестфальского мирного договора наш народ пошел дорогой, которая уводила нас все дальше от великой державы к нищете и политическому обессиливанию». Далее он заявил, что «обновление, которое началось в Германии с 1933 г., — это не конец, а лишь начало нового пути». Гитлер прямо заявил, что «следующая война будет мировоззренческой войной, а это означает, что она будет народной, расовой войной».

Это выступление свидетельствовало, что программа нацизма выходила далеко за пределы империалистической программы, сфор-

мулированной старой консервативной элитой. Когда Гитлер говорил о «мировой державе», он представлял ее не как равную среди других, а как господствующую над всеми, значит, — над всем миром. В этой связи понятно, почему в конце января 1939 г. правительство отдало распоряжение о строительстве мощного надводного флота, а в марте создало имперское колониальное ведомство.

Гитлер уже принял решение в самое короткое время покончить с «остатками» Чехословакии. 14 марта 1939 г. он пригласил чешского президента Э. Гаху в Берлин и, угрожая вторжением в страну вермахта, принудил его к капитуляции. 15 марта 1939 г. немецкие войска оккупировали «остальную Чехию», как говорили немцы. Под названием «Протекторат Богемии и Моравии» эти старинные чешские земли были включены в состав Третьего рейха. В тот же день (формально — по просьбе словацкого президента Й. Тисо) Германия взяла на себя «защиту» Словакии, которая фактически стала марионеточным государством.

Успех аннексии «остатков» Чехословакии воодушевил немецкое правительство, и характер требований к восточным соседям Германии стал ультимативным. От Литвы она немедленно потребовала возвращения Мемельской области, и уже 23 марта 1939 г. немецкие танки вошли на ее территорию. Толпа местных жителей приветствовала возращение бывшей части Восточной Пруссии в немецкий рейх. За сравнительно небольшой промежуток времени Германии удалось, таким образом, повернуть международные дела в благоприятное для себя русло. Этому содействовала позиция западных держав.

События весны 1939 г. показали, что нацистская Германия не устоит ни перед чем, чтобы осуществить свои агрессивные замыслы. Даже на Западе все меньше оставалось политиков, которые питали иллюзии относительно «мирных намерений» нацистов. Англия и Франция 22 марта 1939 г. договариваются между собой о взаимопомощи в случае нападения другой страны.

Третий рейх активно готовил почву для нападения на Польшу и искусственно усиливал напряжение в польско-германских отношениях. 21 марта 1939 г. Германия предъявила Польше ультиматум о безоговорочном возвращении Данцига. В ответ на это Англия заявила о поддержке Польши (консультативный пакт от 23 марта и гарантии сохранения ее территориальной целостности от 31 марта 1939 г.). Еще раньше гарантию ее поддержки выразила Франция. «Спор о Данциге» был в действительности лишь поводом для давно запланированной агрессии против Польши.

Польша отвергла ультиматум. Тогда командование вермахта разрабатывает план военной кампании против Польши с предполагаемым началом —1 сентября. Вся предыдущая политика западных стран убеждала нацистского диктатора, что они не намерены давать серьезный отпор Германии. В их правящих кругах царило убеждение, что следующим объектом агрессии будет СССР. Даже выступление 28 апреля 1939 г. Гитлера в рейхстаге, где он объявил о расторжении германо-польского пакта о ненападении, а также соглашения по флоту с Англией, не переубедило их.

Германия предприняла усилия к дальнейшему укреплению отношений с Италией, подписав с ней ***22 мая 1939 г.*** военно-политический договор, так называемый ***«Стальной пакт»***, тайный дополнительный протокол которого предусматривал взаимную дипломатическую и военную помощь в случае агрессии третьей державы. «Ось Берлин–Рим» получила военное оформление.

После Мюнхенского соглашения и оккупации Чехословакии СССР разуверился в возможности установить с Западными державами эффективную систему коллективной безопасности и отпора агрессивным действиям Германии. В марте 1939 г., выступая на XVIII съезде ВКП(б), Сталин дал понять, что при разногласиях с нацистским режимом, Англия и Франция больше не могут рассчитывать на советскую помощь.

С апреля 1939 г. начинается потепление отношений между СССР и Германией. Обе страны были в этом заинтересованы, так как ни та, ни другая еще не были готовы к войне друг против друга. Гитлер говорил: «СССР — слишком крепкий орешек. Не с него я буду начинать». Все же Советский Союз не полностью переориентировался на Германию, а взаимодействовал некоторое время и с ней, и с западными странами.

Оказалось, что Германия могла предложить Советскому Союзу больше, чем западные страны и их союзники. Переговоры СССР с Англией и Францией о взаимопомощи в случае войны, которые проходили в Москве весной–летом 1939 г., оказались в точке замерзания. В этих условиях Советский Союз сделал резкий поворот к сближению с Германией. Советское правительство взамен М. М. Литвинова назначило министром иностранных дел более влиятельного политика — председателя СНК В. М. Молотова, которому и поручило вести переговоры с Германией.

Германия тоже была заинтересована в сближении с СССР, так как Гитлер не был вполне уверен, что Англия и Франция не выполнят

был для нее, по словам российского историка Д. М. Проэктора, «...во-первых, формой нажима на Англию и Францию... и одновременно демонстрацией Польше безнадежности ее положения. Во-вторых, средством обеспечения тыла в случае войны на европейском Западе. В-третьих, способом дезориентации Советского Союза перед неминуемой войной с ним».

Гитлер еще до подписания пакта, 22 августа 1939 г., на совещании высших офицеров германской армии, флота и авиации заявил: «Прежде всего будет разгромлена Польша. Я дам пропагандистский повод для начала войны». Таким поводом стала инсценировка войсками СС нападения «поляков» на немецкую радиостанцию в пограничном городе Глейвице 31 августа 1939 г.

5. Германия в годы Второй мировой войны. Крах нацизма

1 сентября 1939 г. в 4 часа 45 минут немецкие войска вторглись в Польшу. 3 сентября войну Германии объявила Англия, а 4 сентября — Франция. Затем к войне присоединились страны Британского содружества. Авантюризм Гитлера привел его к тому, чего он больше всего опасался — к угрозе войны на нескольких фронтах. Несмотря на нейтралитет, президент ***Франклин Рузвельт*** (1882-1945) дал понять, что материально и психологически США будут поддерживать западные страны. Советский Союз в перспективе тоже представлял угрозу для Германии, ибо Сталин рассматривал пакт о ненападении как тактический союз.

Вторжением в Польшу было положено начало Второй мировой войне, которая была порождена идеологическими установками национал-социализма на завоевание «жизненного пространства» и покорение народов Европы. Тут надо подчеркнуть, что действия нацистов в этом направлении опирались на готовность к инициативам и послушанию со стороны вермахта и его руководства. С нацистами активно сотрудничали не только новые, но и старые слои служащих, дипломатов и предпринимателей. Последние были особенно заинтересованы в военных прибылях. Война такого масштаба не могла состояться без лояльного отношения миллионов рядовых немцев к нацистскому режиму. В годы оккупации Европы нацисты опирались также на коллаборационизм части властных структур и населения захваченных стран.

Преобладание на континенте (1 сентября 1939 — 22 июня 1941 г.)

Немецкое вторжение в Польшу со стороны Восточной Пруссии и Померании оставило мало шансов польской стороне. Превосходящим силам вермахта удалось прорвать польскую оборону, атаковать подвижными соединениями польские войска в глубоком тылу и захватить господство в воздухе. Немецкие бомбардировщики атаковали не только военные объекты, узлы путей сообщения, но и города, деревни, колонны беженцев.

Отдельные польские соединения оказали ожесточенное сопротивление, солдаты и добровольцы героически обороняли Варшаву, где в результате массовых бомбардировок погибло 20 тыс. жителей. Но перевес сил Германии был слишком велик. 17 сентября польское правительство бежало в Румынию, где было интернировано.

Союзники Польши — Англия и Франция — фактически ее предали. Всю польскую кампанию их войска отсиживались за линией военных укреплений («линия Мажино»). Фактическое бездействие союзников Польши помогло Германии беспрепятственно расправиться с этой страной, а также подготовить мощный удар по самой Западной Европе.

Первую «молниеносную войну» немцы выиграли. Осуществилась мечта Гитлера «стереть Польшу с лица земли». Польское государство было уничтожено, а его области — расчленены. Часть польских земель, включая Данциг, вошла в состав «Великогерманского рейха», образовав новые области (гау). Остальная часть была названа «генерал-губернаторством» и, по сути, превращена в колонию для военно-экономической эксплуатации. Немцы получили в свое распоряжение польское хозяйство и 1 млн польских «иностранных рабочих» для Третьего рейха, занятых, главным образом, принудительным трудом. 26 октября 1939 г. генерал-губернатором был назначен *Ханс Франк* (1900–1946), с именем которого связано массовое уничтожение польского и еврейского населения.

Уже во время военных действий в Польше проявился нацистский характер войны на Востоке как «расово-идеологической войны на уничтожение». Следом за солдатами вермахта шли специальные «оперативные отряды» (айнзацгруппы) СС. Их действия были направлены на подавление сопротивления режиму, превращение поляков в рабов рейха, преследование евреев. Уже в первый месяц войны нацисты провели в Польше 394 массовые казни, жертвами которых стали 10 тыс. польских граждан.

«Германизация» новых территорий сопровождалась искоренением польской интеллигенции и концентрацией евреев в огромных гетто (среди других — в Варшаве). Образование больших еврейских гетто стало предисловием к более поздней физической ликвидации еврейского населения.

17 сентября 1939 г., в соответствии с секретным протоколом к «пакту Молотова–Риббентропа», советские войска заняли восточные области Польши. На демаркационной линии между ними и немецкими войсками состоялись совместные встречи и парады. Следом, *28 сентября 1939 г.*, министры иностранных дел СССР и Германии подписали *«Договор о дружбе и границе»*, где во втором, секретном, протоколе более точно определили области своих интересов. Немецкая сторона присоединяла к рейху земли от Везеля до Буга. Зоной советского влияния считались Финляндия, Эстония, Латвия и Литва, причем СССР попросил и получил «обмен» части восточной Польши на Литву.

Таким образом, два тоталитарных государства произвели «четвертый раздел Польши», после чего два года «дружбы» между ними ознаменовались очень выгодными для Германии крупными поставками стратегических материалов и продовольствия из Советского Союза. По соглашению от 11 февраля 1940 г. Германия должна была получать из СССР медь, никель, олово, вольфрам, молибден и кобальт. С марта 1940 г. начались поставки около тысячи тонн нефти в день. Все материалы неуклонно поставлялись до 22 июня 1941 г. и составили 90,3 % от согласованного объема экспорта. Германия выполнила свою квоту поставок на 81,5 %. Советский Союз получил некоторые виды вооружений, стальные трубы и уголь.

Политической целью Германии в этом сотрудничестве было обеспечение нейтралитета СССР во время начала военной кампании на Западе. Нацисты хотели также усилить доверие Советского Союза к Германии, особенно в свете начавшейся активной разработки планов гитлеровского нападения на Советский Союз.

В конце 1939 г. специальные службы по проблемам «немецкой народности» начали разработку общей концепции германизации оккупированных восточных областей и тех, которые будут покорены в будущем. Так родился человеконенавистнический «Генеральный план Ост», который предусматривал создание на территории разгромленной Польши и, особенно, Советского Союза обширной колонии из немецких поселенцев. «Неполноценные народы», согласно плану, должно были либо «отправиться» в Сибирь, либо превратиться в рабов или быть уничтоженными.

Но продолжение борьбы за «жизненное пространство на Востоке», то есть с Советским Союзом, было невозможно без основательной подготовки армии и хозяйства. Это было важно и потому, что в действительности Гитлер хотел совместной борьбы Германии и Англии против СССР. Союз с Англией по разным причинам не получался, поэтому было принято решение сначала завоевать Западную и Северную Европу и лишь потом осуществить дальнейший прорыв на Восток. В декабре 1939 г. Гитлер отдал приказ начать подготовку к захвату Норвегии и Дании. Это диктовалось военно-экономическими соображениями: советско-финской войной (30 ноября 1939 — 12 марта 1940 г.), контролем над поставками рудных запасов Швеции, защитой северных флангов Балтийского моря.

9 апреля 1940 г. немецкие войска высадились в Норвегии и Дании. Дания сдалась без борьбы. Норвегия, несмотря на ожесточенное сопротивление, тоже была вынуждена капитулировать 10 июня 1940 г. В стране установился жесткий оккупационный режим во главе с рейхскомиссаром *Йозефом Тербовеном* (1898–1945).

10 мая 1940 г. началась агрессия Германии на Западе. Был нарушен нейтралитет Голландии, Бельгии и Люксембурга. Целью вторжения являлся разгром военных сил и капитуляция Франции, что должно было (по мысли Гитлера) побудить Англию от нее отступиться. В войне на Западе был использован оперативный план *Эриха фон Манштейна* (1887–1973) «подсечки серпом». Армейская группа «Б» на Севере вторглась в Нидерланды и Бельгию. Группа армий «С» ударила с юга, а моторизованные части и танки армий группы «А», поддержанные авиацией, в обход «линии Мажино», мощным рывком обеспечили главный прорыв через считавшиеся непроходимыми Арденны.

Используя внезапность удара, передовые части немецких танковых соединений к 20 мая отрезали стоявшие севернее, во Фландрии, французские, британские и бельгийские войска от основных французских соединений. Приказ Гитлера войскам остановиться у Дюнкерка, чтобы вернуть оторвавшиеся танковые части для основной битвы с Францией, дал возможность британцам до 4 июня эвакуировать из «подсеченных серпом» войск свой экспедиционный корпус и французские части численностью 100 тыс. человек. «Загадка Дюнкерка», когда немецкие войска дали возможность противнику беспрепятственно эвакуироваться за Ла-Манш — до сих пор предмет спора историков. Немецкое командование решило принудить Англию к капитуляции путем более «выгодной» с точки зрения

руководства Германии, усиленной морской и воздушной войны. 15 мая 1940 г. капитулировали Нидерланды, которые были отданы во власть «рейхскомиссару» Артуру Зейсс-Инкварту. 28 мая пала Бельгия, которая вместе с северофранцузским департаментом Норд и Па-де-Кале попала под военное руководство генерала ***Александра фон Фалькенхаузена*** (1878–1966).

Вторая фаза наступления на Запад началась 5 июня 1940 г. на линии от Соммы до Аснея. Французам не удалось стабилизировать фронт из-за хаоса отступающих соединений и массы беженцев. 14 июня 1940 г., фактически без боя, немцы вошли в Париж. В «историческом», доставленном из музея салон-вагоне, где 11 ноября 1918 г. в ходе Первой мировой войны капитулировала Германия, 22 июня 1940 г. в Компьенском лесу было подписано соглашение о перемирии между Германией и Францией. С французской стороны его подписал маршал Петэн, назначенный главой нового французского правительства. Франция была расчленена. Германия оккупировала север Франции, аннексировала Эльзас и Лотарингию, французский флот и армия были демобилизованы. Незанятый нацистами юг остался под управлением марионеточного правительства Петэна с центром пребывания в Виши.

После победы и в этой «молниеносной войне» Гитлер очутился на вершине своего успеха как во внутренней, так и во внешней политике. Все противники и сомневающиеся внутри страны замолчали. Шеф ОКВ Вильгельм Кейтель прославил Гитлера как «величайшего полководца на все времена». Нацистский режим укрепился.

В то же время военный триумф Гитлера на Западе способствовал возрастанию воли к сопротивлению нацистской агрессии со стороны Англии, особенно после того как 10 мая 1940 г. премьер-министром стал ***Уинстон Черчилль*** (1874–1965). При этом Соединенные Штаты все откровеннее выступали в поддержку Великобритании. Надежды нацистов на мир с Англией не оправдались.

В такой ситуации летом 1940 г. в немецком руководстве стали разрабатываться планы принуждения Англии к выходу из войны. 16 июля 1940 г. была издана директива ОКВ о десантной операции против Англии «Морской лев», которая должна была начаться 15 августа. Затем срок был перенесен на сентябрь, а впоследствии вообще отложен в связи с широкой подготовкой к войне против Советского Союза. Тем не менее, руководство нацистской Германии не отказалось от планов выведения Англии из войны. Наряду с подготовкой к высадке десанта, оно решило предпринять воздушную и морскую войну против Великобритании.

Воздушное наступление на Англию проходило в несколько этапов. Первый начался с августа. Его главной задачей было уничтожить истребительную английскую авиацию, поэтому основной удар наносился по аэродромам, командным пунктам и радиолокационным станциям. Второй этап продолжался с 5 сентября до 15 ноября. Главный удар немцы сосредоточили на крупных административных центрах, особенно — на Лондоне, чтобы парализовать руководство страны и запугать население. На третьем этапе воздушной войны (15 ноября 1940 г. — середина февраля 1941 г.) немецкая авиация сосредоточила главный удар на разрушении промышленных центров. Наконец, во второй половине апреля — начале мая 1941 г. было совершено три самых мощных массированных налета на Лондон. И все же немецкая авиация проиграла воздушную войну. Английские ВВС не только не были уничтожены, но продолжали развиваться. Немцам не удалось деморализовать англичан и сломить их волю к сопротивлению. Всего за июль–октябрь 1940 г., по британским данным, на которые ссылается в своих мемуарах У. Черчилль, англичане потеряли 915 истребителей, а немецкая авиация — 2698 самолетов.

Одновременно с воздушным наступлением развернулась и морская война против Англии. Позиции Германии были лучше, так как она получила стратегические преимущества за счет покорения Западной и Северной частей европейского континента, а также поддержку итальянского флота. Морские и воздушные бои над морем развернулись в основном летом 1940 и весной 1941 гг. Немецкие ВМС и ВВС развили большую активность по потоплению флота союзных и нейтральных стран. Усилились действия немецкого подводного флота в охоте за конвойными судами. Боевые действия развернулись и в Атлантике.

Военные действия на море складывались неблагоприятно для Англии. К июню 1941 г. общие потери в тоннаже Англии составили 7,6 млн брт., а английские судоверфи за это время построили новые суда только объемом в 1,4 млн брт. Англии угрожали постепенная утрата торгового тоннажа и полное нарушение судоходства — главной жизненной артерии страны. И все же Англия продолжала наращивать свои военно-морские и военно-воздушные силы. Германия проиграла «битву за Англию».

Последней попыткой побудить эту страну к миру стал полет 10 мая 1941 г. заместителя Гитлера по партии Гесса в Англию, который от имени фюрера предложил Великобритании заключить мир с Германией. Английское правительство отвергло это предложение.

Официальный же Берлин поспешил отмежеваться от этого события, Гесс был объявлен сумасшедшим.

Одновременно с началом военной кампании на Западе в ставке главного командования уже с лета 1940 г. обсуждался план войны против Советского Союза. Он приобретал все более четкие формы по мере того, как становилось ясно, что Англия не собирается сдаваться. Было решено начать войну на Востоке без решающей победы на Западе. Уже с осени 1940 г. началась частичная переброска войск на Балтику и их перегруппировка вблизи советских границ.

18 декабря 1940 г. последовал приказ Гитлера вермахту о начале планирования «быстрой военной кампании против Советской России до завершения войны против Англии», известный как *Директива № 21* или *«план Барбаросса»*. Соответствующие приготовления вменялось сделать до 15 мая 1941 г. Это явно противоречит предпринимаемым до сегодняшнего дня усилиям представить нападение Германии на СССР как «превентивную» войну. Гитлер решил использовать благоприятное «стратегическое окно», пока Красная Армия находилась в стадии модернизации. Как долго будет сохраняться эта благоприятная ситуация для Германии, он не знал. Кроме того, летом 1940 г. началось торможение экономических связей и охлаждение в советско-германских отношениях. Это обстоятельство дополнительно убедило Гитлера, что дольше выжидать нельзя.

«План Барбаросса» предусматривал вероломное нападение на СССР и его разгром в короткой «молниеносной» войне («блицкриг»). Гитлеровцы планировали к осени 1941 г. довести свои войска до линии Архангельск–Волга, разбить с воздуха промышленные центры Урала и таким образом добиться капитуляции Советского Союза.

Стратегия будущего нападения на Советский Союз обусловила действия нацистской Германии и на юге Европы. Там существовала постоянная угроза со стороны Англии, и было особенно важно взять под контроль Балканы, чтобы все силы сосредоточить для предстоящей войны на Востоке.

Военная кампания на Балканах, начавшаяся 6 апреля 1941 г., была сравнительно недолгой. 17 апреля заявила о своей капитуляции Югославия, а 21 — Греция. Только завоевание о. Крит военно-десантными войсками (20 мая — 1 июня 1941 г.) стоило Германии значительных потерь. В Югославии был установлен кровавый оккупационный режим. Ее поражение ускорили хорватские сепаратисты — усташи, которые еще 10 апреля провозгласили «независимое», а на деле марионеточное государство Хорватия. Греция же была занята частично

немецкими, частично итальянскими войсками. Эта военная кампания на шесть ценных для немцев недель отодвинула начало войны против Советского Союза, но не поколебала решимости воевать против него.

Начало войны против СССР. Провал «блицкрига»

22 июня 1941 г. в 3 часа 15 минут утра без объявления войны немецкий вермахт начал наступление против СССР одновременно на суше, на море и в воздухе. Румыния, Италия, Словакия, Финляндия и Венгрия присоединились к этому нападению. Немецкое руководство намеревалось отвоевать у Советского Союза важные для него военные и индустриальные центры, природные месторождения и ресурсы, «излишки» аграрных областей, прежде всего Украины, и заполучить дешевую рабочую силу. По стратегическому плану целью вермахта было молниеносным ударом в течение трех-четырех месяцев разгромить основные силы советских войск, преимущественно загнав их в «котлы» западнее Двины и Днепра, и закрепиться на линии Архангельск–Астрахань. Предусматривалось, что после отвода в октябре 1941 г. основных групп немецких войск, на занятой территории как оккупационная армия останутся 54 дивизии.

В наступление на СССР командование вермахта бросило 153 немецкие дивизии численностью в 3 млн солдат (57 % всех сухопутных войск Германии) и 37 дивизий сателлитов Германии. Ввиду просчетов советского политического руководства, Красная Армия в первые дни и недели войны не смогла дать решительного отпора немецкому нападению. Уже в первые часы военных действий главный удар немецких ВВС пришелся на незащищенные аэродромы, в результате чего была почти полностью выведена из строя советская авиация в соединениях западной группировки войск. Сухопутные части Красной Армии также оказались не готовы к отражению такого масштабного наступления.

В войне с Советским Союзом, как и в кампаниях 1939–1940 гг., вермахтом был использован момент внезапности: превосходство в воздухе, самостоятельно действующие и подвижные танковые части, быстрота и пробивная сила широкозахватных операций. На руку немцам оказались и неблагоприятное для Красной Армии — фронтальное — расположение воинских соединений, и недостаточная подготовка командного состава, связанная с массовыми репрессиями, и др.

Границы Германии
на 1 сентября 1939 г.

своих обязательств в отношении Польши, и ему нужен был крепкий тыл на случай войны с ними. Кроме того, представлялось выгодным экономическое сотрудничество с Советским Союзом.

23 августа 1939 г. Германия и Советский Союз заключили договор о ненападении сроком на 10 лет (***«пакт Молотова–Риббентропа»***). В нем стороны договаривались не применять силу в отношении друг друга, консультироваться по всем спорным вопросам и не поддерживать никоим образом третью державу, если она совершит нападение на одну из сторон. Договор предусматривал отказ участвовать в какой-либо группировке, направленной против одной из сторон. Договор содержал также секретный протокол о разделе сфер влияния за счет Польши, Финляндии, прибалтийских стран и стран юго-восточной Европы.

Этот пакт вызвал шок у всех: у западных стран, у антифашистов, коммунистов, и даже в рядах самих нацистов. Нацистская пропаганда перестала твердить о «еврейском большевизме» и борьбе с ним. Соответственно, в Советском Союзе была прекращена антифашистская пропаганда. Некоторые сторонники Гитлера расценили этот шаг как ревизию политики Германии по отношению к большевистской России, которую Гитлер всегда рассматривал как своего главного врага.

О «пакте Молотова–Риббентропа» написано много трудов. Спор ведется о его значении в развязывании Второй мировой войны. В этом вопросе существуют полярные оценки: от ярко оправдательных мнений до столь же ярко обвинительных. Не вдаваясь в обсуждение вопроса ответственности Советского Союза за развитие событий, приведших к войне, отметим, что с его стороны заключение пакта было попыткой выйти из изоляции перед лицом усилившейся Германии и глубокого недоверия Сталина к «англо-французскому империализму». Сказывалась также давняя неприязнь Советской власти к режиму в Польше и желание получить выгоду от германской агрессии против нее. Что касается Германии, то пакт о ненападении

Все это привело к тому, что в первые недели войны немецкая армия (при ожесточенном, но разрозненном сопротивлении советских воинских частей) продвинулась далеко в глубь страны и захватила большое число военнопленных. В быстром темпе сухопутные части группы армий «Север» овладели Прибалтикой и 8 сентября 1941 г. на 900 дней отрезали Ленинград от остальной части страны. Группа армий «Центр» 16 июля достигла Смоленска. Группа армий «Юг» во взаимодействии с группой «Центр» 19 сентября овладела Киевом, а к октябрю — Донецкой областью и Крымом (кроме Севастополя).

В многочисленных боях с окруженными частями Красной Армии к середине октября немецкие войска захватили в плен около 3 млн солдат и офицеров. Из захваченных за весь период войны 5,7 млн советских военнопленных — 3,3 млн погибли от голода и холода, эпидемий, массовых расстрелов и в концентрационных лагерях, преимущественно в первый год войны. Но ожесточенное сопротивление советских солдат оказалось неожиданным для немцев, обманутых расовой пропагандой нацистов. Несмотря на огромные потери, началось бесперебойное пополнение Красной Армии за счет мобилизации новых ресурсов из глубины страны. У вермахта, в сравнении с предыдущими «блицкригами», был необычайно высок урон боевой техники, особенно танков и самолетов.

2 октября 1941 г. началось наступление на Москву группы армий «Центр» (операция «Тайфун»). Оно разворачивалось медленнее, чем планировалось. Упорное сопротивление Красной Армии, осенняя грязь, а затем — зимние холода (до -30 °С) привели в ноябре к остановке наступления в 30 км от советской столицы. Героическая оборона Москвы продолжалась до 5 декабря 1941 г., когда началось мощное контрнаступление. В результате немецкие войска были отброшены от Москвы на 100–250 км. Они потеряли 120 тыс. человек, около 3 тыс. орудий, 1 тыс. минометов, 1300 танков, 18 тыс. автомашин. Московская битва была проиграна вермахтом. «Козлом отпущения» за проигранное сражение стал главнокомандующий сухопутными силами генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич. 19 декабря 1941 г. Гитлер отправил его в отставку и взял на себя непосредственное руководство военными операциями. В битве под Москвой немецкая армия впервые потерпела столь серьезное поражение. Был нанесен ощутимый удар по мифу «о непобедимости вермахта» и по стратегии «молниеносных войн».

Гитлер с самого начала давал понять военным, что в Советском Союзе будет вестись расово-идеологическая «война на уничтоже-

ние». 30 марта 1941 г. он заявлял о будущей войне с СССР: «Речь идет о борьбе двух мировоззрений. Мы должны с самого начала откреститься от идеи солдатского товарищества. Коммунист и прежде, и в будущем не может быть товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение...».

«Уничтожение» действительно стало лейтмотивом оккупационной политики немецких войск на территории Советского Союза. Это отразилось, например, в законе о военных судах в области действия «плана Барбаросса», а также в знаменитом «приказе о комиссарах» от 6 июня 1941 г. Приказ предусматривал расстрел комиссаров на месте без суда и следствия, вопреки всем правилам войны, признанным и Германией. Исполнительными органами войны на уничтожение стали действовавшие в тылу четыре «айнзацгруппы». Некоторые армейские соединения обеспечивали им не только поддержку, но и сами участвовали в карательных операциях.

Военные действия гитлеровской армии сопровождались открытым грабежом ресурсов и культурных ценностей (427 музеев), принудительным угоном гражданского населения на работы в Германию. По материалам Нюрнбергского процесса всего было угнано более 4 млн советских людей.

Массовые расстрелы и депортации населения способствовали организации на оккупированных территориях партизанского движения. Борьба оккупационных войск и партизан приобретала с обеих сторон все более ожесточенный характер. Ответом на партизанские вылазки и сопротивление оккупантам были варварские действия немцев против невинного гражданского населения.

Итоги летней кампании против Советского Союза оказались для ее инициаторов ошеломляющими: к осени 1941 г. вермахт потерял убитыми, ранеными и искалеченными 800 тыс. человек — около четверти начальных сил в июне. Танковые соединения сохранили лишь половину своей боевой мощи. Восполнение войск шло с трудом. Напротив, Красная Армия, несмотря на существенный урон и успехи немецких войск, не была разбита. Расположенные на Урале и в Сибири индустриальные центры работали бесперебойно. Шло непрерывное пополнение людьми, техникой и вооружением. Завоеванные немцами экономические центры СССР едва ли можно было использовать для ведения войны. В окружении Гитлера в декабре 1941 г. стали проявляться сомнения, что войну против СССР вообще можно выиграть.

7 декабря 1941 г. произошло нападение Японии на американскую военную базу в Пёрл-Харборе. 11 декабря Германия объявила войну

США. Объявление войны должно было поддержать Японию в войне со США на Тихом океане, чтобы связать американцам руки. Кроме того, объявление войны было прикрытием неудавшегося блицкрига. Для укрепления пошатнувшегося престижа Германии нужны были военные успехи, и они действительно вновь появились. Летом 1942 г. немецкая армия добилась преобладания над Англией в Северной Африке и в Атлантике, а затем развернула новое наступление на Восточном фронте.

Так называемое «второе наступление на Россию» вермахт начал 28 июня 1942 г. Поначалу оно сопровождалось крупными успехами. На Севере немецкие войска замкнули кольцо вокруг Ленинграда. Устранив бреши на линии фронта, образованные прорывом советских войск зимой и весной 1942 г., части вермахта подошли к Курску и вышли к Волге в районе Сталинграда (группа армий «Б»).

Одновременно фронт расширился далеко на юг. Был завоеван главный Кавказский хребет, немцы достигли нефтяных районов. Однако нефтяные промыслы завоеванного Майкопа оказались негодными для эксплуатации. Вермахту не удалось достичь южных границ СССР, несмотря на водруженный нацистами флаг на Эльбрусе. Развернулись упорные бои за Сталинград 62-й советской армии под командованием генерала ***Василия Ивановича Чуйкова*** (1900–1982) с 6-й немецкой армией под командованием генерала ***Фридриха Паулюса*** (1890–1957). 23 августа 1942 г. немцы вышли к Волге. Хотя они захватили почти весь разрушенный город, овладеть им целиком не удалось. Началось одно из самых кровопролитных и жестоких сражений Второй мировой войны — Сталинградская битва.

«Новый порядок» в Европе

В захваченных странах Европы нацисты начали устанавливать так называемый «новый порядок». Он означал, прежде всего, обессиливание европейских стран и территориальный передел в пользу Германии и ее сателлитов. В результате этих действий с карты Европы исчезли такие государства как Австрия, Чехословакия, а затем Польша, Люксембург, Югославия. Частью Третьего рейха был объявлен ряд территорий Бельгии и Франции.

Управление оккупированными территориями осуществлялось в соответствии с тем значением, какое нацисты придавали им в своих планах создания мировой империи. В ее центре должно было находиться «германо-арийское ядро» в 100 млн человек. К этому ядру причислялись, наряду с немцами, фламандцы, голландцы, датчане, норвежцы,

шведы и швейцарцы. Планировалось, что после «победоносной» войны их территории должны будут примыкать к германскому рейху в качестве «немецких провинций».

Оккупационный режим в отношении «расово-родственных» стран носил более или менее традиционные черты империалистической политики. Их народы получили местное управление с частичным суверенитетом. А таким странам, как Швеция и Швейцария, не без трудностей, но удалось сохранить свой нейтральный статус.

Широкий круг образовывали союзные или дружественные Германии государства Юга Европы — Румыния, Болгария, Венгрия и Италия (до 1943 г.), а также Финляндия (до 1944 г.). В своей политике они были сильно зависимы от Германии. Франкистская Испания заняла выжидательную позицию, избегая явной поддержки как Германии, так и Италии, хотя одна ее дивизия воевала на советско-германском фронте.

Наряду с гражданским управлением существовало и военное, подчиненное высшему немецкому командованию. Ему подлежали оккупированные западные и северные территории Франции, Бельгии, Сербии и часть Греции. Оккупационные власти Германии в своем управлении Европой опирались на многочисленные коллаборационистские, полуфашистские и националистические силы. Возникли частью авторитарные, частью фашистские или коллаборационистские режимы, тесно связанные с рейхом, такие как режим А.-Ф. Петэна во Франции, Й. Тисо в Словакии, А. Павелича в Хорватии.

На Востоке Европы, вплоть до Урала, территория рассматривалась как предполье «немецкого жизненного пространства» — объект эксплуатации материальных ресурсов и людской силы для жителей империи. Здесь с наибольшей силой проявилась политика расового геноцида, поскольку славянским народам предназначалась участь рабов германской нации. На этих территориях проживала также большая часть европейских евреев, которым грозило полное истребление.

В оккупированных областях Советского Союза, особенно в Литве, Латвии, Украине, немецкое управление также дополнялось участием в нем местных националистических кругов. Этим силам, как и коллаборационистам стран Северной и Западной Европы, были близки по духу пропагандистские лозунги «общеевропейского отпора большевизму» под руководством «европейского фюрера Гитлера». Добровольцы из этих областей пополняли дивизии СС на Востоке.

Под пятой нацистов Европа стала быстро напоминать Германию: повсюду создавалась сеть концентрационных лагерей, производи-

лись аресты, осуществлялись депортации населения. На Востоке нацисты стремились посеять рознь между народами, а некоторые национальности, например, поляков — вообще вытеснить из исторической памяти, запрещая термин «поляки» и истребляя польскую интеллигенцию.

В континентально-европейском пространстве под немецким руководством были запущены все механизмы хозяйственных планов 1930-х гг. Здесь трудились эксперты «ведомства по 4-летнему плану», министерства экономики, внешнеполитических служб, представители частных кампаний и крупной индустрии. Народное хозяйство стран-сателлитов и оккупированных стран было поставлено на службу Германии.

Было создано огромное «принудительное хозяйство» с привлечением и жестокой эксплуатацией военнопленных и угнанных. К осени 1944 г. из 26 европейских стран было привлечено на работы в Германию 8 млн гражданских рабочих и военнопленных. Меньшая часть из них приехала добровольно, большинство же было привлечено насильственно, часто — путем смертельной охоты на людей на улицах городов, будь то на Украине, или в «генерал-губернаторстве». Только на территории Польши, в Освенциме, возник целый концерн из 39 лагерей, которые обслуживали даровой рабочей силой крупнейшие предприятия Германии. Почти вокруг всех крупных лагерей, таких как Дахау, Бухенвальд, Равенсбрюк и других располагалось кольцо прилегающих к ним так называемых «внешних» лагерей. Они обеспечивали дешевой рабочей силой предприятия СС и военные производства таких концернов, как «ИГ Фарбениндустри», «Крупп», «Даймлер-Бенц», «Фольксваген», «Бош», «Сименс», «Мессершмитт» и других. Подсчитано, что, по крайней мере, полмиллиона человек погибло в этих «внешних» лагерях от голода, рабского труда, эпидемий, побоев, расстрелов.

На Западе и Севере Европы нацисты проявили готовность соблюдать некоторые нормы права. На Востоке же оккупационная политика осуществлялась без всякой оглядки на положение гражданского населения и показала всю чудовищность стратегии разграбления и порабощения. Наряду с военными, в этом участвовали эсэсовцы, хозяйственная бюрократия и частные предприятия. Такой подход выходил за традиционные рамки оккупационной политики империализма. Он неопровержимо доказывает, что война на Востоке была войной на уничтожение.

Оккупационная политика в Европе быстро вызвала противоречия и конфликты внутри управленческой элиты, враждебность населения

и к оккупантам, и к тем, кто сотрудничал с ними. Особую ненависть вызывала нацистская практика арестов и расстрелов заложников, зверские расправы над населением за помощь партизанам, за убийство немецких солдат и офицеров. Так случилось, например, в чешской деревне Лидице летом 1942 г., во французской деревне Орадур летом 1944 г., а массовый характер данная практика носила на оккупированной территории Советского Союза.

Коллаборационисты даже в «братских» Германии странах не могли проводить сколько-нибудь самостоятельную политику и вызывали все большую ненависть у собственного народа. В Европе развернулось движение Сопротивления. Ожесточенные формы приняла партизанская война, особенно в Советском Союзе и на Балканах. Она отвлекала на себя значительные немецкие военные силы. С осени 1943 г. на базе партизанского движения стали формироваться антифашистские вооруженные отряды. Они особенно усилили свои действия после высадки союзников во Франции летом 1944 г.

Война против «внутреннего врага» и Холокост

С началом войны рухнули все преграды, которые мешали намерениям Гитлера начать в массовом масштабе искоренение «социально и расово неполноценных людей». Война могла списать все. Настал час, когда можно было осуществить то, что было запрограммировано в нацистской расовой идеологии — процесс «очищения» арийской расы в континентальном масштабе.

«Народное обновление Европы» предусматривало уничтожение «вредных для немецкого народа элементов» — евреев, цыган, а также наследственно «неполноценных» из рядов собственной расы и «асоциальных элементов». Война создала предпосылки для начала массового вытеснения «неарийцев» (прежде всего евреев) на Восток, за пределы «старого рейха» для их уничтожения там. Нацистская пропаганда постоянно вдалбливала в головы немецких обывателей, что без уничтожения этих «врагов» стране не устоять. Согласно «Генеральному плану Ост», на территории Советского Союза большая часть славянского населения должна была сократиться «естественным путем» — за счет голода, холода, отсутствия медицинской помощи. Другая должна была обслуживать «арийских господ».

Акции массового убийства в Германии и в оккупированной Европе, по крайней мере до 1943 г., удавалось скрывать от общественности, а просачивающиеся сведения — оправдывать как меры вынужденные. Существует тесная связь между убийствами по плану эвтаназии

и так называемым «окончательным решением еврейского вопроса». С 1936 г. по программе эвтаназии в Германии отрабатывалась методика массового уничтожения людей посредством отравляющего газа. Этот опыт использовался при строительстве в 1941 г. лагерей уничтожения в Польше (Освенцим, Майданек и др.), где на начальном этапе преимущественно осуществлялись массовые экзекуции советских военнопленных. Именно на них впервые было опробовано действие газа «Циклон Б», впоследствии широко применявшегося для массового уничтожения заключенных концлагерей.

Беспокойство среди населения по поводу эвтаназии вынудило заправил массового уничтожения людей перенести экзекуции за пределы «старого рейха» и разместить соответствующие лагеря в «новых гау»: Вартеланд и Данциг — Западная Пруссия, а также в «генерал-губернаторстве» и на оккупированной территории Советского Союза.

Приказы о массовых казнях трактовались как «приказ фюрера», «письменное или устное распоряжение фюрера» и при строгом соблюдении тайны доводилось до соответствующих спецслужб. Приказы при этом были настолько общими по характеру, что давали палачам-исполнителям широкое поле для «инициативы». Их преступные действия покрывались при этом именем «фюрера» и освобождали от всякой моральной ответственности. Прежде всего это касалось службы рейхсфюрера СС и шефа немецкой полиции Г. Гиммлера. 7 октября 1939 г. он был назначен одновременно «уполномоченным по укреплению германской народности» и главой соответствующей службы СС. Тайное распоряжение Гитлера наделяло Гиммлера неограниченным правом насильственного устранения евреев и поляков, а также расселения этнических немцев на территории аннексированных областей Польши, «новых гау» и их «германизации». Это были первые шаги к «окончательному решению еврейского вопроса».

Оно было ускорено, когда в 1941 г. рухнули надежды на «блицкриг» в войне с Советским Союзом, а также со вступлением в войну США. Планы гитлеровцев решить вопрос с еврейским населением «территориально» (выслать на о. Мадагаскар, сосредоточить в огромном гетто на границе Польши и СССР, выслать на крайний Север или даже в Сибирь) были отменены. Все эти планы были рассчитаны на то, чтобы, бросив евреев безо всякой помощи, уморить их голодом, жарким климатом или, наоборот, морозами.

«Окончательное решение» стало во многом диктоваться ходом войны и проводилось неуклонно и с ужесточением. Органы СС осуществляли «спецоперации» иногда открыто, но большей частью

тайно. Было много активистов и добровольных помощников, мест и способов убийств, преступных действий отдельных личностей.

Своей организацией массовых убийств прославились «особые отряды» СС, действовавшие на Востоке. Их подразделения «А», «В», «С» и «D» проводили «борьбу с враждебными рейху элементами» на оккупированных территориях. Круг жертв постоянно расширялся: функционеры ВКП(б), комиссары, евреи в партийных и государственных органах, наконец, все живущие на востоке евреи, включая женщин и детей. В сентябре и октябре 1941 г. соединения СС стали ликвидировать все еврейские общины.

Традиционный и глубоко укоренившийся в вермахте антикоммунизм и антисемитизм, а также воздействие нацистской пропаганды помогали солдатам и офицерам переступать моральные границы и поддерживать массовые экзекуции. Война вермахта «на уничтожение» в первые девять месяцев войны с Советским Союзом стоила жизни около 750 тыс. евреев и других граждан Советского Союза. В одном только Бабьем Яру под Киевом 29 и 30 сентября 1941 г. было расстреляно почти 34 тыс. евреев.

Вторым важным шагом по подготовке уничтожения европейских евреев (Холокоста) было их перемещение в гетто за пределы рейха. Систематически оно началось с октября 1939 г., когда последовала их депортация из «новых земель» и Австрии в «генерал-губернаторство». Спустя два года началось выселение евреев из «старого рейха» в гетто Лодзи, Риги, Минска и Ковно, а с начала 1942 г. — прямо в лагеря уничтожения. Из 134 тыс. евреев, остававшихся в Германии к началу войны, уцелело 8 тысяч. С 1942 г. началась депортация евреев из всех европейских стран, оккупированных нацистами. Это служит серьезным доказательством, что все эти действия были идеологически и мировоззренчески мотивированы.

Фаза «геттоизации», которая рассматривалась как «переходная» стадия к последующему физическому уничтожению, потребовала создания отлаженной бюрократической машины и служебного рвения. Надо было составлять списки людей, адреса, координировать отправку, вовлекать полицию, кооперироваться с коммунальными службами, охранять места сбора людей, учитывать сбережения и имущество жертв. Все это проводилось с послушанием и бюрократической точностью. Тысячи помощников, которые были маленькими, но бесперебойно работающими колесиками огромной машины массового убийства, не хотели ничего знать или успокаивали себя тем, что речь идет о «высылке на работу куда-то на Восток». Так думали

и многие жертвы. Депортации между тем проходили (как и сбор людей) на глазах у населения, на железнодорожных станциях, в нечеловеческих условиях и с жертвами.

Непрерывно прибывавшие в гетто транспорты порождали хаос и неразбериху. Полицейские власти самочинно расстреливали людей. Условия жизни в гетто Варшавы, Лодзи и др. городов были невообразимо ужасными: голод, эпидемии, болезни, физическое и психическое истощение уносили тысячи жизней. Осенью 1941 г. началась «зачистка» гетто, и их жертвы были отправлены в лагеря уничтожения.

Неудачи вермахта на Восточном фронте усилили ненависть к «врагам-евреям». По мере отдаления дня «окончательной победы» Третьего рейха, приближался день «окончательного решения еврейского вопроса». Важный шаг к этому был сделан на совещании руководства СС с многочисленными представителями государственных и экономических служб рейха 20 января 1942 г. в Ванзее (пригород Берлина). «Конференция» постановила «упорядочить» и поставить на конвейер дело уничтожения людей. Работоспособная часть должна была трудиться до их уморения работой и полуголодным существованием. Другая часть (старики, женщины, дети, нетрудоспособные) подлежала немедленной отправке в газовые камеры и крематории. Массовое убийство евреев и других безвинных жертв становилось все труднее скрывать, и это усиливало ненависть к оккупантам.

Но не все еврейское население было подобно «обреченному на бойню скоту». И в нечеловеческих условиях гетто люди проявляли мужество и сострадание. Самой известной попыткой изменить свою судьбу стало восстание евреев весной 1943 г. в Варшаве. Жители гетто протестовали против его ликвидации и высылки 70 тыс. остававшихся там людей в лагеря. Восстание потерпело поражение, а над его участниками была учинена кровавая расправа.

Начало войны послужило толчком к активизации строительства концентрационных лагерей внутри рейха, усилению эксплуатации в них рабской силы и росту массовых акций уничтожения людей. По мнению руководства СС в лице Г. Гиммлера, Р. Гейдриха, ***Адольфа Эйхманна*** (1906–1962) и др., массовые расстрелы людей имели «психические границы» и для палачей. Надо было придумать более «гуманные методы» уничтожения. Поэтому параллельно с массовыми расстрелами уже с осени 1941 г. стало практиковаться уничтожение людей с помощью газовых камер. Массовое отравление людей угольным оксидом и газом «Циклон Б» становилось «анонимным». Теперь жертвы и палачи не стояли друг против друга и не было необ-

ходимости смотреть друг другу в глаза. По распоряжению Гиммлера для подобных «гуманных» целей было построено первоначально три лагеря: Белзец, Собибор и Треблинка, где до октября 1943 г. было истреблено более 1 млн 600 тыс. людей. В окрестностях Лодзи действовали передвижные газовые камеры, замаскированные под грузовые автомобили, а также был построен лагерь Хелмно, где до июля 1944 г. было уничтожено еще 1,5 млн заключенных. Самым крупным лагерем, а также символом рабского труда и массового уничтожения стал лагерь Освенцим (Аушвиц), построенный в 1940 г. в 60 км от Кракова. По разным данным, в нем было уничтожено от 1 до 4 млн человек, главным образом евреев.

Каким образом нацистскому режиму удалось в течение нескольких лет провести столь полномасштабную организацию массовых убийств и найти столько помощников для осуществления этой чудовищной антигуманной акции? Этот вопрос до сих пор будоражит историков и общественность не только Германии, но и других стран, ввиду исключительности этого явления. Очевидно, что простого и однозначного ответа нет. В Холокосте переплелись и мировоззрение нацистов, и политические события, и конкретные обстоятельства войны, и убийственная сила технической модернизации, и особенности менталитета немцев и евреев. Нацисты держали в глубокой тайне масштабы своих преступлений, и вплоть до конца войны никто их не мог себе представить — включая жертв. Слухи ходили, но никто точно ничего не знал.

Сыграло свою роль и стремление немецких службистов проявлять рвение и получать награды за свою преданность в виде звезд, орденов, «почетных знаков», должностей и пр. Конкурирующие друг с другом структуры партии, СС, полиции, «специально уполномоченные» органы выслуживались перед Гитлером, хотели доказать свою незаменимость и компетентность. Заявления Гитлера о необходимости «освободить от евреев» определенные территории и большие города давали широкое поле для проявления собственной «инициативы» их руководителей, и они действовали, зачастую, без прямого приказа. Сотни тысяч немцев стали прямыми или косвенными участниками преступлений Третьего рейха. Ответственность часто скрывалась за необходимостью выполнять приказы. Четкая граница вины за убийство размывалась.

Немцев также строго наказывали за сочувствие преследуемым лицам. Пропаганда, террор и страх сделали все, чтобы они были поставлены в положение: «Ничего не хочу знать об этом». Тем выше

было мужество тех немногих, кто выражал сочувствие преследуемым и помогал им, несмотря на угрозу собственной жизни.

Сталинградская «катастрофа» и поражения 1943 г.

Непрерывные и ожесточенные уличные бои в Сталинграде и на берегу Волги на всем протяжении осени 1942 г. ослабили немецкие войска. Начавшееся 19–20 ноября 1943 г. наступление советских войск Донского фронта в северо-западном и южном направлениях завершилось образованием «котла» для 6-й немецкой армии между Сталинградом на Волге и Калачом-на-Дону. В окружении оказались 250 тыс. солдат и офицеров во главе с Паулюсом. Чтобы поднять моральный дух солдат и офицеров Гитлер спешно (произошло это только за день до капитуляции) обещал поддержку с земли и с воздуха и присвоил Паулюсу звание генерал-фельдмаршала. Но попытки прорваться на помощь окруженной армии успеха не имели. Советские войска пресекли также ее снабжение с воздуха.

Немецкая армия, рассеченная на две части, была принуждена капитулировать в начале февраля 1943 г. В ходе боев в «котле» погибли около 140 тыс. немецких солдат и офицеров, 34 тыс. умерли от ранений, 91 тыс. попала в советский плен (в том числе и Паулюс со своим штабом), и только около 6 тыс. из них после войны вернулось на родину. В связи с катастрофой немецких войск в Германии был объявлен государственный траур.

Сталинградское поражение вызвало смятение в умах немецких солдат и гражданского населения. Именно после «трагедии Сталинграда» у немцев зародился червь сомнения в возможности «конечной победы», о которой твердила нацистская пропаганда. Началось разрушение «мифа Гитлера». Поражение немцев под Сталинградом активизировало движение Сопротивления в Европе. В высших военных кругах Германии формируется заговор против Гитлера.

Инициатива на Восточном фронте теперь перешла, в основном, на сторону советских войск. Чтобы как-то стабилизировать обстановку, Гитлер летом 1943 г. отдал приказ совершить двусторонний охват советской линии фронта от Курска на севере и до Орла на юге (операция «Цитадель»). Это привело к самому грандиозному танковому сражению Второй мировой войны. С обеих сторон в нем участвовало по 1200 танков и самоходных орудий. Танковая атака немцев была остановлена советским контрнаступлением 12 июля. Сражение, в результате которого вермахт потерял около 400 танков, было выиграно

советскими войсками. Всего в ходе битвы на Курско-Орловской дуге было разгромлено 15 дивизий вермахта, и советские войска продвинулись на 150 км на запад. Ухудшила положение немцев высадка западных союзников на Сицилии, которая принудила направить часть немецких военных сил в Италию.

После Курско-Орловского сражения Германия потеряла стратегическую инициативу и больше не предпринимала широких наступательных операций. Перевес сил на Восточном фронте оказался у Советского Союза. Контрнаступление Красной Армии привело в конце 1943 г. к освобождению от немецкой оккупации территории от Витебска до Азовского моря. Крым был отрезан и изолирован от наземных немецких соединений. Чтобы остановить дальнейшее продвижение советских войск на Запад, Гитлер взял на вооружение оборонительную стратегию с ограниченными наступательными контрударами. Но остановить Красную Армию уже не удалось. При отступлении, согласно тактике «выжженной земли», немцы разрушали все транспортные и жизненные коммуникации, угоняли в Германию работоспособное население.

К неудачам на Восточном фронте за период 1942–1943 гг. добавилось неблагоприятное для немецкой армии положение в Северной Африке. 3 ноября 1942 г. в битве под Эль-Аламейном (100 километров западнее Александрии), несмотря на приказ Гитлера «держаться любой ценой», британским войскам удалось достичь решающей победы над немецким африканским корпусом под командованием генерала ***Эрвина Роммеля*** (1891–1944). Англо-американская высадка в Марокко и Алжире 7–8 ноября под командованием американского генерала ***Дуайта Эйзенхауэра*** (1890–1969) заставила 13 мая 1943 г. остатки африканского корпуса немецкой армии капитулировать перед превосходящими силами противника. Ответом на активизацию действий союзников явилась оккупация немецкими войсками южной части Франции, с целью воспрепятствовать проникновению англо-американских и французских соединений генерала ***Шарля де Голля*** (1890–1970) на эту территорию.

Англо-американские вооруженные силы высадились на юге Италии 10 июля 1943 г. Одновременно неблагоприятным образом для Германии складывалась внутриполитическая ситуация в этой стране. 25 июля 1943 г. Муссолини был арестован. Начался развал фашистского режима. Гитлер приложил немало усилий, чтобы хотя бы частично восстановить свое влияние в Италии. Последовала военная оккупация северной части страны, а 12 сентября Муссолини, освобожденный в результате спецоперации СС, провозгласил образование Итальянской

социальной республики и возглавил марионеточное правительство с резиденцией в небольшом городке Сало (Республика Сало).

Постепенно, в течение 1942–1943 гг., немецкие вооруженные силы утрачивали свои господствующие позиции в Атлантике, и к началу 1944 г. перевес оказался на стороне западных союзников. Они фактически поставили под свой контроль морское, воздушное и радиолокационное пространство, подготовив тем самым свою высадку на севере Франции. Таким образом, в 1943 г. военно-политическая ситуация, благодаря самоотверженной борьбе солдат и офицеров, умелому командованию стран антигитлеровской коалиции, сильно изменилась. Немецкие и итальянские войска потерпели поражения в Сталинградской битве, а также в битвах на Курско-Орловской дуге, в Тунисе; фронт в Северной Африке был ликвидирован.

3 сентября 1943 г. Италия вышла из войны, 29 сентября — официально капитулировала, а 13 октября 1943 г. новое итальянское правительство объявило войну Германии. Таким образом, «ось Берлин–Рим» перестала существовать, начался распад фашистского блока. На Тихом океане и в Юго-Восточной Азии обстановка также изменилась в пользу США и Великобритании. Завершился коренной перелом в ходе Второй мировой войны, стратегическая инициатива перешла в руки антигитлеровской коалиции.

Повседневность «тотальной войны»

Жизнь населения в самой Германии различалась в начале войны и со второй ее половины. Вначале казалось, что она протекает вполне нормально. Используя ресурсы оккупированных стран, власти не торопились с введением более жестких условий работы военного времени.

Вплоть до 1942 г. немецкий народ воспринимал войну опосредованно: она велась где-то далеко за пределами страны. Людские потери на фронтах затенялись победными и громкими реляциями нацистской пропаганды. Она чествовала павших как героев борьбы «за величие Германии», а семьи убитых и раненых окружались почетом и социальной заботой со стороны режима. Простому населению казалось, что «окончательная победа» близка и скоро наступит всеми желанный мир, начнется новое, мирное обустройство Европы, где немцы займут подобающее победителю место.

В то же время с началом войны в рамках эвтаназии стало осуществляться массовое умерщвление физически и душевнобольных. Чтобы не возбудить в народе беспокойства, эта акция тщательно

маскировалась бюрократическим, условным языком и проводилась в соответствующих закрытых учреждениях. По последним данным, ее жертвами стали около 100 тыс. человек, которые были отравлены газом в передвижных грузовиках или в специальных учреждениях посредством инъекций, отравлений таблетками, расстрелами или доведением до смерти голодом. Местами уничтожения лиц, приговоренных к эвтаназии, служили специальные лагеря и заброшенные замки в различных землях Германии.

Несмотря на покров тайны, которым была окутана эвтаназия, о ней стало известно, и в людях пробудился страх и беспокойство. В отличие от евреев, которые были фактически отделены от остального населения глухими стенами нацистских законов, проживанием в гетто и «общением» только с гестапо, «асоциальные элементы» были гражданами Германии, имели родственников, номинально или фактически были членами церковных общин. Доверие к «фюреру» могло рухнуть, что затрагивало не только «отечественный фронт», но и солдат на полях сражений. Это стало особенно опасным, когда случаи эвтаназии подверглись осуждению со стороны некоторых деятелей церкви. Наиболее непримиримо и открыто 3 августа 1941 г. выступил с таким осуждением мюнстерский епископ ***Клеменс фон Гален*** (1878–1946). Гитлер был вынужден 24 августа отдать устное распоряжение о прекращении «акции Т4». Однако тайные убийства больных и нетрудоспособных продолжались до конца войны.

С 1942 г. немецкое гражданское население постепенно начало непосредственно втягиваться в войну, особенно, когда воздушный английский флот стал совершать регулярные (в основном ночные) воздушные налеты и бомбить города Германии. К этому добавились неблагоприятные для немцев изменения на фронтах в 1942–1943 гг. Они вынудили перейти к началу мобилизационной компании в самом рейхе, которая охватила все сферы общества под лозунгом «тотальной войны». В секретном указе Гитлера от 13 января 1943 г. относительно подготовки тотальной войны говорилось: «Необходимо предпринять все усилия для защиты рейха, охватить всех работоспособных или незанятых в производстве мужчин и женщин. Мы должны сделать годных к военной службе мужчин свободными только для одной цели — посылки на фронт».

Для психологической подготовки к условиям «тотальной войны» Геббельс произнес 18 февраля 1943 г. во Дворце спорта в Берлине яркую пропагандистскую речь. Под рукоплескания собравшихся он десятью риторическими вопросами «обосновал» необходимость под-

держки нацией «тотальной войны», заявив, что «по необходимости, она будет еще тотальней и радикальнее, чем мы можем сегодня ее себе представить». В июле 1944 г. Геббельс был назначен «Генеральным уполномоченным по тотальному вовлечению в войну». Все средства пропагандистской машины — от обещания применить «чудо-оружие» до введения «особых летучих судов» — были направлены на искоренение остатков сопротивления в народе.

В ходе «тотальной войны» был осуществлен полный переход к военной экономике. Министром вооружений и военного производства был назначен Альберт Шпеер — незаурядный организатор и человек из ближайшего окружения Гитлера. Были также созданы коллегиальные службы «центрального планирования», которые стали действенным органом управления. Они ориентировалось, в первую очередь, на потребности производства военных материалов и тотальную мобилизацию всех материальных и людских ресурсов. Между 1942 г. и летом 1944 г. произошло утроение объема производства вооружений (322 % от объема 1942 г.). По сравнению с 1941 г. в шесть раз увеличилось производство тяжелых танков и в четыре раза — самолетов. Несмотря на эти достижения, производство военной продукции в сравнении с державами антигитлеровской коалиции отставало. Вследствие утраты румынских нефтепромыслов стал ощущаться недостаток жидкого моторного топлива.

Стали закрываться невоенные предприятия и все большее число рабочих привлекалось к производству вооружений. Еженедельное рабочее время разрешалось увеличивать до 72 часов, а для женщин и молодежи — до 60 часов (например, при производстве истребителей). Но в среднем, по данным немецких ученых (В. Ф. Вернера и Р. Вагенфюра), продолжительность рабочей недели в промышленности колебалась в 1941–1944 гг. между 49,5 и 48,5 часами. Было разрешено отменять отпуска, но воскресные и праздничные дни сохранялись. Были ограничены работа почты и железнодорожного транспорта, а также потребление электричества и газа.

Но для военного производства важнее была беспощадная эксплуатация иностранной рабочей силы, военнопленных и принудительных рабочих. К сентябрю 1944 г. на работах в Германии находилось 7,8 млн иностранных гражданских рабочих и военнопленных почти из всех европейских стран. Они использовались не только в военном производстве, но и в других отраслях хозяйства.

Положение принудительных рабочих зависело от принадлежности к «расе». Поляки и советские «восточные рабочие» («остарбайтеры»)

стояли на самой нижней ступеньке этой «иерархии». «Остарбайтеры» были строго изолированы от населения. У них были худшие условия жилья и работы, меньшая зарплата. Их рацион питания лежал на грани физического существования. Они должны были носить нашивку на груди или нарукавную повязку со знаком «Ост» и подвергались множеству дискриминационных распоряжений. Иностранные рабочие жили в рабочих лагерях, число которых достигало 20 тыс. Гитлер постоянно требовал ужесточения эксплуатации насильно привлеченных иностранных рабочих и военнопленных. Они и стали основными жертвами тотальной войны.

Эксплуатация иностранной рабочей силы позволяла руководству рейха беспрепятственно осуществлять мобилизацию немецких рабочих на фронт. В то же время, это сдерживало полную мобилизацию на работу немецких женщин. Только небольшая часть из них была действительно занята в военном производстве. Гитлеровская бюрократическая и пропагандистская машина делала все, чтобы немецкая женщина продолжала выполнять свою роль жены и матери, крепить «внутренний фронт». Усилилось также ограбление экономики оккупированных стран в пользу германского рейха. Главным средством обеспечения для немцев благополучного жизненного стандарта было использование материальных и людских ресурсов оккупированных стран, рабского труда «лагерного хозяйства» СС, ограбление и притеснение «неарийцев».

Немецкое гражданское население стало напрямую ощущать тяготы войны с началом в 1943 г. так называемой «бомбовой войны» англо-американских союзников против Германии. Английский и американский воздушные флоты скоординировали свои действия с целью «непрестанного разрушения и паралича немецкой индустриальной, военной и хозяйственной системы, подрыва готовности к борьбе немецкого населения, решающего ослабления его способности к вооруженному сопротивлению». С мая 1943 г. ночные бомбардировки англичан комбинировались с дневными американскими.

Население страны уже непосредственно было втянуто в войну, в результате которой в сознании немцев стерлась граница между «фронтом» и «тылом». Первым городом, который между 25 июля и 3 августа 1943 г. превратился в развалины, был Гамбург («операция Гоморра»). А затем еще много больших городов Германии обратились в руины. Почти в самом конце войны (в ночь с 13 на 14 февраля 1945 г.) был уничтожен Дрезден. Разом погибало огромное количество гражданского населения (Гамбург — 30 482 человек; Дрезден — 25 тыс.

человек). Война между союзниками по антигитлеровской коалиции и Германией становилась все более безжалостной, ожесточенной и непримиримой. В последние ее месяцы миллионы немцев были в состоянии панического бегства, находились под влиянием страха смерти и неопределенности существования.

Стал ощущаться недостаток продуктов. Были введены продовольственные карточки, ордера и талоны на покупку или получение определенных промышленных товаров. Перед магазинами выстраивались очереди. Систематические налеты и бомбовые удары загоняли людей в подвалы и бомбоубежища. Стал повседневностью страх за судьбу своих родственников и друзей на фронте. Рабочий день был удлинен, темп работы ускорился. Немцы приобретали печальный опыт людей покоренных ими стран и народов.

Неимоверно усилился гнет и преследования со стороны СД и гестапо. Усилились репрессивные санкции за «политические проступки». Появились новые типы действий, за которые люди подвергались наказаниям, такие как «порча станков и оборудования», «экономический саботаж», «нанесение вреда народу», «слушание иностранного радио». Санкции за такие «преступления» были нечетко разграничены. И это позволяло судьям «особых» и «народных» судов значительно расширять границы наказаний.

Аппарат наблюдения и преследования настолько расширился (в него входили и гестапо, и СД, и полиция, и партийные инстанции, и службы ДАФ, и др.), что население теперь всегда было в поле зрения этих служб как в общественной, так и в частной жизни. Во время войны контроль еще более усилился за счет поощрения доносов друзей, знакомых и даже родственников, которые сообщали «соответствующим» инстанциям о ходящих в обществе «враждебных» слухах, анекдотах и о «разлагающем» влиянии сомнений относительно «конечной победы национал-социализма».

Огромные нагрузки легли на женщин, особенно работниц: забота о семье, занятость на производстве, стояние в очередях, долгий путь на работу и обратно, ночные бомбежки, военные тревоги. И все же «женский немецкий фронт» проявил незаурядную стойкость. Несмотря на проявления недовольства условиями труда и тяготами военных будней, дело не дошло, как в Первую мировую войну, до массовых забастовок, голодных бунтов и «продовольственных» демонстраций. Добровольное «повиновение» было обеспечено политикой в области защиты материнства и детства, уравниванием зарплаты мужчин и женщин на общественной службе, социальными льготами. Кроме того,

женские нацистские организации, ДАФ и «Народное вспомоществование» добились почти полного охвата своими мероприятиями женского населения Германии, осуществляя одновременно функции доноса и запугивания.

Кампании по вовлечению населения в «тотальную войну» шли с перерывами: после поражения под Москвой 1941–1942 гг., после поражений под Сталинградом и на Курской дуге 1943 г., после бомбовых ударов по важнейшим индустриальным городам начала 1944 г. Тотальная война обнажила истинное лицо нацистского режима. Оно проявилось в развалинах разрушенных городов, в длинных очередях за продовольствием, в непрерывных звуках сирен и ночных бомбежках, в удлинении рабочего дня свыше 12 часов, в закрытии не важных для войны предприятий, столовых, театров и оперы, в расправах с «врагами народа». Молодежь 15–17 лет была мобилизована в зенитные части распоряжением от 26 января 1943 г. Последний резерв для защиты отечества — «народное ополчение» (фольксштурм) — указом Гитлера от 25 сентября 1944 г. составили немцы, по той или иной причине негодные к строевой службе, в возрасте от 16 до 60 лет.

Посредством бомбовой войны союзники надеялись сломить моральный дух и посеять среди немцев желание капитулировать, прежде чем хотя бы один иностранный солдат вступит на германскую землю. Но этого в полной мере достичь не удалось. Наоборот, под угрозой с воздуха солидарность немцев с режимом на земле усилилась. Солдаты отчаянно сражались, а гражданское население стойко переносило ужасы бомбовых ударов. Усилилась взаимопомощь и организованность людей в ликвидации последствий бомбежек, в эвакуации женщин, детей, стариков и раненых во внутренние районы страны. Рабочие стремились как можно быстрее запустить свои станки для восстановления производства. Но это уже, по большей части, не было связано с идеологией и политическими убеждениями, а соответствовало потребности спасти себя, каким-то образом жить дальше и работать даже после поражения. Нацистский же режим использовал эти естественные для людей желание и энергию, чтобы становящуюся бессмысленной борьбу продолжать до «пяти минут после двенадцати».

Во время «тотальной войны» началось разрушение мифов и легенд нацистской пропаганды. Ощутимый удар был нанесен мифу о «единстве фюрера и народа». Внешне немцы сохраняли лояльное отношение к фюреру: они вскидывали руку в «немецком» приветствии, но тут же рассказывали о руководстве страны анекдоты. Несмотря

на все запреты, слушали иностранное радио. На немцев сильно подействовала «Сталинградская катастрофа»: росли апатия, фатализм и страх, что рано или поздно Красная Армия вступит на немецкую землю и за все отомстит.

В ходе войны был разрушен еще один миф нацистской пропаганды — миф о «народном сообществе». Реальность войны показала, что миры бедных и богатых совсем разные, тяготы войны в них переносят по-разному. Женщины из «высших слоев» не знали трудовой повинности и выказывали меньшую готовность к самопожертвованию, чем представительницы из «низших слоев». Очень сильно различалась жизнь семей в разрушенных бомбами городах с их скудным рационом питания и жителей сельской местности, имевших свой клочок земли. Борьба за собственное выживание сделалась самой насущной заботой большинства людей.

Активизация деятельности антифашистского Сопротивления

В период войны антифашистская борьба развернулась и в оккупированных областях, и на территории Германии. В самой стране она расширилась и стала представлять собой смесь «традиционного» Сопротивления нацизму — со стороны коммунистов и социал-демократов — и «нетрадиционного» — со стороны консерваторов, бюрократии, военных кругов и представителей церкви. Сопротивление режиму наблюдалось и среди части молодежи.

В рядах «буржуазного» Сопротивления большую роль играл моральный аспект, например, нарушение присяги или отрицание убийства по религиозным мотивам. Часто главной побудительной причиной прихода новых участников в Сопротивление становились их совесть и опыт войны на Востоке с ее массовыми убийствами и депортациями. Коммунистическое и социалистическое Сопротивление было мотивировано, в основном, политической и идеологической традицией.

Показательной в этом смысле стала деятельность образованной в 1940 г. в Берлине коммунистически ориентированной группы ученого ***Арвида Харнака*** (1901–1942) и сотрудника штаба ВВС ***Харро Шульце-Бойзена*** (1909–1942). В гестапо это группа получила название «Красная капелла». Она распространяла антифашистские листовки, обсуждала послевоенное будущее Германии. Подготовка Гитлером войны против СССР побудила руководителей группы к сотрудничеству с советской разведкой, которой передавалась ценная военная

информация. Группа хотела любой ценой (даже путем шпионажа против родной страны) приблизить конец Третьего рейха. Абвер и гестапо выследили «Красную капеллу». Более 100 мужчин и женщин были арестованы, приговорены к казни или заключению.

Среди коммунистов довольно активно действовали в 1942–1944 гг. группы под руководством ***Бернхарда Бестляйна*** (1894–1944) и ***Франца Якоба*** (1906–1944) в Гамбурге и ***Антона Зефкова*** (1903–1944) в Берлине. Они попытались установить контакты с другими оппозиционными кружками, образовали подпольные ячейки на военных предприятиях. При попытках установления контактов с консервативной оппозицией ее руководители были арестованы и казнены в июле 1944 г.

Среди молодежного Сопротивления в 1942–1943 гг. наибольшую известность получила группа мюнхенских студентов. Во главе ее стояли ***Софи*** (1921–1943) и ***Ханс*** (1918–1943) ***Шолль*** (сестра и брат), ***Александр Шморелль*** (1917–1943). Они писали антифашистские лозунги, распространяли листовки, называя их «Листовка Белой розы», а позднее — «Листовка движения Сопротивления в Германии». Их лозунгами были: «Свобода», «Покончим с Гитлером», «Гитлер — убийца миллионов» и т. п. Они были смелыми, но неопытными в конспирации. При открытом распространении листовок в университете 18 февраля 1943 г. была арестована С. Шолль, а позднее — остальные участники группы. Большая часть из них была казнена.

Новый импульс к оживлению деятельности заговорщиков среди консерваторов дала начавшаяся война против СССР, особенно то обстоятельство, что она носила преступный характер со стороны нацистского военного руководства. 1941–1942 гг. стали новым периодом деятельности оппозиции, когда Карл Гёрделер стал центральной фигурой буржуазного Сопротивления. Многие его сторонники выступали за прекращение войны только на западном фронте, чтобы все силы Германии сосредоточить на восточном. В их планах много внимания уделялось послевоенной европейской интеграции, где немецкие вооруженные силы играли бы важную роль.

Военная оппозиция установила контакты с антифашистами из так называемого «кружка Крайзау» во главе с ***Гельмутом фон Мольтке*** (1907–1945). В этом кружке в 1942 и 1943 гг. встречались представители всех общественных и политических направлений, оппозиционных Гитлеру. Они выступали преимущественно за прекращение войны на всех фронтах и были сторонниками глубокого демократического обновления Германии.

Параллельно, среди военных с лета 1943 г. активизировалась группа молодых решительных армейских офицеров высшего и среднего звена. ***Фриц Линдеман*** (1894–1944), ***Хеннинг фон Тресков*** (1901–1944), ***Клаус Шенк фон Штауффенберг*** (1907–1944) и др. намеревались убить Гитлера, арестовать руководство СС, провозгласить окончание войны на всех фронтах, отказаться от захваченных территорий и открыть дорогу демократическому развитию Германии.

Непосредственным организатором покушения стал полковник Шенк фон Штауффенберг — начальник штаба при командующем резервной армией, участник военных кампаний, человек, возмущенный зверствами нацистов в Польше и СССР. Он был смелым офицером и настоящим патриотом. Используя свой доступ в штаб-квартиру Гитлера «Вольфшанце», он попытался ***20 июля 1944 г.*** осуществить задуманное, пронеся на совещание бомбу с часовым механизмом. Вскоре после его отбытия из штаб-квартиры бомба взорвалась, но покушение оказалось неудачным. Гитлер получил лишь легкую контузию. Несогласованность действий и колебания некоторой части заговорщиков помешали им изолировать Гитлера и руководство нацистской Германии. Заговор провалился, хотя, казалось, был тщательно продуман и подготовлен. Непосредственные организаторы покушения, в том числе Шенк фон Штауффенберг, были убиты в ближайшие часы. Некоторые военные, причастные к заговору, узнав о провале, застрелились. К суду было привлечено около 700 человек. По стране прокатилась волна арестов, судов и казней.

Большинство населения, измотанное тяготами войны, удовлетворилось пропагандистским объяснением, что покушение на Гитлера было совершено «маленькой кликой безответственных офицеров». Заговор 20 июля 1944 г. является одной из самых ярких и героических страниц Сопротивления нацистскому режиму в Германии.

Немецкое движение Сопротивления существовало и в эмиграции. Его наиболее крупные политические центры находились в Москве и в Мексике. Немецкие эмигранты — политики, писатели, журналисты — выступали на страницах антифашистской печати, подготавливая демократическое обновление страны после разгрома фашизма. Они выступали по иностранному радио, разоблачая нацистский режим (как, например, Томас Манн).

Особенно большую активность развернул созданный по инициативе советского руководства 13 июля 1943 г. под Москвой Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ). В него вошли представители военнопленных и коммунистической эмиграции. Члены НКСГ

вели агитационную работу среди военнопленных солдат и офицеров вермахта. На линии фронта через громкоговорители они призывали немецких солдат к сдаче в плен и к борьбе против Гитлера.

Действия антифашистов в самой Германии были, преимущественно, разрозненными и не нанесли нацистскому режиму серьезного ущерба: слишком велики был террор, воздействие нацистской пропаганды и предвоенной «мирной» политики Гитлера. Но, несмотря на слабости и неудачи антифашистского Сопротивления, оно показывает, что не все поголовно немцы были нацистами, что существовала «другая» Германия, которой были небезразличны муки и страдания людей при национал-социализме, и которая стремилась к устранению режима и обновлению страны.

Конец Третьего рейха и итоги войны

Военное поражение Третьего рейха началось с июня 1944 г. и проходило параллельно на западном и восточном фронтах. 23 июня 1944 г. началось наступление Советской Армии, результатом которого стал крах немецкой группировки армий «Центр» на Восточном фронте. Несмотря на их сопротивление, поражение было еще ужаснее, чем катастрофа под Сталинградом. Только в боях за Белоруссию вермахт потерял 400 тыс. солдат убитыми, ранеными и пленными. К концу августа 1944 г. Советский Союз был полностью освобожден от немецких захватчиков.

Крупномасштабное наступление советских вооруженных сил позволило им до конца 1944 г. выйти к Балтийскому морю у Мемеля (с окружением немецкой военной группировки войск «Курляндия») и на границу Восточной Пруссии. Фронт проходил с севера от Вислы у Варшавы на юг через Румынию, Болгарию и Венгрию до Будапешта. Продвижение советских войск вдоль Дуная вынудило немецкое командование переместить группу армий «Е» из Греции и Югославии. В ходе боев немецкий вермахт потерял десятки дивизий. Почти 100 дивизий требовали до 80 % замены личного состава и техники.

6 июня 1944 г. в 6 часов 30 минут утра войска союзников начали высадку в Северной Нормандии (операция «Оверлорд»). Таким образом был открыт второй фронт, но в первые недели наступления немецкая армия оказала неожиданно серьезное сопротивление. 25 июля решающий прорыв сделали американцы, и союзнические войска стали продвигаться вглубь французской территории. Американо-французская высадка между Каннами и Тулоном 15 августа ускорила освобождение Франции. 25 августа был освобожден Париж, 3 сен-

тября — Брюссель, 4 сентября — Антверпен, а 21 октября союзники взяли Аахен — первый крупный немецкий город.

Немецкая армия не могла долго удерживать фронт, несмотря на отдельные проявления фанатизма и патриотизма немецких солдат. Собрав последние людские и материальные резервы, командование вермахта предприняло бессмысленное в военном отношении наступление в Арденнах (16–22 декабря 1944 г.). Это наступление захлебнулось и, в конечном счете, привело в конце декабря к еще более тяжелым потерям.

1944 г. вошел в историю Второй мировой войны как год уверенных побед антигитлеровской коалиции. Развал фашистского блока в Европе к концу 1944 г. фактически завершился: правительства Румынии, Финляндии, Болгарии и Венгрии порвали отношения с Германией и объявили ей войну. Теперь в состоянии войны с Третьим рейхом находилось 44 государства мира, ее исход был предопределен.

Весной 1945 г. боевые действия в Европе развивались стремительно. Англо-американские войска достаточно быстро, встречая гораздо меньшее, чем на Востоке, сопротивление гитлеровцев, продвигались по Западной Германии. Надежды Гитлера и его окружения на сепаратный мир с англо-американцами (соответствующие тайные переговоры проходили в Швейцарии), которые усилились после смерти президента США Ф. Рузвельта 12 апреля, не оправдались.

Потеря промышленных районов и недостаток сырья привели в конце 1944 — начале 1945 г. к быстрому спаду военного производства Германии. Из-за потерь в Юго-Восточной Европе стал сильно ощущаться недостаток горючего. По распоряжению министра вооружений Шпеера часть заводов для спасения от бомбежек была переведена в подземные помещения. Но кризис экономики продолжал углубляться. С мая 1944 по январь 1945 г. индекс производства уменьшился на 32 %. С февраля по март 1945 г. транспортный кризис парализовал всю промышленность. Сложившаяся обстановка заставила Шпеера перейти к децентрализации управления военной промышленностью. Было создано шесть крупных промышленных округов, в рамках которых обеспечивался замкнутый цикл по производству продукции для фронта. Шпеер, так же как и некоторые другие руководители Третьего рейха, воспротивился проведению в жизнь приказа Гитлера о «выжженной земле», поэтому удалось вплоть до конца войны обеспечивать выпуск вооружения и боеприпасов.

Нацистский режим и в эти последние месяцы войны усиливал террор. 15 февраля 1945 г. в прифронтовых зонах начали действовать

военно-полевые суды для дезертиров. Каралось смертной казнью вывешивание белого флага. Затем действие военно-полевых судов распространилось на гражданское население.

В связи с событиями в Арденнах советское командование ускорило второе большое наступление своих войск, которое началось 12 января 1945 г. по всему восточному фронту. Его результатом было освобождение Польши и окружение в Восточной Пруссии трех немецких армий. За 21 день наступления гитлеровский вермахт потерял около 500 тыс. человек, 1300 самолетов, 1300 танков, 14 тыс. орудий и минометов.

Военная катастрофа вермахта на Восточном фронте обернулась и трагедией для жителей Восточной Пруссии. Советская Армия, отрезав ее от остального рейха, вызвала многомиллионный поток беженцев от войны и советской оккупации. Они двигались в западном направлении, к Данцигу, в устье Вислы. Многие люди, не успевшие перейти линию фронта, погибли или были захвачены в плен, если они не замерзали раньше от холодных январских дней или не проваливались под лед залива. Некоторой части населения в последующие недели все же удалось эвакуироваться на запад Германии, благодаря спасательным операциям немецкого военно-морского флота. Общее число жертв среди немецкого населения восточных районов Германии составило около 500 тыс. человек.

На центральном участке фронта передовые части Советской Армии овладели Варшавой, достигли Кюстрина на Одере, взяли в кольцо Бреслау и овладели мало разрушенной верхнесилезской индустриальной областью. На юге 13 апреля Советская Армия овладела Веной. Началась агония Третьего рейха.

16 апреля 1945 г. три советских фронта, насчитывавшие в общей сложности 2,5 млн человек, более 42 тыс. орудий, 6200 танков и самоходных орудий и 8300 самолетов начали Берлинскую операцию. В районе Берлина находилось три оборонительных полосы, четыре немецких армии, насчитывавшие 83 дивизии, берлинский гарнизон численностью 200 тыс. человек и 200 батальонов «фольксштурма». По приказу немецкого верховного командования город следовало удерживать «до последнего вздоха». 20 апреля, в день 56-летия со дня рождения Гитлера, залпом тысяч орудий начался собственно штурм Берлина советскими войсками.

Переход западных союзников через Рейн 7 марта 1945 г. открыл им путь вглубь Германии. Немецкие войска сдавались практически без сопротивления. 18 апреля союзники оккупировали территорию Рур-

ской области. Затем они вышли на Эльбу возле Магдебурга. 19 апреля немцы сдали Лейпциг. 25 апреля, в день открытия учредительной конференции ООН в Сан-Франциско, советские и американские войска встретились на Эльбе. Нацистский режим доживал последние дни, в его руководстве проявились разногласия. Первая группа, во главе с Гитлером, Геббельсом, Борманом и др. до последнего момента надеялась, что при встрече западных союзников с советскими войсками между ними возникнет военный конфликт, которым и воспользуются вооруженные силы Германии для мощного удара с Севера и Юга. Это было следствием политической слепоты и фанатизма. Вторая группа руководителей во главе с Герингом и Гиммлером считала возможным капитуляцию немецких войск на Западе и продолжение с англичанами и американцами совместной борьбы против советских войск. Они даже смогли установить в Швейцарии контакты с представителями Англии и США. Но эта группа недооценивала силу отрицательной реакции общественности антигитлеровской коалиции на возможный союз с нацистами. Третья группа (министр вооружений Шпеер, представители деловых кругов) считала нереалистичным столкновение между странами антигитлеровской коалиции. Они стремились лишь к тому, чтобы избежать общей капитуляции. Но все эти закулисные маневры части нацистского руководства были разрушены событиями на советско-германском фронте.

25 апреля две советские группы войск под командованием маршала ***Георгия Константиновича Жукова*** (1896–1974) и маршала ***Ивана Степановича Конева*** (1897–1973) завершили окружение Берлина и ворвались в город. Начались ожесточенные уличные бои, 30 апреля Красное знамя было водружено над рейхстагом.

В этот же день Гитлер и Геббельс покончили жизнь самоубийством в бункере имперской канцелярии. В оставленном «завещании» своим «преемником» Гитлер назначал адмирала ***Карла Дёница*** (1891–1980), который в г. Фленсбурге на датской границе (британская зона оккупации) сформировал «правительство», стремившееся спасти остатки вермахта от безоговорочной капитуляции. Несмотря на предпринятые усилия, это намерение провалилось.

7 мая в Реймсе перед представителями западных союзников Германия была вынуждена подписать ***Акт о безоговорочной капитуляции.*** Он вступил в силу ***9 мая 1945 г.*** в 0 час. 00 мин., после повторного подписания капитуляции перед представителями Верховных командований СССР, США, Англии и Франции в восточной части Берлина — ***Карлсхорсте.***

«Правительство» Дёница просуществовало чуть более трех недель. Все его усилия в эти дни были направлены на то, чтобы как можно больше людей перевести из советской зоны оккупации в зоны западных союзников из страха перед Советской Армией. Более половины немецкой военной группировки на Востоке (1 млн 850 тыс. солдат и офицеров) перешли за англо-американскую линию оккупации, в то время как 1,5 млн были взяты в плен советскими войсками. Более чем 2 млн гражданских лиц самостоятельно достигли западных зон оккупации через Балтику, Шлезвиг-Гольштейн и Данию. По настоятельному требованию советской стороны 23 мая 1945 г. британские войска наконец арестовали правительство Дёница.

Европейская война была окончена. Тихоокеанская война подошла к концу 2 сентября 1945 г., после капитуляции Японии. В Германии союзники по антигитлеровской коалиции, согласно Берлинской декларации от 5 июня 1945 г., взяли на себя верховную власть. Третий рейх перестал существовать де-факто и де-юре.

Война, которая планировалась и была развязана нацистской верхушкой как ряд «блицкригов», превратилась во Вторую мировую войну, в огне которой погибло около 60 млн человек. Общий театр военных действий более чем в 5 раз превышал театр военных действий Первой мировой войны. В той или иной степени в войну были втянуты 64 государства с населением 1 млрд 700 млн человек.

Вторая мировая война имела колоссальные последствия для судеб человечества. Были пересмотрены границы ряда государств, произошло очередное «великое переселение народов» XX в. Изменилась геополитическая ситуация: вместо 8 «великих» держав, как это было в 1939 г., осталось 2 «сверхдержавы» — США и СССР, началась «холодная война». Постепенно сложилась так называемая «Ялтинско-Потсдамская» система международных отношений. Все это напрямую повлияло на судьбу Германии.

Последствия войны были тяжкими и для нее: 7 млн 234 тыс. погибших или 9,5 % предвоенного населения. Потери гражданского населения близки к числу погибших солдат и офицеров: 3 млн 204 тыс. и 4 млн 30 тыс. соответственно. Около 17 млн людей остались без крова. Были сильно разрушены 41 крупный и 158 средних городов, экономика была парализована.

Тотальное поражение и безоговорочная капитуляция надолго вычеркнули Германию из разряда великих держав европейского континента. После того как Германия три четверти столетия просуществовала как единое государство, она вновь на 45 лет утратила свое

единство. К этому страну привела нацистская империалистическая политика создания «нового порядка» в Европе и мире. Крах внешней политики и дипломатии нацистской Германии представляется очевидным.

Война с наглядностью продемонстрировала, к чему может прийти общество, если власть попадет в руки террористических, правоэкстремистских сил. Поражение Германии в войне было поражением и нацистской идеологии. «Национал-социалистическая революция» вместо «возрождения» Германии столкнула ее в пропасть мировой войны, международное сообщество осудило национал-социализм как систему власти.

Тяжелыми оказались последствия нацизма и для морального состояния немцев. Глубокое чувство вины, которое, пожалуй, стало одной из черт менталитета нации, до сих пор, по прошествии более чем полувека после окончания войны, делает все споры вокруг «добровольных помощников» Гитлера очень болезненными.

Гитлер и его сторонники своей войной парадоксальным образом ускорили в мире как раз те процессы, которым хотели помешать: они хотели уничтожить Советский Союз и поставить на колени США, — но именно эти страны стали определять мировое послевоенное развитие. Нацисты планировали создать обширную колониальную империю, — а в результате войны ускорился распад колониальной системы. Гитлеровский национал-социализм прокламировал уничтожение «мирового еврейства» — и дал тем самым решающий толчок к образованию Израильского государства. Намерением нацистов было во второй раз сделать «рывок к мировому господству», — а они проиграли не только Германию как мировую державу, но и ее политическое единство.

Национал-социалисты были фанатичными сторонниками господства белой, «арийско-нордической» расы над Европой и миром. Опыт же мировой войны, которую они развязали, дал импульс к основанию Организации Объединенных Наций и проектам Европейского Сообщества. Тем самым был дан решающий толчок к преодолению идеи национального государства и «расовой чистоты» наций. Все эти «парадоксы» явились следствием того, что мировоззрение Гитлера, идеология нацизма и фашизма в целом, не были ни «современными», ни «рациональными».

Антифашистскому движению Сопротивления не удалось самостоятельно свергнуть гитлеровский режим. Германия была освобождена от нацизма силами антигитлеровской коалиции. Это показывает, что

фашистская идеология в определенных условиях может увлечь за собой значительную часть населения. Своевременное распознавание и борьба с ней, недопущение фашистов к власти являются задачами и сегодняшнего дня.

Историография национал-социализма

Историография национал-социализма колоссальна по своему объему. Только библиография работ, опубликованных на Западе, насчитывает более 20 тыс. наименований и продолжает расти. Это объясняется огромным влиянием германского фашизма на судьбы Германии, Европы и мира. Активному изучению истории национал-социализма способствовала также широкая база источников. Первые из них были опубликованы в материалах Международного военного трибунала над главными военными преступниками, который проходил в Нюрнберге в ноябре 1945 — октябре 1946 г.

Изучение фашизма не было и не является монополией немецких историков и носит международный характер. В отличие от немцев, историки других стран были свободны от груза нацистского прошлого, и это давало определенный выигрыш их исследованиям.

На Западе, за пределами Германии, наибольшего прогресса в изучении нацизма достигли англичане и американцы, а в изучении Холокоста видное место занимают израильтяне. Западные историки во многом придавали свежие импульсы исследованию нацизма своими новыми подходами, а также сильными либеральными традициями и оказали большое влияние на западногерманскую историографию.

В изучении фашизма с марксистских позиций особенно большую роль сыграли историки СССР. Активно работали в этом направлении и ученые бывших социалистических стран Восточной Европы — ПНР, ЧССР, СФРЮ и др. Но в этих странах изучение фашизма велось на узком методологическом пространстве и было сильно политизировано, что отрицательно сказывалось на тематике и глубине исследования. Это, безусловно, относилось и к историографии ГДР.

Тем не менее историки-марксисты внесли большой вклад в исследование темы преступлений нацизма, особенно на оккупированных нацистской Германии территориях, а также в изучение войны и антифашистского движения Сопротивления. Много внимания было уделено вопросам исторических и идеологических корней национал-социализма, ответственности реакционно-консервативных политических кругов и крупного капитала за приход фашистов к власти. В Советском Союзе наибольший вклад в исследование германского

фашизма внесли такие историки и публицисты, как А. А. Галкин, Л. И. Гинцберг, А. С. Бланк, В. А. Буханов, В. И. Дашичев, Д. Е. Мельников, Д. М. Проэктор, М. И. Семиряга, Л. А. Безыменский, Л. Б. Чёрная. Проблемам внутриполитического развития нацистской Германии посвятили свои работы Г. Л. Розанов, А. А. Аникеев, М. Е. Ерин, Н. С. Черкасов и др. историки. В новой России продолжает развиваться историография национал-социализма, а также издается много работ известных зарубежных авторов, посвященных германскому фашизму и его лидерам.

Критическое обсуждение, «исторические дебаты» вокруг проблем возникновения, существования и «наследия» Третьего рейха стали важнейшим элементом формирования новой политической культуры двух послевоенных немецких государств. В течение 40 лет их развитие шло различными путями. В ФРГ утвердилась западная модель либерально-демократического общества. ГДР пошла по пути общественного развития советского типа. Но «преодоление прошлого» во многом шло сходными путями. При всех коренных идеологических различиях и политическом противостоянии двух германских государств, в них возобладала одна общая тенденция — осуждение нацизма, всех видов фашизма и неофашизма, признание антифашистских ценностей.

«Разрыв» или континуитет истории?

Сразу после войны в консервативных общественных, политических и религиозных кругах Германии и за ее пределами было широко распространено мнение о Третьем рейхе, как своеобразном «несчастном случае» в немецкой истории, как «разрыве» с историей (историк Г. Риттер). Такой подход был попыткой отмежеваться от преступлений нацизма, но он ставил под сомнение основополагающий принцип историзма, на котором длительное время возводилось здание немецкой историографии.

Такому суждению противостояли либеральные историки. Крупнейший из них — Ф. Майнеке — объяснял «немецкую катастрофу» (название его книги 1946 г.) засильем в немецкой идеологии консервативных прусско-германских традиций, которые были «той исторической силой, которая, пожалуй, в наибольшей степени содействовала созданию Третьей империи».

Марксистские авторы видели корни нацизма в особой агрессивности германского империализма, а история Германии представлялась некоторым из них как некая «предыстория» Третьего рейха

(*А. Абуш.* Ложный путь одной нации, 1946; *А. Норден.* Уроки германской истории,1948).

В дальнейшем идеи о германском фашизме как власти крупного капитала и крайней формы милитаризма получили развитие в марксистской историографии ГДР. Основными ее темами стало изучение поддержки нацистской партии со стороны монополий, немецкой военщины и крупных аграриев (К. Дробиш, К. Госсвайлер, Э. Чихон, В. Руге и др.). Много внимания уделялось развитию военного хозяйства нацистской Германии (Д. 628хольц и др.). Достаточно глубоко исследовались идеологические корни фашизма, его составные части, например антисемитизм (К. Петцольд и др.). Историки восточногерманского государства исследовали также террористическую и пропагандистскую машину нацизма, ее преступную сущность. Несмотря на методологическую и тематическую узость, историкам ГДР удалось добиться неплохих результатов в исследовании нацистского варианта государственного регулирования и планирования капитализма и заслужить в этой области международное признание. После объединения Германии в 1990 г. марксистская историография практически сошла на нет и в новых восточных землях воцарилась плюралистическая модель историографии по западногерманскому образцу.

Основная масса немецких исследований по нацизму и раньше сосредоточивалась в ФРГ. На первых порах много внимания было уделено причинам прихода Гитлера к власти. Большая заслуга в исследовании этой темы принадлежит К. Д. Брахеру, который в своей работе «Распад Веймарской республики» исследовал роль системного кризиса власти последних лет республики (1957). При этом ученые обращали внимание на тот факт, что становление нацизма как движения и прорыв его к власти осуществлялись на фоне общеевропейского кризиса буржуазного либерализма и демократии, а национал-социализм явился составной частью европейского фашизма (Э. Нольте).

Большое значение для утверждения в ФРГ мнения о континуитете внешнеполитических планов кайзеровской и нацистской Германии имела книга леволиберального историка Ф. Фишера «Рывок к мировому господству» (1961). Она способствовала признанию историками тесного сотрудничества и «решающей параллельности интересов партийной верхушки, вермахта и крупной промышленности» в Третьем рейхе (Д. Петцина). Эта точка зрения противостояла попыткам реабилитировать крупный капитал и милитаристские круги Германии.

В ФРГ была также достаточно распространена точка зрения о том, что Гитлера вынудили начать войну внешнеполитические обстоя-

тельства и «враги» Германии (тезис о «превентивной войне»). Реалистически мыслящие историки ФРГ (А. Хильгрубер, К. Хильдебрант, Г.-А. Якобсен, В. Михалка, и др.) в своих работах, посвященных внешней политике и войне, приложили немалые усилия, чтобы сломать подобный стереотип послевоенного немецкого сознания и раскрыть агрессивные намерения фашистской Германии. Историками либерально-демократического направления была развеяна легенда о «чистом», незапятнанном преступлениями вермахте (М. Мессершмит, Р. Д. Мюллер, Г. Г. Вильгельм, Ю. Фёрстер, В. Ветте, Г. Юбершер, Х.-Х. Нольте и др.).

Большое внимание было уделено феномену Гитлера. В 1973 г. Й. Фест опубликовал основательную биографию Гитлера, которая выдержала ряд изданий и переведена на многие языки. С тех пор биографический жанр занимает видное место в историографии нацизма и постепенно создаются работы о всех видных руководителях Третьего рейха.

Западногерманским историкам либерального и демократического толка пришлось немало потрудиться для того, чтобы противостоять представлению большого числа немцев о «хороших довоенных временах» при Гитлере. Они много сделали для освещения характера внутриполитической жизни при нацизме, организации государственной власти, разоблачению преступлений нацизма (М. Брошат, П. Лонгерих, О. Когон, В. Бенц и др.).

В отличие от ГДР, в Федеративной республике изучение фашизма проходило в обстановке споров. Особенно это касалось вопроса об историческом месте национал-социализма. Так, например, острую дискуссию вызывал вопрос о сочетании в национал-социализме элементов «модернизма» и «варварства», идей индустриального и доиндустриального общества. Большинство немецких историков отрицательно отнеслось к попыткам некоторых авторов расценивать мировоззрение Гитлера как «современное». Они считают, что «модернистские», внешне передовые средства (технический прогресс, социальная политика, открытия в медицине и др.) были поставлены на службу в корне реакционным и явно антимодернистским целям. Х. Моммзен назвал это явление «симуляцией модернизма», а Н. Фрай полагает, что «модернизация носила вынужденный характер и не была сущностью режима».

Современная немецкая историография проявила определенные тенденции к ревизии некоторых оценок периода национал-социализма. Они не касаются преступной сущности нацизма, а связаны

с преодолением тезиса о «разрыве истории» в его эпоху. Теперь исторический континуитет признается не только в сфере реакционно-консервативных идей и агрессивной политики, но и в других областях жизни Германии. Констатируется, например, что в социальной политике нацизма получили дальнейшее развитие социальные традиции Германии конца XIX — 20-х гг. XX в., и она (политика) была в чем-то воспринята ФРГ (Г. Винклер, Н. Фрай и др.). Нацисты, подчас невольно, способствовали развитию социально-нивелированного общества «среднего класса» (В. Бенц, Б. Вендт, К.-Й. Хуммель, К. Дюффлер и др.).

В современных обобщающих исследованиях ярко отразилась «многоцветность» нацистского режима, которая помогает лучше понять его притягательную силу для народа и одновременно его преступную энергию («Соблазн и принуждение» Х.-У. Тамера, «Обманчивое сияние Третьего Рейха» П. Райхеля и др. работы).

«Добровольные подручные Гитлера?»

Общественное мнение всегда будоражил вопрос о степени вины и ответственности немцев за преступления национал-социалистов. В 1996 г. этот вопрос с особой остротой был поставлен американским историком Д. Гольдхагеном в книге «Добровольные подручные Гитлера». В ней он сделал однозначный вывод о предрасположенности всех немцев к поддержке нацистских преступлений. Дискуссия вокруг этой книги, само развитие немецкой историографии выдвинули вопрос о реакции населения на политику национал-социализма в центр внимания практически всех работ о нем.

Еще в 70–80-е гг. XX века историки основательно исследовали социальный состав и электорат нацистской партии. Одновременно эта тема была дополнена изучением национал-социализма на региональном, муниципальном и коммунальном уровне. Немецкие ученые стали глубоко исследовать "*Alltag*" («повседневную жизнь») при национал-социализме.

В 1990-е гг. видное место заняли вопросы изучения системы концлагерей, обращения с военнопленными (особенно — советскими), а также с насильственно угнанными восточными рабочими («остарбайтерами»). Традиционная политическая история отходит на второй план и уступает место постмодернистским методам и темам исторического исследования: менталитета, гендерной политики, культурологическим и религиозным аспектам национал-социализма. В рамках исследования геноцида и Холокоста получила развитие

«история снизу» — история формирования отдельных карательных подразделений, медицинских учреждений, занимавшихся эвтаназией, военных частей, предоставлявших солдат и офицеров для участия в массовых казнях. Были написаны десятки биографических работ деятелей нацистской партии среднего и низшего звена.

Картина истории дополняется рефлексивными воспоминаниями быстро уходящего поколения свидетелей событий. Весь этот большой массив литературы позволяет, в целом, составить мнение о мотивах людей, поддержавших нацистский режим или, наоборот, отвергавших его, о фанатизме одних и индифферентности других. Главный вывод состоит в том, что без системы доносительства, а также коллаборационизма карательные органы нацистской Германии были бы не в состоянии развернуть столь полномасштабный террор как внутри страны, так и за его пределами (П. Мальман).

Исследование Сопротивления национал-социализму также является важным направлением немецкой историографии. В этой области созданы многочисленные работы о тех, кто с риском для жизни противостоял нацизму — независимо от социальной, политической или религиозной предрасположенности. В этом направлении многое сделали такие ученые, как Х. Моммзен, Й. Тухель, П. Штайнбах, Г. Р. Юбершер, К. Дробиш и др. Работы историков над этими темами во многом способствовали увековечению памяти деятелей немецкого Сопротивления и внесли большой вклад в формирование антифашистского консенсуса немецкого общества. Сохранение этого наследия и сегодня остается важной задачей.

ГЛАВА V

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ВОПРОСА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РАСКОЛ ГЕРМАНИИ (1939-1949 гг.)

Десятилетие 1939-1949 гг. — одно из самых драматических десятилетий XX в. — для Германии имело особое значение. После начала Второй мировой войны нацистский режим и его политика перестали быть внутренним делом Германии, поскольку ее цели в войне были агрессивными, а средства, которые использовались для достижения этих целей, — преступными. Речь в этой войне шла не о ревизии Версальского мира, не о возврате колоний, не об изменении границ Франции или Польши, а о переделе мира; о том, будут ли вообще существовать независимые от блока агрессоров государства; по большому счету под вопрос было поставлено само развитие мировой цивилизации.

Поэтому страны, затронутые агрессией и объединившиеся в коалицию, получившую название «антигитлеровской», посчитали себя в случае победы в войне вправе определять судьбу Германии и ее союзников. Таким образом, «германский вопрос» изначально носил международный характер, а решать его предполагалось извне, усилиями антигитлеровской коалиции.

1. Вторая мировая война, антигитлеровская коалиция и германский вопрос (1939-1945)

Возникновение германского вопроса и рассмотрение его сути антигитлеровской коалицией (1939-1944)

О сути германского вопроса всегда было много споров: когда он возник, в связи с чем, как видоизменялся? Одну из самых

известных дефиниций германского вопроса, как «вопроса о государственном существовании Германии и ее статусе в Европе» дал в 1982 г. западногерманский историк Вильфрид Лот.

За отправную точку его возникновения некоторые авторы берут итоги Первой мировой войны, некоторые же уходят еще дальше — к временам объединения Германии «железом и кровью». Весьма распространенной является точка зрения, согласно которой германский вопрос возникает в 1945 г., после поражения Германии в войне, в связи с решениями, принятыми Потсдамской конференцией. Однако большинство историков сегодня полагают, что германский вопрос возник с началом Второй мировой войны, и что первопричиной его возникновения стала агрессивная внешняя политика Германии и антигуманный характер нацистского режима.

Противники Германии начали обсуждать судьбу ее послевоенного устройства фактически сразу после начала Второй мировой войны. Но в самом начале войны ни Англия, ни Франция, конечно, еще не имели определенных представлений о том, как поступить с Германией в случае победы над ней.

Суть германского вопроса в представлениях политических деятелей Англии (да и США) в 1940–1941 гг. была наиболее ярко выражена известным британским дипломатом ***Робертом Ванситтартом*** (1881–1957). Лорд Ванситтарт резко осуждал гитлеровскую политику и полагал, что она выражает немецкий национальный характер. Ванситтарт называл немцев «подонками человечества», то есть не видел особого различия между «немцами» и «нацистами». Он отрицал наличие демократических сил в немецком народе и выступал за кардинальное решение германского вопроса в виде длительной англосаксонской опеки над Германией после победы.

Атлантическая хартия, которую премьер-министр Англии Уинстон Черчилль и президент США Франклин Рузвельт подписали 14 августа 1941 г., носила декларативный характер, поскольку США официально еще не участвовали в войне, а планы по отношению к Германии были сформулированы предельно расплывчато.

В ходе Лондонской Межсоюзной конференции (24 сентября 1941 г.) была оглашена декларация советского правительства, в которой выражалось согласие с принципами Атлантической хартии и говорилось о необходимости «разгрома гитлеровской агрессии и уничтожения ига нацизма...». Каких-то более конкретных заявлений по отношению к будущему Германии не последовало ни в ходе Московской конференции представителей СССР, США и Англии (29 сентября — 1 октября

1941 г.), ни после вступления в декабре 1941 г. во Вторую мировую войну США. Таким образом, в 1939–1941 гг. союзники по формирующейся антигитлеровской коалиции еще не выработали согласованной точки зрения на будущее послевоенной Германии.

1 января 1942 г. в Вашингтоне представители США, СССР, Англии и еще 23 государств подписали «Декларацию объединенных наций», в которой правительства, занятые «общей борьбой против диких и зверских сил, стремящихся покорить мир...», брали на себя обязательства употребить все свои военные и экономические ресурсы для достижения победы над Германией и ее союзниками.

26 мая 1942 г. был подписан договор между СССР и Великобританией о союзе в войне, о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. 11 июня 1942 г. между правительствами США и СССР было подписано соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. Однако и в этих документах, подписанием которых завершилось юридическое оформление антигитлеровской коалиции, суть германского вопроса не была официально сформулирована даже в общих чертах.

Политика по отношению к Германии разрабатывалась в глубокой тайне. Отчасти это видно из секретной переписки, которая велась в годы войны между И. В. Сталиным, У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом. В беседах с советским полпредом в Англии И. М. Майским 27 ноября и 7 декабря 1941 г. У. Черчилль впервые открыто поставил вопрос о расчленении Германии после победы, сделав акцент на отделении Пруссии от остальных ее частей.

В январе 1942 г. по распоряжению Ф. Рузвельта была создана «Консультативная комиссия по послевоенным проблемам», которая вскоре представила на рассмотрение американского правительства несколько планов послевоенного раздела Германии: на три, пять и семь частей. Открытые в середине 90-х г. архивные документы позволяют с уверенностью говорить о том, что аналогичные планы разрабатывались также и руководством СССР.

Официальная же точка зрения советского правительства по германскому вопросу была сформулирована Сталиным в 1942 г. и была широко известна как в СССР, так и за рубежом: «Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается».

Впервые три главных союзника по антигитлеровской коалиции обсудили вопрос о будущем Германии на Московской конференции министров иностранных дел, которая проходила с 19 по 30 октября

1943 г. Государственный секретарь США ***Корделл Хэлл*** (1871–1955) и министр иностранных дел Великобритании ***Антони Иден*** (1897–1977) прямо заявили о необходимости расчленения Германии. Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов уклонился от высказывания советской позиции по поводу послевоенного устройства Германии, заявив, что «вопрос находится в процессе изучения».

Действительно, вопрос тогда тщательно изучался: недавно рассекреченные архивные документы показывают, что известные советские экономисты — научные сотрудники Института мирового хозяйства и мировой политики — уже за месяц до московской конференции представили «Варианты расчленения Германии и их экономические и военные последствия», где предполагалось три варианта расчленения: на три, четыре или семь государств.

Конференция приняла «Декларацию об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства», в которой говорилось, что военных преступников ждет суровое наказание, что они будут судимы на месте народами, над которыми совершали насилия.

Решение германского вопроса было тесно связано с решением других европейских вопросов, поэтому конференция учредила Европейскую Консультативную Комиссию (ЕКК) из представителей СССР, США и Англии.

Тегеранская конференция

Таким образом, к моменту первой встречи «Большой тройки» (И. В. Сталина, Ф. Д. Рузвельта и У. Черчилля) в Тегеране, германский вопрос находился уже в стадии детальной проработки. Тегеранская конференция проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. И хотя основное внимание ее участников было сосредоточено на военных проблемах, прежде всего на проблеме второго фронта, германский вопрос затрагивался при обсуждении почти всех проблем. Настоящая же дискуссия развернулась между главами трех держав в последний день работы конференции — 1 декабря.

Рузвельт предложил план расчленения Германии на пять независимых государств, причем, по его мнению: «...Пруссия должна быть максимально ослаблена и уменьшена в своих размерах». Черчилль заявил, что надо изолировать Пруссию от остальной Германии, а ее южные провинции включить в «дунайскую конфедерацию». Сталин отверг идею объединения дунайских государств и сказал, что «план Рузвельта об ослаблении Германии может быть рассмотрен...». Сейчас трудно сказать, почему Сталин уклонился

от изложения имевшихся «в портфеле» советской делегации планов, один из которых предусматривал разделение Германии на семь государств. Три лидера согласились передать изучение германского вопроса в ЕКК.

Германский вопрос в Тегеране приобрел новый оттенок и в связи с тем, что Сталин, обсуждая предложения Черчилля о границах Польши, которые должны были быть расширены за счет Германии, неожиданно потребовал передать Советскому Союзу незамерзающие порты Кёнигсберг и Мемель, и соответствующую часть Восточной Пруссии.

План Моргентау

В 1944 г. союзники продолжали разрабатывать проекты условий капитуляции Германии, уточнение границ будущих оккупационных зон и размеров репараций, а также разработку планов послевоенного устройства Германии. Среди них были и весьма экстравагантные — типа высылки всех немцев в Сибирь. Но особую известность получил «план Моргентау», названный по имени разработавшего его (по поручению президента Ф. Рузвельта) министра финансов США Генри Моргентау.

Он состоял из 14 пунктов и заключался в «пасторализации» Германии, то есть в превращении ее в «страну полей и пастбищ». План предусматривал передачу Франции Саара и ряда прилегающих к нему территорий; превращение Рура, Рейнской области и района Кильского канала в «международную зону»; расчленение остальной Германии на два «автономных государства»; уничтожение ее крупной промышленности и стимулирование лишенных работы немцев к эмиграции. По сути, Германия должна была в итоге перестать быть конкурентом западных стран, превратиться в сырьевой придаток США и Англии, в поставщика дешевой рабочей силы.

С планом в принципе согласился и У. Черчилль. Когда же о плане стало известно в Германии, геббельсовская пропаганда использовала его на 100 %, убеждая население Германии в том, что «еврей Моргентау поет такую же песню, как и евреи в Кремле»; что готовится чудовищная оккупация Германии, которая приведет к изгнанию 40 млн немцев, к смерти от голода и изнурительного труда; что враги немецкого народа готовят невиданное в истории его массовое уничтожение.

План Моргентау встретил мощное противодействие части американской политической элиты, поэтому он не стал официальным

документом американской политики по отношению к Германии. Но здесь надо подчеркнуть, что державшиеся в строгом секрете планы, которые разрабатывались в 1944–1945 гг. в Москве В. Г. Деканозовым, А. Я. Вышинским, К. Е. Ворошиловым и др., были не намного мягче, чем план Моргентау. Ни о каком едином германском государстве не было и речи, фигурировали только планы безусловного расчленения Германии на 5-7 государств, ее «индустриального разоружения», изменения границ, взимание репараций в течение длительного срока (не менее 10 лет), в том числе «репараций трудом» — то есть «изъятия из германского народного хозяйства нескольких миллионов рабочих единиц ежегодно» и т. д.

В советской историографии практически ничего не писалось и еще об одном авторе идеи расчленения Германии — французском генерале Шарле де Голле, который после освобождения Франции в 1944 г. возглавил ее временное правительство. А между тем, де Голль уже летом 1944 г. энергично выступал за федерализацию Германии; за разделение ее на автономные части; за проведение западной границы Германии по Рейну; за передачу Саара Франции; за установление международного контроля над Руром. Таким образом, идея расчленения Германии активно разрабатывалась в столицах всех четырех держав, которые будут ее оккупировать.

Если суммировать все то, что было сказано союзниками по антигитлеровской коалиции о Германии, то решение германского вопроса (несмотря на имевшиеся между ними большие разногласия) представлялось к концу 1944 г. следующим образом. Достижение военной победы. Полная и безоговорочная капитуляция немецкой армии. Ликвидация гитлеровского режима, демократическое переустройство Германии. Необходимость ее оккупации на какой-то определенный срок. Наказание военных преступников. Непризнание аншлюса Австрии (она должна была стать самостоятельным государством) и всех последующих военных захватов. Изменение границ Германии в пользу Польши и СССР. Расчленение Германии во имя того, чтобы обезопасить себя и непосредственных соседей Германии от новой возможной агрессии. Необходимость возмещения Германией нанесенного ущерба путем взимания с нее репараций.

Обращает на себя внимание тот факт, что в этих планах отсутствуют представители немецких политических кругов. Союзники по антигитлеровской коалиции не хотели тогда считаться с ними, а германский вопрос изначально предполагалось решать извне, без участия или с минимальным участием немцев.

Решения по германскому вопросу, принятые в Ялте и Потсдаме

Крымская конференция

К началу февраля 1945 г. советские войска вышли на Одер и находились в 60 км от Берлина. Было ясно, что до конца войны в Европе остается несколько месяцев. В этих условиях была необходима новая встреча лидеров антигитлеровской коалиции. Такая встреча И. В. Сталина, У. Черчилля и Ф. Рузвельта состоялась 4–11 февраля 1945 г. в Крыму, во дворце Ливадия близ Ялты и получила название Крымской (Ялтинской) конференции.

Участники «Большой тройки» хорошо понимали, что именно эта конференция должна заложить основы послевоенного устройства. Поэтому германский вопрос стал главным вопросом для обсуждения. Более года (с декабря 1943 г.) выработкой рекомендаций по его решению занималась ЕКК в Лондоне. Комиссия работала плодотворно, она подготовила к началу Крымской конференции несколько вариантов документа о безоговорочной капитуляции Германии, Декларации о поражении Германии и взятии на себя верховной власти союзниками, Соглашения о зонах оккупации и т. д.

Главы делегаций по итогам Крымской конференции сделали небольшое публичное Заявление, объемом в 9 страниц, в котором преобладали общие фразы, составленные в нарочито обтекаемой форме. Там говорилось о планах *принудительного* осуществления условий безоговорочной капитуляции после *полного разгрома* Германии; *об уничтожении* германского милитаризма; *о ликвидации* или *взятии под контроль* всей промышленности, которая могла бы быть использована для военного производства; о необходимости *стереть с лица земли* нацизм; о взимании репараций в *максимально возможной мере*; о *существенном приращении территории* Польши за счет немецких земель; наконец, о готовности принять совместно *также другие меры* (выделено нами. — *Авт.*) в Германии, которые могут оказаться необходимыми для будущего мира.

Такую информацию получила мировая общественность о Крымской конференции сразу после ее окончания. Именно эта информация (с соответствующими комментариями и искажениями нацистской пропаганды) стала также достоянием немцев. Хотя в Заявлении и говорилось о том, что в цели союзников не входит уничтожение германского народа, ведомство доктора Геббельса, делая акцент на угрожающих словах (уничтожить, ликвидировать, стереть с лица зем-

ли и т. д.), на недосказанностях («и другие меры») этого документа, постаралось убедить солдат, офицеров и рядовых бюргеров в том, что враги Германии в Ялте придумали нечто такое страшное, что боятся об этом сказать прямо, и что немцам остается только сражаться до конца и надеяться на гений фюрера.

Много времени на Крымской конференции заняло обсуждение репарационной проблемы. Было решено создать специальную репарационную комиссию, но в принципе договорились о том, что Германия обязана возместить ущерб, причиненный ею в ходе войны другим государствам. За основу для расчета была взята сумма в 20 млрд долларов и договоренность, что 50 % этой суммы пойдет Советскому Союзу.

Проблему расчленения Германии первым в Ялте поднял Сталин, и это до сегодняшнего дня предмет спора историков: почему именно советский руководитель был в феврале 1945 г. наиболее настойчив в вопросе о расчленении? Ни один из лидеров «Большой тройки» не высказывался против расчленения Германии, дальнейшая дискуссия в принципе свелась к тому, чтобы, как сказал Рузвельт: «...уже здесь, в Крыму, следует договориться о том, скажем ли мы немцам, что Германия будет расчленена». Немцам об этом не сказали, но в итоге дискуссии для изучения процедуры расчленения Германии была создана специальная комиссия из трех человек: министра иностранных дел Великобритании А. Идена (председатель), послов США и СССР в Лондоне Дж. Вайнанта и Ф. Т. Гусева.

Союзники согласовали планы окончательного разгрома Германии и утвердили Соглашение о зонах оккупации. Им предусматривалось, что американские войска займут юго-запад Германии, английские — северо-запад, советские — восток. Было также решено, что за счет английской и американской зон небольшую зону оккупации в Германии получит Франция. Новым в оккупационной проблеме стал и вопрос о «Большом Берлине», который должен был войти в советскую зону. Но поскольку он был избран местом пребывания Контрольного Совета по Германии, было решено, что Берлин будет управляться межсоюзнической комендатурой, и будет занят войсками всех оккупирующих Германию держав.

Таким образом, за 3 месяца до окончания войны в Европе и капитуляции Германии союзники по антигитлеровской коалиции были полностью готовы применить для решения германского вопроса самые суровые меры, вплоть до лишения Германии значительных

территорий, до насильственного переселения миллионов немцев, и даже до расчленения страны.

Подписание Акта о безоговорочной капитуляции В. Кейтелем, 8 мая 1945 г.

Но когда комиссия по расчленению начала в марте 1945 г. свою работу, советский представитель, посол СССР в Великобритании Ф. Т. Гусев, фактически отказался от идеи расчленения, на которой так настаивали Сталин и Молотов в Ялте. Гусев передал председателю комиссии Идену письмо, где говорилось, что советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Германии «не как обязательный план расчленения», а как возможное средство «для нажима» на нее, «если другие средства окажутся недостаточными».

Член комиссии от США Вайнант срочно телеграфировал в Вашингтон о столь радикальном изменении позиции СССР и получил указание также уклоняться от принятия окончательных решений. Таким образом, вопрос о расчленении Германии был фактически снят с повестки дня комиссии. Потом, в апреле — начале мая 1945 г., именно советские представители в ЕКК выступили и за то, чтобы изъять положение о расчленении из документа о безоговорочной капитуляции Германии и из Декларации о поражении Германии. Таким образом, термин «расчленение» исчез и из этих документов. Подобные «маневры» советской дипломатии до сих пор не получили однозначного объяснения.

Официальная же точка зрения советского правительства по поводу расчленения Германии была высказана Сталиным 9 мая 1945 г. В обращении к советскому народу по случаю дня Победы он заявил: «Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию».

* * *

7 мая в Реймсе, а 8 мая в восточной части Берлина — Карлсхорсте — были подписаны акты о безоговорочной капитуляции германской армии. Вторая мировая война, которая была начата Германией,

Подписание Акта
о безоговорочной капитуляции
Г. К. Жуковым, 8 мая 1945 г.

которая велась с жестокостью, не знающей примеров, а на Востоке была вообще «войной на уничтожение», закончилась для Германии полным крахом.

Третий рейх перестал существовать. Победа далась ценой страшных, невиданных ранее жертв и разрушений. Преступления, совершенные нацистами (и которым народы Европы вели счет), были настолько ужасны, что решения, которые должны были принять победители по отношению к Германии, должны были быть адекватны этим жертвам и преступлениям.

Первая из задач по разрешению германской проблемы — военный разгром Германии — была решена. Для решения остальных задач, которые были сформулированы в документах антигитлеровской коалиции, нужны были иные методы. Все точки над "*i*" должна была расставить новая конференция, подготовка к которой осуществлялась с середины мая.

Берлинская (Потсдамская) конференция

Берлинская (Потсдамская) конференция проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г. В третий раз за одним столом переговоров встретились И. В. Сталин и У. Черчилль. Американскую делегацию возглавлял новый президент США ***Гарри Трумэн*** (1884–1972). Но в Англии 5 июля состоялись парламентские выборы, победу одержала лейбористская партия, и с 28 июля английскую делегацию возглавил в качестве премьер-министра лидер лейбористов ***Клемент Эттли*** (1883–1967).

Ситуация середины июля 1945 г. существенно отличалась от ситуации середины февраля, когда принимались ялтинские решения. Военные действия в Европе окончились. Начался период оккупации Германии и ее бывших сателлитов. Ф. Рузвельта, который надеялся на установление долгого и прочного мира, базирующегося на послевоен-

ном сотрудничестве великих держав — участников антигитлеровской коалиции, на посту президента США сменил лидер правого крыла демократической партии, ярый антисоветчик Г. Трумэн.

И Трумэн, и Черчилль на исходе Второй мировой войны рассматривали СССР как потенциального противника. Примерно так же смотрел на союзников по антигитлеровской коалиции и Сталин. Поэтому лидеры «Большой тройки» ехали в Потсдам с другими настроениями, нежели в Ялту. Причем Трумэн находился в преддверии испытания атомной бомбы (оно было произведено 16 июля 1945 г.), на которую возлагались очень большие надежды. Все это прямо повлияло и на ход конференции, и на ее решения.

Потсдамская конференция, в отличие от Версальской, не была «мирной». На ней не предполагалось выработки условий мирного договора с Германией и ее союзниками, она должна была или подтвердить и конкретизировать ялтинские договоренности, или отвергнуть их. И дискуссия по германскому вопросу, которая развернулась в Потсдаме, отличалась от той, которая проходила в Ялте. Ее главное отличие заключалось в том, что основные политические, территориальные, административные, экономические проблемы были уже обговорены и отчасти согласованы в Крыму. В Потсдаме должны были быть выработаны общие принципы проведения координированной политики союзников и механизм их реализации. Решения Потсдамской конференции (в отличие от решений, принятых в Ялте) должны были быть доведены до населения Германии.

Единственным документом, принятым по итогам двухнедельных дебатов, был «Протокол Берлинской конференции трех великих держав». Он был подписан 1 августа, но был обнародован позднее. Достоянием же мировой общественности стало «Сообщение о Берлинской конференции трех держав», опубликованное уже 3 августа 1945 г. Миллионы немцев внимательно, со страхом и надеждой, еще и еще раз читали раздел III этого Сообщения, названный «О Германии»: «...Германский народ начал искупать ужасные преступления, совершенные под руководством тех, кому, во время их успехов, он открыто выражал свое одобрение и слепо повиновался...

Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире...».

Далее в Сообщении о конференции был полностью приведен текст Соглашения «Политические и экономические принципы, ко-

торыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период»; разделы Протокола конференции «Репарации с Германии», «Город Кёнигсберг и прилегающий к нему район», «О военных преступниках», «Упорядоченное перемещение германского населения» и др.

Таким образом, немцы уже 3 августа 1945 г. получили возможность изучить и оценить главные решения, принятые в Потсдаме, причем оценки изначально были диаметрально противоположными. Принципиальные решения конференции относительно будущего Германии касались сути оккупационной политики, проблем границ и репараций.

Оккупация была признана необходимой мерой, носящей временный (но не оговоренный конкретными сроками) характер. Ее главными целями провозглашались: полное разоружение и демилитаризация Германии; уничтожение нацистской партии, ее филиалов и подконтрольных организаций, отмена нацистских законов, запрет пропаганды нацизма и милитаризма; подготовка реконструкции германской политической жизни на демократической основе (разрешение деятельности демократических партий и профсоюзов, создание органов местного самоуправления, разрешение свободы слова, печати и деятельности религиозных учреждений); децентрализация экономики.

То есть были сформулированы принципы и задачи, которые позже получили название политики «четырех Д»: «демилитаризация», «денацификация», «демократизация» и «декартелизация». Это были колоссальные задачи, которые никогда не ставили перед собой победители всех предыдущих войн. Само понятие «оккупация» приобрело качественно новое содержание.

Верховная власть в Германии должна была осуществляться главнокомандующими вооруженных сил СССР, США, Англии и Франции. Причем в своей зоне оккупации каждый главнокомандующий действовал по инструкциям своего правительства. Вопросы, затрагивающие Германию в целом, должны были обсуждаться совместно. Для этого было предусмотрено создание из 4 главнокомандующих специального органа — Союзного Контрольного Совета (СКС).

Надо подчеркнуть, что советская делегация внесла проект о создании центральной германской администрации, которая должна была действовать под руководством СКС. Но после дискуссии по этому вопросу было решено: «Пока не будет учреждено никакого центрального германского правительства». Некоторые историки считают такое

решение «роковым» с точки зрения дальнейшего развития событий, полагая, что именно оно во многом предопределило раскол Германии.

Однако союзники прекрасно понимали, что, опираясь только на оккупационные войска, без помощи самих немцев, они не смогут решить ни одну из задач политики «четырех Д». Поэтому в ряде пунктов Протокола Потсдамской конференции говорилось о том, что будет «создан германский административный аппарат... будут учреждены некоторые существенно важные центральные германские административные департаменты... в частности, в областях финансов, транспорта, коммуникаций, внешней торговли и промышленности». То есть в Протоколе был, в общем-то, обозначен путь формирования центрального, демократического по своей сути, германского правительства, с которым можно будет подписать мирный договор.

В Потсдаме с новой остротой встал вопрос о Польше и ее границах, а стало быть, и о границах Германии. По восточной границе дискуссий больше не было. Но Ялтинская формула о «существенном приращении территории Польши на севере и на западе» была весьма расплывчатой. Поэтому 20 июля 1945 г. В. М. Молотов вручил своим коллегам А. Идену и ***Джеймсу Френсису Бирнсу*** (1879–1972) «Предложение делегации СССР о западной границе Польши», в котором предлагалась следующая линия границы (с севера на юг): «западнее Свинемюнде до реки Одер с оставлением г. Штеттина на стороне Польши, далее вверх по течению реки Одер до устья реки Зап. Нейсе и отсюда по реке Зап. Нейсе до чехословацкой границы».

Это предложение вызвало бурную дискуссию. У. Черчилль и Г. Трумэн не хотели соглашаться с такими границами, когда Германия должна была потерять четверть всех обрабатываемых сельхозугодий (в границах 1937 г.), и где жило до войны около 8 млн немцев; когда Германия теряла, а Польша получала исторические немецкие территории, включая старинный город Бреслау.

Однако с 28 июля английскую делегацию возглавил новый премьер-министр Англии — К. Эттли, и на заседании глав правительств 31 июля западные союзники уступили нажиму Сталина, они фактически согласились с точкой зрения советской стороны о западных границах Польши. У. Черчилль потом говорил, что это была непростительная уступка, и что если бы он остался в Потсдаме, он устроил бы Сталину «скандал», но не допустил бы такой формулировки Протокола конференции.

Границы Германии серьезно менялись и в результате передачи Советскому Союзу г. Кенигсберга с прилегающим районом (ныне

это г. Калининград и Калининградская область РФ). Это также было одним из «спорных» решений конференции. СССР получал территорию площадью 15,1 тыс. кв. кмв. Притязания Сталина на то, что это исконно русские земли, звучали малоубедительно: в любом довоенном советском географическом словаре писалось о Кенигсберге, как о «старинном немецком городе, основанном в 1255 г.».

В историографии и в политике было много споров о том, справедливы или нет решения о границах, принятые в Потсдаме. Споры ушли в прошлое, ибо Договорами 1970 и 1990 гг. границы признаны нерушимыми. Но тогда, в 1945 г., Германия теряла (по сравнению с границами 1937 г.) примерно 25 % сельскохозяйственных угодий, 17 % каменноугольных месторождений и 6,4 % промышленных сооружений. Причем было решено, что старинная земля Пруссия должна быть ликвидирована «как источник войн и агрессии в прошлом».

Вопрос о границах был тесно связан с вопросом о насильственном выселении немцев. Согласно Протоколу Потсдамской конференции они подлежали выселению из Польши, Венгрии и Чехословакии. Судьба немцев в отдаваемом Советскому Союзу Кенигсберге и прилегающем районе вообще официально не оговаривалась. Но было очевидно, что и их ждет депортация. Западные союзники не могли не понимать, что с территорий, оккупированных Советской Армией, депортация будет осуществлена самым безжалостным способом, но, тем не менее, дали свое согласие. Правда, были сделаны оговорки о том, что выселение немцев должно осуществляться как можно более «гуманно». Но именно эти жестоко изгнанные немцы (точного, общепризнанного числа нет, данные колеблются от 7,8 млн до 12 млн человек, причем из Кёнигсберга многие поехали не на Запад, а в Сибирь) стали первыми жертвами одного из «спорных» решений Потсдамской конференции.

Проблема репараций оказалась в Потсдаме самой дискуссионной. Казалось бы, в Ялте было согласовано почти все, была создана специальная союзническая комиссия для разработки конкретного плана взимания репараций. Однако в Потсдаме западные делегации совершают поворот на 180 градусов, убеждая Сталина в том, что сумма в 20 млрд долларов чрезмерна, так как Германия теряет большие земли, а разрушения германской промышленности слишком велики.

Советская делегация выказала готовность к снижению общей суммы репараций, выдвигались различные компромиссные варианты. В конечном счете, была принята формула, предложенная госсекретарем США Дж. Бирнсом: общая сумма репараций не оговаривается; изъятия про-

изводятся из собственных зон оккупации; СССР в дополнение получит из западных зон примерно 25 % демонтированного там оборудования; репарации же для Англии, США, Франции и др. стран, которые имели на это право, будут взиматься из западных зон и соответствующих германских вложений за границей.

Оценивая решения, принятые в Потсдаме по проблеме репараций, их выгодность или невыгодность для победителей и побежденных, надо учесть тот факт, что Сталин за столом переговоров в Потсдаме после всех претензий и дебатов о суммах, формах и сроках репараций, вдруг заявил о том, что отказывается от золота, от германских инвестиций по всему миру и согласен на репарационные изъятия только из Восточной Германии.

Этому факту долго не было внятного объяснения. Лишь в начале 1990-х г. российскому исследователю П. Н. Кнышевскому удалось найти и опубликовать ранее строго засекреченные документы, из которых стало очевидно, что пока «Большая тройка» заседала в Потсдаме, репарационные поставки из Восточной Германии уже шли в СССР полным ходом. И если в первые месяцы оккупации царила большая неразбериха и преобладала стихия, то на второе полугодие 1945 г. уже был установлен жесткий план по вывозу немецкого оборудования и материалов: не менее 3 млн 600 тыс. т по железной дороге, и не менее 1 млн 200 тыс. т морским путем.

В многолетнем споре историков об оценке выгодности для Советского Союза взимания репараций так, как это было решено в Потсдаме, видимо, более прав П. Н. Кнышевский, который считает, что для сталинского режима бесконтрольный вывоз из своей зоны оккупации был наиболее приемлемым вариантом. Ведь трофейные команды, созданные еще в 1941 г., в апреле 1943 г. были преобразованы в Трофейные войска. Их численность в 1945 г. составляла 34 тыс. человек, было создано еще 5 специальных эвакопоездов с командами по тысяче человек. Таким образом, это была целая правительственная армия.

Что касается немцев, то они, при всех больших потерях от репараций, благодаря такому способу их взимания (демонтаж), смогли через несколько лет после войны модернизировать свою промышленность и сельское хозяйство, а вывезенное в СССР оборудование еще долго работало, будучи давно морально устаревшим.

Проблема мирного договора с Германией детально в Потсдаме не обсуждалась. Она была возложена на Совет министров иностранных дел (СМИД), который учреждался по настоянию американской

надводные корабли: Англии — 148, США — 149, СССР — 155. Из сохранившихся 195 подлодок 165 были уничтожены союзниками, а 30 разделены поровну. Из сохранившихся 1339 вспомогательных судов Англии было передано 397, США — 441 и СССР — 501.

Вопрос о главных военных преступниках в принципе был для союзников ясен: они должны предстать перед судом народов. В Лондонес 28 июня 1945 г. шли переговоры между представителями Англии, США, СССР и Франции о преследовании и наказании главных военных преступников. В итоге переговоров 8 августа 1945 г. было подписано соглашение, в соответствии с которым учреждался Международный военный трибунал.

Таковы были основные решения Потсдамской конференции по германскому вопросу. Сразу после окончания конференции, ее основные решения были направлены в Париж, совместно с предложением к Франции присоединиться к ним. Французское правительство 7 августа 1945 г. дало на эти решения свое принципиальное согласие, с рядом оговорок. Но уже 28 июля 1946 г. премьер-министр Франции *Жорж Бидо* (1899–1983) заявил о том, что Франция якобы не присоединялась к решениям, принятым в Потсдаме, а лишь согласилась с положениями об основных целях оккупации.

Однако суть германского вопроса победителями не была сформулирована; его четкой, общепризнанной дефиниции так никогда и не возникло. В Потсдаме победители договорились лишь о принципах, которыми они должны были руководствоваться в отношении Германии в начальный период оккупации. Предполагалось, что эти принципы лягут в основу мирного договора или будут заменены новыми четырехсторонними соглашениями.

Здесь трудно не согласиться с мнением выдающегося американского политолога и историка, бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера, который писал в книге «Дипломатия» о том, что «Потсдам почти ничего не решил... Многое осталось недоделанным и в подвешенном состоянии, и, как это часто бывает, когда главы государств неспособны договориться, наиболее жгучие проблемы были переданы министрам иностранных дел для дальнейшего обсуждения».

С 1945 г. в историографии идет спор о справедливости решений, принятых по отношению к Германии в Ялте и Потсдаме. Но, прежде чем спорить о справедливости, надо помнить о том, что развязанная нацистами война длилась 6 лет и унесла около 60 млн жизней. В концлагерях и других местах массового уничтожения было уничтожено

около 12 млн человек, из них в ходе Холокоста — 6 млн евреев (треть всего еврейского народа). Около 14 млн граждан европейских стран (в том числе — более 4 млн советских) были насильственно угнаны в Германию, где они занимались принудительным, по сути рабским, трудом.

Беспрецедентный размах преступлений (для которых не было тогда — нет и сегодня — ни оправданий, ни рациональных объяснений), в которых было замешано большинство взрослых немцев, требовал беспрецедентных решений от победителей. Они и были приняты в Потсдаме. Надо подчеркнуть, что по отношению к главным союзникам Германии — Италии и Японии — характер принятых решений был совершенно иным.

2. Оккупация Германии и оккупационная политика четырех держав

Период оккупации, который начался весной 1945 г. и условно закончился с конституированием ФРГ и ГДР осенью 1949 г., — едва ли не самый сложный в послевоенной немецкой истории. Причем работа трех западных верховных комиссаров и советской контрольной комиссии продолжалась до середины 1950-х гг., а рудименты оккупационного режима сохранились и после объединения Германии в 1990 г. (нахождение российских войск до 1994 г., сохранение американских военных баз).

Германия в «час ноль»

Трудно точно определить хронологические рамки метафорического выражения «час ноль». Чаще всего имеется в виду короткий период от конца апреля — начала мая 1945 г. (самоубийство Гитлера и Геббельса, формальная передача власти Дёницу, подписание акта о безоговорочной капитуляции) до 5 июня 1945 г., когда победители объявили о взятии на себя верховной власти в отношении Германии.

До конца 1944 г. война шла за пределами границ Германии и, если не считать бомбардировок городов, которые сопровождались большими жертвами, немецкое население плохо представляло себе, что такое боевые действия. Первым крупным немецким городом, который в октябре 1944 г. заняли американские войска, был Аахен. На-

ступление Советской Армии в январе 1945 г. и опережавшая его волна чудовищных слухов привели к паническому бегству миллионов людей из Восточной Германии. Много беженцев погибло во время боевых действий, а также от холода, голода в царившем хаосе. Страх перед Советской Армией был чрезвычайно велик: тут большую роль сыграла геббельсовская пропаганда, которая 12 лет активно создавала из советского человека «образ врага». Многие старались бежать на Запад, а немецкие солдаты стремились попасть в плен к американцам и англичанам.

Были ли для этого основания? Тут необходимо подчеркнуть следующее. Советская Армия при наступлении повсюду наталкивалась на следы чудовищных преступлений нацистской «войны на уничтожение». Это формировало у солдат чувство мести за совершенные немцами на советской земле злодеяния. К тому же, советские солдаты видели, что немецкий народ жил гораздо богаче, чем они. Поэтому в последние месяцы войны советскими солдатами нередко совершались грабежи, поджоги, изнасилования, было немало ничем не оправданных убийств и других преступлений. Таким образом, в первые дни оккупации созданный нацистами «образ врага» получил определенное подтверждение. Правда, советское командование сразу попыталось пресечь эти бесчинства, но ситуация стала улучшаться лишь в мае, после окончания войны.

Тогда, в «час ноль», только очень небольшая часть немцев — бывшие политзаключенные, противники национал-социализма из числа коммунистов и социал-демократов — рассматривала военное поражение Германии как «освобождение». Подавляющее же большинство населения воспринимало все происходившее как катастрофу. Ситуация действительно была катастрофической. Страна не просто потерпела поражение в войне. Рухнул государственный строй, который регламентировал жизнь. Не было правительства, парламента, политических партий, местных органов власти. Рухнули и все мифы нацистской пропаганды о превосходстве арийской расы, о непобедимости немецкой армии, о «чудо-оружии» и т. д.

В Германии тогда насчитывалось по разным данным от 1,5 до 2,5 млн вдов войны, около 2,5 млн инвалидов и от 4,5 до 6 млн пострадавших от бомбардировок. В 1946 г. женщин было на 7 млн 283 тыс. больше, чем мужчин. Из 57 мостов, которые соединяли берега Майна, Везера и Рейна, уцелел лишь один. Парк паровозов и вагонов составлял 50 % от довоенного уровня, парк грузовых машин еще

меньше — 25 %. Но в целом, благодаря рассредоточению, германская промышленность от бомбардировок союзников в период войны пострадала не так уж сильно. Промышленный потенциал Германии, сосредоточенный в основном на западе страны, сократился в результате боевых действий лишь на 10–15 % и был формально выше довоенного. Но большинство предприятий стояло, так как не было сырья и электроэнергии.

От бомбардировок и боевых действий было сильно разрушено 162 города, прежде всего крупные, такие как Гамбург, Кёльн. В немецкой историографии в последние годы развернулась дискуссия о том, что с военной точки зрения большинство этих бомбардировок были неоправданными. Ведь разрушались в основном не военные объекты, а памятники архитектуры и жилые дома (всего около 2,5 млн); погибали при этом не немецкие солдаты, а старики, женщины и дети. Особенно бессмысленным в этом плане представляется налет англо-американской авиации на город Дрезден в феврале 1945 г. «Флоренция на Эльбе», где практически не было военных объектов, подверглась страшным разрушениям, под бомбами за несколько часов погибли тысячи мирных жителей.

Итак, многие немецкие города лежали в руинах, большинство их жителей были вынуждены ютиться в подвалах или в полуразрушенных домах. Попытки переселиться в деревни были безуспешными: крестьяне едва могли прокормить лишь себя. За марки почти ничего нельзя было купить. Бушевал черный рынок, на котором самой твердой валютой были сигареты, лекарства и спиртное.

Миллионы людей бежали из Восточной Германии и соседних государств еще до запланированного насильственного выселения оттуда немецкого населения. Дороги были заполнены беженцами, освобожденными узниками концлагерей, иностранными рабочими, осиротевшими детьми. Налицо был экономический, политический, морально-психологический хаос. Полная депрессия, постоянное чувство голода и страх перед будущим — это было ежедневным состоянием подавляющего большинства немцев.

Солдаты возвращались с фронта и из плена. К концу войны в плену у союзников находилось от 10 до 11 млн немецких солдат и офицеров. И если американцы и англичане стремились побыстрее отправить пленных домой, то Франция, а особенно СССР, старались как можно дольше использовать их в качестве бесплатной рабочей силы. В советский плен попало более 3 млн немецких солдат и офицеров. Никто из них не знал о продолжительности плена и о

стороны вместо Европейской консультативной комиссии для подготовки мирных договоров с бывшими вражескими европейскими государствами. В состав СМИД должны были войти представители пяти великих держав — постоянных членов Совета Безопасности ООН: США, Англии, Франции, СССР и Китая.

Много споров вызвала проблема контроля над Руром. Он был средоточием германской угольной и металлургической промышленности (до войны там добывалось 82 % немецкого угля, производилось около 70 % чугуна и стали). Рур оказался в английской зоне оккупации, а его роль, с учетом того, что Силезия переходила к Польше, возрастала многократно. Но советское предложение о передаче Рура под совместный контроль США, Великобритании, СССР и Франции натолкнулось на упорное сопротивление министра иностранных дел Англии ***Эрнеста Бевина*** (1881–1951). В конечном итоге Сталин и Трумэн согласились передать вопрос на рассмотрение в Совет министров иностранных дел. Это была одна из немногих позиций, по которым Сталин уступил своим западным партнерам. Не удалось добиться установления четырехстороннего контроля над Руром и впоследствии.

На протяжении всей конференции обсуждался вопрос о судьбе германского флота, поскольку в его решении были заинтересованы все, и прежде всего — СССР, который потерял очень много военных и других кораблей. Относительно флота, как и относительно контроля над Руром, западные державы в Потсдаме «переиграли» Сталина: все конкретные вопросы должна была подготовить специальная военно-морская комиссия из представителей трех держав, причем из своей доли СССР должен был выделить часть судов для Польши. Но в целом вопрос был решен в духе представлений союзников о демилитаризации Германии: у нее оставались только суда, плавающие внутри страны и суда берегового плавания. Германский флот впоследствии был разделен следующим образом. Военные

У. Черчилль, Г. Трумэн и И. В. Сталин. Потсдам, июль 1945 г.

своих шансах на возвращение домой. В плену умер примерно каждый третий. С 1945 г. началось возвращение. Через пересыльный лагерь Фридлянд на демаркационной линии между британской и советской зонами в 1945 г. на Запад прошло 8104 вернувшихся из советского плена, в 1946 г. — 40 375, в 1947 г. — 65 245, в 1948 г. — 114 602, в 1949 г. — 133 958. Но последние вернулись только в 1955 г.

До сегодняшнего дня нет достоверных цифр о количестве насильственно переселенных немцев и числе погибших при этом переселении. Обычно исследователи пишут о 12 млн депортированных немцев, которые оставили за собой около 100 тыс. свежих могил.

Нет точных данных и о так называемых «перемещенных лицах». В западных зонах их называли "*Displaced Persons*", или сокращенно DPs (в советской зоне этот термин вообще не использовался), — то есть об эмигрантах и об угнанных за годы войны из оккупированных стран миллионах французов, голландцев, русских и т. д., которые были узниками нацистских концлагерей или работали на заводах и в сельском хозяйстве.

Только в западных зонах оккупации в 1945 г. насчитывалось от 6,5 до 7 млн DPs. Этих людей нужно было накормить, обеспечить одеждой и дать возможность выехать на родину или за океан — в США, Канаду, Аргентину. Из них около 1,3 млн были французы, а более 4 млн — насильственно угнанные в Германию советские граждане, которые по межсоюзническим соглашениям должны были быть принудительно возвращены в СССР, где многие из них попали в ГУЛАГ.

Холод, голод и нужда первых послевоенных лет ограничивали для большинства немцев жизненную перспективу и сводили ее к индивидуальной борьбе за выживание. Память о прошедшей войне связывалась, как правило, со скорбью о мужьях, отцах, сыновьях, павших на фронте, или с неизвестностью о судьбе пропавших без вести. Собственные страдания делали большинство людей неспособными к восприятию как преступлений немцев, так и к осознанию собственной вины. В первые послевоенные годы было еще много людей, которые не чувствовали себя виновными в преступлениях Третьего рейха; находились даже и такие, кто продолжал верить в величие фюрера, «подло преданного» своими соратниками, в то, что национал-социализм был «истинным путем» германского народа.

Отец западногерманского «экономического чуда» Людвиг Эрхард много лет спустя рассказывал журналистам о тяготах первых послевоенных лет: «Это было время, когда мы в Германии занимались вычислениями, согласно которым на душу населения приходилось раз в пять лет — по одной тарелке; раз в двенадцать лет — по паре ботинок; раз в пятьдесят лет — по одному костюму. Мы вычисляли, что только один из пяти младенцев может быть завернут в пеленки, и что только один из трех немцев мог надеяться на то, что будет похоронен в собственном гробу». На разбитых стенах рейхстага, где было много надписей, сделанных советскими солдатами, написал и кто-то из немцев: «Счастливы те, кто умерли. По крайней мере, им не холодно».

В этот первый месяц, полный хаоса и неопределенности, главными задачами оккупационных властей было разоружить капитулировавший многомиллионный вермахт, начать поиск и аресты нацистских преступников, не допустить массовых беспорядков, эпидемий, голода, обеспечить население Германии хотя бы минимумом продовольствия. Надо сказать, что в целом оккупационные власти с решением этих гигантских задач справились. Симптоматично, что приказ № 01 первого начальника гарнизона Берлина генерала ***Николая Эрастовича Берзарина*** (1904–1945) от 2 мая 1945 г. назывался «О восстановлении органов здравоохранения в Берлине».

Н. Э. Берзарин (в центре), май 1945 г.

В условиях политического вакуума определенную роль сыграли так называемые «Антифа»: антифашистские группы, советы, комитеты и т. п., которые стихийно возникали на освобождаемых весной 1945 г. от нацистов территориях. По разным данным их было от 137 до 500. Руководили ими, как правило, коммунисты и социал-демократы. «Антифа» располагали реальной властью в Ганновере, Бремене, Хемнице, Штутгарте и др. городах, активно занимались вопросами жизнеобеспечения, начали осуществлять поиск бывших активных нацистов.

Но как у западных союзников, так и у СССР, были иные планы денацификации и демократизации Германии, поэтому «Антифа» вскоре во всех зонах оккупации были распущены, а их члены в большинстве

своем вошли в новые органы управления, создаваемые оккупационными властями.

Осуществление верховной власти союзниками. Союзный Контрольный совет, его структура и деятельность

С момента подписания акта о безоговорочной капитуляции 8 мая 1945 г. и до осени 1949 г. на территории Германии не существовало государства. Вся полнота власти была в руках военных администраций США, Великобритании, Франции и СССР. 5 июня 1945 г. в Берлине было созвано первое заседание Контрольного совета по Германии (таким было его официальное название, но в литературе его чаще всего называют «Союзным Контрольным советом» или СКС) в составе четырех главнокомандующих оккупационными войсками. В 17 часов этого же дня главнокомандующие подписали «Декларацию о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии» правительствами СССР, Англии, США и временным правительством Франции. 6 июня 1945 г. Декларация была опубликована в газетах, оглашена по радио. В ее основе были пункты документа о безоговорочной капитуляции, согласованные в Ялте. Таким образом, только почти через месяц после капитуляции миллионы немцев впервые узнали ее суровые условия. В тот же день в кратком изложении были опубликованы соглашения о зонах оккупации и о контрольном механизме реализации верховной власти союзниками.

СКС был универсальным органом: он принял сотни директив, инструкций, обращений, издал десятки приказов и законов, касающихся всех сфер жизни, которые распространялись на все четыре оккупационные зоны и были обязательными для исполнения всеми. Прежде всего надо назвать законы 1945 г.: № 1 от 20 сентября — об отмене нацистских законов; № 2 от 10 октября — о роспуске и ликвидации НСДАП и ее «дочерних организаций»; № 8 от 30 ноября — о мерах по демилитаризации Германии; № 10 от 20 декабря — о наказании лиц, совершивших военные преступления или преступления против мира и человечности и др. 25 февраля 1947 г. СКС принял закон № 46 о ликвидации Прусского государства. Территории, входившие в его состав, или получили статус земель, или вошли в другие земли.

По менее значительным проблемам принимались директивы, например: директива № 41 от 17 октября 1946 г. «Об увеличении зара-

ботной платы рабочим угольной промышленности» и др. В Потсдаме было решено, что во время оккупации Германия будет рассматриваться как единое экономическое целое, поэтому СКС занимался и регулированием кредитно-банковской системы, и юридическими, и многими другими вопросами.

У СКС было довольно много полномочий, чтобы проводить в жизнь решения, принятые в Потсдаме. Но самой уязвимой стороной его деятельности было то, что главнокомандующие, из которых он состоял, подчинялись не Совету, а своим правительствам, руководствовались их указаниями, а не заботой о совместном решении общегерманских проблем. Поэтому сфера разногласий все время увеличивалась. Когда согласия достигнуть не удавалось, военные губернаторы в западных зонах и советский главком действовали, исходя из собственных представлений о демократии, демонтаже, наказании нацистских преступников и т. д. К тому же все решения в СКС принимались на основе консенсуса, действовало и право вето. Им и воспользовался представитель Франции при обсуждении вопроса о создании центральных немецких департаментов.

По мере нарастания «холодной войны» расхождения в СКС между представителями западных держав и СССР становились все более значительными. Реальная власть все более сосредоточивалась в руках зональных военных администраций. В западных зонах оккупационные администрации возглавлялись военными губернаторами. Во главе американской администрации в 1945 г. стоял генерал армии (впоследствии президент США) Дуайт Эйзенхауэр. После него наиболее яркой личностью на этом посту с марта 1947 г. был генерал *Люциус Д. Клей* (1897–1978). В английской администрации такими яркими фигурами были до апреля 1946 г. фельдмаршал *Бернард Л. Монтгомери* (1887–1976) и в 1947–1949 гг. генерал *Брайян Робертсон* (1896–1974). Во главе оккупационных войск и зональной администрации французской зоны был генерал *Пьер Кёниг* (1898–1970).

Советскую военную администрацию в Германии (СВАГ) возглавлял главноначальствующий, в роли которого выступал главнокомандующий советскими оккупационными войсками. Первым главноначальствующим СВАГ был назначен маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Его сменил в марте 1946 г. маршал *Василий Данилович Соколовский* (1897–1968). В апреле 1948 г. на этот пост был назначен генерал армии В. И. Чуйков. Роль СКС постепенно уменьшалась и 20 марта 1948 г. состоялось его последнее заседание.

Вильгельм II

Рекламный плакат АЕГ. 1888 г.

Ф. Ляйбнер. Ступени жизни женщины. 1900 г.

А. Кампф. 1 августа 1914 г. в Берлине. 1914 г.

Г. Гросс. Сумерки. 1922 г.

Ф. Марк. Желто-красно-зеленая корова. 1912 г.

Л. Лазерштайн.
Мотоциклист. 1929 г.

Х. Грундиг. Перед воротами.
1932 г.

Афиша пропагандистского
фильма «Штурмовик Бранд».
1933 г.

Рекламный плакат КДФ.
1938 г.

Рекламный плакат
Гитлерюгенд. 1939 г.

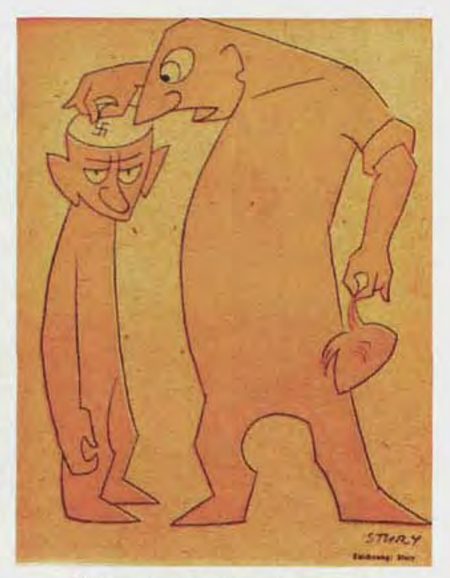
В гетто Люблина. Фото. 1941 г

Цецилиенхоф — место проведения Потсдамской конференции

Зал Потсдамской конференции

Карикатура на проведение денацификации в западных оккупационных зонах. 1948 г.

Рекламный плакат «плана Маршалла» в Германии. 1950 г.

1

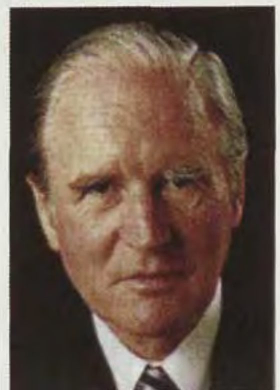
2

3

4

5

6

7

8

9

Президенты ФРГ
1. Т. Хойс (СвДП, 1949–1959); 2. Х. Любке (ХДС, 1959–1969);
3. Г. Хайнеманн (СДПГ, 1969–1974); 4. В. Шеель (СвДП, 1974–1979);
5. К. Карстенс (ХДС, 1979–1984); 6. Р. фон Вайцзеккер (ХДС, 1984–1994);
7. Р. Херцог (ХДС, 1994–1999); 8. Й. Рау (СДПГ, 1999–2004);
9. Х. Кёлер (ХДС, с 2004)

1

2

3

4

5

6

7

Канцлеры ФРГ
1. К. Аденауэр (ХДС, 1949–1963); 2. Л. Эрхард (ХДС, 1963–1966);
3. К. Г. Кизингер (ХДС, 1966–1969); 4. В. Брандт (СДПГ, 1969–1974);
5. Х. Шмидт (СДПГ, 1974–1982); 6. Х. Коль (ХДС, 1982–1998);
7. Г. Шрёдер (СДПГ, 1998–2005)

Сталин – это мир. Плакат. ГДР. 1952 г.

Берлинская стена шла и по Бранденбургским воротам

Настенная тарелка к 20-летию министерства госбезопасности ГДР. 1970 г.

Пропагандистские листовки, подготовленные для заброса на территорию ФРГ. ГДР. 1960 г.

А. Краевски. Л. Брежнев, Э. Хонеккер и Э. Кренц на трибуне Центрального совета ССНМ. 1981 г.

Значок участника акции «Против атомной угрозы». Бонн. 1981 г.

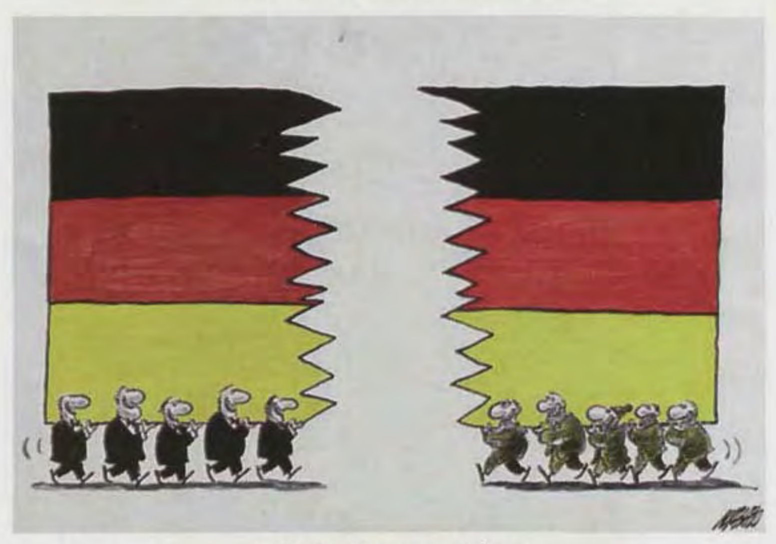
Плакат против угрозы терроризма. Висбаден. 1980 г.

Обложка журнала «Шпигель» с изображением жертвы террористов РАФ. 1977 г.

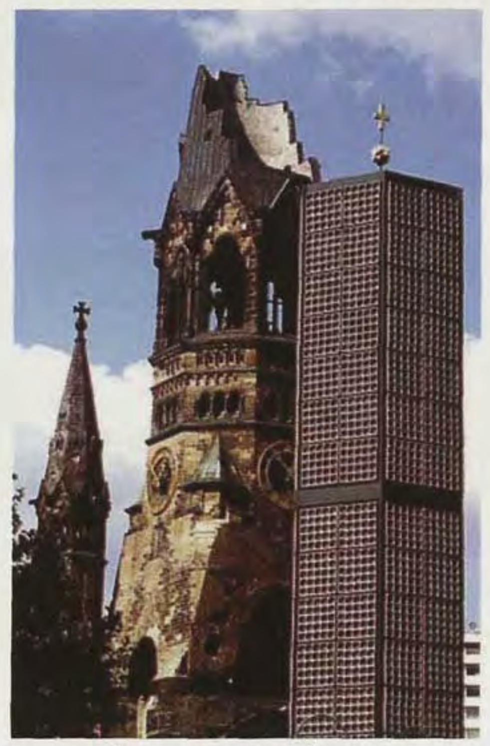
М. С. Горбачев и Х. Коль. 1989 г.

А. Майя. Немецкий флаг.
Карикатура на объединение Германии. 1990 г.

Вывод советских войск из ГДР. 6 апреля 1994 г.

Гедехтнискирхе. Берлин

Берлинский собор

Здесь делают автомобили «Фольксваген»

Выставка современного искусства. 2003

В. В. Путин и Г. Шрёдер

Зоны оккупации. Политика «четырех Д»

Границы оккупационных зон были определены на Крымской конференции и уточнены в Потсдаме.

Название зоны	Территории	Площадь (кв. км)	Население (млн чел.)
Американская	Бавария (без района Линдау), северная часть Бадена с городом Карлсруэ, Гессен, Гессен-Нассау (за исключением 4-х западных районов), северная часть Вюртемберга	116 670	16,7
Британская	Шлезвиг-Гольштейн, Ганновер, Северная часть Рейнской провинции, Вестфалия, Ольденбург, Брауншвейг, Липпе, Шаумбург-Липпе, города Бремен и Гамбург	97 300	22,7
Французская	Южная часть земли Баден, южная часть земли Вюртемберг, южная часть Рейнской провинции, Саар, западная часть земли Гессен, четыре западных района провинции Гессен-Нассау, Гогенцоллерновские земли и Баварский Пфальц	39 000	5,8
Советская	Тюрингия, Саксония, Анхальт, Бранденбург, Мекленбург, Прусская Саксония, часть Западной Померании, Берлин	121 600	17, 8
Берлин		900	3,2
Всего		**375 470**	**66,2**

«Большой Берлин», который находился в центре советской зоны оккупации, был также разделен на 4 сектора, причем советский был самым большим, он занимал 8 восточных районов города (примерно 46 % его территории и более 30 % населения).

Британская зона

Она была самой большой из всех четырех как по численности населения, так и по промышленному потенциалу. В ее состав входила Рурская область — индустриальное сердце Германии.

Британская военная администрация пыталась использовать накопленный веками колониальный опыт «косвенного правления». Ставка тут делалась на формирование лояльного управленческого персонала из самих немцев. Однако подлинного «косвенного правления» не получилось, ибо собственный управленческий персонал рос, как на дрожжах: если в 1945 г. в зоне было около 10 тыс. английских служащих, то в 1948 г. — уже около 60 тыс.

В ранней фазе их оккупации англичане следовали так называемой «краткосрочной политике». Ее суть сводилась к тому, что, во-первых, британские офицеры, вступив на немецкую землю, должны были помнить, прежде всего, об интересах Британии; во-вторых, эта политика была направлена на решение самых неотложных задач — разбор руин, организацию мирной жизни, снабжение населения и т. п.

Главной проблемой в 1945–1947 гг. была проблема снабжения — продовольствием, углем, одеждой, лекарствами. В целом в британской зоне, как и в других зонах оккупации, налицо была картина большой нужды немецкого населения.

«Долгосрочная политика» начала осуществляться с ноября 1945 г. Речь теперь шла о внутреннем обновлении Германии; о том, что демократизация должна проводиться при строгом учете немецкого национального характера, истории и современного политического развития Германии; о том, что новая немецкая демократия должна соответствовать основным стандартам демократии западной.

Поскольку в Потсдаме было принято решение о ликвидации Пруссии, в 1946–1947 гг. англичане осуществили в своей зоне, состоявшей в основном из прусских провинций, административную реформу. Были образованы новые земли: Северный Рейн — Вестфалия, Нижняя Саксония, Шлезвиг-Гольштейн; а также возрождены права старинных вольных городов-государств Гамбурга и Бремена.

В Англии находилось у власти лейбористское правительство, которое ставило «социалистический эксперимент». Но британская по-

литика в Германии была вполне консервативной и не ознаменовалась серьезными преобразованиями ни в экономике, ни в политике зоны. Б. Робертсон признался в 1950 г., что целью британской политики в Германии было не «второе издание Версаля», а «духовная интеграция» Германии со странами Запада.

Американская зона

Она включала примерно 30 % территории Германии, была менее значимой в промышленном отношении, чем английская, хотя там и располагались предприятия «ИГ Фарбениндустри» и других концернов, а также ряд крупных банков. Зато здесь было сосредоточено самое крупное в стране поголовье скота и около трети сельхозугодий. Немного позже к американской зоне, у которой не было выхода к морю, для лучшего снабжения территории, расположенной на юге Германии, была присоединена часть британской зоны, включавшая город Бремен.

Военный губернатор генерал Л. Клей представлял те круги большого бизнеса США, которые считали «план Моргентау» глубоко ошибочным. Поэтому Клей сделал очень много, чтобы сохранить промышленный потенциал Германии и германские монополии. Причем, в отличие от военных губернаторов английской и французской зон, а тем более в отличие от главноначальствующего СВАГ, Клей имел гораздо более широкие полномочия, его в шутку называли «американским проконсулом» в Германии.

В США еще в 1944 г. начал разрабатываться очень подробный документ, который должен был четко определить задачи оккупационных войск в Германии. Это была секретная правительственная «директива JCS 1067». Она была подписана Г. Трумэном 10 мая 1945 г., ее полное название: «Оккупация Германии. Директива главнокомандующему американскими силами оккупации относительно военного правительства в Германии».

Эта директива оказала воздействие на подготовку Потсдамского Протокола, ибо, как главная, в ней была сформулирована цель: «Германия никогда больше не должна угрожать миру». В качестве важнейших шагов для достижения этой цели провозглашались принципы политики «четырех Д». В директиве был даже радикальный пункт о необходимости запрещения в Германии всех частнопредпринимательских объединений.

Однако руководители оккупационной администрации и стоявшие за ними силы в Вашингтоне, выступили противниками директивы и начали негласный, но упорный саботаж намеченных в ней мероп-

риятий. Директива оставалась в силе до июля 1947 г. и была заменена новой — «JCS 1779», которая предоставляла теперь самые широкие полномочия военному губернатору и рекомендовала «дать немецкому народу возможность ознакомиться с принципами и преимуществами свободной экономики», то есть, по сути, воздерживаться от декартелизации.

Американская оккупационная политика отличалась большими колебаниями между крайностями. В первые месяцы оккупации американцы не хотели видеть различий между немцами и нацистами и считали, что никакое наказание за их чудовищные преступления не может быть достаточно строгим. Но очень быстро проявилась другая крайность — преувеличенные надежды на быструю демократизацию немцев путем их «перевоспитания» и «переориентации» с помощью культуры и системы образования. Причем американцы свято верили в то, что именно их образец демократии является наилучшим.

Французская зона

Она была самой маленькой по площади — примерно 15 % территории послевоенной Германии, где проживало около 12 % населения. Но в состав зоны входила индустриальная Саарская область, которая по уровню промышленного производства лишь немногим уступала Рурской области.

В первые годы оккупации на французскую политику в отношении Германии очень сильный отпечаток наложило прошлое, прежде всего — три войны с немцами на протяжении жизни последних двух поколений. У большинства французов были очень сильны антинемецкие настроения, опять возродился лозунг 1919 г.: «За все должны заплатить боши». Поэтому генерал Ш. де Голль и правящая элита Франции считали, что решать германскую проблему надо исходя, прежде всего, из интересов Франции, а именно: отделить от Германии Саар, поставить под международный контроль (преимущественно французский) Рур и Рейнскую область.

Глава оккупационной администрации П. Кёниг был откровенным германофобом: он запретил употреблять в официальных документах слово «рейх». Везде, где оно употреблялось в качестве прилагательного, его заменили словом «дойч»: «Дойче банк», «Дойче пост» и т. д. На заседаниях СКС он всегда занимал особую позицию, подчеркивая, что Франция не давала согласия на Потсдамские решения. В целом ее оккупационная политика была плохо скоординирована с политикой трех других держав.

Генерал Ш. де Голль не был приглашен участвовать в Потсдамской конференции, и правящая элита Франции чувствовала себя униженной и обделенной. Реванш был взят тем, что Французское временное правительство не признало обязательными для себя ряд пунктов Потсдамского протокола, особенно о создании центральных германских административных органов.

Оккупационные зоны Германии 1949 г.

Советская зона

Она занимала 30 % территории Германии, там проживало примерно 28 % населения страны. До войны этот район давал более 30 % промышленной продукции, 35 % возделываемых сельхозугодий послевоенной Германии также были сосредоточены в советской зоне.

Сотрудникам СВАГ приходилось работать в гораздо более трудных условиях, чем работникам западных оккупационных администраций. Во-первых, пропаганда антикоммунизма и антисоветизма, ко-

торая велась в Германии с октября 1917 г., а в годы нацизма усилилась многократно, принесла свои плоды: ненависть к СССР, к русским, смешанная со страхом, была очень большой.

Во-вторых, в отличие от военных администраций западных зон, в СВАГ (как в центральном аппарате, так и во всех подразделениях) были политотделы, созданные Центральным Комитетом ВКП(б). Парторги, назначенные ЦК, играли очень большую роль; все принципиальные вопросы решались в Москве. Особая роль принадлежала службе безопасности, управлению пропаганды, подразделениям НКВД. Так что доля самостоятельности в принятии решений у работников СВАГ была гораздо меньшей, чем у работников западных оккупационных властей. Очевидно, что через СВАГ жестко проводилась сталинская политика в решении германского вопроса.

С точки зрения немцев время оккупации было суровым, но не в одинаковой степени. По воспоминаниям современников наиболее жестокой представлялась советская оккупация; менее жестокой (но все равно суровой) — французская; и самыми терпимыми — американская и английская.

В оккупационной политике западных держав можно увидеть определенный дуализм. С одной стороны, они добивались ослабления Германии как военного, экономического и политического соперника. С другой стороны, Германия была им нужна как важный партнер в рыночной экономике и как возможный стратегический союзник в борьбе против угрозы мирового большевизма.

Но все же в оккупационной политике США, Англии и Франции было больше того, что их объединяло, чем разъединяло. Не в последнюю очередь — ценности демократического общества. Поэтому они ориентировались на умеренные политические партии, организации Германии и на соответствующих политиков. У западных оккупационных держав одинаково негативным было отношение к коммунистам и активистам-антифашистам. Причем в антифашизме они часто были склонны видеть прототип (или аналог) коммунизма.

Пожалуй, труднее всего дать однозначную оценку советской оккупационной политике в Германии. С одной стороны, она была обусловлена соображениями национальной безопасности (ведь Германия за предшествовавшие 30 лет два раза нападала на Россию); с другой — она, конечно же, была тесно связана с общей экспансионистской политикой Сталина в Восточной Европе. Многие документы СВАГ до сих пор не опубликованы, поэтому сложнее всего понять взаимосвязь между постоянными публичными высказываниями

кремлевских лидеров за сохранение единой Германии и реальной (часто закулисной) политикой СССР, которая объективно вела к расколу страны.

* * *

После сокрушения военной машины гитлеровского государства, безоговорочной капитуляции Германии и Потсдамской конференции, главным в деле решения германского вопроса стало осуществление политики «четырех Д». Демократизация, денацификация, демилитаризация и декартелизация Германии были неразрывно связаны между собой. В случае последовательного и синхронного осуществления они должны были привести к созданию нового, миролюбивого демократического немецкого государства, с которым можно было бы подписать мирный договор. После безоговорочной капитуляции в этом теперь и заключалась суть германского вопроса. Эти мероприятия осуществлялись почти одновременно, но с рядом различий по зонам оккупации.

Денацификация

Проблемы ликвидации нацизма, влияния нацистской идеологии, отмены законов Третьего рейха, удаления неноминальных нацистов с общественных должностей, из школ, университетов и т. д. в первые годы оккупации были самыми актуальными. В НСДАП к концу войны насчитывалось около 8,5 млн членов, плюс в 61 ее «дочерней» и «примыкавшей» организации состояло примерно 10 млн немцев.

СКС с первых дней своей деятельности занимался проблемой денацификации, но процесс принятия специальных документов затянулся на полгода, что привело не только к достаточно вольному толкованию принципов денацификации в разных зонах, но и к разным методам ее осуществления. Только 10 декабря 1945 г. СКС принял закон № 2, который запрещал НСДАП и все ее организации; только 12 января 1946 г. — директиву № 24 «Об устранении нацистов и других лиц, враждебных союзным целям, из учреждений и с ответственных постов»; и лишь 12 октября 1946 г. была принята директива № 38 «Арест и наказание военных преступников, национал-социалистов, милитаристов и интернирование, контроль и наблюдение за возможно опасными нацистами». В каждой зоне в дополнение к этим общим директивам оккупационные власти издавали и свои инструкции.

Пожалуй, наиболее сложный механизм денацификации был создан в английской зоне. Ею занимались как спецотделы военной администрации, так и сформированные в январе 1946 г. из немцев «советы», «жюри» и «комитеты» по денацификации. Каждый взрослый немец должен был заполнить огромную анкету из 133 пунктов (всего их было заполнено 12 млн). Правильность заполнения анкеты должны были удостоверить своей подписью еще несколько человек, знавших анкетируемого.

Затем специальные комитеты по денацификации — и британские, и немецкие — работали с анкетами, определяя, к какой из пяти категорий отнести человека, проходившего денацификацию: главных виновников, прямо не виновных, частично виновных, номинальных нацистов или оправданных. Все очевидцы вспоминают об этой процедуре как о большой неразберихе.

С октября 1947 г. администрация британской зоны передала дело денацификации ландтагам и правительствам земель. Всего ими к 1949 г. были рассмотрены дела более 2 млн человек, из которых 1 191 930 человек, то есть 60 %, было реабилитировано. Общий итог денацификации в английской зоне: 75 % подвергшихся проверке, отделались денежными штрафами (в обесцененных марках); 20 % были отстранены со своих постов и лишь 0,1 % были признаны виновными.

Не менее громоздкой была процедура денацификации и в американской зоне. Там тоже едва ли не всему взрослому населению было роздано около 13 млн пухлых анкет (почти одинаковых с английскими) из 131 вопроса. Создавалось впечатление грандиозного мероприятия. По заданию конгресса США осенью 1945 г. оккупационная администрация американской зоны составила список крупнейших немецких военных преступников из мира бизнеса, где фигурировало 1800 промышленников и банкиров, но в официальной публикации этот список сократился всего до 42 человек.

Тогда же, осенью 1945 г., в американской зоне был издан закон о денацификации экономики, после чего было арестовано несколько десятков немецких магнатов (Г. Стиннес-младший, управляющий заводами Маннесмана В. Цанген, стальной магнат Э. Пенсген и др.). Но очень скоро, отсидев всего несколько месяцев, они вернулись из тюремных камер в свои рабочие кабинеты как «незаменимые специалисты». До марта 1946 г. из 1 390 000 поступивших анкет, были оценены 1 260 000. В итоге, в американской зоне с общественных должностей было отстранено 139 996 чело-

век, из торговли и бизнеса — 68 568 человек, то есть 16,5 % проанкетированных.

С марта 1946 г. военная администрация американской зоны передала основную работу по денацификации в руки самих немцев. Всего было создано 545 судов по денацификации со штатом 22 тыс. человек. Каждый немец, достигший 18-летнего возраста, должен был, как и в английской зоне, заполнить анкету и попасть в итоге в одну из пяти упомянутых выше категорий. Если виновность была доказана, то суд мог вынести приговор: от денежного штрафа до десяти лет трудовых лагерей.

Суды по денацификации буквально утопали в тоннах анкет — возможности проверить данные по каждой из них попросту не было. Вдобавок ко всему прочему, в качестве свидетелей часто вызывались соседи, друзья или начальники подозреваемого, которые давали ему хорошую характеристику, а затем, когда эти начальники сами проходили проверку, их прежние подчиненные оказывали им подобную же услугу. Процветали доносы, сплетни, интриги. При такой системе крупные преступники довольно легко уходили от наказания.

В результате только в Баварии из 163 тыс. активных нацистов лишь 49 понесли серьезные наказания, а из 12 тыс. уволенных учителей-нацистов в 1949 г. 11 тыс. уже вновь работали в школах.

В интервью газете «Нью-Йорк Таймс» 6 ноября 1946 г. генерал Л. Клей признался, что закон о денацификации в американской зоне был «в большей степени приспособлен для того, чтобы вернуть как можно большее число людей на занимаемые ими ранее посты, нежели для того, чтобы наказать виновных». Опасность политики «мягкой денацификации» заключалась в том, что американская зона могла стать убежищем для военных преступников. Но, с другой стороны, прагматичные американцы, привлекая бывших «виртшафтсфюреров» к работе и используя их знания, создавали условия для более быстрого восстановления экономики и решения наиболее острых социальных проблем.

Ответственность за проведение денацификации в оккупированных Советской армией частях Германии была возложена с января 1945 г. на «фронтовых уполномоченных» НКВД СССР. Их функцией было брать под арест любых людей, которые могут представлять опасность для Советской армии, а также всех прочих подозрительных лиц. Спустя месяц эти меры были расширены. Было приказано отправлять на работу в СССР всех, способных выполнять физическую работу и носить оружие немецких мужчин в возрасте от 17 до 50 лет.

Тут советская политика денацификации явно была связана с подготовкой переселения немцев из областей восточнее Одера и Нейсе. До середины апреля 1945 г., по мере продвижения Советской армии, в восточных областях Германии было арестовано 138 200 немцев и еще 97 500 мобилизовано в качестве рабочей силы. Это значительно больше, чем было интернировано в советской зоне оккупации органами безопасности в течение следующих четырех лет.

В советской зоне, по разным данным число активных и номинальных нацистов составляло до 20 % населения. Формально денацификацию осуществляли специальные комиссии в землях и провинциях во главе с вице-президентом, с участием известных антифашистов. Всего было создано 262 комиссии, в них было занято более 1,5 тыс. человек. Причем она была в основном завершена еще до издания директивы № 24 СКС, хотя комиссии по денацификации были распущены только в феврале 1948 г., как «выполнившие свои задачи». Очевидно, что под их прикрытием проводилась капитальная «чистка» немецкого общества не только от активных нацистов, но и от всех «неблагонадежных» антифашистов, которые осмеливались критиковать политику СВАГ.

Денацификация в советской зоне была проведена предельно жестко, не в последнюю очередь потому, что проводилась под контролем органов НКВД. Многие бывшие члены и функционеры НСДАП подвергались автоматическому аресту и помещению в спецлагеря НКВД (всего их было создано 10), в качестве мест заключения использовались бывшие нацистские лагеря (Бухенвальд, Заксенхаузен) и тюрьмы (Баутцен). Интернированию по новым данным было подвергнуто 150 тыс. немцев, из которых 17 тыс. было осуждено советскими военными трибуналами (СВТ). Из числа интернированных погибло 44 тыс. человек, депортировано в СССР и Польшу — около 25 тыс. Спецлагеря НКВД были закрыты в феврале 1950 г. Обращает на себя внимание тот факт, что СВТ осуждали только активных «врагов» советской оккупационной власти (часто это были очень молодые люди, которые являлись членами других — не КПГ/СЕПГ — партий), а интернированные нацисты остались без судебных процессов и приговоров.

В ходе денацификации в советской зоне только в 1945–1946 годах от занимаемых должностей в области управления государством и экономикой было отстранено 390 478 человек — больше, чем в любой другой оккупационной зоне Германии. Всего же в ее результате было удалено со своих постов на предприятиях и в организациях около

520 тыс. человек. Собственность бывших видных нацистов была конфискована и передана немецким органам управления.

Как видно, в западных зонах денацификация была проведена гораздо более либеральными методами, чем в советской, что дает основания ряду авторов и сегодня писать о ней, как о «революции на бумаге», о ее «срыве» или даже о превращении ее в «фарс». Процедуру денацификации прошли миллионы немцев, аресту во всех трех зонах было подвергнуто около 245 тыс. человек, но 100 тыс. из них после проверки личных дел уже в 1947 г. вышли на свободу. И только 9 тыс. бывших активных нацистов были приговорены к тюремному заключению, обычно кратковременному. Это не вызывает большого удивления, ведь примерно 60 % судей и 76 % прокуроров в судах по денацификации западных зон сами были в прошлом членами НСДАП.

Большинство из осужденных, отбывших свой срок наказания (или выпущенных досрочно), вновь вернулись в руководство экономикой, в систему государственного управления, образования и юстиции. Так, руководителем всей экономики английской зоны стал текстильный магнат А. Фровейн, который был приближенным нацистского министра вооружений А. Шпеера; крупнейший банкир Г. Абс, приговоренный в 1945 г. за соучастие в нацистских преступлениях к 15 годам, просидел в тюрьме всего 3 месяца и был назначен советником британской оккупационной администрации по финансовой политике и т. д.

К Нюрнбергским процессам против главных военных преступников многие немцы отнеслись с определенным пониманием, хотя при господствующих тогда голоде и нищете оставались довольно равнодушными к обнародованию нацистских зверств. Но когда началось осуждение сотен тысяч мелких и средних нацистов «комиссиями по денацификации», укомплектованными преимущественно немцами, это вызвало протест и непонимание. А осужденные этими «комиссиями» люди в большинстве своем считали, что с ними поступили несправедливо и отнюдь не становились благодаря этому демократами.

Несправедливость заключалась и в том, что тяжкие преступления стали рассматриваться гораздо позднее мелких, а это вело к тому, что более крупным нацистам или удалось бежать (в Испанию, Португалию, Латинскую Америку), или получить гораздо более мягкий приговор, чем осужденные ранее мелкие нацисты.

В итоге такой денацификации у многих немцев (да и за рубежом) складывалось впечатление, что национал-социализм был делом рук только фюрера и его ближайшего окружения, а отнюдь не миллионов

«добровольных подручных» Гитлера — людей, которые не только следовали за ним, но и были соучастниками больших и малых преступлений. Здесь надо подчеркнуть, что если при проведении персональной денацификации было много путаницы, неразберихи, несправедливых приговоров и т. д., то государственная денацификация — ликвидация НСДАП, нацистских организаций и ведомств, нацистских законов и т. д. — была проведена во всех трех западных зонах практически одновременно и в духе решений, принятых в Потсдаме.

В отличие от западных зон, где «мягкая денацификация» не позволила провести четкую разделительную черту с прошлым и где при формировании немецких органов власти много бывших членов НСДАП снова сумели занять свои прежние должности, в советской зоне чистка была проведена гораздо глубже и первоначальное «преодоление прошлого» оказалось более однозначным. СВАГ серьезно подошла к полному устранению национал-социалистов из политической и общественной жизни. Побочная же цель этих чисток заключалась в том, чтобы поставить на важные посты в органах управления, особенно в полиции и юстиции, коммунистов или левых социал-демократов.

У СВАГ были и прагматические соображения: в случае надобности она привлекала на службу бывших специалистов нацистской Германии. Надо отметить, что немало бывших членов НСДАП смогли доказать свою лояльность к коммунистической системе и занять впоследствии в ГДР высокие государственные и партийные посты, а правящую в ГДР Социалистическую единую партию Германии стали называть втихомолку «партией мелких нацистов».

Нюрнбергский процесс

Большую роль в деле денацификации и демократизации Германии должен был сыграть Нюрнбергский процесс над главными военными нацистскими преступниками. Согласно договоренности в Потсдаме, государства — участники антигитлеровской коалиции подписали соглашение об учреждении Международного военного трибунала (МВТ) для суда над главными гитлеровскими военными преступниками. Местом проведения суда был избран город Нюрнберг.

Заседания МВТ открылись 20 ноября 1945 г. Во вступительной речи главного обвинителя от США ***Роберта Хауэта Джексона*** (1892–1954) было сказано: «Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злостны и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть,

чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся». Главный обвинитель от СССР ***Роман Андреевич Руденко*** (1907–1981) завершил свою речь знаменательными словами: «Пусть же свершится правосудие!»

Заседания трибунала продолжались до 1 октября 1946 г. Суду были преданы 24 оставшиеся в живых нацистских главаря: Г. Геринг, Р. Гесс, И. фон Риббентроп, Р. Лей, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер, А. Розенберг, Х. Франк, В. Фрик, Ю. Штрайхер, В. Функ, Я. Шахт, Г. Крупп, К. Дёниц, Э. Редер, Б. фон Ширах, Ф. Заукель, А. Йодль, Ф. Папен, А. Зейсс-Инкварт, А. Шпеер, К. фон Нейрат, Х. Фриче и М. Борман (заочно). Фактически на скамье подсудимых оказался 21 человек, так как Лей покончил жизнь самоубийством, дело Круппа из-за его болезни было приостановлено, а Бормана не удалось арестовать.

Всего состоялось 403 открытых судебных заседания МВТ. Было допрошено 116 свидетелей и 19 подсудимых. Суд изучил несколько тысяч документов, большинство из которых было в свое время составлено или подписано самими подсудимыми. Стенографический отчет процесса составил 16 тыс. страниц. Перед трибуналом вновь прошла омерзительная история национал-социализма от его зарождения до краха. Все собранные факты и свидетельские показания неопровержимо доказывали вину подсудимых.

Согласно обвинительному заключению, им вменялось в вину совершение преступлений против мира путем подготовки и ведения агрессивных войн, военных преступлений и преступлений против человечности. По настоянию советских обвинителей на рассмотрение трибунала был вынесен вопрос о преступности таких организаций Третьего рейха, как имперский кабинет (правительство), руководящий состав нацистской партии, СС, СА, СД, гестапо, генеральный штаб, верховное командование и др. Но представители западных стран полностью с этим списком не согласились.

От имени всего человечества Международный военный трибунал, основываясь на неопровержимых доказательствах, на тысячах документов, на потрясающих свидетельствах, объявил гестапо, СС, СД и руководящий состав нацистской партии преступными органи-

Геринг и Гесс
на Нюрнбергском процессе

зациями. Советский судья в особом мнении заявил несогласие с тем, что суд не квалифицировал подобным же образом деятельность германского имперского правительства, верховного военного командования и генерального штаба.

Международный военный трибунал в Нюрнберге признал преступными не только нацистских главарей, но и методы, которые использовались нацистами: применение рабского труда, злодеяния концлагерей. Трибунал приговорил к смертной казни через повешение 12 человек: Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрайхера, Заукеля, Йодля, Зейс-Инкварта и Бормана (заочно). 3 человека были приговорены к пожизненному заключению: Гесс, Функ и Редер. 2 подсудимых — Ширах и Шпеер — были приговорены к 20 годам; Нейрат — к 15 и Дёниц — к 10 годам тюремного заключения. Суд оправдал (несмотря на протесты советского судьи) главу рейхсбанка Шахта, видного нацистского дипломата фон Папена и ближайшего сотрудника Геббельса Фриче.

Нюрнбергский процесс был первым в истории международным судом над группой преступников, завладевших целым государством и сделавших самое государство орудием чудовищных преступлений. Это был первый в истории человечества суд над агрессорами, над военными преступниками. Он стал важным прецедентом международного права.

Исследователи Нюрнберга отмечают, во-первых, что суд был продиктован не столько местью, сколько помыслами о политическом и нравственном здоровье немецкой нации, ибо через национальное покаяние суд способствовал и национальному примирению немцев. Зло было названо злом, и в Германии стали восстанавливаться разрушенные нацизмом критерии истины и лжи, добра и зла. Во-вторых, суд (как часть политики денацификации и демократизации) способствовал возвращению Германии в сферу европейских демократических традиций. В-третьих, при подготовке и проведении процесса возник ряд коллизий, которые вызвали споры как относительно правомочности четырех держав-победительниц устраивать такой суд, так и о справедливости его приговора. Здесь называются такие, например, факты:

- устав суда был утвержден 8 августа 1945 г. — через два дня после атомной бомбардировки американцами Хиросимы (75 ттыс. мирных жителей погибли мгновенно). Не случайно Герингу даже не предъявили обвинения в бомбардировках Варшавы, Белграда, Роттердама, Лондона и Ковентри;

- довольно кощунственно выглядело то, что люди, ответственные за ГУЛАГ, судили тех, кто был обвинен в ужасах Освенцима, а работу советских представителей в Нюрнберге инспектировал А. Я. Вышинский — кровавый обвинитель на Московских процессах 1930-х гг.;
- на момент свершения преступлений, в которых обвинялись подсудимые (против мира, человечности и т. п.) отсутствовал закон, предусматривавший наказание за них, а СССР к тому времени не признал международных конвенций, на которые сослался суд;
- наконец, суд проходил в городе, где американские и английские бомбы почти полностью разрушили церкви, школы, больницы, жилые дома, где голодные люди ютились в подвалах, а под руинами еще лежали трупы погибших.

Но в целом это был справедливый процесс: подсудимых не ограничивали в свободе высказываний, у них были немецкие адвокаты (из их числа каждый четвертый был членом НСДАП), неподтвержденные пункты обвинения снимались с повестки дня. И главное: при вынесении приговоров суд принимал во внимание только те преступления, которые были наказуемы в соответствии с германским уголовным кодексом, а в нем была предусмотрена смертная казнь. Нюрнбергский процесс стал одной из последних и ярких страниц истории антигитлеровской коалиции.

Аналогичные процессы прошли и в других зонах оккупации. Наиболее важное значение имели 12 процессов, проведенных американцами в Нюрнберге в 1946–1948 гг. над руководителями фирм «ИГ Фарбениндустри», Круппа и Флика; над министрами гитлеровского правительства, генералами вермахта, эсэсовцами, врачами концлагерей, нацистскими дипломатами и юристами. Из 177 обвиняемых 36 были приговорены к смертной казни, 35 оправданы; остальные были осуждены к различным (преимущественно небольшим) срокам.

В целом денацификация все-таки стала успехом, потому что главные преступники действительно были исключены из общественной жизни, арестованы и осуждены. Но, как справедливо подчеркивают современные немецкие исследователи (Б. Бонвеч и др.), в смысле внедрения в сознание немцев чувства «соответственности» за преступления и злодеяния Третьего рейха, денацификация не имела такого успеха ни в западных, ни в советской зоне оккупации, хотя «антифашизм» и был там официальной политикой.

Демилитаризация

Союзники рассматривали демилитаризацию как широкий комплекс мер: роспуск всех немецких военных формирований и демобилизация солдат и офицеров; ликвидация всех военных сооружений; демонтаж предприятий военной промышленности; запрет на изготовление оружия и боеприпасов, на строительство самолетов и морских судов; ограничение производства металлов, химикатов, продукции машиностроения; искоренение милитаристских традиций и т. д.

По предложению СССР на Московской сессии Совета министров иностранных дел (март–апрель 1947 г.) было рассмотрено положение дел с демилитаризацией Германии. Министры западных держав признали, что разрушение военных сооружений и демонтаж военных заводов в их зонах производятся медленно. Союзному Контрольному совету была дана директива завершить работы по демилитаризации в кратчайшие сроки.

Но эта директива не была претворена в жизнь. В докладах главнокомандующих четырех зон Контрольному совету о положении дел на 1 декабря 1947 г. подчеркивалось, что в американской зоне из 186 подземных военных заводов, складов и мастерских сохранялось 161. Неразрушенными оставались 162 долговременных фортификационных сооружения. В английской зоне не были уничтожены 158 зенитных установок и 860 долговременных фортификационных сооружений.

В том же докладе отмечалось, что в советской зоне работы по уничтожению немецких военных сооружений, объектов и материалов полностью закончены; что 99,1 % военных объектов, сооружений и материалов уничтожены; что все военные и полувоенные организации распущены, хотя там секретно и сохранялись некоторые подземные военные объекты.

В западных зонах несвоевременно были выполнены и Потсдамские решения, касающиеся запрещения всех видов милитаристской деятельности и организаций. Поэтому на заседаниях СКС, сессиях СМИД советские представители постоянно говорили о фактах «саботажа» согласованных мероприятий по демилитаризации со стороны правительств США, Англии и Франции.

Так, 26 ноября 1945 г. на заседании СКС советский представитель огласил меморандум, в котором сообщалось, что в английской зоне из частей гитлеровского вермахта была сформирована армейская группа «Норд» численностью свыше 100 тыс. человек; что на территории земли Шлезвиг-Гольштейн находилось около миллиона немецких солдат

и офицеров, не переведенных на положение военнопленных, и даже занимавшихся военной подготовкой. Английские представители не отрицали этих фактов и обещали Контрольному совету распустить названные части к 31 января 1946 г.

В американской зоне крупные формирования из немецких военнослужащих насчитывали 580 тыс. человек; во французской — до 35 тыс. человек. Западные оккупационные власти продолжали сохранять немецкие военные соединения под видом «промышленной полиции», «рабочих батальонов», «рот охраны», «немецких служебных групп» и т. п. По официальным американским и английским данным численность только «служебных групп» и «рабочих батальонов» в их зонах превышала в середине 1946 г. 150 тыс. человек. Такая политика была продиктована логикой все сильнее разворачивавшейся «холодной войны».

Директива СКС № 39 от 2 октября 1946 г. требовала ликвидации военного потенциала Германии. В советской зоне до 1948 г. было демонтировано более 3 тыс. предприятий. Но в американской и английской зонах было полностью ликвидировано только 7 % военных предприятий, а во французской — лишь 6 %. Большинство оставшихся в целости заводов было переведено на выпуск мирной продукции. Они и легли через несколько лет в основу экономического взлета Западной Германии.

Осуществлялось и научно-техническое разоружение Германии. Американцы в 1946 г. осуществили массовый вывоз ведущих немецких ученых и конструкторов в области атомной физики, самолето- и ракетостроения, химической индустрии, машиностроения, а также ноу-хау немецкой индустрии. Немецкие специалисты получили в лабораториях научных центров и на предприятиях США хорошие должности с хорошими окладами. Этот «принцип пылесоса» для получения немецкого знания в области индустрии и науки использовало и советское руководство: из Восточной Германии в СССР за период 1945–1947 гг. были тайно и насильственно вывезены сотни немецких специалистов, имевших отношение к области вооружений, а также большое количество научного оборудования. Многие из этих специалистов до 1954–1955 гг. работали в секретных центрах под Сухуми, Челябинском и др. над осуществлением атомных проектов СССР.

Критика западных союзников за «саботаж» демилитаризации не мешала советскому руководству тайно использовать немецкий военный потенциал для производства оружия, в том числе атомного: до

начала 1950-х г. строго засекреченный комбинат «Висмут», находившийся в советской зоне, был крупнейшим европейским производителем урана.

Но все же главным итогом политики демилитаризации стало то, что Германия к моменту ее раскола в 1949 г. была абсолютно мирной страной — без армии, авиации и флота, без военной промышленности и военных сооружений.

Декартелизация (децентрализация)

Ей подлежали: концерны с числом занятых 10 тыс. человек и больше; крупные банки и предприятия, принадлежавшие военным преступникам. Но в западных зонах принятые СКС акты по декартелизации фактически не были выполнены. Монополистические объединения, распущенные в первые годы оккупации, скоро вновь начали функционировать, иногда даже под прежними названиями. К 1949 г. в Бизонии их насчитывалось около 200. Постепенно были восстановлены и такие одиозные концерны, запятнавшие себя сотрудничеством с нацистами, как концерны Круппа, Маннесмана, Тиссена и др. Возобновили свою работу и крупнейшие банки, которые финансировали преступную политику Гитлера — «Дойче банк», «Коммерц банк» и др.

Решение о декартелизации в западных зонах осталось фактически на бумаге. Дальше некоторой организационной перестройки ряда концернов дело не пошло. Особый комитет министерства обороны США, который изучал итоги декартелизации в Западной Германии, 15 апреля 1949 г. констатировал что «ни одно из гигантских монополистических объединений Германии не пострадало». Ключевые позиции в экономике по-прежнему остались в руках старых немецких хозяев, а в Западную Германию с каждым годом все более широким потоком стал вливаться американский и британский капитал.

Декартелизация подразумевала разукрупнение немецких монополий. Но СВАГ пошла гораздо дальше этого, превратив декартелизацию в национализацию. В 1946 г. в советской зоне был проведен народный референдум, в результате которого был принят закон «О передаче предприятий нацистских преступников народу». Согласно ему «в руки народа» передавалось 9281 предприятие. В их числе были шахты и заводы, принадлежавшие военному преступнику Флику, заводы концерна «ИГ Фарбениндустри» и др. Таким образом, в советской зоне под видом декартелизации было национализировано большинство крупных предприятий, банков и страховых обществ.

В западных зонах, благодаря усилиям коммунистов и социал-демократов, идеи «социализации» и даже «национализации» тоже оказались достаточно популярными. В результате всенародного референдума в земле Гессен в январе 1946 г. 71,9 % принявших участие в голосовании высказались за социализацию основных отраслей тяжелой промышленности. В декабре 1946 г. ландтаг земли Нижняя Саксония проголосовал большинством голосов за национализацию нефтеперерабатывающей промышленности. В августе 1947 г. ландтаг земли Шлезвиг-Гольштейн принял закон о передаче в общественную собственность основных отраслей тяжелой индустрии. Ландтаг земли Северный Рейн — Вестфалия в августе 1948 г. принял закон о национализации угольной промышленности Рура. Но военные губернаторы западных зон проигнорировали эти законы. Ключевые позиции в экономике по-прежнему остались в руках крупного бизнеса.

Демократизация

Ее осуществление было очень сложной задачей. 12 лет нацистского господства сделали свое дело: сознание многих немцев было отравлено расовой идеологией, целое поколение немецкой молодежи было воспитано на принципах «фюрерства».

Весной 1945 г. руководители американских и английских оккупационных войск не верили в готовность немцев к демократическим преобразованиям. Были запрещены все политические партии, все возникшие стихийно антифашистские комитеты. Оккупационные власти назначали бургомистров и достаточно строго следили за их работой. Американцы распустили даже созданный бывшими узниками Дахау комитет «Свободная Германия» и объявили «политический карантин». В политике демократизации, которую проводили западные оккупационные власти, существенные изменения начали происходить лишь осенью 1945 г. Они отчасти были вызваны влиянием советской зоны оккупации, где деятельность антифашистских партий была разрешена еще в июне.

Процедура лицензирования политических партий и объединений была обставлена многими рогатками; далеко не все из них получили право деятельности. Так, в американской зоне не получили лицензии радикальные партии переселенцев и монархистов. Следующим этапом демократизации стали выборы всех уровней власти, они проводились в первой половине 1946 г. Во второй половине 1946 г. последовал этап принятия ландтагами конституций земель (правда, тексты конституций утверждались оккупационными властями).

Таким образом, в западных зонах процесс передачи управленческих функций от оккупационных администраций к немецким органам власти шел поэтапно.

Особое место в планах по демократизации занимали главные церковные конфессии Германии — католическая и протестантская. Активная деятельность церкви должна была, по мнению оккупационных властей, способствовать отходу немцев от идеологии нацизма. Не менее важную роль в демократизации Германии должны были сыграть радио, кино и пресса. В кинотеатрах демонстрировались антифашистские фильмы, антивоенная и антифашистская тематика доминировала в радиопередачах, а также на страницах газет и журналов.

После прохождения денацификации в политическую жизнь западных зон возвращаются бывшие гитлеровские юристы, дипломаты. Сложность ситуации заключалась в том, что после провала заговора 20 июля 1944 г/ консервативная и либеральная оппозиция была почти полностью уничтожена. Опираться же на активных антифашистов оккупационные власти западных держав не хотели. И на авансцену политической жизни в западных оккупационных зонах стали выдвигаться политики, которые в 1933–1945 гг. отсиделись на своих виллах.

Среди них практически сразу ключевой фигурой стал бывший обер-бургомистр Кёльна, бывший «рейнский сепаратист» доктор ***Конрад Аденауэр*** (1876–1967). Другой видной фигурой стал профессор ***Вильгельм Рёпке*** (1899–1966), который считал ориентацию на Запад главным условием «разумной немецкой политики». В 1947 г. он провозгласил Западную Германию границей «западноатлантического мира», а раскол Германии в условиях холодной войны считал неизбежным.

Демократизация в советской зоне оккупации осуществлялась в соответствии с представлениями Сталина и его окружения о демократии. Еще 20 апреля 1945 г. Сталин подписал директиву Ставки командующим 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами с указанием «создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров-немцев». Одним из первых мероприятий стало образование магистратов. Берлинский магистрат был образован 14 мая 1945 г.

Представители групп КПГ были тайно доставлены в советскую оккупационную зону из Москвы, чтобы вместе с Советской Армией формировать немецкие органы управления. Главную роль играла берлинская группа во главе с ***Вальтером Ульбрихтом*** (1893–1973); она фактически исполняла функции центрального руководства партии

в Германии. Подобные группы были направлены также в Мекленбург и Тюрингию. Эти группы сыграли значительную роль в установлении и укреплении коммунистического господства в советской оккупационной зоне.

В мае-июле 1945 г. во всех городах и селах Восточной Германии были образованы органы местного самоуправления, а осенью уже была сформирована и администрация земель, которая могла (конечно, только по согласованию со СВАГ) издавать распоряжения, имеющие силу закона.

Естественно, что на ключевые посты в органах управления земель и провинций, в чьих руках сосредоточивалось руководство полицией, денацификацией, подбор кадров, а позднее и аграрная реформа, подбирались самые «испытанные антифашисты» — члены КПГ. Но все же ряд органов управления, созданных в июле 1945 г., возглавляли и социал-демократы, и либералы. Например, в Тюрингии из 11 обер-бургомистров двое были коммунистами, трое — социал-демократами, двое — членами либерально-демократической партии, а четверо — беспартийными.

СВАГ уже 10 июня 1945 г. приказом № 2 разрешила деятельность политических партий, организаций и профсоюзов. В западных зонах это произошло несколькими месяцами позже. Возникает вопрос, на который и сегодня нет однозначного ответа: почему торопилась Москва и не торопился Запад? Но в любом случае очевидно, что коммунисты во главе с Вильгельмом Пиком хорошо знали о готовящемся приказе № 2, так как на следующий же день, 11 июня 1945 г., КПГ обратилась с развернутым и хорошо продуманным воззванием (оно было подготовлено за несколько дней до этого в Москве) к немецкому народу. Этим воззванием КПГ конституировалась в качестве первой немецкой партии.

15 июня 1945 г. о своем воссоздании заявила и Социал-демократическая партия Германии. Инициаторами ее возрождения выступило несколько групп берлинских подпольщиков, которые еще в мае 1945 г. установили между собоq контакт и основали учредительный орган, конституировавшийся теперь как Центральный комитет СДПГ. В него вошли функционеры — ***Отто Гротеволь*** (1894-1964), ***Макс Фехнер*** (1892-1973) и др., — которые не принадлежали до 1933 г. к высшей партийной иерархии.

В последующие недели в советской зоне организовались ***Христиан-ско-демократический союз*** (ХДС) и ***Либерально-демократическая партия Германии*** (ЛДПГ). Они выступили в качестве подчерк-

нуто буржуазных партий. Было создано и Объединение свободных немецких профсоюзов. Их деятельность изначально находилась под гласным и негласным контролем СВАГ.

В течение месяца СВАГ готовила объединение всех партий советской зоны в «антифашистско-демократический блок». Он был создан 14 июля 1945 г. и в учредительном заявлении сформулировал важнейшую задачу своей деятельности: «обеспечение широкого сотрудничества в деле искоренения остатков фашизма и восстановления страны на антифашистско-демократических основах».

Создание этого блока имело решающее значение для дальнейшего развития партийной системы в советской зоне. Он функционировал с помощью составленного на паритетных началах комитета, который должен был разрабатывать совместную политику и действовать на базе единогласия. Но, поскольку КПГ пользовалась абсолютной поддержкой со стороны СВАГ, коммунистам, несмотря на паритетный состав этого комитета, легко удалось захватить в нем власть.

И хотя КПГ и СВАГ всегда заявляли, что стремятся не к введению советской системы, а к установлению «антифашистско-демократического строя», созданию парламентарно-демократической республики со всеми правами и свободами для народа, уже в самом начале оккупационного режима в советской зоне были созданы условия для установления (за фасадом равноправия всех партий) политического господства коммунистов и формирования новой структуры власти.

* * *

Таким образом, уже на начальном этапе осуществления политики «четырех Д» наметились серьезные разногласия между тремя западными оккупирующими державами и СССР. Причины этого коренились в несовершенстве подписанных в Потсдаме документов, в различном понимании этих терминов, но главное — в различных целях, которые преследовали бывшие союзники по антигитлеровской коалиции в решении германского вопроса.

3. От «общества руин» к мирной жизни

После крушения Третьего рейха, с его централизованной и до предела милитаризованной экономикой, естественно, встала

проблема поиска таких путей экономического развития, которые позволили бы как можно быстрее восстановить хозяйство. Во всех зонах оккупации господствовало мнение, что это можно сделать лишь с помощью мер государственного регулирования. Идеи социализации присутствовали в программах почти всех политических партий.

Предложения преобразовать экономику с помощью свободного рынка не находили в первые послевоенные годы понимания и широкой поддержки. Но дилемма: или национализация, планирование хозяйства, государственный контроль, или же свободная конкуренция, рыночная экономика с элементами государственного регулирования стояла только в западных зонах оккупации. У советских оккупационных властей, поддержанных немецкими коммунистами и частью социал-демократов, сомнений не было: однозначный выбор был сделан в пользу первого варианта.

Восстановление экономики в западных зонах

Экономическая ситуация в 1945–1947 гг. была очень тяжелой. В 1946 г. объем промышленного производства по сравнению с довоенным уровнем составлял в западных зонах одну треть, выплавка стали сократилась в 7 раз, добыча каменного угля — в 2,2 раза. Значительных размеров (по некоторым данным — до 500 тыс. человек) достигла безработица.

Зато количество денег, которые находились в обращении, было в 5 раз больше, чем до войны. Карточная система и контроль над ценами не могли справиться с ситуацией, бушевал «черный рынок», процветал бартер. Весной–осенью 1946 г. официальный ежедневный рацион питания в западных зонах чуть превышал 1 тыс. калорий (примерно треть от нормы), а практически выдавалось еще меньше.

Больше всего страдали горожане, не имевшие родственников или хороших знакомых в деревне. Многие люди голодали, резко подскочила детская смертность и заболеваемость туберкулезом. Взрослый мужчина в американской зоне весил в 1946 г. в среднем 51 кг. Оккупационные власти были вынуждены ежегодно завозить в западные зоны продукты питания и самые необходимые предметы потребления на сумму около 1 млрд долларов. Голод был физиологическим, политическим и культурным феноменом.

Главных причин для такого катастрофического положения со снабжением продовольствием было две: подрыв сельскохозяйствен-

ного производства в результате войны и приток 12 млн переселенцев. Многие из них надеялись на получение земли. Но эти надежды не оправдались, ибо «аграрная реформа», проведенная в 1946–1948 гг. в западных зонах, привела лишь к раздроблению наиболее крупных латифундий, не ликвидировав крупного помещичьего землевладения и не наделив землей всех нуждающихся.

Коммунисты западных зон в своей пропаганде доказывали: голод вызывается социальными и политическими причинами; буржуазия, гроссбауэры и оккупанты сознательно организуют его; их расчет заключается в стремлении парализовать голодом волю масс к борьбе, внушить им мысль, что спасение может дать только богатая и «щедрая» Америка, а не «сомнительные социальные эксперименты». В пропаганде, которую вели правые партии, утверждалось, что виновник всех бедствий — Советский Союз, который непомерными репарациями разоряет Германию, обрекает людей на холод, голод и нищету, пытаясь тем самым склонить их к мысли, что выход из кризиса — только на пути «коммунистических преобразований».

Противоречия между западными державами и СССР в 1946 г. постепенно обострялись. 30 июня 1946 г. была возведена «первая германская стена». Дело было в том, что в условиях черного рынка, всеобщего дефицита и разницы в ценах (в советской зоне многое было дешевле) тем жителям западных зон, которые получали стабильную зарплату, выгоднее было покупать более дешевые товары и продукты в советской зоне. Тогда СКС ввел режим строгого контроля за движением людей и товаров между советской и западными зонами оккупации.

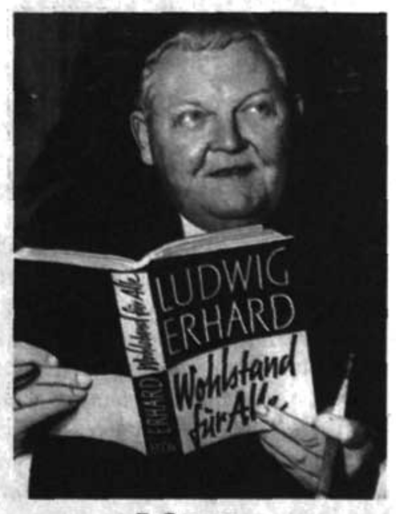
Осенью 1946 г. США и Англия стали готовить, с привлечением к этому делу немецких органов, объединение своих зон в Бизонию, чтобы таким путем покончить с бедственным экономическим положением. Соответствующее соглашение было подписано 2 декабря 1946 г. В экономической политике, которая стала проводиться в Бизонии с 1947 г., все возрастающую роль стали играть немецкие административные органы, в том числе Экономический совет. В 1949 г. к Бизонии присоединилась французская зона оккупации и была создана, таким образом, Тризония.

Надо сказать, что у командования оккупационными войсками не было в проведении экономических мероприятий ни единства, ни четкого плана. Но западные державы не считали необходимым изменять структуру собственности в своих зонах. Коренные реформы герман-

ской экономики не отвечали их интересам, прежде всего американцев, которые свято верили в могучую силу свободного рыночного хозяйства. Поэтому в западных зонах уже в 1945 г. начинают возрождаться предпринимательские организации, на которых лежала немалая доля ответственности за преступления нацизма. В американской зоне их восстановление было разрешено распоряжением генерала Эйзенхауэра от 17 октября 1945 г.

Замедленные темпы восстановления экономики Западной Германии определялись политикой союзников, цель которой заключалась в значительном сокращении немецких производственных мощностей и придании приоритетного значения развитию сельского хозяйства. Чтобы перекрыть Германии любую возможность возобновления производства вооружений, страны-победительницы запретили изготовление многих видов стратегической продукции (алюминий, синтетический каучук, бензин и др.). Германии предписывалось сократить производство ее металлургической промышленности до 50 % по отношению к уровню 1929 г. Все ставшее в результате этого решения избыточным — заводское оборудование демонтировалось перед его вывозом в страны-победительницы.

Бедственное положение населения и активные выступления рабочих (см. ниже) заставило оккупационные власти западных держав в 1947 г. отказаться от демонтажа предприятий в счет репараций. Отказываются западные союзники и от широкомасштабного изъятия товаров. По сути они были демпинговыми для «перегретой» и без того экономики США. Поэтому акцент был перенесен на вывоз сырья и уникального оборудования.

Л. Эрхард

В послевоенное время в воздухе витала идея национализации если не всей экономики, то, по крайней мере, тяжелой промышленности и банков. В Великобритании у руля управления государством встали лейбористы, во Франции были также очень

сильны левые силы, которые осуществляли национализацию ряда отраслей экономики. В западных зонах идея национализации («социализации») тоже была очень популярной, но все-таки для политической и хозяйственной элиты во главе с К. Аденауэром наиболее привлекательной оказалась модель «социального рыночного хозяйства», разработанная доктором экономики, профессором ***Людвигом Эрхардом*** (1897–1977).

Основную цель реформ Л. Эрхард видел в том, чтобы повысить покупательную способность всех слоев населения и сосредоточить все усилия народного хозяйства на увеличении государственного дохода. Главными рычагами экономического возрождения он считал частную инициативу и свободную конкуренцию в сочетании с активной ролью государства (гибкая кредитная и налоговая политика, ставка на средний и мелкий бизнес и т. д.).

Мужчины развалин

Но прежде чем приступить к реформам, надо было убрать руины, восстановить те предприятия, которые еще подлежали восстановлению и не попали в разряд демонтируемых. Поэтому, прежде чем говорить о больших заслугах теоретиков западногерманского «экономического чуда», надо в первую очередь отметить трудовые усилия тех миллионов рядовых немцев, которые занимались восстановлением хозяйства, созданием нормальной жизни; тех, кого назвали тогда «женщины и мужчины развалин».

В Вашингтоне было принято решение распространить на Тризонию действие «плана Маршалла» (см. ниже), по которому только денежные поступления в Западную Германию должны были составить полтора миллиарда долларов. Все это и позволило начать создание «социального рыночного хозяйства». Первой стала денежная реформа 1948 г.

Денежная реформа. Сепаратная денежная реформа, носившая конфискационный характер, была проведена очень быстро: 20–

21 июня 1948 г. Методы ее проведения были предельно жесткими, направленными на полную санацию финансовой системы Тризонии перед распространением на нее «плана Маршалла».

Женщины развалин

По курсу 1:1 каждый немец мог обменять сразу только 40 наличных рейхсмарок. Остальные имевшиеся деньги зачислялись на «блокированные счета» и пересчитывались по курсу 100:10, но на руки можно было получить не более 5 % новых «западных» марок. Затем налоговые органы проверяли происхождение доходов и их можно было получить в два приема: 20 % и 10 %. Остальные 65 % доходов аннулировались.

Таким образом, около 23 млн мелких вкладчиков были вмиг разорены, ибо фактический обменный курс составил 100:6,5. Однако заработная плата, различные пособия и пенсии были пересчитаны в соотношении 1:1. Было отменено централизованное планирование и разрешено свободное ценообразование. Сохранился лишь контроль цен на жилье, основные продукты питания, транспортные и почтовые услуги. На несколько месяцев «замораживалась» зарплата. Число безработных через полгода выросло вдвое, достигнув отметки 1 млн человек.

Но владельцы материальных ценностей оказались в большом выигрыше, ибо стоимость земли, недвижимости, сырья и продуктов резко возросла. Практически сразу исчез черный рынок, прилавки магазинов, как по мановению волшебной палочки, наполнились товарами, деньги вновь стали деньгами. И хотя цены на продовольствие и товары первой необходимости сразу подскочили на 20–25 %, реформа привела к быстрому оживлению всех отраслей народного хозяйства.

Большую роль в восстановлении, а затем и быстром развитии экономики Западной Германии сыграли кредиты и займы США и Англии, которые составили в сумме более 5, 5 млрд долларов. Уже в 1949 г. был достигнут (в сопоставимых границах) довоенный уровень производства.

Восстановление экономики в советской зоне

Прежде чем говорить о восстановлении, необходимо сказать о том, что вступление советских войск в Германию ознамено-

валось массовыми «реквизициями». Вернувшись из Ялты, где союзники договорились лишь о создании межсоюзнической комиссии по репарациям, 21 февраля 1945 г. Сталин подписал под грифом «совершенно секретно» постановление Государственного Комитета Обороны № 7563 о порядке вывоза промышленного оборудования и материалов с территории Германии. Согласно ему было создано 5 специальных «демонтажных батальонов» по тысяче человек в каждом, 10 рабочих батальонов по 500 человек, 5 отдельных автобатальонов с тракторными взводами и т. д.

В качестве бесплатной рабочей силы использовались тысячи бывших граждан СССР, угнанных нацистами на принудительные работы в Германию, а теперь подлежащих репатриации. Освободившись от фашистской неволи, они попали на тяжелую подневольную работу по демонтажу, с полуголодным существованием, где подвергались многочисленным унижениям, а женщины — изнасилованиям. Всего к концу ноября 1945 г. на демонтаже в Германии и Австрии было занято свыше 300 тыс. советских граждан.

То есть СССР начал взимание репараций, по сути, в одностороннем порядке, еще до окончания войны, без согласования с союзниками, и в очень широких масштабах: только за 1945 г. трофейные войска отправили в СССР более 400 тыс. железнодорожных вагонов, груженных оборудованием, продовольствием, одеждой и т. д.

Восстановление экономики шло параллельно с радикальными социально-экономическими реформами. Так, уже в мае–июне 1945 г. в советской зоне были закрыты частные банки, распущены нацистские предпринимательские союзы и хозяйственные организации, а с 1 июля 1945 г. началась конфискация имущества активных нацистов. Уже осенью 1945 г. была конфискована вся государственная собственность бывшего Третьего рейха и собственность военных преступников типа концерна «Герман Геринг». С осени 1945 г. было начато и проведение радикальной аграрной реформы под лозунгом «Землю юнкеров — крестьянам!». Однако была учтена приверженность немецких крестьян к частной собственности на землю, поэтому в ходе реформы ее национализация не осуществлялась.

Безвозмездной конфискации подлежала земельная собственность размером свыше 100 га, а также владения военных преступников и активных нацистов. При распределении земли за основу был принят размер хозяйства в 5 га. Наделение землей проводилось, по сути, даром, с предоставлением кредитов, да еще в рассрочку до 20 лет.

Столь быстрое осуществление аграрной реформы, конечно, было невозможно без активного участия СВАГ. В основном реформа была завершена уже к январю 1946 г. Всего в ее ходе было конфисковано 3,3 млн га земли, из них 2,2 млн га были поделены между 330 тыс. новых хозяйств переселенцев и батраков или прирезаны к почти такому же числу старых крестьянских дворов. Остаток конфискованной земли примерно в 1 млн га был объявлен «общенародной собственностью», там создавались «народные имения», а позднее (с 1949 г.) и МПС — машинопрокатные станции. Юнкерство перестало существовать, главной фигурой на селе стал крестьянин-середняк. Таким образом, аграрная реформа коренным образом изменила социальное лицо деревни в Восточной Германии.

Восстановление промышленности сильно осложнялось четырьмя факторами: во-первых, она была сильно разрушена в ходе боевых действий (примерно на 45 %); во-вторых, бесконтрольными репарационными изъятиями со стороны СССР; в-третьих, отсутствием опыта у новоиспеченных коммунистических управленцев; в-четвертых, восстановление промышленности шло параллельно с демонтажем и национализацией.

На советскую зону оккупации можно посмотреть за 20 пфеннигов 1948 г

СВАГ стремилась форсировать национализацию, и 30 июня 1946 г. в наиболее промышленно развитой земле Саксонии был проведен референдум по вопросу об «экспроприации собственности военных преступников». 77,6 % населения, имеющего право голоса, высказались за безвозмездную экспроприацию предприятий, которые принадлежали военным преступникам и активным нацистам.

На основе саксонского референдума ландтагами других земель советской зоны были приняты соответствующие законы, и всего к весне 1948 г. было экспроп-

риировано 9281 предприятие. Они переходили в собственность земли, на которой были расположены. В государственном секторе к этому времени было уже 97 % горной промышленности, более 60 % энергетики и около 47 % предприятий машиностроения; две трети оптовой торговли тоже было государственной.

Аналогичной была и судьба банков: в июле 1945 г. началась их национализация, а с 4 августа 1945 г. начинают создаваться «народные» финансово-кредитные учреждения. Из двухсот бывших военных предприятий, первоначально занесенных в списки на демонтаж, в 1946 г. были образованы «Советские акционерные общества» (САО). Они были перепрофилированы на выпуск мирной продукции, на них под руководством советских директоров работали немецкие рабочие. В 1954 г. последние САО, кроме «Висмута», были переданы ГДР.

Таким образом, с господством в экономике крупных предпринимателей, банкиров и юнкеров в Восточной Германии было быстро покончено. Но экономика продолжала оставаться смешанной, и это дает основания некоторым авторам писать о том, что СВАГ использовала (и отчасти повторила) опыт советского НЭПа начала 1920-х гг.

Если в 1947 г. объем валовой продукции промышленности в советской зоне по сравнению с 1936 г. составлял 53,7 %, то в 1949 г. — 87,2 %, а к лету 1950 г. — уже 100 %. Причем, в советской историографии и историографии ГДР всегда особо подчеркивалось, что восстановление разрушенного войной хозяйства и становление плановой экономики в Восточной Германии шло под непосредственным руководством со стороны СВАГ и при значительной помощи со стороны СССР.

В качестве иллюстрации этой помощи обычно приводились цифры о том, что за 1948–1949 гг. было ввезено из СССР более 200 тыс. т минеральных удобрений, почти 140 тыс. т зерна, более 230 тыс. т проката, более т1000 тракторов и 500 грузовых автомобилей. Но никогда не приводились цифры: а сколько же было вывезено из Германии в Советский Союз за тот же период аналогичной продукции в качестве репараций? Относительный свет на это могут пролить сведения из отчета Главного Трофейного управления Советской Армии в период войны, которые до начала 1990-х гг. хранились в фондах Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО, ф. 67, оп. 12020, д. 9) под грифом «Совершенно секретно». В Советский Союз по распоряжениям ГКО и Совнаркома за 1945 г. трофейными войсками было отправлено:

- 73 493 вагона строительных материалов и «квартирного имущества», в том числе: 60 149 роялей, пианино и фисгармоний, 458 612 радиоприемников, 188 071 ковер, 941 605 предметов мебели, 264 441 штука настенных и настольных часов;
- 3 338 348 пар различной гражданской обуви, 1 203 169 женских и мужских пальто, 2 546 919 платьев, 4 618 631 предмет белья, 1 052 503 головных убора; 154 вагона мехов, тканей и шерсти;
- 18 217 вагонов с сельскохозяйственным оборудованием в количестве 260 068 единиц;
- зернопродуктов — 2259 тыс. т, мясопродуктов — 430 тыс. т, рыбопродуктов — 10 тыс. т, жиров — 30 тыс. т, сахара — 390 тыс. т, картофеля и овощей — 988 тыс. т.

П. Н. Кнышевский, который впервые обнародовал эти цифры, задается закономерным вопросом о том, как же оценивать известный из учебников факт спасения от голода победителями населения Берлина, Дрездена, Праги и др. городов? Было ли это высшим проявлением гуманности или такого не было вообще? Он отвечает на этот вопрос очень категорично: «Было, но весьма своеобразное. Сначала все продовольственные ресурсы на оккупированной территории Красная Армия изъяла, затем начался дележ. Ничтожный карточный минимум своих же запасов немцы получили в виде так называемой помощи, которой поделились с чехословаками и поляками». Очевидно, что здесь нужны дополнительные исследования.

В 1947 г. СВАГ официально объявила, что демонтаж промышленных предприятий полностью прекращен. На самом деле, до весны 1948 г. последовали еще две волны демонтажей. В целом демонтаж был произведен на 3474 «объектах» и по некоторым оценкам привел к сокращению экономического потенциала на 25 % от довоенного уровня.

В феврале 1948 г. в советской зоне создается Немецкая экономическая комиссия как высший центральный орган руководства экономикой. А в июне 1948 г. принимается первый (двухлетний, рассчитанный на 1949–1950 гг.) план развития народного хозяйства. Таким образом, к осени 1949 г. в западных зонах была сохранена и отчасти модернизирована социально-экономическая система капитализма. В советской же зоне оккупации социально-экономические основы жизни были во многом кардинально преобразованы.

4. Политическая жизнь в зонах оккупации

Политическая жизнь в западных зонах

«Карантин», объявленный оккупационными властями, почти не мешал политической самоорганизации немецкой элиты. Еще до капитуляции Германии при посредничестве церкви началась разработка «стратегии выживания» в послевоенное время. Бывшие лидеры партий Веймарской республики понимали, что восстановление прежней партийной структуры невозможно. Много споров о будущем Германии было в рядах Сопротивления, в основных центрах эмиграции — Мехико, Лондоне, Москве.

Оккупационные власти английской и американской зон разрешили деятельность партий и профсоюзов в конце августа — начале сентября, а французской — только в последних числах декабря 1945 г. Но их деятельность первоначально была разрешена не в зональных масштабах, как это было в Восточной Германии, а лишь на уровне округов.

Некоторые лидеры католического Центра взяли курс на создание биконфессиональной партии (***Христианско-демократического союза*** — ХДС), то есть с участием протестантов. Новая партия мыслилась как «народная», способная сплотить людей на основе христианской этики и создать мощную электоральную базу. Центром ее рождения стали Рейнланд и Вестфалия. Еще до снятия карантина в Кёльне был создан первый христианский «кружок», началась разработка партийной программы. Из этих «кружков» в феврале 1946 г. возникает ХДС британской зоны, который возглавил К. Аденауэр.

В феврале 1947 г., под влиянием левого, профсоюзного крыла в г. Алене была принята так называемая «Аленская программа» ХДС британской зоны. Программа требовала «социализации» горнодобывающей и металлургической промышленности, контроля над крупными предприятиями, соучастия рабочих в управлении предприятиями и экономикой в целом. Капиталистическая система хозяйства объявлялась в программе «не соответствующей государственным и социальным интересам немецкого народа». «Аленская программа» способствовала росту влияния партии, ведь рабочие в 1945–1948 гг. составляли около трети ее членов. Но, принятая под влиянием очень популярных после войны лозунгов, она никогда не признавалась пра-

вым крылом ХДС как обязательный документ, а в 1949 г. К. Аденауэр официально от нее отказался.

Родственная ХДС партия в Баварии приняла название ***Христианско-социальный союз*** (ХСС). Она уже в 1946 г. установила «союз содружества» с христианскими демократами, а после конституирования ФРГ обе партии подписывают «парламентскую унию». С тех пор аббревиатура ХДС/ХСС стала постоянной, но она относится только к их единой фракции в бундестаге. Очень большую роль в образовании этих партий сыграла церковь, особенно католическая, а также поддержка оккупационных властей.

Либералы эпохи Веймара создали свою — ***Свободную демократическую партию*** (СвДП) — лишь в декабре 1948 г. Председателем партии был избран ***Теодор Хойс*** (1884–1963), в прошлом деятель Демократической партии, депутат рейхстага. По своему социальному составу СвДП с самого начала выступила как партия, стремящаяся сплотить крупных предпринимателей, средних и мелких буржуа, интеллигенцию. В ее программном заявлении говорилось, что СвДП — это «антимарксистская, антиклерикальная и антиавторитарная партия».

В отличие от правых и либеральных партий эпохи Веймарской республики, коммунисты и социал-демократы попросту возобновили свою деятельность, так и оставшись, по сути, на прежних идеологических позициях, не простив друг другу прошлых обид, не примирившись и не найдя дороги к объединению.

Коммунистическая партия Германии (КПГ) в западных зонах к весне 1946 г. насчитывала 205 тыс. членов, в 1947 г. — уже 324 тыс. (это было больше, чем в соответствующих округах до 1933 г.). Во главе КПГ западных зон стоял ***Макс Рейман*** (1898–1977), член партии со «спартаковским» стажем, активный деятель антифашистского подполья и узник Заксенхаузена.

СДПГ была воссоздана в июне 1945 г. в Берлине, возглавлялась Отто Гротеволем и рассматривала себя как общегерманскую партию. Но еще в мае 1945 г. в Ганновере возникло так называемое «бюро Шумахера». Бывший депутат рейхстага ***Курт Шумахер*** (1895–1952) был инвалидом Первой мировой войны и имел репутацию мученика, проведшего 11 лет в нацистских концлагерях. Он и его соратники не признали полномочия созданного Гротеволем в Берлине ЦК. Окончательное конституирование СДПГ западных зон произошло на съезде в Ганновере в апреле 1946 г., где было объявлено, что в партии состоит более 700 тысяч человек.

К. Шумахер

В 1945–1948 гг. в западных зонах оккупации был создан еще ряд политических партий и организаций, однако большинство из них быстро сошло с политической сцены. Но в целом процесс возрождения партий был немецким процессом, оккупационные власти лишь контролировали его.

С осени 1945 г. в западных зонах начинается восстановление традиционных профсоюзов. 16 из них объединятся в 1949 г. в Объединение немецких профсоюзов (ОНП), и это было серьезнейшим извлечением уроков из прошлого. 18 остальных сохранят свою самостоятельность. Всего западногерманские профсоюзы объединили примерно треть наемных работников.

В трудные послевоенные годы профсоюзы Западной Германии и предприниматели часто находили общий язык, выступая, например, против демонтажа промышленных предприятий; приходили (без забастовок) к компромиссам в вопросах создания рабочих мест, уровня зарплаты. С лета 1945 г. повсеместно из числа рабочих и служащих начинают создаваться «производственные советы» («советы предприятий») с очень широкими правами. Они стали реализовывать право на участие наемных работников в делах предприятий и фирм. Принцип соучастия станет одной из важнейших опор общественного строя Западной Германии. Именно тогда зарождается реальное социальное партнерство, без которого будет невозможно осуществить экономическое чудо.

Здесь надо сказать хотя бы несколько слов о забастовочном движении в западных зонах. В советской зоне оно было практически невозможно. Главным организатором забастовок выступала, как правило, КПГ, а главными участниками забастовок были рабочие, не входившие в профсоюзы. Наиболее крупной забастовкой 1946 г. стала забастовка металлистов ганноверской фирмы «Боде-Панцер», которая продолжалась более трех недель. В феврале — мае 1947 г.

забастовки в крупных городах Западной Германии продолжались почти непрерывно, а в Дуйсбурге, Вуппертале и Дюссельдорфе приняли характер всеобщих. В их ходе, впервые со времен Веймарской республики, прошли мощные (до 100 тыс. участников) демонстрации под лозунгами: «Спекулянты пируют, а мы голодаем!», «Дайте хлеба! Спасите умирающих детей!».

Забастовки продолжались и в 1948 г. Начало им положила всеобщая забастовка в Баварии, которая прошла 23 января 1948 г. и в которой участвовало около 1 млн человек. Закончился же год всеобщей забастовкой 12 ноября, когда бастовало почти 95 % предприятий. Забастовщики требовали не только повышения зарплаты и улучшения условий труда, но и соучастия в управлении предприятиями. Однако в условиях начавшегося экономического чуда, нормализации жизни, стремления лидеров профсоюзов к социальному партнерству, в 1949 г. забастовочное движение пошло на убыль.

Важными событиями политической жизни стали выборы в ландтаги в 1946 г., а затем — разработка и принятие ландтагами конституций земель. Здесь уже развернулась острая политическая борьба. Наиболее показательными в этом плане стали выборы в ландтаг земли Гессен, где из 90 депутатских мест 49 оказались у левых партий — СДПГ (42 мандата) и КПГ (7 мандатов). По их инициативе статья 41-я проекта конституции предусматривала социализацию железнодорожного транспорта, металлургической, горной, энергетической промышленности, а также установление государственного контроля над банками.

1 декабря 1946 г. проект конституции земли Гессен был вынесен на референдум, причем голосование по статье 41-й было проведено отдельно. Результаты референдума для американских оккупационных властей были малоприятными: 72 % имевших право голоса одобрило эту статью. Законы о «социализации» были приняты ландтагами ряда других земель, почти во всех земельных конституциях было записано право рабочих на «соуправление». Но законы о «социализации» не удалось реализовать. Военные губернаторы или налагали на них вето, или делали все, чтобы они остались на бумаге.

От отмены «политического карантина» до образования ФРГ прошло четыре года. За это время в западных зонах удалось сформировать плюралистическую партийную систему; создать демократическую систему властных структур от местного самоуправления до ландтагов;

посредством референдумов принять демократические конституции земель.

Политическая жизнь в советской зоне

Ее главной интригой конца 1945 — начала 1946 г. стало объединение КПГ и СДПГ. С благословения Сталина СВАГ начинает форсировать этот процесс, стремясь решить главную задачу: раз нельзя официально запретить или ликвидировать социал-демократию, надо ее нейтрализовать, растворив в «единой рабочей партии». Многие исследователи сегодня сходятся во мнении, что для большинства членов СДПГ объединение было принудительным.

Объединительный съезд, на котором была рождена ***Социалистическая единая партия Германии*** (СЕПГ), состоялся в Берлине 21–22 апреля 1946 г. Председателями партии делегаты избрали Вильгельма Пика от КПГ и Отто Гротеволя от СДПГ. Единство было скреплено их символическим дружеским рукопожатием, которое стало эмблемой СЕПГ. Хотя правление, и другие органы новой партии были сформированы на паритетной основе из коммунистов и социал-демократов, главенствующую роль в партии играли коммунисты.

21–22 апреля 1946 г.
«Историческое рукопожатие»
В. Пик и О. Гротеволь
на объединительном съезде КПГ
и СДПГ

КПГ видела свою опору в профсоюзах, поэтому с помощью СВАГ форсировала их быстрый рост. К своему I конгрессу, который прошел в феврале 1946 г., ***Союз свободных немецких профсоюзов*** (ССНП) насчитывал уже 1,6 млн членов. В феврале–апреле 1946 г. создается и «немецкий комсомол» — ***Союз свободной немецкой молодежи*** (ССНМ). Его ряды составили 230 тыс. юношей и девушек.

В сентябре-октябре 1946 г. в советской зоне были проведены выборы в общинные, районные и земельные «собрания народных представителей». Выборы проводились по пропорциональной системе и были «первой пробой пера» для СЕПГ. Несмотря на мощнейшую поддержку СВАГ, СЕПГ получила только 47,8 % голосов избирателей, ХДС — 26,5 %, ЛДПГ — 22,7 %. Результаты выборов

были объявлены официальной пропагандой как большой успех Социалистической единой партии Германии, но показали, что СЕПГ еще далеко не так влиятельна. Поэтому в 1947–1948 гг. наблюдается превращение СЕПГ в «партию нового типа»: создается Центральная комиссия партийного контроля, начинается чистка рядов, разворачивается кампания борьбы с «антисоветизмом» и другими «измами».

Для сохранения хотя бы видимости демократии в 1948 г. по инициативе СВАГ и под опекой СЕПГ были созданы еще две «мелкобуржуазные демократические» партии, как конкуренты ХДС и ЛДПГ: ***Национально-демократическая партия Германии*** (НДПГ) и ***Демократическая крестьянская партия Германии*** (ДКПГ), куда вошло немало бывших нацистов. Но ни ХДС, ни ЛДПГ, ни вновь образованные партии не могли вести сколько-нибудь серьезной собственной политической линии, поскольку входили в «антифашистско-демократический блок», где господствующее положение занимала СЕПГ.

Этот процесс объединения (по сути — подчинения) партий под руководством СЕПГ был завершен 4 октября 1949 г., когда было объявлено о создании «Национального фронта». В него вошли не только все партии, но и все массовые организации (ССНП, ССНМ и др.). Таким образом, к моменту провозглашения ГДР в Восточной Германии складывалась политическая модель, кардинально отличавшаяся от той, которая формировалась на западе страны.

5. Раскол Германии

Курс на раскол

Германский вопрос был на протяжении более чем полувека одним из самых главных в мировой политике. Суть его после войны сводилась к поиску мирного урегулирования, приемлемого как для победителей, так и для побежденной Германии. Главными дискуссионными проблемами периода от мая 1945 г. до октября 1949 г. являются следующие: была ли альтернатива расколу Германии; кто виноват в этом расколе; был ли раскол Германии в тех конкретно-исторических условиях «абсолютным злом» или хотя бы «относительным благом»?

Старые штампы советской историографии и историографии ГДР можно свести к трем тезисам.

1. Империалистические круги Запада, нарушив Потсдамское соглашение и опираясь на «реакционную клику Аденауэра», раскололи Германию.

2. Советский Союз неукоснительно соблюдал решения, принятые в Потсдаме, и стремился до последней возможности сохранить единство Германии.

3. Решение об образовании ГДР было «вынужденным ответом» на создание ФРГ.

Не менее старые штампы западной историографии сводились к ответному обвинению СССР в раскольнической деятельности, которую он проводил во имя установления в Восточной Германии советского строя и дальнейшей экспансии коммунизма на Запад, хотя всегда были и другие голоса известных историков, таких как Р. Штайнингер и др.

Как отмечалось выше, в 1945 г. планы раскола Германии имелись в столицах всех оккупирующих держав, но они не предавались огласке. Молчание было нарушено в 1946 г. И. В. Сталин произнес в феврале речь, которую на Западе назвали кремлевской доктриной «двух миров»: «Причины прошедшей войны, — заявил Сталин, — кроются в интересах капиталистическо-империалистических монополий. Эти силы продолжают править бал в капиталистических странах. Ввиду этого мирные отношения с ними невозможны. Советский Союз должен быть готов к любому развитию событий».

Отметим три речи У. Черчилля. С первой, самой знаменитой, он выступил в марте 1946 г. в американском городке Фултоне, в присутствии президента США Трумэна. Суть фултонских рассуждений Черчилля сводилась к тому, что Запад не для того боролся с одним видом тоталитаризма (немецким), чтобы дать свободу действий другому (советскому). В двух речах, произнесенных в ноябре 1946 г., Черчилль призвал Францию «заключить мир с Германией» и вновь повторил, казалось бы, забытые лозунги о необходимости создания «Соединенных Штатов Европы», «Объединенной Европы» с включением в нее Германии.

В сентябре 1946 г. в г. Штутгарте (американская зона оккупации) перед американскими офицерами, министрами немецких земель и высокопоставленными чиновниками выступил госсекретарь США Джеймс Ф. Бирнс. Эта речь стала поворотным пунктом американской политики в отношении Германии. Охарактеризовав политику СССР как экспансионистскую, а границы Польши как «временные», Бирнс подчеркнул, что американцы останутся в Германии до

тех пор, пока требуется присутствие оккупационных войск других стран.

По его мнению, в Германии теперь должна измениться суть военного присутствия западных союзников: на смену оккупационной и контрольной власти должна прийти «защитная». «Мягкая» репарационная политика должна удержать немцев от рецидивов национал-социализма и реваншизма, она будет поощрять их к сотрудничеству с Западом. Речь Бирнса знаменовала собой переход к «западному» решению германского вопроса, — то есть курсу на постепенное отделение западной части Германии от восточной.

И, наконец, в октябре 1946 г. министр иностранных дел Англии Э. Бевин заявил, что «британское правительство находится в почти полном согласии с тем, что сказал американский министр иностранных дел Бирнс в Штутгарте». Это было объявление друг другу «холодной войны» (термин был пущен в оборот в том же 1946 г. американским политическим обозревателем *Уолтером Липпманом*, 1889–1974). А судьба Германии (ее целостность или раскол, ее принадлежность к западному или советскому миру) в этой ситуации становилась разменной картой в руках двух сверхдержав.

Практические шаги последовали за этими речами 1946 г. почти незамедлительно. В условиях политики ускоренной советизации Восточной Германии и продолжавшегося экономического хаоса западные державы сделали все, чтобы изъять свои зоны оккупации из-под четырехстороннего контроля. США еще в ноябре 1945 г. внесли в СКС предложение о создании центральных административных департаментов для трех или двух зон, но советский представитель высказался резко против. В июле 1946 г. США вновь выступают с подобной инициативой, но СССР и Франция это предложение отклонили. Тогда США и Англия начинают активные переговоры об экономическом слиянии своих зон оккупации, и 2 декабря 1946 г. подписали соглашение о создании объединенной зоны — Бизонии.

С 1 января 1947 г. США и Англия осуществили перевод расчетов по торговле между Бизонией и остальными зонами с марок на доллары, что было равнозначно замене режима внутригерманской торговли на режим торговли межгосударственной. Это вызвало резкие протесты в СКС не только со стороны СССР, но и Франции. Параллельно в Бизонии создавался немецкий административный аппарат для двух зон.

Вообще 1947 г. стал переломным для судеб Германии, Европы и мира. Конфронтация между СССР и США стремительно нарастала.

Во всех странах Восточной Европы устанавливаются коммунистические, просоветские режимы (кроме Чехословакии, там это случится в феврале 1948 г.). Угроза установления коммунистической диктатуры нависла и над охваченной гражданской войной Грецией. 12 марта 1947 г. президент США Г. Трумэн изложил обеим палатам американского конгресса свою доктрину «сдерживания коммунистической опасности». 5 июня 1947 г. госсекретарь США *Джордж Маршалл* (1880–1959) объявил о начале осуществления программы экономического возрождения разрушенной войной Европы, которая станет известной как «план Маршалла».

В его орбиту попали только 16 стран Западной и Центральной Европы. Они и получили в течение 4 лет различной помощи из США на сумму 13,3 млрд долларов. Причем правящая элита США и не делала особого секрета из того, что в рамках «плана Маршалла» Западной Германии отводится особая роль, что на нее делается особая ставка как на проводника американского влияния в Европе.

Фактически запретив восточно-европейским правительствам участие в «плане Маршалла», Москва сделала ответный и не менее решительный шаг. В сентябре 1947 г. ВКП(б), шесть компартий стран Восточной Европы и две самые многочисленные компартии Запада — итальянская и французская — создают «Информационное бюро», что на Западе было расценено как возрождение «штаба мировой революции» — Коминтерна, а по аналогии с ним новое бюро стали называть Коминформом.

Для этого были определенные основания, ибо человек из ближайшего окружения Сталина — ***Андрей Александрович Жданов*** (1896–1948) — при создании Коминформа произнес речь, где говорилось, что в мире теперь образовалось «два лагеря» — империалистический (агрессивный, антидемократический во главе с США), и антиимпериалистический (демократический, прогрессивный во главе с СССР); что борьба между ними неизбежна; что «вчерашние агрессоры — капиталистические магнаты Германии и Японии — подготовляются Америкой к новой роли — стать орудием империалистической политики США...».

В Вашингтоне, Лондоне, Париже и других западных столицах создание Коминформа и речь Жданова были расценены как объявление войны западной цивилизации. Именно в 1947 г. на Западе начала вызревать идея скорейшего образования западногерманского государства, которое могло бы стать альтернативой советской экспансии в Европе и коммунистическому эксперименту в советской зоне оккупации.

Первым практическим шагом к расколу Германии стало совещание военных губернаторов американской и английской зон с участием премьер-министров земель Бизонии. На этом совещании, которое прошло 7–8 января 1948 г. во Франкфурте-на-Майне, Л. Клей огласил план создания правительства Западной Германии. План предполагал расширение полномочий Экономического совета Бизонии (право принимать законы, утверждать бюджет и др.), который, по сути, превращался в подобие нижней палаты парламента; образование Совета земель (по сути — второй палаты парламента, сформированной по принципу федерализма); и создание Административного совета, который фактически выполнял бы роль кабинета министров. План Клея в принципе совпадал с пожеланиями политической и предпринимательской элиты Западной Германии, поэтому совещание одобрило американскую программу, а управленческий аппарат Бизонии приобрел полугосударственный статус.

Следующим реальным шагом к расколу стала Лондонская конференция по германскому вопросу министров иностранных дел США, Англии и Франции. Она проходила с 23 февраля по 1 июня 1948 г., причем советский министр туда приглашен не был, зато участвовали министры иностранных дел Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, а также К. Аденауэр и К. Шумахер.

Главноначальствующий СВАГ маршал В. Д. Соколовский потребовал в СКС от своих коллег разъяснений и предоставления информации о ходе Лондонской конференции, но представители западных держав отказались это сделать. Тогда 20 марта 1948 г. Соколовский от имени советского правительства сделал заявление, в котором обвинил США, Англию и Францию в сепаратных действиях; в том, что они «взорвали» союзнический контрольный механизм; что теперь Контрольного Совета, как органа верховной власти в Германии, «фактически уже не существует», и в качестве председательствующего распустил заседание. Союзный Контрольный Совет более не собирался.

В Лондоне же было решено:

- созвать в ближайшее время учредительное собрание, которое разработает конституцию для западногерманского государства;
- распространить на три западные оккупационные зоны Германии действие «плана Маршалла»; создать особый орган по контролю над Руром из представителей участвовавших в кон-

ференции государств (без СССР, а это было одним из главных требований советской дипломатии!);
- принять согласие Франции на присоединение своей зоны к Бизонии (объединение трех зон впоследствии получило название «Тризония»).

На конференции в Лондоне было принято также секретное решение — провести в Тризонии денежную реформу. Таким образом, западные державы договорились между собой о создании сепаратного западногерманского государства со своей конституцией, парламентом, правительством и валютой. Но решение подобных вопросов по Германии, согласно Ялтинско-Потсдамским договоренностям, должно было входить или в компетенцию Совета министров иностранных дел четырех держав, или Союзного Контрольного Совета. Созыв конференции по этим вопросам без представителей СССР и приглашение на него стран, не входящих в СМИД, было воспринято в Москве как вызов, как разрыв западными державами четырехсторонних соглашений по Германии В качестве ответной меры 23–24 июня 1948 г. в Варшаве было созвано совещание министров иностранных дел СССР и стран «народной демократии». В итоговом документе министры иностранных дел семи восточноевропейских государств обвинили страны Запада в раскольнической деятельности и заявили, что не признают за сепаратными решениями, принятыми в Лондоне, «законную силу и моральный авторитет». Конфронтация нарастала и разразилась Берлинским кризисом.

Берлинский кризис

Кризис назревал давно, со времени разделения Берлина на 4 сектора. Непосредственным прологом к нему стало проведение западными державами в своих оккупационных зонах сепаратной денежной реформы. Реформа была нужна, так как Германия была завалена абсолютно обесценившимися рейхсмарками. СССР выступал за проведение реформы во всех зонах одновременно, путем создания общегерманского финансового департамента и центрального эмиссионного немецкого банка.

Как пишет в своих мемуарах Л. Клей, с октября 1947 г. в США начали тайно печататься новые немецкие марки и к концу того же года 30 вагонов новых денежных знаков были в условиях большой секретности доставлены в Западную Германию. Готовились к проведению

денежной реформы и в советской зоне, но американцы сработали оперативнее. Сепаратная денежная реформа в западных зонах и распространение ее 23 июня 1948 г. на западные секторы Берлина резко обострили обстановку в Германии. Поток обесцененной валюты грозил хлынуть в советскую зону, вызвать инфляцию и дезорганизацию экономики. В качестве защитной меры СВАГ объявила о запрещении ввоза в советскую зону, а соответственно, и в Берлин, как старых, так и новых «западных» марок. В советской зоне была срочно введена своя марка.

В ночь с 23 на 24 июня 1948 г. советские войска начинают блокаду Западного Берлина, отрезав связывавшие его с Западной Германией железнодорожные, водные и автомобильные пути. Прекратилось снабжение города электроэнергией и продовольственными товарами из советской зоны. Маршал Соколовский открыто заявил, что эти «технические трудности» будут иметь место до тех пор, пока США, Англия и Франция не откажутся от своего проекта создания «трехзонного правительства». Оккупационные власти Тризонии ответили контрмерами, запретив западногерманским фирмам торговлю с советской зоной.

Итак, в Германии появились две валюты, сложились «двойные» цены, разрушались основы свободного передвижения населения и товаров, разрывались традиционные экономические связи. Сталин посчитал введение в обращение немецкой марки в западных секторах Берлина удобным поводом для блокады, а затем и для присоединения западной части города к советской зоне оккупации. Ведь Западный Берлин был анклавом внутри советской зоны, отстоявшим от ближайшей точки английской зоны на 260 км. Но одним из основных мотивов блокады (как в дальнейшем, и при возведении стены в 1961 г.) стали прозападные настроения многих восточных немцев.

Пропаганда стран Запада начала массированную атаку против «агрессивных намерений» СССР. В правящей элите США нашлись люди, которые выдвинули лозунг «Берлин стоит войны!». В штабе генерала Л. Клея строились планы прорыва блокады с помощью танков. По указанию министра обороны США Дж. Форрестола в Англию были срочно переброшены 90 бомбардировщиков дальнего радиуса действия. Им же была вынесена на рассмотрение действующим президентом США Г. Трумэном инициатива по использованию атомного оружия для разрешения Берлинского кризиса. Трумэн не поддался атомному психозу, но 20 июля 1948 г. он твердо заявил, что союзни-

сказал Сталин своим собеседникам Пику и Гротеволю — изгнание союзников из Берлина.

Но Берлинский кризис обострил до предела международную ситуацию, стал одним из первых крупных кризисов холодной войны. Он ясно показал, что США и их союзники не могут изменить политику СССР в Восточной Германии, а СССР не может повлиять на политику, проводимую США и их союзниками в Западной Германии. Возник тупик, и последними логическими шагами, которые предопределили раскол Германии, стали создание СССР и его союзниками Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) в январе 1949 г., а в апреле 1949 г. Организации Североатлантического договора (НАТО) под эгидой США.

Таким образом, одной из главных предпосылок раскола Германии стала «холодная война». Хотя формально союзники и не отменяли решений, принятых в Потсдаме, но на деле в каждой зоне проводилась политика, отвечавшая геополитическим интересам Вашингтона, Лондона, Парижа и Москвы.

* * *

Определенную роль в расколе Германии сыграла и формирующаяся немецкая политическая элита западной и восточной зон оккупации. И та, и другая прекрасно понимали, что вывода оккупационных войск и свободных демократических выборов в обозримом будущем не будет. Обе хорошо осознавали, что они «не поместятся» на одном политическом пространстве единой Германии. Так, в общем-то, и произойдет в 1990-м г., ну а в конце 1940-х гг. одна часть политической элиты западных зон начинает ориентироваться на идеи «Объединенной Европы»; другая — на идеи возрождения рейнского сепаратизма. Приверженцами «европеизма» были известные ученые и политики: философ *Карл Ясперс* (1883–1969), историк *Ханс Ротфельс* (1891–1976), лидер ХДС Конрад Аденауэр, один из лидеров социал-демократии *Карло Шмид* (1896–1979) и др.

Еще в мае 1945 г. крупный немецкий промышленник Ф. Тиссен и некоторые другие «рейнские политики» опять выдвинули идею создать из части Западной Германии небольшое «независимое Рейнское государство» под покровительством Франции. Надо сказать, что К. Аденауэр от этого «второго рождения» рейнского сепаратизма сразу дистанцировался. Свою прозападную и федералистскую позицию, которой он придерживался до конца, Аденауэр сформулировал

уже 5 октября 1945 г., заявив в одном из интервью, что лучше всего было бы как можно быстрее образовать из трех западных зон федеративное государство и тесно связать его с экономикой Франции и Бельгии.

Опять заявил о себе и баварский сепаратизм. Так, в программе Баварской партии, которая была принята в июне 1949 г., фигурировало требование создания «самостоятельного, жизнеспособного баварского государства». В 1947–1948 гг. обсуждалась и идея «нейтрализации Германии» под эгидой ООН.

Немецкая политическая элита советской зоны в массе своей была воспитана в правоверном коммунистическом духе, мыслила категориями мировой революции, находилась в постоянном страхе перед сталинскими репрессиями и единую Германию могла представлять только «советской социалистической республикой». Но, поскольку в условиях оккупации западной части страны англо-американо-французскими войсками это было невозможно, видела свою номенклатурную выгоду в создании на востоке Германии «первого немецкого государства рабочих и крестьян».

Германский вопрос на сессиях СМИД

Война закончилась для Германии без заключения мирного договора, и не все страны-победительницы были заинтересованы в его скорейшем подписании. Как показал ход событий, эта ситуация «правового вакуума» более всего устраивала Запад.

Совет министров иностранных дел, учрежденный по решению Потсдамской конференции, собрался на свои сессии в 1945–1949 гг. всего 6 раз, но на них обсуждались десятки вопросов и одним из основных всегда был германский. Главной заслугой СМИД была выработка проектов мирных договоров с бывшими союзниками Германии — Италией, Болгарией, Венгрией, Румынией и Финляндией, которые были подписаны 10 февраля 1947 г. в Париже. Однако СМИД не решил главной проблемы — проблемы германского урегулирования, так как слишком серьезными были разногласия между СССР и западными державами. Они проявились уже на первой сессии СМИД (Лондон, сентябрь–октябрь 1945 г.) и нарастали по восходящей.

На второй сессии в Париже (апрель — май и июнь — июль 1946 г.) СССР выступил с предложением создать общегерманское правительство, которое взяло бы на себя ответственность за заключение мирного договора и обеспечило выполнение обяза-

тельств Германии по этому договору. В качестве переходной меры предлагалось создать в кратчайшие сроки центральную немецкую администрацию. Но против этого категорически возражали Франция и Англия. Французский министр иностранных дел Жорж Бидо потребовал отторжения от Германии Рейнской области, Рура и Саара, и раздробления остальной Германии на несколько самостоятельных государств. Советская делегация резко выступила против этих планов.

На третьей сессии (Нью-Йорк, ноябрь-декабрь 1946 г.) главным было обсуждение текстов мирных договоров с Италией, Болгарией, Румынией, Венгрией и Финляндией. На четвертой сессии (март-апрель 1947 г., Москва) советская делегация призвала западные державы отказаться от сепаратных, раскольнических действий. Она предложила немедленно начать подготовку к созданию правительства для всей Германии: учредить общегерманские административные департаменты, разработать временную демократическую конституцию и в соответствии с ней провести во всех зонах свободные выборы. По их результатам и должно было быть сформировано временное общегерманское правительство.

Но одновременно СССР потребовал от США и Англии аннулировать соглашение об образовании Бизонии и установить четырехсторонний контроль над Руром. В ответ на это американская и английская делегации подняли вопрос о восточных границах Германии и высказались в пользу передачи Саара Франции. Советская делегация продолжала настаивать на создании общегерманского правительства, западные делегации категорически возражали. Отрицательное отношение Запада вызвало также советское предложение предоставить решение вопроса о государственном устройстве Германии самим немцам.

На пятой сессии СМИД (ноябрь — декабрь 1947 г., Лондон) СССР предлагал созвать мирную конференцию с приглашением стран, участвовавших в войне против Германии, и подготовить в двухмесячный срок проект основ мирного договора с Германией. Но министры иностранных дел США, Англии и Франции не могли согласиться с этим, поскольку их правительствами к концу 1947 г. уже был определен курс на создание сепаратного западногерманского государства.

Шестая, последняя сессия СМИД для обсуждения германского вопроса, открылась 23 мая 1949 г. в Париже. Но всего за несколько часов до начала первых заседаний вступил в силу Основной закон

западногерманского государства. Раскол Германии стал реальностью. Парижская сессия закончилась 20 июня 1949 г. фактически ничем. По логике «холодной войны» СМИД был уже не нужен, и больше ни разу не собирался.

Конституирование ФРГ

Началом конституирования ФРГ обычно считают создание в 1946 г. Бизонии. 25 июня 1947 г. там был учрежден «Экономический совет» из 52 человек с местом пребывания во Франкфурте-на-Майне. Следующим шагом стало упомянутое выше совещание 7–8 января 1948 г. военных губернаторов американской и английской зон с участием премьер-министров западногерманских земель. Согласно его решениям с 1948 г. состав «Экономического совета» был увеличен до 104 человек. Он состоял преимущественно из политических деятелей эпохи Веймарской республики, но там было и несколько молодых политиков возраста ***Франца-Йозефа Штрауса*** (1915–1988), которому в 1947 г. исполнилось 32 года.

Президентом «Экономического совета» был избран представитель ХДС ***Эрих Кёлер*** (1892–1958), и этот орган стал прообразом бизонального парламента. Прообразом же правительства стал «Административный совет», председателем которого был избран один из руководителей ХДС ***Герман Пюндер*** (1888–1976). Параллельно были созданы также Верховный суд и эмиссионный банк. Так обрисовались контуры нового западногерманского государства.

Следующим шагом к конституированию ФРГ стало образование Тризонии. Затем, 1 июля 1948 г. премьер-министры всех 11 западногерманских земель вновь были приглашены во Франкфурт-на-Майне, где им были вручены три документа (так называемые «Франкфуртские документы»). По первому из них главам земельных правительств были даны полномочия созвать до 1 сентября 1948 г. Учредительное собрание для выработки «демократической конституции федералистского типа». Другие документы касались нового деления на земли (немецкие политики этим предложением не воспользовались) и основных положений Оккупационного статута.

С одной стороны, западногерманские политики были заинтересованы в получении автономии и возможно больших полномочий. Все партии, которые действовали в Западной Германии (кроме КПГ), выступали за объединение западных зон в новое государство. Но,

с другой стороны, эти политики, как немцы, не хотели брать на себя историческую ответственность за раскол страны.

В этой ситуации премьер-министры земель заявили трем военным губернаторам, что проект конституции должно выработать не «Учредительное национальное собрание» (это было бы претензией на выражение воли всех немцев и было чревато серьезным конфликтом с СССР), а «Парламентский совет», который надо сформировать из депутатов ландтагов. Он должен разработать не конституцию, а Основной закон. Несмотря на возмущение Л. Клея такой нерешительностью немецких политиков, западные союзники согласились с их позицией.

Ландтаги земель летом 1948 г. избрали из числа своих депутатов Парламентский совет в составе 65 человек, где преобладали юристы. Среди них были и те, кто разрабатывал Веймарскую конституцию. Председателем Парламентского совета был избран доктор Конрад Аденауэр. Многие исследователи отмечают выдающуюся роль, которую тот сыграл в Парламентском совете, борясь за отстаивание «демократического духа» многих статей Основного закона. Именно он был активным сторонником федеративного устройства государства и выступал за предоставление как можно более широких прав землям, за соблюдение баланса интересов между землями и федерацией.

Парламентский совет заседал с 1 сентября 1948 г. в Бонне без участия прессы. За основу для обсуждения был взят проект Основного закона, разработанный группой юристов в августе 1948 г. Обсуждение шло довольно быстро, и 8 мая 1949 г., ровно через четыре года после капитуляции Германии, Парламентский совет (53 голоса — «за», 12 — «против») принял Основной закон. 12 мая 1949 г. военные губернаторы выразили свое согласие с его текстом. В последующие недели он был утвержден ландтагами всех земель, кроме Баварии, где большинство депутатов решило, что в нем мало учтены интересы федерации, но все же обязались его признавать. 23 мая 1949 г. Основной закон был провозглашен официально.

«Отцы-основатели» ФРГ стремились создать такую систему, где было бы невозможно повторение ситуации 1933 г., когда Гитлер пришел к власти легальным путем. Поэтому в Основном законе был зафиксирован принцип строгого разделения законодательной, исполнительной и судебной властей; правительство становилось подотчетным парламенту; четко прописывались права и обязанности политических партий; устранялись и такие слабости Веймарской

конституции, как легкость отставки правительства, завышенные полномочия президента, плебисцитарность и т. п.

Творцы Основного закона стремились усилить гарантии индивидуальных прав граждан. Они сознательно сформулировали их в первых 19 статьях: равенство перед законом, право на свободное развитие личности, свобода печати, собраний, объединений, мировоззрения и политических взглядов. Учитывая горькие уроки Веймарских времен, они были также озабочены и тем, чтобы защитить рождающуюся новую демократию от поползновений потенциальных врагов. Статья 20 запрещала ликвидацию демократического, федеративного, правового, социального и государственного устройства.

Основной закон предусматривал, что законодательная власть будет сосредоточена в двухпалатном парламенте. Члены верхней палаты — *бундесрата* — назначаются правительствами земель из своего состава. Бундесрат — так сказать, «вечный орган», он не имеет легислатурного срока, его состав частично обновляется в зависимости от результатов земельных выборов. В бундесрате нет фракций политических партий, главная задача этой палаты — отстаивать интересы земель. До объединения с ГДР в 1990 г. в бундесрате заседали 45 делегатов от десяти западногерманских земель, а также наблюдатели из Западного Берлина, которые не участвовали в голосовании. Количество делегатов от земли (минимум — 3, максимум — 6) зависит от числа ее жителей.

Депутаты нижней палаты — *бундестага* — избираются гражданами, достигшими 18 лет, на четыре года и занимаются в основном законотворчеством. Они избирают также главу исполнительной власти — федерального канцлера и контролируют деятельность правительства. Бундестаг является органом представительства всего немецкого народа. До объединения Германии в бундестаг избиралось 520 депутатов.

Главой государства Основной закон ФРГ провозглашает *федерального президента*, который избирается на 5 лет специальным «федеральным собранием», которое создается только для этой цели из депутатов бундестага и равного им числа выборщиков от ландтагов. Полномочия президента ФРГ довольно скромны, он выполняет в основном представительские функции. Федеральный президент считается первым гражданином республики, он «стоит над партиями»; назначает и увольняет федеральных судей, высших чиновников и офицеров; скрепляет своей подписью законы (его в шутку называют «главным нотариусом государства»); лично поздравляет граждан по

случаю их 100-летия, а супружеские пары — с 65, 70 и 75-летием их союза; осуществляет право помилования преступников и т. д.

Зато власть *федерального канцлера*, избираемого бундестагом по результатам общенациональных парламентских выборов, исключительно велика. Основной закон предписывает ему единолично определять главные направления внутренней и внешней политики, назначать и увольнять министров. Его отставка весьма затруднена и может произойти только в результате так называемого «конструктивного вотума недоверия», когда бундестаг должен предложить на пост канцлера альтернативную кандидатуру. Это ограничение Основного закона тоже было данью памяти многочисленной череде отставок канцлеров Веймарской республики и вводилось с целью сохранения политической стабильности. Только один раз (в 1982 г.) канцлер будет смещен таким образом.

В качестве высшей судебной инстанции выступает *федеральный конституционный суд*. Срок полномочий его членов — 12 лет, что обеспечивает ему высокую степень независимости.

Принцип федерализма был реализован в Основном законе так, что земли получили широкие права самостоятельных государственных образований: собственная конституция, земельный парламент (*ландтаг*) и свое правительство. Федерация взяла на себя функции управления в таких сферах как вопросы обороны, таможня; в ведение же земель частично отданы проблемы охраны общественного порядка и окружающей среды; полностью — развитие народного образования и культуры.

Основной закон допускал возможность национализации отдельных отраслей экономики. Он закреплял право профсоюзов на заключение коллективных договоров и декларировал, что «трудящиеся находятся под особым покровительством закона». Дань недавним урокам истории была отдана статьей 26, в которой объявлялись антиконституционными любые действия, «могущие нарушить мирную совместную жизнь народов или направленные на подготовку к агрессивной войне».

В начале апреля 1949 г. министры иностранных дел США, Англии и Франции одобрили и передали Парламентскому совету текст Оккупационного статута. В нем определялись отношения между будущими органами государственной власти ФРГ и оккупационными властями. Предусматривалось, что последние и впредь, на неопределенный срок, сохраняют за собой все основные права, которыми пользовались ранее (контроль над внешней политикой ФРГ,

кам нельзя отказываться ни от Западного Берлина, ни от создания западногерманского государства.

Конфронтационное мышление тогдашних лидеров — Сталина и Трумэна, а также их союзников — толкало всех на поиск военных путей разрешения конфликта. На блокаду Западного Берлина советскими войсками Запад ответил неординарно — созданием «воздушного моста». На протяжении 318 дней, до 12 мая 1949 г., снабжение Западного Берлина обеспечивалось по воздушному мосту, организованному США и Англией. Это была эффективно действующая система, по которой транспортными самолетами в Западный Берлин было переброшено около 1,5 млн т продовольствия, медикаментов, стройматериалов, угля и много другого.

Воздушный мост (17.10.1948)

Всего было осуществлено 195 тыс. рейсов. В среднем через каждые 3 минуты в Западном Берлине приземлялся самолет западных союзников. На Пасху 15–16 апреля 1949 г. был устроен демонстративный «пасхальный парад», когда американские и английские самолеты взлетали беспрерывно. В течение 24 часов они совершили 1344 рейса и доставили в Западный Берлин 12 тыс. т грузов.

Конечно же, западноберлинцы с нетерпением ждали эти рейсы. Однако преодоление блокады с помощью воздушного моста в историографии часто изображается односторонне — как успешная и героическая акция, которая спасла жителей Западного Берлина от голода, то есть как моральная победа Запада. Весьма распространена и точка зрения, согласно которой именно советская блокада развеяла последние сомнения западных стран относительно необходимости создания западногерманского государства.

Однако здесь возникает ряд вопросов: кто больше виноват в Берлинском кризисе 1948 г. — СССР или Запад? Почему ни советскими, ни западными политиками не были использованы более адекватные в той ситуации меры? В результате блокады Берлин оказался в центре мировых интересов, проблемой начал заниматься Совет Безопасности ООН. 12 мая 1949 г. по приказу советского руководства блокада была снята. Но до сих пор неизвестна ее настоящая цель: или принуждение союзников к общей политике в германском вопросе или — как

над Руром, над соблюдением Основного закона). К тому же, военные губернаторы получали право в любой момент приостанавливать его действие, отстранять от управления немецкие органы и вводить свой неограниченный контроль. За соблюдением Оккупационного статута должна была наблюдать Верховная союзническая комиссия.

Что касается государственной символики нового государства, то 22 статья Основного закона определяла только вопрос о государственном флаге ФРГ: возвращался черно-красно-золотой триколор Веймарской республики. Вопросы же о гербе и гимне были отнесены к компетенции бундеспрезидента. Но Т. Хойс только в 1950 г. объявил об утверждении герба ФРГ — им стал орел Веймарской республики. Вопрос о гимне был решен только в 1952 г. — им вновь стала «Песнь немцев» на музыку Й. Гайдна и стихи Х. фон Фаллерслебена. После принятия Основного закона Парламентский совет принял решение провозгласить столицей ФРГ город Бонн — тогда вполне провинциальный город на Рейне с числом жителей около 150 тыс. человек.

На Основной закон ФРГ сразу же обрушилась критика: как слева, со стороны КПГ — в антидемократизме (за запрет политических стачек), в консерватизме (за устранение из нее плебисцитарных принципов) и даже реваншизме (за 23-ю статью, в соответствии с которой произойдет объединение Германии в 1990 г.); так и справа, со стороны правоконсервативных и неонацистских сил — в чрезмерном демократизме; но он показал свою жизнестойкость, сохранившись и после объединения Германии в 1990 г.

Предвыборная кампания по выборам первого бундестага развернулась летом 1949 г. и стала достаточно острой. Победу 14 августа 1949 г. одержал блок ХДС/ХСС — 31 % голосов, СДПГ — 29,2 % голосов, СвДП — 11,9 %, КПГ — 5,6 %. Мелкие партии (Центра, Немецкая партия, Баварская партия) и др. остались далеко позади. Первое заседание бундестага открылось 7 сентября 1949 г. в Бонне.

12 сентября 1949 г. бундестаг избрал первого президента ФРГ. Им стал представитель СвДП Теодор Хойс. Многие к этому времени постарались забыть, что Хойс, будучи депутатом рейхстага, голосовал в 1933 г. за предоставление чрезвычайных полномочий Гитлеру. Через три дня — 15 сентября, первым федеральным канцлером был избран большинством в один, свой собственный голос, (202 из 402) К. Аденауэр, который сформировал коалиционное правительство из представителей трех партий: 8 — от ХДС/ХСС, 3 — от СвДП и 2 — от Немецкой партии. Из первой же декларации нового кабинета стало ясно, что в области внутренней политики правительство будет при-

держиваться принципов социальной рыночной экономики, а в области внешней — прозападной ориентации.

21 сентября 1949 г. вступил в силу Оккупационный статут, а Верховная союзническая комиссия официально приступила к выполнению своих полномочий. Так, с серьезными ограничениями своего суверенитета конституировалась Федеративная Республика Германия. Она занимала территорию в 248,2 тыс. кв. км. Население ФРГ в 1950 г. составило 48,7 млн человек.

Конституирование ГДР

СЕПГ и все входящие в «антифашистско-демократический блок» партии и организации сначала делали упор на достижение государственного единства Германии. Они обвиняли западные державы и сотрудничавших с ними немецких политиков в нарушении Потсдамских решений и проведении курса на раскол Германии. Для демонстрации своего стремления к восстановлению единства страны (при активной поддержке СВАГ) СЕПГ призвала провести 6–7 декабря 1947 г. в Берлине Немецкий народный конгресс под лозунгом борьбы «За единство Германии и справедливый мир».

А ровно через 100 лет после начала первой немецкой революции (17–18 марта 1948 г.) в Восточном Берлине прошел второй такой конгресс. На нем был избран «Немецкий народный совет» из 400 человек, легитимность которого была весьма сомнительна. Но именно ему было поручено на основе конституционного проекта, представленного СЕПГ еще осенью 1946 г., разработать «Основной закон Германской демократической республики» как единого немецкого государства. Таким образом, конституция ГДР начала разрабатываться за несколько месяцев до Основного закона ФРГ. Ее проект был опубликован во всех газетах и вынесен на всенародное обсуждение.

В конституционный комитет Немецкого народного совета во главе с бывшим социал-демократом Отто Гротеволем входили представители всех партий. Комитет получил около 15 тыс. резолюций различных собраний и писем с предложениями по тексту конституции. То есть, в отличие от Основного закона ФРГ, проект конституции ГДР хотя бы формально разрабатывался при достаточно широком народном участии. В процессе доработки в проект было внесено более 500 дополнений и изменений. Официальная пропаганда основной упор сделала на том, что впервые за многовековую историю Германии народ «сам творит свои законы». 19 марта 1949 г. (до принятия Основного закона ФРГ) проект конституции был одобрен Немецким народным советом.

Для ее большей легитимизации 29–30 мая 1949 г. в Восточном Берлине был проведен третий Немецкий народный конгресс, который принял конституцию Германской демократической республики. Во многом это была копия конституции Веймарской республики (хотя некоторые статьи были очень схожи со статьями Основного закона ФРГ), причем сознательно сохранялся ее общегерманский характер. Так, в статье первой говорилось: «Германия является неделимой демократической республикой». Но в мае 1949 г. уже всем было понятно, что эта конституция будет действовать только в Восточной Германии.

В конституции ГДР провозглашались широкие демократические права и свободы граждан: слова, собраний, совести, объединений, неприкосновенности жилья и т. п.; говорилось о том, что «сохранение дружественных отношений со всеми народами является обязанностью государственной власти»; запрещались военная и расовая пропаганда, разжигание вражды против демократических организаций. Народный сектор экономики и плановый характер хозяйства были отнесены к числу важнейших основ государства. Но одновременно гарантировалось право мелкой частной собственности на средства производства.

Творцы конституции ГДР, работавшие под контролем СВАГ, отказались (в отличие от творцов Основного закона ФРГ) от принципа разделения властей. Высшим органом объявлялась Народная палата, которая избиралась на четыре года путем всеобщих (с 18 лет), равных и прямых выборов при тайном голосовании. Ей были даны весьма широкие полномочия: формировать основные направления политики правительства, контролировать его деятельность и даже смещать; пользоваться исключительным правом законодательства; принимать решения о народно-хозяйственном плане, государственном бюджете и т. д.

Интересы каждой земли должны были отстаивать депутаты Палаты земель. Они избирались ландтагами, имели право законодательной инициативы и отклонения законопроектов, принятых Народной палатой. Главой республики объявлялся президент, но его власть была ограниченной, а функции — представительскими. Зато широкими полномочиями наделялся премьер-министр.

Любопытно, что, как и в Основном законе ФРГ, цветами государственного флага ГДР конституция объявляла черный, красный и золотой, и десять лет обе немецкие республики имели одинаковые государственные флаги. Гербом ГДР стал молот в окружении колось-

ев пшеницы. В 1952 г. молот был соединен с циркулем, а в 1959 г. этот герб был помещен и на флаг. В качестве гимна ГДР в ноябре 1949 г. Совет министров утвердил песню «Восставшая из руин» на слова ***Йоханнеса Роберта Бехера*** (1891–1958) и музыку ***Ханса Айслера*** (1898–1962).

Конституция ГДР была по форме одной из самых демократических конституций того времени. Но формально демократическая конституция, как показал опыт ряда государств в XX в. (и не в последнюю очередь СССР и ГДР), вполне может сочетаться с реальной тоталитарной или авторитарной властью. А этой властью в Восточной Германии располагала СЕПГ. Дискуссионной в историографии является только проблема сроков установления «диктатуры СЕПГ» — возникла она в 1949 г. или позже?

После завершения конституирования ФРГ правительство СССР направило 1 октября 1949 г. правительствам США, Англии и Франции ноту протеста в связи с их политикой в Германии. В этой ноте ответственность за раскол Германии однозначно возлагалась на страны Запада, но за кулисами советской внешней политики скрывалась подготовка к скорейшему провозглашению ГДР.

Когда существование Федеративной Республики Германии стало фактом, 4 октября 1949 г. Правление СЕПГ обратилось ко всем немцам с призывом сплотиться в «Национальном фронте демократической Германии», который будет бороться за восстановление единства страны, заключение справедливого мирного договора и последующий вывод оккупационных войск. 5 октября 1949 г. средства массовой информации в советской зоне объявили, что, опираясь на «волю трудящихся», Немецкий народный совет преобразован в парламент — во Временную Народную палату. Таким образом, СЕПГ и СВАГ проигнорировали естественное желание немцев сформировать парламент путем всеобщих выборов.

Утром 7 октября 1949 г. Немецкий народный совет единогласно принял манифест о создании Германской Демократической Республики и закон о вступлении в силу конституции ГДР. Вечером его заседание было проведено уже под вывеской Временной Народной палаты. Фракция СЕПГ выдвинула на пост премьер-министра кандидатуру О. Гротеволя, которому и было поручено формирование правительства.

Провозглашение Германской Демократической Республики было, естественно, согласовано со СВАГ, правительством СССР и со Сталиным. Но если первым мероприятием западных государств после образования ФРГ было введение в силу Оккупационного статута

и сосредоточение верховной власти в руках Верховной союзнической комиссии, то первым демонстративным шагом правительства СССР была передача 10 октября 1949 г. правительству ГДР всех административных функций СВАГ. Последняя преобразовывалась в Советскую контрольную комиссию, ее целью объявлялось «наблюдение» за выполнением Потсдамских и других четырехсторонних решений.

11 октября 1949 г. из представителей пяти земель советской зоны была создана Временная Палата земель. В тот же день состоялось совместное заседание двух палат конституировавшегося парламента ГДР. Президентом республики единогласно был избран коммунист Вильгельм Пик — ветеран немецкого и международного рабочего движения, который в своем первом же выступлении претенциозно заявил о том, что правительство ГДР уполномочено говорить «от имени всего немецкого народа».

12 октября Народная палата утвердила состав кабинета, сформированного О. Гротеволем. И хотя в него вошли представители всех партий «Национального фронта»: восемь — от СЕПГ, четыре — от ХДС, три — от ЛДПГ, по одному — от ДКПГ и НДПГ, а также один беспартийный, но важнейшие министерские посты получили представители СЕПГ.

Федеральный канцлер ФРГ К. Аденауэр, выступая 21 октября 1949 г. перед депутатами бундестага в Бонне, в ответ на заявление В. Пика от 11 октября сказал, что Немецкие народные конгрессы не были сформированы в результате свободных выборов, которые предусмотрены в конституции ГДР; что ГДР возникла нелегитимно; что правительство ФРГ не будет признавать решений ее правительства как обязательных для немецкого народа и «будет чувствовать себя ответственным также за участь 18 млн немцев, которые живут в советской зоне». Так впервые была сформулирована претензия Западной Германии на единоличное представительство всех немцев.

Советская же пропаганда сразу назвала образование Германской Демократической Республики «поворотным пунктом в истории Европы». СССР и ГДР уже 15 октября 1949 г. обменялись дипломатическими миссиями. Так конституировалась, как формально суверенная, но фактически оккупированная советскими войсками и сильно зависимая от СССР в проведении своей внешней и внутренней политики, Германская Демократическая Республика. Она занимала территорию в 108,2 тыс. кв. км. Население ГДР в 1950 г. составило 18,4 млн человек. Столицей являлся Восточный Берлин.

6. Культура и духовная жизнь Германии в 1945–1949 гг.

Развитие культуры и духовной жизни в оккупированной Германии определялось рядом факторов. Во-первых, в наследие от времени нацистского господства и его преступной политики немцам достались невиданные разрушения и моральное опустошение. В стране шли мучительное отрезвление нации и окончательный отказ от имперских иллюзий. С другой стороны, советская политика в Восточной Германии приводила к крушению симпатий, которые были у немалого количества немцев по отношению к коммунистам в первые послевоенные годы. И в-третьих, крушение Третьего рейха, безоговорочная капитуляция и оккупация (в отличие от военного поражения 1918 г.), — все это выбивало почву из-под ног тех, кто питал иллюзии попытаться пересмотреть когда-нибудь статус Германии военными средствами.

Немецкая политическая культура первых послевоенных лет была сложным явлением, где сочетались и отказ от нацистской идеологии, и от немецкого национализма кайзеровской эпохи, и от романтических настроений Веймарской республики. Их место заняла полная политическая индифферентность или даже апатия. В западных зонах были сильны федералистские настроения и рано выраженные симпатии к европейскому единству. В советской зоне немцы были фактически избавлены от конфликта с национал-социалистическим прошлым, так как рождавшаяся там новая система во главу угла ставила антифашизм. А из этого должно было следовать, что она не имеет ничего общего с германским прошлым периода 1933–1945 гг.

Причем, вина за совершенные нацистами преступления, за военное поражение и все беды, постигшие Германию, легко перекладывалась большинством немцев исключительно на Гитлера и его окружение. Себя же они искренне считали только беспрекословными, бессильными, обязанными к безоговорочному повиновению орудиями в руках фюрера. Деликатный вопрос о том, что же заставило их стать «добровольными подручными Гитлера» (выражение американского историка Д. Голдхагена) предпочитали не задавать, а тем более на него не отвечать. Надо сказать, что в первые послевоенные годы среди высокообразованных немцев наблюдалось такое явление как стремление взять на себя вину за национал-социализм и его преступления. Но под влиянием холодной войны, когда победители искали среди немцев скорее союзников, нежели виновников, это явление быстро прошло.

Союзники по антигитлеровской коалиции еще в ходе войны предполагали, что они установят контроль над немецкой духовной жизнью. Без этого невозможно было осуществить денацификацию и демократизацию. При планировании развития средств массовой информации в оккупированной Германии в качестве первого шага был предусмотрен полный запрет какой-либо публицистической деятельности самих немцев. Предполагалось, что немецкие журналисты придут в лицензированные газеты и радиостанции только после прохождения денацификации, и будут работать под контролем союзников.

В США еще до окончания войны был выдвинут тезис о «коллективной вине» немецкой нации за преступления нацистов. В соответствии с ним немцы не могли сами освободиться от наследия гитлеризма, поэтому был разработан план «перевоспитания» немецкого народа (*Re-education*) с помощью культуры, которое позднее стало пониматься как «переориентация» (*Re-orientation*) и должно было, по мнению американцев, привести к радикальным демократическим изменениям в общественной жизни Германии.

Весной 1945 г. в США был организован «Учебный центр для военно-пленных», где из немецких военнопленных осуществлялась подготовка так называемого «резерва духовной элиты». Всего из 400 тыс. немецких солдат и офицеров, которые содержались в 133 американских лагерях, в этот центр было отобрано несколько тысяч человек. Они слушали лекции по истории США и Германии, по экономике, социологии и др. В качестве преподавателей выступали американские профессора, им ассистировали немецкие эмигранты. Военнопленные изучали азы американской демократии, которая превозносилась как лучшая в мире модель государственного устройства. Всего же в американских лагерях для немецких военнопленных выходило 137 газет и журналов.

Аналогичная и также достаточно либеральная политика по отношению к немецким военнопленным проводилась в Англии. В СССР военнопленные широко использовались в качестве бесплатной рабочей силы. С другой стороны, для них создавались различные курсы, «антифашистские школы», где слушателям внушалось, что лучшей в мире моделью государственного устройства является «советская социалистическая демократия». Причем, советское руководство гораздо раньше (уже в июле 1943 г.), чем английское или американское, начало последовательно готовить из немецких военнопленных кадры будущей просоветской политической элиты.

Союзники (прежде всего США и СССР) готовили специально профилированных офицеров («культур-офицеров»), хорошо знакомых с немецкой историей, философией, литературой, живописью, музыкой, а также с нравами и традициями отдельных немецких земель. В качестве консультантов широко использовались немецкие и австрийские интеллектуалы, которые по политическим или расовым мотивам оказались в эмиграции, а весной 1945 г., вместе с армиями союзников или позднее, как реэмигранты, возвращались в Германию. Например, широко известный писатель *Альфред Дёблин* (1878–1957) работал как «культур-офицер» во французской оккупационной зоне.

Современники и исследователи отмечают, что сразу после окончания войны в Германии наблюдался невероятный «культурный голод» среди населения. Доступ к культурным ценностям был тогда для многих немцев не менее важным, чем питание, топливо или крыша над головой. Союзники видели это и делали все необходимое, чтобы по возможности быстро удовлетворить культурные потребности, но одновременно вынуждены были проводить и широкую денацификацию в сфере культуры. Так, в американской зоне список деятелей культуры, которые должны были пройти процедуру денацификации, включал 1400 фамилий работников издательств, театров, прессы, радио и т. д., из них около 600 было в результате полностью отстранено от работы. Аналогичным образом поступали и в других оккупационных зонах, наиболее радикально — в советской.

В оккупированной Германии между Советским Союзом и западными державами имела место конкуренция не только в области политики, но и в области культуры. Каждая из оккупирующих стран стремилась пропагандировать среди немцев свои традиции и собственную национальную культуру. Немцы фактически пережили тогда насильственное навязывание американской, советской, британской и французской литературы, фильмов, музыки и т. д. Этот «культурный экспорт» осуществлялся через прессу, радио, кинотеатры или специальные «дома» («Америка-хаус», «Дом советской культуры» и др.).

Несмотря на ряд ограничений (выдача лицензий на издание газет и журналов, разрешений на постановку спектаклей, цензура прессы и т. д.), а также запрет критики оккупационных властей, культурная жизнь развивалась во всех четырех зонах довольно свободно. Даже в советской зоне на начальном этапе оккупации было допущено наличие широкого спектра течений в области духовной жизни и культуры. В качестве общей тенденции духовной жизни послевоенного

времени можно назвать возврат к ценностям классической культуры и искусства, в особенности эпохи «Веймарского классицизма».

Большую роль в духовном возрождении сыграла церковь. Священники в своих проповедях ставили вопрос о необходимости признания вины немцев за военные преступления. Они пытались с религиозно-метафизической точки зрения объяснить «немецкую катастрофу» как отречение или отход от бога, а успех нигилистическо-тоталитарной демонии Гитлера — как кульминацию этого развития. Католические публицисты подчеркивали очень сильное влияние пруссачества, искали корень зла даже в Реформации и в сочинениях Мартина Лютера. «Час ноль» в сфере духовной жизни у немцев во многом ассоциировался с «часом церкви».

Одним из важных событий духовной жизни послевоенной Германии стало основание 4 июля 1945 г. «Культурбунда» как союза деятелей немецкой культуры по демократическому обновлению. Инициаторами его создания стали Йоханнес Р. Бехер, ***Бернхард Келлерманн*** (1879–1951), доктор ***Фердинанд Фриденсбург*** (1886–1972) и др. «Культурбунд» объединил людей многих профессий: ученых и писателей, актеров и журналистов, врачей и художников, музыкантов и педагогов; представителей всех мировоззренческих направлений и христиан обоих вероисповеданий.

Они совместно обсуждали исторические условия возникновения национал-социализма; искали его предшественников в немецкой духовной истории; пытались выяснить причины широкого распространения расовых теорий, антисемитизма, милитаризма и т. д. В 1946 г. по всей Германии насчитывалось 42 группы «Культурбунда». За два года (до запрета осенью 1947 г. в западных зонах) «Культурбунд» провел многочисленные дискуссии по самым животрепещущим проблемам прошлого, настоящего и будущего Германии. Его вклад в понимание происхождения и сущности нацизма, в причины «немецкой катастрофы» был весьма значителен.

Сам термин «немецкая катастрофа» происходит от названия книги известного немецкого историка ***Фридриха Майнеке*** (1862–1954), вышедшей в 1946 г. Но научная дискуссия о причинах катастрофы началась еще в эмиграции: на страницах журнала «Фрайес Дойчланд», выходившего в Мехико, за 1943–1945 гг. было опубликовано несколько десятков статей, где делалась попытка с разных позиций объяснить причины краха Веймарской республики и установления нацистской диктатуры. Ответом на социал-демократическую версию катастрофы, изложенную в статьях и книгах ***Фридриха Штампфера***

(1874–1957), Отто Брауна и др., стало издание в Мехико на немецком языке книг авторов-коммунистов *Пауля Меркера* (1894–1969) «Германия — быть или не быть?» и *Александра Абуша* (1902–1982) «Ложный путь одной нации».

Сам Ф. Майнеке с либеральных позиций объяснял катастрофу особенностями немецкой идеологии и истории. С одной стороны, он демонизировал роль Гитлера как «злого духа», сумевшего завоевать массы, но и осуждал, с другой стороны, правоконсервативные круги Германии (крупных промышленников, прусскую аристократию и др.), которые содействовали приходу нацистов к власти. Майнеке призывал покончить с прусскими и милитаристскими традициями.

Один из самых известных консервативных историков того времени *Герхард Риттер* (1888–1967) в книге «Европа и германский вопрос», опубликованной в 1948 г., сформулировал ставшую впоследствии очень популярной идею о том, что нацизм был «несчастным случаем» немецкой истории, «разрывом» с ней. Риттер, в отличие от Майнеке, призывал сохранить наследие Бисмарка и Фридриха Великого, а также «положительные традиции пруссачества».

В декабре 1945 г. закончил свою книгу «Государство СС» бывший узник Бухенвальда *Ойген Когон* (1903–1987). Это была первая книга о нацистских лагерях смерти. Автор пытался побудить немцев осознать свою вину, задать себе и попытаться ответить на мучительный вопрос: «Как же все это стало возможным?»

С классовых, марксистских позиций на этот вопрос отвечали в своих книгах коммунисты: Вальтер Ульбрихт в 1946 г. («Легенда о немецком социализме»), *Альберт Норден* (1904–1982) в 1947 г. («Уроки германской истории»). С позиций философа в курсе лекций «О современной духовной ситуации» перед студентами Гейдельбергского университета пытался дать ответ профессор Карл Ясперс. Тексты этих лекций вышли в 1946 г. в виде отдельной книги «Проблема вины». Ясперс призывал немцев к «обвинению изнутри».

Но эти призывы были плохо услышаны. Пока шел Нюрнбергский процесс, дискуссии о нацизме и проблеме вины продолжались, но в 1947–1948 гг., в условиях сворачивания денацификации, разгоравшейся холодной войны и фактического раскола Германии, эти дискуссии сходят на нет, — немцы старались забыть о недавнем прошлом и не отвечать на сформулированные в первые послевоенные годы, как назвал их в своей книге «Искупление» А. И. Борозняк, «проклятые вопросы».

- Была ли нацистская диктатура продуктом германской истории или же воплощением абсолютного разрыва связей с традициями прошлого, неким «особым» путем развития?
- Можно ли было предотвратить установление нацистских порядков в Германии?
- Кто несет ответственность за утверждение режима, за его преступления?
- Почему стала возможной массовая поддержка преступного государства?

Общим среди союзников было понимание того, что все печатные издания, имевшие нацистское, расистское или милитаристское содержание, должны быть изъяты; что фашизм должен быть лишен своих духовных корней. Для этого началась массовая чистка библиотек, причем в разных зонах, и даже в разных землях и городах одной зоны степень радикальности этой чистки была неодинаковой.

Оккупационные власти, «очищая» духовную жизнь Германии от наследия национал-социализма, активно привлекали к этому делу самих немцев, которые проявляли при этом большое усердие, иногда, впрочем, доходившее до абсурда. Например, в Берлине была создана специальная комиссия для удаления из библиотек «нацистской литературы». По ее решению в разряд «нацистов» попало около 700 авторов художественных произведений и примерно 1500 авторов политических и научных работ разных времен, не имевших никакого отношения к национал-социализму. Но их книги были «удалены» из библиотек. «Удалялись» и отдельные произведения некоторых авторов, например, Г. Трейчке, Х. Фаллады, Ф. Ницше и др..

На межзональном уровне общим был список, подготовленный в мае 1946 г. библиотекой Лейпцига. Список включал 15 тыс. названий книг и 150 наименований журналов «фашистского и милитаристского содержания», которые могли пропагандировать расовые теории или быть направлены против политики союзников, и которые подлежали изъятию.

С точки зрения культуры «час ноль» был, конечно же, и часом радио. В первые месяцы после войны из-за острого дефицита газет (не хватало бумаги, краски, транспорта и т. п.) радио выполняло функции, которые раньше выполняли газеты, плакаты, доски объявлений, рекламные листы и пр. Однако очень скоро начали возрождаться детские, женские, литературные программы, спортивные репортажи и т. д. Конечно же, радиопередачи были не только источником инфор-

мации, теперь немцы могли безнаказанно слушать радио Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Москвы, наслаждаться джазом и другой «неарийской» музыкой.

В советской зоне уже с лета, а в западных зонах позднее, — с осени 1945 г., — регулярными становятся радиообращения к населению немецких политиков и профсоюзных деятелей. Но пути развития радиовещания в западных и советской зонах быстро разошлись. В Тризонии осенью 1948 г. и весной 1949 г. по образцу английской Би-Би-Си было учреждено (на базе работавших до этого под контролем оккупационных властей) 6 общественных радиостанций. В Восточной же Германии уже в конце июля 1945 г. СВАГ поставила радио под надзор центрального управления по народному образованию, где преобладали коммунисты. А 15 августа 1946 г. радиостанции были объявлены «народной собственностью» и стали важнейшим пропагандистским средством для распространения коммунистических идей.

Другим важнейшим источником информации, наряду с радио, были газеты. Главной газетой советской военной администрации в Восточной Германии стала газета «Тэглихе рундшау» («Ежедневное обозрение»). Ее первый номер вышел 15 мая 1945 г., она выходила самым большим тиражом (в 1947 г. — 1,2 млн экземпляров) среди газет союзников.

Новая пресса в западных зонах оккупации началась с издания восьми газет при штабах англо-американских армий на немецком языке. К лету 1945 г. их общий тираж составлял почти 4 млн экземпляров; затем они стали, по сути, региональными изданиями и получали названия «курьер», «вестник» или «голос» («Кёльнский курьер», «Аугсбургский вестник» и др.). Параллельно началась выдача лицензий для начала издания собственно немецких газет. 27 июня 1945 г. была выдана первая лицензия, а всего до сентября 1949 г. в четырех зонах оккупации было выдано около 400 лицензий на издание газет и журналов.

Но «преобразование» сущности газет, журналов и издательств в советской зоне было типичным примером советского «дирижизма». В то время как западные оккупационные власти принципиально предоставляли лицензии частным лицам, в советской зоне право издавать газеты и журналы, создавать собственные издательства и использовать находящиеся в советском распоряжении типографии получили, прежде всего, партии и общественные организации.

Особенно интенсивной культурной жизнью после войны жил разделенный на четыре сектора Берлин. Несмотря на руины, Берлин

переживал «культурную весну» театров и кабаре: с июня до декабря 1945 г. там состоялась 121 премьера. Но, разумеется, теперь Берлин уже не мог претендовать на роль культурной метрополии Европы.

Вслед за Берлином очень скоро после окончания войны и в других немецких городах возобновился концертно-театральный сезон. Так, мюнхенская филармония пригласила слушателей на концерт уже 8 июля 1945 г., в Ганновере премьера оперы «Паяцы» состоялась 11 июля, в Эссене 12 августа начались «моцартовские концертные вечера». Наряду с классикой звучала музыка межвоенного модерна 1920–1930-х гг. На сценических площадках блистали *Бела Барток* (1881–1945), Игорь Стравинский, Пауль Хиндемит. В небольших городах двери театров открылись осенью 1945 г. Симптоматично, что среди спектаклей преобладали постановки немецкой классики: «Ифигения в Тавриде» И.-В. Гёте, «Натан Мудрый» Г.-Э. Лессинга и др.

А вот книгоиздание возрождалось очень медленно. В первые послевоенные месяцы (из-за нехватки бумаги, разрушенного оборудования и денацификации) издательства печатали преимущественно брошюры объемом не более 30 страниц на дешевой газетной бумаге. В основном это были переиздания литературной классики и научно-технических публикаций. Новинки же художественной литературы публиковались преимущественно в журналах. Причем, в первые послевоенные годы наблюдалась настоящая «журнальная лихорадка». К 1947 г. во всех четырех зонах выходило около 150 различных журналов, из них только литературных — 72.

Наибольшей популярностью пользовались такие журналы как «Дер Руф», «Франкфуртер Хефте», «Ди Вандлунг», «Ланцелот», «Гайстиге Вельт», «Гегенварт» и др. Самым популярным и читаемым журналом в 1946–1949 гг. был «Дер Руф» («Призыв»). Его тираж в 1948 г. (100 тыс. экз.) превышал даже тираж такого популярного иллюстрированного еженедельника как «Шпигель» (65 тыс. экз.).

Эта «журнальная лихорадка» была отражением потребности немецких интеллектуалов выразить свое отношение к судьбам родины. Вокруг журналов, газет, издательств нередко возникали творческие объединения. Самым известным из них стало писательское объединение «группа 47». Оно было основано в сентябре 1947 г. как творческий союз молодых литераторов (*Альфред Андерш* (1914–1980), *Ханс Вернер Рихтер* (1908–1993) и др.), сплотившихся вокруг журнала «Руф». Но сложилось так, что именно «группа 47» будет во многом определять развитие литературы ФРГ на протяжении последующих двух десятков лет. Ее наиболее именитым членом станет *Генрих Бёлль* (1917–1985).

Повсеместно проводились литературные чтения, где писатели знакомили слушателей со своими новыми произведениями. Широкий резонанс получили романы ***Элизабет Ланггессер*** (1899–1950) «Неизгладимая печать», ***Германа Казака*** (1896–1966) «Город за рекой», Ханса Вернера Рихтера «Побежденные», Бернхарда Келлерманна «Пляска смерти», Ханса Фаллады «Каждый умирает в одиночку». Едва ли не самый большой успех имел роман Германа Гессе «Игра в бисер».

Серьезное влияние на послевоенное поколение оказали рассказы Генриха Бёлля, а также творчество рано умершего Вольфганга Борхерта, особенно его пьеса «На улице перед дверью», где главный герой Бекман олицетворяет собой обманутое нацистами поколение, всех вернувшихся с войны солдат. В этих произведениях авторы пытались реалистически изобразить фашизм и войну, ставили вопрос о том, кто виноват в случившемся с Германией и с немцами.

Наиболее известными поэтами того времени были Йоханнес Р. Бехер и Бертольт Брехт. Бехер уже в 1946 г. публикует сборник стихотворений «Возвращение на родину», в 1948 г. — сборник «Народ, блуждающий во мраке», в которых отразились и радость от возвращения, и вера в новую жизнь, и тяготы первых послевоенных лет. Брехт, получивший австрийское гражданство, помимо многочисленных литературных проектов, пьес, над которыми он работал в те годы, занимался постановками своих произведений на сценах немецких театров.

Серьезную роль в деле духовного возрождения и очищения от нацистской идеологии сыграл театр. Хотя из почти 200 немецких театров более 90 оказались разрушенными, театральный сезон начался уже осенью 1945 г. Причем, билеты были дорогими, но многие немцы были готовы пожертвовать самым дорогим в то холодное и голодное время — обменять булку хлеба или брикет угля на билет в театр.

Наиболее востребованными и тепло принятыми публикой оказались пьесы «Генерал дьявола» ***Карла Цукмайера*** (1896–1977), «Город за рекой» Германа Казака, «На улице перед дверью» Вольфганга Борхерта, «Мамаша Кураж» Бертольта Брехта. Ставились также экзистенциалистские пьесы Жана-Поля Сартра, Теннесси Уильямса, Альбера Камю. В большинстве этих постановок делалась попытка объяснить средствами искусства — кто же виновен в случившейся катастрофе; почему диктаторские режимы могут быть жизнеспособными; но одновременно звучал оптимистический мотив — даже самое жестокое государство неспособно умертвить главные проявления жизни: любовь, дружбу, верность христианским принципам и добродетелям.

В советской зоне шли пьесы русских авторов, такие как «Васса Железнова» Горького.

Едва ли не центральным местом для развлечений молодежи времени развалин стали бывшие бомбоубежища, подвалы домов, наскоро оборудованные под кабаре, варьете, «джаз-подвалы», «подвалы-рестораны» с музыкальными ревю и шоу. Как грибы после дождя повсеместно возникали школы танцев и танц-клубы. Но джаз был популярен все же преимущественно у молодежи, большинство пожилых немцев по-прежнему не хотело признавать «негритянское искусство».

Одной из важнейших задач в области духовной жизни, которую поставили перед собой союзники, была задача начать учебный год в школах и вузах уже осенью 1945 г. Между тем, много школьных зданий использовались как лазареты, как лагеря для беженцев, для размещения потерявших жилье от бомбежек и для целей оккупационных властей. Например, в Гамбурге из 400 уцелевших школ в сентябре 1945 г. по назначению использовалось только 60.

Однако самой большой проблемой для школ была проблема преподавания: в Баварии в 1946 г. на одного учителя приходилось 65 учеников (в 1939 г. было 44); в Шлезвиг-Гольштейне — 78 (в 1939 г. — 39) и т. д. Многие погибли на войне, многие подверглись денацификации: в американской оккупационной зоне, например, за 1945 год 50 % учителей было отстранено от преподавания, в советской зоне этот процент достигал 70.

В школах не хватало парт, досок, мела, тетрадей, — в общем, всего, что всегда казалось абсолютно привычным. Катастрофически не хватало учебников, особенно по истории, литературе, географии. Нацистские учебники, изданные миллионными тиражами, необходимо было изымать а взамен (при разрушенных типографиях, нехватке бумаги) переиздавать учебники периода Веймарской республики или писать новые.

Трудности были колоссальные, но все же работа начиналась, а трудности постепенно превозмогались. Осенью 1945 г. начались занятия во многих школах и вузах всех четырех зон оккупации. Но если в западных зонах возобладала концепция аполитичности школы, то в советской зоне за 1945–1946 гг. было осуществлено кардинальное реформирование всей системы образования, она была подчинена главной цели — построению социализма в Восточной Германии.

Если в западных зонах, по мере проведения денацификации и демократизации, и без того неглубокое вмешательство оккупационных

властей в культурную жизнь свелось к минимуму, то в советской зоне СВАГ и Социалистическая единая партия Германии все более начинают связывать культуру с идеологической борьбой. В 1948 г. происходит резкий поворот от относительно либеральной политики СВАГ в сфере культуры к «советизации» культурной жизни, к насаждению идеологии «марксизма-ленинизма-сталинизма». Была развернута шумная кампания против «формализма», «экзистенциализма», «социал-демократизма», «антисоветизма» и «декадентского» влияния в искусстве.

На восстановление экономики Германии понадобилось более трех лет. Тем более удивительно, что очень быстро, почти мгновенно, произошло ее культурное возрождение. Объяснить этот феномен можно тем, что нацистская культура и нацистская идеология не смогли пустить глубоких корней, и в «час ноль» были очень быстро отринуты большинством немцев. Здесь в первую очередь сыграли свою роль многовековые культурные традиции Германии. Сказались и усилия союзников, чей курс на то, что с помощью культуры можно осуществить «перевоспитание» и «переориентацию» немцев, в целом оказался верным.

* * *

В историографии германского вопроса и сегодня существует несколько спорных проблем, связанных с расколом страны, в том числе:

- имелись ли объективные предпосылки раскола или главную роль сыграли конкретные исторические личности и стечение обстоятельств?
- были ли альтернативы расколу? И если да, то кто виноват в том, что они не были реализованы?
- кто первый начал осуществлять политику раскола: СССР или западные державы?
- чья именно политика объективно способствовала расколу — советский курс на то, чтобы под прикрытием безусловного выполнения Потсдамских соглашений строить в Восточной Германии социализм по советскому образцу? Или прямолинейный и бескомпромиссный курс западных держав на интегрирование своих зон оккупации в западное сообщество демократических государств?
- была ли политика Запада только ответом на советскую политику в Восточной зоне?

Исследователи выделяют ряд предпосылок раскола Германии, которые можно объединить в три большие группы. Все они существовали уже в годы Второй мировой войны, а после 9 мая 1945 г. лишь получили свое логическое развитие и привели в 1949 г. к расколу страны.

Первая определялась геополитическими и экономическими интересами стран Запада, и базировалась на их антисоветизме. Это нашло выражение в стремлении не допустить русских в Европу, в «балканском варианте» У. Черчилля, в проведении сепаратных переговоров с нацистами в Берне и т. п.

Вторая была обусловлена геополитическими и экономическими интересами СССР и базировалась на стремлении сталинского руководства (которое никогда не отказывалось от идеи «мировой революции») расширить сферу советского влияния как можно дальше. Это выразилось в установлении просоветских режимов в Восточной Европе; в тайной помощи коммунистическим партиям Греции, Италии, Франции; в создании в 1947 г. Коминформа и т. д.

Третья была связана с различными интересами политических деятелей Германии. Формирующиеся политические элиты западных зон и восточной зоны оккупации были только на словах заинтересованы в единстве страны и внесли свою лепту в раскол Германии.

Надо учесть также роль личностного фактора. Во-первых, это антисоветский настрой большинства немцев. Они испытывали страх перед русскими, перед СССР. Западные державы, напротив, рассматривались в качестве «союзников» еще до того, как их войска вступили на немецкую землю. Во-вторых, во главе двух сверхдержав — США и СССР — стояли такие люди, как Г. Трумэн (один из «серых» президентов, известный откровенным антисоветизмом) и И. В. Сталин (абсолютный диктатор) — оба гораздо более склонные к конфронтации, чем к компромиссу.

Проведение единой оккупационной политики не могло быть успешным из-за совершенно различных целей СССР и западных держав в отношении Германии. В быстро меняющейся ситуации второй половины 40-х г., начала холодной войны, западные державы берут курс на сохранение экономического и военного потенциала западных зон оккупации, превращение их в своеобразный плацдарм против «наступающего агрессивного коммунизма». Руководство СССР форсирует «построение социализма» в советской зоне оккупации Германии, Сталин выступает с новой внешнеполитической доктриной.

Раскол Германии не был прямым результатом Второй мировой войны, он стал следствием холодной войны между Востоком и Западом. Сам германский вопрос на многие годы оставался важнейшим элементом этой войны. Инициатива создания двух немецких государств исходила от всех четырех держав-победительниц, оккупировавших Германию, пути и цели которых, начиная с 8 мая 1945 г., разошлись. Причем, Запад нередко опережал Советский Союз в конкретных шагах по расколу Германии.

Раскол не мог произойти без участия немцев, и здесь нельзя не согласиться с Себастьяном Хаффнером, который в книге «Самоубийство германской империи» писал о том, что если бы немцы упорно держались за свое национальное единство и выступили бы против создания раздельных государств, то союзники вряд ли сумели бы их заставить это сделать.

Важную роль в расколе Германии сыграли как западногерманские политики — Конрад Аденауэр, Теодор Хойс, Людвиг Эрхард, Курт Шумахер, «гражданин мира Карло Шмид» и др., так и политики Восточной Германии — Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Отто Гротеволь и др. Но если политики западных зон более или менее открыто говорили об этом, то восточногерманские политики тщательно скрывали свои намерения.

С образованием двух немецких государств германский вопрос не был решен. Его главным содержанием с осени 1949 г. стало восстановление государственного единства Германии.

Бесспорно, что в 1949 г. завершается раскол Европы и мира на две противоборствующие системы. А раскол Германии — образование ФРГ и ГДР — стали одними из самых ярких символов становления биполярного мира.

ГЛАВА VI

ФРГ в 1949–1989 гг.

Германская история конца 40–80-х гг. XX в. — это история конфронтации и сосуществования двух немецких государств, двух политических режимов, двух идеологий и двух экономических систем, относившихся к антагонистическим военно-политическим блокам во главе со «сверхдержавами» СССР и США. Это история расколотой нации, две части которой давали альтернативные ответы на вызовы послевоенного времени. Параллельное существование ФРГ и ГДР стало отражением главной тенденции истории Германии XX в. — борьбы демократической и авторитарной (тоталитарной) тенденций. Окончание «холодной войны» открыло дорогу к преодолению раскола немецкой нации и решению германского вопроса.

1. ФРГ в 1949–1969 гг.

«Экономическое чудо»

Канцлер ***Конрад Аденауэр*** был главой федерального правительства более 14 лет — с сентября 1949 г. по октябрь 1963 г., и олицетворяет собой целую эпоху в истории Западной Германии. В годы его правления, благодаря развитию гражданского общества и парламентской демократии, произошло становление экономической, социальной и партийной систем, внутренней и внешней политики Боннской республики.

Первый федеральный канцлер родился 5 января 1876 г. в Кёльне и получил юридическое образование в университетах Фрайбурга, Мюнхена и Бонна. В 1917–1933 гг. он избирался председателем прусского Государственного совета, в 1920–1933 гг. был обер-бургомистром Кёльна. Будучи членом партии Центра, Аденауэр находился в оппозиции к Гитлеру и поэтому в 1933 г. был отправлен в отставку. После покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. он был на короткое время помещен в концлагерь. В 1945 г., после вступления войск западных

держав в Германию, освобожденный из заключения Аденауэр вновь занял пост обер-бургомистра Кёльна. Активно участвуя в создании ХДС, он стал в 1946 г. его председателем в британской зоне оккупации. В 1948–1949 гг. Аденауэр являлся президентом Парламентского совета и активно участвовал в создании Основного закона ФРГ.

Социальное рыночное хозяйство

В основу экономической политики кабинетов Аденауэра легла концепция «социального рыночного хозяйства». Это понятие было предложено экономистом Альфредом Мюллером-Армаком. Речь шла о либеральной модели экономики, которая ориентировалась преимущественно на законы рынка и была противоположностью социалистического планового хозяйства. Тем не менее она предусматривала вмешательство государства, и поэтому отличалась от традиционного экономического либерализма. Вмешательство государства в экономику осуществлялось созданием рамочных условий для предпринимательства, косвенным регулированием и контролем. Государство заботилось о свободной конкуренции, пытаясь предотвратить образование картелей. На основе эффективного рыночного хозяйства создавалась многообразная и всеобъемлющая система социальной защиты. Все это должно было сгладить социальные противоречия и обеспечить, по выражению министра хозяйства Л. Эрхарда, «благосостояние для всех».

Создание социального рыночного хозяйства началось в очень сложных условиях (см. предыдущую главу). Но спустя несколько лет ФРГ уверенно вошла в число наиболее развитых стран мира, решив многие социальные проблемы. Это дало основание говорить о западногерманском «экономическом чуде» — самом длинном в истории страны периоде подъема (до спада в 1966 гг.), когда средние годовые темпы роста промышленного производства составляли около 10 %, а в некоторые годы до 15 %.

Принято считать, что старт «экономическому чуду» дала валютная реформа 1948 г. Введение твердой денежной единицы, либерализация цен и устранение административной системы распределения ресурсов обеспечили благоприятные условия для развития свободного рынка. Денежная реформа оказала заметное влияние на снижение темпов инфляции. С наступлением финансовой стабилизации стало возможным регулировать экономику. Чтобы стимулировать инвестиции, Эрхард отдавал предпочтение свободе цен перед ростом заработной платы. Его политика способствовала росту социальной напряженности, и количество забастовок увеличилось. Уменьшить

социальную напряженность помогла американская помощь по «плану Маршалла». Ее объем за 1948–1952 гг. составил 1,5 млрд долларов, из них 42 % для закупок продовольствия и развития сельского хозяйства, 50 % — для развития промышленности и ремесел, 8 % — для оплаты транспортных расходов.

Федеративная республика Германия

«План Маршалла» создавал благоприятный экономический и политический климат, что обусловливало экономический рост. Он тесно увязал реконструкцию западногерманской экономики с западноевропейским экономическим возрождением. Одним из факторов «экономического чуда ФРГ» было отсутствие до середины 1950-х гг. военных расходов. Серьезную роль сыграла система социального партнерства между предпринимателями и рабочими, когда трудовые конфликты решались без забастовок.

Прорыв к экономическому росту 1950-х гг. был следствием беспрецедентного расширения внешней торговли, что было вызвано

«корейским бумом». Конфликт в Корее (1950–1953) привел к расширенному спросу на военные товары, которые в основном производились в США, Великобритании и Франции. Западная Германия, которой было запрещено производить вооружение, теперь переключилась на восстановление мирной промышленности и вновь возвращалась на потерянные рынки. Кроме того, после начала корейской войны ограничения для тяжелой промышленности, установленные союзниками, были сняты в интересах «защиты свободного мира». Отрасли тяжелой промышленности, которые отставали в развитии, теперь вступили в период роста. «Корейский бум» был, таким образом, одним из внешних факторов «экономического чуда».

Но и после окончания «корейского бума» экспортные поставки имели решающее значение для экономического роста. Их рост (более 12 % в год) превосходил рост других факторов спроса в ФРГ. В 1960 г. Западная Германия заняла второе место с 10,2 % в мировом экспорте (без стран с нерыночной экономикой). Конкурентоспособности немецких товаров на внешних рынках способствовал заниженный курс марки в отношении американского доллара. Важным фактором «экономического чуда» стала начавшаяся в 1950-е гг. экономическая интеграция в Западной Европе.

Под руководством Эрхарда проводилась эффективная налоговая политика. Благодаря налоговым льготам, предприятия также образовывали собственный капитал и осуществляли инвестиции. К другим факторам беспрецедентного экономического подъема ФРГ относят огромный резерв квалифицированных рабочих рук перемещенных лиц (в западногерманской статистике — «изгнанных с родины») и беженцев с Востока, низкий уровень зарплаты.

Благодаря постоянному притоку беженцев из ГДР, улучшались возрастная структура и квалификация населения. Доля изгнанных и беженцев из ГДР в трудовой занятости ФРГ в 1960 г. составила 30,7 %. С установлением Берлинской стены в августе 1961 г. этот источник экономического роста иссяк, и увеличилось значение иностранных рабочих рук. Если в 1960 г. гастарбайтеров (иностранных рабочих) было 279 тыс., то к 1966 г. их число достигло 1244 тыс. (около 5 % всех занятых).

Особенности промышленного развития

Быстрый рост экономики Западной Германии базировался на развитии промышленности. К 1960 г. объем промышленного производства увеличился в три раза по сравнению с 1949 г. К концу

1950-х гг. ФРГ заняла второе место среди западных держав по объему промышленного производства, уступая только США. Индикатором экономического подъема являлся и быстрый рост автомобилестроения. Символом эпохи стал легендарный автомобиль «жук» концерна «Фольксваген».

Структурная перестройка в промышленности определялась правительственной политикой декартелизации производства. Под влиянием антимонопольной политики произошла трансформация крупных банков («Дойче банк», «Дрезднер банк», «Коммерц банк») в региональные банки, меньшие по размерам. Этот же процесс коснулся и крупных промышленных предприятий «Крупп», «Клокнер», «Флик» и др. Так, «Ферайнигте Штальверке», который ранее обеспечивал около 40 % германского производства стали, был разделен на 13 металлургических и 9 горно-промышленных компаний. Число картелей резко сократилось (с 3 тыс. в 1930 г. до 58 в 1959 г.), однако «Закон о картелях» 1957 г. допускал многочисленные исключения и не препятствовал процессу концентрации производства. Правительство также ставило себе целью поддерживать малые и средние по размерам фирмы и отстаивать позиции держателей мелких пакетов акций.

«Благосостояние для всех»

Несмотря на экономический рост, сохранялась заметная социальная дифференциация. В то время как у рабочих реальные ежемесячные доходы повысились в 4,5 раза (в среднем до 1290 марок), то у самостоятельного населения — более чем в 6 раз (в среднем до 2772 марок). К лицам с низкими доходами принадлежали 19 из 27 млн работающих, а также получатели социальных пособий. Но быстрый рост экономики ФРГ создавал предпосылки для решения задач социальной политики. С 1950 по 1970 гг. валовый национальный продукт вырос приблизительно в 2,8 раза.

В начале 1950-х гг. были введены пособия для бывших военнопленных и демобилизованных военнослужащих. В 1951 г. 400 тыс. «изгнанных» получали социальные пособия, еще 500 тыс. — пособия по безработице. Законом 1952 г. вводилась выплата компенсаций «изгнанным» за причиненный войной ущерб. До 1978 г. было выплачено около 110 млрд марок, половину из которых составили дотации федерации и земель. Остальные средства поступали от крупнейшего в истории ФРГ имущественного налога. Имущество, стоимость которого превышала 5 тыс. марок на момент денежной реформы 1948 г., облагалось 50-процентным налогом в течение 30 лет. Этот

налог на первый взгляд являлся чрезмерным бременем для частных собственников. Но фактически его отрицательное воздействие на экономическое развитие было приемлемым, так как стоимость домов и земельных участков устанавливалась не по рыночной стоимости, а по более низкой фиксированной ставке. Закон являлся одним из условий интеграции изгнанных и внес вклад в ликвидацию последствий войны.

Аденауэр, подобно Бисмарку, стремился достичь более тесной привязки граждан к еще молодой республике и способствовал становлению социального государства. Только в первое десятилетие ФРГ было принято более 50 законов по расширению социальной защиты. Особое место среди них занимала пенсионная реформа 1957 г. Ее сущность сводилась к составлению своеобразного «договора солидарности» между поколениями. Иными словами, предлагалось узаконить перераспределение доходов в пользу стариков («послетрудового поколения») и детей («предтрудового поколения») посредством отчислений работников и предпринимателей. Размеры пенсий рассчитывались индивидуально с учетом как сделанных взносов, так и текущей зарплаты, а вместо автоматической индексации пенсий в соответствии с инфляцией предусматривалось их повышение в зависимости от общеэкономического развития и роста заработной платы. Отныне пенсия гарантировала прожиточный минимум в старости. Пенсионная реформа привела к увеличению среднего размера пенсий более чем в полтора раза и означала значительный шаг в укреплении основ «государства благосостояния».

«Соучастие»

Снижению остроты социальных конфликтов служило законодательство, предусматривающее создание советов предприятий, в которых конкретизировалась идея «экономики согласия». В ФРГ эта система, получившая название «соучастие» (*Mitbestimmung*), оказалась наиболее развитой среди стран Западной Европы. Еще в 1947 г. оккупационные власти британской зоны, по инициативе лейбористского правительства, ввели на предприятиях сталелитейной промышленности (с числом рабочих более 1000 человек) наблюдательные советы на паритетных началах. Одну половину голосов в советах имели работодатели, другую — рабочие. В 1950 г. «соучастие» оказалось под огнем критики со стороны работодателей. Объединение немецких профсоюзов (ОНП) угрожало прибегнуть к забастовкам, чтобы защитить «соучастие». Аденауэр нуждался в поддержке

профсоюзов при вступлении ФРГ в Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) и поэтому способствовал достижению компромисса между работодателями и профсоюзами.

В апреле 1951 г. бундестаг принял закон о праве голоса рабочих в наблюдательных советах и правлениях предприятий металлургической и горнодобывающей промышленности. Он предусматривал паритетное представительство работодателей и рабочих в наблюдательных советах. В соответствии с законом об уставе предприятия 1952 г., в наблюдательных советах предприятий остальной промышленности рабочие получили только треть мест. В рамках системы «соучастия» рабочие и предприниматели учились сотрудничать, и разрешение социальных конфликтов имело организованный характер.

Правительство выдвинуло лозунг «Собственность для всех», с которым связывались надежды населения на лучшее перераспределение прироста благосостояния. Реформа акционерного права 1959 г. разрешила выдавать акции коллективным участникам на особо благоприятных условиях. Она предусматривала налоговые льготы в размере 312 марок, которые вносились на счет рабочего в течение пяти лет (закон «312 марок»). Демонстративным жестом был выпуск «народных акций», которые использовали при приватизации федеральной собственности (акции шахт и металлургических заводов, концерна «Фольксваген»). «Народные акции», выданные с «социальной скидкой», были проданы многими новыми акционерами, когда их биржевые курсы быстро выросли.

Успеху политики «соучастия» способствовали социальные последствия «экономического чуда». Уровень безработицы в результате экономического бума упал с 10,4 % в 1950 г. до 0,7 % в 1962 г., зато социальные расходы государства превысили 40 % всех бюджетных расходов. Стабильный рост доходов граждан способствовал превращению западногерманского общества в «общество потребления». Рост уровня жизни благодаря «экономическому чуду» медленно, но отчетливо изменял поведение западных немцев. Уже в середине 1950-х гг. миллионы рядовых граждан стали проводить свой отпуск за границей. «Экономическое чудо» затрагивало все области политики и общества, изменяло способ мышления западногерманского населения и создавало основу признания нового политического порядка.

«Канцлерская демократия»

В «эру Аденауэра» формировалась парламентская система. В 1950-е гг. утвердилась «канцлерская демократия», в основе которой

лежала сильная исполнительная власть, при этом партии и парламент находились на втором плане. В первые годы Аденауэр извлек выгоду из положений Оккупационного статута, который значительно ограничил свободу действий федерального правительства в важных областях. Канцлер действовал как посредник между Верховными комиссарами трех западных держав и боннскими министерствами, играя огромную роль. Аденауэр закрепил за соответствующим ведомством своей канцелярии внешнеполитическую деятельность, оставаясь до 1955 г. министром иностранных дел. Расширялась практика прямых соглашений между канцлером и представителями союзов промышленности и сельского хозяйства, профсоюзов, церквей, союзов «изгнанных». Это облегчило Аденауэру осуществление крупных законодательных замыслов в первой половине канцлерства. Но одновременно ему угрожала опасность оказаться в зависимости от внепарламентских сил, что и обнаружилось в заключительной фазе правления. К тому же, его возможности часто ограничивались особенностями партийной системы.

Партийная система в первые годы Боннской республики

В 1949 г. существовала раздробленная партийная система, что угрожало возвращением к «веймарской» нестабильности. В бундестаге первого созыва были представлены 2 основные партии, каждая из которых получила более четверти голосов избирателей (СДПГ и ХДС), 3 партии, каждая из которых получила не менее 5 % голосов (СвДП, ХСС, КПГ), и 5 маргинальных партий, каждая из которых набрала от 1,5 до 4 % голосов.

Аденауэр пытался ограничить влияние и изолировать правых и левых радикалов. В 1951 г. был принят закон по охране конституции («молниеносный закон»). Специальное ведомство получило право проверять лояльность государственных служащих. В течение первого десятилетия действия закона было привлечено к суду несколько десятков тысяч человек. Правительство ходатайствовало в ноябре 1951 г. перед Конституционным судом о запрете двух экстремистских партий — праворадикальной ***Социалистической имперской партии*** (СИП) и КПГ. В октябре 1952 г. суд признал деятельность СИП противоречащей конституции и запретил ее. Процесс против КПГ занял более длительное время и завершился в августе 1956 г. ее запретом. Коммунисты сами дали повод для запрета своей партии, отказавшись признавать Основной закон ФРГ, и выдвигали лозунги о необходи-

мости «революционного свержения проимпериалистического правительства Аденауэра».

В 1952 г. был принят закон о 5-процентном избирательном барьере, который должна была преодолеть любая партия, чтобы попасть в состав бундестага. Эта мера была направлена на то, чтобы партийная система состояла из двух-четырех крупных партий, что придало бы ей стабильность, а также на то, чтобы отсечь радикальные политические силы.

Не менее трудным делом представлялась консолидация сил, которые поддерживали демократический порядок Боннской республики. Ориентированная на Запад внешняя политика Аденауэра встречала резкую критику со стороны националистов, которые считали ее изменой, поскольку западная ориентация фактически исключала возможность быстрого преодоления раскола Германии. Самым серьезным противником Аденауэра являлась социал-демократическая партия, которая выступала как «непримиримая оппозиция». В противостоянии СДПГ политике западной ориентации обнаруживается одно из основополагающих различий между первой и второй немецкими республиками — в смене ролей между левыми и правыми. В Веймарской республике левые были интернационалистами, а правые — националистами. В Боннской республике ключевые позиции занимали правоцентристские силы, выступавшие в поддержку наднациональной интеграции, а социал-демократия выступала как партия немецкого единства.

Но социал-демократической партии, руководимой после смерти Шумахера 20 августа 1952 г., *Эрихом Олленхауэром* (1901–1963), не хватало как сильной личности типа Аденауэра, так и привлекательной для большинства населения политической программы. Эта партия удовлетворялась сохранением традиционных установок классовой рабочей партии.

Аденауэр рассчитывал на уменьшение влияния социал-демократов по мере улучшения социально-экономического положения. Поэтому для правительства весьма важным оказалось развитие деловых отношений с ОНП. Препятствуя политической деятельности профсоюзов, правительство в то же время способствовало утверждению на предприятиях атмосферы сотрудничества между предпринимателями и профсоюзами. Важную роль в этом процессе сыграло законодательство об участии рабочих в управлении. Ослабление основного социального конфликта влияло на эволюцию партий и партийной системы в целом. На Гамбургском съезде (1953) ХДС расстался с «со-

циалистическим» лозунгом обобществления производства, который содержался в Аленской программе. Жесткая риторика по германскому вопросу была рассчитана на привлечение голосов «изгнанных». ХДС получал прирост голосов за счет мелких правоцентристских партий, а также за счет избирателей из быстро растущего «среднего класса».

Успехи экономической и внутренней политики принесли Аденауэру победу на выборах в бундестаг 6 сентября 1953 г. ХДС/ХСС с 45,2 % голосов (на 14,2 % больше, чем в 1949 г.) одержали вверх над СДПГ, получившей только 28,8 % (ранее 31,2 %). Потери также понесли свободные демократы, получив 9,5 % (ранее 11,9 %). К выигравшим принадлежали ***Общегерманский блок/Союз лишенных родины и прав*** (СЛРП) с 5,9 % голосов. Немецкая партия не преодолела 5-процентный барьер, но с десятью мандатами вновь попала в бундестаг благодаря предвыборному соглашению с ХДС. Общегерманская Народная партия во главе с Густавом Хайнеманном получила только 1,2 %. КПГ также не преодолела барьер, получив 2,2 %, — на 3,5 % голосов меньше, чем на выборах 1949 г.

Победа ХДС/ХСС объяснялась во многом социальным спокойствием, которое было связано с экономическим процветанием и широко распространенным стремлением к стабильности и личному благополучию. Победе христианских демократов способствовал также шок, который пережило западногерманское общество в июне 1953 г., когда в ГДР для подавления выступлений рабочих были использованы советские оккупационные войска. Бундестаг принял решение отмечать ежегодно 17 июня как День немецкого единства.

«Изгнанные» и «бывшие» в Боннской республике

Итоги выборов 1953 г. дали Аденауэру шанс, расширив прежнюю коалицию за счет включения СЛРП, получить большинство в две трети депутатских мест, нужное для изменения Основного закона и принятия решения о перевооружении. И хотя два руководителя СЛРП имели национал-социалистическое прошлое — председатель партии **Вальдемар Крафт** (1898–1977), бывший член СС, и **Теодор Оберлендер** (1905–1998), участник гитлеровского «пивного путча» 1923 г., — Аденауэр перешагнул через свои убеждения и ввел их в состав кабинета. Таким образом он хотел получить дополнительную поддержку своей политики.

СЛРП играл в начале 1950-х гг. важную роль, опираясь на Союз изгнанных немцев и Союз землячеств. Количественно и политиче-

ски самыми значимыми были землячества немцев из Судет (в 1955 г. около 340 тыс.), Силезии (318 тыс.) и Восточной Пруссии (130 тыс.). В 1957 г. эти организации объединились в «Союз изгнанных — Объединенные землячества и земельные организации», который, по данным организаторов, насчитывал более 2 млн членов. Но они представляли интересы гораздо большего круга граждан: по закону статус изгнанного передавался по наследству. Поэтому число изгнанных в 1970 г. составило 8,9 млн, из них 2,6 млн человек были моложе 20 лет.

Проблема изгнанных была тесно связана с проблемой «бывших», то есть с общественной оценкой итогов Второй мировой войны и эпохи Третьего рейха. Отношение западных немцев к недавнему прошлому было двойственным. С одной стороны, осуждались Гитлер и его диктатура, с другой стороны, преобладало мнение, что виновны в преступлениях только руководители НСДАП и СС. В 1949 г. и 1954 г. бундестаг подавляющим большинством голосов объявлял амнистию рядовым членам НСДАП. Промышленники и дипломаты, которые были осуждены как военные преступники и отбывали наказание в тюрьмах, вызывали сочувствие в широких слоях общества. В 1952–1953 гг. были выпущены на свободу генералы А. Кессельринг, Э. фон Макензен и Э. фон Манштейн, которых Аденауэр даже принял в резиденции канцлера.

Самые громкие призывы почтить «память немецких солдат» и реабилитировать бывших национал-социалистов исходили от СЛРП, Немецкой партии и СвДП. О голосах «бывших» заботились и социал-демократы. Руководители СДПГ призывали чтить память немецких солдат и противопоставляли «чистый вермахт» «преступным СС». Преступными признавались в общественном мнении только «черные» СС, но не СС, которые сражались на фронте. 45 % респондентов, опрошенных в 1951 г., считали лучшим временем для Германии годы рейха до 1914 г., 42 % — 1933–1939 гг. и только 2 % — ФРГ. Хорошее мнение о Гитлере имели почти четверть опрошенных.

В подобной атмосфере и состоялось скандальное назначение в 1953 г. на пост статс-секретаря ведомства канцлера Ханса Глобке (1898–1973), бывшего сотрудника министерства внутренних дел нацистской Германии, который дал официальный комментарий к нюрнбергским «расовым законам». Несмотря на многочисленные протесты, на то, что суд ГДР приговорил его к пожизненному заключению, Глобке оставался в правительстве до конца правления Аденауэра.

Становление внешней политики ФРГ

Период с 1949 по 1955 г. можно охарактеризовать как время становления внешней политики ФРГ и обретения ею формального внешнеполитического суверенитета. Согласно Оккупационному статуту, внешняя политика была изъята из компетенции федерального правительства (в нем отсутствовало министерство иностранных дел) и поставлена под контроль держав-победительниц. Аденауэр поставил перед собой задачу преодолеть международную изоляцию страны и добиться равноправия в отношениях с другими государствами.

Внешнеполитическую концепцию Аденауэра сформировал печальный опыт германской истории. Первый федеральный канцлер пережил за свою долгую жизнь крушение внешней политики кайзеровской империи, Веймарской республики, Третьего рейха, и был полон решимости радикально переориентировать немецкую внешнюю политику — даже ценой раскола Германии. Он как-то сказал, что «невозможно жить плодотворно, не расставшись с ложными иллюзиями прошлого». Эпоха Великого германского рейха подошла к концу, и ныне Германия, по его глубокому убеждению, должна тесно сотрудничать с демократическими государствами в рамках западноевропейского сообщества. Такая политика означала конец «немецкого особого пути» и снимала угрозу возрождения германского национализма.

Единственное средство восстановления экономической мощи, суверенитета и единства страны Аденауэр видел в начавшейся западноевропейской интеграции и полноправном участии в ней Германии. Свое европейское кредо он изложил 20 сентября 1949 г. в первом выступлении в бундестаге после избрания на пост канцлера: «По своему происхождению, по своему духу мы принадлежим к Европе... Во всех наших делах нами будет руководить дух христианской цивилизации Запада и уважение к правам и достоинству человека. Мы надеемся, что с Божьей помощью сможем обеспечить лучшие времена для нашего народа и содействовать миру в Европе и во всем мире».

Первые практические шаги к прочному привязыванию ФРГ к Западу Аденауэр предпринял практически сразу после образования федерального правительства. 31 октября 1949 г. Западная Германия вступила как равноправный партнер в *Организацию европейского экономического сотрудничества* (ОЕЭС), которая координировала действия западноевропейских стран по выполнению «плана Маршалла». 22 ноября 1949 г. в Петерсберге в ходе длительных переговоров с Верховными комиссарами трех западных держав Аденауэр смог убедить их подписать соглашение о завершении демонтажа промыш-

ленного оборудования в особо значимых секторах экономики взамен на обязательство строгого соблюдения западными немцами Рурского статута. Петерсбергские соглашения, наряду с Оккупационным статутом, определяли отношения между западными державами и ФРГ, ограничивали ее внешнеполитический суверенитет — присутствием иностранных войск на территории ФРГ и правами Верховных комиссаров. Петерсбергские соглашения, вместе с тем, положили начало международному признанию ФРГ. Западная Германия получала право состоять в консульских отношениях с западными державами и вступать в международные организации. Она получила приглашение стать ассоциированным членом Совета Европы, а также вступить во Всемирный банк, Международный валютный фонд, Международную организацию труда и т. д.

Для ускорения интеграции с Западом Аденауэр использовал состояние «холодной войны», понимая, что поддержка со стороны ФРГ будет необходима Западу для противостояния советскому блоку. В то же время объективно западноевропейская интеграция не могла состояться без участия Германии.

Аденауэр безоговорочно поддержал предложенный в мае 1950 г. французским министром иностранных дел ***Робером Шуманом*** (1886–1963) план создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), по которому угледобывающая и сталелитейная промышленность Франции, ФРГ и ряда западноевропейских стран должна была объединиться на наднациональном уровне. Но главное заключалось в том, что создание ЕОУС давало ФРГ первую реальную возможность ограничить контроль со стороны стран-победительниц в ключевых отраслях промышленности (отменялся Рурский статут и снимались все ограничения на производство стали).

Политические и экономические аспекты плана Шумана стали предметом острых дискуссий в бундестаге. Участие ФРГ в западноевропейской интеграции вызывало неоднозначную реакцию, порождало обеспокоенность части общества, не будет ли способствовать тесная интеграция с Западом углублению раскола Германии и препятствовать восстановлению единства — главной задачи правительства. Выступая 13 июня 1950 г. перед депутатами, Аденауэр говорил о том, что договор о создании ЕОУС должен положить начало строительству единой Европы, подчеркивая тем самым, что план Шумана имеет в первую очередь политическое значение. Канцлер доказывал критикам этого плана, что именно активное участие в процессе европейской интеграции позволит ФРГ стать по-настоящему равноправ-

ным партнером государств Западной Европы. Договор о создании ЕОУС был подписан 18 апреля 1951 г. и вступил в силу в 1952 г., после его ратификации всеми участниками.

Начавшаяся в июне 1950 г. корейская война дала Аденауэру убедительный аргумент в дискуссии о том, что подобный сценарий «коммунистической агрессии» может осуществиться и в Европе. Именно война в Корее показала странам Запада необходимость укрепления «европейского плацдарма» посредством перевооружения Западной Германии. На совещании министров иностранных дел США, Великобритании и Франции в сентябре 1950 г. в Нью-Йорке американский госсекретарь ***Дин Ачесон*** (1893–1971) внес предложение о перевооружении Западной Германии в рамках НАТО. Эта идея была поддержана Аденауэром, который неоднократно высказывался о том, что ФРГ готова внести свой вклад в систему европейской обороны. Он исходил из того, что обретение ФРГ военного потенциала в той или иной форме — это необходимая предпосылка для достижения полного суверенитета.

Однако предложение США было негативно воспринято Францией, которая предложила иной вариант. В основе плана французского министра иностранных дел ***Рене Плевена*** (1901–1993) лежала идея формирования европейской армии с включением в нее западногерманского контингента. Только на таком условии (наднационального контроля над западногерманскими военными) Франция, как и другие страны — соседи Германии, была готова согласиться на перевооружение ФРГ и включение ее в систему европейской обороны. «План Плевена» привел к разработке проекта создания ***Европейского оборонительного сообщества*** (ЕОС), принятого 18 сентября 1951 г.

Аденауэр принял предложение Плевена немедленно, несмотря на сильную оппозицию внутри страны. По опросам общественного мнения, до 70 % взрослого населения ФРГ было настроено против перевооружения Западной Германии в принципе. Ремилитаризация вызывала страх, связанный с воспоминаниями о Второй мировой войне, многие полагали, что создание вооруженных сил углубило бы раскол Германии.

В качестве «вознаграждения» для Федеративной республики за ее «оборонный вклад» Аденауэр потребовал, чтобы немецкое участие в европейской обороне было увязано с расширением внешнеполитической свободы действий западногерманского правительства.

Поскольку ремилитаризация Германии противоречила Оккупационному статуту, было решено подписать с ФРГ Общий договор,

регулирующий ее отношения с тремя западными державами-победительницами. Проект договора был одобрен совещанием министров иностранных дел трех держав с участием Аденауэра 22 ноября 1951 г. в Париже. Согласно Общему договору, Оккупационный статут отменялся, правительство ФРГ получало больше прав во внешней и внутренней политике, упразднялись многие ограничения в развитии военной промышленности, разрешалось создание армии. Еще до этого, 9 июля 1951 г., западные державы односторонним актом объявили о прекращении состояния войны с Германией. Однако они по-прежнему сохраняли особые права: право держать на территории ФРГ свои войска до достижения мирного урегулирования, право объявлять чрезвычайное положение в случае нападения извне или угрозы внутреннего переворота и т. д. Вместе с тем, западные державы обязались оказывать всяческую поддержку в решении германского вопроса.

Общий договор был подписан в Бонне 26 мая 1952 г., но одним из условий вступления его в силу была ратификация всеми странами — участницами (ФРГ, Франция, Италия и страны Бенилюкса) договора о создании ЕОС (подписан 27 мая того же года в Париже), однако она затягивалась из-за острых дискуссий в парламентах. Поэтому, еще до вступления в силу Общего договора, западные державы приняли решения относительно расширения полномочий федерального правительства в области внешней политики. ФРГ получила право создать свое министерство иностранных дел и направить в столицы США, Великобритании и Франции официальных дипломатических представителей, а также установить, с разрешения Верховных комиссаров, дипломатические отношения с третьими странами.

Политические дискуссии, развернувшиеся в ФРГ в связи с обсуждением вышеназванных договоров, получили еще большую остроту после выдвижения Советским Союзом 10 марта 1952 г. новой инициативы по решению германского вопроса. Правительствам США, Англии и Франции была передана нота («нота Сталина»), в которой предлагалось «незамедлительно» и «при участии общегерманского правительства» начать разработку мирного договора с Германией, проект которого прилагался. СССР был готов согласиться на объединение страны, допустить существование немецкой армии и военной промышленности, но при условии невступления Германии в коалиции и военные союзы. Таким образом, немецкому народу предлагалось единство в обмен на вооруженный нейтралитет.

Для Аденауэра не существовало дилеммы: нейтрализация и объединение Германии или перевооружение ФРГ и ее интеграция с За-

падом. В «ноте Сталина» он увидел, прежде всего, опасность возвращения к «системе Потсдама», то есть решения судьбы Германии без ее участия. Мирный договор, подписанный в данных условиях, содержал бы ряд ограничений военно-политического характера, что объективно противоречило интересам Германии, которая по-прежнему оставалась бы объектом политики великих держав, а не равноправным партнером.

Аденауэр использовал все свое влияние, чтобы убедить западные страны отказаться от проведения конференции четырех держав для обсуждения советских предложений. Эти переговоры, по его мнению, могли бы затянуть или даже поставить под вопрос принятие Общего договора и договора о создании ЕОС. Западные державы отклонили советские предложения.

Ведущая оппозиционная партия — СДПГ — считала первостепенной задачей достижение единства Германии и опасалась, что интеграция ФРГ с Западом станет препятствием на этом пути. Она критиковала любые шаги правительства Аденауэра, способные отсрочить восстановление единого германского государства, весьма скептически относилась к намерениям канцлера включить ФРГ в процесс западноевропейской интеграции.

19 марта 1953 г. Аденауэру и федеральному правительству удалось добиться одобрения бундестагом Общего договора и договора о создании ЕОС. Западноевропейские страны охватила сильнейшая волна протеста против ремилитаризации Западной Германии. 30 августа 1954 г. французский парламент отказался ратифицировать договор о создании ЕОС. Это событие Аденауэр назвал «черным днем для Европы», неиспользованной возможностью для окончательного примирения между немцами и французами.

В связи с этим по инициативе Великобритании было принято решение присоединить ФРГ, наряду с Италией, к Брюссельскому пакту 1948 г.[1], который, после изменения некоторых формулировок, терял антигерманскую направленность (но сохранял антисоветскую), и получал название Западноевропейского союза (ЗЕС). Это означало реальную возможность для ФРГ, как части ЗЕС, войти в состав НАТО. Аденауэр немедленно принял такой вариант решения проблемы и согласился с ограничительными мерами контроля над военным потен-

[1] Брюссельским пактом 1948 г. Великобритания, Франция, Бельгия, Голландия и Люксембург создали военную организацию, получившую название Западный союз.

циалом Западной Германии. 28 сентября 1954 г. конференция девяти стран — участниц НАТО в Лондоне под сильным давлением США высказалась за «полное членство» ФРГ в этой организации.

Подписанные в Париже 21–23 октября 1954 г. и вступившие в силу 5 мая 1955 г. соглашения, составной частью которых стали Общий договор и Протокол о присоединении Западной Германии к НАТО, подтвердили окончание действия Оккупационного статута, узаконили перевооружение ФРГ и ее присоединение к Североатлантическому договору.

В выступлении по этому поводу Аденауэр заявил: «Сегодня, почти через десять лет после военного и политического краха национал-социализма, для ФРГ заканчивается период оккупации. Федеральное правительство с глубоким удовлетворением констатирует: мы стали свободным и независимым государством». Фактическим подтверждением этих слов стало приобретение министерством иностранных дел полноценного статуса. Его возглавил ***Генрих фон Брентано*** (1904–1964). Аденауэр формально отошел от внешнеполитических дел, которые до этого времени были исключительно его прерогативой, но оставил за собой право курировать такие важные направления, как европейская политика ФРГ, отношения с США и СССР, а также участие страны в важнейших международных конференциях.

Еще одним подтверждением формального суверенитета Западной Германии стало создание министерства обороны, которое возглавил ***Теодор Бланк*** (1905–1972), а также образование немецкой армии (бундесвера). Она состояла из 12 дивизий (общая численность была зафиксирована на уровне 500 тыс. человек), с самого начала была полностью включена в военную структуру НАТО и подчинялась его объединенному командованию.

Однако ФРГ запрещалось производство атомного, химического и бактериологического оружия, определенные ограничения касались некоторых типов тяжелого вооружения (военных кораблей, подводных лодок, ракетных снарядов и стратегических бомбардировщиков). Парижские соглашения предусматривали вместе с тем возможность отмены ограничений, если «за» выскажется две трети стран — участниц НАТО. В мае 1956 г. правительство ввело всеобщую воинскую обязанность, ограничив срок службы 12 месяцами. Но формирование бундесвера завершилось лишь к 1965 г., когда разрешенные 12 дивизий были укомплектованы полностью.

Ремилитаризация Западной Германии вызвала негативную реакцию и протесты со стороны многих политических деятелей и рядовых

граждан как ФРГ, так и стран Западной Европы. В советском блоке вхождение ФРГ в НАТО было расценено как прямая угроза безопасности, и стало прямым поводом к созданию организации Варшавского договора в мае 1955 г.

Бундесвер называли в СССР не иначе, как «армией реванша», ибо в его создании активное участие принимали бывшие гитлеровские генералы, а к 1957 г. там служило более 10 тыс. офицеров, а также 44 генерала и адмирала вермахта.

Таким образом, основой внешнеполитического курса Аденауэра в годы его первого и второго канцлерства стала безоговорочная интеграция с Западом и бескомпромиссная жесткая позиция в отношении СССР. Он неоднократно высказывался в начале 1950-х гг. в том духе, что, когда Запад будет сильнее, чем Советский Союз, тогда и придет день переговоров.

Расцвет и упадок «эры Аденауэра»

Добившись отмены Оккупационного статута, вхождения в НАТО и перевооружения, Аденауэр продемонстрировал не только эффективность «канцлерской демократии», но и добился упрочения своего положения в качестве канцлера. Поэтому в ходе третьей предвыборной кампании ХДС, опираясь на эффект «экономического чуда», выдвинул лозунг «Никаких экспериментов!». На выборах в бундестаг 15 сентября 1957 г. ХДС и ХСС получили абсолютное большинство в 50,2 % голосов. СДПГ получила 31,8 % голосов, прибавив 3 %, СвДП — только 7,7 %, что было меньше, чем 4 года ранее (9,5 %). Все другие партии получили менее 5 %. Немецкая партия набрала лишь 3,3 %, но на основе договоренностей с нижнесаксонским отделением ХДС получила 15 мандатов и попала в бундестаг. Правительственная коалиция ХДС/ХСС и Немецкой партии располагала 287 из 497 мест в бундестаге, оппозиция в лице социал-демократов и свободных демократов — 210 мандатами. Несомненно, что столь внушительная победа блока ХДС/ХСС стала личным триумфом Аденауэра, правление которого находилось в зените. И его предвыборный лозунг хорошо отразил настроения избирателей.

СДПГ: от «непримиримой оппозиции» к «политике общности»

Выборы 1957 г. стали важным рубежом в эволюции крупнейшей оппозиционной партии. После них СДПГ уже не могла более уклоняться от ответа на стратегический вопрос, останется ли она

традиционной «партией товарищей» или станет, наконец, левой «народной партией». Приверженность партии политике «непримиримой оппозиции» привела к неудачам на выборах в бундестаг в 1949, 1953 и 1957 гг. Количество членов СДПГ сокращалось непрерывно (в 1948 г. — 875 тыс., в 1954 г. — 585 тыс.). Несмотря на ее антикоммунистические позиции, в широких слоях общественности существовало подозрение, что партия симпатизировала коммунистам.

СДПГ медленно отходила от старого курса, чему способствовал ее председатель Эрих Олленхауэр. Олицетворяя традиционный образ партии, он, однако, принадлежал к «модернизаторам». Благодаря своему влиянию в партийном аппарате и профсоюзах, Олленхауэр содействовал переходу СДПГ к новой стратегии «условной оппозиции». Социал-демократы приняли участие в разработке военного законодательства и поддержали правительственный законопроект о пенсионной реформе 1957 г., в то время как СвДП отклонила его. С другой стороны, СДПГ выступила против проекта, который отстаивал министр обороны Франц-Йозеф Штраус. Он предлагал оснастить бундесвер ракетами, атомные боеголовки которых контролировались бы американцами. Социал-демократы поддержали «Гёттингенское заявление» восемнадцати известных атомных физиков (апрель 1957 г.), среди которых были 4 нобелевских лауреата. Они предупреждали об угрозе атомной войны и требовали отказаться от планов западногерманского ядерного оружия. Антиядерная кампания привела к тому, что бундестаг отклонил «план Штрауса», а Конституционный суд — проведение референдума по вопросу о ядерном вооружении бундесвера.

Оценивая итоги выборов, «модернизаторы» в СДПГ пришли к выводу, что большинство людей выступает не за радикальный разрыв с существующим порядком, а за его дальнейшее совершенствование. Чтобы преодолеть планку в 40 % голосов, помимо традиционных избирателей-рабочих, партия должна была в качестве своих избирателей привлечь работников сферы услуг и служащих. В эволюции занятости в 1950–1970 гг. проявились три тенденции: постоянная убыль занятых в первом секторе (сельское, лесное хозяйство и рыболовство) — с 23,2 до 9 %; медленно увеличивающийся второй сектор (промышленность) — с 48,6 до 53,8 %; непрерывно растущее значение третьего сектора (услуги) — с 28,2 до 37,2 %. В позднеиндустриальном обществе менялось общественное сознание, ослаблялись церковные и семейные обязательства. Различия между социальными слоями, между городским и сельским населением, между конфессиями нивелировались.

Отныне западногерманское общество нельзя было рассматривать в традиционной для марксистов классовой дихотомии. Социальные реформы привели к «прощанию с пролетариатом». Хотя рабочий по-прежнему оставался зависимым от работодателя, был занят физическим трудом, имея невысокие доходы и низкий уровень образования, но рост общественного благосостояния менял его установки. Это влекло за собой смену программных установок «рабочей партии».

На чрезвычайном съезде в пригороде Бонна Бад-Годесберге (ноябрь1959 г.) социал-демократы приняли новую программу партии, которая ознаменовала победу «модернизаторов» над «традиционалистами». Она уводила СДПГ как от принятой в марксистском духе Гейдельбергской программы 1925 г., так и от Дортмундской программы действий 1952 г., которая требовала передачи промышленности в общественную собственность. Теперь социал-демократия призывала к «свободному рынку, где господствует конкуренция», но при этом может быть и общественная собственность, и государственное регулирование экономики. Одновременно СДПГ взяла курс на отказ от исключительно материалистического мировоззрения. Она подчеркивала готовность к сотрудничеству с церквями и религиозными объединениями, чтобы стать привлекательной для верующих.

Источниками демократического социализма программа называла христианскую этику, гуманизм и классическую философию. В программе отсутствовали не только упоминание о марксизме как об одном из источников демократического социализма, но и марксистские формулировки. СДПГ четко заявила, что социализм понимается не как достигнутая путем эволюции или даже революции конечная цель, а как перманентный процесс, в ходе которого либеральные принципы свободного общества должны быть увязаны с потребностями социальной справедливости.

Новая программа СДПГ оставляла в прошлом идею о социалистическом движении как протесте наемных рабочих против капиталистической системы. Годесбергская программа была нацелена на превращение рабочей партии в левую «народную партию».

Но Годесбергский отказ от марксизма не делал более ясным внешнеполитические установки партии. Поэтому 30 июня 1960 г. заместитель председателя ***Херберт Венер*** (1906–1990) от имени СДПГ заявил в бундестаге, что европейская и атлантическая оборонительная система является основой внешней политики ФРГ и политики воссоединения Германии. Социал-демократия отныне не требовала выхода ФРГ из договорных и союзных обязательств перед НАТО. Она

отказалась от прежних подходов и перешла к «политике общности» с ХДС/ХСС, заявляя, что готова разделить правительственную ответственность.

Социал-демократы предложили и персональную альтернативу Аденауэру или его преемнику. В августе 1960 г. СДПГ объявила бургомистра Западного Берлина ***Вилли Брандта*** (1913–1992) кандидатом на пост канцлера. В своих выступлениях Брандт обращался не только к традиционным социал-демократическим избирателям, но также к представителям «среднего класса». Выдвижение 47-летнего Брандта кандидатом на пост канцлера СДПГ сознательно создавало контрастный образ 84-летнему Аденауэру, который на рубеже 1950–1960-х гг. стал терять популярность среди избирателей.

Закат «эры Аденауэра»

Отправной точкой падения популярности престарелого канцлера стали выборы президента ФРГ в 1959 г. Попытка изменения конституции, чтобы Хойс мог избираться на третий срок, потерпела неудачу. После отказа Эрхарда от выдвижения своей кандидатуры, Аденауэр решил баллотироваться на пост президента, причем его кандидатура нашла широкую общественную поддержку. Однако он отказался от своего намерения, когда на пост канцлера стали выдвигать Эрхарда. Аденауэр считал Эрхарда неприемлемым кандидатом из-за его скептического отношения к европейской интеграции. Поэтому 1 июля 1959 г. президентом ФРГ был избран министр сельского хозяйства ***Генрих Любке*** (1894–1972). Аденауэр остался канцлером, но вопрос о его отставке стал темой обсуждений в обществе, которое вступило в период перемен.

Неожиданно для себя канцлер обнаружил, что консервативная атмосфера умолчаний и запретов постепенно рассеивалась. В центре внимания общества оказалось нацистское прошлое. В ноябре 1959 г. западногерманская общественность была возмущена, когда в связи с открытием синагоги в Кёльне по всей ФРГ прокатилась волна антисемитских акций. На стенах домов и на еврейских кладбищах появились юдофобские лозунги и символы. Под давлением общественности зимой 1960 г. по этому поводу были созваны чрезвычайные заседания бундестага. В мае министр по делам переселенных немцев Т. Оберлендер, которого в ГДР заочно приговорили к тюремному заключению (как потом выяснилось на основе частично фальсифицированных документов) за преступления в годы Третьего рейха, ушел в отставку. Еще большее влияние на общественные настроения

имел суд над одним из главных организаторов «окончательного решения еврейского вопроса» Адольфом Эйхманом в Иерусалиме (1961). Поток свидетельств о нацистских зверствах прорвал прежнюю стену замалчивания прошлого и открыл новую эпоху в общественном развитии ФРГ.

Новый кризис — строительство Берлинской стены со стороны ГДР 13 августа 1961 г. — еще более ослабил позиции старого канцлера. Вместо попытки унять общественную боль, вызванную самой глубокой раной со времени раскола Германии, он сосредоточил свою предвыборную кампанию на критике своего соперника Брандта, подчеркивая, что тот в годы войны находился в эмиграции. Брандт же увеличил свою популярность как правящий бургомистр «свободного» Западного Берлина.

На четвертых выборах в бундестаг 17 сентября 1961 г. ХДС/ХСС потерял 4,9 %, завоевав 45,3 % голосов, СДПГ, набрав 36,2 % голосов, получила дополнительно 4,4 %. Еще более значительным оказался прирост голосов, поданных за оппозиционную СвДП, получившую 12,8 % голосов — на 5,1 % больше, чем 4 года ранее. Все другие партии остались за 5-процентным барьером, и в бундестаге сложилась система трех партий.

Успех СвДП в качестве третьей силы на выборах отражал важные изменения в партийной системе Боннской республики. СвДП, реорганизованная при новом председателе ***Эрихе Менде*** (1916–1998), хотела видеть во главе коалиционного правительства не Аденауэра, а Эрхарда. Поэтому Аденауэр был выдвинут на пост канцлера с условием досрочного окончания своих полномочий после первой половины канцлерства. СвДП получила 5 министерских постов, и фактически власть канцлера была теперь ограничена впервые заключенным коалиционным соглашением. Это дало основание (не только исследователям) считать, что «канцлерская демократия переживала свой смертный час».

После периода политического господства ХДС/ХСС выборы 1961 г. привели к ситуации, в которой ни одна из политических партий не могла править без поддержки других партий. Так, в течение двух легислатурных сроков бундестага произошел переход от четырехпартийной (ХДС/ХСС, СДПГ, СвДП и маргинальные партии) к трехпартийной (ХДС/ХСС, СДПГ, и СвДП) системе.

7 ноября 1961 г., спустя почти два месяца после выборов, Аденауэр в четвертый раз был избран канцлером. Новый кабинет Аденауэра, который выступал в качестве «временного канцлера», просущество-

вал около года. Его развал был вызван одним из самых тяжелых внутриполитических кризисов Федеративной Республики.

«Дело "Шпигеля"»

26–27 октября 1962 г. полиция обыскала редакционные помещения влиятельного гамбургского журнала «Шпигель», а его издатель ***Рудольф Аугштайн*** (1923–2002) был арестован. Редактора журнала ***Конрада Алерса*** (1922–1980) на основании телефонного звонка министра обороны Штрауса задержала испанская полиция, а после возвращения в Германию он был арестован. Поводом полицейской операции была статья в «Шпигеле» от 10 октября 1962 г. о штабных маневрах НАТО. Бундесвер, по мнению автора статьи, имел, после шести лет руководства Штрауса, самую низкую степень боеготовности в НАТО на случай ядерного нападения СССР.

Почти все, что содержалось в статье, ранее публиковалось в немецких и зарубежных изданиях. Подозрение в сознательном разглашении государственной тайны, исходящее от федерального прокурора и министра обороны, не получило документального подтверждения. В мае 1965 г. суд отказался начать процесс против Алерса и Аугштайна из-за отсутствия доказательств. Суды против других обвиняемых закончились оправдательными приговорами. Более важной оказалась общественная реакция на «дело "Шпигеля"», и ее политические последствия.

Ф.-Й. Штраус

В первые годы существования Боннской республики был заметен недостаток демократической политической культуры. Учреждение Федеративной Республики состоялось без широкой общественной поддержки. В этом же состояла ключевая проблема Веймарской республики, которая и привела к ее гибели. Авторитарная традиция вновь могла стать доминирующей ввиду аполитичного мировоззрения населения и реставрации бюрократических

структур. Наряду с этим, заметную роль играл широко распространенный антикоммунизм. Любая критика правительства слева и любое внепарламентское оппозиционное движение упрекались в том, что они служат целям коммунистов.

Вопреки консервативным установкам, новая политическая культура проявила себя в общественной реакции на «дело "Шпигеля"». Осенью 1962 г. студенты и профессора ряда университетов ФРГ вышли на улицу, чтобы защитить свободу прессы и потребовать отставки Штрауса. Среди общественности преобладало мнение, что речь шла не о «государственной измене», а об атаке на свободу прессы. В пользу этой точки зрения говорило то, что «Шпигель» давно и резко критиковал деятельность министра обороны. Штраус пытался доказать, что он не имел никакого отношения к скандалу, но все же был вынужден уйти в отставку. Отставка Штрауса последовала после выхода из правительства свободных демократов. Аденауэру с трудом удалось воссоздать распавшуюся коалицию. Пытаясь найти выход из правительственного кризиса, Аденауэр впервые в истории Боннской республики провел консультации с руководством СДПГ.

15 октября 1963 г., после 14 лет правления, ушел в отставку и Аденауэр. Он передал власть Эрхарду, который был избран канцлером.

Конрад Аденауэр в немецкой историографии до сих пор остается классической фигурой. Одни историки восхищались им, сравнивая с Бисмарком, другие обвиняли в расколе Германии. Аденауэр в трудах биографа Ханса-Петера Шварца предстает как реформатор, обновитель Германии и Европы. Восстановление хозяйства и «экономическое чудо», возрождение демократии, стабилизация политической жизни, западная интеграция — все это заслуги Аденауэра, которые определили судьбу послевоенной Германии.

В отличие от Шварца, Аденауэр в оценке Хенинга Кёлера — это жесткий и достаточно беспринципный политик без постоянных политических ориентиров. Прямолинейность и последовательность была совершенно чужда первому бундесканцлеру. У Аденауэра никогда не было ни всеохватывающих программ, ни развитой стратегии. Он всегда действовал, полагаясь на свое чутье и интуицию. Но это не было недостатком Аденауэра, а, напротив, послужило важнейшей предпосылкой его успехов. Первый бундесканцлер перекинул мостик от авторитарной немецкой традиции к демократии. Именно благодаря ему у немцев впервые после 1914 г. появилось ощущение стабильности.

ФРГ в 1960-е гг.: признаки перемен

«Народный канцлер» Л. Эрхард

Три года правления кабинета Людвига Эрхарда (октябрь 1963 г. — октябрь 1966 г.) — это начало перелома в западногерманской внутренней и внешней политике, начало поворота в общественных настроениях к важным политическим преобразованиям. В правительственном заявлении он говорил о «конце послевоенного времени», о сильном государстве, и о себе, как о стоящем над партиями «народном канцлере».

На пользу кабинета пошла оживившаяся экономическая конъюнктура. Это позволило повысить выплаты жертвам войны и пособия на детей, введенные в середине 1950-х гг., снизить подоходный налог, внедрить не облагаемой налогом минимум оплаты труда и увеличить размер дотации на аренду жилья.

Эрхард, в отличие от «раннего» Аденауэра, действовал в иной общественной атмосфере. Молодое поколение по-новому относилось к нацистскому режиму и оценивало его с позиции морально-этического осуждения. Парадоксально, но Эрхард, вольно или невольно, провозгласив «конец послевоенного времени», способствовал тому, что перестало действовать прежнее табу, и общество вновь обратилось к теме нацистского прошлого.

Новым поводом для обращения к истории Третьего рейха стал франкфуртский процесс над охранниками концлагеря Аушвиц (Освенцим), начавшийся в декабре 1963 г. Этот судебный процесс, подготовка которого велась в течение 4 лет, вновь поднял тему массового уничтожения «неарийских народов» и открыл дорогу общественной дискуссии о вине немцев. Причины, сущность и последствия Третьего рейха обсуждались страстно, и выдвигалось требование очистить гражданское общество от реликтов коричневого прошлого.

В 1964 г. началась дискуссия о необходимости продления срока давности за нацистские преступления. Поскольку 8 мая 1965 г. истекал 20-летний срок давности, в обществе обсуждалось, имеет ли этот срок значение для преследования нацистских преступников. Решение этой проблемы стало еще более необходимым после того, как Народная палата ГДР приняла в сентябре 1964 г. закон о неприменении срока давности для преступлений, совершенных в годы нацистского режима.

Правительство ФРГ обратилось ко всем заинтересованным странам с призывом представить доказательства вины конкретных лиц для возбуждения уголовных дел. По данным министерства юстиции,

внутри страны и за границей было возбуждено более 61 тыс. судебных дел против лиц, которые обвинялись за преступления в годы нацистского режима. После дискуссии в бундестаге, которая считается одной из самых ярких страниц истории боннского парламентаризма, министр юстиции ***Эвальд Бухер*** (1914–1991) и его фракция (СвДП) голосовали против продления срока давности. Но большинство депутатов фракций ХДС/ХСС и СДПГ утвердили закон, который сдвинул время отсчета срока давности преступлений с 8 мая 1945 г. на конец 1949 г.

На выборах в бундестаг 19 сентября 1965 г. ХДС/ХСС, вопреки пессимистичным прогнозам, добился убедительной победы (47,6 %) благодаря своему «локомотиву» — Эрхарду, увеличив долю голосов на 2,3 %. Хотя СДПГ получила 39,3 %, добавив 3,1 %, она не преодолела «магический» 40-процентный барьер. СвДП набрала 9,5 %, потеряв 3,3 %.

Эрхард вновь был избран канцлером. В правительственном заявлении он призвал обновить немецкую демократию, обосновав свою концепцию «сформированного общества». По его мнению, развитое индустриальное общество могло преодолеть старые классовые противоречия в новом приобретенном консенсусе. В «сформированном обществе» конфликты интересов, по мнению канцлера, не разрушали единство общества, а становились «мотором» согласия и подталкивали к поиску компромиссов. Концепция Эрхарда, однако, понималась в либеральной части общества как стремление канцлера регулировать немецкую демократию «сверху».

На практике Эрхард не смог ни создать новое, построенное на солидарности, индустриальное общество, ни блокировать групповые интересы. В 1966 г. наступил первый экономический спад. Сокращение производства привело к росту числа безработных от 100 тыс. в сентябре 1966 г. до 673 тыс. в феврале 1967 г. Эрхарду, оставшемуся без общественной поддержки, не удалось справиться с ситуацией. Он убеждал население в необходимости экономии: «государство-диспетчер» оказалось финансово несостоятельным, поскольку рост совокупного общественного продукта не успевал за ростом государственных расходов. «Толстяка» Эрхарда упрекали в нерешительности и слабости руководства перед лицом экономических трудностей. Канцлер же только критиковал завышенные требования «групп интересов» к государству, но не мог изменить ситуацию.

Летом 1966 г. скандал, связанный с многочисленными катастрофами военных самолетов Ф-104-Старфайтер американского производства, бросил тень на ранее безупречную репутацию Эрхарда. В 1963–1966 гг. западногерманские ВВС в результате катастроф потеряли

60 самолетов и 15 пилотов. Проблема превратилась в кризис, когда несколько генералов ушли в отставку, критикуя медлительность министерства обороны в решении неотложных задач.

Однако более тяжелые последствия для Эрхарда имел бюджетный кризис. Осенью 1966 г. кабинет разработал новый проект федерального бюджета. Он предусматривал радикальные мероприятия в целях экономии, но партнеры по коалиции разошлись в способах увеличения доходной части бюджета. ХДС/ХСС были готовы повысить налоги, но СвДП повышению налогов сказала категорическое «нет». Бюджетный кризис превратился в кризис канцлера. 27 октября 1966 г. 4 министра-либерала ушли в отставку. Кабинет Эрхарда стал теперь правительством меньшинства и потерпел поражение в бундесрате, который отклонил правительственный проект бюджета. Тогда заявил об отставке и сам Эрхард. Впервые сложилась ситуация, в которой оказались возможны различные варианты формирования нового правительства: возобновление коалиции ХДС/ХСС–СвДП, правительство блока ХДС/ХСС, коалиция СДПГ–СвДП, наконец, правительство в составе трех партий.

«Большая коалиция»

Наиболее реальным стало создание коалиции двух «больших» партий, готовых взять на себя ответственность за решение неотложных задач. Опираясь на поддержку большинства фракции ХДС/ХСС, Аденауэра и президента ФРГ Любке, христианско-демократический кандидат на пост канцлера ***Курт Георг Кизингер*** (1904–1988) решил создать коалицию с СДПГ. Руководство ХДС/ХСС в целом поддержало разработанную СДПГ программу, которая легла в основу действий будущего правительства. В области внешней политики в программе подчеркивалась необходимость нормализации отношений с восточными соседями ФРГ. Приоритетами внутренней политики должны были стать мероприятия по обеспечению стабильности и роста экономики, а также оздоровления финансовой системы. 1 декабря 1966 г. новым федеральным канцлером был избран Кизингер (340 голосов «за», 109 — «против», 23 депутата воздержались). СДПГ впервые со времен Веймарской республики вошла в правительство, получив 9 министерских постов из 19. Вице-канцлером и министром иностранных дел стал Вилли Брандт.

«Глобальное регулирование»

Первоочередной задачей «большой коалиции» стало улучшение финансово-экономической ситуации: необходимо было ос-

тановить спад производства и устранить существующий дефицит федерального бюджета (3,3 млрд марок в бюджете на 1967 г.). Основой экономического курса стала предложенная министром экономики социал-демократом ***Карлом Шиллером*** (1911–1994) политика «глобального регулирования». Она соединила идеи выдающегося экономиста первой половины XX в. Д. М. Кейнса о возможности регулирования экономики со стороны государства, особенно в кризисных ситуациях, с основополагающими принципами «социальной рыночной экономики» в рамках формулы: «конкуренция насколько возможно, планирование насколько необходимо».

Главными инструментами этой политики стали «Закон о содействии стабильности и росту экономики» («Закон о стабилизации»), принятый бундестагом в мае 1967 г., и «согласованная акция» в качестве компромисса между основными участниками экономического процесса — работодателями и работающими по найму, при посредничестве государства. «Закон о стабилизации» предполагал снижение налогов и увеличение государственных инвестиций, гибкую кредитную и тарифную политику для стимулирования экономики и регулирования внутри- и внешнеэкономической активности.

Закон предполагал, что правительство будет предоставлять информацию о состоянии экономической конъюнктуры союзам предпринимателей, профсоюзам и другим заинтересованным объединениям, чтобы содействовать выработке ими согласованных позиций. Предметом переговоров становились вопросы налогообложения, ценовой политики, тарифных ставок и другие, которые в случае кризисной ситуации предполагали взаимные уступки. Правительство получило возможность косвенно влиять на соотношение спроса и предложения, а, в случае необходимости, стимулировать либо покупательский спрос, либо производителей. Механизм «согласованной акции» достаточно эффективно функционировал до середины 1970-х гг., когда в условиях глубокого экономического кризиса оказалось невозможной координация интересов ее участников.

В качестве важной меры была признана необходимость средне- и долгосрочного экономического планирования. В июле 1967 г. было принято решение о среднесрочном финансовом планировании на период 1967–1971 гг. и выделении значительных государственных инвестиций: 2,8 млрд марок из федерального бюджета плюс 1,5 млрд марок из бюджетов земель и общин. В развитие этого направления в мае 1969 г. была проведена финансовая реформа, которая по-новому регулировала бюджетно-финансовые отношения между федерацией,

землями и другими региональными структурами с целью более эффективного решения финансовых проблем, а также содействия выравниванию между богатыми и бедными землями. Было введено понятие «общественные задачи» с обязанностью их совместного финансирования федерацией и землями. К ним были отнесены планирование в сфере образования и научных исследований, развитие существующих и строительство новых вузов, улучшение региональной экономической структуры, аграрный сектор и охрана морского побережья.

Благодаря согласованной политике и энергичным действиям правительства, уже к осени 1967 г. удалось преодолеть кризисные финансово-экономические явления, а в конце этого же года начался экономический подъем. В 1968 г. рост ВВП составил 7,3 %, в 1969 г. — 8,2 %. Оживление экономики привело к сокращению безработицы с более чем 600 тыс. чел. в начале 1967 г. до менее 180 тыс. чел. в 1969 г., а также к росту заработной платы. Меры по поддержанию устойчивости национальной валюты способствовали стабильности цен и росту экспорта. Важное значение имел принятый в 1969 г. «Закон о содействии занятости», в основу которого легла новая концепция политики на рынке труда. Во главу угла были поставлены превентивные меры и взаимосвязь трудовой деятельности с уровнем образования. «Закон о профессиональном образовании» 1969 г. создал единые для всех земель правила и условия профессионально-технического обучения.

«Закон об изменениях страхования на случай болезни» уравнял положение рабочих и служащих: в течение 6 первых недель болезни выплачивалась полная компенсация работодателями, то есть полный заработок. Были улучшены условия страхования от несчастных случаев на производстве из средств работодателя. Ряд законов улучшил систему пенсионного страхования. Была усилена социальная поддержка бывшим военнопленным и вдовам погибших в годы войны, облегчены условия получения кредитов для семей со средним и низким уровнем доходов на строительство жилья. В целом экономическая и социальная политика «большой коалиции» была весьма успешной: удалось в короткий срок оздоровить финансово-экономическую ситуацию, обновить инструментарий государственного регулирования, определить основные ориентиры на будущее.

«Чрезвычайные законы» и «внепарламентская оппозиция»

Одной из самых сложных внутриполитических задач «большой коалиции» было принятие законов на случай чрезвычайного

положения в стране. Это означало бы прекращение действия соответствующих компетенций США, Великобритании и Франции, которые, по условиям Общего договора, имели право в случае внешней или внутренней угрозы правопорядку взять на себя верховное управление и использовать свои войска на территории ФРГ. Вопрос о «чрезвычайных законах» стал предметом острых дискуссий в политических и общественных кругах с конца 1950-х гг. В 1960, 1963 и 1965 гг. фракция ХДС/ХСС вносила соответствующие законопроекты на рассмотрение бундестага, однако набрать необходимые две трети голосов они не смогли. Против «чрезвычайных законов» выступала СДПГ, усматривая в них потенциальную угрозу демократическим порядкам. Значительная часть общественности, прежде всего левые интеллектуалы, а также профсоюзы резко критиковали план принятия «чрезвычайных законов», как шаг в направлении к авторитарному «полицейскому» государству, чреватый возможностью повторения опыта Веймарской республики и угрозой новой диктатуры. Широкую дискуссию вызвала книга известного философа Карла Ясперса «Куда движется Федеративная Республика?» (1966), в которой, в частности, отмечалась возможность злоупотребления «чрезвычайными законами» со стороны государственных структур. По мнению автора, стремление к принятию таких законов свидетельствует о недоверии со стороны власти к собственному народу и несет в себе опасность для демократии.

С созданием «большой коалиции» у СДПГ появилась возможность усилить свое влияние на содержание законопроектов о чрезвычайном положении, «смягчить» их, и она была готова поддержать их принятие. В этой ситуации роль оппозиции взяла на себя часть общественности, которая не вняла доводам о наличии подобных законов во многих демократических государствах и обостренно воспринимала любую потенциальную угрозу демократическим порядкам в ФРГ. Опыт антивоенных «пасхальных маршей» и «Движения против атомной смерти» во второй половине 50-х гг., в которых участвовали представители широких кругов общественности, во многом способствовал созданию «внепарламентской оппозиции», которая выступала против принятия «чрезвычайных законов».

В 1966 г. был создан Попечительский совет «Чрезвычайное положение демократии», в который вошли известные ученые, писатели, церковные деятели. Во Франкфурте-на-Майне был проведен конгресс, собравший более 20 тыс. противников «чрезвычайных законов», разработана программа действий, почти в 150 городах были созданы координационные центры. 11 мая 1968 г., во время обсуждения бун-

дестагом законопроектов о чрезвычайном положении в третьем чтении был организован марш протеста в Бонне, в котором участвовали, по разным оценкам, от 30 до 70 тыс. человек.

Предметом дискуссий и акций «внепарламентской оппозиции» были и другие общественно-политические проблемы: гонка вооружений, политика США во Вьетнаме, права человека и народов. Несмотря на разные интересы и политические установки, участников «внепарламентской оппозиции» — либеральную интеллигенцию, студенчество, профсоюзы, пацифистов — объединяло стремление к защите и укреплению демократии.

Серьезную тревогу демократической общественности вызывала активизация правого радикализма. Созданная в 1964 г. из ряда мелких праворадикальных партий и групп ***Национал-демократическая партия*** (НДП) использовала экономические и политические трудности середины 1960-х гг. для активной пропаганды и привлечения сторонников. Спад в экономике, обострение финансовых проблем, появление массовой безработицы свидетельствовали, по мнению НДП, о неспособности власти заботиться о нуждах и интересах народа. Правительственный кризис 1966 г. и создание «большой коалиции» НДП интерпретировала как показатель несовершенства парламентско-демократической системы. Акции студенческого движения и «внепарламентской оппозиции» использовались для запугивания угрозой хаоса и полного краха конституционного порядка при бездействии властей. Праворадикальные силы попытались создать свою избирательную базу за счет недовольных и разочарованных сторонников ведущих партий, прежде всего ХДС/ХСС. На выборах в ландтаги в 1966–1967 гг. НДП удалось провести своих депутатов в 6 земельных парламентов, наивысшим достижением стали 9,8 % голосов, полученных в апреле 1968 г. на выборах в Баден-Вюртемберге. Эйфория от успехов питала надежды НДП на преодоление 5-процентного барьера на очередных выборах в бундестаг осенью 1969 г.

30 мая 1968 г., после бурных дискуссий и многочисленных поправок, внесенных СДПГ, бундестаг принял законы о чрезвычайном положении, внеся соответствующие изменения в Основной закон. «За» проголосовали 384 депутата, «против» — 100 (вся фракция СвДП, а также более четверти депутатов от СДПГ). Был утвержден комплекс мер на случай кризисной ситуации в связи с внешней угрозой, катастрофой или для защиты внутренней безопасности («при угрозе свободному демократическому правопорядку»). Они предусматривали возможность ограничения ряда основных прав граждан — свободы

собраний, тайны переписки, телефонных переговоров и других, а также полномочий земель. Вместе с тем прекратили свое действие права трех западных стран на вмешательство во внутренние дела ФРГ, что упрочило ее суверенитет.

Принятие «чрезвычайных законов» вызвало разочарование многих участников «внепарламентской оппозиции», ее внутренний кризис и распад. Небольшая часть сторонников леворадикального направления стала членами различных «К» (коммунистических) — групп маоистского и троцкистского толка, а также созданной в октябре 1968 г. при поддержке восточногерманской СЕПГ легальной Германской коммунистической партии. Многие активные участники «внепарламентской оппозиции» избрали другие формы общественной активности, в частности в различных «гражданских инициативах» и «альтернативных проектах», ориентированных на решение конкретных проблем повседневной жизни. В целом «внепарламентская оппозиция» стала выражением роста общественно-политической активности, стремления к либерализации и демократизации общества.

Студенческое движение

Ярким явлением, наложившим существенный отпечаток на общественно-политическую ситуацию в 1960-е гг. и оказавшим значительное влияние на ее последующее развитие, было студенческое движение, которое стало отражением сдвигов в обществе. В 60-е в сознательную жизнь вступало поколение родившихся после войны, чьи представления и ценности были иными, чем у их родителей. «Конфликт поколений» ярко проявился во всех развитых странах, он сопровождался попытками молодежи поставить под сомнение утвердившиеся правила и авторитеты, создать свою «контркультуру», отличную от ценностей и норм старших поколений. Вместо конформистских настроений, стремления сохранить и приумножить достигнутое, прежде всего в материальной сфере, характерных для 1950-х гг., дух времени стали определять требования «перемен» и готовность активно им содействовать.

Важным фактором активизации студенческого движения стала растущая значимость образования в процессе социализации личности и общественного прогресса. Но в международном сравнении ФРГ существенно уступала другим ведущим странам по количеству учителей, студентов, по доле расходов на образование в ВНП. Активная часть студенчества ставила вопрос о демократизации высшей школы, что предполагало не только ее большую доступность для всех соци-

альных слоев, но и возможность «соучастия» в решении вопросов внутривузовской жизни со стороны студентов.

Значительная часть студенческого движения оказалась на леворадикальных позициях. Его ядром был ***Социалистический немецкий союз студентов*** (СНСС), который за попытки дать свою интерпретацию социалистической теории и практики в 1961 г. был официально отлучен от СДПГ. Его позиции стали определять «новые левые», взгляды которых представляли собой смесь левосоциалистических, коммунистических, анархистских и романтически-утопических идей. Существенное влияние на взгляды «новых левых» оказала «критическая теория», сформулированная в трудах философов и социологов ***Макса Хоркхаймера*** (1895–1973), ***Герберта Маркузе*** (1898–1979), ***Теодора Адорно*** (1903–1969) и др.

Эта теория резко критиковала капиталистическую систему как несправедливую, бесчеловечную и даже авторитарную. Насаждаемое властью потребительство, по мнению ее авторов, формирует «ложное сознание», превращает индивида в объект манипуляции. В отличие от «старых левых», которые считали главной задачей изменение форм собственности на средства производства, «новые левые» в качестве приоритета выдвигали децентрализацию и демократизацию общественных отношений. Общество «прямой демократии» — таков был романтизированный политический идеал «новых левых». Путь к нему они видели в пробуждении общественного сознания, в «раскачивании» буржуазного общества с помощью «провокативных действий». «Новым левым» удалось увлечь значительную часть политически активного студенчества, в немалой степени благодаря одному из лидеров «антиавторитарного движения» ***Руди Дучке*** (1940–1979), обладавшему ярким политическим темпераментом, блестящими ораторскими и организационными способностями.

Акции студенческого движения первоначально были направлены против устаревших структур, содержания и форм образования. Массовые выступления студентов Свободного университета в Западном Берлине в 1965 г. против ректората и профессуры под лозунгом «Под мантиями — тысячелетняя затхлость», благодаря средствам массовой информации, в первую очередь телевидению, стали широко известны и распространились на другие университеты. Спектр объектов студенческого протеста был широк: от традиционного авторитета преподавателей и родителей до войны США во Вьетнаме и диктаторских режимов.

В ходе студенческих митингов и демонстраций звучали требования слома существующих общественных структур с их разделением

на «верхи» и «низы», с устаревшими моральными нормами и правилами. Полицейские, обязанные сохранять общественный порядок, рассматривались участниками акций как олицетворение власти и силы «истэблишмента» и поэтому вызывали особую ярость. Когда 2 июня 1967 г. во время демонстрации протеста в Западном Берлине от пули полицейского погиб один студент, последовала эскалация студенческого протеста с применением силы. Был совершен поджог здания издательства медиамагната ***Акселя Шпрингера*** (1912–1985), который считался столпом «системы», и выдвинут лозунг «Экспроприировать Шпрингера!». Проводились захваты аудиторий и целых вузов с тем, чтобы нарушить учебный процесс; вместо лекций и семинаров велись дискуссии по общественно-политическим проблемам, получившие название «критические университеты». Демонстративные сидячие забастовки на улицах и площадях нарушали движение транспорта. Новую волну беспорядков и столкновений с полицией вызвало покушение на Дучке в апреле 1968 г.

Студенческое движение было активным участником «внепарламентской оппозиции», выступавшим с наиболее радикальных позиций. Создание «большой коалиции» расценивалось как бессилие существующей системы, как симптом «дедемократизации», а активизация НДП — как угроза нового фашизма. Часто акции студенческого движения носили вызывающий характер, отличались нетерпимостью и ожесточением. Распад «внепарламентской оппозиции» ускорил идейный кризис студенческого движения. Большинство его участников разделяло выдвинутую Дучке идею о «долгом марше» по институтам буржуазного общества (госаппарат, судебная система, учреждения образования, бундесвер, СМИ) для изменения их характера путем замены прежних кадров новыми, с «базисно-демократическим» сознанием, что должно привести к «преодолению» существующей системы и замене ее «демократией граждан». Формой их общественно-политической активности стали различные «альтернативные проекты», а также феминистское, экологическое, антиядерное и другие движения. Радикальное меньшинство сделало ставку на террор как способ борьбы с «системой».

Студенческое движение стало катализатором изменения общественно-политического и духовного климата в ФРГ, и имело последствия долговременного характера: проведение реформ в системе образования, изменение взаимоотношений в семье и других структурах общества, активизацию дискуссии о прошлом и будущем Германии. Оно стало своего рода «культурной революцией», способствовало

слому многих стереотипов и догм, либерализации общества, выявлению новых ценностных ориентаций, прежде всего молодого поколения. Молодежь стала активным участником политического процесса. В целом, «движение 68-го» стало вехой в истории ФРГ. Требования изменений, «новой политики» во многом подготовили смену политического курса, при этом большинство молодежи связывало свои надежды с СДПГ.

Конец «большой коалиции»

Отношения между ХДС/ХСС и СДПГ с течением времени изменились, особенно после того, как были решены наиболее острые финансово-экономические проблемы. Все больше обнаруживались различия в позициях обеих партий по принципиальным, а также конкретным вопросам внешней и внутренней политики. Приближение очередных выборов в бундестаг, намеченных на осень 1969 г., существенно влияло на отношения внутри «большой коалиции» и на расстановку политических сил в целом. При очевидном росте взаимного дистанцирования между ХДС/ХСС и СДПГ важное значение приобретала позиция СвДП.

После разрыва коалиции с ХДС/ХСС в 1966 г. партия либералов начинает поиск нового места в политической системе на основе более четкого определения собственных позиций. Создание «большой коалиции» стимулировало этот процесс, поскольку СвДП оказалась перед опасностью утратить политическую роль третьей из ведущих партий и лишиться шансов на участие в правительстве. Экономический спад 1966–1967 гг., студенческое движение, активизация правого радикализма также оказали влияние на ее позиции. Пересмотр подходов СвДП был обусловлен и изменениями в социальной структуре общества: численность и значение так называемых «старых средних слоев» , «самостоятельных», которые были традиционной опорой СвДП и составляли большинство ее избирателей, уменьшились. В то же время стала расти численность «новых средних слоев» — связанных с НТР, квалифицированных, работающих по найму («белые воротнички»).

Для создания стабильной избирательной базы на перспективу, СвДП должна была соответственно скорректировать свои позиции. Были сформулированы новые подходы в области внешней, в частности восточной, политики. Пересмотр СвДП своих позиций во второй половине 1960-х гг. существенно сблизил ее с подходами СДПГ по основным принципиальным вопросам. Смена руководства — в 1968 г.

вместо Менде председателем СвДП был избран ***Вальтер Шеель*** (род. 1919), сторонник сближения с СДПГ, — ускорила этот процесс.

Пробным камнем для возможной коалиции обеих партий стали выборы нового федерального президента в марте 1969 г. СДПГ впервые решила выдвинуть собственного кандидата — министра юстиции ***Густава Хайнеманна*** (1899–1976), который при поддержке депутатов от СвДП получил большинство голосов. Выборы федерального президента продемонстрировали, с одной стороны, фактический конец «большой коалиции», а с другой — готовность СДПГ и СвДП к совместным действиям. В последние месяцы перед выборами в бундестаг контакты между двумя партиями стали более интенсивными. Не только СвДП, но и СДПГ была заинтересована в коалиции: выборы в ландтаги в 1966–1969 гг. не принесли партии заметных успехов, поскольку часть ее традиционных избирателей не одобряли вхождения в коалицию с ХДС/ХСС; были сомнения относительно возможности СДПГ получить большинство на предстоящих выборах в бундестаг. В этих условиях решающее слово о желательности коалиции со СвДП принадлежало лидеру партии Брандту, который в первую очередь выступал за изменение восточной политики и отношений с ГДР.

«Большая коалиция» была временным союзом двух разных политических сил, который был создан в определенных общественных условиях для решения конкретных политических и экономических задач и который просуществовал недолго. Однако оценка «большой коалиции» только как «переходного» правительства не раскрывает в полной мере ее значения и места в истории ФРГ. Деятельность правительства «большой коалиции» была одной из самых успешных, она дала толчок модернизации во всех сферах общественной жизни. Последующая политика социал-либеральной коалиции во многом продолжила основные направления экономической и социальной политики правительства Кизингера.

Заслугой «большой коалиции» стало также совершенствование парламентской системы. Особое значение опыт компромиссов и ответственности имел для СДПГ, что подготовило смену власти. В то же время идеологические и политические разногласия между ХДС/ХСС и СДПГ делали коалицию непрочной. Не удалось согласовать подходы по ряду важных проблем, прежде всего в области внешней политики. После решения наиболее актуальных задач «большая коалиция» исчерпала себя.

На результатах состоявшихся 28 сентября 1969 г. выборов в бундестаг отразилось изменение политического климата в ФРГ, произошед-

шее во второй половине 60-х гг. Обещания ХДС/ХСС гарантировать сохранение достигнутого на основе большого опыта в управлении страной уже не находили прежнего отклика среди избирателей. На первый план вышли ожидания новых идей, реформ, перемен в области внутренней и внешней политики. Этим настроениям отвечал предвыборный лозунг СДПГ «Мы создаем современную Германию!». В отличие от ХДС/ХСС, делавших ставку на своих традиционных избирателей, СДПГ попыталась расширить круг избирателей, прежде всего за счет молодежи: ей были адресованы лозунг «Отважиться на большую демократию» и обещания широких реформ. Выборная кампания всех основных партий была отмечена убедительной агитацией против правого радикализма в лице НДП как угрозы демократическому порядку.

После подведения итогов выборов, которых напряженно ожидали все участники, стала очевидной смена политической власти. Больше других партий голосов в свою поддержку получила СДПГ — 42,7 % (в 1965 г. — 39,3 %), в значительной степени благодаря высокому авторитету Шиллера и его успешной деятельности в должности министра экономики, а также за счет поддержки большинства молодых избирателей. Показатели ХДС несколько ухудшились — 36,6 % (38,1 % в 1965 г.), ХСС — остались прежними: 9,5 %. СвДП получила 5,8 % голосов (в 1965 г. — 9,5 %). За НДП проголосовали 4,3 % избирателей, тем самым она не получила представительства в бундестаге, а в течение нескольких последующих лет потеряла мандаты и в ландтагах.

СДПГ предложила СвДП сформировать коалиционное правительство, поскольку обе партии располагали в бундестаге 254 мандатами против 242 у ХДС/ХСС. 21 октября 1969 г. Вилли Брандт был избран новым федеральным канцлером, а Шеель стал вице-канцлером и министром иностранных дел. Закончился период политического господства ХДС/ХСС, итоги выборов отразили существенные изменения в настроениях западногерманского общества. Приход к власти «малой коалиции» стал важным рубежом в истории ФРГ.

Внешняя политика ФРГ в середине 1950-х — 1960-е гг.

Формально 5 мая 1955 г. ФРГ стала суверенным государством, однако его суверенитет был относительным. Усилия федерального правительства были направлены на превращение страны из объекта в субъект мировой политики, при этом все более важное значение приобретала позиция ФРГ по отношению к СССР и странам советского блока, включая Восточную Германию.

Отношения со странами «советского блока»

Возглавляемое христианскими демократами правительство считало, что Запад не должен вступать с СССР ни в какие переговоры, пока не станет достаточно сильным для того, чтобы оказать на него давление. Аденауэр также полагал, что вопрос о воссоединении Германии должен иметь приоритет над всеми другими вопросами. Но любое соглашение с СССР, даже самого общего характера, могло быть достигнуто лишь на основе признания сложившегося статус-кво в Европе. А это означало бы де-факто признание раскола Германии, с чем федеральное правительство не могло примириться. Аденауэр считал урегулирование германского вопроса условием переговоров с СССР по проблемам европейской безопасности и разоружению. Эти переговоры проходили в ходе Женевского совещания глав правительств США, Англии, Франции и СССР в июле 1955 г. Участники Женевской встречи признали взаимосвязь между прогрессом в вопросе воссоединения Германии и проблемой обеспечения европейской безопасности, что было зафиксировано в нейтральной формуле: «Решить германский вопрос в соответствии с национальными интересами немецкого народа и интересами европейской безопасности». Тем самым германский вопрос стал лишь одной из тем переговоров, а не их предварительным условием, как хотелось бы Аденауэру. Такая тенденция обозначилась и на последующих переговорах великих держав, что стало фактором постоянной озабоченности германского канцлера. Он опасался возможного «сговора» великих держав за счет Германии.

Если для Аденауэра вопрос объединения Германии был приоритетным, то позиция западных держав определялась в первую очередь условиями «холодной войны», которые исключали тогда возможность решения германского вопроса. Осознавая, что великие державы преследуют, прежде всего, свои интересы, Аденауэр счел целесообразным сделать шаг к нормализации отношений с СССР, чему способствовала и начавшаяся после смерти Сталина «оттепель» в Советском Союзе.

Аденауэр стал понимать, что его курс на жесткую конфронтацию с СССР чреват большими опасностями в долгосрочной перспективе, ведь было очевидно, что без СССР невозможно добиться существенного сдвига в решении германского вопроса. В сентябре 1955 г. состоялся визит канцлера в Москву, где и были установлены дипломатические отношения между двумя государствами. Безусловно, одним из важнейших мотивов поездки Аденауэра в Москву было желание вернуть из советских лагерей 10 тыс. немецких военнопленных и около 20 тыс. интернированных немцев из числа гражданских

лиц. Итоги визита, несомненно, способствовали росту авторитета канцлера внутри страны и подняли авторитет ФРГ как независимого немецкого государства.

Наличие в Москве двух посольств (ГДР и ФРГ), что означало косвенное признание двух немецких государств, расценивалось правительством ФРГ как исключение из общего правила. Оно исходило из того, что СССР является одной из великих держав-победительниц, несущих на себе ответственность за «Германию в целом». Поэтому после установления дипломатических отношений с СССР Аденауэр однозначно заявил, что федеральное правительство и впредь будет рассматривать установление с ГДР дипломатических отношений третьими странами, с которыми ФРГ имеет официальные отношения, как «недружественный акт», поскольку это служит углублению раскола Германии.

В основе этого заявления лежала официальная позиция ФРГ о том, что только она является единственным законным немецким государством, представляющим интересы всех немцев. В 1956 г. федеральным правительством было сделано дополнение к этому заявлению, согласно которому в случае подобного недружественного акта правительство ФРГ могло пересмотреть свои отношения с упомянутым государством. Это означало бы на практике разрыв дипломатических отношений с ним. Тем самым была сформулирована «доктрина Хальштейна». Она получила свое название по имени одного из главных авторов — профессора ***Вальтера Хальштейна*** (1901–1982), статс-секретаря в министерстве иностранных дел. По этой доктрине ФРГ разрывала дипломатические отношения с любой страной, признавшей ГДР. Доктрина имела своей целью изоляцию восточногерманского государства, в соответствии с ней в 1957 г. были разорваны дипломатические отношения с Югославией, в 1963 г. — с Кубой. ГДР же, с точки зрения западногерманских политиков, рассматривалась как незаконное государственное формирование. Даже в официальных политических документах ФРГ Восточная Германия называлась «зоной» или даже «незаконно оккупированной зоной».

К 1961 г. ФРГ установила дипломатические отношения с 62 государствами, в 1966 г. их число возросло до 94. С 1953 по 1966 гг. были подписаны двусторонние соглашения о сотрудничестве в гуманитарной, культурной и научной областях с 23 государствами.

Аденауэр постоянно подчеркивал безусловную приверженность ФРГ принципу атлантической солидарности. Он считал, что западноевропейские страны должны не только тесно сотрудничать друг

с другом, но и с Соединенными Штатами. Только присутствие американских войск в Западной Германии и Западной Европе может блокировать советскую экспансию, утверждал он. Американо-западногерманские отношения занимали одно из приоритетных мест во внешней политике ФРГ. Западная Германия считала США своим важнейшим стратегическим партнером. При этом Аденауэр пытался избежать роли послушного исполнителя воли «старшего брата» в лице США.

Участие в европейской интеграции и углубление сотрудничества с Францией

После включения в НАТО и обретения суверенитета для внешней политики ФРГ стало характерно стремление к повышению ее роли на международной арене. Прежде всего особое место отводилось развитию добрососедских отношений с Францией. 25 марта 1957 г. при активном участии ФРГ и Франции в Риме были подписаны договоры, учреждающие ***Европейское экономическое сообщество*** (ЕЭС) и Евратом. В специальном протоколе была зафиксирована позиция ФРГ о том, что «советская зона» (то есть ГДР) не считается иностранным государством и торговля между ФРГ и ГДР является «внутренней торговлей Германии».

Ядром Европейского сообщества был франко-западногерманский союз, сложившийся при создании ЕОУС. После плебисцита в Сааре в 1955 г. был устранен последний источник серьезных политических разногласий между ФРГ и Францией[1]. Аденауэр всегда понимал необходимость «исторического примирения» Германии с Францией, учитывая их взаимоотношения в прошлом. Еще в 1949 г., заняв пост канцлера, он заявил, что «франко-германский антагонизм, доминировавший в европейской политике на протяжении сотен лет и являвшийся поводом для столь многих войн, разрушений и кровопролитий, должен быть, наконец, устранен». Начиная с 1950 г. Аденауэр шел навстречу всем французским предложениям, связанным с интеграцией.

В 1958–1962 гг. процесс франко-западногерманского сближения как основы и составной части западноевропейской интеграции по-

---

[1] Среди Парижских соглашений был и Саарский статут, по которому Франция и ФРГ договорились, что Саар будет особой автономной территорией, но саарцы отклонили эту договоренность в ходе плебисцита в октябре 1955 г., и в начале 1957 г. Саар официально стал частью Западной Германии.

сматривались регулярные встречи (два раза в год) глав государств и правительств; министров иностранных дел (не реже одного раза в три месяца) для обязательных консультаций по внешнеполитическим вопросам, особенно европейским, и вопросам обороны. Договор предусматривал также широкое сотрудничество в области культуры и воспитания молодежи.

После подписания договора в политических кругах ФРГ разгорелись острые дискуссии между «голлистами» и «атлантистами», опасавшимися ухудшения отношений с США и НАТО из-за дальнейшего сближения с Францией. Поэтому 25 апреля 1963 г. бундестаг при ратификации Елисейского договора принял одностороннюю преамбулу. В ней говорилось о необходимости совместной обороны в рамках НАТО, о партнерстве с США, о «единстве Европы, включая Великобританию» (против членства которой в ЕЭС выступали французы). Договор, дополненный такого рода преамбулой, терял свою политическую исключительность и становился формальным выражением франко-германского примирения. Но созданный договором механизм консультаций позволял находить компромиссные решения в сложные для отношений двух стран периоды.

ФРГ и «третий мир»

Помимо примирения с европейскими соседями, руководство ФРГ придавало большое значение искуплению вины перед еврейским народом. 19 апреля 1951 г. в Париже состоялась тайная встреча Аденауэра с генеральным директором министерства финансов Израиля Д. Горовицем, на которой шла речь о готовности правительства ФРГ выплатить компенсацию еврейскому народу и правительству Израиля за материальный ущерб, причиненный нацистами. 18 сентября 1952 г. было подписано первое соглашение, по которому правительство Западной Германии обязалось выплатить Израилю репарации в размере 3 млрд марок и еще 450 млн марок — еврейским организациям, представляющим интересы евреев — жертв Холокоста. Это соглашение способствовало налаживанию торговых и политических отношений между двумя государствами, но вызвало негативную реакцию арабских стран. И установление дипломатических отношений между ФРГ и Израилем произошло лишь в мае 1965 г.

Важным инструментом реализации политических интересов ФРГ в 1950–1960-е гг. становится помощь развивающимся странам (политика развития) в рамках финансового и технического сотрудничества. В соответствии с «доктриной Хальштейна» предоставление помощи

предусматривалось только тем молодым государствам, которые проводили лояльный по отношению к ФРГ внешнеполитический курс.

80 % помощи развивающимся странам предоставлялось на основе двусторонних соглашений — льготные и беспроцентные кредиты, субсидии, пожертвования. С 1955 по 1966 гг. было выделено для оказания помощи развивающимся странам почти 31,4 млрд марок. В 1966 г. ФРГ участвовала в 2800 проектах в 93 различных странах. Это помогло получить доступ к сырьевым ресурсам развивающихся стран, расширить возможности для сбыта собственной продукции в данных странах, а также создать условия для эффективной деятельности в них частного капитала ФРГ.

После ухода Аденауэра кардинальных перемен во внешнеполитическом курсе ФРГ не произошло, хотя Эрхард, скептически относившийся к европейской интеграции, отверг активный курс в европейской политике, характерный для его предшественника. В этот период были практически заморожены франко-западногерманские отношения (из-за действий де Голля по выходу Франции из военной организации НАТО в 1966 г.), хотя внешне сохранялась видимость согласия. Сотрудничеству ФРГ и Франции было противопоставлено укрепление связей с США и НАТО, принцип «атлантической солидарности» провозглашался в качестве приоритетного для внешней политики Федеративной республики.

«Восточная политика»: признаки перемен

Вместе с тем, христианские демократы пытались осуществить некоторую переориентацию в германской и восточной политике, которая во многом была связана с именем нового министра иностранных дел ***Герхарда Шрёдера*** (1910–1989). Он высказывался за улучшение германо-советских отношений, и не только в сфере экономического и культурного обмена, но и в политической области. Он полагал, что если в отношении ГДР по-прежнему должна проводиться политика непризнания и изоляции, то со странами Восточной Европы необходимо установить официальные контакты и наладить торгово-экономические и культурные отношения — так сказать, активная восточная политика при обходе ГДР. В 1963–1964 гг. были направлены торговые делегации в Польшу, Болгарию, Румынию и Венгрию.

Некоторые новые акценты были отмечены в «мирной ноте» правительства ФРГ от 25 марта 1966 г., в которой оно признавало отказ от применения силы и призывало СССР и страны Восточной Европы обменяться заявлениями подобного содержания. Тем самым феде-

ральное правительство демонстрировало готовность к участию в мероприятиях по разоружению, поиску взаимопонимания с восточными соседями и проведению политики разрядки. Впервые прогресс в решении германского вопроса не ставился предварительным условием разрядки международной напряженности. Однако правительство ФРГ продолжало настаивать на международно-правовом характере границ Германии 1937 г. и «доктрине Хальштейна».

В целом внешнюю политику правительства «большой коалиции» можно рассматривать как некий «переходный период», когда были предприняты попытки преодолеть инерцию конфронтационного мышления. В первую очередь это было обусловлено изменившейся международной обстановкой: наметившимся улучшением американо-советских отношений и отказом в связи с этим от традиционного постулата, что европейская безопасность и германская проблема неразделимы, что без воссоединения Германии невозможна разрядка в Европе.

В ФРГ росло понимание того, что на путях непримиримой конфронтации с СССР воссоединения достигнуть невозможно, и во имя этой главной цели требовалось улучшить отношения с Советским Союзом. СССР тоже был заинтересован в налаживании отношений с ФРГ как с целью экономического сотрудничества, так и для обеспечения большей безопасности.

Шрёдер, выступавший за политику «наведения мостов», особое значение придавал примирению с Польшей, сравнивая его по значимости с франко-германским примирением. Для этого необходимо было решиться на окончательное признание границы по линии рек Одер-Нейсе, к чему пока не были готовы ни федеральное правительство, ни общественное мнение ФРГ в целом.

К середине 1960-х гг. все более стала проявляться нежизнеспособность «доктрины Хальштейна», ее соблюдение правительством ФРГ все более затруднялось, особенно после 1960 г., когда Камбоджа, Ирак и Судан начали устанавливать дипломатические отношения с ГДР. Федеральное правительство вынуждено было пойти на некоторую модификацию «доктрины Хальштейна», особенно применительно к восточноевропейским странам. В 1967 г. были установлены дипломатические отношения с Румынией, в 1968 г — с Югославией, открылись германские торговые миссии в Бухаресте, Будапеште и Праге.

Правительство Кизингера заявляло также о готовности внести свой вклад в политику разрядки, способствовать ослаблению конфронтации Восток-Запад. На Женевской конференции по разоруже-

нию 1968 г. ФРГ предложила меморандум, призывающий все неядерные страны добровольно взять на себя обязательство об отказе от производства ядерного оружия, а страны, обладающие ядерным оружием, — отказаться от его распространения и в перспективе перейти к поэтапному сокращению ядерных вооружений.

Заявления и действия правительства ФРГ второй половины 1960-х гг. показывали, что западногерманские политики искали новые подходы в проведении своего внешнеполитического курса. Становилось очевидным, что «доктрина Хальштейна» с ее непризнанием ГДР и политика «с позиции силы» в отношении социалистических стран могут привести ФРГ к политической изоляции на Западе. Важным был и экономический фактор: западногерманский бизнес был заинтересован в широком выходе на традиционные для Германии рынки Восточной Европы. Наконец, общественное мнение ФРГ все более склонялось к необходимости примирения не только с западными, но и с восточными соседями.

2. Социал-либеральная коалиция (1969–1982)

Канцлерство Вилли Брандта

Политика внутренних реформ правительства Брандта

Девизом программы коалиции СДПГ–СвДП стали «Преемственность и обновление». В заявлении правительства 28 октября 1969 г. было подчеркнуто намерение, не отказываясь от достигнутого, осуществить глубокие реформы. Речь шла не только о новых подходах во внешней, в первую очередь «восточной политике». Заявив о необходимости «внутренних реформ», социал-либеральная коалиция рассчитывала с их помощью смягчить противоречия в обществе и решить проблемы, обозначившиеся в 1960-е гг., прежде всего в сфере образования, на рынке труда, в системе социальной защиты. Поэтому общественное мнение рассматривало социал-либеральную коалицию как «правительство реформ», связывая с ним большие ожидания и надежды.

Олицетворением поворота в политике стал федеральный канцлер Вилли Брандт, убежденный социал-демократ, который искренне хотел «улучшить капитализм». Его политическая биография и человe-

лучил дальнейшее развитие, которое обусловливалось тесными контактами Аденауэра и нового президента Франции Шарля де Голля. В сентябре 1958 г. состоялся первый визит Аденауэра в Париж, где было сделано совместное заявление, в котором торжественно провозглашалось окончание старинной вражды двух стран.

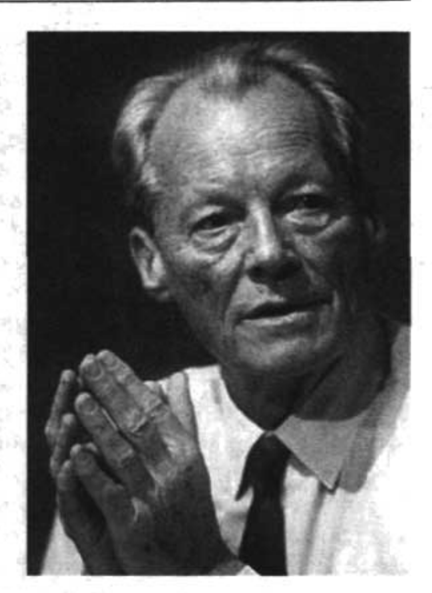
Де Голль выступал за политическое объединение Западной Европы в форме некой конфедерации, не зависимой от США, и прилагал все силы к тому, чтобы вернуть «величие Франции» и закрепить за ней руководящую роль в Европе. Аденауэр со своей стороны стремился к равноправному участию ФРГ во всех европейских интеграционных институтах, и его вполне устраивала сложившаяся после войны система атлантизма, то есть тесного сотрудничества с США. Несмотря, однако, на различные подходы, двусторонние отношения между Францией и ФРГ укреплялись, что выразилось в подписании 22 января 1963 г. в Елисейском дворце Парижа договора о сотрудничестве.

К. Аденауэр и Ш. де Голль

Особенность договора состояла в том, что он не содержал конкретных политических целей сотрудничества между Францией и ФРГ, а лишь определял его организационные формы и методы. Преду-

ческая судьба вместили важнейшие события в истории Германии. Родившийся внебрачно в 1913 г. в Любеке, Герберт Эрнст Карл Фрам в юности вступил в молодежную социалистическую организацию, принимал активное участие в акциях против НСДАП. После ее прихода к власти, в условиях нелегальной деятельности взял псевдоним Вилли Брандт (официально признанный при возвращении немецкого гражданства в 1948 г.). В апреле 1933 г. был вынужден эмигрировать в Норвегию, позже в Швецию. Занимаясь журналистской деятельностью в изданиях скандинавских рабочих партий, Брандт стал очевидцем событий гражданской войны в Испании, писал о проблемах послевоенной политики в Европе, присутствовал в качестве корреспондента на заседаниях Международного военного трибунала в Нюрнберге.

В. Брандт

Успешно сложилась его политическая карьера: в 1957 г. он стал правящим бургомистром Западного Берлина, активно содействовал программному обновлению СДПГ. С 1964 до 1987 г. был председателем, а затем почетным председателем СДПГ, председателем Социалистического Интернационала (1976–1992). В качестве министра иностранных дел «большой коалиции» Брандт в глазах зарубежной общественности стал олицетворением новой, антифашистской Германии. В событиях 1989–1990 гг. — от падения Берлинской стены до объединения двух германских государств — Брандт принимал активное участие. Он скончался в 1992 г., оставшись в политической истории ФРГ как один из самых ярких ее лидеров. Ни один федеральный канцлер не вызывал столько восхищения и критики одновременно.

В первые годы правления социал-либеральной коалиции финансово-экономическая ситуация благоприятствовала проведению заявленных реформ, при этом правительство исходило из оптимистических прогнозов экономического роста. Одной из приоритетных сфер стала политика в области образования. Впервые был разработан

комплексный план развития системы образования. Концепция социал-либеральной коалиции исходила из двух основополагающих принципов: во-первых, расширить выбор путей и форм образования в соответствии со способностями и возможностями личности, во-вторых, обеспечить равенство шансов в получении образования независимо от социального и имущественного положения. За счет средств предпринимателей увеличивалось число мест в системе профтехобразования. Впервые была введена система стипендий. Поэтому число студентов к 1972 г. увеличилось почти в два раза и едва не достигло 600 тыс. человек. Сильный эффект имела избирательная реформа. Возрастной ценз был снижен с 21 до 18 лет, и на выборах в бундестаг 1972 г. за СДПГ отдали свои голоса 55 % молодых избирателей.

Активная социальная политика правительства Брандта нашла отражение в ряде законов, улучшивших положение отдельных категорий населения, прежде всего со средними и низкими доходами. Страхование от несчастного случая было распространено на детей в детских садах, школьников и студентов. Регулирование платы при сдаче жилья внаем защитило арендаторов от произвола домовладельцев. Была введена подвижная возрастная шкала при выходе на пенсию вместо обязательного 65-летнего возраста, улучшены условия пенсионного страхования для лиц с невысокими заработками. Изменения в системе медицинского страхования были направлены на проведение превентивных мер и раннее выявление заболеваний, что позволило повысить качество медицинских услуг. Была расширена помощь инвалидам, принят закон об улучшении охраны труда. В 1970–1976 гг. было обновлено и рабочее законодательство. По закону об уставе предприятий рабочие получили в наблюдательных советах одну треть мест, а на предприятиях с числом занятых более 2 тыс. человек — половину мест. Закон о «перераспределении собственности» увеличивал размер так называемой «инвестиционной зарплаты» вдвое — до 624 марок. Рабочие при этом получали специальные сертификаты, а деньги перечислялись на 5 лет на особые блокировочные счета. Предполагалось, что за 50 лет таким образом произойдет перераспределение капитала у населения.

Реализация принятых социал-либеральной коалицией законов и решений требовала значительных средств, что вело к росту государственных расходов и увеличению инфляции с 2 % в 1969 г. до 5,4 % в 1971 г. Ситуация осложнялась снижением темпов экономического роста (с 8,2 % в 1969 г. до 2,7 % в 1971 г.), а также рядом неблагоприятных международных факторов, в первую очередь крахом

Бреттон-Вудской валютной системы, основанной на твердых курсах валют и их привязке к американскому доллару.

Перед правительством Брандта встала задача корректировки финансово-экономической политики для продолжения курса реформ. Новый министр экономики и финансов *Хельмут Шмидт* (род. 1918) сосредоточил усилия на сохранении стабильности национальной валюты и торможения роста цен за счет перехода от жесткой привязки немецкой марки к слабеющему доллару к «плавающему» валютному курсу, повышения ряда налогов и сборов, а также аккумулирования излишек денег Федеральным банком. Эти меры несколько стабилизировали финансово-экономическую ситуацию, однако состояние экономики ФРГ, в значительной степени ориентированной на экспорт, существенно зависело от конъюнктуры на мировых рынках.

«Новая восточная политика» Брандта

Внешнеполитическая программа правительства Брандта провозгласила приверженность политике разрядки международной напряженности и отказ от применения силы. Одним из первых шагов правительства стало присоединение ФРГ 28 ноября 1969 г. к Договору о нераспространении ядерного оружия, что продемонстрировало новые подходы в его внешней политике. Ее составной частью стала «новая восточная политика», цель которой заключалась в нормализации отношений ФРГ с СССР и странами Восточной Европы, включая ГДР, а также обеспечение благоприятного статуса для Западного Берлина.

«Новая восточная политика», неразрывно связанная с именем Брандта, была не только результатом его мучительных раздумий, прежде всего она диктовалась жизненными интересами страны. Проводимая христианскими демократами односторонняя, ориентированная исключительно на Запад внешняя политика ФРГ сильно ограничивала возможности страны на мировой арене. Налицо был разрыв между экономическим потенциалом ФРГ и ее слабым международным влиянием. Не оправдались надежды, связанные с давлением Запада на СССР для получения уступок в германском вопросе. Несмотря на заявления о солидарности, партнеры и союзники ФРГ — Великобритания, Франция, Италия — начали налаживать торгово-экономическое сотрудничество с социалистическими странами Восточной Европы, в чем была крайне заинтересована и сама Западная Германия. ФРГ фактически оказалась во внешнеполитическом тупике.

Брандт понимал, что «восточная политика» должна быть тщательно согласована с западными партнерами, что и было им сделано в ходе

неоднократных встреч с лидерами США, Великобритании и Франции и в выступлениях на сессиях НАТО. Он уверил своих союзников в безоговорочной приверженности атлантической солидарности. Постоянные контакты федерального правительства с западными партнерами должны были обеспечить их поддержку для проведения «новой восточной политики». Кроме того, они служили важнейшим аргументом против внутриполитической оппозиции новому курсу, прежде всего со стороны ХДС/ХСС.

«Новая восточная политика» была реализована в серии договоров 1970–1973 гг., содержащих международно-правовые обязательства, прежде всего обязательство отстаивать свои внешнеполитические интересы исключительно мирными средствами, подтверждение сложившихся политических реалий и послевоенных границ в Европе.

Первым из них явился Московский договор от 12 августа 1970 г., по которому ФРГ и СССР отказались от применения силы в отношениях между собой и обязались решать споры исключительно мирными средствами, а также зафиксировали нерушимость европейских границ и отказ от территориальных притязаний. Это была серьезная уступка со стороны ФРГ, так как до этого она последовательно настаивала на временном характере границ с Польшей. В то же время это было лишь признанием положения, сложившегося за весь послевоенный период.

Вместе с тем, подписанием этого договора не нарушалась конечная цель внешней политики ФРГ — достижение германского единства. В особой записке федерального правительства по поводу Московского договора («Письмо о немецком единстве»), на получение которой советское правительство никак не отреагировало, говорилось, что «данный договор не противоречит политической цели ФРГ добиваться состояния мира в Европе, в условиях которого германский народ путем свободного самоопределения вновь достигнет своего единства».

7 декабря 1970 г. в Варшаве был подписан договор с Польшей, в котором обе стороны подтвердили неприкосновенность существующей границы по линии рек Одер–Нейсе, отказ от территориальных притязаний и объявили о намерении развивать сотрудничество между обеими странами. В тот же день Брандт склонил колени перед памятником жертвам восстания в Варшавском гетто в 1943 г., что стало глубоко символической акцией.

В связи с обоими вышеназванными договорами федеральное правительство в обмене нотами с тремя западными державами под-

твердило сохранение «совместной ответственности и прав четырех держав в отношении Германии в целом». Стремление Федеративной Республики к миру и разрядке получило широкое международное признание, Брандту в 1971 г. была присуждена Нобелевская премия мира.

В связи с ратификацией «восточных договоров» в бундестаге развернулась острейшая политическая борьба, в результате которой, после выхода отдельных членов фракций СДПГ и СвДП, уменьшилось правительственное большинство в парламенте. Под сильным давлением оппозиции специально было принято особое «Совместное заявление» всех фракций бундестага, которое подтвердило, что эти договоры не противоречат цели восстановления германского единства мирным путем и не создают международно-правовой основы для пересмотра существующих ныне границ. Важную роль при этом сыграло общественное мнение ФРГ в пользу политики Брандта. 17 мая 1972 г. бундестаг одобрил договоры с СССР и ПНР. Большинство депутатов ХДС/ХСС воздержались от голосования.

Признание послевоенных границ в договорах с Советским Союзом и Польшей стало базой для заключения Договора об основах отношений между ФРГ и ГДР 21 декабря 1972 г. Он зафиксировал взаимное признание обоих государств, отказ от угрозы силы и ее применения, нерушимость германо-германской границы. Обмен постоянными представительствами вместо посольств был призван, вместе с тем, подчеркнуть особый характер германо-германских отношений.

С признанием ГДР был отброшен один из основополагающих принципов послевоенной политики ФРГ. «Доктрина Хальштейна» ушла в прошлое, 18 сентября 1973 г. оба государства одновременно были приняты в ООН. Повысились тем самым их роль и влияние в диалоге Восток–Запад.

11 декабря 1973 г. в Праге был подписан договор между ФРГ и Чехословакией, по которому Мюнхенское соглашение 1938 г. признавалось «ничтожным». В договоре также закреплялись нерушимость границ и отказ от применения силы. 21 декабря 1973 г. были установлены дипломатические отношения с Венгрией и Болгарией, уже существовавшие там торговые миссии были преобразованы в посольства. Тем самым процесс договорного оформления отношений между ФРГ и социалистическими странами Восточной Европы был завершен.

Московский договор открыл период многостороннего, конструктивного и равноправного сотрудничества между ФРГ и СССР. Во время

первого визита *Леонида Ильича Брежнева* (1906–1982) в Бонн в мае 1973 г. было подписано соглашение о сотрудничестве на 10 лет, что предполагало долгосрочный характер отношений. Были учреждены генеральные консульства в Ленинграде и Гамбурге. В феврале 1974 г. была достигнута договоренность об обмене военными атташе при посольствах обеих стран в Москве и Бонне. Новым и важным элементом отношений ФРГ и СССР стали регулярные встречи между высшими руководителями государств. Для Советского Союза важность партнерства с ФРГ определялась ее растущим политическим и экономическим весом среди стран Запада, а для Западной Германии значение СССР прежде всего было обусловлено его ролью в решении германского вопроса.

Нормализация отношений ФРГ с восточными соседями, признание ГДР, урегулирование проблемы Западного Берлина путем подписания 3 сентября 1971 г. четырехстороннего (СССР, США, Великобритания и Франция) соглашения, закрепившего особый правовой статус этой части города, сделали возможным проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). 1 августа 1975 г. в Хельсинки был подписан Заключительный акт, в котором зафиксированы политический и территориальный статус-кво в Европе, а также нормы взаимоотношений между государствами. ФРГ смогла реализовать в Заключительном акте свою позицию о четкой констатации возможности мирного изменения границ. Это открывало перспективу ликвидировать германо-германские границы в случае взаимного согласия двух германских государств на объединение.

Западная ориентация ФРГ не ставилась под вопрос. Безопасность страны по-прежнему могла быть обеспечена только западными союзниками, в рамках атлантической солидарности. «Новая восточная политика» уравновешивалась участием в НАТО и тесным сотрудничеством со странами Запада. Но своей новой восточной политикой ФРГ из тормоза стала мотором развития отношений Запад–Восток.

Отставка Брандта

Политика правительства Брандта подвергалась острой критике со стороны оппозиции в бундестаге. ХДС/ХСС тяжело пережили отстранение от власти и проводили курс жесткой конфронтации по отношению к социал-либеральной коалиции. Проводимые СДПГ–СвДП реформы они называли «социалистическими экспериментами», которые ведут страну к катастрофе. Еще более резкой критике ХДС/ХСС подвергли внешнюю, прежде всего восточную политику правительства Брандта. Христианские демократы обвиняли

его в «односторонних уступках» СССР, в «распродаже национальных интересов», в ослаблении союза с США и Западной Европой, что угрожало безопасности страны. Используя минимальный перевес мандатов от правящих партий в бундестаге (12 мандатов), а также закулисные игры с переманиванием депутатов, в частности от правого крыла СвДП, оппозиция попыталась в апреле 1972 г. отправить Брандта в отставку.

Расклад сил в бундестаге (равенство голосов — 247/247) грозил парализовать его деятельность, поэтому Брандт поставил вопрос о досрочных выборах. Они состоялись 19 ноября 1972 г. Большинство избирателей поддержало СДПГ и СвДП, которые договорились о продолжении коалиции. Их перевес над ХДС/ХССС в бундестаге теперь составил 46 мандатов. Брандт был переизбран на пост федерального канцлера, но программа его второго правительства была более скромной, чем в 1969 г.: во-первых, внешнеполитические цели — прорыв в восточной политике — в основном уже были реализованы; во-вторых, было необходимо учитывать финансово-экономические реалии, которые были уже не столь благоприятными. Тем не менее в правительственном заявлении было выражено намерение продолжать начатый курс реформ.

СДПГ в результате выборов существенно укрепила свои позиции, получив наилучший за свою историю результат — 45,8 % голосов и став сильнейшей фракцией в бундестаге. Состав партии значительно изменился за счет увеличения доли лиц с высшим образованием и молодежи; рабочие в 1972 г. составляли чуть более четверти членов СДПГ. Произошло усиление левого крыла, представленного, в частности, «Молодыми социалистами», которые во многом впитали идеи и ценности «движения 68-го», а группа «Штамокап» (от термина «государственно-монополистический капитализм») стояла на позициях, близких к марксизму. В СДПГ развернулась дискуссия о характере и глубине необходимых преобразований. Левое крыло требовало проведения радикальных реформ, однако для большинства в руководстве СДПГ был очевиден разрыв между заявленной целью глубокого реформирования общества и реальными возможностями.

Серьезные коррективы в политику социал-либеральной коалиции внес «нефтяной шок», когда в результате арабо-израильской войны 1973 г. была сокращена добыча нефти, и цены на нее выросли в несколько раз. Это болезненно отразилось на экономической ситуации в ФРГ и стало началом глубокого экономического кризиса. К 1974 г. уровень инфляции вырос до 7 %, а уровень промышленного про-

изводства сократился на 7,5 %. Количество безработных удвоилось и достигло 1,2 млн человек. По всей стране прокатились массовые забастовки. Перед правительством встала задача нового определения приоритетов в своей политике и поиска решений для выхода из кризисной ситуации. В ноябре 1973 г. был принят закон об экономии энергии, который предусматривал определенные ограничения в ее потреблении. Была разработана программа строительства около 100 ядерных реакторов, однако в целом правительство Брандта недооценило серьезность и глубину начавшегося экономического кризиса, рассчитывая быстро справиться с последствиями «нефтяного шока».

К экономическим трудностям правительства, которые ослабили позиции Брандта, весной 1974 г. добавился «шпионский скандал»: один из референтов канцлера, *Гюнтер Гийом* (1927–1995), был арестован как агент разведки ГДР. Брандт взял на себя политическую ответственность и подал в отставку с поста федерального канцлера. Определенную роль в отставке сыграли и личные отношения в руководстве СДПГ. Влиятельный лидер фракции Х. Венер полагал, что коалиции нужен более сильный и решительный канцлер. Ряд исследователей считает отставку Брандта делом рук руководства ГДР, которое было заинтересовано в дискредитации канцлера, поскольку стремилось не допустить смягчения идеологических противоречий с ФРГ в рамках «новой восточной политики».

«Эра Брандта» стала одной из ярких страниц в истории ФРГ. Немецкий историк М. Гёртемакер охарактеризовал ее как «переоснование республики», имея в виду масштабность реформ в области внешней и внутренней политики. Хотя не все из намеченного удалось сделать – слишком обширный круг реформ был определен, политика Брандта доказала способность демократической системы «настраиваться» на общественные изменения и учитывать их в политическом процессе, а он сам внес большой личный вклад в произошедшие перемены. «Новая восточная политика» укрепила международный авторитет ФРГ, ее отношения с западными державами стали строиться на более равноправной основе. Брандту удалось дополнить прозападную политику Аденауэра и его преемников гибкой и дальновидной восточной политикой.

ФРГ в период канцлерства Х. Шмидта

Экономическая и социальная политика

Отставка Брандта, хотя и стала потрясением для общественности, не привела к политическому кризису. Своим преемником Брандт назвал министра экономики и финансов Хельмута Шмидта,

получившего поддержку в бундестаге. Новый федеральный канцлер обладал помимо политического опыта такими качествами, как энергичность, уверенность и решительность. Политический стиль Шмидта был во многом противоположен Брандту — минимум эмоций, максимум прагматизма. Нового канцлера вскоре начали в шутку называть «железным».

В составе правительства также произошли важные изменения. Вице-канцлером и министром иностранных дел стал представитель СвДП *Ханс-Дитрих Геншер* (род. 1927), занимавший ранее пост министра внутренних дел. Он сменил Вальтера Шееля, избранного 15 мая 1974 г. федеральным президентом.

Финансово-экономическая ситуация в середине 1970-х гг. была крайне неблагоприятной. Пик экономического кризиса, носившего мировой характер, пришелся на 1975 г. При этом впервые наблюдалось явление стагфляции — одновременного падения производства и роста цен, что стало отражением кризиса политики «глобального регулирования». Правительство Шмидта было вынуждено вплотную заняться антикризисным управлением.

Оно предприняло попытку санации бюджета: был повышен размер взносов страхования по безработице, сокращены некоторые статьи расходов. Сэкономленные бюджетные средства были использованы для увеличения инвестиций. Они стимулировались путем ослабления налогового бремени для производителей, на четверть к началу 1980-х гг. сдерживания роста тарифных ставок заработной платы. Решительные и энергичные действия правительства способствовали преодолению стагфляции. В 1976 г., раньше, чем в других странах Запада, началось оживление экономики, перешедшее в фазу роста, который продолжался до 1980 г.

В октябре 1976 г. состоялись очередные выборы в бундестаг. ХДС/ХСС строили предвыборную кампанию на жесткой критике правительства. СДПГ и СвДП подчеркивали тот факт, что экономический кризис 1974–1975 гг. ФРГ пережила легче, чем другие страны, а также то, что благодаря их внешней политике укрепились позиции страны на международной арене. С перевесом всего в 10 мандатов коалиция СДПГ–СвДП осталась у власти, а Шмидт был переизбран канцлером большинством всего в один голос. Результаты выборов стали свидетельством определенного разочарования политикой социал-либеральной коалиции, прежде всего со стороны части избирателей СДПГ, которые ожидали энергичного продолжения реформ.

Финансово-экономическая ситуация во второй половине 1970-х гг. продолжала оставаться сложной. Общая задолженность бюджета всех уровней в период 1970–1979 гг. увеличилась со 125 до 420 млрд марок. Уровень инфляции составлял около 4 %. Одной из главных причин финансового неблагополучия был рост социальных расходов, которые в период 1970–1977 гг. увеличились на 117 % и составили 38,4 % расходной части федерального бюджета.

Безработица, носившая прежде, как правило, конъюнктурный характер, с середины 1970-х гг. становится постоянным фактором, что было обусловлено не только снижением темпов экономического роста, но главным образом началом структурных изменений в экономике, связанных с новым этапом НТР и переходом к постиндустриальному обществу. Растущие расходы на выплату пособий по безработице отвлекали средства, необходимые для инвестиций. Еще одним неблагоприятным фактором стали негативные тенденции в демографической ситуации. Сокращение, начиная с середины 1960-х гг., рождаемости и рост продолжительности жизни меняли соотношение между работающей частью населения и пенсионерами, ставя под угрозу достигнутый уровень социальных гарантий. Несколько сглаживал эту ситуацию рост числа иностранных граждан, в первую очередь гастарбайтеров и членов их семей: в период 1970–1980 гг. их численность увеличилась с 3 до 4,5 млн человек. В то же время это вызвало ряд проблем социально-психологического характера.

Одним из важных направлений политики социал-либеральной коалиции оставалось движение к большей социальной справедливости. Несмотря на неблагоприятные финансово-экономические условия, правительство пошло на повышение уровня социальной поддержки. Размер пособия по безработице был увеличен с 55 до 68 % от последнего заработка; размер детских пособий, стипендий, дотаций на оплату жилья был приведен в соответствии с уровнем инфляции. Законы о профтехобразовании и охране труда молодежи, принятые не без сопротивления предпринимательских кругов, поскольку увеличивали их расходы, улучшили положение производственных учеников и молодых рабочих. В 1976 г. был принят Закон о высшей школе. Он стимулировал ориентацию обучения в вузах на общественные потребности и сближение с практикой, модернизацию содержания и форм образования, а также финансирование научно-исследовательской работы, в частности посредством заказов предприятий. Закон предусматривал расширение участия студентов в органах самоуправления вузов. Правда, поскольку за-

кон носил рамочный характер, то его конкретное содержание в разных землях отличалось.

Учитывая общественные настроения, правящая коалиция приняла ряд либеральных поправок к семейному праву, в частности, по новому определялись основания для расторжения брака в интересах женщин, была отменена статья, обязывающая жену заниматься домашним хозяйством. В течение нескольких лет в бундестаге велись дебаты по вопросу о праве женщин на прерывание беременности. ХДС/ХСС при поддержке католической церкви требовали запретить аборт. Голосами депутатов от СДПГ и СвДП в 1976 г. было принято решение о возможности прерывании беременности в течение первых трех месяцев по медицинским, генетическим или социальным показаниям. В целях улучшения демографической ситуации, а также положения женщин-матерей, с 1975 г. детское пособие стало выплачиваться на каждого ребенка с рождения до 18 лет, а при продолжении обучения еще дольше. Тогда же был принят закон о выплате пособия женщинам в течение 6 месяцев после рождения ребенка и гарантиях от увольнения.

В целом социальная политика правительства «малой коалиции» имела неоднозначные последствия: улучшение социальной защиты увеличивало финансовую нагрузку на бюджет; значительное расширение системы образования (количество вузов удвоилось, число студентов выросло в 5 раз) не улучшило условий обучения, вузы оказались «перегружены», росла безработица среди лиц с высшим образованием. Таким образом, к концу 1970-х гг. социальное государство ФРГ достигло пределов своего роста.

Угроза терроризма. Серьезнейшей проблемой для правительства стал терроризм, угрожавший внутренней безопасности ФРГ. Уже в конце 1960-х гг. левые экстремисты призывали к «вооруженным акциям против системы». В апреле 1968 г. был совершен поджог в двух крупных универмагах во Франкфурте-на-Майне в знак протеста против «потребительского террора». Террористы использовали латиноамериканскую концепцию «городской герильи» — партизанской борьбы в городах. При этом действия небольших вооруженных групп должны были побудить «угнетаемых системой» к революционной борьбе за свое освобождение, а реакция государства на эти акции должна была сорвать с него «маску демократии», обнаружить его подлинную репрессивную сущность.

Тактика террористических акций стала главной в деятельности созданной рядом активистов распавшегося в 1970 г. СДС, так назы-

ваемой «Фракции Красной Армии» (Роте Армее Фракцион — РАФ), которая летом того же года осуществила серию поджогов и взрывов в торговых центрах. Ограблениями банков и ювелирных магазинов террористы добывали средства для жизни в нелегальных условиях и подготовки новых акций. В июне 1972 г. руководители РАФ ***Ульрике Майнхоф*** (1934–1976), ***Андреас Баадер*** (1943–1977) и др. были арестованы. Оставшиеся на свободе террористы пытались освободить заключенных единомышленников путем их обмена на захваченных заложников. Были совершены десятки терактов или их попыток, в апреле 1975 г. группа террористов осуществила захват посольства ФРГ в Стокгольме. Пик террора пришелся на 1977 г.: были убиты генеральный прокурор ***Зигфрид Бубак*** (1920–1977), председатель правления «Дрезднер Банк» ***Юрген Понто*** (1923–1977), похищен и убит президент Федерального объединения немецких союзов работодателей ***Ханс-Мартин Шлейер*** (1915–1977). В октябре 1977 г. с помощью арабских террористов был захвачен в Сомали самолет «Люфтганзы» с 86 пассажирами. После освобождения заложников находившиеся в заключении руководители РАФ покончили самоубийством, рассчитывая этим актом подвигнуть своих сторонников на новый виток насилия. Наряду с левыми террористами в 1970-е гг. столь же громко заявили о себе и праватеррористические, неонацистские организации, которые также устраивали взрывы бомб, совершали акты вандализма на еврейских кладбищах, погромы в кварталах, где жили гастарбайтеры, и т. д. Размах и жестокость действий террористов потрясли западногерманское общество. Несмотря на различие мнений ведущих партий о характере и объеме необходимых мероприятий, был согласован комплекс мер по противодействию и пресечению террористической деятельности. Были укреплены полицейский аппарат и служба безопасности. Проводились массовые проверки по выявлению лиц, причастных к террористической деятельности, был усилен паспортный контроль. Некоторым террористам удалось скрыться в ГДР, где они были приняты и получили помощь как «борцы с империализмом».

Решительные меры по борьбе с терроризмом, в целом с пониманием встреченные гражданами, вызвали в то же время критику либеральной общественности: оправдывает ли поиск нескольких десятков террористов вмешательство в частную жизнь граждан?

Критику вызвала и практика «запретов на профессию» — такое название получила проверка претендентов на государственную службу в соответствии с принятым в 1972 г. по договоренности Бран-

дта с главами земельных правительств решением о недопущении на государственные и общественные должности лиц с антиконституционными взглядами («указ о радикалах»). При отсутствии четкого определения «радикалов» до конца 1970-х гг. по линии спецслужб прошли проверку около 1 млн претендентов на различные должности в системе государственных и общественных служб — от чиновника и учителя до почтальона и кондуктора. Под давлением общественности и критики из-за рубежа было принято решение производить такие проверки только в случае доказательств причастности претендента на государственную службу к радикальной организации.

Новые социальные движения

В 1970-е гг. происходили заметные изменения в общественном сознании, «смена ценностей», обусловленная формированием «постиндустриального» общества. С учетом высокой интенсивности экономики ФРГ, степени ее нагрузки на окружающую среду, а также высокой плотности населения, на первый план в общественном сознании вышли проблемы экологии. Новые ценности и интересы обусловили и новые формы общественной активности: в 1970-е гг. появляются и быстро растут «новые социальные движения» — экологическое, движение против атомных электростанций, различные «гражданские инициативы».

Популярность, прежде всего среди молодежи, приобрели различные «альтернативные» движения. При всей их разнородности общим был протест против «материалистической системы» и насаждаемых ею ценностей — карьеры, успеха, богатства. Молодежь стремилась создать иную, альтернативную модель повседневной жизни и взаимоотношений между людьми. Кроме издания листовок, различной «альтернативной» литературы, проведения конгрессов и других публичных мероприятий стал практиковаться захват пустующих зданий как протест против дороговизны жилья, а также для практической реализации своих представлений о новых формах коллективной жизни (коммуны).

В 1970-е гг. начинает активно действовать так называемое «новое женское движение», обусловленное изменением положения и роли женщины в обществе. В отличие от «старого» женского движения конца XIX — первой половины XX в., на первый план вышли требования не формального, а фактического обеспечения равных прав женщин. Одним из требований стало «право распоряжаться своим телом», в частности, прервать беременность по своему желанию.

Стали создаваться «женские дома», в которых могли найти убежище женщины, пострадавшие от насилия в браке, «материнские центры», где женщины с маленькими детьми имели возможность общаться, обучаться какой-либо профессии. На страницах феминистской прессы велись дискуссии по широкому спектру женских проблем. Радикально-феминистское крыло выступало с позиций полного противопоставления себя другому полу и отрицало всякую возможность и необходимость диалога и контактов между полами.

Особенно активно развивалось экологическое движение, поскольку проблемы окружающей среды стали притягательным и объединяющим пунктом для самых разных новых социальных движений. На выборах в округах, особенно с расположенными там ядерными объектами, начинается выдвижение кандидатов от «зеленых» и «разноцветных» списков.

Процесс политического оформления движения «зеленых» происходил достаточно сложно, учитывая различные, во многом противоречивые политические и тактические установки его участников. Были и противники создания партии, отвергавшие «формальную демократию». Дискуссии по вопросам тактики показывали широкий спектр предлагаемых действий — от мирных форм протеста, «гражданского неповиновения» до акций с использованием силы и саботажа, от использования нетрадиционных источников энергии (солнца, ветра и др.) до создания «зеленых коммун» как альтернативной формы повседневной жизни.

Этот процесс завершился созданием в январе 1980 г. партии «зеленых» на федеральном уровне. Она обозначила себя как альтернативу традиционным партиям, как левую радикально-демократическую политическую силу. Особенностью новой партии в политическом плане стало наличие разных течений — от умеренного до радикального, в организационном — принцип коллегиальности и ротации руководства.

В отличие от «внепарламентской оппозиции» 1960-х гг. новые социальные движения не стремились к фундаментальному изменению общества и отношений собственности, а ставили перед собой конкретные цели, часто занимаясь решением сугубо практических задач на местном уровне. Согласно оценкам, в 1978 г. в «гражданских инициативах» участвовали 1,8 млн человек, то есть примерно столько же, сколько во всех политических партиях вместе взятых.

Учитывая новые настроения в обществе, ведущие политические партии внесли соответствующие коррективы в свои программные

установки и практическую деятельность, усилив внимание к проблемам экологии, положения женщин, воспитания детей, досуга.

Социал-либеральная коалиция пыталась сделать новые социальные движения своим союзником в политике реформ. Одним из приоритетных направлений стала политика в отношении окружающей среды. В 1971 г. была принята специальная программа правительства, создан совет экспертов в сфере экологии, в 1974 г. — Федеральное ведомство по вопросам окружающей среды. Складывалось экологическое законодательство: были приняты законы, регулирующие устранение и переработку промышленных и бытовых отходов, сохранение чистоты воздуха, охрану окружающей среды при строительстве, законы об охране природы, памятников, о борьбе с шумом, о нормах содержания свинца в бензине и др. В то же время по ряду вопросов складывались непростые отношения между правительством и новыми социальными движениями, в первую очередь это касалось отношения к ядерной энергетике. Движение против атомных электростанций требовало закрыть существующие и остановить строительство новых АЭС, указывая на опасность их деятельности, а также ядерных отходов для окружающей среды и здоровья людей. Акции участников этого движения, носившие нередко радикальный характер, будировали общественное мнение, настраивали его негативно по отношению к атомной энергетике, в то время как правительство во многом связывало с ней надежды на решение энергетических проблем.

Внешняя политика. Усиление «атлантизма»

После отставки Брандта новый канцлер Шмидт и министр иностранных дел Геншер старались придерживаться баланса между сближением с Востоком, обеспечением национальной безопасности и атлантической солидарностью («стратегия равновесия»). Шмидт полагал, что прежнее правительство сделало явный крен в сторону восточной политики, поэтому считал своей задачей скорректировать внешнеполитический курс за счет усиления атлантической направленности и акцентирования внимания на вопросах обороны и безопасности.

На проведение внешнеполитического курса ФРГ очень повлиял кризис политики разрядки, заметно обострившиеся на рубеже 1970-1980-х гг. отношения между Востоком и Западом (ввод советских войск в Афганистан, провозглашение президентом США Р. Рейганом Советского Союза «империей зла», объявление военного положения в Польше, размещение в странах — членах Организации Варшавско-

го договора модернизированных советских ракет средней дальности СС-20 взамен устаревших СС-4 и СС-5). Шмидт полагал, что защита Соединенными Штатами своих западноевропейских союзников явно недостаточна, особенно после отказа США в 1976 г. от производства нового типа ядерного оружия — нейтронной бомбы.

12 декабря 1979 г. сессия НАТО приняла решение разместить на территории Западной Европы 108 американских ядерных ракет «Першинг-2» и 464 крылатые ракеты «Томагавк» наземного базирования («ядерное довооружение»). При этом, с согласия Шмидта, на территории ФРГ должны были разместиться все 108 ракет «Першинг» и 96 крылатых ракет.

«Ракетная политика» повлекла за собой переход к более прагматичному курсу ФРГ в отношениях с СССР и странами Восточной Европы. Наряду с другими странами Запада, ФРГ отказалась от участия в Олимпийских играх 1980 г. в Москве. Замедлился начавшийся при Брандте процесс сближения СССР и ФРГ, хотя Шмидт за период своего канцлерства трижды посетил Советский Союз (1974, 1975, 1981) и дважды принимал с ответными визитами Брежнева (1978, 1981). Охлаждение политических взаимоотношений мало сказывалось на развитии экономических связей. Во время визита Брежнева в 1978 г. было подписано Соглашение о развитии и углублении долгосрочного сотрудничества ФРГ и СССР в области экономики, рассчитанное на 25 лет. ФРГ еще с начала 1970-х гг. стала самым крупным торговым партнером СССР среди западных стран. Поставки советской нефти и газа (в чем западногерманская сторона была особенно заинтересована) составили 80 % потребностей ФРГ. Советские заказы в определенной степени играли стабилизирующую роль в вопросах занятости, что в условиях растущей безработицы было немаловажным фактором.

Европейская политика

Шмидт проводил политику согласования своих внешнеполитических действий с американским руководством и в то же время выступал за усиление позиций ФРГ. По инициативе правительств ФРГ и Франции в ноябре 1975 г., в разгар мирового экономического кризиса, во французском городе Рамбуйе впервые для обсуждения тенденций развития мировой экономики и выработки совместных решений в этой сфере собрались главы государств и правительств США, Великобритании, Франции, ФРГ, Италии и Японии (с 1976 г. седьмым участником стала Канада). С тех пор встречи «большой се-

мерки» проводятся ежегодно. Экономическая, торговая и валютная политика при Шмидте сильнее, чем до сих пор, стала составной частью внешней политики страны. Экономическая сила западногерманского государства повышала его политический вес.

Во второй половине 1970-х гг. была активизирована интеграционная политика ФРГ с выдвижением на передний план отстаивания экономических интересов страны в Европейском сообществе. В этот период заметно сблизились позиции ФРГ и Франции, руководители которых внесли большой личный вклад в развитие европейского интеграционного процесса. В 1974 г. по их инициативе был создан новый орган — Европейский совет на уровне глав государств и правительств, высший орган Сообщества. С 1979 г. стали проводиться прямые выборы в представительный орган ЕЭС — Европейский парламент. Совместно с Францией представители ФРГ заняли жесткую позицию по поводу притязаний Великобритании на изменение порядка финансирования бюджета ЕЭС и сельскохозяйственной политики Сообщества.

Для проведения более эффективной экономической политики по инициативе канцлера ФРГ Шмидта и президента Франции ***Валери Жискар д'Эстена*** (род. 1926) в 1979 г. была создана единая ***Европейская валютная система*** (ЕВС) и введена единая европейская расчетная единица — экю. Шмидт сформулировал принципы создания ЕВС с жесткими пределами колебания курсов (колебания не должны превышать 4,5 %), механизмом поддержания стабильных обменных курсов, общим резервом в 50 млн долларов золотом и в иностранной валюте. Продвижение вперед европейского строительства было направлено на то, чтобы усилить вес западноевропейских государств в трансатлантических рамках.

Распад социал-либральной коалиции

Ведущая партия социал-либеральной коалиции — СДПГ к концу 1970-х гг. столкнулась с рядом проблем, которые обусловили определенное ослабление ее позиций. Часть сторонников СДПГ, прежде всего профсоюзы, не хотели принимать во внимание неблагоприятные изменения финансово-экономической ситуации и требовали расширения социальных гарантий. Таких же подходов придерживалось левое крыло в самой партии, считавшее, что под руководством Шмидта правительство свернуло с курса реформ. В СДПГ не было единства по вопросам атомной энергетики. Острую внутрипартийную дискуссию вызвала инициатива Шмидта о размещении на терри-

тории ФРГ американских ядерных ракет средней и малой дальности как ответ на советские ракеты СС-20. Это решение привело к подъему массового антивоенного движения: в акциях участвовали сотни тысяч человек, протестуя против угрозы стать заложниками в ядерном конфликте «сверхдержав», около 3 млн подписали «Крефельдское воззвание», ставшее манифестом пацифистского движения. Шмидт стал терять поддержку в рядах собственной партии, что ослабляло его позиции канцлера и авторитет СДПГ. Значительная часть молодежи, а также интеллектуально-либеральных кругов, которые поддержали СДПГ в начале 1970-х, оказались разочарованными в ее политике. Эта часть сторонников СДПГ все больше отходила от нее к новым социальным движениям, в частности к «зеленым».

В результате выборов в бундестаг в октябре 1980 г. коалиция СДПГ– СвДП осталась у власти. Одной из причин была невысокая популярность среди избирателей, особенно молодых, кандидата в канцлеры от ХДС/ХСС Франца-Йозефа Штрауса, лидера ХСС и премьер-министра Баварии, которого левые СМИ подавали как «ультраконсерватора».

Однако социал-либеральной коалиции не удалось продуктивно использовать победу на выборах. Главной причиной стало усиление разногласий внутри коалиции в связи с новым обострением социально-экономической ситуации. В 1980–1982 гг. экономика ФРГ пережила серьезный спад, связанный с ухудшением мировой экономической конъюнктуры, выросла инфляция, безработица увеличилась до 2 млн. И если СДПГ продолжала ориентироваться на неокейнсианские подходы, в частности дефицитное финансирование, то СвДП полагала, что эти методы исчерпали себя. Отношения между партиями во второй половине 1970-х гг. постепенно менялись. Если по вопросам внешней политики между обеими партиями сохранялось согласие, то по проблемам финансовой, экономической и социальной политики позиции во многом различались. В СвДП усилилось так называемое «экономическое крыло», которое выступало за изменение принципов экономической политики на основе неолиберализма. К этому подталкивала растущая критика правительства со стороны финансово-промышленных кругов, ведущих союзов предпринимателей. Очевидно, было сближение экономических подходов СвДП и ХДС/ХСС, их коалиционные правительства уже действовали в Сааре и Нижней Саксонии.

В начале сентября 1982 г. министр экономики от СвДП *Отто Ламбсдорф* (род. 1926) представил меморандум «Концепция поли-

тики по преодолению слабости экономики и борьбы с безработицей». В нем были названы основные причины кризисной ситуации: очевидное снижение инвестиций, рост государственных расходов, дефицита бюджета и задолженности, увеличение бремени налогов и сборов на производителей и граждан. Был сформулирован главный вывод: без создания условий для предпринимательской активности невозможно преодолеть кризис в экономике и сфере занятости, что чревато кризисом политической системы. Ламбсдорф был решительным сторонником разрыва коалиции с СДПГ, хотя в СвДП была и противоположная точка зрения. 17 сентября 1982 г. 4 министра от СвДП вышли из состава правительства. В результате консультаций между фракциями ХДС/ХСС и СвДП было решено вынести канцлеру Шмидту конструктивный вотум недоверия и сформировать новое правительство. 1 октября 1982 г. состоялось голосование в бундестаге, в результате которого новым федеральным канцлером был избран председатель фракции ХДС/ХСС, лидер ХДС ***Хельмут Коль*** (род. 1930). Вице-канцлером и министром иностранных дел стал лидер СвДП Ханс-Дитрих Геншер.

3. Консервативно-либеральная коалиция (1982–1989)

Внутренняя политика правительства Х. Коля

Смена правительства в октябре 1982 г. означала не просто переход власти в руки новой коалиции, но была заявлена как «поворот тенденции» *(Tendenzwende)* в политике. Пребывание в оппозиции ХДС/ХСС использовали для организационного и программного обновления. Правительственное заявление канцлера Коля перед депутатами бундестага было озаглавлено «Коалиция центра: за политику обновления» и содержало призыв не только к экономическому, но и «духовно-моральному обновлению».

Хельмут Коль стал первым федеральным канцлером, политическая биография которого складывалась в послевоенное время. Он родился в 1930 г. в небольшом городке в Рейнланд-Пфальце, уже в юности решил сделать политику своей профессией и целеустремленно двигался к поставленной цели: в 17 лет вступил в «Молодой союз» ХДС, через год — в саму партию. Во время учебы во Франкфурте-на-Майне, а затем Гейдельберге он изучал экономику, право, психологию, политологию и историю, в 1958 г. защитил диссертацию на тему «Политиче-

ское развитие Пфальца и восстановление политических партий после 1945 г.», эти знания были с успехом использованы в его политической карьере. В 1959 г. Коль избирается в ландтаг Рейнланд-Пфальца, становится председателем земельной организации ХДС. В 1969 г. он стал самым молодым в ФРГ главой земельного правительства, в 1973 г. был избран председателем ХДС, в 1976 г. возглавил фракцию ХДС/ХСС в бундестаге. Успешной карьере «провинциала» Коля способствовали умение использовать возможности партийного аппарата и кадровой политики, окружать себя сторонниками, убеждать, а в случае необходимости идти на компромисс.

Коль называл себя «политическим внуком Аденауэра», в то же время под его руководством христианские демократы сумели существенно модернизировать свои подходы на принципах современного неоконсерватизма (концепция, сложившаяся в ведущих странах Запада во второй половине 1970-х гг. как реакция на кризис политики государственного регулирования), что нашло отражение в программе ХДС 1978 г. Новые подходы к восточной политике, обращение к проблемам «третьего мира», окружающей среды, образования, положения женщин в обществе существенно укрепили позиции ХДС как «народной партии». Возглавив коалицию ХДС/ХСС–СвДП, Коль считал важным заручиться поддержкой в обществе, по его ходатайству федеральный президент *Карл Карстенс* (1914–1992) назначил на 6 марта 1983 г. новые выборы в бундестаг.

Результаты выборов принесли консервативно-либеральной коалиции убедительную победу: ХДС/ХСС получили 48,8 % голосов, СвДП — 7 %; за СДПГ проголосовали 38,2 % избирателей, впервые в бундестаг прошла партия «зеленых», набрав 5,6 % голосов.

В мае 1983 г. правительство Коля–Геншера представило свою программу, главными задачами которой были названы обеспечение экономического роста, уменьшение безработицы, финансовое оздоровление. В основу программы действий легли предложения министра экономики Ламбсдорфа под девизом «Меньше государства, больше рынка, частной инициативы и ответственности».

Правительство Коля начало с санации федерального бюджета: были уменьшены инвестиции в строительство жилья, расходы на заработную плату работникам в госсекторе, что привело к сокращению их численности. Сокращению подверглись некоторые статьи социальных расходов: пособия на детей были дифференцированы в зависимости от доходов семьи, отменена стипендия для учащихся старших классов школ, а стипендия для студентов переведена на основу ссуды.

Сокращение социальных расходов вызвало критику и обвинения правительства в попытках «социального демонтажа». Однако эти необходимые меры не привели к существенному ослаблению системы социальной защиты, во многом благодаря позиции ХСС, а также лично министра по делам труда и социальной политики ***Норберта Блюма*** (род. 1935), которые были против «шоковой терапии» по образцу политики Маргарет Тэтчер в Великобритании и Рональда Рейгана в США (к тому же ситуация в экономике ФРГ была лучше).

Правительство Коля сделало ставку на стимулирование предложения. Сокращение налогов способствовало не только росту частных инвестиций, но и потребительского спроса. Налоговые льготы облегчали создание новых предприятий в сфере малого и среднего бизнеса. Приватизация почты, а также радио- и телевещания принесла дополнительные средства в бюджет, кроме того конкурентная среда была призвана повысить разнообразие и качество услуг.

Оживлению экономики в ФРГ в 1980-е гг. способствовали улучшение мировой экономической конъюнктуры, снижение цен на нефть, а также активизация интеграционных процессов в Европейском сообществе после некоторого их торможения в 1970-е гг. Создание в 1979 г. Европейской валютной системы ослабило колебание валютных курсов, упростило торговые расчеты, что было важно для ФРГ, поскольку значительная часть ее внешней торговли приходилась на страны ЕС. В 1986 г. положительное сальдо внешнеторгового баланса ФРГ составило 110 млрд марок, по экспортным показателям она вышла на первое место в мире. Рост экспорта стал важным фактором улучшения экономической конъюнктуры на внутреннем рынке.

Благодаря новым экономическим подходам консервативно-либеральной коалиции и позитивным импульсам мирового рынка, макроэкономические показатели ФРГ существенно улучшились: уровень инфляции снизился с 5,2 % в 1982 г. до 0,2 % в 1987 г., уменьшился дефицит государственного бюджета, темпы роста ВВП увеличились от 1,1 % в 1982 г. до 3,7 % в 1988 г. и имели тенденцию дальнейшего роста. В этих условиях стало возможным улучшить социальную поддержку престарелых и семей с детьми: были увеличены размеры пенсий и пособий на детей, снижены налоги на родителей, в одиночку воспитывающих детей.

Таким образом, концепция социальной поддержки правительства Коля, в отличие от прошлых лет, была нацелена на адресную помощь и ориентирована на те категории населения, которые не могли обеспечить себя своим трудом — престарелых, детей, инвалидов. В то

же время были повышены размеры страховых взносов работающих, введена частичная оплата лекарств в рамках страхования по болезни. В целом в 1980-е гг. встал вопрос о реформе «социального государства» в изменившихся демографических и экономических условиях.

Устойчивый рост экономики позволял решить другую важную проблему — резко увеличить расходы на науку и развитие высшего образования. ФРГ по этим затратам от ВНП (2,7 %) вышла к концу 80-х гг. на уровень США и Японии. Увеличились и военные расходы, которые в 1982 г. составляли 50 млрд марок, а в 1990 г. — 56 млрд марок.

Правительство Коля активизировало политику в сфере защиты окружающей среды. Случаи гибели лесов в результате вредных выбросов в атмосферу и катастрофа на Чернобыльской АЭС в СССР в 1986 г. привели к тому, что более две трети граждан ФРГ высказывались против использования атомной энергии в силу ее опасности для человека и природы. В 1986 г. было создано федеральное министерство по делам окружающей среды, охраны природы и безопасности реакторов; с учетом настроений в обществе строительство и ввод в действие новых АЭС были приостановлены. Ряд новых законов дополнил и расширил экологическое законодательство в ФРГ: об использовании очищенного от свинца бензина и установке катализаторов на автомобилях, о предотвращении опасности химических удобрений для человека, животных и природы и др. По уровню законодательной защиты и мероприятий по охране воздуха и водных ресурсов ФРГ к концу 80-х гг. занимала лидирующее положение в мире. Широкие дискуссии вызывал вопрос о соотношении экономического роста и защиты окружающей среды.

Нерешенной проблемой оставалась массовая безработица. Несмотря на появление более 1 млн новых рабочих мест, созданных в условиях оживления экономики, количество безработных в период 1983–1989 гг. превышало 2 млн человек. Попыткой уменьшить остроту ситуации на рынке труда стало предложение правительства проживающим в ФРГ гастарбайтерам, а их число превышало 1 млн человек, вернуться на свою родину, в этом случае им полагалась материальная помощь, в частности возврат средств, выплаченных в виде налогов и страховых взносов. Однако это предложение не встретило поддержки, поскольку большинство иностранцев жило в стране уже во втором и третьем поколениях, кроме того, их материальные перспективы на родине в любом случае были существенно хуже, чем в ФРГ. Стало очевидным, что традиционные представления о взаимосвязи экономического роста и стабильности цен с полной занятостью

не соответствуют новой ситуации, а неолиберальная концепция не располагает рецептом борьбы со структурной безработицей.

«Общество 2/3»

Распределение групп населения по доходам получило у социологов определение «общество 2/3»: когда примерно две трети населения составляют люди с устойчивым материальным достатком, а треть по разным причинам не может обеспечить себя без социальной помощи — безработные, пенсионеры с маленькой пенсией, многодетные семьи, часть молодежи и иммигрантов. В период 1970–1990 гг. число претендентов на получение социальной помощи от государства увеличилось вдвое. В то же время большинство населения ФРГ составил так называемый «средний класс». Неоконсервативная политика правительства Коля привела к тому, что за 1983–1990 гг. особенно быстро росли доходы предпринимателей: они увеличились на 62 %, тогда как заработная плата выросла в среднем на 13 %.

Объем внешней торговли к концу 1980-х гг. превышал 350 млрд долларов. Причем около трети промышленной продукции шло на экспорт. ФРГ производила более 12,5 % мировой промышленной продукции, выйдя по объему ВНП на третье место в мире после США и Японии, а по экспорту товаров — на второе место после США. Доля сельского хозяйства в ВНП составляла 1,1 %, промышленности — 33,5 %, торговли и услуг — 65,4 %. Соответственно этому изменилась и социальная структура западногерманского общества — оно являло классический пример для теории «общества 2/3». В целом рост экономики обусловил повышение уровня жизни большинства населения и стирание резких имущественных различий; например, в 1988 г. 68 % семей имели автомобиль, 98 % — телефон, столько же холодильник, 86 % — стиральную машину и т. д.

Эволюция партийной системы: новый этап

В итоге выборов в бундестаг 1987 г. консервативно-либеральная коалиция во главе с Колем осталась у власти. В то же время правоконсервативная часть избирателей ХДС/ХСС была разочарована в своих ожиданиях «духовно-морального обновления» и восстановления приоритета традиционных ценностей. В результате была образована Республиканская партия во главе с бывшим журналистом баварского радио ***Францем Шёнхубером*** (род. 1923), которая заняла политические позиции справа от ХДС/ХСС, постепенно смещаясь на праворадикальный фланг.

СДПГ продолжала терять избирателей, которые отходили от нее прежде всего к «зеленым». Назрела необходимость программного обновления в связи с изменениями социальной структуры и настроений в обществе. Программная дискуссия в партии завершилась принятием в 1989 г. на съезде в Берлине новой Программы принципов СДПГ. Концепция демократического социализма как стратегической цели партии получила дальнейшее развитие. Большее внимание было обращено на важность демократизации государства и общества в рамках «гражданского диалога», акцентировано внимание на проблемах экологии, а также положения женщин в обществе.

В целом СДПГ продолжала оставаться крупнейшей по численности партией, она сумела не только сохранить, но и укрепить свои позиции в землях, возглавив правительства в Саарланде (1985), Шлезвиг-Гольштейне (1987). В земле Северный Рейн-Вестфалия, крупнейшей по численности населения, СДПГ имела абсолютное большинство в ландтаге. Выдвинулся ряд ярких политиков более молодого поколения — ***Йоханнес Рау*** (род. 1931), ***Оскар Лафонтен*** (род. 1943), ***Рудольф Шарпинг*** (род. 1947), ***Герхард Шрёдер*** (род. 1944). Все это создавало базу для будущего возвращения СДПГ к власти на федеральном уровне.

Существенно укрепились позиции партии «зеленых», которая на выборах 1987 г. получила 8,3 % голосов и прочно заняла место четвертой партии в бундестаге. Одной из причин успеха «зеленых» было разочарование части избирателей традиционных партий. «Зеленые» подчеркивали свое отличие от других и даже называли себя «альтернативной партией»: это проявлялось не только в программном и организационном отношении, но даже в неофициальной манере одежды их политиков и депутатов. Отличия от других партий были и в составе избирателей «зеленых» — больше молодежи, женщин, выше средний уровень образования и профессиональной квалификации.

В партии «зеленых» существовал довольно широкий спектр идейно-политических и тактических установок, однако не исключалась возможность коалиции с другими политическими силами, в первую очередь с СДПГ.

В ландтагах и бундестаге партия «зеленых» и ее лидеры ***Петра Келли*** (1947–1992), ***Йошка Фишер*** (род. 1948), ***Отто Шили*** (род. 1932) и другие накапливали опыт парламентской деятельности, который оказал влияние на дальнейшее развитие партии.

Положение ХДС/ХСС, несмотря на победу на выборах в бундестаг 1987 г., было непростым. Потеря 4,5% голосов, главным образом по

причине высокого уровня безработицы, неудачи на выборах в ряде земель, отсутствие новых идей, невысокий рейтинг лично канцлера Коля вызывали опасения за исход следующих выборов в бундестаг в 1991 г. В руководстве ХДС вынашивалась даже идея смены канцлера с тем, чтобы укрепить позиции партии. Но последовавшие вскоре события, связанные с объединением Германии, показали политическую значимость канцлера Коля.

Внешняя политика

Правительство Коля продолжило усилия по валютной интеграции в рамках ЕЭС. В феврале 1988 г. оно предоставило меморандум «О создании европейского валютного пространства и Европейского центрального банка», по которому именно монетарные факторы — единая валюта и Европейский центральный банк должны были стать катализаторами экономической конвергенции. ФРГ и Италия выдвинули в 1981 г. проект «Единого европейского акта», ставшего одним из этапных документов в углублении европейской интеграции (принят в 1986 г.).

Правительство Коля продолжило курс на активизацию европейского строительства, акцентируя роль в нем франко-западногерманского союза. Не случайно свой первый визит после вступления в должность канцлера Коль нанес французскому президенту ***Франсуа Миттерану*** (1916-1996), подтвердив тем самым, что Франция является самым близким внешнеполитическим партнером для ФРГ. В результате была образована совместная франко-западногерманская бригада и создан франко-западногерманский Совет обороны.

Содействие развитию интеграционных процессов служило, в конечном счете, национальным интересам. Будущее Германии, утверждал Коль, заключается в ее принадлежности к Европе, воссоединение могло и должно было осуществиться только «под европейской крышей».

В первой половине 1980-х гг. внешняя политика Федеративной Республики осуществлялась в условиях нараставшей конфронтации между Советским Союзом и Соединенными Штатами. С одной стороны, Коль укреплял атлантические связи, по-прежнему считая Соединенные Штаты самым важным внешнеполитическим партнером ФРГ. Несмотря на мощные демонстрации сторонников мира, проходившие по всей стране, новое федеральное правительство в ноябре 1983 г. получило поддержку бундестага по вопросу о размещении американских ракет средней дальности на территории ФРГ (в рамках решения

НАТО о «довооружении»). Наряду с другими западноевропейскими странами ФРГ подключилась к объявленной руководством США программе развертывания новой космической системы противоракетной обороны — СОИ («стратегическая оборонная инициатива»). Одновременно Коль добился полного равноправия ФРГ в отношениях с союзниками по НАТО: в 1984 г. были отменены последние ограничения в области военного производства и развития вооруженных сил, закрепленных Парижскими соглашениями 1954 г.

С другой стороны, жесткий курс администрации Рональда Рейгана в отношении СССР в гораздо большей степени, чем на других союзников, оказывал воздействие на внешнюю политику Федеративной Республики. Американская политика конфронтации затрагивала жизненные интересы ФРГ, находящейся на передних рубежах «железного занавеса». К тому же Западная Германия имела гораздо более сильные экономические интересы в торговле с СССР и странами Восточной Европы. Поэтому правительство ФРГ было заинтересовано в возобновлении диалога между СССР и США по вопросам безопасности и разоружения. В 1987 г. оно заявило о поддержке Договора между США и СССР о ликвидации ракет средней и малой дальности и о своей готовности уничтожить размещенные на территории ФРГ американские ракеты «Першинг». Конструктивную позицию заняла ФРГ и на Стокгольмской конференции по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружению в Европе, а также на переговорах по химическому разоружению и сокращению обычных вооружений в Европе, проходивших во второй половине 1980-х гг.

Отказавшись от стереотипов 1950–1960-х гг., правительство под руководством христианских демократов встало на путь продолжения германской и восточной политики, проводимой социал-либеральной коалицией. Усиливается самостоятельность в отношениях с СССР и странами Восточной Европы. ФРГ становится вторым по значению после США партнером СССР в переговорах по разоружению и проблемам безопасности.

В сфере отношений с СССР развивается политический диалог, показателем которого становятся встречи на высшем уровне, хотя сближение происходило не так просто. Визит Х. Коля в октябре 1988 г. в Москву и ответный визит нового советского лидера ***Михаила Сергеевича Горбачева*** (род. 1931) в июне 1989 г. открыли новую главу в советско-западногерманских отношениях, которые должны были, по мнению руководителей двух стран, отвечать «духу времени». Наблюдается заметное сближение позиций ФРГ и СССР по основным проблемам мировой политики. ФРГ по-прежнему оставалась

главным экономическим и торговым партнером Советского Союза среди стран Запада.

Конструктивное сотрудничество двух стран и их руководителей облегчило впоследствии решение ключевой задачи западногерманской дипломатии — вопроса о воссоединении Германии. Отношения ФРГ и СССР имели значение не только для обоих государств, но и для других европейских стран. Они оказывали непосредственное воздействие на политический климат в Европе, содействуя укреплению мира и обеспечению безопасности, являясь фактором стабильности на европейском континенте.

В 1980-е гг. более четко формулируется политика ФРГ в отношении развивающихся стран. Она предполагала значительное усиление экономического проникновения ФРГ в страны Латинской Америки, Африки, Азии и Ближнего Востока. Внешнеэкономическая экспансия западногерманского капитала базировалась, безусловно, на индустриальной мощи страны и отчасти облегчалась отсутствием груза колониальной ответственности в прошлом.

К началу 1980-х гг. ФРГ вышла на третье место в мире после США и Японии по масштабам экономической экспансии на рынки развивающихся стран, а также на третье место после США и Франции по размерам государственных субсидий в рамках «помощи развитию». В 1980 г. помощь ФРГ составила 1 млрд марок на двусторонней основе и 0,5 млрд марок на многосторонней. При ее активном участии принимаются программы по сокращению задолженности 30 беднейшим странам мира.

Политика «помощи развитию» все более подчиняется задачам обеспечения безопасности страны. Обусловлено это было, прежде всего, большой зависимостью ФРГ от снабжения ее сырьем и энергоресурсами, большинство из которых (нефть и минеральное сырье) ввозилось из развивающихся стран. Сотрудничество с этими странами к тому же содействовало созданию новых рабочих мест, что являлось весьма актуальным в связи с высоким процентом безработицы в Западной Германии. «Политика развития» была важным инструментом повышения политической роли ФРГ в мировом сообществе.

Внешнеполитическая концепция Коля была проста: необходимо поддерживать одинаково равные отношения с США и СССР, поскольку односторонние тенденции в политике христианских демократов в 1950–1960-е гг. или социал-демократов в первой половине 1970-х гг. вели к явным перекосам. Внешняя политика страны, по мнению Коля, должна быть сбалансированной. Он считал необходимым закрепить

роль ФРГ как члена мирового сообщества, выступающего за укрепление демократии и международно-правовой системы.

Под руководством Коля к концу 1980-х гг. заметно возрос престиж и политическая активность Федеративной Республики. Она была признана более чем 150 государствами мира. Ее позиция во многом стала оказывать влияние на всю систему международных отношений. Правительству Коля удалось улучшить отношения как с Советским Союзом, так и с Соединенными Штатами. Политика «уравнивания отношений» поставила ФРГ в положение посредника в диалоге Восток–Запад и создала необходимые предпосылки для последующего объединения Германии.

4. Культура и духовная жизнь ФРГ в 1949–1989 гг.

«Консервативная эпоха» (конец 1940-х — первая половина 1960-х гг.)

Образование ФРГ не означало появления в тот же самый момент новой немецкой культуры. В первые десятилетия в ней развивались тенденции, которые обнаружились после краха Третьего рейха. И только в 1960-е гг. появились основания говорить об окончании переходного периода и становлении западногерманской культуры. В процессе перехода «консервативные» тенденции уходили на второй план под натиском сил культурного обновления.

Центрами духовной жизни постепенно вновь становились университеты. Они медленно открывались миру, боясь повторить опыт своей политизации в годы Третьего рейха. В них крупные немецкие мыслители XX столетия создали школы, которые действуют до сегодняшнего дня.

Философское осмысление эпохи определяли, прежде всего, представители экзистенциализма Мартин Хайдеггер и Карл Ясперс. Ясперс решился даже на философский анализ политических вопросов современности, например значения атомной бомбы для будущего человечества. Он заявил, что оккупационные державы принесли свободу немцам в виде Федеративной Республики. Он считал, что свобода является более важным завоеванием, чем воссоединение Германии. Поэтому можно отказаться от воссоединения, если в ГДР будет установлена свободная система. По существу, приоритет свободы над единством в ФРГ не вызывал расхождений во мнениях.

Возникновению «антитоталитарного консенсуса» в ФРГ существенно способствовала ученица Ясперса в Нью-Йорке *Ханна Арендт* (1906–1975) своей книгой «Истоки тоталитаризма» (1951). Заметное влияние на немецкую духовную жизнь оказывал критический рационализм школы Карла Поппера.

К самым важным новшествам университетов послевоенного времени принадлежит растущее влияние социальных наук, в первую очередь социологии и политологии. Ключевые представители критической социальной теории Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер вернулись из Америки во Франкфурт и оказывали серьезное воздействие на духовное и политическое сознание эпохи. Интеллектуальные истоки этого поколения были различны, но они были едины в убеждении, что преподавание социальных наук в университетах являлось необходимым для становления демократии. Социальные науки оказались совершенно необходимыми для осуществления политики и управления, так как они давали интерпретации общественного и политического развития, которые ни государство, ни общество больше не могли игнорировать.

Перемены в университетах и школах осуществляли в основном консервативные деятели, которые верили в высокий уровень немецкой системы образования. Но прекращение бегства из ГДР после возведения Берлинской стены показало заметное отставание ФРГ в сфере образования по сравнению с другими ведущими индустриальными государствами.

Церкви добились признания государством своих основных требований (церковное влияние на школу, конфессиональное право родителей). Второй Ватиканский собор 1962–1965 гг. внес изменения в католицизм (право на частную и общественную собственность, отмена инквизиции и отлучения от церкви, богослужение на родном языке). Все большее значение для католической церкви в проповедях стали играть вопросы мира и разоружения. Заметную роль в деятельности евангелической церкви играли пацифисты во главе с епископом Мартином Нимёллером. Для протестантизма характерным было стремление сохранить единство немецкой нации, поскольку до конца 1960-х гг. евангелическая церковь оставалась единственным общегерманским институтом. До установления Берлинской стены два раза в год проходили общегерманские дни церкви.

В первые годы республики развитие литературы определяли известные писатели-эмигранты Генрих и Томас Манны, Эрих Мария Ремарк, Арнольд Цвейг, Лион Фейхтвангер. Очень важным было открытие до-

ступа немцев к мировой литературе, что помогло выйти из 12-летней духовной изоляции общества. Открытость в духовной сфере определяла упрочение связей ФРГ с Западом, что стало естественным основанием западногерманского культурного и политического самосознания. В 1950-е гг. доминирующими тенденциями в творчестве многих авторов (*Ханс Эрих Носсак* (1901–1977), *Герман Кестен* (1900–1996) и др.) стали апология индивидуализма и экзистенциализм.

Это соответствовало мировоззрению «среднего потребителя» и отражало консервативные настроения. Симптоматичным примером была основанная в 1947 г. «группа 47». Объединение литераторов, которое часто называют центром немецкой литературы в первые два послевоенных десятилетия, нередко выступало за «чистую лирику».

Социально-критическое направление в литературе было связано, прежде всего, с творчеством выдающегося писателя Генриха Бёлля. В романах «Где ты был, Адам?» (1951), «И не сказал ни единого слова» (1953), «Бильярд в половине десятого» (1959), «Глазами клоуна» (1963), рассказах острота этической проблематики, глубина психологического анализа, лиризм сочетаются с резкой, порой язвительной социальной критикой. Наиболее яркими представителями этого направления стали *Гюнтер Грасс* (род. 1927) с романами «Жестяной барабан» (1959) и «Кошка и мышь» (1961), *Вольфганг Кёппен* (1906–1996) с романами «Теплица» (1953) и «Смерть в Риме» (1954), *Зигфрид Ленц* (род. 1926) с романами «Ястреб в небе» (1951), «Дуэль с тенью» (1953) и др.

Одна из главных тем для этих и других авторов — это недавнее тяжкое прошлое, проблема коллективной вины немцев за злодеяния времен нацизма и вины конкретного человека. Новая немецкая литература была максимально чувствительна в отношении прошлого и процессов, происходящих в ФРГ. Она больше не стояла в стороне, став интегральной составной частью культуры нового общества. Симптоматичным для нового понимания роли литературы в обществе стало создание в 1961 г. писательского объединения «Группа 61», которое преимущественно описывало мир труда.

В отличие от литературы, кинематограф 1950-х гг. отличали политическая апатия, эстетическая и интеллектуальная регрессия. Преемственность с предшествующей эпохой выражалась в том, что режиссеры и актеры Третьего рейха активно работали как в жанре игрового кино, так и в фильмах с политическим содержанием. Лидерами кинопроката были фильмы о природе, о войне и так называемые «проблемные фильмы». В военных фильмах изображался трагизм моло-

дого поколения Германии. Конфликты не были отчетливо выражены, но подчеркивались «чистая» традиция вермахта, который оказался под контролем нацистов, и героизм простых солдат. «Проблемные фильмы» рассказывали о повседневной жизни врачей, священников, водителей с их мифами и страхами. Кино было призвано успокоить, сгладить конфликты. Однако появлялись и новаторские работы. Среди них следует назвать блестящую экранизацию романа Генриха Манна «Верноподданный» режиссера ***Вольфганга Штаудте*** (1906–1984).

Большой популярностью у западных немцев пользовались драматический и музыкальный театры. Большое значение для успешного развития театра имело строительство многочисленных театральных зданий. Театр был наиболее динамичной и живой частью культуры послевоенного времени. В театральном репертуаре преобладала классическая немецкая и зарубежная драматургия. Режиссура была представлена такими крупными постановщиками, как ***Фриц Кортнер*** (1892–1970), ***Гарри Буквиц*** (1904–1987) и ***Густав Грюндгенс*** (1899–1963).

50-е гг. ознаменовались также восстановлением традиционных музыкальных фестивалей. Самым значительным событием стало возрождение фестивалей музыки Рихарда Вагнера в Байрёйте с 1951 г. Хотя его организаторам удалось «денацифицировать» любимого композитора фюрера, но президент Т. Хойс избегал своего участия в фестивалях, так же как и либеральные интеллектуалы.

Новая серьезная музыка находила в Западной Германии не только исполнителей, но и заинтересованное отношение публики, которое едва ли когда встречалось прежде. Музыка предлагала большинству немцев встречу с вневременным прекрасным. Композитор ***Ханс Вернер Хенце*** (род. 1926), который начал свое творчество в конце 1940-х гг. инструментальными композициями, достиг крупных успехов.

В истории легкой музыки 1950-е гг. обычно ассоциируются с рок-н-роллом. На самом деле доминирующим музыкальным «товаром» были шлягеры, которые в огромном количестве создавались музыкальной промышленностью. Шлягеры должны были вылечить больное послевоенное общество, поэтому их темы были неизменны — любовь, верность, родина, путешествия в дальние страны.

Но импорт рок-н-ролла из США во второй половине 1950-х гг. потряс и мир детей «экономического чуда». Рок-н-ролл выражал недовольство, недоверие и скепсис, свойственные подростковому и молодежному сознанию. Рок-музыка соответствовала подчеркнуто индивидуалистичному и свободному мировоззрению многих моло-

дых немцев. Симптоматично, что английская группа «Битлз» первоначально получила известность, выступая в клубах Гамбурга.

Многие музеи видели свою важнейшую задачу в том, чтобы обеспечить доступ немцев к современной живописи, отвергнутой национал-социалистами. Немецкие художники послевоенного времени писали преимущественно абстрактные полотна и радикально порывали с нацистским прошлым, образцы искусства которого более не демонстрировались.

Несмотря на отдельные удачи, архитектура 1950-х гг. не получила хороших оценок. В результате нового строительства происходило разрушение архитектурного центра городов. В городах соперничали «традиционалисты» и «модернисты», сталкиваясь в вопросе о «восстановлении» исторических элементов или «новостроек» с полностью измененной архитектурой.

Значительного общественного влияния постепенно добивались радио и телевидение. Просмотр телепередач постепенно стал самым любимым способом проведения свободного времени. Если в 1955 г. было всего около 300 тыс. телевизионных зрителей, то в 1965 г. — 11,4 млн. Началась эпоха телепостановок и сериалов. Интерес зрителей вызывали также политические программы. В 1954 г. телевидение впервые вело трансляции с чемпионата мира по футболу из Швейцарии, на котором команда ФРГ первый раз завоевала первое место, одержав победу над фаворитом — командой Венгрии. Этот успех был одной из самых ярких страниц в истории западногерманского спорта.

Но телевидение по степени влияния пока еще проигрывало газетам и журналам. Федеральные еженедельные газеты представляли широкий политический и религиозный спектр мнений, в то время как партийная пресса, в отличие от Веймарской республики, не играла важной роли. Заметной проблемой становилась возрастающая концентрация прессы. Самым большим издательским концерном владел *Аксель Шпрингер* (1912–1985), которому принадлежало около трети всех ежедневных изданий. Концентрация прессы привела к общественной дискуссии об опасности манипуляции общественным сознанием. Широкое обсуждение этой и других острых проблем общественного развития было признаком наступления нового времени.

Культура и общественная жизнь ФРГ второй половины 1960-х — 1980-х гг.

«Движение 68-го» оказало существенное влияние на культуру ФРГ, обусловило ее политизацию, а также поиск новых форм

и средств отображения в искусстве проблем общественной жизни. Другим важнейшим фактором стала «смена ценностей» в условиях формирования постиндустриального общества. Следствием стали большее многообразие и толерантность в сфере культуры.

Движения протеста второй половины 1960-х гг. изначально приняли характер «культурной революции», противопоставляющей себя «буржуазной» культуре. Это нашло свое отражение в формировании альтернативных субкультур и философских течений, например хиппи. С 1965 г. в изобразительном искусстве утвердилось течение конструктивизма (эксперименты с линиями, формами, цветами), к которому принадлежали ***Вильгельм Вессель*** (1904–1971), ***Хорст Лерхе*** (род. 1938), ***Вальтер Дрексель*** (1890–1973) и др. Левые художники, в частности ***Базон Брок*** (род. 1936), способствовали развитию такого направления в искусстве, как неодадаизм, характерной чертой которого был эпатаж широкой публики. Эти течения, находившиеся в противостоянии не только с массовой поп-культурой, но и с неореализмом, представляемым ***Вольфгангом Петриком*** (род. 1939) и ***Клаусом Фогельзангом*** (род. 1945), носили элитарный характер и потеряли свое значение со снижением студенческих волнений. В 1970–1980-е гг. общую политизацию литературы и искусства сменило доминирование «нового субъективизма», обращение к проблемам личности в самых разных их проявлениях. Характерным для культурной жизни стало постмодернистское разнообразие направлений и течений, стремление деятелей искусства освободиться от ограничений определенных стилей.

Новая общественная дискуссия о Третьем рейхе

Одной из важнейших тем общественных дискуссий оставалось отношение к периоду национал-социализма. Общественный интерес к этим проблемам, ярко проявившийся в 1960-е гг., не ослабевал и в 1970-е. Новым импульсом стал американский 4-серийный фильм «Холокост» о судьбе еврейской семьи в период национал-социализма, показанный в 1979 г. по телевидению и ставший потрясением для немецкого общества. Тема Холокоста, массового истребления европейских евреев, стала одной из центральных в дискуссиях о национал-социалистическом прошлом.

Широкий резонанс вызвало 50-летие «хрустальной ночи» (1988) — начало массовых еврейских погромов в Германии. Появилось большое количество публицистических работ социологов, политологов, юристов, врачей, которые касались различных сфер жизни в период национал-социалистического режима, отношению к нему и поведе-

нию разных социальных и профессиональных групп тогдашнего немецкого общества. Одним из направлений в дискуссии стало обращение к повседневной истории Третьего рейха; в рамках краеведческой работы собирались и изучались материалы по «локальной» истории, создавались «исторические мастерские», инициативные группы вносили предложения по присвоению улицам, школам, университетам имен жертв национал-социалистического режима и участников Сопротивления.

Важным общественно-политическим событием 8 мая 1985 г. стала речь в бундестаге федерального президента ***Рихарда фон Вайцзеккера*** (род. 1920), посвященная 40-летию окончания Второй мировой войны. Вопрос о том, что означает дата 8 мая 1945 г. для немцев, вызывал неоднозначные ответы: не только крах Третьего рейха, но и уничтожение национального единства, страдания «изгнанных» и беженцев, а также попавших в советскую зону оккупации. В своей речи президент сказал о том, что день 40-летия разгрома фашизма — это не юбилей «капитуляции и позора», а «освобождения от фашизма», и что виновными в изгнании миллионов немцев из Судет, Силезии, Восточной Пруссии были не державы-победительницы, а сами немцы, вручившие власть Гитлеру.

Речь Вайцзеккера прозвучала как удар грома. Ведь за 3 дня до этого, 5 мая 1985 г., состоялась официальная церемония посещения канцлером Колем и президентом США Рейганом кладбища эсэсовцев в земле Рейнланд-Пфальц. Президент же ФРГ, аристократ по происхождению, сын нацистского дипломата, сам служивший в вермахте и воевавший под Ленинградом и Москвой, один из лидеров ХДС, отказался от стереотипа правящей элиты ФРГ воспринимать 8 мая только как день катастрофы.

Оценка Вайцзеккера вызвала противоречивые мнения, выраженные в дискуссии, получившей название «спор историков» ФРГ. Его спровоцировал вопрос историка Эрнста Нольте, поставленный им в 1986 г.: не является ли политика национал-социалистов вторичной по отношению к политике большевиков в России и превентивной, обусловленной коммунистической угрозой для европейских стран? Ведь ГУЛАГ и убийства «классовых врагов» в СССР предшествовали Освенциму и убийствам по расовым мотивам в практике национал-социалистов. Нольте утверждал, что «без Ленина не было бы Гитлера», что «ГУЛАГ первичен, а Холокост — вторичен».

Такая постановка проблемы вызвала острую критику в научных и общественных кругах. Философ Юрген Хабермас первым решительно

осудил апологетические тенденции в историографии национал-социализма и заявил, что постановка вопроса Нольте является попыткой если не оправдать, то преуменьшить преступления национал-социалистического режима, лишить их исключительности. Необходимо продолжить его глубокое исследование, которое не обременяет, а наоборот, освобождает национальное самосознание. По мнению Хабермаса, сознательная приверженность принципам демократии смогла утвердиться в политической культуре немцев только через осознание «Аушвитца» (Освенцима), ставшего символом преступлений национал-социализма.

Такую же позицию в «споре историков ФРГ» занял историк Ханс Моммзен, а также большинство ученых и публицистов. Дискуссия о «преодолении прошлого», понимаемого как необходимость выработки иммунитета к любым формам и проявлениям тоталитаризма, которая велась в ФРГ в 1986–1990 гг., приобрела новую актуальность после объединения Германии в связи с необходимостью дать оценку режиму СЕПГ.

Главной тенденцией литературы ФРГ было обращение к социальным темам современности и критическое переосмысление прошлого, прежде всего нацистского. Эти темы нашли отражение в произведениях Ханса Вернера Рихтера, Вольфганга Кеппена, *Макса фон дер Грюна* (1926–2005), Альфреда Андерша и др. В немецкой лирике того времени господствовали конструктивистские тенденции «конкретной поэзии», представленные в творчестве *Хельмута Хайсенбюттеля* (1921–1996) и др., выражающиеся в визуальном воздействии на читателя, построении новой симметрии слов. 1968 г. привел к расколу немецкой литературы. В то время как *Мартин Вальзер* (род. 1927) и Генрих Бёлль приняли леворадикальные идеи, такие авторы, как Зигфрид Ленц и Гюнтер Грасс, остались верны своим либерально-реформистским убеждениям.

Творчество Бёлля, получившего в 1972 г. Нобелевскую премию по литературе, стало своеобразным мерилом для западногерманских писателей. Широкую известность получила его повесть «Поруганная честь Катарины Блюм» (1974), по которому режиссером *Фолькером Шлёндорфом* (род. 1939) был снят одноименный фильм. В нем затронуты важные общественные проблемы, в частности роль СМИ, их весьма вольное подчас обращение с реальными событиями и фактами в угоду сенсационности. Проблемой манипулирования общественным мнением с помощью прессы занимался *Гюнтер Вальраф* (род. 1942) в специфической форме литературно-документальных репортажей. Автор инкогнито занимался различными видами дея-

тельности, в частности был сотрудником массовой газеты «Бильд», что позволило ему «изнутри» глубоко изучить деятельность издательского концерна Шпрингера.

В литературе ФРГ проявляется и течение «нового субъективизма», когда часть писателей отстранилась от своей недавней общественной и политической направленности и обратилась к изучению современной личности с ее желаниями, мечтами и страхами. Поэтому основной формой произведений стали дневники, письма, воспоминания и автобиографические романы: «Классовая любовь» ***Карин Струк*** (род. 1947), «Ленц» ***Петера Шнайдера*** (род. 1940), «Путешествие» ***Бернварда Феспера*** (род. 1938) и т. д. Широкую популярность в 1970–1980-е гг. приобрела так называемая «женская литература», а также романы в жанре «фэнтези».

В кинематографе обращение к острым социальным темам было спровоцировано манифестом 25 режиссеров, операторов и актеров в 1962 г., которые призвали к созданию «нового немецкого фильма», способного осветить истинные проблемы общества. Центральными темами фильмов «Прощание со вчерашним днем» ***Александера Клуге*** (род. 1932), «Все эти годы» и «Это» ***Ульриха Шамони*** (1939–1998) были эмансипация женщин, преодоление моральных табу, взаимоотношения поколений, проблемы «социального дна». Режиссеры ***Райнер Вернер Фассбиндер*** (1945–1982) и ***Вим Вендерс*** (род. 1945) принесли кинематографу ФРГ мировую славу. Их фильмы показывали повседневную жизнь обычных людей без идеализации, свойственной «старому» кино. В фильме Фассбиндера «Замужество Марии Браун» показано влияние войны на человеческие судьбы и характеры, в фильме «Страх съедает душу» рассказывается о любви между пенсионеркой и гастарбайтером.

Развитие театрального искусства происходило в том же ракурсе обращения к социальным темам. «Эмансипированный театр» был создан благодаря работе таких театральных режиссеров, как ***Курт Хюбнер*** (род. 1916) в Бремене и ***Петер Штайн*** (род. 1937) в Берлине. Одной из самых известных пьес стала пьеса Рольфа Хохгута «Наместник» (1963), которую за 10 лет поставили в 60 театрах 26 стран. Такой успех объяснялся тем, что автор привлек неопровержимые исторические документы и впервые обратился к «закрытой» до тех пор теме ответственности и духовенства (наместник Христа на земле — папа Пий XII) за преступления нацизма.

В изобразительном искусстве в рамках неосубъективизма развивались иррационально-романтическое течение (***Герман Нитш***, род.

1938), которое основывалось на мифологии и саморефлексии, и «дикая живопись» (*Ханс-Георг Базелитц*, род. 1938, *Йорг Иммендорф*, род. 1945, и др.), для которой были характерны спонтанность, экспрессивность и цветовая насыщенность. С 1955 г. в Касселе действует "*Dokumenta*" — международный форум современного искусства.

Новые подходы обозначились в архитектуре. Тенденция к полному обновлению застройки исторического центра городов, характерная для 1950–1960-х гг., уступила место стремлению к реставрации в подлинном виде, бережному сохранению исторических памятников и зданий. Постмодернизм в архитектуре проявился в отказе от сугубого функционализма и использовании в строительстве зданий элементов разных стилей. Проекты «экологического строительства» ориентированы на создание гармонии между человеком и окружающим миром.

Постмодернизм в музыке развивался автономно от других видов искусства. «Новая музыка» ФРГ сводилась в основном к экспериментам с классической музыкой и попыткам передачи человеческих эмоций новыми инструментальными способами. Поп- и рок-музыка в значительной степени приобрели интернациональный характер и тенденцию к коммерциализации. Электронная музыка и появление видеоклипов отражали широкий спектр стилей и направлений от диско и панк-групп до психоделического рока. В ФРГ были популярны те же музыкальные группы и исполнители, что и в других странах Запада, в основном англоязычные. Из отечественных исполнителей известность получил *Удо Линденберг* (род. 1946), его песни на немецком языке были как политического, так и лирического характера.

В целом развитие литературы и искусства ФРГ в 1960–1980-е гг. характеризовалось большим разнообразием стилей и жанров.

ГЛАВА VII

ГДР В 1949–1989 гг.

1. «Эра Ульбрихта»: 1949–1971 гг.

Консолидация «режима СЕПГ». Сталинизация Восточной Германии

С самого начала существования ГДР в ней было закреплено политическое господство коммунистов, которые пользовались всесторонней поддержкой Советской контрольной комиссии. Хотя правительство республики было сформировано на коалиционной основе, СЕПГ получила важнейшие министерства. Под руководством генерального секретаря ЦК СЕПГ В. Ульбрихта, который стал заместителем премьер-министра, компартия взяла в качестве образца государственного строительства сталинскую модель Советского Союза. При этом происходило сращивание партийного аппарата с государственными структурами.

В июле 1950 г. III съезд СЕПГ завершил ее преобразование в ленинскую партию «нового типа». Согласно новому уставу, «демократический централизм», который оказывался на практике иерархическим централизмом, должен был усилить ее монолитность и позиции как партии власти.

Контролируя средства массовой информации, образование и культуру, СЕПГ владела монополией на выражение общественного мнения. Народные представительства на всех уровнях исполняли уже в первые годы ГДР декоративные функции. Сталинский вариант марксизма-ленинизма СЕПГ объявила «господствующей идеологией». Принятие советской модели сопровождалось распространением культа личности Сталина, который считался «великим учителем немецкого рабочего движения и лучшим другом немецкого народа».

В качестве инструмента террора СЕПГ использовала министерство государственной безопасности (штази), образованное в феврале 1950 г., которое фактически подчинялось политбюро СЕПГ. С помощью разветвленной сети агентов министерство наблюдало за обще-

ственной жизнью и пресекало деятельность оппозиции в зародыше. Только в 1950 г. суды ГДР осудили свыше 78 тыс. человек, обвиняемых в политических правонарушениях, в том числе 15 человек приговорили к смертной казни. Весной 1950 г. начались «вальдхаймские процессы» против заключенных, которые ранее находись в советских «спецлагерях». Среди 3300 обвиняемых далеко не все являлись бывшими нацистами и военными преступниками. Тем не менее, 31 человек были приговорены к смертной казни. Юридических защитников имели только те, кто стал участником 10 показательных процессов, использованных также для устрашения колеблющихся граждан, которые не были ни противниками, ни сторонниками системы.

Германская демократическая республика

Руководство СЕПГ применяло репрессии также против «врагов партии», обнаруженных в собственных рядах, оппозиция или фракции внутри партии не допускались. Для сохранения единства

партийных рядов применялись массовые чистки. Во время партийной проверки 1950–1951 гг. из СЕПГ были исключены около 150 тыс. членов. Одновременно проводились крупные чистки в руководстве партии. *Пауль Меркер* (1894–1969), член первого политбюро СЕПГ, был исключен из ЦК СЕПГ, а затем, вместе с *Лео Бауэром* (1912–1972) и другими старыми коммунистами — из партии. Меркер «уклонился» от «антисионисткой» линии, когда предложил осудить уничтожение нацистами евреев. Большинство обвиняемых были направлены в Прагу для участия в показательном процессе против бывшего коммунистического лидера Чехословакии *Рудольфа Сланского* (1901–1952). После того как в ноябре 1952 г. Сланский и десять других коммунистических руководителей были осуждены и казнены, в ГДР также начали подготовку крупного показательного процесса. Процесс был отложен, так как в марте 1953 г. умер Сталин. Но Меркер находился в тюрьме до 1956 г.

Другим важнейшим методом обеспечения власти являлась идеологическая обработка населения с помощью отлаженной системы пропаганды. Пропаганда должна была увеличивать число новых сторонников режима, прежде всего среди молодежи. Она скрывала реальное положение дел и оправдывала «временные трудности». Пропаганда изображала образование ГДР как «поворотный пункт» в истории страны. Коммунисты считали себя представителями совершенно новой, прогрессивной Германии, которая раз и навсегда покончила со зловещим прошлым и, благодаря своей тесной связи со служащим ей образцом Советским Союзом, получила гарантию мирного и прогрессивного развития. СССР и его союзники, согласно пропаганде СЕПГ, были самой историей предназначены проложить путь всему человечеству к новому всемирному строю мира и социальной справедливости.

Сталинская модель политического режима не была воспроизведена до конца, поскольку некоммунистические партии не были распущены. СЕПГ нашла новый вариант — так называемую «социалистическую многопартийную систему». Своим существованием партии, входящие в контролируемый СЕПГ Национальный фронт демократической Германии, создавали видимость плюралистической демократии, поддерживали контакты на Западе и были «передаточными ремнями» между СЕПГ и населением. Аресты оппозиционных активистов «буржуазных» партий приводили к запугиванию рядовых их членов и ускоряли установление контроля над партиями Национального фронта. Правление ХДС объявило в июле 1952 г.,

что признает «безоговорочно ключевую роль СЕПГ как партии рабочего класса». ХДС и ЛДПГ присоединились к НДПГ и НКПГ, которые уже при своем учреждении в 1948 г. признали руководящую роль СЕПГ.

Контроль над массовыми организациями позволил СЕПГ распространить свое влияние на широкие слои населения. В 1950 г. Объединение свободных немецких профсоюзов насчитывало 4,7 млн членов, Союз свободной немецкой молодежи — 1,5 млн, юные пионеры-тельманцы — 1,6 млн, Демократический союз женщин Германии — 1 млн и Общество немецко-советской дружбы — 1,9 млн.

Экономическое планирование и начало строительства социализма

Одновременно с утверждением новой политической системы, как и другие страны «народной демократии», ГДР начала переход к директивному экономическому планированию путем принятия советской модели. Главные управления ***Немецкой экономической комиссии*** (НЭК) были преобразованы в министерства, которым были подчинены крупные народные промышленные предприятия. Функции прежней НЭК стала исполнять Государственная плановая комиссия. Народные предприятия были обязаны выполнять производственные планы.

На III съезде СЕПГ в июле 1950 г. был принят первый пятилетний план (1951–1955). Его главной целью было удвоение промышленной продукции по сравнению с 1936 г. при форсированном развитии тяжелой промышленности. В ряде отраслей производства (энергетика, добыча бурого угля, выпуск чугуна) план был завышен. Планировалось распространить государственный контроль над деятельностью 17,5 тыс. частных предприятий, которые производили одну четвертую часть промышленной продукции. Они включались в систему государственного планирования. Продолжалось увеличение доли государственного сектора в экономике. Доля народных предприятий в промышленном производстве выросла с 61 % в 1949 г. до 81 % в 1952 г.

Благодаря огромным трудовым усилиям, а также экономической и технической помощи СССР, Восточная Германия восстановила разрушенную экономику к рубежу 1952–1953 гг. Однако на экономике ГДР тяжелым бременем лежала выплата репараций. В 1952 г. репарационные расходы составили 20 % бюджетных расходов, в стране продолжалась нормированная выдача масла, мяса и сахара, многие товары были дефицитными, а их качество оставалось

В. Ульбрихт

невысоким. Для большей части населения товары в магазинах были недоступными из-за высоких цен.

Но это не помешало СЕПГ заявить о переходе к созданию основ социалистического строя. Сталин на встрече с делегацией ГДР в марте 1952 г. подчеркнул, что, не отбрасывая лозунга о «единой демократической и свободной Германии», руководители ГДР могут развернуть строительство социализма. II конференция СЕПГ в июле 1952 г. подтвердила согласованный с СССР курс на «строительство социализма» как «главной задачи» партии и правительства.

«Строительство социализма» было не реализацией немецкой «национальной модели», а зачастую прямым копированием советской системы. Этой цели служили изменения в государственном устройстве. Руководство ГДР отказалось от прежнего деления страны на 5 земель, образовав 14 округов. Тем самым устранялись остатки федерализма и самоуправления. Усиливалась ведущая роль СЕПГ в управлении страной, в 1953 г. в совете министров ГДР из 40 человек 31 были ее членами.

Государство активизировало наступление на частный сектор в торговле и промышленности. Были повышены налоги на частных предпринимателей. Им чинили препятствия при получении карточек, принуждая покупать продовольствие по завышенным государственным ценам.

II конференция СЕПГ приняла решение о переходе к кооперированию сельского хозяйства. Летом 1952 г. были созданы первые сельскохозяйственные производственные кооперативы (СХПК), которые организовали члены СЕПГ, получившие землю по аграрной реформе. К марту 1953 г. было создано около 3800 СХПК, но большинство крестьян встретило их создание настороженно. Тем, кто отказывался вступить в кооператив, были увеличены объемы поставок по государственным заказам, что вело к разорению крестьян и побуж-

дало к отъезду на Запад. В результате кризиса сельского хозяйства, вызванного политикой властей, в Восточной Германии уже весной 1953 г. возникла проблема нехватки продовольствия. Экономическая политика стала одним из важнейших факторов острейшего общественно-политического кризиса в июне 1953 г., который поставил под вопрос жизнеспособность коммунистического режима.

События июня 1953 г. и их последствия

Предпосылки общественно-политического кризиса. Форсированное «строительство социализма» сопровождалось введением жесткой системы уголовных наказаний за «государственные преступления». Антиправительственные заявления или экономические преступления (спекуляция) наказывались длительными сроками тюремного заключения. За первые три месяца 1953 г. было проведено почти 8 тыс. арестов.

Одновременно режим начал наступление на евангелическую церковь, которая оставалась последним прибежищем оппозиционной мысли. К ней принадлежали около 80 % населения. Высшего пункта «атеистическая работа» достигла в начале 1953 г., когда около 50 священников и их помощников было арестовано.

Ответом на репрессии стало резкое увеличение числа беженцев на Запад. Несмотря на блокирование демаркационной линии, в первой половине 1952 г. 70 тыс. человек покинули ГДР; во второй половине года — 111 тыс. За первые пять месяцев 1953 г. к ним присоединились еще 180 тыс. человек. Но руководство СЕПГ продолжало осуществлять политику «строительства социализма», неадекватно оценивая причины бегства. Комиссия политбюро ЦК СЕПГ по проблемам беженцев, созданная в сентябре 1952 г., пришла к выводу, что разрешить ситуацию возможно «мерами в идеологической области».

Экономический саботаж и «действия врага» были названы причинами ухудшения материального положения жителей ГДР. Руководство СЕПГ считало, что экономические трудности (падение аграрного производства из-за коллективизации, дефицит товаров первой необходимости) можно преодолеть с помощью административных мер. 28 мая 1953 г. правительство объявило о 10-процентном повышении норм выработки в промышленности. Объявление об этом привело к резкому увеличению числа бежавших в ФРГ и обострению признаков кризиса.

Преемники Сталина в Москве были настолько встревожены нарастающим кризисом в ГДР, что склонялись к отказу от «строитель-

ства социализма» в Восточной Германии. Советские руководители заявили Ульбрихту и Гротеволю, которые находились 2–4 июня 1953 г. в Москве, что массовый исход беженцев на Запад создал серьезную опасность для существования ГДР. Они потребовали прекратить форсированную коллективизацию и притеснение частных предпринимателей, ослабить политический и судебный контроль, отказаться от нажима на протестантскую церковь.

Под давлением СССР политбюро ЦК СЕПГ приняло решение о «новом курсе». Он был провозглашен правительством 11 июня 1953 г. и включал общую амнистию всех восточногерманских беженцев, помощь малым и средним частным предприятиям, более либеральную политику в отношении межзональных контактов, выбора места жительства, ослабление кампании против протестантской церкви и др. Репрессии объявлялись ошибочными. Правительство отменяло проведенное ранее повышение цен, но настаивало на увеличении норм выработки с мая.

Провозглашение «нового курса» потрясло членов партии и население. В ЦК СЕПГ поступали сообщения о широко распространенном разочаровании и безверии, хаосе и волнениях среди членов партии. Многие считали заявление ЦК банкротством политики СЕПГ и началом ее краха. Часть населения рассматривала «новый курс» не только как поражение режима, но и как результат западного давления. В ряде мест состоялись демонстрации перед тюрьмами. В Бранденбурге, например, 12 июня около 5 тыс. человек требовали освобождения заключенных, которые были осуждены ранее по сомнительным обвинениям.

Руководство СЕПГ было встревожено, в частности, падением авторитета режима в сельских районах. Непонимание причин остановки коллективизации свидетельствовало о том, что СХПК, как полагали многие крестьяне, будут ликвидированы. Система СХПК была на грани полного краха, и это заставило руководителей СЕПГ сосредоточить внимание на сельской местности, пренебрегая ухудшающейся ситуацией в крупных промышленных городах.

Обещая другим слоям населения облегчение материального положения, «новый курс» ухудшал положение рабочего класса, который в ГДР был провозглашен господствующим. Наиболее отличительной чертой реакции рабочих на «новый курс» была быстрая политизация их требований. Они требовали не только аннулировать увеличение норм выработки, но и отставки и наказания руководителей, ответственных за ошибки. На собраниях рабочих выдвигались лозунги

«Избавимся от руководителей СЕПГ» и «Избавимся от социализма». Эти лозунги уже 11 и 12 июня сопровождали демонстрации протеста и забастовки рабочих, с которыми 13 июня отказался встретиться премьер-министр Гротеволь.

Волнения 16–17 июня и советское вмешательство

Утром 16 июня, во время встречи агитаторов СЕПГ со строительными рабочими, директор приказал закрыть ворота стройплощадки. Рабочие решили, что они будут арестованы. Разрушив ворота, несколько сотен рабочих направились в центр города, их количество по мере движения выросло. По пути они призывали начать 17 июня всеобщую забастовку и демонстрацию. У здания правительства демонстранты потребовали отставки Гротеволя и проведения свободных выборов. Другие рабочие направились к штаб-квартире СЕПГ.

Под давлением демонстрантов, политбюро решило отменить увеличение норм выработки, обвинив в случившемся некоторые министерства и «вражеских провокаторов». Однако, эта мера последовала слишком поздно, чтобы остановить волнения. Шествия рабочих и их стычки с полицией продолжались в разных местах Берлина до позднего вечера.

В ночь на 17 июня на собрании партийного актива СЕПГ Гротеволь и Ульбрихт признали ошибки, критиковали «бездушное администрирование» и полицейские меры. Но они одновременно считали, что для ликвидации кризиса будет достаточно массированной пропаганды. Политбюро ЦК СЕПГ сильно ошибалось относительно будущего развития событий, поскольку новость о волнениях в столице распространилась по всей стране, как лесной пожар.

Рано утром 17 июня рабочие на большинстве предприятий Восточного Берлина решили бастовать и направились к зданию правительства. Они прорвали полицейские заграждения и пытались проникнуть в правительственные здания. Народная полиция, служба безопасности и армия были бессильны помешать протестующим рабочим. Поэтому в 10 часов 30 минут советский верховный комиссар издал приказ о переходе всей власти к советской администрации с резиденцией в Карлсхорсте, где находились также Ульбрихт и Гротеволь. В течение часа советские воинские подразделения, используя танки, восстановили контроль над территорией вокруг дома правительства.

Несмотря на объявление военного положения, демонстрации и столкновения с советскими военнослужащими продолжались но-

ного органа СЕПГ газеты «Нойес Дойчланд» ***Рудольф Херрнштадт*** (1903–1966) поставили вопрос об отставке Ульбрихта. На заседании политбюро 8 июля специальная комиссия, которая расследовала июньские события, предложила провести перестройку в руководстве партии. Цайссер предложил заменить Ульбрихта Херрнштадтом на посту генерального секретаря.

Казалось, что смещение Ульбрихта было делом времени, но вдруг все переменилось. 9 июля Гротеволь вылетел в Москву, где он и другие руководители стран Восточной Европы были информированы об аресте Берии. Падение Берии подорвало позиции Цайссера, наиболее влиятельного оппонента Ульбрихта. Уверенный в поддержке советского лидера ***Никиты Сергеевича Хрущева*** (1894–1971), Ульбрихт перешел в наступление. 18 июля он вынудил Цайссера уйти в отставку. Бывшего министра безопасности и Херрнштадта обвинили в «капитулянтских настроениях», поскольку они якобы предлагали «отдать Восточную Германию Западной Германии». Херрнштадт и ***Антон Аккерманн*** (1905–1973) были исключены из партии. За предложение узаконить право рабочих на забастовку был исключен из СЕПГ и арестован министр юстиции ***Макс Фехнер*** (1892–1973). Затем последовала широкая чистка партийного аппарата. 60 % членов окружных комитетов СЕПГ оставили свои посты, из них 70 % были первыми и вторыми секретарями. Так исход июньских событий, которые должны были привести к падению Ульбрихта, укрепил позиции генерального секретаря.

Июньские события 1953 г. остались незаживающей раной для партийного и государственного руководства до последних дней режима. Чтобы «партия рабочего класса» не была застигнута врасплох новой угрозой, было увеличено число официальных и неофициальных сотрудников безопасности. В заявлении ЦК СЕПГ об июньских событиях речь шла о «фашистском путче», содержалась неопределенная самокритика, были обещаны изменения, а также продолжение «нового курса». Были предприняты меры по улучшению материального положения граждан. Благодаря советской помощи, в октябре 1953 г. правительство снизило цены на товары в магазинах и увеличило зарплату рабочим и служащим на 10–25 %. СССР отказался с 1 января 1954 г. от оставшейся части репараций, издержки на содержание советских войск были снижены до 5 % государственного бюджета ГДР. Все оставшиеся в советской собственности 33 промышленных предприятия (САО — «Советские акционерные общества») были переданы ГДР. В марте 1954 г. между ГДР и СССР было подписано соглашение о предоставлении ГДР полного государственного суверенитета.

Население ГДР получило горький опыт, осознав, что попытки насильственного изменения существующей системы не принесут успеха до тех пор, пока Советский Союз будет гарантировать режим СЕПГ. Ответом на подавление народного выступления стал рост числа беженцев из ГДР в ФРГ: в 1953 г. бежали около 391 тыс человек, в 1954 г. — 184 тыс., а в 1955 г. — 252 тыс. человек.

События июня 1953 г. в историографии

Официальная пропаганда и историческая наука в ГДР называли народные выступления «фашистским путчем». В советской историографии они трактовались как «контрреволюционный путч», который был подготовлен при участии западногерманских и американских правящих кругов. После 1991 г. доступ историков к ранее секретным архивам стал более широким, что способствовало появлению в российской историографии более объективных, лишенных политизации, интерпретаций июньских событий 1953 г.

По мнению большинства современных российских германистов, главной причиной июньского кризиса стали серьезные просчеты и ошибки как советского, так и восточногерманского руководства, совершенные еще при жизни Сталина. Дестабилизации ситуации во многом способствовали также волюнтаристские действия Ульбрихта, которого, по мнению А. М. Филитова, поддерживали и некоторые влиятельные советские политики. Большинство историков полагает, что введение военного положения советскими военными властями было продиктовано необходимостью для СССР выполнить свои обязательства по четырехсторонним соглашениям, чтобы обеспечить порядок и спокойствие. Осторожное поведение западных держав в дни волнений в Берлине позволило советским военным быстро локализовать беспорядки и свести до минимума количество жертв. Одновременно подчеркивается, что было бы неверно недооценивать подрывные действия против ГДР, исходившие от ФРГ и Запада в целом.

Среди российских историков практически никто не сомневается, что случившееся в июне 1953 г. было не более чем волнениями и беспорядками. Пожалуй, подобную трактовку можно считать наиболее важным, принципиальным расхождением с оценками как западногерманской, так и современной немецкой историографии.

В западногерманских исследованиях, начиная с 1960-х гг., события 17 июня 1953 г. обычно оценивались как «восстание рабочих». После объединения Германии многие исследователи стали говорить о «на-

родном возмущении», «народном восстании» или даже о «провалившейся революции».

ГДР во второй половине 1950-х гг.

Кризис июня 1953 г. продемонстрировал, что утверждение официальной пропаганды о ГДР как «государстве рабочих» являлось мифом и привело к подрыву легитимности власти СЕПГ. Партия теперь была вынуждена уменьшить темпы социально-экономической трансформации. Советское руководство во главе с Н. С. Хрущевым в отношении ГДР предпочитало действовать осторожно. Москва убедилась в необходимости отказа от прямой опеки немецких «друзей» и перешла к косвенному контролю над Восточной Германией. Советский Союз, признав государственный суверенитет ГДР, сохранил контроль над безопасностью и ее внешней политикой, оставив на ее территории свои войска (подробнее см. раздел о внешней политике ГДР). На заседаниях Политбюро и пленумах ЦК СЕПГ продолжали присутствовать советские представители.

Повышение статуса ГДР в отношениях с Советсим Союзом повлекло за собой усиление позиций Ульбрихта в восточногерманском руководстве. Используя опасения Хрущева по поводу возможности возникновения нового кризиса в «социалистическом лагере», как это было в Польше и Венгрии осенью 1956 г., а также свои личные доверительные отношения с Хрущевым, Ульбрихт быстро расправился с новой внутрипартийной оппозицией, которая возникла как ответ на десталинизацию, начатую в СССР.

В феврале 1956 г. Хрущев на XX съезде КПСС осудил «культ личности» Сталина. Советская критика сталинизма была для СЕПГ полной неожиданностью. Но Ульбрихт быстро сумел найти нужный стиль поведения. Уже 4 марта 1956 г. в газете «Нойес Дойчланд» Ульбрихт вычеркнул Сталина из списка «классиков» марксизма-ленинизма. Он критиковал официальный образ Сталина и требовал от СЕПГ покончить с культом личности отдельных руководителей в ГДР.

Гибкость Ульбрихта не могла скрыть растущего беспокойства в руководстве СЕПГ по поводу десталинизации. Оно уклонилось от дискуссии о сталинизме на III партийной конференции (март 1956 г.), которая была посвящена проблемам экономики. Доклад Хрущева был представлен делегатам конференции в виде выдержек. Политбюро ЦК СЕПГ утверждало, что в партии никогда не было культа личности и массовых репрессий, поэтому нельзя допускать «уничижительной критики ошибок». Пленум ЦК в июле 1956 г. пересмотрел более

ранние решения в отношении «титоизма» и потребовал преодолеть догматизм в работе. «Борьба против догматизма» заменила в ГДР открытую критику сталинизма как системы.

Были освобождены из тюрем около 21 тыс. заключенных. Последовала реабилитация бывших партийных руководителей, которые в 1953–1954 гг. были выведены из состава Политбюро и уволены с других партийных постов. Но заметного политического влияния реабилитированные противники Ульбрихта уже не могли достичь.

Понимание Ульбрихтом десталинизации как угрозы его личной власти привело к ужесточению борьбы против инакомыслия. В конце 1956 г., после подавления «контрреволюции» в Венгрии, философ ***Вольфганг Харих*** (1923–1995) и ряд известных публицистов были арестованы. Их осудили в марте–июле 1957 г. на длительные сроки, как членов «антигосударственной группы». Харих был приговорен к десяти годам тюремного заключения.

Оппозиция «группы Хариха» была антисталинской, но не антикоммунистической. В своей «платформе» она провозглашала: «Мы хотим оставаться на позициях марксизма-ленинизма. Но мы хотим уйти от сталинизма». Эти взгляды отражали реформистскую эйфорию интеллектуалов, рожденную XX съездом КПСС.

Но, в отличие от июня 1953 г., с оппозицией интеллектуалов была связана оппозиция в руководстве СЕПГ. Второй человек в партии, член политбюро ***Карл Ширдеван*** (1907–1998), шеф госбезопасности ***Эрнст Волльвебер*** (1898–1967), секретарь ЦК ***Герхарт Циллер*** (1912–1957) в целом разделяли идеи «платформы Хариха». Поддержку им в политбюро оказал также заместитель главы правительства ***Фриц Зельбманн*** (1899–1975).

В качестве ответа на появление оппозиции Ульбрихт на пленуме ЦК СЕПГ в октябре 1957 г. провозгласил начало борьбы с «ревизионизмом». Волльвебер был заменен своим заместителем ***Эрихом Мильке*** (1907–2000), а затем исключен из состава Центрального комитета, Ширдеван — из Политбюро. Циллер совершил самоубийство. Все они были обвинены Ульбрихтом в «создании фракции» и нарушении единства партии: проступок, за который коммунистические партии со времен Ленина безжалостно карали отступников.

Внутрипартийная чистка, которая последовала после исключения высших функционеров, свидетельствовала о том, что оппозиционеры рассчитывали на поддержку многих членов партии и деятелей науки и культуры. В 1958–1961 гг. со своих постов были удалены 105 ответственных работников окружных комитетов СЕПГ, в том

События 17 июня 1953 г. в Восточном Берлине

чью и в течение нескольких последующих дней. Согласно подсчетам советских военных, 17 июня бастовали 80 из 200 тыс. берлинских рабочих. Более 500 тыс. человек протестовали против режима, против присутствия советских войск по всей стране, иногда разрушая тюрьмы и учреждения СЕПГ. В Галле-Мерзебурге и Магдебурге забастовочные комитеты рабочих на короткое время захватили власть, освободили заключенных и сформулировали политические лозунги, направленные против политики СЕПГ. Число погибших во время подавления этих волнений составило, по разным данным, от 25 до 50 человек, до 300 было ранено. Погибло и 3 функционера СЕПГ. Есть сведения о том, что около 40 советских солдат были расстреляны за то, что отказались от выполнения приказа стрелять в демонстрантов. Арестам было подвергнуто около 16 тыс. демонстрантов и забастовщиков. Всего волнения охватили около 400 населенных пунктов. Советское руководство сочло положение очень серьезным, в Берлин 17 июня в качестве представителя Президиума ЦК КПСС прибыл маршал Соколовский. Советские войска (на территории ГДР было расквартировано шесть армий, насчитывавших около 500 тыс. солдат и офицеров) взяли под охрану важнейшие объекты, чрезвычайное положение было введено в 167 из 217 городских и сельских округов ГДР. Берия по телефону из Москвы спрашивал: «Почему Семенов (Верховный комиссар СССР в Германии ***Владимир Семенович Семенов***, 1911–1992. — *Авт.*) жалеет патроны?»

Но, по многочисленным свидетельствам, советские солдаты вели себя очень сдержанно, не стреляли в толпу на поражение. В основном по демонстрантам стреляли бойцы народной полиции ГДР. Военное положение в Восточном Берлине было отменено только 10 июля.

Преодоление кризиса в руководстве СЕПГ

События 16–17 июня вызвали кризис внутрипартийного руководства. 21 июня на внеочередном пленуме ЦК министр госбезопасности ***Вильгельм Цайссер*** (1893–1958) и шеф-редактор централь-

числе 7 первых и 16 других секретарей. В различных университетах было арестовано 65 человек, которые принадлежали к оппозиционным группам.

Позиция «немецкого Ленина», как иронически называли Ульбрихта, после устранения его критиков стала еще более сильной, чем прежде. Столяр из Лейпцига, которому 30 июня 1958 г. исполнилось 65 лет, увидел на примерах польского и венгерского кризисов необходимость самому определить рамки процесса обновления и провозгласить борьбу против «ревизионизма». Его позиции заметно укрепились еще и потому, что польские и венгерские события 1956 г. стали серьезным потрясением коммунистической системы и подтолкнули Хрущева к постепенному отказу от радикальной десталинизации. Боязнь Москвы потерять Восточную Европу дала шанс таким догматикам, как Ульбрихт, сохранить свою власть. Главной же причиной не только сохранения, но и упрочения власти СЕПГ и ее лидера были некоторые вполне реальные достижения в развитии народного хозяйства ГДР. К концу 1955 г. (года окончания первой пятилетки) ГДР вышла на второе место после СССР среди социалистических стран по уровню промышленного производства. Была создана собственная металлургическая база (крупные комбинаты «Ост» и «Вест»), в Ростоке, Варнемюнде, Штральзунде были построены новые морские порты. Экспорт ГДР за годы первой пятилетки увеличился почти в три раза, в основном это была продукция машиностроения, электротехники и точной механики, которая экспортировалась в 112 стран.

Все это позволило увеличить зарплату рабочим и служащим. Если средний уровень доходов населения в 1954 г. составлял 311 марок в месяц, то в 1955 г. — 432 марки. Уровень жизни постепенно повышался. В октябре 1957 г. были снижены розничные цены, в мае 1958 г. были отменены продуктовые карточки. Значительные средства были израсходованы на строительство больниц, домов культуры, университетов, детских садов и т. д. Число студентов увеличилось с 30 тыс. в 1951 г. до 75 тыс. в 1955 г.

ГДР на рубеже 1950-1960-х гг.

Строительство Берлинской стены. Свое первое десятилетие ГДР отметила утверждением нового государственного флага. Черно-красно-золотой государственный флаг был дополнен эмблемой: молот и циркуль в обрамлении венка пшеничных колосьев. Это должно было не только символизировать союз рабочего класса, крестьян и интеллигенции, но и способствовать оформлению национальной

идентичности восточных немцев. Более крепко привязать граждан к государству СЕПГ надеялась за счет улучшения их благосостояния.

Многие люди, казалось, свыклись теперь с условиями жизни. По данным западногерманских опросов беженцев из ГДР, трудящиеся считали дома отдыха, культуры или поликлиники «достижениями социализма». Для многих опрошенных возможность профессиональной самореализации в различных сферах жизни и отсутствие безработицы имели большее значение, чем режим СЕПГ. Ситуация не соответствовала распространенному на Западе стереотипу, что произвол коммунистов подавлял население, ориентированное на Запад. Если большинство граждан и не идентифицировало себя с ГДР, то многие постепенно свыклись с режимом.

На V партийном съезде СЕПГ в июле 1958 г. Ульбрихт выдвинул тезис, что народное хозяйство ГДР должно развиваться так, чтобы доход на душу населения превзошел уровень Западной Германии. Формула «догнать и перегнать ФРГ» принимала в расчет установки Хрущева, который хотел «догнать и перегнать Америку». Для достижения намеченной цели СЕПГ в 1958 г. инициировала проведение реформы управления экономикой. Большинство промышленных министерств было передано под контроль Государственной плановой комиссии. По примеру СССР, второй пятилетний план (1956–1960) был заменен новым семилетним планом (1959–1965). Он включил в себя два последних года второй пятилетки, что свидетельствовало о желании СЕПГ скрыть невыполнение завышенных заданий: даже при безупречном функционировании экономики нельзя было к 1961 г., как планировалось ранее, наверстать отставание от западногерманского уровня. Потребление ГДР составляло 25 % потребления ФРГ, а производство — 30 %.

Правительство активизировало меры по кооперированию крестьян. Если за 1955–1957 гг. было образовано 5444 СХПК, то только за 1958 г. их было создано свыше 3 тыс. Хотя СЕПГ заявила, что при вступлении в кооперативы действует «закон добровольности», ее «агитационные» бригады подталкивали крестьян к «добровольному» вступлению в СХПК. Министерство госбезопасности провело аресты крестьян, открыто сопротивляющихся коллективизации.

В начале 1960 г. СЕПГ поставила задачу вовлечения в кооперативы всех крестьян-единоличников. К лету 1960 г. в СХПК вступили почти все крестьяне ГДР. Теперь 19 345 кооперативов обрабатывали около 85 % сельскохозяйственных угодий ГДР (государственные предприятия — 6 %). В 1961 г. «социалистический сектор» (народные имения

и кооперативы) производил 90 % валовой аграрной продукции. Аналогичные перемены происходили в ремесленном производстве и в розничной торговле.

Главным экономическим и политическим препятствием на пути «строительства социализма» в ГДР, по мнению ее руководства, было бегство восточных немцев в ФРГ. В 1949–1961 гг. из ГДР бежали 2,7 млн человек. Поскольку бежали, прежде всего, люди работоспособного возраста, то это оказывало на экономику ГДР негативное влияние. Только в 1954–1961 гг. страну покинули около 5 тыс. врачей, 960 аптекарей, 132 судьи и прокурора, 679 адвокатов и нотариусов, 752 преподавателя высшей школы, 16 724 преподавателя средней школы и 17 082 инженера и техника. Руководство страны все более опасалось экономического кризиса: убытки, понесенные в связи с бегством, составили до августа 1961 г. 120 млрд марок.

Бегство почти всегда осуществлялась через Берлин: на электричке или метро, на велосипеде или пешком можно было просто и почти безопасно проникнуть из восточной части города в западную. Пересечение же хорошо охраняемой межзональной границы между ГДР и ФРГ было сопряжено с высоким риском. Западный Берлин был «витриной Запада», которая снижала эффективность официальной пропаганды, поскольку программы радио и телевидения, которые транслировали западногерманские СМИ, принимались на большей части ГДР. Западный Берлин был также форпостом многочисленных западных спецслужб.

Берлинская проблема была головной болью и для советского руководства. В ноте от 27 ноября 1958 г. СССР потребовал в ультимативной форме от западных держав в течение 6 месяцев предоставить Западному Берлину статус «демилитаризованного вольного города». В противном случае Советский Союз готов был действовать в одностороннем порядке. Так начался второй Берлинский кризис.

Советский ультиматум, форсирование коллективизации сельского хозяйства и кооперирования ремесленников привели к лавинообразному росту числа беженцев. В 1959 г. ГДР покинули 144 тыс., в 1960 г. — 203 тыс., в июле 1961 г. — 30 тыс., а лишь за 12 дней августа 1961 г. — 48 тыс. граждан.

Чтобы остановить этот процесс, в марте 1961 г. на заседании руководителей ***Организации Варшавского Договора*** (ОВД) Ульбрихт предложил план установления барьера из колючей проволоки вокруг Западного Берлина. Хотя Хрущев отклонил предложение Ульбрихта, руководство ГДР вело в тайне подготовку к блокаде Западного Бер-

лина. За подготовительные мероприятия отвечал секретарь ЦК по вопросам безопасности *Эрих Хонеккер* (1912–1994). На встрече первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий стран — участниц ОВД в Москве 3–5 августа 1961 г. Хрущев призвал страны блока оказать срочную экономическую помощь ГДР. Но они воздержались от предоставления немедленной помощи и согласились с планом Ульбрихта блокировать Западный Берлин.

В ночь с 12 на 13 августа 1961 г. народная полиция и подразделения армии ГДР окружили Западный Берлин заграждениями из колючей проволоки. Позже была построена бетонная стена высотой до 4 м и протяженностью более 150 км, из них свыше 45 км — внутри города. По сути, это были две параллельные стены, отстоявшие друг от друга примерно на 100 м. По всему периметру стены были установлены наблюдательные вышки, а ее охрана получила приказ стрелять в нарушителей. Стена унесла жизни 80 человек: пограничники ГДР стреляли в тех, кто пытался эту стену перепрыгнуть, перелететь, сделать подкоп. В официальном заявлении Совет министров ГДР назвал закрытие границы ответом на «обострение реваншистской политики» Западной Германии и «систематическую вербовку граждан ГДР». СЕПГ в своей пропаганде называла Берлинскую стену «антифашистским валом». В тех условиях для сохранения стабильности существующей системы руководство ГДР не видело иной альтернативы. В глазах общественного мнения стран Запада Берлинская стена стала символом раскола Европы и мира, самым ярким символом холодной войны.

«Жизнь за стеной». ГДР в 1960-е гг.

Изменения во внутренней политике

Для немцев в ГДР 13 августа 1961 г. началась новая эпоха. СЕПГ продолжала укреплять силовые структуры. В январе 1962 г. Народная палата ввела всеобщую воинскую обязанность. Идеологическая обработка офицерского корпуса должна была сделать более сильной ***Национальную народную армию*** (ННА), созданную в 1956 г. Ее численность увеличилась со 100 до 140 тыс. человек. Поскольку Советский Союз гарантировал военную защиту ГДР, на армию возлагались в основном внутриполитические функции. ННА и по социальному составу, и по традициям заметно отличалась от бундесвера. Данные о социальной структуре офицерского корпуса свидетельствуют о беспрецедентно высокой доле офицеров — выходцев из рабочего класса: в 1963 г. — 82,7 %. К 1971 г. офицеры-коммунисты составили 98 %.

СЕПГ опиралась не только на силовые структуры, но усиливала идеологическую работу, прибегая при этом к все более гибким методам контроля над обществом. Это стало следствием развития ситуации в СССР, в частности решения XXII съезда КПСС (1961) о выносе тела Сталина из мавзолея. На этот раз Ульбрихт осудил не только культ личности Сталина, но и открыто говорил о его преступлениях. Мертвый диктатор потерял к тому времени свою роль в качестве символа. Шталинштадт-на-Одере был переименован в Айзенхюттенштадт, центральная восточно-берлинская улица Шталиналлее — в Карл-Маркс-Аллее. Был снесен памятник Сталину в Восточном Берлине.

СЕПГ пыталась привлечь новых сторонников посредством шумных идеологических кампаний, в центр которых выдвигались национальные традиции и история рабочего движения. В 1962 г. был принят документ «Историческая задача ГДР и будущее Германии». В нем указывалось, что «победа социализма» в ГДР является предпосылкой для «решения нашего национального вопроса». Документ предлагал в перспективе достичь воссоединения Германии в форме «конфедерации» при сохранении «завоеваний социализма».

В то же время проводилась линия на разграничение немцев двух государств: с января 1964 г. было введено новое удостоверение личности «гражданина ГДР», в 1967 г. был принят закон о «гражданстве ГДР», который идентифицировал два «государственных народа» (ГДР и ФРГ) и «население» Западного Берлина.

Апогеем идеологической кампании, которая велась после установления Берлинской стены, стал VI съезд СЕПГ в январе 1963 г. На нем была утверждена первая программа партии — программа «развернутого строительства социализма». Целью СЕПГ провозглашались создание бесклассового общества и воспитание нового человека. Более молодые функционеры с высшим образованием, среди которых был председатель государственной плановой комиссии *Эрих Апель* (1917–1965), были избраны кандидатами в члены политбюро, что свидетельствовало о новациях в кадровой политике.

«Новая экономическая система»

С июля 1963 г. начались изменения экономической политики в рамках ***«новой экономической системы планирования и руководства»*** (НЭС). Государственная плановая комиссия после консультаций с нижестоящими органами разрабатывала перспективный план на срок от 5 до 7 лет, а также годовые планы. Расширенное само-

управление 82 объединений народных предприятий и самостоятельность предприятий в привлечении сырья и кредитов во внешней и внутренней торговле, а также их полномочия в вопросах цен и сбыта, должны были сделать систему более гибкой. В центр производственной деятельности выдвигалась «материальная заинтересованность» отдельного рабочего и предприятия. «Прибыль» — «капиталистический» стимул — должна была поощрять рабочих к более высоким достижениям. В НЭС просматривались отголоски концепции советского экономиста Е. Г. Либермана, которая легла в основу экономической «реформы Косыгина».

В ходе реформы национальный доход рос ежегодно на 5 %, производительность труда — более чем на 6 %. С 1961 по 1970 гг. производство чугуна увеличилось с 3,8 до 5 млн т, электроэнергии — с 42 до 67 тыс. кВт·ч. Выросло производство легковых автомобилей (в 1961 г. — 64 тыс., в 1970 г. — 126 тыс.).

Подготовка нового семилетнего плана не дошла до завершения. Когда Советский Союз вернулся в 1965 г. к пятилетнему планированию, ЦК СЕПГ последовал за ним. Кроме того, когда партийная номенклатура увидела, что новая система поставила под вопрос ее руководство экономикой, она стала сворачивать НЭС. В июле 1965 г. Ульбрихт назвал председателя Государственной плановой комиссии Апеля ответственным за недостатки НЭС, которые в действительности были связаны с провалом поставок сырья из Советского Союза. 3 декабря 1965 г. Апель был найден в своем рабочем кабинете застреленным. Был ли он самоубийцей или жертвой, до сих пор точно неизвестно. Спустя 12 дней состоялся пленум ЦК СЕПГ. Провозглашенная на нем «вторая фаза» НЭС означала возврат к централизму в управлении экономикой.

Социальная трансформация

Партийно-государственная политика создания «социалистического общества» посредством ликвидации частного сектора в промышленности и кооперирования крестьян привела к значительным социальным изменениям. В 1949 г. в ГДР было 4 млн рабочих и 1,7 млн служащих, в 1955 г. статистика насчитывала 6,5 млн рабочих и служащих (но разделения больше не было). Если в 1949 г. было 1,1 млн самостоятельно занятых и 1 млн помогающих им членов семьи (в том числе 1,4 млн фермеров и членов их семей), то затем число самостоятельно занятых понизилось до 900 тыс., помогающих членов семьи до 650 тыс. Убыль самостоятельно занятых и увеличение числа

работающих по найму вело к прямой зависимости большинства занятых от государства-работодателя. Из общего числа рабочих и служащих в 1955 г. в государственном секторе были заняты 68 %.

Доходы трудящихся заметно выросли, система социального обеспечения и уровень жизни были образцовыми для стран СЭВ. Средний ежемесячный заработок рабочего и служащего вырос к 1970 г. до 762 марок. Примерно половина имеющегося в распоряжении граждан денежного дохода расходовалась на питание и предметы первой необходимости. В 1966 г. на каждые 100 семей приходилось 9 легковых автомобилей (в 1955 г. — 0,2), 54 телеприемника (в 1955 г. — 1), 32 стиральные машины (в 1955 г. — 0,5) и 31 холодильник (в 1955 г. — 0,4). В апреле 1966 г. нерабочим днем была объявлена каждая вторая суббота. Увеличилось количество мест в детских садах и продленных группах школ. По данным ЮНЕСКО, ГДР к концу 1960-х гг. заняла одно из первых мест в мире по обеспеченности детскими садами и яслями.

Социальные изменения и повышение уровня жизни дали Ульбрихту основание заявить, вслед за советским руководством, о возникновении в ГДР новой, «социалистической общности людей».

Новации в законодательстве

Этому обществу должны были соответствовать иные правовые нормы. В 1968 г. в ГДР был принят новый уголовный кодекс. Наказание каторжной тюрьмой упразднялось, применение условного наказания расширялось, наказания за преступления на сексуальной почве были смягчены, параграф о богохульстве был вычеркнут. Список деяний, содержащих состав государственного преступления, охватывал «преступление против суверенитета ГДР, мира, человечества», «саботаж», «антигосударственную миграцию» и «антигосударственную пропаганду».

В 1968 г. была принята новая «социалистическая» конституция. После опубликования проекта состоялось его «всенародное обсуждение» и одобрение на первом (и единственном в истории ГДР) референдуме. Новая конституция вводила понятие «социалистическое государство немецкой нации», что было еще одной попыткой СЕПГ определить идентичность ГДР, отодвинув тему объединения Германии на второй план. Впервые четко было закреплено право СЕПГ на руководящую роль в стране (ст. 1).

Конституционный порядок ГДР заметно отличался от демократического «социализма с человеческим лицом» в Чехословакии. Руко-

водство СЕПГ решительно осудило новый курс ЧССР и расценило «Пражскую весну» как «отказ от социализма в пользу контрреволюции». Ульбрихт настойчиво убеждал советских лидеров в необходимости ввода войск ОВД в Чехословакию. Вооруженные силы ГДР не принимали участия в этой акции в августе 1968 г., ввиду того, что еще была жива память чехов и словаков о немецкой оккупации.

Летом и осенью 1968 г. многие, прежде всего молодые, граждане ГДР, которые симпатизировали «пражской весне» и протестовали против ее подавления, узнали на практике цену гражданских прав, провозглашенных в новой конституции. Сопротивление выразилось в лозунгах на стенах домов и в листовках. Среди протестующих были рабочие, старшие школьники, студенты и интеллектуалы, в том числе и члены СЕПГ. К декабрю 1968 г. было вынесено 522 партийных взыскания, 223 человека были исключены из СЕПГ.

Отставка Ульбрихта

С конца 1950-х гг. происходили медленные, но отчетливые изменения в социальном составе и политическом стиле руководства «партии рабочего класса». В СЕПГ шла борьба между старой политической элитой и более молодыми активистами, которые практиковали новый стиль руководства. «Старая гвардия», представители которой начали политическую деятельность в 1920 и 1930-е г., постепенно уступала ключевые позиции молодым, квалифицированным экспертам, которые получали контроль над государственным аппаратом.

В начале 1960-х гг. позиции лидера «старой гвардии» Ульбрихта были незыблемы. В феврале 1960 г. он стал председателем Национального совета обороны. После смерти 7 сентября 1960 г. Вильгельма Пика должность президента была упразднена. Вместо нее был создан Государственный совет, председателем которого стал Ульбрихт. Сформировался культ личности Ульбрихта. Восхваление первого секретаря партии со стороны ее ведущих активистов принимало иногда гротескные формы, его сравнивали даже с греческим героем Антеем.

Отстранение в октябре 1964 г. от власти в СССР Хрущева ослабило позицию Ульбрихта. Новый советский руководитель Л. И. Брежнев постепенно уменьшал свою поддержку пожилого первого секретаря ЦК СЕПГ в пользу более молодого Эриха Хонеккера, второго секретаря ЦК СЕПГ, который стал рассматриваться в качестве наиболее возможного преемника Ульбрихта. В 1964–1965 гг. группе высших функционеров во главе с Хонеккером удалось ревизовать политику партии в отношении НЭС и в сфере культуры.

Поведение Ульбрихта во второй половине 1960-х гг. все более раздражало советское руководство. Лидер ГДР претендовал на роль ведущего теоретика марксизма-ленинизма, на представление восточногерманского социализма в качестве модели. Своими идеологическими построениями и демонстративным выпячиванием «развитого» социализма ГДР Ульбрихт бросал вызов советскому партийному руководству. В августе 1970 г. он заявил Брежневу: «Мы хотим развивать сотрудничество с СССР как самостоятельное немецкое государство. Мы не являемся Белоруссией, мы не являемся советской республикой».

Руководство СССР фактически отказало Ульбрихту в поддержке. В январе 1971 г. 13 из 20 членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК СЕПГ обратились с просьбой к советскому руководству подтолкнуть Ульбрихта к отставке, что и было сделано Брежневым в апреле во время работы XXIV съезда КПСС. На пленуме ЦК СЕПГ 3 мая 1971 г. Ульбрихт попросил, неожиданно для общественности, освободить его от исполнения обязанностей первого секретаря и избрать Хонеккера в качестве своего преемника. Он остался Председателем Госсовета и занял почетный пост Председателя СЕПГ, который отсутствовал в партийном уставе.

2. ГДР в 1970–1980-е гг.: «эра Хонеккера»

Социально-экономическая политика

Отставка Ульбрихта и избрание первым секретарем ЦК СЕПГ Эриха Хонеккера означали не только кадровую перестановку в руководстве, но и определенное изменение курса социально-экономической политики. На VIII съезде СЕПГ в июне 1971 г. важнейшей задачей было названо «повышение материального и культурного уровня жизни народа», при этом необходимость коренной модернизации экономики оставалась на втором плане. Хонеккер в большей степени, чем Ульбрихт, ориентировался на советскую модель экономического развития. Кроме того, усиление внимания к повседневной жизни — повышение зарплат, пенсий и других выплат, улучшение снабжения населения товарами и услугами, строительство жилья, расширение возможностей для досуга — было средством укрепления позиций СЕПГ и личного авторитета нового лидера.

Одновременно правящая партия стремилась с помощью социально-экономических, а также идеологических инструментов укрепить

и расширить политику «отмежевания» от ФРГ. Актуальность этой задачи существенно возросла в связи с заключением договоров между ГДР и ФРГ, которые породили в обществе определенные надежды на сближение двух государств. В то время как ФРГ с помощью этих договоров рассчитывала на некоторую либерализацию режима в ГДР, в частности на облегчение контактов граждан в разделенной Германии, СЕПГ использовала эти договоры для стабилизации системы, неизменно подчеркивая, что ГДР является «социалистической альтернативой ФРГ».

Новый курс преподносился как обновление политики, при этом проявилось определенное дистанцирование от линии прежнего руководства, считавшего приоритетом экономические реформы. Ульбрихт был постепенно лишен всех постов и отправлен в политическое небытие. В глазах общества, прежде всего интеллигенции, а также молодого поколения, Хонеккер выглядел менее догматичным, с новым лидером связывались надежды на благоприятные перемены.

Социальная политика была существенно активизирована. Повышение пенсий и других выплат охватило около 3,5 млн человек; специальные программы предусматривали помощь молодым семьям, многодетным, а также работающим женщинам с детьми. Программа жилищного строительства предполагала полное решение проблемы с жильем к 1990 г. за счет государственного строительства и предоставления беспроцентных кредитов. Были увеличены ассигнования на медицинское обслуживание, а также развитие физкультуры и спорта.

Э. Хонеккер

Необходимые для этих программ финансовые средства предполагалось изыскать за счет внутренних ресурсов и внешних кредитов. В целях расширения контроля государства над хозяйственной деятельностью в 1972 г. была проведена последняя крупная национализация: около 11,5 тыс. средних и мелких предприятий частной и смешанной

собственности были переведены в полную собственность государства. Включение этих предприятий в народные комбинаты обернулось ухудшением снабжения населения необходимыми товарами.

С середины 1970-х гг. экономическая ситуация в ГДР начала существенно ухудшаться. Увеличение расходов на социальную сферу, в частности дорогостоящую жилищную программу, снизило объем инвестиций в развитие производства и обновление устаревшего оборудования, износ которого составлял 50 % в промышленности и 65 % в сельском хозяйстве. Концепция руководства ГДР предусматривала повышение экономического роста за счет интенсификации производства, увеличения доходов от экспорта, а также западных кредитов. На практике предлагаемые меры не давали ожидаемых результатов. Все более заметным становилось технологическое отставание; уровень производительности труда составлял от одной трети до половины западногерманского. Получаемые на Западе кредиты использовались большей частью не на инвестиции или покупку новых технологий, а на импорт сырья, продовольствия и ширпотреба для населения. В условиях углубления НТР заметным стало качественное отставание, экономика по-прежнему развивалась по экстенсивному пути. Это было характерно для всех стран советского блока и стало одной из причин краха планового социалистического хозяйства.

Растущие экономические проблемы и снижение темпов экономического развития в странах СЭВ сузили их импортные возможности, в том числе для товаров ГДР, для которой они были основным рынком сбыта. Внешний долг стал быстро расти и составил в 1981 г. более 10 млрд долларов; для погашения задолженности нужны были новые кредиты. В 1983–1984 гг. под гарантии правительства ФРГ было получено в общей сложности 1,95 млрд марок. Этот кредит на время смягчил, но принципиально не изменил ситуацию. ГДР остро нуждалась в валюте, однако надежды на увеличение экспорта в капиталистические страны не оправдались из-за низкой конкурентоспособности ее товаров.

Руководство ГДР использовало различные пути получения валюты: доходы от транзитных перевозок товаров ФРГ, выделенные правительством Федеративной республики средства на ремонт и модернизацию путей сообщения между ФРГ и Западным Берлином, обязательный обмен валюты при посещении ГДР западными немцами. Кроме легальных возможностей, использовались продажа за границу антиквариата и произведений искусства, создание подставных фирм за рубежом, продажа оружия. За 1966–1988 гг. таким образом

удалось заработать около 25 млрд марок. Еще одним источником валюты стала «продажа» в ФРГ политзаключенных, их «цена» была дифференцирована в зависимости от уровня образования и квалификации. В период 1970–1989 гг. около 30 тыс. человек таким образом смогли получить свободу и выехать из ГДР, за них было получено 3,2 млрд западногерманских марок, частично в форме поставок товаров из ФРГ.

Несмотря на все принимаемые меры, задолженность ГДР продолжала расти, сумма внешнего долга в 1980-е гг. колебалась в пределах 15–25 млрд западногерманских марок. Ухудшение финансово-экономической ситуации затормозило рост уровня жизни, в частности, поставило под вопрос реализацию жилищной программы, которую СЕПГ называла «ядром социальной политики». Осложнилась экологическая обстановка: во многих районах уровень загрязнения воздуха намного превышал допустимые нормы, треть рек была экологически мертва.

Однако ГДР оставалась «витриной социализма». Важнейшими факторами при этом служили, во-первых, помощь СССР и других стран советского блока форпосту ОВД на стыке двух систем. Во-вторых, важным стимулом было экономическое соревнование с ФРГ. По уровню жизни ГДР выгодно отличалась от других стран советского блока. Однако это благополучие становилось все более относительным, особенно в сравнении с ФРГ. Надо иметь в виду, что фактор сравнения с ФРГ был существенным и во многом влиял на политику СЕПГ. Социальные гарантии становились главным мерилом идентификации граждан ГДР с режимом. Одновременно социальная защищенность играла важную роль в повседневной жизни, способствовала распространению в обществе конформистских настроений.

Общественно-политическая ситуация: от стабильности к кризису

«Режим СЕПГ» в первой половине 1970-х гг. Под руководством Хонеккера СЕПГ существенно укрепила свои ряды путем усиления идейно-политического воспитания кадров и повышения требований к партийной дисциплине, учитывая уроки «Пражской весны» 1968 г. и распространение идей «еврокоммунизма» в ряде западноевропейских компартий. При этом в кадровой политике усилилось недоверие к интеллигенции, ее представителям вступление в СЕПГ было затруднено. Существенно укрепилась и расширилась служба госбезопасности — «щит и меч» режима СЕПГ. Для уси-

ления «превентивной» деятельности была увеличена численность неофициальных сотрудников штази: с середины 1970-х на каждые 100 человек населения ГДР приходился 1 неофициальный сотрудник министерства госбезопасности. Всего в 1989 г. на службе в МГБ состояли 91 тыс. официальных и 173 тыс. неофициальных сотрудников. О повышении роли штази свидетельствовало избрание главы министерства госбезопасности Эриха Мильке членом политбюро.

Важным инструментом режима СЕПГ было «социалистическое воспитание», в первую очередь это касалось подрастающего поколения. В детском саду, затем в рядах пионерской организации и Союза свободной немецкой молодежи насаждалась официальная идеология. Общественно-политические взгляды, наряду с социальным происхождением, стали главными критериями при переходе на расширенную ступень обучения в школе, которая открывала доступ в вуз. В то же время политика по отношению к молодежи была достаточно гибкой с целью обеспечить доверие и поддержку новых поколений существующему режиму. СЕПГ в 1970–1980-е гг. отказалась от запретов джаз- и рок-музыки как «идеологической диверсии». Большое внимание уделялось проведению массовых развлекательных мероприятий для молодежи, а также развитию спорта, действовали многочисленные кружки и клубы по интересам. Была создана сеть магазинов с молодежной одеждой.

Заключение договоров с ФРГ обусловило усиление идейно-пропагандистской деятельности СЕПГ в целях укрепления «идентичности ГДР» на основе теории о «двух нациях», призванной стать противовесом позиции правительства СДПГ — СвДП о «двух государствах, одной нации». В новой редакции конституции 1974 г. говорилось не о «немецкой», а о «социалистической нации». Из названий органов, институтов, организаций было изъято слово «германский», и даже гимн ГДР, текст которого содержал строки «Германия, единое отечество», исполнялся без слов. Политическое образование и воспитание в разных формах — от регулярных политинформаций в трудовых коллективах до массовых мероприятий по случаю государственных праздников — охватывали широкие слои населения.

Благодаря использованию различных инструментов, от социальной политики до пропаганды и контроля, Хонеккер в середине 1970-х гг. достиг вершины своей власти. Подписанием от имени ГДР Заключительного акта СБСЕ в Хельсинки в 1975 г. он приобрел международный авторитет. IX съезд СЕПГ в 1976 г. провозгласил Хонеккера генеральным секретарем партии, вскоре он стал также председателем

Государственного совета ГДР и председателем Национального совета обороны. Партийно-государственная и хозяйственная номенклатура переживала расцвет своих привилегий.

Влияние разрядки международной напряженности на ситуацию в ГДР

С середины 1970-х гг. настроения в обществе начинают меняться, поскольку повседневная жизнь заметно отличалась от заявлений официальной пропаганды. Это касалось и реального повышения уровня жизни, но в большей степени было связано с состоянием прав человека в ГДР. Толчком к этому стало подписание в Хельсинки Заключительного акта, и его публикация в центральном органе СЕПГ газете «Нойес Дойчланд». Особое внимание общественности было привлечено к так называемой «третьей корзине» — разделу, посвященному правам человека. Было очевидно, что ряд основных свобод (слова, вероисповедания, выезда из страны) нарушаются. Подписанием одного из основополагающих международно-правовых документов (а также в духе договоров с ФРГ) власти ГДР были вынуждены «приоткрыть» возможность выезда. В 1975 г. было выдано 13 тыс. разрешений, в 1976 г. — уже 20 тыс., однако число подавших заявление о переселении в ФРГ было намного больше.

Разрешение на посещение родственников или переселение получали в основном пенсионеры, власть пыталась препятствовать выезду лиц трудоспособного возраста и не создавать угрозу для экономики, как это было в 1950-е гг. Переселение и даже временное посещение ФРГ стали серьезными дестабилизирующими факторами для режима СЕПГ. В 1972 г. более 1 млн восточных немцев посетили ФРГ и Западный Берлин, в 1987 г. — более 5 млн. Впечатления от поездок, сравнение условий жизни в ФРГ и ГДР подрывали доверие к официальной пропаганде, порождали скептические настроения.

Выдача разрешений на выезд сопровождалась мерами по укреплению границ ГДР с ФРГ и Западным Берлином. В 1982 г. был принят новый закон, ужесточивший наказание за незаконное пересечение границы. Общее число погибших со стороны ГДР жителей при попытке пересечения германо-германской границы составило около 900 человек.

Непростыми оставались отношения СЕПГ с церковью. Свобода вероисповедания в ГДР была ограничена не только господством официальной идеологии, но и тем, что верующие сталкивались с различными ограничениями, например в профессиональной карьере.

В условиях обострения международной ситуации в конце 1970-х — начале 1980-х гг. ГДР, находившаяся на стыке НАТО и Варшавского договора, оказалась в особенно уязвимом положении. Церковные круги с тревогой реагировали на возросшую угрозу миру и обращали на нее внимание общественности. Руководство церкви разработало программу мероприятий «Воспитание для мира», в которых приняли участие десятки тысяч человек, прежде всего молодых людей.

Церковь была в ГДР единственным несоциалистическим общественным институтом, свободным от идеологического контроля СЕПГ. Церковь предоставляла помещения для собраний, печатную технику для издания воззваний о мире, листовок экологического содержания. Она играла, по существу, роль «оппозиционной партии» в условиях идеологической монополии СЕПГ.

Оппозиционные группы были малочисленны и разрознены; организованного оппозиционного движения, подобного «Хартии-77» в Чехословакии или «Солидарности» в Польше, в ГДР до осени 1989 г. не существовало. Диссиденты не выступали с радикальных позиций; многие из них оставались в рамках коммунистической идеологии и говорили о демократических реформах социализма, а СЕПГ предпочитала выпускать диссидентов на Запад, не прибегая к массовым репрессиям.

Основной формой оппозиции оставался выезд из ГДР на Запад. Число подавших заявление на выезд в ФРГ за 1980–1989 гг. увеличилось в шесть раз, в 1984–1988 гг. ежегодно подавали заявления около 40 тыс. человек. Главными мотивами при этом были отсутствие личной свободы и права выбора, а также неудовлетворенность материальными условиями жизни. В то же время основная часть населения была настроена конформистки и приспособилась к существующей системе. ГДР была в определенном смысле «обществом ниш», в котором граждане искали возможность в повседневной жизни избегать прямого контроля и регламентации со стороны режима, оставаясь при этом пассивно лояльными. СЕПГ всеми средствами пыталась поддерживать общественный консенсус, пусть даже формальный.

Последнее десятилетие ГДР

Несмотря на рост внутренних проблем, руководство СЕПГ не сомневалось в прочности системы. Численность партии достигла 2,3 млн человек, из них около полумиллиона составляла кадровая номенклатура. Членство в СЕПГ обеспечивало возможность карь-

ерного роста в любой профессии. Содержание и формы идейно-пропагандистской деятельности СЕПГ в 1980-е гг., по существу, не изменились, несмотря на появление новых общественных тенденций внутри страны и за ее пределами. На съездах СЕПГ, заседаниях политбюро, в официальных выступлениях руководителей неизменно подчеркивалось продолжение линии на укрепление социализма и курса на строительство коммунизма, руководствуясь примером СССР. Состав политбюро оставался практически неизменным, при этом большинство его членов были старше 60 лет. «Блоковые» партии, объединенные в Национальный фронт ГДР под руководством СЕПГ, выражали поддержку официальной линии. С помощью СМИ создавался культ личности Хонеккера. Официальная пропаганда преподносила радужные картины стабильности и благополучия в обществе.

В то же время в идеологической тактике СЕПГ появились новые нюансы. К этому подталкивали, прежде всего, ухудшение экономической ситуации и рост задолженности, которые увеличивали потребность в новых западных кредитах. К политике «отчуждения» по отношению к ФРГ добавились элементы некоторого сближения, примером этого стал официальный визит Хонеккера в ФРГ в 1987 г. Новые подходы проявились в отношении к истории Германии. Вместо прежнего постулата о «радикальном разрыве с реакционным прошлым» стал использоваться более гибкий подход, при котором на основе селективного метода отбирались «прогрессивные», с точки зрения СЕПГ, события и деятели немецкой истории: Лютер, Бисмарк, Фридрих II. В то же время, оценка периода национал-социализма, его истоков и последствий, по-прежнему основывалась на классовом подходе и тезисе об «априорном антифашизме» ГДР. Признавая общие исторические корни, официальная идеология продолжала называть ГДР альтернативой ФРГ.

Избрание в 1985 г. новым советским лидером М. С. Горбачева и им структурных реформ социализма — «гласности» и «перестройки» — серьезно повлияли на ситуацию в ГДР. Отказ от «доктрины Брежнева», ограничивавшей суверенитет социалистических стран, давал тем возможность самим определять путь дальнейшего развития. Это означало, что внешних гарантий существования ГДР в лице СССР больше не существовало, и что ответственность за ситуацию в стране полностью ложилась на руководство СЕПГ. Хонеккер весьма негативно оценивал «перестройку» и был уверен в том, что политику Горбачева ждет скорый конец.

На заседаниях ЦК СЕПГ Хонеккер впервые заговорил о «специфике социализма в ГДР», который не нуждается в реформах. В качестве аргумента он использовал утверждение, что экономика ГДР работает лучше, чем советская, а уровень жизни выше, чем в других социалистических странах. Позиция Хонеккера и руководства СЕПГ в целом была воспринята в обществе как отказ от реформ, что резко контрастировало с политикой перемен и общественных изменений в соседних Польше, Венгрии, а также в СССР. По сравнению с реформатором Горбачевым, к которому в ГДР было восторженное отношение, Хонеккер представал как ретроград. В самой СЕПГ была определенная растерянность, поскольку Хонеккер не желал признавать очевидное. Среди населения нарастали скептические, и даже оппозиционные настроения.

Лавинообразно росло число желающих выехать из ГДР. К лету 1989 г. около 125 тыс. человек ожидали разрешения на выезд, большинством из них были молодые, хорошо образованные люди. Официальная пропаганда оценивала массовое стремление к выезду как «провокацию со стороны Запада, направленную против социализма». В январе 1989 г. Хонеккер заявил о том, что «Берлинская стена останется еще в течение 50 или даже 100 лет, до тех пор, пока не будут устранены причины ее появления», имея в виду несовместимость политических систем Востока и Запада. Осознание того, что от руководства ГДР бесполезно ожидать реформ, привело народ к радикальным способам действий. Тысячи восточных немцев летом 1989 г. осаждали посольства ФРГ в соседних Чехословакии и Венгрии, где компартии уже были отстранены от власти, пытаясь получить политическое убежище и выехать на Запад. Массовое бегство из страны, остановить которое СЕПГ не могла, дискредитировало ГДР в международном масштабе, стало наглядным доказательством застоя системы и одной из причин ее краха.

К внутренним предпосылкам крушения режима СЕПГ относилось также кризисное состояние финансово-экономической системы, которая не выдерживала бремени внешнего долга. Под вопросом оказалась платежеспособность ГДР. Этим ставились под угрозу реальные социальные гарантии — полная занятость, бесплатные образование и медицинское обслуживание, обеспечение жильем, пенсии, которые играли существенную роль в повседневной жизни и были важным аргументом в «историческом соревновании» с ФРГ.

Режим СЕПГ оказался не в состоянии реагировать на изменения общественных условий, показал неспособность к модернизации,

которая стала объективной мировой тенденцией. По сравнению с другими странами Восточной Европы, захваченными процессом либерализации, ГДР оставалась оплотом доказавшего свою несостоятельность «реального социализма». Важную роль сыграли и другие внешнеполитические факторы, в частности влияние интернациональной культуры, новых идей и форм в развитии цивилизации, от которых было невозможно отгородиться в условиях современных СМИ и информационных технологий.

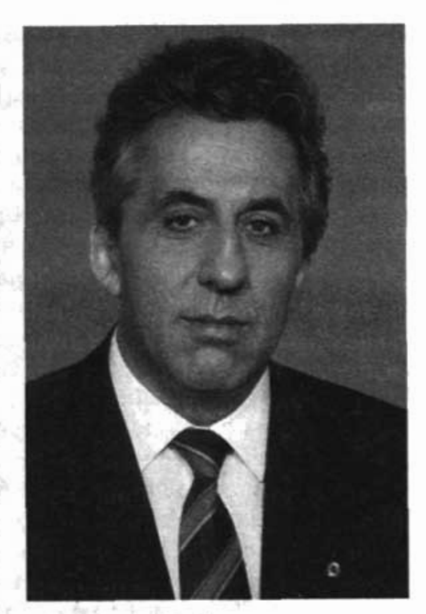
Демократическая революция в ГДР: от протеста к свободным выборам

Кризис «режима СЕПГ». Массовый выезд из ГДР летом 1989 г. стал катализатором движения протеста. В Лейпциге каждый понедельник стали проходить массовые демонстрации с участием нескольких тысяч, а затем десятков тысяч человек. Эти «демонстрации по понедельникам» стали продолжением традиции коллективных молитв о мире, проводимых с начала 1980-х в церкви св. Николая группой участников пацифистского движения. Антивоенные лозунги все больше дополнялись политическими, прежде всего требованиями свободы выезда. Органы госбезопасности, оказавшись не в состоянии предотвратить проведение демонстраций, пытались разгонять их с помощью силы, проводили массовые аресты, но это только еще больше накаляло обстановку.

В сентябре 1989 г. представители около 30 различных оппозиционных групп объявили о создании «Нового форума» — общественной организации для «демократического диалога». Министерство госбезопасности отказало ему в регистрации, усмотрев опасность «антигосударственной деятельности». Призыв «Нового форума» к дискуссиям о жизненно важных общественных проблемах за короткое время подписали более 200 тыс. человек. В течение нескольких недель образовались и другие общественно-политические движения и партии: «Демократия сейчас», «Демократический прорыв», Социал-демократическая партия, «Зеленая партия», Независимый союз женщин и др. Их создание символизировало начало общественных перемен и одновременно нарушило политическую монополию СЕПГ.

Внутриполитическая ситуация обострилась в связи с празднованием 40-летия ГДР, которое по решению СЕПГ проводилось с большим размахом. К нему велась тщательная подготовка, органы госбезопасности, народная полиция и части Национальной народной армии должны были обеспечить порядок и не допустить «провокаций» во

время торжеств. Речь Хонеккера 6 октября была выдержана в традициях официальной пропаганды СЕПГ: он представил радужную картину «успехов и достижений социализма» и ни слова не сказал о массовом выезде и акциях протеста. Почетным гостем юбилейных мероприятий был М. С. Горбачев, который дал понять руководству ГДР, что рассчитывать на поддержку СССР оно может только при условии проведения реформ.

Э. Кренц

Это было воспринято рядом членов политбюро, которые понимали необходимость изменений в политике СЕПГ, как сигнал к смещению Хонеккера для спасения режима. 17 октября было объявлено об отставке Хонеккера «по состоянию здоровья» и избрании новым генеральным секретарем СЕПГ 42-летнего ***Эгона Кренца*** (род. 1937), секретаря ЦК по безопасности, одного из самых молодых членов политбюро, представителя «реформаторов».

На следующий день новый лидер выступил с заявлением, в котором объявил о «повороте» в политике СЕПГ и ее «готовности к диалогу» с другими общественно-политическими движениями. В то же время Кренц повторил тезис о ведущей роли СЕПГ и приверженности социализму. Очевидным было стремление СЕПГ с помощью «косметических» мер сохранить позиции партии и даже попытаться встать во главе общественного движения за обновление.

Однако политические маневры нового руководства не имели успеха, поскольку в способность СЕПГ к проведению демократических реформ уже мало кто верил. Кроме того, набиравшее силу движение протеста обрело собственную логику развития. После десятилетий политического безмолвия пришло осознание значимости и силы общественного движения «Мы — народ!». В Лейпциге, Дрездене и других городах проходили массовые демонстрации с требованием демократизации. 4 ноября в Берлине состоялась демонстрация с участием от 500 тыс. до 1 млн человек, в ходе которой звучали требо-

вания демократии, свободы и даже отказа от «социализма ГДР». Попытки руководства СЕПГ вступить в диалог с участниками демонстрации закончились провалом. Политбюро СЕПГ разработало и представило общественности обширную программу действий. В нее входило принятие новых законов о выезде, о СМИ, а также проведение реформы управления, повышение роли местных органов власти, начало широкой экономической реформы, модернизация системы образования и др. Однако, эта программа не убедила участников оппозиционного движения, которые выдвигали радикальные требования — в первую очередь, отказа СЕПГ от монополии на власть, что означало бы крушение политической системы ГДР.

Подтверждением мнения большинства граждан о том, что СЕПГ не способна на глубокие реформы, стала публикация 6 ноября проекта нового закона о выезде. Неясные формулировки и бюрократические правила вызвали широкое возмущение, перед которым СЕПГ была вынуждена капитулировать. 9 ноября на пресс-конференции, которая транслировалась по телевидению, член политбюро ЦК СЕПГ ***Гюнтер Шабовски*** (род. 1929) объявил об упрощении правил выезда и заверил, что «разрешения будут выдаваться незамедлительно». При этом руководство СЕПГ вовсе не собиралось отменять контроль на границе с ФРГ и Западным Берлином. Однако выступление Шабовски было интерпретировано населением как разрешение свободного выезда, и десятки тысяч восточных берлинцев вечером 9 ноября стали стекаться к контрольно-пропускным пунктам. Растерянные пограничники, не имея никакого приказа о действиях в этой ситуации, под напором огромной толпы людей, открыли шлагбаумы. Со стороны Западного и Восточного Берлина началось стихийное крушение ненавистной стены. В ту ночь, получившую название «ночи встреч», на улицах и площадях Западного Берлина праздновали сотни тысяч человек из обеих частей города.

Руководство СЕПГ не предполагало, какие последствия будет иметь либерализация правил выезда. В течение двух недель Западный Берлин посетили более 13 млн восточных немцев, сравнение условий жизни стало для них настоящим шоком. Эти события стали поворотным пунктом в развитии общественно-политической ситуации в ГДР. Большинство участников оппозиционного движения от лозунга «Мы — народ!» переходит к другому — «Мы — один народ!», что отразило стремление к объединению с ФРГ. Часть оппозиции по-прежнему выступала за демократизацию в рамках социализма и сохранения ГДР. Эта позиция нашла отражение в воззвании «За нашу страну», подписанном рядом известных представителей творческой интеллигенции — писателя-

ми *Кристой Вольф* (род. 1929), *Стефаном Хеймом* (1913–2001) и др., но большинство населения не поддержало этот призыв. Экономические и политические условия жизни в ФРГ были притягательным образцом и стали решающим аргументом в пользу объединения. Кроме того, были сильны опасения реставрации всевластия СЕПГ.

Руководство СЕПГ пыталось удержать ситуацию под контролем. 13 ноября новым главой правительства стал *Ханс Модров* (род. 1928), бывший первым секретарем окружного комитета партии в Дрездене, один из тех, кто понимал необходимость проведения реформ. Его назначение должно было подать знак оппозиции о готовности начать необходимые преобразования. Кроме членов СЕПГ, сохранивших ключевые посты, в правительство Модрова были включены представители «блоковых» партий. В заявлении правительства 17 ноября содержалась обширная программа намеченных действий: предполагалось ослабить централизованное управление и планирование экономики, дать предприятиям больше самостоятельности, осуществить реформу правовой системы, усилить внимание к проблемам экологии, образования, а также провести свободные парламентские выборы в 1990 г.

«10 пунктов» Х. Коля

Драматичные события осени 1989 г., обусловившие серьезную общественно-политическую дестабилизацию в ГДР, а также продолжавшийся массовый выезд в ФРГ, побудили правительство Коля определить свою позицию. 28 ноября федеральный канцлер выступил в бундестаге с речью, получившей название «Программа 10 пунктов». В ней было обещано оказать ГДР финансовую и экономическую поддержку при условии проведения демократических реформ. Конкретно речь шла лишь о ликвидации политической монополии СЕПГ и проведении свободных выборов, создании демократически-правовых основ государственного и общественного порядка, отказе от планово-бюрократической модели экономики и ее переходе на рыночные механизмы. 10-й пункт программы предусматривал возможность создания конфедерации двух государств. Восстановление государственного единства Германии предполагалось в рамках процесса европейской интеграции.

О том, сколько времени займет этот процесс, в программе Коля не говорилось. В целом, несмотря на осторожные оценки и прогнозы о перспективах объединения Германии, был очевиден переход ФРГ от роли заинтересованного наблюдателя на позиции активного участника событий в ГДР.

Крах «режима СЕПГ»

Народная палата ГДР, бывшая послушным исполнителем воли СЕПГ, под давлением общественных настроений 1 декабря 1989 г. вынесла решение об отмене 1-й статьи конституции ГДР, в которой говорилось о руководящей роли СЕПГ. После этого «блоковые» партии — ХДС, ЛДПГ, НДПГ и ДКПГ — вышли из «Национального фронта». Это означало крушение основы политической системы ГДР. Для СЕПГ насущной задачей стало самосохранение в новых условиях. Политбюро заявило о намерении созвать съезд партии для обсуждения сложившейся в стране ситуации и принятия соответствующих решений. 3 декабря члены политбюро и ЦК подали в отставку, Хонеккер и еще ряд высокопоставленных деятелей были исключены из рядов СЕПГ.

7–9 декабря состоялся чрезвычайный съезд СЕПГ, на котором решался вопрос о будущем партии. К этому времени число ее членов сократилось с 2,3 млн до 1,8 млн. Это отражало смятение и разочарование многих рядовых членов партии, стало известно о фактах коррупции и злоупотреблений властью со стороны партийных функционеров разного уровня. На съезде определились две точки зрения: часть делегатов выступила за радикальное обновление, вплоть до роспуска СЕПГ и создания новой социалистической партии; другая позиция сводилась к предложению о частичном пересмотре позиций СЕПГ и ее переименовании. После острых дискуссий делегаты приняли решение о новом названии СЕПГ — ***Партия демократического социализма*** (ПДС), ее председателем был избран берлинский адвокат ***Грегор Гизи*** (род. 1948). Это была попытка путем тактических изменений сохранить позиции партии, в том числе удержать в руках ее огромное имущество: недвижимость, научные институты, издательства и т. д. С новым реформаторским руководством СЕПГ — ПДС хотела сохранить влияние на политические процессы в стране.

Внешняя политика ГДР

Интеграция ГДР в Восточный блок. Как и ФРГ, ГДР после своего образования не обладала возможностью проводить самостоятельную внешнюю политику. До июня 1953 г. она находилась в ведении военного органа — Советской контрольной комиссии, а затем (после событий 17 июня) — в ведении органа гражданского контроля — института Верховного комиссара СССР.

После неудачных переговоров СССР и западных держав по германскому вопросу в 1952–1955 гг. и вступления ФРГ в НАТО произошла окончательная интеграция Восточной Германии в советский

блок. В марте 1954 г. Советское правительство заявило, что оккупационный режим в Восточной Германии упраздняется, и ГДР располагает отныне полным суверенитетом. На самом деле этот суверенитет в условиях «холодной войны» был формальным и ограниченным. 14 мая 1955 г. была создана Организация Варшавского Договора (ОВД) — военно-политический блок социалистических стран Восточной Европы во главе с СССР, куда вошла и ГДР.

20 сентября 1955 г. был подписан договор об отношениях между ГДР и СССР, который предоставил Восточной Германии формально «полный государственный суверенитет». Советский Союз признал независимость ГДР во всех вопросах внешней и внутренней политики. Вместо ведомства Верховного комиссара было учреждено посольство СССР в ГДР. Вместе с тем Советский Союз выполнял обязательства по контролю над безопасностью и внешней политикой ГДР, на ее территории по-прежнему оставались советские войска. Двусторонние соглашения о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи были заключены ГДР с большинством социалистических стран. Наряду с членством в ОВД и Совете экономической взаимопомощи (СЭВ), созданном в 1949 г., это создавало дополнительные договорные гарантии неотъемлемости ГДР от социалистической системы.

В январе 1956 г., после согласования с советским руководством, правительство ГДР обнародовало закон, в соответствии с которым прежние гарнизонные полицейские соединения подвергались реорганизации и официально учреждались Национальная народная армия численностью в 120 тыс. человек и министерство обороны. Командующий группировкой советских войск в ГДР выполнял полный оперативный контроль над восточногерманскими вооруженными силами, которые практически полностью зависели от СССР, в том числе в вопросах обеспечения оружием.

ГДР, как «западное прифронтовое государство» ОВД, становится основным стратегическим союзником СССР в военно-политической, научно-технической, экономической и идеологической сферах. Она занимала в рамках советского блока несколько привилегированное положение, имея в виду существование двух германских государств, и получала более значительную помощь, чем другие его члены. Ее успехи рассматривались как прямое доказательство преимуществ социалистического строя. Вместе с тем Восточная Германия сильно зависела от СССР в военном, политическом и отчасти экономическом отношениях.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ГДР, подписанный 12 июня 1964 г., гарантировал «непри-

косновенность границ ГДР» и предусматривал «существование двух суверенных немецких государств». Обе стороны подтвердили решимость и в дальнейшем всесторонне развивать связи на принципах социалистического интернационализма. Они обязались в случае вооруженного нападения на одну из них оказать друг другу немедленную помощь. В 1967–1968 гг. подобного содержания договоры были заключены между ГДР и Польшей, Чехословакией, Монголией.

Постоянно существовавший среди восточногерманского руководства страх перед тем, что советская политика в германском вопросе может измениться, что СССР может использовать ГДР в своих целях, обусловливал безоговорочную, полную поддержку руководством Восточной Германии всех действий Советского Союза, прежде всего в рамках ОВД. Так, ГДР одобряла советскую позицию в конфликте с Китаем с начала 1960-х гг., а в 1968 г. Ульбрихт поддержал самые жесткие шаги в отношении Чехословакии.

На пути к международному признанию ГДР

Руководство ГДР стремилось, несмотря на «доктрину Хальштейна», путем внешнеполитической активности добиться международно-правового признания своего государства. Оно пыталось преодолеть дипломатическую блокаду, устроенную ФРГ, налаживая, прежде всего, торгово-экономические и консульские связи с развивающимися странами. В конце 1950-х — 1960-е гг. ГДР учредила генеральные консульства в Египте, Бирме, Индонезии, Сирии, Танзании, Йемене. В январе 1963 г. восточногерманское посольство было открыто на Кубе. В феврале 1965 г. Ульбрихту удался дипломатический прорыв: Египет выступил с инициативой по установлению дипломатических отношений с ГДР, и состоялся визит Ульбрихта в Каир, где он был встречен со всеми почестями как глава государства. Наряду с Египтом дипломатические отношения с ГДР установили в 1969–1970 гг. Сирия, Ирак, Камбоджа, Судан и ряд других стран Азии и Африки. Более чем в 40 развивающихся государствах работали специалисты и консультанты из Восточной Германии.

Начавшееся в рамках «новой восточной политики» Брандта советско-западногерманское сближение вызывало со стороны лидера ГДР опасение, что СССР может договориться с ФРГ через его голову. Проявленное Ульбрихтом недовольство советской политикой, наряду с обозначившимся желанием освободиться от слишком жесткого идеологического и политического диктата со стороны СССР, привели к его отставке в 1971 г. Новое руководство ГДР стало проводить пол-

ностью лояльный по отношению к «старшему брату» курс. Политика Хонеккера в отношении стран Запада развивалась в русле европейской разрядки и не претендовала на какую-либо самостоятельность.

После подписания Договора об основах отношений между ГДР и ФРГ в декабре 1972 г. начинается международно-правовое признание восточногерманского государства. В 1973 г. ГДР (одновременно с ФРГ) была принята в ООН. В этом же году Англия и Франция, а в 1974 г. и США установили с ГДР дипломатические отношения. К началу 1980-х гг. 131 государство признало ГДР. Она стала членом практически всех важнейших международных организаций. Все это усиливало ее позиции на мировой арене.

Внешняя политика ГДР в середине 1970-х — 1980-е гг.

В 1975 г. ГДР подписала с СССР новый договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. В 1977 г. аналогичные новые договоры были заключены с Венгрией, Польшей, Монголией, Чехословакией, Болгарией, Вьетнамом. В условиях обострившихся международных отношений на рубеже 1970–1980-х гг. руководство ГДР не хотело ухудшать свои отношения с ФРГ, прежде всего из экономических соображений. Оно было крайне заинтересовано в экономической помощи от Западной Германии. Хонеккер даже выразил неудовольствие относительно размещения на территории ГДР новых советских ракет. Руководство же СССР негативно реагировало на развитие особых германо-германских отношений, темпы и масштабы которых выходили из-под его контроля. Оно пыталось контролировать процесс германо-германского сближения, определяя те пределы, в рамках которых могла действовать ГДР. Так, под давлением СССР Хонеккер в 1983 г. отказался от своей поездки в ФРГ, запланированной как ответ на визит западногерманского канцлера Шмидта в ГДР в 1981 г.

С приходом к власти в СССР Горбачева отношения между двумя странами становятся все более напряженными. Руководство ГДР отказалось следовать курсу «перестройки», видя в проведении реформ угрозу своему режиму. Внешняя политика СССР, отказ Горбачева от «доктрины Брежнева» (вмешательства в дела социалистических государств — союзников СССР) и выдвигаемая им идея «общеевропейского дома» ставили под вопрос само существование ГДР. В улучшении отношений между СССР и ФРГ Хонеккер усматривал для себя опасность потери возможности лавирования. Его визит в ФРГ в 1987 г. был попыткой повысить статус германо-германских отношений.

Дистанцирование ГДР от вступивших на путь реформ стран советского блока привело страну к изоляции в рамках «социалистического содружества».

3. Культура и духовная жизнь ГДР в конце 1940-х — 1980 гг.

Подобно экономическому и политическому развитию, духовная сфера и культурный процесс с первых дней существования коммунистического режима контролировались СЕПГ. Партийное руководство стремилось ввести культуру в рамки марксизма-ленинизма, ориентируясь на пример Советского Союза.

Особое внимание уделялось развитию системы образования в духе «строительства социализма». В 1952 г. СЕПГ приняла решение внедрить «политехническое образование» по образцу Советского Союза. Целью образования объявлялось формирование «социалистической личности». Расширенное обучение марксизму-ленинизму шло рука об руку с повышением уровня технических знаний. Ученики социалистической ГДР должны были превосходить учеников капиталистической Западной Германии во всех областях, важных для общественного и технического прогресса. Главным результатом стало увеличение доли школьников, которые посещали школу более 8 лет, с 16 до 85 % в 1951–1970 гг.

Происходила идеологизация высшего образования и университетов. Вместе с тем сохранялись прежние правила немецких университетов, где разрешалась деятельность религиозных общин. В стипендиальной политике дети рабочих и крестьян имели явный приоритет. «Профилирование» вузов (учет потребностей экономики) было нацелено на региональную отраслевую ориентацию исследований. Число университетов и институтов увеличилось за 1951–1969 гг. с 21 до 54.

Руководство ГДР активно и целеустремленно содействовало развитию физической культуры и спорта. По советскому образцу были созданы 18 спортивных объединений по производственному принципу. Ульбрихт лично агитировал в пользу занятий спортом и физкультурой в свободное время. Он основал в 1950 г. Немецкий институт физической культуры и спорта в Лейпциге. В 1952 г. появились первые детские и юношеские спортивные школы, а с середины 1950-х гг. — спортивные клубы. Был учрежден государственный комитет по физической культуре и спорту, который инициировал

создание массовой организации — ***Немецкого союза физкультуры и спорта*** (НСФС), членами которого были более 3,6 млн человек.

СЕПГ придавала развитию спорта первостепенное значение. Проблемами спорта занимался, как правило, второй человек в партийном руководстве: в «эпоху Ульбрихта» — Хонеккер, позднее Эгон Кренц. Председатель НСФС являлся членом ЦК СЕПГ. Успехи спортсменов ГДР на международной арене должны были подтверждать, с точки зрения партийного руководства, передовой характер общественного строя.

Это отношение к спорту особенно проявлялось при участии спортсменов ГДР в Олимпиадах. На Олимпийских играх 1956, 1960 и 1964 гг. выступала немецкая команда, составленная из спортсменов ГДР и ФРГ, на Олимпийских играх 1968 г. — две немецкие команды под общим черно-красно-желтым флагом с белыми олимпийскими кольцами. При награждении спортсменов, завоевавших медали, исполнялся бетховенский гимн «К радости». Начиная с летних Олимпийских игр в Мюнхене 1972 г. в соревнованиях принимали участие две национальные команды под флагами своих стран.

Успехи восточногерманских спортсменов были впечатляющими. Если на зимних Олимпийских играх 1968 г. в Гренобле сборная ГДР еще не входила в число 10 сильнейших команд, то зимой 1972 г. в Саппоро восточные немцы заняли второе место, а в 1980 г. в Лейк-Плэсиде команда ГДР заняла уже первое общекомандное место.

В этих и других спортивных победах ключевую роль сыграли не только образцовая многоступенчатая (начиная с детского возраста) система подготовки спортсменов, но и широкое использование допинговых препаратов. Допинг, конечно, принимался не только в ГДР, но лишь в этой стране существовала государственная система разработки и применения допинга, которая создавалась под руководством СЕПГ и контролем МГБ. К широкому применению допинговых фармацевтических препаратов как необходимого этапа спортивной подготовки в ГДР приступили в конце 1960-х гг.

Международные успехи спортсменов сыграли определенную роль в становлении национального самосознания граждан ГДР. На летних Олимпийских играх в Мексике в 1968 г. команда ГДР добилась 3-го места (вслед за Советским Союзом и США), а команда ФРГ — 6-го места. Взрыв «восточногерманского патриотизма» наблюдался после победы сборной ГДР над сборной ФРГ со счетом 1:0 на чемпионате мира по футболу 1974 г., который проводился в Западной Германии.

Не менее большое значение государство придавало развитию литературы и искусства. Контроль СЕПГ над этой сферой имел определя-

ющее значение. На пленуме ЦК СЕПГ в марте 1951 г. было принято постановление о «борьбе против формализма в искусстве и литературе, за прогрессивную немецкую культуру». Оно провозглашало советское искусство образцом для искусства ГДР и было сродни «идеологическим» постановлениям ЦК ВКП(б) второй половины 1940-х гг.

Обвинениям в формализме, то есть в уходе от следования ленинскому принципу «партийности», подверглись Бертольт Брехт и дружившие с ним композиторы ***Ханс Айслер*** (1898–1962) и ***Пауль Дессау*** (1894–1979). Инсценировку романа М. Горького «Мать» в театре Брехта «Берлинер ансамбль» некоторые партийные руководители сочли «издевательством» над театральным искусством. Постановка оперы М. Глинки «Руслан и Людмила» на сцене Государственной Немецкой оперы была осуждена как «пропаганда разрушения, разложения, мистицизма и символизма». Запрету подвергся поставленный по одноименному роману Стефана Цвейга кинофильм студии ДЕФА «Топор Вандсбека», поскольку «негативно» изображал героев антифашистского Сопротивления.

«Социалистический реализм» провозглашался единственным творческим методом. После того как на XIX съезде КПСС осенью 1952 г. была подвергнута резкой критике деятельность союза писателей СССР, этому примеру последовала СЕПГ, которая потребовала от писателей ГДР искоренять формализм, космополитизм, буржуазный либерализм и пацифизм.

События июня 1953 г. обозначили важный рубеж в духовной жизни. Брехт написал письмо в секретариат союза писателей, в котором отмечал, что социализм не должен строиться в приказном порядке, а политика государства должна учитывать интересы населения. Но он не подвергал сомнению руководящую роль компартии. СЕПГ перешла к новой политике в сфере культуры. Государственные органы должны были воздерживаться от административных мер в отношении художественного творчества. Бремя контроля частично взяли на себя творческие союзы.

Учрежденное в 1954 г. министерство культуры возглавил поэт Йоханнес Р. Бехер, президент «Культурбунда» и президент Академии искусств. Но влияние выдающегося деятеля немецкой культуры было ограничено полномочиями его первого заместителя, одного из идеологов СЕПГ Александра Абуша.

XX съезд КПСС породил надежды на перемены среди деятелей культуры ГДР. Как и в СССР, это наиболее ярко проявилось в кинематографе. Кинематографисты пытались добиться некоторой художественной

свободы, создавая наряду с агитационными и пропагандистскими лентами высокохудожественные произведения. Совместный фильм кинематографистов ГДР и Болгарии «Звезды» (1959) относился к бесспорным достижениям, получив приз на Каннском кинофестивале. Фильм рассказывал о немецком солдате, который не смог предотвратить депортацию греческих евреев и примкнул к болгарским партизанам.

Но ответом СЕПГ на попытки интеллектуалов расширить границы творческой свободы стал так называемый «биттерфельдский путь». Конференция писателей в Биттерфельде (1959) высказалась за преодоление разрыва между производством и культурой. К рабочим был обращен призыв: «Берись за перо, коллега!» Для писателей же этот «путь» означал дорогу на предприятие, где они должны были знакомиться с трудовыми буднями, чтобы изображать жизнь в духе «социалистического реализма».

В «биттерфельдском пути» находила выражение функционализация литературы в рамках «социалистической культурной революции». Несмотря на удачную прозу *Эрвина Штриттматтера* (1912–1994) — «Оле Бинкоп», «Расколотое небо» Кристы Вольф, которая в 1953–1959 гг. была редактором журнала «Новая немецкая литература», большинство «биттерфельдских» сочинений не оставили заметного следа в литературе. Литературный процесс, несмотря на повышенное внимание СЕПГ, следовал другой логике. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. появился социально-исторический роман *Анны Зегерс* (1900–1983) «Решение», состоялся удачный дебют *Дитера Нолля* (род. 1927) — автора большого социального романа «Приключения Вернера Хольта».

После установления Берлинской стены и окончания «оттепели» в СССР СЕПГ вновь попыталась обозначить границы литературной свободы. В декабре 1965 г. пленум ЦК, который был назван «пленумом сплошной рубки», превратился в суд над критически мыслящими писателями. Нападкам на пленуме подвергся Стефан Хейм за «полностью ошибочное изложение» событий 17 июня 1953 г., которое он дал в романе «Пять дней в июне», опубликованном в ФРГ. Секретарь ЦК Хонеккер сделал вывод, что ряд теле- и радиопередач «фактически совпадают с линией противника распространять среди интеллигенции и молодежи скептицизм и аморальность посредством так называемой либерализации».

Руководство СЕПГ выступило также против известного автора-исполнителя песен *Вольфа Бирмана* (род. 1936), исключенного из СЕПГ в 1963 г. После опубликования сборника его стихов в западногерманском издательстве в 1965 г., ему были запрещены публичные

выступления, публикации и зарубежные поездки. Потом, в 1976 г., его лишили гражданства.

Лучшие писатели ГДР пытались отстаивать право на художественную свободу. Председатель Немецкого союза писателей Анна Зегерс рисковала своим положением, но, тем не менее, отказывалась на заседаниях писателей однозначно поддерживать партийную критику. Болезненно реагируя на установление Берлинской стены, знаменитая писательница полагала, что раскол Германии не должен разделить немецкую литературу и культуру.

После подавления «Пражской весны» меры по пропаганде социалистического реализма усилились. Резкой критике подверглась даже Криста Вольф, произведения которой ранее провозглашались «образцом новой немецкой литературы». Партия не простила писательнице критического изображения действительности в романе «Размышления о Кристе Т.» (1968), тираж которого в ГДР составил всего 800 экземпляров.

Архитектура являлась одной их тех сфер, в которой Ульбрихт считал себя особенно компетентным. Для лидера СЕПГ вопросы архитектуры и строительства городов были политическим делом. Восстановление и перестройка центров городов ГДР должны были отражать новый социалистический общественный порядок. При этом особое значение придавалось советскому опыту. Отличным примером застройки центра города Ульбрихт считал новое здание посольства СССР в Берлине, выстроенное в «сталинском стиле». Вместо того чтобы восстанавливать пострадавшие от войны старые городские постройки, власти оставляли их разрушаться и далее, чтобы впоследствии заменить типовой застройкой. Ульбрихт хотел, чтобы «памятники буржуазного прошлого» исчезли с улиц городов.

Поэтому в сентябре 1950 г. был взорван замок Гогенцоллернов в центре Берлина. От замка остался лишь портал IV, с балкона которого К. Либкнехт провозгласил 9 ноября 1918 г. «свободную социалистическую республику». Очищенное от замка место превратилось в большую площадь для демонстраций. Воздвигнутый на месте императорской резиденции Дворец республики стал своеобразной моделью государственного устройства ГДР: в огромном зале проводились съезды СЕПГ и Союза свободной немецкой молодежи, в боковом крыле скромно размещалась Народная палата — парламент страны.

Особенно ненавистными для Ульбрихта были церкви. На нем лежит ответственность за снос знаменитой Лейпцигской университетской церкви, за разрушение гарнизонной церкви в Потсдаме, церквей в Ростоке и Дрездене.

Евангелическая и католическая церкви представлялись руководству СЕПГ организованным очагом духовного сопротивления «строительству социализма». Евангелическая церковь до конца 1960-х гг. оставалась единственным общегерманским институтом, пытаясь объединять две части нации. В 1954 г. острый конфликт между государством и церковью был вызван введением так называемого «посвящения молодежи». Текст клятвы содержал откровенно атеистическую направленность. Католические церковные должностные лица заявляли о несовместимости «посвящения» и причастия.

Независимо от подобных конфликтов происходил процесс секуляризации. Доля евангелических христиан среди населения ГДР сократилась в 1950–1964 гг. с 80,5 до 59,4 %, доля католиков — с 11 до 8 %. Это побуждало церкви искать новую общественную позицию.

Строительство стены оказало влияние в направлении институциональной и политической переориентации церкви. Вопреки всем заявлениям о единстве, церкви ГДР теперь фактически были разделены. В 1969 г. был разрушен последний общегерманский институт — Евангелическая церковь Германии. Новый Союз евангелических церквей в ГДР отныне был независимой организацией. Организационное обособление казалось сторонникам нового союза необходимым для улучшения отношения государства к церкви.

Католическая церковь в ГДР играла заметно меньшую роль. Она ранее была ориентирована на отделение от общегерманских структур, что привело к ее конфликту с Ватиканом, но уменьшило противоречия с СЕПГ. Однако восточногерманские католики не признавали марксистское государство, заявив, что «этот дом остается для нас чужим». Только в конце 1960-х гг. они заявили, что ГДР содействует благу человека.

В «эру Хонеккера» духовная жизнь и культура ГДР продолжали в целом оставаться под влиянием политики СЕПГ. Главным инструментом формирования общественного мнения и настроений являлись средства массовой информации. Общий тираж ежедневной прессы составлял в 1980 г. 8,8 млн экземпляров, в 1989 г. — 9,7 млн. Из них абсолютное большинство находилось под прямым контролем СЕПГ, издания «блоковых» партий составляли 8,6 %; для сравнения: тираж 5 еженедельных изданий евангелической церкви составляли около 150 тыс. экземпляров. По мере роста популярности и влияния телевидения ежедневная информационно-аналитическая программа ТВ «Актуальная камера» стала важным каналом влияния на многомиллионную аудиторию. СМИ, включая также киностудию ДЕФА, были инструментом пропаганды и социального контроля путем подбора и освещения обще-

ственно-политической проблематики. Информация унифицировалась и санкционировалась «сверху», задача СМИ состояла в формировании «общественного согласия», исключающего плюрализм мнений. Централизованной подготовке журналистских кадров в Лейпцигском университете уделялось особое внимание; по существу, журналистам отводилась роль функционеров, выполняющих задания власти.

В то же время монополия официальной пропаганды нарушалась западными, в первую очередь западногерманскими, СМИ. В начале 1980-х гг. программы радиостанций ФРГ принимались на всей территории ГДР, около 70 % населения могли смотреть передачи главных телеканалов ФРГ, несмотря на преграды технического (искусственные помехи) и морально-политического характера (пропагандистские мероприятия против влияния «чуждой идеологии»). В повседневной жизни населения ГДР западные СМИ играли своего рода роль «вентиля», позволяющего «отключиться» от окружающей действительности, они создавали иллюзию причастности к другому, открытому миру.

В 1980-е гг. среди населения ГДР выделялось несколько групп: убежденные в идеях социализма и правильности политики СЕПГ; молчаливо-пассивное большинство и небольшая часть «диссидентов». В целом, до «демократической революции» осенью 1989 г. в ГДР не существовало гражданского общества, общественность оставалась объектом и инструментом политики, общественное мнение формировалось официальной пропагандой.

В сфере культуры непреложным законом оставались принципы и нормы «социалистического реализма». Несмотря на заверения Хонеккера, либерализации культурной политики не произошло. Идеологический контроль партийно-государственных чиновников лишал свободы творческой деятельности, порождал критические настроения в кругах деятелей литературы и искусства. СЕПГ использовала ситуацию для ужесточения культурной политики. В 1984 г. власти запретили создание независимого союза художников. Официальные творческие союзы оставались рычагом влияния и контроля над деятелями литературы и искусства; в состав экспертных советов входили и неофициальные сотрудники штази.

В то же время культурная монополия СЕПГ нарушалась альтернативной культурой, которая развивалась вне официальных структур и учреждений культуры ГДР. Ее задачами не являлось противостояние официальной культуре или сознательная оппозиция режиму СЕПГ. Акции и инициативы альтернативной культуры были попыткой со-

здания свободного от государственной регламентации культурного пространства.

В 1970-е и особенно в 1980-е гг. росло число публикаций «самиздата», которые печатались на пишущей машинке, иногда — в церковных типографиях. В 1980-е гг. таким образом издавалось 30 литературных, около 30 информационно-культурных журналов. Их названия — «Контекст», «Или-или», «Удар» и др. — отражали эстетическую программу, прежде всего, молодого поколения творческой интеллигенции. Устраивались авторские чтения литературных произведений; например, в Берлине еженедельно проводились одно — два таких чтения с участием от 50 до 120 слушателей. В мастерских художников, на частных квартирах, в церковных зданиях проводились выставки работ авторов, ищущих новые формы творчества. В 1980-е гг. существовало около 20 неофициальных галерей в Берлине, Дрездене, Лейпциге и др. крупных городах ГДР.

Джаз и рок-музыка оставались своего рода символами свободы, особенно для молодого поколения. Несмотря на терпимое отношение к ним официальной культуры (при попытках цензурной регламентации), «домашний» рок все больше уступал в предпочтениях молодежи западным образцам, особенно с широким распространением видеоклипов и компакт-дисков.

Отношение власти к альтернативной культуре было неоднозначным. С одной стороны, СЕПГ и штази расценивали ее как вызов официальной культуре, как инструмент чуждой идеологии и пытались контролировать развитие альтернативной культуры, влиять на нее путем выборочного «разрешения» тех или иных произведений. С другой стороны, прямое давление, запреты, меры административного характера грозили вызвать критику, в том числе за рубежом, учитывая международные контакты многих деятелей альтернативной культуры. СЕПГ пыталась создать видимость свободы творчества, допуская альтернативные формы культурной жизни при условии, что речь не шла о политике. В целом по мере ослабления режима СЕПГ во второй половине 1980-х гг. культурный ландшафт ГДР становился более ярким и разнообразным.

* * *

Послевоенный раскол Германии привел к тому, что немецкой нации были предложены две альтернативные концепции государственного развития, каждая из которых была направлена на избавление немцев от претензии на особый путь в истории. Перед западными и восточными немцами стояла задача обретения новой

национальной идентичности через принятие и освоение либерально-демократической или коммунистической модели.

Каждое из двух немецких государств настаивало на своей монопольной преемственности с национальными ценностями и одновременно демонстрировало дух обновления. Выступая с претензией на историческую легитимность, и ФРГ, и ГДР внимательно следили за успехами и провалами друг друга. Наличие государства-конкурента влияло на общественное развитие каждого немецкого государства. «Генетически» западная модель была подготовлена к многолетней конкуренции намного лучше, чем восточная. Свобода и открытость взяли верх над замкнутостью общественных структур и партийно-государственным контролем над обществом.

Преимущество западногерманского «открытого общества» над восточногерманским «закрытым обществом» проявлялось постепенно, охватывая различные стороны общественной жизни. Западная Германия в 1950-е, а особенно в 1960-е гг. являла образец гораздо более глубоких общественных изменений, чем Восточная Германия, которая прибегла к защите с помощью Берлинской стены. ФРГ стала одной из наиболее развитых стран мира, вступив в постиндустриальную эпоху. Напротив, отягощенная авторитарным режимом, Восточная Германия не смогла выйти за рамки индустриального развития. Строительство стены в Берлине продемонстрировало слабость восточногерманского государства, не способного дать адекватный ответ на западногерманский вызов в условиях открытой германо-германской границы. Восточногерманское понимание собственной неполноценности не могли компенсировать ни мощная экономическая поддержка Советского Союза, ни обусловленный ею статус «витрины социализма».

Демократическая революция в ГДР осенью 1989 г. была составной частью геополитических изменений в Европе, связанных с окончанием «холодной войны». По сравнению с СССР и странами ОВД, процесс радикальной общественной трансформации в ГДР начался позже. Причинами этого были, с одной стороны, достаточно высокий уровень жизни и социальных гарантий для населения, с другой — созданный СЕПГ механизм контроля и управления обществом.

Исход борьбы между «социальным рыночным хозяйством» и «социализмом на немецкой земле» привел к решению вопроса о национальном единстве на основе западной модели. Последовавший после разрушения стены крах «режима СЕПГ» открыл дорогу объединению Германии.

ГЛАВА VIII

ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС И ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ

1. Германо-германские отношения в конце 1940-х — 1980-е гг.

Германский вопрос не являлся сугубо национальным вопросом, он всегда был вопросом европейской и международной безопасности. В силу трагедий двух мировых войн, развязанных Германией, и неспособности немцев в прошлом найти в Европе свое место, европейским странам — ее соседям и партнерам — были далеко не безразличны характер и политика образовавшихся в 1949 г. двух немецких государств.

В условиях «холодной войны», блоковой конфронтации и раскола Европы, германский вопрос стал идентичен вопросу сохранения мира между Западом и Востоком, превратился в одну из сложнейших международных проблем. Его решение было невозможно без изменения характера отношений между СССР и США, без мира между Востоком и Западом.

Обстановка «холодной войны» оказывала решающее влияние на политику обоих германских государств, вынуждая их проводить жесткий, конфронтационный курс по отношению друг к другу.

Углубление раскола Германии (1949–1961)

Германская политика, то есть взаимоотношения двух германских государств, всегда занимала особое место во внешней политике и ФРГ, и ГДР. Специфику отношений между ними определяло множество факторов: отсутствие языкового барьера и многочисленные родственные связи, прямое противоборство двух идеологий и моделей общественного развития, перенасыщенность сопредельных территорий вооруженными силами и др. Состояние германо-германских отношений очень сильно, если не в решающей степени, зависело

от воздействия внешних факторов. Обе Германии были форпостами в глобальном противостоянии Востока и Запада.

Для внешней политики обоих германских государств, расположенных в центре Европы, на линии разграничения между НАТО и ОВД, было характерно, прежде всего, то, что для них на первом месте всегда стояла проблема обеспечения безопасности, которую (как и само существование ФРГ и ГДР) им могли гарантировать только великие державы. Политические элиты ФРГ и ГДР побуждали своих могущественных «покровителей» к твердому противостоянию другой системе, поскольку это было одним из условий укрепления и самой системы, и своего собственного положения.

Большинство немецких граждан связывало с германским вопросом проблему преодоления раскола своей страны. Воссоединение Германии стало политической целью в обеих ее частях, при этом и ФРГ, и ГДР претендовали на то, чтобы быть законным представителем всего немецкого народа. ФРГ стремилась к воссоединению Германии «в мире и свободе» на основе демократической и федеративной политической системы в рамках единой Европы, а лидеры ГДР считали социалистическую систему лучшим строем для всей Германии и ее народа.

Правительство ФРГ исходило из того, что, согласно Основному закону страны, ФРГ и ГДР — это части продолжавшего существовать после 1945 г. «единого германского государства» (поскольку победители его не аннексировали, а временно — до заключения мирного договора — разделили на зоны оккупации), поэтому германский вопрос продолжал оставаться открытым. Федеративная республика — единственный законный представитель немецкого народа, поскольку ее парламент и правительство сформированы на основе свободных выборов; правительство ФРГ не признавало гражданства ГДР, и гражданами ФРГ считались «все немцы».

Немцем мог считаться тот, кто имеет германское гражданство, и кто был принят на территории Германии (по состоянию его границ на 31 декабря 1937 г.) в качестве беженца, перемещенного лица немецкой национальности, или в качестве супруга или потомка одного из этих лиц. Восстанавливалось германское гражданство также тем лицам, которые утратили его в период между 30 января 1933 г. и 8 мая 1945 г., а также их потомкам. Тем самым гражданство ФРГ распространялось и на население ГДР. Федеральное правительство на этом основании считало себя уполномоченным представлять за рубежом от имени Германии интересы «всех немцев». Еще в 1949 г. были со-

зданы два специальных министерства: Федеральное министерство по делам изгнанных, беженцев и пострадавших в войне и Федеральное министерство по внутригерманским отношениям.

Западный Берлин, правовой статус которого не был четко определен до 1971 г., рассматривался политиками ФРГ как «общегерманский национальный очаг», «залог сохранения открытости германского вопроса». В Западном Берлине проводили международные конгрессы и конференции, должностные лица и учреждения ФРГ осуществляли там официальную деятельность.

С 1955 г. действовала «доктрина Хальштейна», применение которой на практике должно было предотвратить международно-правовое признание ГДР и тем самым признание раскола Германии де-юре, а также гарантировать ФРГ право на единоличное представительство немцев на международной арене. Из солидарности с ФРГ западные страны вплоть до 1973 г. не признавали ГДР. До 1970 г. даже в официальных западногерманских правительственных документах аббревиатура «ГДР» бралась в кавычки, Восточная Германия называлась «советской» или «восточной зоной», иногда просто «зоной».

Со своей стороны, правительство ГДР заявляло об идентичности понятий «ГДР» и «германский народ» и, соответственно, провозглашало себя единственным законным немецким правительством. Своей конечной целью оно объявляло ликвидацию «сепаратного западногерманского государства» и восстановление немецкого единства. Раскол Германии объяснялся происками «империалистических держав Запада, находившимися в преступном сговоре с западногерманским монополистическим капиталом».

Отношение ГДР к ФРГ до 1989 г. определялось блоковой конфронтацией между Востоком и Западом. Германская (или западная) политика СЕПГ была подчинена целям советской политики в германском вопросе, которая для руководства СССР являлась составной частью его усилий по созданию и упрочению своей сферы влияния в послевоенной Европе.

Вслед за СССР руководство ГДР крайне негативно оценивало начавшиеся процессы западноевропейской интеграции с участием Западной Германии, пытаясь помешать им выдвижением различного рода инициатив по решению германской проблемы. В ноябре 1950 г. премьер-министр ГДР Гротеволь в письме канцлеру Аденауэру предложил образовать на паритетных началах общегерманский Учредительный совет, который мог бы начать подготовку условий по проведению свободных общегерманских выборов для

создания «единой, демократической и миролюбивой Германии». В этих целях была выдвинута идея встречи представителей правительства ГДР и ФРГ («Немцы, за один стол!»). В сентябре 1951 г. с таким же предложением обратилась к западногерманскому бундестагу Народная палата ГДР.

Правительство ФРГ неизменно отклоняло подобного рода предложения, хотя постоянно подчеркивало, что восстановление немецкого единства могло быть достигнуто только путем проведения свободных общегерманских выборов, создания на их основе общегерманского парламента и единого германского правительства, с которым будет заключен мирный договор. Но при этом воссоединившееся государство должно было иметь право свободно вступать в союзы (в том числе присоединиться к НАТО), что было неприемлемо для руководства СССР и ГДР.

Восточногерманские лидеры при этом выдвигали инициативы по решению германского вопроса без особого энтузиазма, поскольку хорошо понимали, что воссоединение могло бы потребовать принести в жертву режим СЕПГ. Они опасались, что ГДР может оказаться предметом торга СССР с Западом. В этой связи они были встревожены возможностью реализации предложений, содержащихся в «ноте Сталина» (1952), и с облегчением восприняли ее отклонение западными державами.

Выдвигаемые в 1950-е гг. инициативы с предложениями по урегулированию германской проблемы носили формальный, во многом декларативный характер с обеих сторон. Ни СССР, ни западные державы, ни политические элиты обоих германских государств, по существу, не были заинтересованы в объединении Германии, хотя исходили при этом из разных соображений. Великие державы не хотели терять «свою» часть Германии, лидеры ФРГ и ГДР стремились сохранить сложившуюся систему.

Ремилитаризация Западной Германии стимулировала руководство Восточной Германии добиваться от СССР аналогичных мер. В день подписания Общего договора 26 мая 1952 г. правительство ГДР объявило о решении создать «запретную зону» на всем протяжении границы с ФРГ. Таким образом, внутригерманская граница была закрыта, она приобрела вид укрепленного района с колючей проволокой, постами, патрулями и т. д.

Когда ФРГ и ГДР были включены соответственно в НАТО и ОВД, идея достижения единства Германии была заморожена на несколько десятилетий. После Женевской конференции глав великих держав

1955 г. германский вопрос начал отодвигаться на второй план, а на первый выходили проблемы контроля над вооружениями, обеспечения безопасности и разрядки. Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ, заключение Договора об отношениях между СССР и ГДР в сентябре 1955 г. закрепили факт существования двух самостоятельных германских государств.

В связи с изменениями тактики СССР в германском вопросе, руководство СЕПГ осуществляет соответствующую тактическую смену курса. Оно стало подчеркивать, что «демократическое воссоединение» возможно только при сохранении «социалистических достижений ГДР». Восточная Германия рассматривалась как «национальная и социальная альтернатива» господствовавшему в Западной Германии империализму. Предпосылкой к объединению Германии должно было стать уничтожение капитализма. Единое германское государство могло быть только социалистическим.

В 1956 г. СЕПГ разработала согласованный с советским руководством план создания «немецкой конфедерации», который 27 июля 1957 г. официально был представлен правительством ГДР под названием «Путь немецкой нации к обеспечению мира и воссоединению Германии». Единственный путь к достижению единства авторам документа виделся в постепенном сближении двух немецких государств на взаимоприемлемой основе. На основе такой конфедерации Германия должна была стать «миролюбивым, демократическим и независимым государством». Эту конфедерацию после победы социализма в ФРГ сменила бы воссоединенная Германия. Предложения по созданию конфедерации еще долго будут рассматриваться Советским Союзом и ГДР как единственно приемлемый путь для объединения Германии.

В политических кругах ФРГ появились и нетрадиционные подходы, которые, в принципе, могли бы представлять интерес с точки зрения ускорения решения германского вопроса. Так, в марте 1958 г. в беседе с советским послом в ФРГ Аденауэр предложил «австрийский вариант» для ГДР: с ее территории выводились бы советские войска, она получала бы нейтральный статус, в то время как ФРГ по-прежнему оставалась бы в НАТО, и на ее территории сохранялось присутствие войск западных держав. Но «австрийский вариант», не отвечавший ни интересам СССР, ни целям руководства ГДР сохранить свой режим, не получил развития.

Весной 1959 г. статс-секретарь и начальник ведомства федерального канцлера Х. Глобке представил свой план, выдвижению которого

Аденауэр не препятствовал. Суть плана заключалась в том, что оба германских государства должны были признать суверенитет друг друга, начать свободный обмен людьми и информацией, а через пять лет, путем раздельного референдума, решить вопрос об объединении. В 1950-е гг. отдельными политическими деятелями и дипломатами было предложено еще несколько проектов по объединению Германии. Они предусматривали создание нейтральной безъядерной зоны в Европе, куда вошли бы обе части Германии и ряд сопредельных стран. Однако эти проекты не могли быть приняты, прежде всего, из-за отсутствия единогласия между великими державами. После «ультиматума Хрущева» (27 ноября 1958 г.) и начавшегося Берлинского кризиса в мае 1959 г. в Женеве состоялась конференция министров иностранных дел четырех держав, в работе которой, с правом совещательного голоса, впервые приняли участие делегации ФРГ и ГДР, имевшие одинаковый статус. Конференция была созвана для обсуждения мирного плана американского госсекретаря К. Гертера, который пытался увязать восстановление немецкого единства с созданием европейской системы безопасности. Но и этот план остался на бумаге.

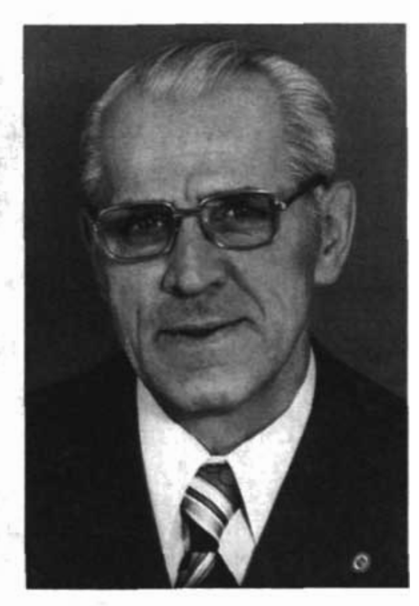
На пути к нормализации (1961–1972)

В 1960-е гг. дискуссия по германскому урегулированию постепенно сошла на нет. Фактически была прекращена разработка планов объединения ФРГ и ГДР. В США и странах Западной Европы, а также в СССР стало преобладать мнение, что первостепенное значение имеет обеспечение европейской и глобальной безопасности, что лишь она может быть условием перехода к решению германского вопроса, а не наоборот. Результатом этого подхода стала смена внешнеполитического курса, в том числе и в ФРГ.

С проведением «новой восточной политики» Брандта началась новая эра в германо-германских отношениях, в них были внесены существенные коррективы. Социал-демократы стремились всячески продемонстрировать отход от прежней линии на игнорирование ГДР как незаконного и несамостоятельного образования, подлежащего аншлюсу со стороны ФРГ. Одним из первых шагов Брандта стала ликвидация министерства по внутригерманским отношениям, что означало признание равноправия обеих сторон в германском вопросе. Из названия ежегодных докладов правительства «О положении нации в разделенной Германии» исчезли три последних слова.

19 марта 1970 г. в Эрфурте (ГДР) состоялась первая встреча глав правительств обоих германских государств — Вилли Брандта и ***Вил-***

ли Штофа (1914–1999), затем она была продолжена 21 мая того же года в Касселе (ФРГ). Инициатива встреч исходила от западногерманского лидера, предложившего обсудить «практические вопросы, способные облегчить жизнь людей в разделенной Германии».

В. Штоф

Особое значение имело подписание в сентябре 1971 г. четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, которое закрепило отказ от применения силы в решении берлинского вопроса, свободный доступ в Западный Берлин союзников и положение о том, что Западный Берлин не является частью территории ФРГ. Однако на Западный Берлин были распространены международные соглашения и договоренности, заключенные ФРГ. Федеративная республика получила право на представительство интересов жителей Западного Берлина в международных организациях по вопросам, не касающимся безопасности и статуса города. Это соглашение не только зафиксировало статус Западного Берлина и тем самым положило конец многолетнему кризису вокруг этого города, но и сделало возможным новое оформление германо-германских отношений на договорной основе. Устанавливался механизм взаимоотношений между органами ГДР, ФРГ и Западного Берлина по вопросам регулирования транзитных перемещений граждан, транспортного, телефонного и телеграфного сообщения. Особое значение приобрели торговые отношения между Восточной и Западной Германией.

Фактическое признание было оформлено договором между ГДР и ФРГ, подписанным 21 декабря 1972 г. Стороны обменялись постоянными представительствами и выразили готовность к урегулированию практических и гуманитарных задач. В германо-германских отношениях место «доктрины Хальштейна» заняла «доктрина Шееля» (по фамилии министра иностранных дел правительства Брандта), в основу которой был положен принцип «сообщающихся сосудов»: в той мере, в какой правительство ГДР будет либерализировать от-

ношения между двумя германскими государствами, в такой и правительство ФРГ пойдет на расширение равноправных связей с ГДР. Дополнительные протоколы регулировали торгово-экономические отношения, вопросы транспортного сообщения, сотрудничество в области науки и техники, связи, здравоохранения, культуры, спорта, охраны окружающей среды и др. Договор об основах отношений открывал для людей в обеих частях Германии возможность налаживания контактов, восстановления родственных связей.

В мае 1974 г. состоялся обмен постоянными представительствами и был подписан ряд новых соглашений о контактах между спортивными организациями ГДР и ФРГ, о пассажирском сообщении, новое торговое соглашение и др.

После взаимного признания ФРГ и ГДР, руководство СССР и ГДР посчитали, что германский вопрос закрыт, германская проблема решена: существуют два самостоятельных, суверенных и не зависимых друг от друга немецких государства. Фактически германский вопрос был надолго снят с повестки дня и даже не поднимался в отношениях между странами Запада и СССР.

Сосуществование (1972–1989)

Руководство ГДР было серьезно обеспокоено тем, что нормализация отношений с ФРГ открывала новые возможности для влияния Запада на восточногерманских граждан. В середине 1970-х гг. им была сформулирована и взята на вооружение теория о существовании двух немецких наций (концепция двунациональности немецкого народа): социалистической и капиталистической, у которых было общее прошлое, есть разное настоящее, и нет общего будущего. Эта концепция исключала всякую возможность германского объединения. Появился термин, ставший чем-то вроде политического выражения этой идеологической новации, — "*Abgrenzung*" (отграничение, обособление). Из Конституции ГДР 1974 г. было изъято само понятие «единая германская нация», как и всякое упоминание о восстановлении единства Германии как цели государственной политики.

В 1980-е гг. в отношениях двух немецких государств появились новые черты. С одной стороны, ободренное волной международного признания и большим количеством государственных визитов представителей западных стран в ГДР, руководство СЕПГ стремилось добиться окончательного международно-правового признания своей страны со стороны ФРГ.

В октябре 1980 г. Хонеккер сформулировал четыре требования к правительству ФРГ, выполнение которых рассматривалось как необходимая предпосылка для развития нормальных отношений между германскими государствами. Западногерманское правительство должно было признать гражданство ГДР, согласиться на преобразование постоянных представительств в посольства, ликвидировать созданное в 1961 г. в Зальцгиттере (ФРГ) Центральное ведомство по учету нарушений прав человека в ГДР. Четвертым требованием было установление границы по Эльбе на основе международного права, то есть по оси фарватера, в то время как в ФРГ границы между Западной и Восточной Германиями рассматривались как особые, внутригерманские.

С другой стороны, ГДР (как и ФРГ) стремилась избежать долгосрочного ухудшения внутригерманских отношений. В официальной пропаганде ГДР с начала 1980-х гг. стал акцентироваться общегерманский мотив. Все чаще используется тезис об «общем культурном наследии». На встрече Хонеккера и Шмидта в декабре 1981 г. впервые прозвучала формула об «общей ответственности за то, чтобы с немецкой земли никогда более не исходила опасность войны». Руководство ГДР не примкнуло к пропагандистской кампании, которую развернул Советский Союз в связи с размещением американских ракет средней дальности в ФРГ.

Западногерманское правительство «вознаградило» Хонеккера за такую позицию. Не форсируя развитие событий и не афишируя свои действия, оно предоставило ГДР в 1983-1984 гг. два кредита на общую сумму 1,9 млрд марок и устроило пышный прием на высшем уровне в 1987 г. во время его первого официального визита в ФРГ. Хонеккер связывал с этим визитом надежду на окончательное признание ГДР со стороны ФРГ, но этого не произошло. Однако экономическая и финансовая помощь, которая была поставлена при Коле на регулярную основу, позволяла руководству ГДР сохранять платежеспособность перед западными кредиторами и решать социальные проблемы. При молчаливом согласии обоих правительств активизировались культурные и спортивные контакты, расширялся молодежный обмен, устанавливались прямые связи между университетами двух стран, городскими общинами, группами творческой интеллигенции. Получила распространение новая форма сотрудничества — партнерство между городами ФРГ и ГДР. Смягчение позиций во взаимоотношениях с ФРГ было вызвано прагматичным стремлением руководителей СЕПГ укрепить свою власть. Все это, конечно, подрывало основы

официальной политики ГДР в германском вопросе, ориентированной на «отгораживание» от другого германского государства, и стало самоубийственным для режима СЕПГ.

С возвращением в 1982 г. к власти в ФРГ ХДС/ХСС ключевым лозунгом германских отношений стал лозунг «поворота»: от пассивности к более активной политике. Коль, выступая 23 июня 1983 г. в бундестаге, вновь ввел в оборот изъятый Брандтом термин «разделенная Германия». Он изложил тезисы по германской политике нового федерального правительства. Их основная суть состояла в том, что хотя «национальное государство немцев разрушено», «немецкая нация осталась, и она будет существовать в дальнейшем». Коль говорил о том, что немцы никогда не примирятся с разделом своего отечества, но при этом он подчеркивал, что «преодоление состояния раскола» возможно только в «рамках прочного мирного урегулирования в Европе».

Правительство ФРГ продолжало политику «малых шагов», начатую Брандтом и направленную на «размягчение» границы между германскими государствами. Это были конкретные мероприятия в области экономики, культуры, человеческих контактов, подчеркивание «особого характера» торгово-экономических отношений с ГДР как отношений между двумя частями одной страны. В рамках «внутригерманской торговли» власти ФРГ предоставили ГДР ряд льгот: так, например, товары из ГДР не облагались налогами при продаже их на внутреннем рынке ФРГ, а через кооперацию с западногерманскими торговыми фирмами они могли реализовываться и на рынках стран — членов Европейского сообщества. Большое внимание уделялось созданию и усовершенствованию совместных транспортных, энергетических систем и систем связи, что все более тесно скрепляло между собой ФРГ, ГДР и Западный Берлин. На развитие инфрастуктуры (например, сооружение и ремонт автострад, усовершенствование телефонных сетей и введение в них автоматической связи, электрификация отдельных участков железной дороги и пр.) западногерманской стороной были выделены многомиллиардные суммы. Такая политика правительства ФРГ была направлена, безусловно, на все более тесное привязывание к себе ГДР. Развитие совместной инфраструктуры впоследствии технически облегчило восстановление единства страны.

Германо-германские отношения в 1980-е гг. сводились в основном к ставшим традиционными сделкам «деньги в обмен на облегчение положения людей». Никаких планов, предусматривавших

достижения конкретных целей, у руководства ФРГ не было. Оно не предпринимало никаких активных действий, направленных на воссоединение. Но кризис СССР и всей социалистической системы на рубеже 1980–1990-х гг. вновь поставил на повестку дня международной жизни германский вопрос. Его скорейшее решение превратилось в важнейшее условие обеспечения европейской безопасности. Прав был в свое время Брандт, когда писал, что «история не только накопила ненависть к немцам, но и научила, что мир в Европе без немцев немыслим». Нужно было найти компромисс между гарантиями безопасности и стабильности для европейских народов и законностью требования немецкого народа на право самоопределения и воссоздания единого национального государства.

2. На пути к единому государству

Попытки стабилизации. Деятельность «круглого стола»

Политическая ситуация в ГДР поздней осенью 1989 г. была отмечена определенным вакуумом в управлении страной: СЕПГ сдавала свои позиции, правительство Модрова теряло контроль над политическими и экономическими процессами, а неоднородная и неорганизованная оппозиция была не в состоянии взять власть в свои руки. В этих условиях на разных уровнях — на предприятиях, в учреждениях, общинах — стали возникать «круглые столы» для обсуждения и решения повседневных вопросов. Они стали институциональной формой переходного политического периода и одновременно отражением высокой общественно-политической активности.

Стремясь сохранить контроль над ситуацией, правительство Модрова предложило провести «центральный круглый стол», пригласив оппозицию для переговоров и консультаций. Первое заседание с участием правительства и представителей ряда оппозиционных групп при посредничестве церкви состоялось 7 декабря 1989 г. В заявлении по его итогам было высказано намерение выработать предложения для выхода из кризиса, а также «осуществлять общественный контроль в стране, вплоть до проведения свободных демократических выборов». Стратегия оппозиции заключалась в том, чтобы лишить СЕПГ ключевой роли в управлении страной. В то же время позиция участников «круглого стола» отразила стремление сохранить в обновленном виде существование ГДР. Однако, такой подход противоречил

настроениям большинства населения, выступавшего за объединение с ФРГ. В оппозиционном движении произошел раскол: одни выступали за сохранение государственности ГДР и ее развитие по «третьему пути» между капитализмом и социализмом; другие отрицали любую альтернативу объединения с ФРГ.

Представители оппозиции вошли в состав коалиционного «правительства национальной ответственности» под руководством Модрова в январе 1990 г. Заслугой оппозиции стало пресечение попытки СЕПГ — ПДС сохранить министерство госбезопасности, переименовав его в «ведомство национальной безопасности». Роспуск штази был одним из главных требований оппозиции и массовых демонстраций. Руководством органов госбезопасности в ноябре 1989 г. был издан приказ об уничтожении служебной документации — донесений штатных сотрудников и тайных агентов, личных досье на миллионы граждан, чтобы скрыть доказательства своей деятельности. Общественность требовала открыть доступ к архивам штази. 15 января 1990 г. около 100 тыс. человек провели демонстрацию возле здания министерства госбезопасности, несколько тысяч человек ворвались внутрь, чтобы предотвратить уничтожение документов. Во многих городах были созданы общественные комитеты, которые взяли под контроль здания и деятельность местных органов штази. В соответствии с договоренностями «круглого стола» правительство приняло решение о расформировании службы госбезопасности. «Щит и меч» режима СЕПГ прекратил свое существование.

Положение «правительства национальной ответственности», в которое входили представители 13 партий и объединений, было неустойчивым: происходил фактический распад государственных структур, по-прежнему несколько тысяч человек ежедневно уезжали в ФРГ, экономическое положение продолжало ухудшаться. Начатая правительством экономическая реформа была непоследовательной, так как оставались бюрократические препоны для частного предпринимательства, свобода ценообразования была ограничена, сохранялось значительное влияние центральных органов управления экономикой. Правительство не пользовалось доверием и поддержкой в обществе. Стало очевидно, что без финансовой помощи извне невозможно стабилизировать ситуацию и остановить процесс внутреннего распада ГДР.

Попыткой найти поддержку со стороны СССР стал визит Модрова в Москву в конце января 1990 г. Однако Горбачев твердо заявил о том, что объединение Германии неизбежно и что решение должны

принимать сами немцы. При этом советский лидер был убежден, что процесс объединения двух государств будет длительным, учитывая сложность связанных с ним проблем.

Последней надеждой стабилизировать положение или хотя бы продлить существование ГДР была финансовая помощь ФРГ. 13 февраля 1990 г. в Бонне состоялась встреча Модрова с Колем, во время которой глава правительства ГДР потребовал срочной финансовой поддержки. При этом Модров высказался против «аншлюса» ГДР, ссылаясь на опасность «четвертого рейха», который вызовет страх соседей Германии. Канцлер Коль ответил отказом и дал понять, что ФРГ твердо намерена идти по пути объединения.

Первые свободные выборы в Народную палату

На 18 марта 1990 г. были назначены выборы в Народную палату, в ходе которых, по существу, должен был решаться вопрос о дальнейшей судьбе ГДР. СЕПГ–ПДС надеялась на победу, рассчитывая на разветвленный партийный аппарат, большой опыт агитационно-пропагандистской деятельности, а также на то, что ее конкуренты — «старые» партии ГДР и недавно созданные новые партии и движения не сумеют мобилизовать свои силы.

После роспуска Национального фронта ГДР «блоковые» партии — ХДС, ЛДПГ, НДПГ и ДКПГ отказались от приверженности социализму в своих программах и обновили руководство. Новые партии и общественно-политические движения, созданные осенью 1989 и в начале 1990 г., представляли широкий идейно-политический спектр на базе принципов демократии. При этом существенную роль играли партии ФРГ, которые стремились расширить и закрепить на перспективу свое политическое влияние. Они оказывали моральную поддержку и материальную помощь «родственным» партиям: ХДС/ХСС — восточногерманскому ХДС, СДПГ — Социал-демократической партии, СвДП — либеральным демократам. При прямой поддержке ХДС/ХСС и лично канцлера Коля был образован «Альянс за Германию», в который вошли ХДС ГДР, Немецкий социальный союз, близкий по своим позициям баварскому ХСС, и родившийся из движения протеста осенью 1989 г. «Демократический прорыв». В целом своих кандидатов выставили 24 партии, движения и объединения, участие в выборах приняли 93,4 % избирателей. Почти половину голосов (более 48 %) получил «Альянс за Германию», выдвинув самый актуальный тогда для большинства немцев лозунг «Германия — единое отечество». На втором

месте с 20 % голосов оказались социал-демократы. СЕПГ–ПДС, которая 40 лет управляла страной, смогла набрать лишь 16,3 %, за другие партии проголосовало незначительное число избирателей.

Результаты выборов 18 марта 1990 г. ясно показали желание большинства населения объединиться с ФРГ. С выборами закончился «революционный» период в развитии событий 1989–1990 гг. в ГДР, теперь предстояло решение вопросов, непосредственно связанных с объединением. Новый состав Народной палаты единогласно проголосовал за отмену преамбулы к конституции ГДР, где говорилось о «социалистическом государстве рабочих и крестьян». Новым главой правительства был избран лидер восточногерманского ХДС ***Лотар де Мезьер*** (род. 1940), в состав правительства вошли представители партий «Альянса за Германию», а также социал-демократы и либералы. В ходе коалиционных переговоров при формировании правительства было согласовано ключевое решение о вступлении ГДР в состав ФРГ. В заявлении правительства 19 апреля подчеркивалось: «Народ ГДР является частью единого немецкого народа, который снова должен быть вместе». Главной задачей правительства де Мезьера стала подготовка к практическому объединению.

Ведущие партии ФРГ, кроме «зеленых», разделяли идею восстановления единства Германии, различия были лишь в подходах к срокам и темпу объединительного процесса. ХДС/ХСС и СвДП выступали за скорейшее объединение, насколько это позволит урегулирование международных аспектов. СДПГ была против ускоренного объединения, полагая, что государственно-политическая интеграция должна сопровождаться социально-экономической, а выравнивание условий жизни потребует времени и немалых финансовых средств. Общественное мнение в ФРГ в большинстве поддерживало идею объединения Германии, однако степень интереса к этой проблеме была значительно ниже, чем в политических кругах. Среди левых интеллектуалов были противники воссоединения. Известный писатель Гюнтер Грасс заявил о том, что немцам не надо этого делать, учитывая их ответственность за преступления перед другими народами в прошлом, и выступил за конфедерацию двух государств.

Переговоры «2 + 4»

Стремительное германо-германское сближение сделало необходимым скорейшее урегулирование международно-правовых аспектов объединения Германии. Оно являлось не только внутренним делом двух немецких государств. Речь шла, прежде всего, об обеспе-

чении европейской безопасности, о гарантиях нерушимости послевоенных границ в Европе. Общественное мнение в мире, и особенно в Европе, неоднозначно восприняло близкую перспективу объединения Германии. Всколыхнулись прежние страхи ближайших соседей Германии. Для великих держав резкое сближение ФРГ и ГДР стало неожиданностью. Они были вынуждены начать переговорный процесс по германскому вопросу и проводить его в ускоренном темпе.

С точки зрения многих европейских политиков, оптимальным вариантом объединения Германии было синхронизирование его с созданием новой европейской структуры коллективной безопасности, которая включала бы в себя и западную, и восточную части Европы, а также США и Канаду. Однако для осуществления такой концепции необходимо было время и политическая воля лидеров мировых держав, что затянуло бы процесс объединения. Руководство ФРГ во главе с Колем, боясь упустить свой шанс, стремилось этот процесс форсировать.

Определение международно-правовой формулы объединения Германии стало предметом переговоров в формате «2 + 4» (ФРГ, ГДР и четыре державы-победительницы: СССР, США, Великобритания, Франция) — «для обсуждения внешних аспектов достижения германского единства, включая вопросы безопасности соседних государств». Начало им было положено 12 февраля 1990 г. в Оттаве во время первой и единственной конференции министров иностранных дел государств НАТО и ОВД. После предварительной работы экспертов 5 мая 1990 г. в Бонне прошла первая встреча министров иностранных дел шести стран, затем последовало еще три раунда их переговоров.

Основные трудности на переговорах вызвали вопросы о военном статусе объединенной Германии, о сопрягаемости переговоров по внутренним и внешним аспектам объединения, о реализации прав и ответственности четырех держав, о пребывании иностранных вооруженных сил на территории Германии. Ключевым был вопрос о военно-политическом статусе Германии, он волновал всех участников переговорного процесса. СССР первоначально отстаивал идею нейтралитета Германии с созданием в Европе параллельно структур коллективной безопасности. Западные державы четко и однозначно заявили, что нейтралитет объединенной Германии для них совершенно неприемлем, и она должна оставаться членом НАТО. Нейтральный статус Германии отвергался, прежде всего, ссылками на печальный опыт истории и необходимостью в связи с этим контроля над

военно-политической деятельностью страны, дважды развязавшей мировые войны.

Лидеры Великобритании — Маргарет Тэтчер, и Франции — Франсуа Миттеран, занимали довольно сдержанную позицию, опасаясь превращения объединенной Германии в европейскую сверхдержаву и соответственно ослабления своих позиций. С самого начала безоговорочную поддержку действиям Коля оказал американский президент ***Джордж Буш-старший*** (род. 1924), увидевший в объединении Германии возможность для глубоких геополитических перемен в мире — изменения баланса сил в пользу США и НАТО.

Коль проявил необычайную активность, встречаясь с лидерами СССР, США, Великобритании и Франции, проводя регулярные беседы с послами этих стран в ФРГ. Особое значение он придавал ускорению темпов переговорного процесса, поскольку опасался неожиданных изменений в международной обстановке, которые могли бы поставить под вопрос объединение Германии. Канцлер апеллировал к международному праву, заявляя о приверженности европейскому процессу, в рамках которого должно было осуществиться объединение. Конечно, Колю пришлось предоставить гарантии безопасности и стабильности, убедить в приверженности идеям мира, демократии и европейского единства. Немецкие политики постоянно подчеркивали, что их цель — не «германская Европа», а «европейская Германия», и не случайно, Коль объявил воссоединение Германии этапом европейской интеграции.

Прежде всего он стремился достичь взаимопонимания с Горбачевым, понимая, что именно от позиции Советского Союза зависела дальнейшая судьба Германии. Во время визита Коля и Геншера в Москву в феврале 1990 г. Горбачев, к радости федерального канцлера, сделал заявление о том, что «вопрос о единстве немецкой нации должны решать сами немцы и сами определять свой выбор, в какие сроки, какими темпами и на каких условиях они это единство будут реализовывать». Тем самым Коль получил полную свободу на внутригерманских переговорах. В апреле 1990 г. он передал через советского посла в ФРГ, что его правительство готово заключить широкий двусторонний договор с СССР и оказать ему экономическую поддержку, если тот согласится с членством объединенной Германии в НАТО (такой договор — о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве — действительно был подписан 9 ноября 1990 г.).

Решающую роль в успешном для ФРГ завершении переговорного процесса в формате «2 + 4» сыграло решение Горбачева передать на

усмотрение руководства объединенной Германии вопрос о принадлежности страны к военным и экономическим блокам, ускорить вывод советских войск из ГДР. Эта договоренность была достигнута во время визита Коля и Геншера в СССР 14–16 июня 1990 г. Со своей стороны германский канцлер пообещал взять на себя расходы, связанные с выводом советских войск с территории Восточной Германии, и предоставить СССР очередной кредит на сумму в 5 млрд марок. На изменении позиции СССР в германском вопросе сказалось оказание широкомасштабной экономической помощи Советскому Союзу со стороны ФРГ, а также предоставление ему странами Запада гарантий безопасности в военно-политической сфере.

Параллельно проходили встречи министров иностранных дел ФРГ и Польши при посредничестве Франции, чтобы окончательно урегулировать вопрос о германо-польской границе и навсегда устранить страхи поляков по поводу возможных территориальных притязаний со стороны Германии. 8 марта 1990 г. бундестаг принял резолюцию о признании нерушимости польской западной границы по линии рек Одер–Нейсе и уважении суверенитета и территориальной целостности Польши. 21 июня 1990 г. парламенты ФРГ и ГДР приняли одновременно резолюции, в которых от имени будущей объединенной Германии заявили об обязательстве подписать с Польшей договор. В него должно было быть включено уже согласованное положение о нерушимости существующих границ и обязательствах соблюдать суверенитет и территориальную целостность обеих стран по отношению друг к другу. Такой договор был подписан 14 ноября 1990 г.

Правовое урегулирование внутренних аспектов объединения

Одновременно между правительствами ГДР и ФРГ велись переговоры по конкретным вопросам и деталям внутренних аспектов объединения. Спорным был вопрос о курсе марки ГДР к западногерманской марке при переходе к единой валюте. Правительство ГДР настаивало на курсе обмена 1:1. Несмотря на возражения экспертов и Федерального банка, правительство ФРГ согласилось на это при обмене денег для населения — до 4 тыс. марок (для пенсионеров — 6 тыс.), более крупные суммы обменивались в соотношении 2:1. При этом политические соображения явно взяли верх над экономическими, что создавало угрозу для стабильности экономики Германии.

Был учрежден фонд «Немецкое единство» в размере 115 млрд марок для финансирования необходимых мероприятий, создано По-

печительское ведомство для проведения приватизации предприятий в Восточной Германии. С 1 июля 1990 г. вступил в силу «Договор о создании экономического, валютного и социального союза», в соответствии с которым западногерманская марка стала единственным средством платежей, а экономическая и социальная система ФРГ была фактически распространена на ГДР.

Экономика ГДР, оказавшись в рыночных условиях, впала в глубокий кризис, чреватый полным экономическим коллапсом. Это заставило ускорить урегулирование вопросов государственно-правовых аспектов объединения. 23 августа 1990 г. Народная палата подала официальное заявление о вступлении ГДР в состав ФРГ на основании статьи 23 Основного закона, которая предусматривала «возможность вхождения в Федеративную республику территорий, населенных немцами». Было восстановлено историческое государственно-территориальное деление на земли: Бранденбург, Мекленбург — Передняя Померания, Саксония, Саксония — Анхальт и Тюрингия.

31 августа 1990 г. в Бонне между ФРГ и ГДР был подписан «Договор о восстановлении единства Германии (Договор об объединении)». 45 статей регулировали и унифицировали правовые основы в различных сферах — от налоговой системы и имущественных отношений до образования и культуры. В сентябре были подписаны дополнительные протоколы, в частности о сохранении и использовании документов бывшего министерства госбезопасности ГДР. Таким образом, к концу сентября были созданы внутренние правовые предпосылки для объединения.

Основной закон ФРГ 1949 г. стал конституционной основой для новых федеральных земель, при этом статья 23 была отменена. Альтернативой объединению на базе и в рамках Основного закона ФРГ могла стать разработка обоими государствами новой конституции, что позволило бы ГДР внести свои предложения и обеспечить ее равноправное положение. Однако это предполагало длительный процесс, в то время как доминантой настроений в политических кругах и среди населения ГДР было скорейшее объединение.

Международно-правовое урегулирование объединения Германии

12 сентября 1990 г. в Москве министры иностранных дел шести государств (ФРГ, ГДР, США, СССР, Великобритании и Франции) подписали Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. Были подтверждены внешние границы объединен-

ной Германии и зафиксирован ее отказ от любых территориальных претензий. Германии запрещалось производить, владеть и распоряжаться оружием массового уничтожения (ядерным, химическим и биологическим), ее армия должна была быть сокращена в течение 3–4 лет до 370 тыс. человек. Подтверждалось обязательство Германии, что с немецкой земли не будет исходить угроза миру. Она давала гарантии демократического развития страны. Договором предусматривался вывод советских войск с территории Восточной Германии, и оговаривалось, что иностранные войска, ядерное оружие или его носители не могут размещаться на территории бывшей ГДР.

Было подписано специальное соглашение между ФРГ и СССР об условиях и сроках пребывания и вывода советских войск до конца 1994 г. с территории бывшей ГДР. Правительство ФРГ подтвердило свою готовность внести вклад в финансирование вывода советских войск в размере 7,5 млрд долларов.

1 октября 1990 г. в Нью-Йорке министры иностранных дел шести держав подписали еще один документ — Протокол о прекращении в связи с объединением Германии действия четырехсторонних прав и ответственности в отношении Берлина и Германии в целом. Этот документ — об истечении прав оккупационного времени держав-победительниц — изменил внешнеполитическое положение объединенной Германии: она наконец полностью восстановила свой суверенитет и сама могла определять свои внешнеполитические ориентиры.

В ночь со 2 на 3 октября 1990 г. вступил в силу Договор об объединении, пять новых восточногерманских земель вошли в состав ФРГ. ГДР прекратила свое существование. Эта ночь стала самой длинной в послевоенной немецкой истории — с фейерверками, колокольным звоном и народными гуляниями. Отныне 3 октября — национальный праздник ФРГ, День немецкого единства.

Объединение Германии явилось крупнейшим политическим событием конца XX в. Была подведена окончательная черта под послевоенным урегулированием, закончилась «послевоенная эпоха». Объединенная Германия с первых минут своего существования стала равноправным и суверенным членом мирового сообщества.

ГЛАВА IX

ОБЪЕДИНЕННАЯ ГЕРМАНИЯ (1990 — НАЧАЛО 2000-х гг.)

Объединение Германии привело к территориальному, демографическому расширению страны, росту ее политического и экономического потенциала, обусловило качественно новое положение ФРГ в Европе и мире. Германский вопрос был закрыт политически и юридически. Начался новый период германской истории, период развития единой, стабильной, экономически мощной и влиятельной в международных отношениях ФРГ.

1. Государственно-правовое устройство объединенной Германии

С ФРГ граничат девять соседних государств: Дания на севере, Голландия, Бельгия, Люксембург и Франция на западе, Швейцария и Австрия на юге, Чешская республика и Польша на Востоке. По своей территории (356, 85 тыс. кв. км) Германия занимает третье место в Западной Европе после Франции и Испании. Число жителей после объединения составило 82 млн человек.

В пяти восточногерманских землях были восстановлены их исторические флаги и гербы. Ныне в состав Германии входит 16 земель. С 3 октября 1990 г. флагом единой Германии является черно-красно-золотой, который символизирует единство и свободу. Памятнику архитектуры — Бранденбургским воротам, был придан статус национального символа. Они являются напоминанием о периоде раскола Германии и исторических событиях 1989–1990 гг., приведших к его преодолению.

В 1990-е гг. в Германии неоднократно возникали дискуссии по поводу реформы конституционного устройства страны. В 1992 г.

была утверждена новая редакция статьи 23 Основного закона ФРГ, которая закрепила права федеральных земель на участие в процессе европейской интеграции. В свою очередь, статья 24 Основного закона допускает, что часть национального суверенитета может быть передана организациям Европейского союза.

Как известно, в процессе объединения не была реализована статья 146 Основного закона ФРГ, которая предусматривала созыв Учредительного собрания и выработку новой общегерманской конституции, учитывающей интересы населения обеих частей страны. Жители новых земель Германии добились создания комиссии бундестага, которая занялась изучением вопроса о целесообразности поправок к конституции. Речь шла о сохранении таких «социальных достижений» ГДР, как право на труд и жилье, а также включении в нее плебисцитарных элементов: всенародный опрос, народная инициатива, референдум для решения наиболее важных общественных проблем. Но в октябре 1994 г. парламентская комиссия отклонила эти требования. Предлагается осуществить реформу бундесрата и ввести «сенатские» — прямые выборы в него. Обсуждается также вопрос о расширении полномочий президента, который ныне выполняет в государстве преимущественно представительские функции.

20 июня 1991 г. в бундестаге ФРГ проходили дебаты по поводу германской столицы. Хотя статья 2 договора об объединении страны гласила: «Столицей Германии является Берлин», но этому решению многие противились. В полемике при характеристике старой и новой столицы сложились понятия Боннской (1949–1990) и Берлинской республик (с 1990), обозначающие не только место столицы, но и различный характер двух республик.

При голосовании незначительным большинством голосов (338 против 320) было решено, что новой столицей Германии будет Берлин, и он станет местом работы президента и бундестага. Бундесрату было рекомендовано остаться в Бонне.

В декабре 1991 г. правительство постановило, что в Берлин будут переведены канцелярия федерального канцлера, служба прессы и информации правительства и восемь министерств, а местом пребывания других семи останется Бонн. В 1998 г. решение о переезде в Берлин принял бундесрат, дабы не быть оторванным от политического центра страны. Чтобы компенсировать населению Бонна утрату статуса столицы, была принята «программа выравнивания». Бонн получил статус федерального города, и в него были переведены представительства ряда организаций ООН, Центр сотрудничества

человек. Сохранению авторитета партии способствовало ее участие в правящей коалиции и поддержка либералов бывшей ГДР, которым была присуща приверженность национальной идее, социальным вопросам, ориентация на средние слои. Но к середине 1990-х гг. эти преимущества были исчерпаны. СвДП стала терять не только избирателей, но и членов партии, прежде всего на востоке страны. В 1996 г. в ней осталось 81 тыс. членов. В 1990-е гг. у нее так и не появился лидер, способный сравниться по политическому весу и популярности с Х.-Д. Геншером. Традиционные избиратели из западных земель были разочарованы отступлением руководства свободных демократов от ряда принципов либерализма в политике, неопределенностью, противоречивостью программных принципов, принятых в 1997 г. отсутствием в них новых идей. Сторонников СвДП в новых землях оттолкнуло заявление ее лидеров о том, что она является «партией хорошо зарабатывающих людей».

Социал-демократическая партия Германии — крупнейшая политическая партия страны (774 тыс. членов в 1998 г.) также получила пополнение за счет объединения с партией социал-демократов, возникшей в ГДР в 1989 г. В начале 1990-х гг. СДПГ пережила кризис, связанный с неоднократной сменой руководства и пересмотром ряда программно-политических установок. Поиски идентичности партии и борьба в руководстве были примечательны для нее и в конце десятилетия. В 1998 г. СДПГ выиграла выборы в бундестаг под председательством *Оскара Лафонтена* (род. 1943), но из-за острых столкновений с канцлером Герхардом Шрёдером Лафонтен ушел в отставку. Весной 1999 г. Шрёдер по традиции совместил в своих руках пост председателя партии и канцлера ФРГ. Однако с 2004 г. он отказался от председательства в СДПГ под предлогом необходимости «сосредоточиться» на ответственных обязанностях федерального канцлера. Новым председателем партии стал *Франц Мюнтеферинг* (род. 1940).

В мае 1993 г. в Лейпциге состоялся объединительный съезд западногерманских «зеленых» с восточногерманским «Союзом 90». Единая организация получила название *«Союз 90/Зеленые»*. Ныне ее курс определяют представители группировки «реалистов», приверженцев прагматичного курса. Они выступили за сотрудничество с другими партиями, прежде всего с СДПГ. «Реалистам» удалось вытеснить «традиционалистов», которые сохраняли приверженность главной проблеме «зеленых» — экологии и отвергали участие в политических коалициях. Под руководством «реалистов» «зеленые», не отказываясь от экологической тематики, включились в решение проблем европей-

ской безопасности, социальных вопросов, сотрудничества с развивающимися странами, равноправия женщин, развития демократии. Этот сдвиг способствовал их успехам на федеральных и земельных выборах второй половины 1990-х гг. В 2000 г. партия «Союз 90/Зеленые» насчитывала около 50 тыс. человек.

Партия демократического социализма — (ПДС) сформировалась в декабре 1989 г. на базе ряда оппозиционных ортодоксальному курсу СЕПГ групп, выработала новую программу и устав. Она представляет лиц наемного труда, часть мелких и средних собственников новых земель ФРГ, которые не желают возврата к прошлому, но считают, что интересы населения бывшей ГДР должны быть в большей степени учтены в концепциях общественных реформ. В программе ПДС содержатся требования создания условий для развития экономики восточных земель, ликвидации безработицы и социальных гарантий. Она борется за признание ряда важных достижений за обществом бывшей ГДР. ПДС характеризуют как партию «протестного» типа, партию «социальной справедливости». Она стремится усилить влияние в западных землях ФРГ, в которых ее поддерживают в основном «левые интеллектуалы». Численность приверженцев ПДС на Востоке Германии составляет около 100 тыс., на Западе — не более 2 тыс. человек.

В ФРГ действует еще несколько мелких политических партий, которые не оказывают серьезного воздействия на политическую жизнь и не могут преодолеть 5-процентный барьер на выборах. Это партии ультраправого и ультралевого толка (НДП, ГКП и др.).

Первые выборы в бундестаг единой Германии состоялись 2 декабря 1990 г. В него предстояло избрать 656 депутатов — по 328 депутатов по персональным и партийным спискам. Перед выборами было принято решение, что в новых землях для партий 5-процентная оговорка будет исчисляться не в масштабах всей страны, а по этому региону. В выборах приняло участие 77,8 % избирателей.

Благодаря энергичной и взвешенной политике в вопросе объединения, блок ХДС/ХСС одержал убедительную победу, получив 44,1 % голосов и 319 мест в бундестаге. СвДП набрала 11 % голосов и получила 79 мест в новом бундестаге. Этому успеху либералы во многом были обязаны лично Геншеру, активно способствовавшему воссоединению страны. Сумма голосов, полученных партиями правящей коалиции, означала ее победу.

За СДПГ проголосовали лишь 33,5 % избирателей, что позволило ей получить всего 239 мандатов в бундестаге. Неудачный исход выборов был связан в первую очередь с тем, что СДПГ, где в 1990 г.

произошла смена руководства, в период распада ГДР и развившегося процесса объединения со своим кандидатом в канцлеры О. Лафонтеном оказалась сдержанной и неуверенной в этом важном вопросе.

Трудное положение оказалось у партий, которые рассчитывали получить доверие избирателей новых земель. Блок правозащитных организаций бывшей ГДР, содействовавший мирному перевороту в стране, вступил в предвыборную борьбу как «Союз 90». Он получил 5,2 % голосов и прошел в бундестаг. Партия «зеленых» пережила раскол, в западных землях ФРГ не набрала необходимых 5 % для прохождения в бундестаг и вынуждена была покинуть его. ПДС во главе с адвокатом Г. Гизи получила 10 % голосов восточногерманских избирателей. Это дало ей 17 депутатских мест.

Германский бундестаг нового созыва открыл свои заседания 20 декабря 1990 г. под председательством старейшего депутата, почетного председателя СДПГ В. Брандта. В январе 1991 г. депутаты избрали на новый срок канцлером ФРГ Х. Коля. Его правительству предстояло решить трудные задачи: осуществить политические преобразования, провести смену социально-экономического строя в бывшей ГДР, добиться сплочения нации. Одновременно надо было решать проблемы европейской интеграции и определить роль единой Германии в новых международных отношениях.

2. Экономическое развитие

Раскол Германии породил образование на ее территории двух разнородных и несовместимых экономических систем. Вхождение восточных земель в состав единого государства произошло на условиях признания ими частной собственности, рыночных отношений, свободного ценообразования и конкуренции. Процесс перевода экономики бывшей ГДР, организованной на принципах командно-административной системы, в систему «социального рыночного хозяйства», получил название экономической трансформации или реконструкции. Ее невозможно рассматривать в отрыве от общехозяйственного развития ФРГ. Перестройка восточногерманской экономики началась в период благоприятной конъюнктуры и устойчивого состояния государственных финансов. Но в 1992 г. экономика Западной Германии стала постепенно входить в фазу спада, который зимой 1992–1993 гг. перешел в один из самых глубоких за послевоенную историю страны кризисов. Вследствие этого, перед экономикой ФРГ встали сложные и разнородные задачи: осуществить ее струк-

турную перестройку, приспособиться к потребностям мирового рынка, меняющегося в процессе глобализации, найти пути выхода из кризиса и провести системную реконструкцию экономики на Востоке страны.

В начале процесса трансформации многие жители восточных земель находились в состоянии эйфории и способствовали ее проведению, полагая, что миллиардные инвестиции быстро оздоровят экономику бывшей ГДР и приведут к выравниванию основных социально-экономических показателей в обеих частях страны. Оптимистично оценивали перспективы экономической реконструкции и официальные лица. Так, эксперты фонда «Национальное единство» утверждали, что процесс трансформации закончится к 1994 г. и для его финансирования будет достаточно 115 млрд марок. Они полагали, что в скором будущем экономический рост и укрепление финансового положения позволят бывшим «народным» предприятиям перейти на самофинансирование. Предполагалось, что трансформация пойдет по пути «переваривания» экономической системы социализма рыночной экономикой Запада: полезное будет усваиваться, а неэффективное — отбрасываться. Не случайно в 1990 г. Х. Коль обещал избирателям новых земель «цветущие ландшафты» в самое ближайшее время.

Но реальные процессы перевода централизованно управляемой экономики в экономику, действующую по законам рынка, оказались намного сложнее. У правительства ФРГ не было концепции структурной перестройки восточногерманской экономики и ее поэтапной интеграции в хозяйство всей страны. Поэтому процесс экономической трансформации пошел в основном по пути нерегулируемого «сращивания» плановой экономики бывшей ГДР с рыночной экономикой ФРГ при решающем влиянии западногерманского капитала.

Проведенная западными специалистами экспертиза показала, что технический потенциал и технологии большинства промышленных предприятий Восточной Германии значительно устарели и не могут обеспечить нужное качество продукции; производительность труда на них составляет 30–60 % от этого показателя в старых землях, а конкурентоспособной была признана продукция лишь 10 % предприятий. Многие предприятия были квалифицированы как наносящие вред окружающей среде. Производственные процессы на Востоке страны дезорганизовало прекращение финансирования государством промышленных гигантов — комбинатов, занимавших приоритетное положение в тяжелом машиностроении, химическом

производстве. На падение выпуска продукции повлияло также установление свободных рыночных цен, необходимость проводить природоохранительные мероприятия. Пагубные последствия для предприятий новых земель ФРГ обусловила утрата ими гарантированных, емких рынков восточноевропейских стран и СССР. В свою очередь, после отмены таможенных границ производители восточных земель ФРГ пострадали как от массового притока качественной продукции западных фирм, так и от потока еще более дешевой продукции, хлынувшей из стран Восточной Европы. В связи с ростом цен на энергоносители, сырье, транспортные расходы резко сократились инвестиции восточногерманских предприятий на развитие и модернизацию производства. В 1990–1991 гг. многие предприятия на Востоке ФРГ были закрыты либо пережили драматическое падение производства и прибегли к массовым увольнениям. В перерабатывающей промышленности число трудящихся к 1995 г. сократилось на две трети. Эти факторы ускорили переход к приватизации.

Приватизация в новых землях Германии была проведена в рекордно сжатые сроки по проектам, разработанным на Западе страны. Ведущее место среди них заняло Попечительское ведомство. Основную массу приватизируемого имущества составили 15 тыс. промышленных предприятий, а также недвижимость, земли и лесоводческие площади. В 1990–1991 гг. была проведена «малая приватизация». В руки частных владельцев, в основном жителей бывшей ГДР, перешли тысячи небольших магазинов, гостиниц, кафе, ресторанов, кинотеатров, аптек и пр. Одновременно шла распродажа (как правило, по заниженным ценам) 8 тыс. крупных государственных предприятий. В целом в течение четырех лет промышленность бывшей ГДР перешла в частные руки.

Материальная и социальная цена столь стремительной приватизации оказалась очень высокой. При ее подготовке стоимость выставленных на торги только производственных объединений оценивалась в 800–1000 млрд марок. После окончания работы Попечительского ведомства в 1994 г. оказалось, что вместо гигантских поступлений от продажи бывшей государственной собственности ГДР оно оставило лишь 67 млрд марок и пирамиду долгов в 256,4 млрд марок. По отчетам руководства ведомства прибыль ушла на выплату задолженностей восточногерманских предприятий, на финансовую помощь им, реструктуризацию, санацию окружающей среды. После безрезультатных попыток выяснить истинные причины дефицита бюджета этого ведомства, сумма его долгов была включена в так называемый

А. Меркель

стран Севера и Юга и др. Модернизация, перестройка Берлина и перемещение в него правительственных служб в целом закончилось к 50-летнему юбилею ФРГ в 1999 г.

Партийная система ФРГ и после объединения не претерпела особых изменений. Христианско-демократический союз объединился с восточногерманскими ХДС и Крестьянской партией. Он выиграл от этого, поскольку увеличил за счет слияния число своих членов, получил в распоряжение готовую организационную структуру и часть избирателей на Востоке страны. В ХДС состоит около 670 тыс. человек, до 1998 г. председателем партии являлся Хельмут Коль, в 1998–2000 гг. — ***Вольфганг Шойбле*** (род. 1942). В 2000 г. ХДС впервые в его истории возглавила женщина — жительница Восточной Германии ***Ангела Меркель*** (род. 1954).

Христианский социальный союз объединяет с ХДС идеологическая и политическая общность. Он по-прежнему занимает место на правом фланге среди «демократических, допускаемых законом» организаций, активно выступает в роли «партии порядка», в защиту «национальных интересов». В его деятельности большое место занимают вопросы безопасности страны, проблемы федерализма в Германии и Европе, сохранения нравственных устоев общества. В программе 1993 г. подчеркивается приверженность политическому наследию Ф.-Й. Штрауса. ХСС по-прежнему возглавляет правительство Баварии. В 1990-е гг. его политическое влияние на федеральном и даже региональном уровне снизилось. Численность ХСС — около 180 тыс. человек. С 1999 г. его председателем является ***Эдмунд Штойбер*** (род. 1941).

Свободная демократическая партия в 1982–1998 гг. играла роль младшего партнера по коалиции с ХДС/ХСС. После объединения страны в нее влились либеральные партии и группировки, возникшие еще в ГДР (ЛДПГ, Союз свободных демократов, СвДП в ГДР), и она почти в три раза увеличила свою численность: до 178,6 тыс.

«фонд погашения» и в конечном итоге выплачивалась налогоплательщиками всей Германии.

Оценка деятельности Попечительского ведомства до настоящего времени является одной их спорных страниц истории процесса реконструкции Восточной Германии. Многие склоняются к тому, что распродажи, проводимые ведомством и его многочисленными службами с лихорадочной торопливостью, создавали условия для финансовых злоупотреблений. В итоге приватизации большая часть бывшей «общенародной собственности» ГДР оказалась сосредоточенной в руках представителей крупного промышленного и банковского капитала из западных земель ФРГ, а также иностранных инвесторов. Шансы для более массового и справедливого участия в приватизации жителей новых земель ФРГ не были реализованы. В лучшем случае совладельцами предприятий мелкого и среднего типа становились руководители и представители менеджмента предприятий Восточной Германии.

В процессе приватизации гражданам новых земель ФРГ сразу пришлось столкнуться с давно забытым явлением — массовой безработицей. К середине 1990-х гг. число занятых в промышленности сократилось на одну треть. На протяжении всех 1990-х гг. доля лишь официально зарегистрированных безработных сохраняется на уровне 15–17 % от числа занятых. Эта доля могла быть еще выше, но в первой половине 1990-х гг. ежегодно около 1 млн человек вовлекались в программы занятости, повышения квалификации, переобучения.

Чтобы предотвратить возникновение массового недовольства, правительство Х. Коля было вынуждено постоянно увеличивать расходы на решение социальных проблем жителей новых земель: в первой половине 1990-х гг. 57 % трудоспособного населения получали различного рода социальную помощь. Оплата труда на приватизированных предприятиях Востока Германии оказалась на 30–50 % ниже, чем у соответствующих специалистов на Западе страны. Эти факторы явились причинами оттока населения из новых земель ФРГ в старые: за 1991–2000 гг. число жителей на Востоке страны сократилось на 800 тыс. человек. Но шансы у переселенцев и на Западе ФРГ были невелики, так как после кризиса 1992–1993 гг. и там возникла массовая безработица. Предприниматели старых земель предпочитают местных специалистов из-за большего доверия к ним, соответствия их квалификации западным стандартам, а порой — из-за региональной солидарности. В целом реакция жителей новых земель ФРГ на приватизацию во многом оказалась сходной с реакцией россиян на «шокотерапию» начала 1990-х гг.

Кризисное состояние социально-экономической сферы новых земель потребовало от государства гигантских финансовых вливаний. За 1991–1997 гг. общая сумма трансфертов из федерального бюджета (85 % всех финансовых поступлений) и фондов ЕС составила 1,4 трлн марок, в среднем по 195 млрд в год. Около половины трансфертов направлялось на создание надрегиональной инфраструктуры, призванной облегчить потоки западногерманского капитала, товаров, услуг на Восток ФРГ. Но, несмотря на огромные суммы трансфертов, реконструкция в восточных землях не была завершена и через 10 лет после объединения. Правительство Шрёдера утвердило программу финансирования реформ на Востоке ФРГ до 2019 г. Это решение имеет и политическую подоплеку: лидеры страны стремятся убедить германскую и мировую общественность, что они способны эффективно решить проблему преодоления внутреннего раскола.

Германские эксперты, анализируя итоги, последствия и просчеты реконструкции экономики ГДР, отмечают, что был недооценен уровень ее деформации и степень «разнородности» с экономикой ФРГ, неподготовленность к конкуренции, к гибкой реакции на изменение конъюнктуры. Сказались также ее технологическая отсталость, слабая инновационная деятельность, низкий уровень дисциплины персонала. Поспешность в проведении приватизации во многом была связана и с настойчивым стремлением большей части общества бывшей ГДР как можно скорее включиться в финансовую систему ФРГ, в «социальное рыночное хозяйство».

Негативное воздействие на процесс реконструкции оказало одно из положений Договора об объединении, предписывающее приближать тарифные ставки в восточном регионе к уровню ставок в западном. В итоге, зарплата на Востоке ФРГ росла намного быстрее, чем производительность труда, что ослабило конкурентоспособность экономики новых земель. Даже в 2000-е гг. издержки на единицу продукции остаются здесь на треть выше, чем на Западе.

Тем не менее, несмотря на трудности и ошибочные решения, в процессе экономического выравнивания двух частей Германии были достигнуты значительные успехи. Интенсивное финансирование процесса трансформации принесло свои плоды: в середине 90-х гг. доля внутреннего валового продукта на душу населения в новых землях увеличилась с трети до половины от объема, вырабатываемого в западных землях. Средняя производительность труда на Востоке к 2000 г. достигла 60–70 % от западногерманского уровня. Сблизились структуры промышленности старых и новых земель. Доля новых из-

делий, находящихся на стадии выпуска или выхода на рынок, близка к их доле в старых землях.

На Востоке Германии возникла многоукладная экономика. Здесь утверждается мелкий и средний бизнес, способствуя повышению занятости, решению социальных задач. Динамично развиваются «мануфактуры» — народные промыслы и сфера услуг: страховое и банковское дело, юридическая практика, торговля, гостиничный и туристский сервис, фирмы по организации досуга. Импульс в развитии получили производства, пользующиеся региональным спросом, близкие к источникам сырья. До середины 1990-х гг. бум переживала строительная промышленность. Он был вызван созданием объектов инфраструктуры, природоохранительных сооружений, транспортных систем, спросом на жилье. В области обработки информации производство за десятилетие выросло почти в шесть раз. Этот сектор обеспечил высокое качество услуг, вполне сравнимое с западными стандартами.

Берлин, Дрезден, Лейпциг были модернизированы как хозяйственные и культурные центры. В 2003 г. Лейпциг одержал победу в конкурсе над Дюссельдорфом, Франкфуртом-на-Майне, Гамбургом, и был выдвинут национальным олимпийским комитетом ФРГ кандидатом на проведение летних Олимпийских игр 2012 г.

Особые успехи были достигнуты в модернизации инфраструктуры Восточной Германии. В новых землях возникла мощная телекоммуникационная структура. Число телефонных подключений за 1990-е гг. выросло с 2 до 7,5 млн. Местное телевидение функционирует на базе оптоволоконных линий, широкое распространение получило кабельное TV. Телекоммуникационная структура, созданная на Востоке по новейшим технологиям XXI в., обогнала по ряду показателей систему, действующую на Западе страны. В новых землях вся телефонная техника переведена на новые электронные системах, в старых — 75 %. На Востоке Германии была сформирована современная транспортная система. Здесь было отремонтировано 5,2 тыс. км. железнодорожных путей, 11 тыс. км. автострад. В первую очередь модернизируется 17 «проектов немецкого единства», призванных восстановить транспортные артерии, разорванные после раскола Германии.

В приоритетном положении после объединения страны оказалось старшее поколение новых земель, получившее намного более высокие, чем в ГДР, пенсии, и включенное в более качественную систему здравоохранения. После объединения значительно повысился потребительский стандарт жителей новых земель ФРГ, стал более разнооб-

разным досуг восточногерманского населения. Молодое поколение новых земель обрело возможность получить образование, более соответствующее потребностям современного общества. Однако приобретение современных профессий требует от восточногерманской молодежи проявления конкурентоспособных качеств.

Несмотря на значительные достижения, в процессе интеграции новых земель ФРГ остается ряд проблем. Главной из них является обеспечение самоподдерживающегося роста, возможности решения макроэкономических задач собственными силами. Это позволит резко сократить финансовые трансферты из западной части ФРГ, повысить производительность труда, создать новые рабочие места.

По уровню экономического развития ФРГ входит в страны так называемой «большой семерки». По общему объему валового внутреннего продукта она занимает первое место в Западной Европе и четвертое в мире после США, Японии, Китая. На развитие экономики Германии все большее влияние оказывает быстро развивающийся в 1990-е гг. процесс глобализации. Он побуждает германских товаропроизводителей и правительство во все большей мере ориентироваться на мировые рынки, развитие новых технологий, стимулировать процесс концентрации производства и банков, создания транснациональных корпораций, наращивать импорт и экспорт капитала, перемещать рабочую силу. В целом современная экономическая стратегия ФРГ предусматривает более тесную интеграцию страны в мирохозяйственные связи.

Германия в 2004 г. вышла на первое место в мире, обогнав США по объему экспорта (731 млрд евро). Превышение экспорта над импортом составило 155 млрд евро. В 2004 г. важнейшими экспортными рынками вне Европы были США, Китай, Россия и Япония. Но главными внешнеторговыми партнерами Германии остаются страны ЕС (51,5 %), а из них — Франция, Нидерланды, Великобритания. В последнее десятилетие компании ФРГ успешно проникают на рынки стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, юга Африки, Восточной и Центральной Европы. Ключевые позиции в экспорте Германии занимает продукция химической, электротехнической промышленности, автомобилестроения, машиностроения, точной механика и оптики. Большую часть продукции мирового уровня качества в Германии производят такие крупные концерны, как «Байер» и «БАСФ» — в химии и фармацевтике, «Сименс» и «Бош» — в электротехнике и электронике. Лидерами в тяжелом машиностроении по-прежнему являются — «Крупп», «Тиссен», «Маннесманн», в авто-

мобилестроении — «Даймлер» и «Фольксваген», в оптике и точной механики — «Цейсс». Мировую известность приобрел фармацевтический бизнес ФРГ, стоимость экспортируемой продукции которого в 2001 г. составила 19 млрд евро. В структуре экспорта ФРГ свыше 90 % занимает готовая продукция.

Конкурентоспособность германских товаров обусловлена их высоким качеством, широким ассортиментом, который включает изделия как изготовленные по международным стандартам, так и отмеченные уникальностью. Ввозит ФРГ подъемно-транспортные средства, автомобили, текстиль, одежду. Из-за отсутствия собственных источников энергоносителей она импортирует 98 % нефти, 80 % природного газа, цветной прокат, минеральное сырье.

К концу 1990-х гг. свои позиции на мировых рынках укрепили за счет международных слияний такие немецкие компании, как «Сименс», «Даймлер», «Байер», «Феба». Они вошли в число 500 гигантов мирового бизнеса. Так, в 1998 г. произошло слияние ведущей автомобилестроительной фирмы ФРГ «Даймлер» с американским автомобильным гигантом «Крайслер». Компания «Хёхст» исчезла в результате слияния с «Рон-Пуленк» (Франция), образовав транснациональную корпорацию «Авентис», которая занимает первое место в мире по производству продукции агрохимии и второе — фармацевтических товаров. В 1990-е гг. продолжался процесс концентрации финансового капитала, возглавляемый тремя супербанками: «Дойче банк», «Дрезднер банк» и «Коммерц банк». Эти банки контролируют почти три четверти всего акционерного капитала ФРГ.

Германия занимает третье место в мире по объему инвестиций за рубежом. В настоящее время более 70 % германских капиталовложений приходится на страны ЕС, 9 % — на США. В 2000 г. 28,4 % прямых инвестиций ФРГ были размещены в Великобритании, странах Бенилюкса, Франции, Италии, 38 % — в США. Иностранных инвесторов привлекает в ФРГ устойчивая финансово-валютная система, емкий внутренний рынок, наличие передовых технологий, развитая сеть коммуникаций и транспорта, высококачественный электроток, необходимый для современных производств, высококвалифицированная рабочая сила, правовая защита бизнеса. Иностранный капитал контролирует треть из 30 крупнейших компаний ФРГ, в том числе «Опель», «Юнилевер», «Дойче Шелл», «Ай-Би-Эм Дойчланд» и др.

В 1990-е гг. глобализация вызвала очередной этап структурной перестройки экономики ФРГ. В ходе его изменялось соотношение между отраслями и секторами экономики (сокращалась доля перера-

батывающих и аграрных отраслей), шел поиск новых видов материалов и энергоресурсов, регионов размещения производств, внедрялись новые технологии. Часть материалоемких и экологически грязных производств ФРГ переместила в страны Азии и Восточной Европы. Быстрыми темпами увеличивалась доля сферы услуг. К 1997 г. доля занятых в ней выросла до 63 %.

Конкурентоспособность германских товаров на протяжении 1990-х гг. обеспечивалась благодаря ведущим позициям страны в области научных и технических исследований. По наукоемким производствам ФРГ обгоняет США и конкурирует за первое место в мире с Японией. Германия входит в первую пятерку стран мира по расходам на НИОКР. Она традиционно стремится к развитию своего научного потенциала, а не к покупке патентов. По регистрации патентов ФРГ занимает второе место в мире после США. Ее компании используют большее число патентов, чем все фирмы Западной Европы вместе взятые, и уступают по этому показателю лишь США и Японии.

В экономике ФРГ все более важную роль играют мелкие и средние предприятия (10–500 работников). Они производят 57 % валового внутреннего продукта, создают 70 % рабочих мест. Правительство Г. Шрёдера оказывает им поддержку, обеспечивая законодательную базу для их деятельности, льготное кредитование, налогообложение, содействует кадровой, маркетинговой политике, размещает в них заказы. Предприятия этого типа лучше адаптируются к меняющейся конъюнктуре, лидируют в разработке и внедрении новых технологий, в выявлении новых рынков, чаще обращаются к производствам, связанным с риском. Они менее стабильны в условиях развивающейся глобализации, но более четверти мелких и средних предприятий проникли на рынки ЕС, Азии, Центральной и Восточной Европы.

В аграрном секторе ФРГ трудятся всего 3,2 % от числа занятых, но они в целом обеспечивают население страны высококачественной и сравнительно дешевой продукцией. Сельское хозяйство развивается по интенсивному пути, в нем применяются стимуляторы роста, химические и биологические удобрения, средства защиты растений, достижения генной инженерии. Ведущей отраслью в нем является животноводство.

«Новая ФРГ» увеличила инвестиции в экономику стран Восточной Европы. Наибольший поток капиталов идет в Венгрию, Чехию, Польшу. На экономические связи Германии с Россией негативное воздействие оказали распад СССР и затяжной кризис российской экономики, трансформационные процессы в бывшей ГДР, которая

была крупнейшим торговым партнером СССР. Многие торговые и производственные связи оказались разорванными, и в результате в 1995 г. Россия уступила первое место среди восточноевропейских партнеров ФРГ Польше. Тем не менее в торговле с Россией с начала 1990-х гг. среди развитых стран Запада ФРГ занимает первое место. Ее доля во внешнеторговом обороте РФ составляет около 10 %. Более половины германского экспорта в Россию составляют машины, оборудование, транспортные средства. Германские поставки включают также готовые изделия, легковые автомобили, продовольственные товары. Из России ФРГ получает нефть, нефтепродукты, природный газ, цветные металлы, лесоматериалы, химические удобрения и полуфабрикаты (90 % импорта). Германия инвестировала около 20 млрд марок в сооружение системы газопроводов «Ямал-Европа». Она участвует в создании комплекса установок по производству металлизированных брикетов на Лебединском горно-обогатительном комбинате, прокатного стана на Оскольском электрометаллургическом комбинате, строительстве Северно-Западной ТЭЦ в Санкт-Петербурге и др. Германия и Россия сотрудничают в разработке высоких технологий в авиационно-космических, навигационных спутниковых системах, технологических разработках по экологической тематике.

Торгово-экономические связи Германии и России пережили спад в 1998–1999 гг. — отчасти из-за российского дефолта. Объем германских инвестиций в экономику РФ уменьшился, произошло заметное снижение активности в региональном сотрудничестве, создании совместных предприятий и производств, промышленной и научно-технической кооперации, реализации совместных крупномасштабных проектов (за исключением энергетики).

Положительный сдвиг во внешнеэкономических связях Германии и России произошел в 2000 г., в течение которого товарооборот между партнерами вырос на 60 %, а в 2001–2002 гг. он увеличился еще на 80 %. Стоимость товарооборота в 2001 г. составила 22 млрд долларов. Эксперты дают оптимистические прогнозы на будущее. По их данным, в ближайшие годы он может достичь 40 млрд дол. Благодаря соглашению, заключенному между Германией и Россией в июле 2000 г., были списаны долги РФ на 8 млрд марок и урегулированы ее долговые обязательства. На основании этого соглашения Россия получила кредит в 1 млрд марок для развития германского экспорта. В 2003 г. в России работало 350 совместных российско-германских предприятий и 800 фирм, действующих на базе только немецкого капитала.

Российский экспорт в Германию сдерживают недостаток изделий высоких технологий, негарантированное качество, несоответствие жестким стандартам экологической безопасности, действующим в ЕС. Наращиванию германских инвестиций противодействует несовершенство российского законодательства и банковской системы, сохранение «теневой» экономики, бюрократизация, распространенность коррупции. Особенно рискованными считаются условия деятельности в России для малого и среднего бизнеса ФРГ — ее наиболее динамичного комплекса. Российские инвестиции в Германию составляют около 1,3 млрд долларов. Это, в основном, вложения АО «Роснефть» и РАО «Газпром» в нефтеперерабатывающую и газовую промышленность ФРГ.

Экономическое развитие объединенной Германии в 1990-е гг. отличалось нестабильностью. Выходу ФРГ из кризиса 1992–1993 гг. способствовало проведение приватизации не только на Востоке страны, но и на Западе. В частные руки была передана часть государственной собственности в промышленном секторе, в области связи, транспорта, коммунального хозяйства. В 1996 г. была приватизирована крупнейшая германская телекоммуникационная компания «Дойче телеком».

Во второй половине 1990-х гг. выявилось, что на снижение темпов экономического роста ФРГ и конкурентоспособности германских товаров в процессе глобализации повлиял ряд факторов. Возникший к концу канцлерства Х. Коля огромный дефицит государственного бюджета ограничил возможность правительства оказывать своевременную инвестиционную поддержку производителям. В годы его правления поднялся уровень налогового бремени на предпринимателей и работающих по найму. Налог на прибыль в 1998 г. достигал 45 %, подоходный — 53 %. На конкурентоспособности германских товаров и снижении объемов иностранных инвестиций сказывался самый высокий в мире уровень издержек на оплату труда. Так, в 1995 г. почасовая оплата в ФРГ составляла 45,5 марки в час, в США — 32,6 марки, в Великобритании — 27 марок.

Эксперты отмечают также негативное воздействие на экономический рост ФРГ таких субъективных факторов, как склонность производителей к перестраховке, стремление сохранить статус-кво, недостаточную способность к риску, утрату ими «предпринимательского духа». Необходима более эффективная адаптация системы высшего образования ФРГ к потребностям экономики. «Красно-зеленая» коалиция, вновь победившая на выборах в бундестаг в сентябре 2002 г.,

предложила проведение пенсионной, налоговой реформ, сокращение государственных расходов в области пенсионного обеспечения и здравоохранения, содержания государственного аппарата и др. Предполагалось, что все это сделает рынок труда более гибким, увеличит занятость.

1 января 2005 г. минимальная ставка подоходного налога (доходы от 7665 евро в год) снизились до 15 %, а максимальная (доходы от 52 152 евро) — до 42 %. Маленькие (по германским меркам) доходы — до 7664 евро в год — освобождены от налогов. Налог на прибыль предприятий еще в 2001 г. был снижен до 25 %.

Федеральное ведомство статистики в 2000 г. из каждых 100 занятых отнесло к рабочим 34,6, к служащим и чиновникам — 54,4, к самостоятельным лицам — 10,0 и к помогающим членам семей — 0,9. Таким образом, к началу XXI в. социальная структура ФРГ представляла собой классический вариант «общества 2/3».

В связи с огромными финансовыми затратами на реконструкцию новых земель ФРГ, на приспособление экономики к процессам глобализации и пр., в 1990-е гг. усложнились условия для сохранения и развития в Германии «социального государства». Кризис системы социального обеспечения в последние десятилетия усугубил дефицит рождаемости в сочетании с ростом средней продолжительности жизни (79,5 лет у женщин и 73 года у мужчин в 1998 г.). Это привело к «постарению» нации, в конце 1990-х гг. на 100 работающих приходилось 20 пенсионеров. Снижение доли трудоспособных в составе населения обусловило сокращение выплат в фонды социального страхования.

В современной Германии каким-либо видом страхования охвачено 90 % населения. В 1998 г. максимальный размер платежей составлял 20,3 % от общей суммы заработка, но он гарантировал почти бесплатное лечение, пенсию в 70 %, а пособие по безработице в 60–67 % среднего чистого заработка. Особую перегрузку система пенсионного обеспечения испытала после объединения страны, так как потребовались дополнительные средства на выдачу более высоких, чем в ГДР, пенсий и на медицинскую реабилитацию жителей новых земель, не плативших взносы в страховые фонды ФРГ. Самой острой социальной проблемой в единой Германии является массовая безработица. Если в начале 1990-х гг. в ФРГ насчитывалось 3 млн безработных, в 2003 г. — 4,7 млн, то в январе 2005 г. их количество превысило 5 млн человек. Большие расходы требуются на поддержание системы здравоохранения, которое отличается в Германии высоким качеством.

В 1997 г. совокупная стоимость социальных услуг составила 34,4 % валового национального продукта. К 2000 г. дефицит государственного бюджета приобрел хронический характер и достиг 2200 млрд марок.

Во многом под воздействием процессов глобализации экономики в ФРГ развернулась дискуссия о том, следует ли и в дальнейшем сохранять «социальное государство». По мнению представителей союзов предпринимателей, министерства экономики, Федерального банка и многих политиков, социальная система страны нуждается в радикальной реформе. Некоторые предлагают американизировать уникальную систему социального страхования ФРГ. Реформаторы-неолибералы требует сократить долю государства и предпринимателей в ее финансировании и «повысить личную ответственность граждан».

Правительство ФРГ готово пойти по этому пути, но наталкивается на противодействие профсоюзов, оппозиционных партий, общественных организаций, которые выступают в защиту действующей системы. Они предостерегают, что ее демонтаж приведет к росту социальной напряженности и политической нестабильности. Указывается также, что именно обещание распространить социальную систему ФРГ на жителей ГДР повлияло на их стремление к объединению. От развитой системы социальной помощи не желает отказываться и большинство германских граждан. Поэтому приступить к кардинальной реформе «социального государства» правительство не решается, опасаясь утратить поддержку избирателей.

Правительства Х. Коля и Г. Шрёдера пытались разрешить кризис системы социального обеспечения половинчатыми мерами, постепенно подготавливая общество к проведению более радикальной реформы. Основные усилия направляются на преодоление массовой безработицы. В 1996 г. правительство, союзы предпринимателей и профсоюзы заключили «Союз во имя труда». Из его фондов финансируется подготовка специалистов для наукоемких отраслей, оказывается помощь в выходе на рынок труда молодежи, женщинам, инвалидам. Из него получают помощь начинающие предприниматели, инновационные производства. Резко сокращено финансирование большинства программ повышения квалификации, переобучения, предназначенных для жителей восточных земель. С 2001 г. официально разрешен труд с неполным рабочим днем, работа в воскресный день, надомный труд. В 1990-е гг. были узаконены «тарифные оговорки» — временные трудовые соглашения. Они разрешают

в особых условиях отдельным предприятиям выходить за рамки коллективных договоров и принимать автономные решения. Так, вместо увольнений может сокращаться рабочая неделя и зарплата.

Важной социальной проблемой ФРГ остается дискриминация женщин, особенно восточногерманских, несмотря на декларированное Конституцией равноправие. Они получают меньшую (на 20–30 %) зарплату, чем мужчины. В новых землях доля безработных женщин в два раза выше, чем мужчин. Женщины с детьми откровенно рассматриваются предпринимателями как «фактор риска» и увольняются в первую очередь. Статистика свидетельствует, что женщины поднимаются по карьерной лестнице в 2–3 раза медленнее, чем мужчины, и их отставание нарастает на высших уровнях руководства государством, экономикой, наукой, СМИ. В семье многие женщины подвергаются насилию и унижениям. Женское движение ФРГ выступает за реальную эмансипацию женщин, за их право самостоятельно выбирать отвечающее их интересам сочетание семейных и трудовых отношений. Интересы женского населения в ФРГ представляет головной Совет женщин, объединяющий союзы с 11 млн членов. В 1990-е гг. они добились создания по стране 300 убежищ для женщин, где в случае ухода от мужа они могут вместе с детьми получить приют, защиту, правовую помощь.

В 1990-е гг. были приняты меры по стимулированию рождаемости. Семьи, имеющие детей, могут выбирать между детскими пособиями и налоговыми льготами. Пособия на детей составляли в 1990-е гг. 220–350 марок, но семьи с низкими доходами получали помощь в размере 600 марок ежемесячно до исполнения ребенку 2 лет. На время трехгодичного отпуска по уходу за ребенком действует запрет на увольнение.

Возраст выхода на пенсию установлен в 65 лет для мужчин и 62 года — для женщин. Средний размер пенсии в 2004 г. составлял около 48 % от средней зарплаты. Позволяется, получая часть пенсии, работать далее. Кабинетом Г. Шрёдера намечены контуры пенсионной реформы, рассчитанной до 2030 г. Государство поощряет создание фондов предприятий, из которых они выплачивают пенсии своим сотрудникам. В 2001 г. наряду с обязательными фондами были учреждены индивидуальные накопительные. Но к 2006 г. их доля составит всего 4 %. В будущем предполагается поэтапное сокращение доли пенсии из страхового фонда и увеличение из накопительного. Таким образом, в ФРГ постепенно ограничивается диапазон задач, которые решало «социальное государство». Устойчивость социаль-

ной системы предполагается обеспечить путем наиболее полного участия в ней самих граждан.

3. Общественно-политическое развитие

Проблема иностранцев и переселенцев

Германия оказалась в фокусе миграционных процессов, форсируемых глобализацией. По числу проживающих в ней иностранцев ФРГ занимает третье место в Европе после Люксембурга и Швеции. В ФРГ в 2004 г. проживало около 8 млн иностранцев. Демографы считают, что при сохранении этой тенденции в 2015 г. в Германии некоренное население будет составлять 19 % от всех жителей страны. В составе иностранцев есть выходцы со всех континентов мира, но 80 % из них являются европейцами, а самую многочисленную группу составляют турки, их по разным данным от 2,5 до 3 млн человек. Почти 70 % всех иммигрантов проживают в четырех западных землях: Северный Рейн-Вестфалия, Баден-Вюртемберг, Бавария, Гессен. В новых землях доля иностранцев невелика: лишь в Бранденбурге и Саксонии она достигла 2 %.

В отличие от предшествующих десятилетий, специфика состоит в том, что значительную массу иностранцев составляют беженцы. Это люди, подвергшиеся преследованию на родине по политическим или религиозным мотивам, лица, бежавшие из мест военных и этнических конфликтов. В их состав входит группа «экономических беженцев», покинувших регионы с крайне низким уровнем жизни. Многие из них проникают в ФРГ нелегально. В 1990-е гг. более половины беженцев составляли жители Турции, бывшей Югославии и Румынии. Конец 1980-х — начало 1990-х гг. были отмечены также массовым притоком переселенцев из стран Восточной Европы и республик бывшего СССР, в которых из-за политической и экономической реконструкции возникли политическая нестабильность и бедность.

Наличие столь массовой группы некоренного населения порождает в ФРГ множество социально-политических, правовых, культурных проблем, и урегулирование их превратилось в целое направление внутренней политики. Однако выработка оптимальной политики в отношении иностранцев затрудняется противоречивой оценкой их роли в германском обществе. Постарение и замедление прироста ко-

ренного населения не только вызывает перенапряжение социальной системы, но в ближайшие два десятилетия, по прогнозам демографов, вызовет недостаток рабочей силы. Иностранцы же являются преимущественно людьми молодого и среднего возраста. Так, в 1995 г. 79 % въехавших в Германию были моложе 45 лет, они, как правило, берутся за любую работу, трудятся в двух-трех местах и пополняют взносами социальные фонды страны, помогая тем самым обеспечить высокий уровень жизни немцев-пенсионеров.

Большинство гастарбайтеров, как их часто по традиции продолжают называть, заняты в таких малопрестижных для коренных немцев сферах, как гостиничный сервис, опека инвалидов, престарелых, тяжелобольных, службах по санации общественных мест. Они трудятся также в отраслях, требующих применения тяжелого физического труда либо сопряженных с риском для здоровья: в литейном производстве, горном, строительном деле, сельском хозяйстве, транспорте, на предприятиях атомной промышленности. В 1997-1998 гг. процент безработных от числа занятых составил 10-11 %, среди иностранцев — 23-24 %. Наряду с некоторыми преимуществами, которые дает применение рабочей силы иностранцев и переселенцев, наличие большого числа безработных среди них отягощает институты социального государства ФРГ, углубляет кризис. Лишь 6,5 % иностранцев имеют собственные квартиры или дома, а 90 % арендуют жилье. У коренных жителей это соотношение равно 55 и 43 %.

Для представителей молодого поколения иностранцев острой проблемой является получение качественного образования и квалификации. Хотя их положение улучшилось в сравнении с 1980-ми гг., но в 1997 г. 19,4 % юношей и девушек иностранного происхождения не окончили даже общеобразовательную школу, высшее образование имели лишь 9 % молодых людей (из коренного населения 25,5 %). В 1999 г. около половины молодых иностранцев 20-25 лет обратились к поискам работы, не имея какого-либо профобразования. У иностранцев нередко возникают проблемы межкультурного взаимодействия с коренным населением и другими этносами. Среди них отмечается более высокий уровень криминогенности.

Несмотря на трудности, части иностранцев в 90-е гг. удалось изменить свое положение в лучшую сторону. Это были, прежде всего, те, кто длительное время прожил в ФРГ, адаптировался в ней, получил гражданство, приобрел образование и современную квалификацию. Число имеющих самостоятельное дело увеличилось среди них с 121 тыс. в 1987 г. до 250 тыс. в 1998 г.

В 1990–1993 гг. в ФРГ развернулась кампания массированных нападок на проживающих в ФРГ иностранцев. Ее начали правые издания «Бильд-Цайтунг», «Вельт ам Зонтаг» и др., которые писали о том, что помощь иностранцам обходится германским налогоплательщикам в 3 млрд марок в год и истощает социальные фонды страны, что надо ужесточить иммиграционное законодательство и даже отменить право на убежище. Социологи выявили наличие предубеждений против иностранцев у половины населения ФРГ, у части населения отмечался рост враждебности к иностранцам и готовность к насилию по отношению к ним. Особо высокий уровень агрессии был отмечен в восточных землях. Хотя доля иностранцев в составе населения новых земель составляла в 1991 г. всего 1,1 % (на Западе — 7,3 %), число нападений на них здесь было в два раза выше, чем на Западе. Главной причиной нетерпимости жителей новых земель к переселенцам явилась боязнь, что на «чужаков» будут использованы средства, предназначенные для реформ в их регионе. Весной 1991 г. почти ежедневно происходили блокады и поджоги мест проживания, нападения и избиения иностранцев, которые нередко приводили к тяжелым телесным повреждениям и даже смертям. Агрессивную позицию по отношению к иностранцам в этот период занимали 10–15 % населения страны, главным источником враждебности являются социальные мотивы, ведь в ФРГ переселяются не просто чужие, а бедные чужие.

Законодательство в отношении иностранцев в 1990-е гг. неоднократно изменялось. Власти ФРГ стремились, в первую очередь, создать условия для более полной интеграции в общество тех иностранцев и их детей, которые на законных основаниях прожили в Германии более 20 лет и внесли вклад в ее развитие. В 1992 г. бундестаг принял закон о «поздних переселенцах», который выделил группы иностранцев, получивших приоритеты при въезде в ФРГ. К ним отнесены жители германского рейха, находившиеся на его территории до 31 декабря 1937 г., лица немецкого происхождения, проживавшие в Судетской области, Данциге, Восточной Пруссии. В категорию «поздних переселенцев» входят также этнические немцы, в том числе бывшие граждане СССР, подвергшиеся в 1941–1945 гг. депортации и другим преследованиям из-за своего происхождения. В группу «поздних переселенцев» были включены и граждане ГДР, бежавшие в ФРГ до 1990 г., а также евреи, пострадавшие в период Третьего рейха.

В целом статус «поздних переселенцев» дает право на гражданство по прибытии в Германию и на помощь из ее социальных фондов. Для них создана сеть языковых курсов и программ профессиональной

адаптации. До 1995 г. 50 % въехавших в ФРГ являлись «поздними переселенцами». Лишь из республик бывшего СССР в Германию переселились 1,3 млн человек. Наряду с российскими немцами значительную часть из них составили лица еврейского происхождения, как правило, получившие даже некоторые преимущества перед другими группами «поздних переселенцев».

Новый закон о гражданстве, принятый в 2000 г., облегчает получение статуса гражданства взрослыми иностранцами, особенно европейцами. С 15 до 8 лет снижен срок проживания в стране, дающий статус гражданина ФРГ. Дети иностранцев, родившиеся в ФРГ, получают гражданство сразу. Закон обязывает соискателей гражданства знать немецкий язык, быть в состоянии содержать себя и членов семьи. Правительство Г. Шрёдера в связи с массовой безработицей в стране и ростом недовольства у населения притоком иностранцев, ограничивает импорт рабочей силы.

С 1 января 2005 г. вступил в силу новый «Закон об иммиграции». Вместо прежней запутанной системы с ее пятью видами разрешений на проживание в Германии вводится лишь два вида разрешений: на временное и на постоянное проживание. На постоянное проживание имеют право лица, прибывающие в Германию с целью получения образования, трудовой деятельности в ФРГ, воссоединения семьи, а также по причинам гуманитарного характера. По новому закону квалифицированные иммигранты (ученые, компьютерные специалисты и др.) впредь смогут жить и работать в ФРГ неограниченное время, более надежным станет статус пребывания в ФРГ беженцев, которые подвергались на родине гонениям,

И наоборот, ужесточаются меры и расширяются возможности для депортации из Германии нежелательных иностранцев, подозреваемых в террористической деятельности (особенно тех, которых заподозрили в связях с исламскими террористами), а также проповедующих в Германии идеи расовой или религиозной нетерпимости.

Вводятся совершенно новые положения, которых раньше не было в разрозненном законодательстве по иммиграции. Это положения для тех, кому необходим статус «иммигранта», но реальных оснований нет. Для этого необходимо инвестировать в Германию минимум 1 млн евро и создать здесь, по меньшей мере, 10 рабочих мест.

В области интеграции иностранцев акцент делается на создание языковых и интеграционных курсов для иммигрантов. Поздние переселенцы и члены их семей, намеревающиеся въехать в Германию, должны будут предварительно доказать, что владеют основами не-

мецкого языка, а в самой Германии посещать языковые и интеграционные курсы. Однако их посещение будет носить обязательный, а не добровольный характер.

Благодаря новому иммиграционному закону, впервые официально признается, что Германия — это страна иммиграции, но этот процесс не будет активно расширяться, как это первоначально планировалось, а наоборот, будет строго регулироваться и ограничиваться.

Правый экстремизм

В единой Германии сохранились активно действующие праворадикальные и неонацистские организации. В начале 1990-х гг. было зарегистрировано 76 таких организаций с 42 тыс. членов и 6 тыс. боевиков. В праворадикальном лагере самой известной остается ***Республиканская партия*** (РП), которая наиболее влиятельна в Баварии и Баден-Вюртемберге. Число ее приверженцев оценивается в 15 тыс. человек. Среди них преобладают мужчины до 30 лет с низким образовательным уровнем, выходцы из крестьян, рабочих, мелких предпринимателей и государственных служащих. Партия имеет сплоченное, идейно убежденное ядро, которое увлекает за собой аморфную массу сторонников. К правому радикализму обращаются люди, испытывающие острое недовольство существующей политической системой ФРГ, политикой правительства, неуверенность в будущем, проникнутые националистическими предрассудками.

Лидеры Республиканской партии официально отмежевались от кровавых преступлений нацистов, подчеркивают приверженность Основному закону ФРГ, уважение к правам человека, нацеленность на решение социальных и экологических задач. В то же время «сверхценностью» провозглашается «нация». В Аугсбургской программе (1993) республиканцы выступили в защиту «этнической целостности» немцев, против «европеизации», «американизации», «исламизации», «мультикультуры» и пр. Партия воспитывает ненависть к переселенцам, требует поставить заслон их массовому притоку в ФРГ. Республиканцы обвиняют иностранцев в росте преступности, безработицы, истощении социальной системы и призывают к их изгнанию. Во внешнеполитическом разделе программы РП ставится под сомнение граница по Одеру–Нейсе, вновь высказываются претензии на восстановление Германии в границах 1937 г. Партия хотя и признает необходимость интеграции Европы, но выступает против договора о создании Европейского союза 1992 г., утверждая, что он наносит ущерб национальному суверенитету. Республиканцы ратуют за отказ

Германии от международных обязательств и участия в конфликтах за пределами страны.

Противоречивым является развитие неонацистской ***Национал-демократической партии Германии*** (НДП). В 1990-е гг. ее представительство в ландтагах резко сократилось, до 5,2 тыс. упала численность (1999). Но НДП сохранила свой костяк и пытается использовать недовольство населения безработицей, экономическими трудностями, кризисом социальной системы, притоком иностранцев в ФРГ. Неонацисты особо активную работу развернули в Восточной Германии, где сохраняется экономический кризис, высок уровень безработицы среди местного населения, нарастают экстремистские настроения. Особое внимание они уделяют безработным, утратившим свой статус, молодежи новых земель и переселенцам из стран СНГ, испытывающим трудности в адаптации к жизни в ФРГ.

Опросы 2000 г. выявили у 58 % восточногерманского населения недовольство существующей в ФРГ демократией. Распространение праворадикальных и националистических настроений у части жителей восточных земель ФРГ связано также с крахом социализма, принципов коллективизма и их традиционных представлений о цивилизации Запада. Как и некоторые группы «поздних переселенцев», они нередко склонны к упрощенным толкованиям, предрассудкам в отношении иностранцев. Лидеры неонацистов формируют из переселенцев негерманского происхождения образ «нового врага», убеждают своих сторонников, что иностранцы, наряду с властью, повинны в большинстве проблем этнических немцев. Часть жителей новых земель разделяет суждение правых о том, что правительство сначала должно решить их проблемы, а не тратить средства на иностранцев. За 1990-е гг. численность неонацистов в Восточной Германии выросла в два раза. В 1990–1993 гг. было зарегистрировано около 3 тыс. случаев насилия с их стороны. И в последующие годы применение насилия держалось на стабильно высоком уровне. В 1990–2000 гг. в столкновениях с правыми экстремистами погибло 138 человек.

Праворадикальные объединения широко используют Интернет. Они создали единую информационную сеть, распространяют диски с пропагандистскими материалами, указаниями по изготовлению взрывных устройств и по подготовке провокаций. В ответ на карательные меры государства правые экстремисты производят слияния, создают новые организации, уходят на нелегальное положение. Формированию массового движения препятствуют внутренние междоусобицы, распри в руководстве.

В 1990-гг. в ФРГ создан ряд организаций, деятельность которых направлена против правого экстремизма: «Акция мужества», «Союз во имя демократии и толерантности» и др. В конце 1992 г. в демонстрациях против антисемитизма, насилия, вражды к иностранцам участвовало около 3 млн человек. Неприятие насильственных действий террористического характера возросло после событий 11 сентября 2001 г. в США. Правительство главным средством борьбы с правым экстремизмом считает решение социальных проблем, обеспечение стабильного экономического роста, знакомство с культурой других народов.

Проблема «преодоления прошлого»

Одной из важных и сложных проблем общественно-политического и духовного развития Берлинской республики является непрекращающаяся дискуссия о «двух германских диктатурах». При этом, как пишет в своей книге «Искупление» российский исследователь А. И. Борозняк, в «новой ФРГ» получила распространение новая версия концепции тоталитаризма, приверженцы которой склонны к уподоблению политического режима национал-социализма режиму, существовавшему в ГДР. Некоторыми историками ФРГ используется термин «вторая германская диктатура», а к «12 годам Третьего рейха» ими порой без особых доказательств прибавляются «40 лет диктатуры СЕПГ». Но в целом эта позиция не является доминирующей в современной исторической науке ФРГ и считается большинством ученых крайней, возможной лишь в общественно-политической полемике.

Однако тезис о режиме, созданном СЕПГ, как диктаторском и репрессивном получил довольно широкое распространение в общественном мнении. Этот подход наложил отпечаток и на правительственную политику. После объединения правительством Х. Коля была поставлена задача проведения систематической уголовно-правовой работы в этом направлении. Ее возглавило Ведомство по расследованию преступлений, совершенных представителями руководства ГДР за период ее существования и в процессе объединения. Оно занялось расследованием деятельности ряда должностных лиц бывшей ГДР. Небольшая часть их была привлечена к суду — это пограничники, стрелявшие в перебежчиков из ГДР, и те, кто отдавал им приказы, а также члены политбюро СЕПГ и руководители госбезопасности. Следует отметить, что судебные процессы проводились на основе уголовного законодательства ГДР и международного права, официально признанного ее властями. Привлечь более широкий круг

лиц к ответственности не позволило отсутствие соответствующего международного законодательства, сроки давности, невозможность во многих случаях выделить индивидуальную ответственность виновных из коллективной. В целом приговоры были сравнительно мягкими. Так, бывшие пограничники ГДР, стрелявшие в перебежчиков, приговаривались к наказанию лишь в случае «необоснованного применения» оружия. Многие судебные процессы против активных пособников режима, существовавшего в ГДР, имели целью не их наказание, а привлечение внимания общественности к их действиям. Они ограничились моральным осуждением деятельности подсудимых, противоречащей нормам правового государства.

Комиссия по выявлению имущественных ценностей СЕПГ и других политических организаций ГДР квалифицировала 95 % их собственности как «противоправно приобретенную», и она была конфискована. В 1991 г. бундестаг принял закон о документах службы безопасности (штази), которыми занялось специальное ведомство. Оно обеспечило возможность всем пострадавшим от штази ознакомиться со своими досье, чтобы установить, кто за ними следил и какую информацию поставлял. Отделы ведомства начали работу по реконструкции истории штази.

В 1992–1998 гг. в ФРГ работала специальная комиссия бундестага, в которой сотрудничали на паритетных началах представители всех фракций, ученые и независимые эксперты. В итоге было подготовлено 18 обширных томов разнообразной документации. Комиссия предоставила материалы о «формировании диктатуры СЕПГ», ее структуре и механизме исполнения полномочий. Эксперты комиссии дали свое заключение об ответственности правящего режима за процессы и события, происходившие в ГДР, о роли марксистской идеологии в ней, о мерах по «дисциплинированию» граждан представителями государства и общества, о характере деятельности сотрудников юстиции, полиции и церкви. Комиссия изучала формы выражения несогласия граждан, оппозиции и сопротивления в ГДР.

Другой целью комиссии было решение проблемы «преодоления последствий диктатуры СЕПГ в процессе германского единства». К 1999 г. комиссия предоставила 8 томов выводов и рекомендаций. Они должны были содействовать реконструкции юстиции, социально-экономической политики, формированию новых политических элит, реформе системы образования, науки и культуры в новых землях ФРГ. Большое внимание эта комиссия уделила фиксации различных форм воспоминаний «об обеих германских диктатурах

и их жертвах». Материалы комиссий бундестага представляют огромный свод документов, которые требуют особого изучения, но следует отметить, что и в отчетах комиссий наблюдается тенденция к проведению излишне прямых параллелей между режимом НСДАП и режимом СЕПГ.

В ходе кампании «по преодолению последствий диктатуры СЕПГ» были уволены все сотрудники органов госбезопасности бывшей ГДР. В течение 1990–1993 гг. на новые земли была распространена судебно-правовая система западногерманского образца. Реформа сопровождалась массовыми увольнениями служащих юстиции: так, в Мекленбурге — Передней Померании должности сохранили 26,1 % судей и прокуроров, в Бранденбурге — 55,4 %.

В Берлине в отставку были отправлены все без исключения судьи и прокуроры. Увольнения обосновывались ссылкой на различия в правовых системах двух частей Германии и на приверженность работников юстиции бывшей ГДР марксистской идеологии. Одной из важных причин увольнений была выявленная причастность многих сотрудников штази и судебно-правовой системы бывшей ГДР к преследованиям инакомыслящих, к вынесению приговоров, влекущих наказания, длительное содержание представителей оппозиции, диссидентов в местах заключения.

По решению конференции работников юстиции были налажены партнерские отношения между соответствующими службами старых и новых земель. Так, преобразования судебной системы Саксонии курировали представители Баден-Вюртемберга, Саксонии-Анхальт — коллеги из Нижней Саксонии и т. д. Почти полностью были отстранены от своих должностей сотрудники госбезопасности и госаппарата, дипломатического корпуса, высшие офицеры Национальной армии ГДР.

Эта кампания затронула и систему образования. Все вузы новых земель в течение двух лет прошли переаттестацию, организованную Научным советом ФРГ. По его рекомендации часть вузов была признана несоответствующей требованиям времени и закрыта, некоторые преобразованы в университеты, а большинство — в вузы второго ранга. Реформа привела к резкому сокращению в новых землях числа гуманитарных факультетов, повсеместной смене преподавателей, так как большинство из них являлись членами СЕПГ и были «индоктринированы» марксизмом. Многие из них преждевременно были отправлены на пенсию, другие вынуждены были согласиться на работу не по квалификации, некоторые пополнили ряды безработных.

Гуманитарная интеллигенция бывшей ГДР воспринимала эти меры как «запрет на профессию» и нарушение их гражданских прав. Представителей естественнонаучных дисциплин кампания по «преодолению прошлого» затронула в незначительной степени. В «новой ФРГ» нашла свое место часть молодых преподавателей и ученых из сферы общественных наук, включившихся в работу известных научных обществ, подобных Центру современных исследований в Потсдаме и Институту современной истории в Мюнхене.

Власти объединенной Германии продемонстрировали способность к корректировке своего курса в политике «преодоления последствий диктатуры СЕПГ». Массовые увольнения, сопровождавшие проведение реформы судебно-правовой системы в новых землях, противоречили содержащейся в объединительном Договоре рекомендации об использовании «щадящих людей» методов ее реализации. Поэтому многим восточногерманским специалистам было разрешено пройти индивидуальное собеседование в специальных комиссиях. Около половины из них получили разрешение на работу при условии переобучения.

Тем не менее болезненный поиск своего места в новой формирующейся общности вызвал у ряда групп восточных немцев сомнение в правильности избранного пути. Периодически публикуются статьи, в которых говорится, что немецкое единство — это «несостоявшееся чудо», что к восточным немцам западные сограждане относятся как к туземцам, что политическая элита ФРГ осуществила «аншлюс» или даже «колонизацию» ГДР, что в стране и через 14 лет после объединения сохранилось деление на «осси» и «весси».

Но, несмотря на сохранение «раскола в головах» людей, отмечается сближение населения старых и новых земель в уровне жизни, потреблении, формах проведения досуга. По результатам опросов общественного мнения большинство населения Востока приемлет так называемые «западные ценности»: конституцию ФРГ, установку на достижение консенсуса между всеми группами общества. Оно признает принцип воли большинства, свободные выборы, свободную конкуренцию, гласность политического процесса, отказ от насилия, приверженность социальному рыночному хозяйству, НАТО, Европейскому союзу.

В объединенной Германии не прекращалась работа и по преодолению последствий нацистского прошлого. Так, федеральное правительство ежегодно устанавливает квоту для въезда в страну лиц еврейского происхождения, не пострадавших непосредствен-

но от нацистского режима, но желающих переселиться в ФРГ. Это своеобразное искупление вины за Холокост. Еврейские иммигранты пользуются не только всеми правами, предоставленными им законом о «поздних переселенцах», но и получают дополнительные льготы. Правительство ФРГ создало фонд в 10 млрд марок для компенсации ущерба, нанесенного здоровью так называемых «принудительных рабочих», которых нацисты в годы Второй мировой войны насильственно вывозили из оккупированных стран и использовали на предприятиях и в сельском хозяйстве Третьего рейха.

Продолжает действовать общественное движение памяти и примирения. Оно выступает против расизма, нацизма, нетерпимости, за создание мемориалов. С 1967 г. его участники проводят на русском кладбище в Штукенброке (Северный Рейн — Вестфалия) — месте погребения советских пленных и «остарбайтеров» — массовые антивоенные акции. Сотрудниками Института социальных исследований в Гамбурге в 1995 г. была подготовлена передвижная выставка «Война на уничтожение. Преступления вермахта в 1941–1944 гг.». Она была показана в десятках городов Германии. Движение способствовало выделению в новых землях 19 сооружений и памятных мест, связанных с историей национал-социализма, которые отнесены к разряду «памятников-предостережений». В сентябре 2001 г. в Берлине открылся Еврейский музей, спроектированный *Даниэлем Либескиндом* (род. 1946). Здание его выполнено в форме расколотой Звезды Давида. Он сознательно не представляет собой музей Холокоста, а показывает двухтысячелетнюю историю взаимодействия немцев и евреев.

Политическая жизнь

1994 г. получил в ФРГ название «года супервыборов», когда прошли выборы в Европарламент, президента Германии, выборы в бундестаг, в ландтаги 8 земель. К этому времени сложилась менее благоприятная ситуация для правящей коалиции. В новых землях нарастало недовольство экономическим кризисом, финансовой реформой, безработицей, многие избиратели бойкотировали выборы. К середине 1990-х гг. безработица выросла и в старых землях ФРГ. Поэтому на выборы в ландтаги Саксонии, Бранденбурга, Саксонии-Анхальт явилось лишь 55–58 % избирателей.

На выборах в бундестаг 16 октября 1994 г. правящие партии одержали победу над оппозицией с перевесом всего в 0,3 %. ХДС набрал 34,2 % голосов избирателей, ХСС — 7,3 %.

Правящая коалиция этой зыбкой победе во многом была обязана Колю, который сохранил репутацию «канцлера германского единства», сильного национального лидера, способного обеспечить внутреннее единство и экономическое процветание страны. Ее победе способствовало улучшение экономической конъюнктуры после кризиса 1992–1993 гг. и вывод последних подразделений российской армии в августе 1994 г.

Выборы в бундестаг 1994 г. выявили, что слабым звеном правящей коалиции является СвДП. Она набрала всего 6,9 % голосов и прошла в бундестаг лишь потому, что ее поддержали многие сторонники ХДС/ХСС как единственно возможного партнера по коалиции. Кризис СвДП свидетельствовал, что она утрачивает роль третьей политической силы, которая постепенно переходит к «зеленым», которые впервые опередили либералов, получив 7,3 % голосов.

СДПГ по традиции поставила в центр внимания проблемы борьбы против массовой безработицы, экономического роста без ущерба для экологии. Но партия переживала кризис и в очередной раз сменила лидера. Кандидат в канцлеры от СДПГ Рудольф Шарпинг не сумел убедить избирателей в способности партии справиться с актуальными проблемами страны. В предвыборной борьбе ХДС/ХСС использовали против социал-демократов факт формирования премьер-министром Нижней Саксонии Герхардом Шрёдером непривычной для германских избирателей коалиции СДПГ и «зеленых». Христианские демократы запугивали избирателей «опасными экспериментами» коалиции. Хотя СДПГ увеличила число избирателей на 2,9 % (всего 36,4 %), но христианские демократы опережали ее на 5,1 % голосов. Блок ХДС/ХСС — СвДП обеспечил себе 341 место в парламенте, а оппозиция — 331.

Радикальную программу выдвинула ПДС, выступившая с протестом против «системы наживы и господства капитала», против претензий ФРГ на статус «великой державы». Лидер ПДС *Грегор Гизи* (род. 1948) отмечал позитивные результаты объединения Германии, но в то же время акцентировал внимание на том, что вместо объединения двух равноправных германских государств и демократического обновления единого государства произошло присоединение ГДР к ФРГ с утратой многих социальных достижений восточногерманского общества. ПДС улучшила свои позиции, обеспечив при поддержке избирателей новых земель 30 мест в бундестаге. Радикальную предвыборную программу с пацифистскими установками выдвинула и партия «Союз 90/Зеленые», выступая за роспуск НАТО, сокращение бундесвера, усиление роли ООН и равноправие женщин.

Кандидат ХДС/ХСС *Роман Херцог* (род. 1934), занимавший пост главы Конституционного суда ФРГ, победил на президентских выборах.

Выборы 1994 г. отразили определенную устойчивость политической системы Германии. Предвыборная кампания выявила значительное совпадение предвыборных платформ ведущих политических партий — ХДС/ХСС, СДПГ, СвДП, «зеленых» и даже ПДС. В них ставились задачи укрепления правового демократического государства, реформы системы социального обеспечения, ускорения темпов экономического роста, повышения конкурентоспособности германской экономики, охраны окружающей среды. Выборы выявили различие между симпатиями избирателей, сложившимися в Западной и Восточной Германии. В старых землях по-прежнему преобладали ХДС/ХСС, СДПГ, СвДП, «зеленые». В новых землях более популярными оказались ХДС/ХСС, СДПГ, ПДС. Стержнем политической системы ФРГ по-прежнему остаются ХДС/ХСС и СДПГ, которые собирают на выборах любого уровня 70–80 % голосов избирателей. Выборы 1994 г. показали, что «зеленые» и в новых землях потеснили СвДП, но все-таки их позиции оставались там еще слабыми.

После поражения СДПГ на выборах в бундестаг 1994 г. в ней развернулась дискуссия о кандидатуре нового лидера и обновлении программных установок СДПГ. На съезде партии в 1995 г. премьер-министр Саарланда Оскар Лафонтен блестяще выступил в дебатах и добился избрания на пост председателя партии. Но он оказался слишком «левым» для большинства членов партийного аппарата и влиятельных региональных лидеров. Вскоре у него появился серьезный соперник — глава правительства Нижней Саксонии Герхард Шрёдер, известный в партии как центрист и прагматик. Опросы общественного мнения показали, что у него больше шансов противостоять Колю на выборах в бундестаг 1998 г., чем у Лафонтена. Шрёдер утвердился как кандидат в канцлеры от СДПГ после крупного успеха партии на выборах в ландтаг Нижней Саксонии в марте 1998 г. (47,9 % голосов избирателей).

К выборам в бундестаг в сентябре 1998 г. сложилась иная общественно-политическая ситуация, нежели 4 года назад. Основные конкуренты — ХДС/ХСС и СДПГ стремились найти новые пути решения актуальных проблем, стоящих перед ФРГ, и выработать модели обновления германского общества в XXI в. В предвыборной кампании блок ХДС/ХСС подчеркивал успехи, достигнутые в период его правления в 1982–1998 гг.: объединение Германии, стабильное

развитие «социального рыночного хозяйства», высокое качество жизни граждан страны. Но Коль при выдвижении в очередной раз своей кандидатуры на пост канцлера не встретил безоговорочной поддержки в ХДС. Ряд влиятельных деятелей партии считал, что он слишком «засиделся» и исчерпал свои возможности. Коля упрекали в том, что он вкладывает слишком много средств в «непредсказуемую» Россию.

СДПГ перед выборами обещала увеличить финансирование науки и образования, развивать современные технологии с целью повышения конкурентоспособности германских товаров на мировом рынке, содействовать укреплению мелкого и среднего бизнеса и преодолению безработицы.

Итоги выборов в бундестаг в сентябре 1998 г. кардинально изменили расстановку общественно-политических сил ФРГ. После 16 лет пребывания в оппозиции победу одержали социал-демократы. За них проголосовало 40,9 % избирателей, что обеспечило СДПГ 298 мест в парламенте. Блок ХДС/ХСС поддержало всего 35,1 % избирателей, что привело к сокращению их фракции до 245 человек. Меньшее число избирателей оказало доверие и «зеленым» — 6,7 %. ПДС несколько улучшила свои позиции, набрав 5,1 % голосов избирателей.

Поражение правящей коалиции ни для кого не стало сенсацией. Христианские демократы на восемь лет продлили свое пребывание у власти за счет умелого подключения к процессу объединения страны и руководства им. Но длительная несменяемость власти, которая многими воспринималась сначала как признак стабильности, в итоге обернулась своей обратной стороной. В стране нарастало недовольство утратой политического динамизма, догматической приверженностью однажды выбранным принципам, а главное, неспособностью правящей коалиции вывести страну из экономических трудностей, предотвратить начавшийся спад уровня жизни.

Х. Коль утратил политическую притягательность, способность сплачивать партию и завоевывать избирателей. Причины поражения ХДС/ХСС вытекали, прежде всего, из их экономической политики. С одной стороны, ХДС, провозгласивший себя «народной партией», вынужден был в какой-то мере учитывать потребности всего населения, лавировать в поисках курса, удовлетворяющего как работодателей, так и трудящихся. В период благоприятной конъюнктуры ему удавалось проводить сбалансированную политику. С другой стороны, изначальное происхождение и сущность побуждают его представлять интересы, прежде всего, имущих слоев общества. В условиях обос-

трившейся конкуренции на мировых рынках в 1990-е гг. в политике христианских демократов определяющими оказались как раз интересы состоятельного меньшинства. В итоге блок утратил поддержку трудящейся части населения, а в конце 1990-х гг. от него отошли и широкие предпринимательские круги. С их точки зрения, ХДС/ХСС недостаточно решительно защищал их интересы, не сумел найти новой стратегии технологического прорыва в условиях глобализации. Ситуация осложнялась тем, что на Востоке страны не были решены поставленные задачи. Вместо «цветущих ландшафтов», обещанных Колем, восточные регионы страны оказались в глубоком социально-экономическом кризисе, и там наблюдалось явление «остальгии» — тоски по прошлым социальным достижениям ГДР. Вместо сплочения нации сохранилось отчуждение между двумя частями германского общества.

Уход Коля сопровождался большим скандалом. Нежелание отдать власть, свойственное многим государственным деятелям, обрекло его на участь политика, покидающего политическую сцену побежденным, утратившим поддержку даже в собственной партии. Осенью 1999 г. выявилось, что ХДС использовал анонимные средства, с которых не платил налоги, а Колю были предъявлены обвинения в коррупции и незаконном финансировании партии. Он был вынужден покинуть пост председателя ХДС и даже предстать перед следствием. Тем не менее «политический внук» Аденауэра вошел в историю ФРГ как канцлер германского единства. Он обладал способностью к выработке верной стратегии и тактики в различных ситуациях, умело организовывал предвыборные сражения, мужественно боролся с политическими конкурентами, имел большой авторитет среди своих иностранных коллег.

Г. Шрёдер, получив право формировать правительство, предпочел коалицию с «зелеными», с которыми имел опыт сотрудничества в Нижней Саксонии. «Зеленые» с начала 1990-х гг. нередко резко меняли свои позиции, к 1998 г. из партии ушли радикал-экологисты, что способствовало ее сдвигу к политическому центру. Лидер «зеленых», «реалист» Йошка Фишер, переболевший к этому времени «детскими болезнями» раннего бунтарского периода «зеленого движения», занял пост министра иностранных дел. Новое коалиционное правительство получило название «красно-зеленой коалиции».

Новый канцлер ФРГ *Герхард Фриц Шрёдер* родился в 1944 г. в рабочей семье. С 1966 по 1971 г. изучал право в Гёттингене. В 1978 г. стал председателем организации «Молодые социалисты». В 1980–1986 гг. — депутат бундестага от СДПГ. С 1986 г. — член правления

этой партии. В 1986–1990 гг. лидер фракции СДПГ в ландтаге Нижней Саксонии. С 1990 г. — премьер-министр этой земли.

Г. Шрёдер предпочел выступить не в роли политика определенной партийно-политической ориентации, а общенационального лидера. Канцлер выдвинул идею «новой середины», которая предполагает сплочение трудящихся и средних слоев на основе политико-культурных идей, олицетворяющих Берлинскую республику. Базовыми являются идеи демократии, толерантности, федерализма, европейской интеграции, отказа от агрессии и авторитаризма. В целом эта платформа отмечена склонностью к идеям неолиберализма. Новый подход обозначился и в решении актуальных проблем современного германского общества. В значительной степени он нашел реализацию в «Коалиционном соглашении», заключенном 20 октября 1998 г. между СДПГ и партией «Союз 90/Зеленые».

Правительственная программа оказалась достаточно сбалансированной и не вызвала критики ни у радикальных групп в самих партиях, ни в лагере оппозиции. В ней ставились задачи обеспечения устойчивого экономического роста, создания новых рабочих мест, решение социальных проблем, модернизации системы образования, охраны окружающей среды.

После прихода к власти СДПГ пережила кризис. В марте 1999 г. с поста председателя партии и министра финансов неожиданно ушел Лафонтен. Причиной отставки было его несогласие с канцлером в вопросах социальной политики. По мнению Лафонтена, СДПГ недостаточно последовательно защищает интересы лиц наемного труда, безработных, пенсионеров. Резкую критику Лафонтена вызвало участие ФРГ в военных действиях в Югославии в 1999 г. Он заявил, что ФРГ в этой ситуации не должна была следовать за США и игнорировать ООН, а также мириться с тем, что к решению Косовского конфликта сразу не была привлечена Россия. После ухода Лафонтена на пост председателя СДПГ был избран Шрёдер. Разрыв тандема Лафонтен — Шрёдер, олицетворяющего сотрудничество в партии «традиционалистов» и «обновленцев», ослабил ее положение на политической арене. СДПГ потеряла значительное число голосов на земельных и коммунальных выборах 1999–2000 гг., хотя 23 мая 1999 г. — в день 50-летнего юбилея ФРГ ее президентом был избран член СДПГ Йоханнес Рау.

Падение авторитета партии привело к сокращению ее численности. За 1990-е гг. число членов СДПГ снизилось почти на четверть — до 750 тыс., в основном за счет традиционных приверженцев — рабочих.

СДПГ упрекают за недостаточно четко обозначенный политический «профиль» в сравнении с другими влиятельными партиями ФРГ, что затрудняет выбор рядовым избирателям, за склонность к идеям неолиберализма. На съезде социал-демократов в декабре 1999 г. ряд делегатов потребовал начать разработку новой программы партии и включить в нее «духовно-политические идеи, обладающие наступательной силой». Однако Шрёдер в официальных выступлениях дал понять, что в ближайшее время в партии невозможна дискуссия по программным вопросам.

Перед выборами в бундестаг 22 сентября 2002 г. была проведена реформа избирательных округов, в результате которой число депутатов сократилось до 603. Правящая коалиция, вопреки всем ожиданиям, с большим трудом сохранила власть. Одним из факторов ее победы явилось заявление правительства Г. Шрёдера об отказе ФРГ участвовать в готовящейся войне против Ирака. СДПГ и ХДС/ХСС набрали равное количество голосов — по 38,5 %. Но благодаря увеличению числа избирателей, проголосовавших за «зеленых» (8,6 %), правящая коалиция обеспечила 306 мест в бундестаге. Столь незначительное преимущество вынуждает ее стремиться к широкому консенсусу сил в бундестаге, добиваться одобрения своих решений и со стороны блока ХДС/ХСС.

СвДП получила всего 7,4 % голосов, так как не сумела преодолеть «кризис идентичности» и выдвинуть притягательные для избирателей идеи. СМИ высказали предположение, что германский либерализм вступил в финальную стадию кризиса, в котором он оказался в начальный период Берлинской республики. ПДС не смогла преодолеть 5-процентный барьер, и ныне в парламенте ее представляют две женщины, завоевавшие «прямые мандаты». Всего в бундестаге 15 созыва число женщин-депутаток составляет 196 (32,5 %). За СДПГ отдали свои голоса 41,5 % женщин, за ХДС/ХСС — 38,7. Стремясь закрепить благосклонность избирательниц на будущее, Г. Шрёдер с известной долей риска пошел на эксперимент: из 15 членов его кабинета 7 — женщины.

«Красно-зеленому» правительству предстоит завершить решение ряда сложных задач, поставленных еще в 1998 г. При этом у него из-за сильной оппозиции весьма ограничена свобода маневра. В 2003 г. была принята правительственная программа «Повестка 2010» — пакет из 30 реформ в сфере рынка, бюджета, труда, экономики и социального обеспечения. Кабинет Шрёдера намерен к 2006 г. добиться оздоровления государственного бюджета. Он продолжает начатую

в 2001 г. налоговую реформу, в ходе которой максимальная ставка подоходного налога должна снизиться до 35 %. В случае ее реализации налоговое бремя на предпринимателей сократится, что повысит их инвестиционный потенциал. Содействие экономическому росту чрезвычайно важно, так как ныне он едва достигает 2 % в год.

Для продолжения процесса интеграции восточных земель правительство разработало Пакт солидарности-II, который предусматривает создание к 2019 г. на Востоке ФРГ инновационных регионов и новых конкурентоспособных предприятий. Пакт нацелен на вовлечение новых земель в межрегиональное и международное разделение труда.

Правительство Г. Шрёдера стремится к радикальной перестройке устаревшей системы трудоустройства. Его концепция предусматривает ограничение социальной помощи безработным, которые не желают занимать вакантные рабочие места, претендуя только на занятость, равноценную утраченной. Реформа содействует подготовке кадров для высокотехнологичных производств, лицам, начинающим собственное дело.

«Красно-зеленая» коалиция еще в 1998 г. взяла курс, сочетающий технический прогресс и экологическую модернизацию. Наряду с традиционными природоохранительными мероприятиями важное место в ней занимает программа поэтапного отказа от атомной энергетики. Реструктуризация энергоснабжения ФРГ предполагает развитие восполняемых видов электроэнергии, прежде всего энергии воды и ветра (доля которых ныне составляет около 2 %).

Международные исследования выявили значительное отставание Германии в сфере образования от других западных стран, поэтому коалиция в 2002 г. начала его реформу. Она включает задачу обеспечения германской экономики высококвалифицированными специалистами, создания условий, препятствующих их оттоку в США. Реформа предусматривает развитие фундаментальной науки, привлечение в высшую школу талантливой молодежи — юниор-профессоров. Вопреки общей тенденции на экономию, правительство гарантирует рост расходов на науку и образование до 2006 г. Оно наметило ежегодно выделять 1 млрд евро на создание 10 тыс. малоизвестных в ФРГ школ продленного дня с повышенным качеством преподавания и реализацию особых программ обучения для детей иммигрантов.

Несмотря на стремление «красно-зеленой» коалиции решить злободневные проблемы объединенной Германии, тревожным знаком для ее главной политической силы — СДПГ явились результаты

выборов в Европарламент 13 июня 2004 г. На них социал-демократы потерпели сокрушительное поражение, уступив правоконсервативному блоку ХДС/ХСС более чем с двукратным разрывом (21 % против почти 45 % голосов). Это была реакция избирателей на неудачный маневр Шрёдера, покинувшего в полном противоречии с традициями парламентской республики пост председателя СДПГ. Они восприняли это как попытку канцлера отказаться от лидерства в партии, выдвинувшей его на пост главы правительства, и снять с себя ответственность за ее действия. Часть избирателей проголосовала против СДПГ из-за попыток правительства (хотя и осторожных) ослабить систему социальных льгот и гарантий, являющуюся гордостью послевоенной Германии.

Новым федеральным президентом Германии в мае 2004 г. был избран представитель от ХДС/ХСС *Хорст Кёлер* (род. 1943), до этого занимавший должность директора-распорядителя Международного валютного фонда.

4. Внешняя политика объединенной Германии

Правительство ФРГ после объединения столкнулось с тем, что ряд европейских стран, в том числе ее союзники по НАТО Великобритания и Франция, высказывал опасения, что в ближайшем будущем он может поставить перед собой цель создания «Четвертого рейха». Поэтому правительство Коля сразу провозгласило преемственность с внешнеполитическим курсом Боннской республики и заявило, что внешняя политика ФРГ является составной частью политики безопасности Европейского союза и стран Запада в целом. В подтверждение отказа от установки на милитаризацию Германия начала сокращение бундесвера, численность которого к концу 1990-х гг. была доведена до 330 тыс. человек. Единая Германия подтвердила свое стремление к тесному политическому и военному сотрудничеству с НАТО, в котором она видит гаранта безопасности и стабильности в Европе, а также к сотрудничеству с США. ФРГ является единственной страной в НАТО, подчинившей свои вооруженные силы командным структурам альянса.

Выступив за глобальный подход к проведению внешней политики, «новая ФРГ» в то же время стремится в рамках этого подхода отстаивать свои национальные интересы. Они предполагают обретение

Германией свободы действий в военной сфере и возвращение статуса великой державы. Правительство Коля избрало тактику постепенных шагов в процессе расширения участия ФРГ в международных акциях. В период подготовки и проведения в 1990–1991 гг. военной операции под эгидой ООН в зоне Персидского залива Основной закон ФРГ запрещал использование бундесвера за пределами «зоны ответственности» НАТО, а в пределах зоны НАТО — в тех местах, где во время Второй мировой войны находились солдаты вермахта. Поэтому, несмотря на сильное давление США, ФРГ вместо прямого участия в этой войне, оказала международной коалиции финансовое, медицинское и военное содействие, выделив на эти цели 17 млрд марок — треть своего годового военного бюджета.

В 1991–1992 гг. германские медики входили в состав гуманитарной миссии ООН в Камбодже. В 1993–1994 гг. бундесвер участвовал в военной операции под эгидой ООН в Сомали. Эти акции постепенно приучали германскую и мировую общественность к факту прямого миротворческого участия «новой ФРГ» вне территории ответственности НАТО. Первые миссии выявили недостатки в подготовке бундесвера для участия в таких акциях. Обнаружилась нехватка транспортных самолетов, морских средств доставки вооружений, необходимость специальной подготовки солдат. Всего за 1990-е гг. Германия прямо или опосредованно участвовала в 24 миссиях ООН.

В эти годы в ФРГ развернулась общественно-политическая дискуссия о новой внешнеполитической доктрине. В ходе дискуссии были сформированы понятия «национальных интересов», «возросшей ответственности» Германии и поставлена задача ее более активного содействия политике поддержания стабильности в мире. Центральным пунктом обсуждения стал вопрос о возможности участия частей бундесвера в военных операциях, проводимых НАТО за пределами стран альянса. Блок ХДС/ХСС был готов дать согласие на такие акции, но против выступили социал-демократы и либералы. Они подали жалобу в Конституционный суд, который после длительных дебатов в июле 1994 г. принял решение по этому вопросу: использование бундесвера за пределами территории ФРГ и стран НАТО объявлялось правомерным, если на акцию имеется мандат ООН и за нее в каждом отдельном случае проголосует простое большинство депутатов бундестага. В случае отсутствия мандата ООН для одобрения такой акции необходимо получение квалифицированного большинства бундестага в две трети голосов. В результате из оборонных сил страны были выделены «силы быстрого реагирования» численностью в 54 тыс. человек.

Легализация участия бундесвера в военных акциях явилась важным достижением правительства Коля. Этот шаг способствовал повышению роли ФРГ как стратегического партнера США и нашел поддержку ее союзников по НАТО. Наиболее широкое применение германские «миротворческие силы» нашли на территории Югославии в 1999 г. Впервые в истории ФРГ бундесвер принимал участие в военных операциях за рубежом. Бундесвер контролировал соблюдение эмбарго на Адриатике и Дунае, участвовал в поставке оборудования, средств связи и передвижения, амуниции и оружия для миссий и, наконец, в несанкционированных Советом Безопасности ООН воздушных налетах НАТО на Белград. Прямой вклад в воздушные налеты был относительно скромным, но имел важное политическое значение. Незадолго до начала войны в Косово Г. Шрёдер на конференции по безопасности в Мюнхене заявил: «Германия не может и не хочет идти особым путем. Мы... выросли в союзе. И мы хотим в нем оставаться. Поэтому сегодня мы без всяких "если" и "но" готовы брать на себя ответственность как "нормальные" члены, будь то в ЕС или в НАТО».

Военное участие ФРГ в Косовской войне с одобрением было воспринято НАТО, но вызвало неоднозначную реакцию германского общества. ПДС подала в Конституционный суд иск против правительства. Пацифистские объединения организовали демонстрации протеста в Берлине. В партии «зеленых» эта акция вызвала кризис. Отказ «реалистов» во главе с Фишером от принципиального пацифизма был воспринят многими как утрата партией «политического профиля». Эта акция стоила «зеленым» и социал-демократам многих сторонников.

В итоге оказалось, что бомбовые удары не остановили убийства, волна беженцев заполнила Македонию и Албанию, была разрушена инфраструктура Сербии. Руководство ФРГ пришло к выводу, что модель разрешения конфликта в Косово не может быть использована для урегулирования подобных конфликтов в будущем. Несмотря на эту констатацию, участие Германии в воздушной войне на территории бывшей Югославии и процедура почти бездискуссионного принятия решения о нем в бундестаге стали свидетельством перелома, который произошел с начала 1990-х гг. в сознании германской политической элиты и части населения ФРГ.

Участие в Косовской войне ознаменовало также этап в дискуссии о «нормальности» ФРГ, которая длилась в течение всех 1990-х гг. Постижение этого понятия возможно лишь в контексте германской

истории. Речь идет о том, что в целом осуществленный процесс «преодоления прошлого», интеграция в Европейское сообщество и НАТО, членство в ООН позволяют ФРГ, как всякому «нормальному государству», подобному Франции, Великобритании и другим, проводить суверенную политику с учетом собственных национальных интересов. Внешняя политика «новой ФРГ» предполагает отказ от ряда самоограничений, которые «истощали» немцев в период Боннской республики. Шрёдер в правительственном заявлении в ноябре 1998 г. отметил, что Германия является «нормальным государством», которое «не стремится к превосходству, но и не считает нужным комулибо подчиняться». Годы учебы в «старой ФРГ» остались позади, и Германия вновь выходит на арену большой политики, избавляясь от комплексов, сложившихся под воздействием двух мировых войн.

В начале 2000-х гг. рассуждения о «нормальности» практически прекратились, что свидетельствует о том, что Германия обрела свое новое качественное состояние. Однако ее настоятельные требования «большего политического влияния» и «большей ответственности» вызывают вопрос о том, как она использует это влияние, если добьется его. Многих в Европе и даже в самой Германии настораживает излишнее акцентирование на «национальных интересах». В известной мере ответом на этот вопрос явилась ее позиция по поводу войны США в Ираке весной 2003 г. ФРГ еще в 2002 г. заявила, что не будет участвовать в военной акции. В ходе Иракской войны, по существу, возникла франко-германо-российская антивоенная коалиция. Эти события настолько ухудшили отношения ФРГ с США, что американцы даже обсуждали планы перевода американских баз из ФРГ в Польшу. Шрёдеру пришлось приложить немалые усилия для преодоления кризиса в отношениях с США. Одновременно в 2003 г. ФРГ выступила за сохранение целостности Ирака; за создание там переходного правительства, которое опиралось бы на имеющую мандат ООН международную администрацию.

Одним из главных направлений внешней политики ФРГ является стремление играть более значимую и активную роль в ООН. Правительство Коля заявило о готовности объединенной Германии воспринять все права и обязательства по Уставу ООН, включая меры коллективной безопасности, принимать участие в решении общемировых вопросов. «Новая ФРГ» участвует в 15 специализированных учреждениях ООН, в реализации программ экономического развития и сотрудничества. На 2003–2004 гг. она в четвертый раз получила место в Совете Безопасности среди десяти непостоянных

членов. Германия занимает третье место после США (25 %) и Японии (около 20 %) по доле вклада в бюджет ООН (почти 10 %). Ныне ФРГ принимает участие почти в каждой третьей миротворческой миссии, имеющей мандат ООН.

Используя свой финансовый и политический вес, Германия стремится извлечь выгоды от текущего процесса реформы ООН. ФРГ заинтересована в пересмотре положения Устава ООН о «бывших вражеских государствах», связывающего Германию с ее прошлой историей. Факт наличия этих статей плохо согласуется с той новой ролью, которую федеральное правительство намерено закрепить за своим государством в ООН. ФРГ ратует за повышение авторитета и усиление дееспособности ООН в мире, надеясь использовать ее в будущем как инструмент повышения своего политического значения. Она предлагает расширить численный состав постоянных членов Совета Безопасности и претендует на место в нем.

Единая Германия вместе с Францией остается «локомотивом» процесса европейской интеграции по всем направлениям. В феврале 1992 г. вместе с другими 12 государствами ФРГ подписала Маастрихтский договор о создании Европейского союза (ЕС). Он предусматривал упрочение политического и закрепление экономического и валютного союза.

В 1996 г. Париж и Бонн выступили с совместной инициативой по уточнению и расширению ряда интеграционных программ, содержащихся в Маастрихтском договоре. При активном участии Германии в октябре 1997 г. был выработан Амстердамский договор. Он расширил компетенции ЕС в области социальной, внутренней политики, в сфере экологии. За Европарламентом было закреплено больше полномочий в формировании законодательства Европейского сообщества. Амстердамский договор более подробно разработал содержание совместной внешней политики и политики безопасности стран ЕС, соблюдения прав человека и демократии. Он закрепил готовность Германии вместе с другими членами ЕС участвовать в международных акциях по борьбе с терроризмом, контрабандой, расизмом, организованной преступностью. Этот договор определил стратегию ЕС на XXI в. Германия способствовала принятию решения об упразднении национальной валюты и о введении с января 2002 г. евро как единственного средства расчетов между государствами. Лидирующая роль ФРГ в ЕС определяется также тем, что она производит четверть его внутреннего национального продукта. Несмотря на финансовые трудности, связанные с расходами на объединение страны, в начале 2000-х гг. взносы ФРГ в ЕС достигли четверти его бюджета.

ФРГ заняла ведущее место в восточноевропейской политике, активно заполняя вакуум, который возник в этом регионе после распада СССР. Германия заинтересована в его стабилизации, в успешном проведении в его странах демократических реформ, создании рыночной экономики, улучшении жизненных условий населения. В 1991 г. Германия, несмотря на противодействие США, Англии и Франции, выступила за принятие в ООН Хорватии и Словении, отделившихся от Югославии, хотя в них начались военные действия. Этот дипломатический демарш стал ударом по федерации южнославянских народов, отчасти спровоцировал эскалацию Боснийского кризиса, но обеспечил в республиках ее влияние. Эта акция вызвала критику международной общественности и союзников ФРГ по НАТО, и впоследствии Германия избегала принимать несогласованные с ними решения.

ФРГ активно выступила за принятие стран Восточной и Юго-Восточной Европы в ЕС, считая, что союз станет «катализатором» их политического и социально-экономического обновления. Правительство Шрёдера активно способствовало принятию «Агенды (Повестки) 2000» — пакета реформ, предусматривающих финансовую помощь ЕС (значительную часть которой взяла на себя ФРГ) до 2006 г. странам, готовящимся к вступлению в сообщество.

После распада СССР и Организации Варшавского договора ФРГ выступила также за расширение НАТО на Восток, обоснованно рассчитывая на усиление своего влияния в Восточной и Юго-Восточной Европе и обеспечение большей безопасности. Благодаря поддержке ФРГ, страны Балтии, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия и Чехия с 1 мая 2004 г. стали членами Европейского союза. Используя исторически сложившиеся тесные связи со странами Восточной и Юго-Восточной Европы, Германия является их ведущим торговым партнером и самым крупным кредитором среди западных стран. В конце 1990-х гг. на Германию приходилось 37 % западной помощи в этот регион (на США — 11 %, на Японию — 5 %). ФРГ надеется, что таким образом с нее будет снято обвинение в попытках «германизации» этого региона, так как «германской политике в нем будут приданы европейские рамки».

Германская сторона высоко оценила содействие Советского Союза во главе с Горбачевым объединению Германии, бескровному завершению противостояния между Востоком и Западом в 1989–1990 гг. Правительство ФРГ во главе с Колем постоянно развивало двусторонние связи с Россией. Совместное заявление Коля и Ельцина, подписанное

в декабре 1992 г. в Москве, закрепило так называемое «нулевое решение» по взаимным претензиям: Россия отказалась от компенсации за недвижимое имущество западной группы российских войск, а Германия — от возмещения ущерба природной среде в местах расположения войск. Досрочный вывод российских войск, завершенный в августе 1994 г., был дополнительно профинансирован Германией на сумму 550 млн марок для обустройства военнослужащих РФ. В 1995 г. было подписано германо-российское соглашение, в результате которого большая часть российского экспорта получила режим наибольшего благоприятствования и неограниченный в количественном плане доступ к рынку ЕС. «Воротами в ЕС» для большей части российского экспорта является Германия.

С приходом к власти «красно-зеленой» коалиции в 1998 г. отношения между Москвой и Берлином стали сдержаннее. МИД ФРГ занимает жесткую позицию по вопросу о российских долгах. Правительство Шрёдера отказалось от простого оказания финансовой помощи России (всего РФ и республикам бывшего СССР до 1998 г. была оказана помощь в 133,1 млрд марок). Отныне кредиты выделяются на конкретные проекты, а их выполнение контролируется немецкой стороной. Тем не менее Г. Шрёдер заявил, что относит отношения с Россией к приоритетным для Германии, что «без России не может быть общеевропейской стабильности».

Германо-российские отношения стимулировал начатый в апреле 2001 г. канцлером ФРГ Г. Шрёдером и президентом России В. В. Путиным «Петербургский диалог». Его цель — содействовать широкому обмену опытом в сфере политики, экономики, укреплению партнерства, созданию гражданского общества в РФ. Кроме межправительственных связей, существуют тесные контакты между Германским бундестагом и Государственной думой. В Берлине действует германо-российский форум — общественная организация, способствующая развитию отношений с Россией. В рамках германо-российских связей развивается партнерство между городами. В настоящее время в нем официально и неформально участвуют около 130 городов. Важным стимулом для успешного развития академических и научных связей между вузами Германии и России стала межправительственная программа имени А. Герцена, действовавшая в 1998–2003 гг.

Лидеры «новой ФРГ» подчеркивают, что ее главным внешнеполитическим союзником остаются США. Прочность американо-германских связей определяется тем, что Германия является крупнейшим партнером США в сфере экономики, космонавтики, в области охраны

окружающей среды, в борьбе с организованной преступностью и пр. В ФРГ размещено самое крупное по численности подразделение вооруженных сил США в Европе — 72 тыс. человек.

Но в период правления «красно-зеленой» коалиции наблюдается отход ФРГ от «подчиненно-восторженной» позиции по отношению к США. Он обусловлен возросшей ролью ФРГ на международной арене, усилившейся критикой политики США в Европе и в ФРГ не только со стороны германских радикалов, но и из рядов консерваторов, «зеленых», и самой СДПГ. Зыбкость позиций правящей коалиции вынуждает ее считаться с распространением умеренно антиамериканских настроений в обществе.

Расхождения с США проявились при обсуждении новой стратегической концепции на форуме НАТО в 1999 г. Одной из главных тем дискуссии стал вопрос о том, могут ли задачи по международному управлению кризисами занять равноценное место с другими важными задачами НАТО, такими как обеспечение безопасности стран-участниц, трансатлантическое единство, коллективная оборона. Германия призывала не превращать альянс в «интервенционистский союз» и в будущем при осмыслении своих задач сосредоточиться на евро-атлантическом регионе. При обсуждении новой стратегии НАТО ФРГ особо подчеркивала необходимость мандата ООН на урегулирование кризисов, в то время как США считали, что «международно-правовая легитимация не всегда обязательна» и возможно «предоставление мандата самим себе». Представители ФРГ предлагали, чтобы из доктрины НАТО было исключено положение о применении ядерного оружия первыми, но этого не произошло из-за сопротивления США и Великобритании.

После победы на выборах 2002 г. Шрёдер подчеркнул, что стратегическими направлениями внешней политики ФРГ для правящей коалиции являются предотвращение и урегулирование конфликтов мирными средствами, борьба против международного терроризма, нераспространение оружия массового уничтожения и укрепление системы многосторонности, особенно ООН.

Новые горизонты перед ФРГ открывает вступивший в завершающую стадию процесс интеграции Европы. Летом 2003 г. специальный конвент ЕС представил проект конституции ЕС, который был выработан по инициативе Германии и Франции. Он предусматривал превращение Евросоюза из международной организации в государство федеративного типа, которое будут возглавлять единый европейский парламент (Евросовет) и правительство единой Европы.

Предполагалось введение поста президента и министра иностранных дел ЕС. Эти органы должны были ограничить национальный суверенитет стран — участниц Евросоюза в области экономики, обороны, внешней политики. Имеется и альтернативная модель объединения будущего континента — «Европа двух скоростей». Она предусматривает слияние наиболее развитых стран Евросоюза (Германии, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга). Церемония подписания конституции ЕС прошла 29 октября 2004 г. в Риме, после чего начался процесс ее ратификации.

5. Культура и духовная жизнь

После объединения Германии правительство поставило задачу достижения не только государственного, но и культурного единства всех немцев, сохранения исторически сложившегося многообразия немецкой культуры, в том числе культурных достижений проживающих в ФРГ иностранцев. В среде интеллектуалов сразу развернулась дискуссия о способах, возможностях и пределах взаимодействия двух потоков немецкой культуры: западно- и восточногерманского. Ее представители на Западе страны поставили вопрос о том, можно ли было, признавая метод «социалистического реализма», разделяя в той или иной мере марксистскую идеологию, быть творческой личностью, создавать нечто значимое, развивать новые формы, стили, темы. Некоторые из них обвиняли восточногерманских деятелей культуры в приспособленчестве, отсутствии фантазии и художественности. Они развернули кампанию против известной в ГДР писательницы, в прошлом диссидентки, Кристы Вольф, критикуя ее моральные качества, обвиняя в сотрудничестве со штази, которое действительно краткое время имело место.

Некоторые деятели культуры Запада усматривали в столь категоричных оценках культурного наследия ГДР опасность для культуры ФРГ в целом. Литератор, профессор В. Йенс из Тюбингена подчеркивал в 1990 г., что искусство ГДР боялось режима и в то же время подвергалось с его стороны преследованиям. Среди подделок, продажности, жеманства жила культура, которая осторожно, но упорно отказывалась подчиняться общей дисциплине и ухитрялась сохранять верность позициям левого толка. В. Йенс обратился ко всей германской интеллигенции с предложением усовершенствовать культуру диалога, учиться друг у друга, избегать подходов по схеме «капитализм — социализм», «победители — побежденные». Интел-

лигенты, по его мнению, должны помнить об общей истории и общей вине всех немцев, о том, что «без освободивших нас петров и алексеев было бы невозможно создание европейской Германии». Он напомнил также, что ГДР представляла альтернативу демократии, развивавшейся в ФРГ.

Восточногерманские деятели культуры указывали, что их искусство, созданное под надзором, стоит наравне с искусством других стран, является универсальным и в то же время особенным и самостоятельным. Художники отказывались рисовать гармонические картины, а напротив, упорно вскрывали специфические антагонизмы и противоречия социалистического общества, упорно обращали свои взоры к людям со всеми их страхами, неудачами, одиночеством.

Ныне значительную часть восточногерманской интеллигенции одолевают амбивалентные чувства. Многие из них, сохраняя скептические чувства по отношению к бывшей ГДР, не восприняли однозначно позитивно ценности западной культуры. Их отношение к ней, по определению видного культуролога ФРГ Г. Глазера, окрашено «фатальным цивилизационно-критическим чувством». Наибольшую опасность они видят в американизации (западно) германской культуры, которая, в свою очередь, как агент этого процесса способствует культурной «колонизации» восточногерманского общества.

В новых землях ФРГ распространилось явление, получившее название «остальгия» (от немецкого: *Ost* — восток и ностальгия). Оно отражает кризис идентичности, который в современной ФРГ испытывают многие деятели культуры, сформировавшиеся в ГДР. Многие молодые интеллигенты Востока были ослеплены идеей социализма, в ней черпали силу и мужество, когда совершали мирный переворот 1989–1990 гг., намереваясь очистить идеал лучшего устройства общества от допущенных властями ГДР искажений. Эти надежды рухнули, но они не отказались от них. Эти настроения олицетворяет и С. Хейм, в прошлом журналист и офицер армии США, затем гражданин ГДР, автор критических романов о событиях 17 июня 1953 г., исключенный из Союза писателей ГДР. Пережив крушение ГДР, он заявил, что не может зачеркнуть свою жизнь, и, несмотря ни на что, верит в идею социализма.

В иносказательной форме кризис идентичности интеллигенции, возникший после объединения Германии, выражает неомифологический роман Кристы Вольф «Медея» (1996). В нем изображена родина Медеи — Колхида, которая населена людьми, живущими в равенстве и небогатом достатке, управляемыми справедливыми королями. Завоеватели разрушили эту идиллию, и Медея бежит в Коринф, но

с ужасом обнаруживает, что здесь неравенство несравнимо более глубокое. Роман заканчивается возгласом Медеи: «Мыслим ли мир и время, которое мне подошло бы? Ни одного вокруг, кого можно было бы спросить!» Эта ситуация и ныне актуальна для многих восточногерманских интеллигентов.

Антагонизм позиций затруднил объединение ПЕН-клубов Востока и Запада ФРГ. Некоторые западногерманские писатели, в основном эмигранты из ГДР, выдвинули жестокое требование своим коллегам с Востока: вначале они должны преодолеть «сталинское прошлое». Лишь в 1995 г. кризис помогли разрешить 60 западногерманских литераторов, в том числе знаменитый писатель Гюнтер Грасс. Они демонстративно вступили в ПЕН-клуб новых земель, чтобы ускорить процесс слияния союзов.

Исследователь современной культуры ФРГ Л. Макфальс констатирует, что культура, утвердившаяся в 1990-х гг. в новых землях, в целом идентична западногерманской. Это проявляется в типичном для постмодернистского общества распространении неверия в идею прогресса, неприятии экономического развития, ориентированного на постоянный рост и пагубного для экологии, в нехватке времени, в противоречии между погоней за сверхурочными и безработицей. Доминантой повседневной культуры большинства жителей не только старых, но и новых земель является потребление (*Konsum*). Особенно у молодых немцев сблизились вкусы в выборе форм досуга, музыкальных пристрастиях, в отношении к спорту, моде, диете. Восточные немцы, освободившись от личной зависимости, попали в зависимость от западных вещных стандартов.

Некоторые аспекты духовно-интеллектуального развития современной ФРГ вызывают озабоченность внутри страны и в Европе. Соседние страны тревожит, что в Германии может возродиться дух превосходства. В исторической науке и публицистике ФРГ наметилось течение «нового немецкого национализма». Его представляют «новые правые», лидером которых является сотрудник газеты «Ди Вельт» ***Райнер Цительман*** (род. 1957). Они призывают к «историзации национал-социализма», открыто говорят о «позитивных сторонах» нацистского режима, о его «модернизаторской функции» как доминирующем признаке диктатуры. Как уже отмечалось, правые интеллектуалы приравнивают режим СЕПГ к режиму Третьего рейха и сравнивают их как «две германские диктатуры», утверждают, что «подлинно тоталитарным государством» была ГДР, а не гитлеровская диктатура. Социолог Ю. Хабермас предупреждает об опасности того,

что «в слепящем свете второго прошлого поблекнет память о первом прошлом». Влияние «новых правых» возрастает в связи с тем, что из жизни уходит поколение, которое жило в эпоху национал-социализма, было свидетелем его преступлений, и, таким образом, исчезает «субстанция коллективной памяти». Для большей части современного германского общества образы фашизма и войны носят абстрактный, «исторический» характер. Опросы общественного мнения показывают, что около 45 % населения ФРГ склоняются к «прощению прошлого» или к его «забвению».

В 1996 г. в Германии была опубликована основанная на документах книга американского ученого Дэниэла Голдхагена «Добровольные подручные Гитлера». В ней содержится обвинение миллионов рядовых немцев в преступлениях нацизма, прежде всего в массовом уничтожении евреев. Большинство их предстает в роли послушных исполнителей безумных приказов Гитлера. Книга вызвала интеллектуальный шок в ФРГ и вынудила немцев вновь обратиться к болезненным и как будто решенным вопросам — о «коллективной вине» и «коллективной ответственности» за преступления нацистов. Ю. Хабермас констатировал, что исследование Д. Голдхагена явилось индикатором противостояния в германском обществе двух тенденций: с одной стороны, «курса на политический пересмотр устоявшихся воззрений», а с другой — «существующей в объединенной Германии новой разновидности национального духа, для которой "процесс обучения", пройденный в прежние годы, представляется чрезмерным». По убеждению ученого, основой современной фазы «преодоления прошлого» может стать только продуктивная антитоталитарная концепция немецкого национального самосознания. По мнению Л. Копелева, одного из видных гуманистов XX в., опыт преодоления тоталитаризма в ФРГ является «необычайно важным, необходимым для России» — «ради выздоровления общества, ради того, чтобы исцелить тяжелобольную страну».

Официальная политика «преодоления раскола» в области культуры основывается на Договоре об объединении Германии. В нем ставится рассчитанная на длительное время задача формирования единой национальной культуры. В 1990–1991 гг. было реорганизовано управление культурой в новых землях. Оно было выведено из-под подчинения центральным органам и передано в компетенцию земель. Деятели культуры Востока с энтузиазмом встретили отмену цензуры, свободу слова, информации, творчества, смену политических элит.

В течение переходного периода 1991–1994 гг. федеральное правительство продолжало избирательно оказывать финансовую подде-

ржку ряду культурных учреждений и проектов в новых землях ФРГ. Оно поставило цель реконструировать в них наиболее известные объекты и памятники культуры в соответствии со стандартами, принятыми на Западе. Культурная инфраструктура, полученная в наследие от ГДР, была довольно развитой. Она включала около 300 театров и оркестров, около 1000 музеев, свыше 7 тыс. библиотек и музыкальных школ, 1,5 тыс. домов культуры и клубов, исторические центры в сотнях городов и сел. Однако, по оценке западногерманских экспертов, большинство их экспозиций, фондов, репертуаров устарело, оформление памятников нуждалось в модернизации. Была поставлена задача смены кадрового состава и пр. В ряде случаев не были устранены последствия еще военных разрушений. На цели культурной реконструкции федеральное правительство выделило новым землям в 1991–1994 гг. 3,3 млрд марок. Часть средств направлялась на реставрационные работы, так как было выявлено, что около 20 тыс. так называемых «малых памятников» находятся в критическом состоянии. Под охрану государства были взяты около 350 исторических центров городов и сел, церквей, поместий, расположенных на Востоке Германии. Культурными памятниками были объявлены Веймар, Дрезден и Кведлинбург.

С 1995 г. федеральное правительство сосредоточилось на поддержании культурных объектов национального значения. Совместно федерацией и землями был учрежден Фонд прусского культурного наследия. При его поддержке были объединены коллекции, собрания и отдельные предметы, связанные с вкладом Пруссии в германскую историю. К 50-летнему юбилею ФРГ они были выставлены в Берлинском культурном форуме.

В 1998 г. был учрежден фонд, из которого финансируется возрождение замков Пруссии, садов Берлина, деятельность центра по изучению творчества Г. фон Клейста, архива Академии искусств Берлина-Бранденбурга, Германского исторического музея и др. Под опеку государства были взяты памятные места, связанные с историей франков, культурные учреждения сорбов, архив Баха в Лейпциге, памятные места, связанные с деятельностью Лютера, Барлаха, музей Лессинга, замок Вартбурга XII в. в Эйзенахе, галерея Современных искусств и книгохранилище в Лейпциге и пр. В 1999 г. Веймар праздновал свое избрание культурной столицей Европы и 250-летие Гёте. К этому событию в городе были восстановлены и отреставрированы Германский национальный музей, Музей Гёте, дом Шиллера. В течение 1999 г. было проведено около 1000 мероприятий с участием 5 тыс. деятелей культу-

ры из 100 стран. В бывшем концлагере Бухенвальд, находящемся в 10 км от Веймара, была организована выставка рисунков Гёте. Ее целью явилось показать взлеты и падения в истории Германии.

Важным культурным событием страны стала реконструкция и модернизация Берлина — «новой старой столицы» Германии. В первой половине 1990-х гг. Берлин называли крупнейшей стройкой мира. Реконструкция происходит с учетом исторического контекста города, его места в ландшафте, в сочетании с его современными представительскими и политическими функциями. Архитекторы стремятся бережно «вписывать» исторические ансамбли и здания в новые постройки. Новым центром Берлина стала так называемая «связка федерации» — комплекс важнейших правительственных и парламентских зданий в излучине Шпрее. В место представительства крупнейших германских и международных фирм превратилась Потсдамская площадь. Парижскую площадь, примыкающую к Бранденбургским воротам, называют «салоном» столицы, поскольку на ней располагаются посольства, банки, знаменитые отели и магазины. Во второй половине 1990-х гг. после реставрации с особым блеском продолжают свою работу Государственный оперный театр на Унтер ден Линден, Германский театр, Берлинский концертный зал. Однако до завершения реконструкции еще далеко.

Властям ФРГ удалось обеспечить сохранение и модернизацию памятников и учреждений «высокой культуры», имеющих национальное значение, призванных выявить и подчеркнуть содержание и традиции национальной германской культуры, способствующие ментальному объединению жителей старых и новых земель. Обратной стороной этого процесса явилось прекращение государственного финансирования множества культурных объектов и учреждений, действовавших в ГДР. Это привело к ликвидации преобладающего большинства домов культуры предприятий, профсоюзов, молодежных клубов, кино и театров, библиотек, домов детского творчества, кружков по интересам в связи с отсутствием средств у органов местного самоуправления. Главным аргументом отказа в централизованном финансировании явилась ссылка на устарелость культурной инфраструктуры бывшей ГДР, несоответствия предлагаемых ею услуг потребностям населения и молодежи.

Болезненная перестройка культурной сети в новых землях сопровождалась коммерциализацией, внедрением западных ценностей и американизацией культуры. В ходе реконструкции выявилось, что на Востоке и Западе Германии существуют различные представления

о том, что следует понимать под культурой, что следует в ней развивать, поддерживать и какими средствами. В новых землях сохранилось убеждение, что государство должно участвовать в сохранении культурного достояния нации и способствовать приобщению к нему населения. В старых землях больше ценится творческая свобода художника, существует общепринятое разделение на высокую и повседневную культуру. Большинство деятелей культуры восточных земель оказались исключенными из правительственных программ, финансирующих эту сферу. Они испытывают большие трудности в приспособлении к рынкам сбыта художественных произведений и находятся в крайне нестабильном материальном положении. Особенно трудно деятелям культуры старшего поколения и женщинам, проекты которых подвергаются особо взыскательной критике.

В Германии, где формируется мультикультурное общество, после 11 сентября 2001 г. стало больше внимания уделяться поискам форм диалога различных культур, в первую очередь христианской и исламской, выявлению между ними общих ценностей. Ставится цель через постижение других культур научить население толерантности, ликвидировать питательную среду для экстремизма. На 2004–2005 гг. запланированы многочисленные культурные германо-российские мероприятия.

* * *

Объединение Германии явилось прогрессивным историческим событием, однако оно вызвало сложные внутриполитические проблемы, обусловленные экономическими, социальными, культурными преобразованиями на территории бывшей ГДР, и потребностями приспособления Германии к процессам глобализации. Как показали прошедшие после объединения годы, создание единого государства, которое осуществилось за 329 дней, оказалось делом более легким, чем создание единой нации, преодоление раскола «в головах» людей. Социально-психологическое состояние германского общества на рубеже XX–XXI вв. трудно назвать единым, так как пока сохраняются различия в материальном положении жителей Запада и Востока страны, в их менталитете, ценностных установках в социальной, политической, духовной жизни. Тем не менее преобладающее большинство жителей объединенной Германии сделанный выбор считают верным и не желают возврата к прошлому.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Анатомия агрессии: Новые документы о военных целях фашистского германского империализма во Второй мировой войне / Пер. с нем. М., 1975.

Анатомия войны: Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении Второй мировой войны / Пер. с нем. *Г. И. Владимирова, А. Л. Ларионова*. М., 1971.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания: В 3 т. / Пер. с нем. под ред. проф. *А. С. Ерусалимского*. М., 1940–1941. Т. 1–3.

Брандт В. Воспоминания / Пер. с нем. М., 1991.

Брандт В. Демократический социализм: Статьи и речи / Пер. с нем., авт. предисл. *Б. С. Орлов*. М., 1992.

Геббельс Й. Дневники 1945 года: Последние записи / Пер. с нем., предисл. и общ. ред. *А. А. Галкина*. Смоленск, 1993.

Германия: Факты. Бонн, 1999.

Гитлер А. Моя борьба / Пер. с нем.; коммент. редакции. М., 2000.

Горбачев М. С. Как это было: Объединение Германии. М.-СПб., 1999.

Кейтель В. Размышления перед казнью / Пер. с нем. *Г. Я. Рудого*. Смоленск, 2000.

Клемперер В. Свидетельствовать до конца: Из дневников 1933–1945 / Пер. с нем. *Е. Маркович*. М., 1998.

Коминтерн и идея мировой революции: Документы / Сост. *Я. С. Драбкин, Л. Г. Бабиченко, К. К. Ширинял*. М., 1998.

Неизвестный Гитлер. Тайное досье НКВД... Авт.-сост. М. Уль, Х. Эберле. М.,2005.

Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 8 т. М., 1987–1999. Т. 1–8.

Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне Третьего рейха против СССР: Секретные речи. Дневники. Воспоминания / Пер. с нем., сост. *Г. Я. Рудого*. Смоленск, 2000.

Первый Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов: 16–21 декабря 1918 г.: Стенографический отчет. М., 1934.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. / Предисловие *А. Громыко*. М., 1957. Т. 1–2.

Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1985.

СВАГ: Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов: Сб. док. / Под ред. *Б. Бонвеча, Г. Бордюгова и Н. Неймарка*. М., 1994.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: Сб. док.: В 6 т. М., 1978–1984. Т. 1–6.

СССР и германский вопрос: 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: В 3 т. М., 1996–2003. Т. 1–3.

Федеративная Республика Германия: Конституция и законодательные акты / Пер. с нем.; сост. *Т. Г. Морщакова*; под ред. и с вступ. ст. *Ю. П. Урьяса*. М., 1991.

Хонеккер Э. Из моей жизни / Пер. с нем. М., 1982.

Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. / Пер. с англ. М., 1991. Кн. 1–3.

Шморелль А. Протоколы допросов в гестапо: ф-м 1943 г. /Пер. И. В. Храмова. Оренбург, 2005.

Шелленберг В. Лабиринт: Мемуары гитлеровского разведчика / Пер. с нем.; предисл. *А. Буллока*. М., 1991.

Шпеер А. Воспоминания / Пер. с нем. Смоленск, 1997.

Штраус Ф.-Й. Воспоминания / Пер. с нем.; предисл. *А. Урбана*. М., 1991.

Энциклопедия Третьего рейха / Сост. *С. Воропаев*. М., 1996.

Эрхард Л. Благосостояние для всех / Пер. с нем.; вступ. ст. *Б. Б. Багаряцкого, В. Г. Гребенникова*. М., 1991.

Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи / Пер. с нем. М., 1996.

Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland: 1945–1949. 5 Bde. München, Wien, Oldenburg, 1976–1983. Bd. 1–5.

Der „Berliner Antisemitismusstreit" 1879–1881. Eine Kontroverse um die Zugehörigkeit der deutschen Juden zur Nation: eine kommentierte Quellenedition im Auftrag des Zentrums für Antisemitismusforschung / Hrsg. von *K. Krieger*. München, 2003.

Der Parlamentarische Rat 1948–1949: Akten und Protokolle. 13 Bde. Boppard-am-Rein, 1981–2002. B. 1–13.

Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung. 11 Bde. / Hrsg. von *R. A. Müller*. Stuttgart, 1995–1997. Bd. 7–11.

Deutsche Geschichte seit 1945. Darstellung und Dokumente in vier Bänden / Erw. Neuausg. *R. Steininger*. Frankfurt. M., 1996–2002. Bd. 1–4.

Deutsche Parteiprogramme 1861–1961 / Hrsg. *W. Treue*. Frankfurt. M., 1967.

Deutsche Parteiprogramme seit 1861 / Hrsg. von *W. Treue*. Göttingen u. a., 1968.

Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges / Hrsg. von *W. Bihl*. Darmstadt. 1991.

Die deutsche Revolution: 1918–1919. Dokumente / Hrsg. von *G. A. Ritter*. Hamburg. 1975.

Die ungeliebte Republik: Dokumentation zur Innen- und Außenpolitik Weimars: 1918–1933 / Hrsg. von *W. Michàlka*. München, 1986.

Die Zerstörung der deutschen Politik. Dokumente 1871–1933 / Hrsg. von *H. Proß*. Frankfurt / Main., 1983.

Dokumente zur Berlin-Frage: 1944–1966 / Bearb. von *W. Heidelmeyer* u. *G. Hindrichs*. München, 1962.

Materialien der Enquete-Kommission „Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland". 9 Bde. in 18 Teil. / Hrsg. vom Deutschen Bundestag. Bonn, 1994-2000. Bd. 1–9.

Materialien der Enquete-Kommission "Überwindung der Folgen der SED-Diktatur im Prozeß der deutschen Einheit". 10 Bde. in 14 Teil / Hrsg. vom Deutschen Bundestag. Baden–Baden, 1999-2000. Bd. 1-10.

Литература

Альтман И. А. Холокост и еврейское Сопротивление на оккупированной территории СССР: Учебное пособие. М., 2002.

Аникеев А. А. Аграрная политика нацистской Германии в годы Второй мировой войны. Ростов н/Д., 1990.

Артемов В. А. Германия и Россия на изломах истории. Воронеж, 2004.

Артемов В. А., Кардашова Е. В. Фридрих Эберт — первый президент Германии. Воронеж, 2001.

Ахтамзян А. А. Объединение Германии или аншлюс ГДР к ФРГ. М., 1994.

Баранова К., Белов В., Борисова И. и др. Объединение Германии и его последствия. М., 1998.

Безыменский Л. А. Разгаданные загадки третьего рейха. 1933–1941. М., 1984.

Белецкий В. Н. Потсдам 1945: История и современность: 2-е изд., перераб. и доп. М., 1987.

Биск И. Я. История повседневной жизни населения в Веймарской республике. Иваново, 1990.

Биск И. Я. Пресса Веймарской Германии. Иваново, 1995.

Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. М. 1978.

Борозняк А. И. Искупление: Нужен ли России германский опыт преодоления прошлого? М., 1999.

Брозцат М. Тысячелетний рейх. Триумф НСДАП и рождение империи/ Пер. с нем. М., 2004.

Брозцат М. Закат тысячелетнего рейха. Гибель богов/ Пер. с нем. М., 2005.

Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: В 2 т. / Пер. с англ. Смоленск, 1998. Т. I-II.

Бусыгина И. М. Регионы Германии. М., 2000.

Буханов В. А. Европейская стратегия германского национал-социализма и ее крах: Идейно-политические проблемы. Екатеринбург, 1998.

Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М., 2002.

Веймар — Бонн. Опыт двух германских демократий и современная Россия. Сб. науч. ст. / Отв. ред. *Я. С. Драбкин*. М., 1998.

Веймарская республика: история и источниковедение. Сб. научн. статей / Науч. ред. *И. Я. Биск*, отв. ред. *В. Л. Черноперов*. Иваново, 2001.

Випперман В. Европейский фашизм в сравнении. 1922-1982 / Пер. с нем. *А. И. Федорова*. Новосибирск, 2000.

Висков С. И., Кульбакин В. Д. Союзники и «германский вопрос»: 1945-1949 гг. М., 1990.

Воробьев Л. М. Внешняя политика Германии на пороге XXI в. / Отв. ред. *Е. М. Кожокин*. М., 2000.

Галактионов Ю. В. Германский фашизм в зеркале историографии 20-40-х годов. Новое прочтение. Кемерово, 1996.

Галактионов Ю. В. Германский фашизм как феномен первой половины XX века: отечественная историография 1945 — 90-х гг.: Учеб. пособие. Кемерово, 1999.

Галкин А. А. Германский фашизм. Изд. 2-е, доп. М., 1989.

Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: Сб. науч. ст. (Серия «Германские исследования в Сибири». Вып. 1.) / Отв. ред. *Ю.В. Галактионов, Б. Бонвеч*. Кемерово, 2001.

Германия и Россия: События, образы, люди: Сб. научн. статей. В 3 вып. / Отв. ред. *В. А. Артемов*. Воронеж, 1998-2000. Вып. 1-3.

Германия, июнь 1953 года: уроки прошлого для будущего. М., 2003.

Германия: фашизм, неофашизм и молодежь / Отв. ред. *Н. С. Черкасов*. Томск, 1993.

Германская история в новое и новейшее время: В 2 т. / *М. М. Смирин, С. Д. Сказкин, Л. И. Гинцберг*; Редколл.: *С. Д. Сказкин* и др. М., 1970. Т. 1-2.

Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер / Пер. с англ. *А. Л. Уткина, А. В. Бушуева, И. С. Соколова*. Смоленск, 1996.

Гинцберг Л. И. Борьба немецких патриотов против фашизма: 1939-1945 / Отв. ред. *Д. М. Проэктор*. М., 1987.

Гинцберг Л. И. Массовые демократические движения в ФРГ и партия «зеленых» / Отв. ред. *М. И. Семиряга*. М., 1988.

Гинцберг Л И. Рабочее и коммунистическое движение Германии в борьбе против фашизма (1919-1933). М., 1978.

Гинцберг Л. И. Ранняя история нацизма: борьба за власть. М., 2004.

Гутник В. П. Политика хозяйственного порядка в Германии. М., 2002.

Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы: В 2 т. М., 1975. Т. 1-2.

Деларю Ж. История гестапо / Пер. с фр. *Ю. А. Немешаев* и др. Смоленск, 1998.

Драбкин Я. С. Ноябрьская революция в Германии. М, 1967.

Драбкин Я. С. Проблемы и легенды в историографии германской революции 1918-1919. М., 1990.

Драбкин Я. С. Становление Веймарской республики / Отв. ред. *Л. И. Гинцберг*. М., 1978.

Ежов В. Д. Конрад Аденауэр: Немец четырех эпох. М., 2003.

Ерин М. Е. История Веймарской республики в новейшей германской историографии: Учеб. пособие. Ярославль, 1997.

Ерин М. Е. Католическая церковь Германии и фашизм: Учеб. пособие. Ярославль, 1990.

Ерин М. Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль, 2005.

Ермаков А. М. Вермахт и холокост: Учебное пособие. Ярославль, 1999.

Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. / 2-е изд. М., 1951.

Ерусалимский А. С. Германский империализм: история и современность. М., 1964.

Зарицкий Б. Е. Людвиг Эрхард: Секреты «экономического чуда». М., 1997.

Зонтхаймер К. Федеративная республика Германия сегодня: Основные черты политической системы / Под общ. ред. и с предисл. *Я. С. Драбкина*; Пер. с нем. *Г. Я. Рудого*. М., 1996.

История, политика, экономика и культура Германии в исследованиях российских ученых. 1990–2000 гг.: Библиографический указатель (Серия «Германские исследования в Сибири». Вып. 2.) / Отв. ред. *Ю.В. Галактионов, Б. Бонвеч*. Кемерово, 2001.

Истягин Л. Г. Общественно-политическая борьба в ФРГ по вопросам мира и безопасности (1949–1987 гг.). М., 1988.

Кнышевский П. Н. Добыча. Тайны германских репараций. М., 1994.

Корнева Л. Н. Германский фашизм: Немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945 — 90-е годы). Кемерово, 1998.

Кремер И. С. ФРГ: этапы «восточной политики». М., 1986.

Кузьмин И. Н. Крушение ГДР: История. Последствия. М., 1996.

Ламперт Х. Социальная рыночная экономика: Германский путь / Пер. с нем., М., 1993.

Мазер В. Адольф Гитлер: Легенда. Миф. Реальность / Пер. с нем. *С. Э. Борич*. Минск, 2000.

Мазер В. Гельмут Коль: Биография / Пер. с нем. М., 1993.

Мельников Д. М., Черная Л. Б. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии: 1933–1945. М., 1987.

Мельников Д. М., Черная Л. Б. Преступник номер 1: Нацистский режим и его фюрер. М., 1981.

Мертес М. Немецкие вопросы — европейские ответы / Пер. с нем. *Н. Маджиевой*. — М., 2001.

Мировые войны XX века: В 4 кн. М., 2002. Кн. 1–4.

Млечина И. Уроки немецкого. Век XX. М., 1995.

Ненахов Ю. Ю. Железом и кровью. Войны Германии в XIX в. М., 2002.

Новик Ф. И. «Оттепель» и инерция холодной войны (Германская политика СССР в 1953–1955 гг.). М., 2001.

Нольте Э. Европейская гражданская война. Национал-социализм и большевизм. М., 2003.

Нольте Э. Фашизм в его эпохе / Пер. с нем.; Предисл. *Л. И. Гинцберга.* Новосибирск, 2001.

Объединенная Германия: политико-культурный и социально-экономический аспекты. М., 1992.

Орлов Б. С. Эволюция концепции социализма в программных документах СДПГ. М., 1990.

Орлова М. И. ГДР: Рождение и крах. М., 2000.

Павлов Н. В. Внешняя политика ФРГ: концепции и реалии 80-х годов. М., 1989.

Павлов Н. В. Германия на пути в третье тысячелетие: Пособие по страноведению. М., 2001.

Павлов Н. В. Объединение, или Рассказ о решении германского вопроса с комментариями и отступлениями. М., 1992.

Паламарчук Е. А. Нацизм: три лика геноцида. Ростов н/Д., 2003.

Патрушев А. И. Германия в XX веке: Учеб. пособие. М., 2004.

Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. *В. Л. Мальков.* М., 1998.

Петелин Б. В. Германская политика канцлера Гельмута Коля 1982–1990 гг. Вологда, 2004.

Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера / Пер. с нем.; ред. *И. М. Фрадкин.* Смоленск, 1993.

Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996.

Последний год ГДР. М., 1993.

Поттхофф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ: 1848–2002 / Отв. ред. *Б. С. Орлов.* М., 2003.

Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989.

Россия и Германия: Сб. науч. статей. В 2 вып. / Отв. ред. *Б. М. Туполев.* М., 1998–2001. Вып. 1–2.

Россия и Германия в годы войны и мира: 1941–1995: Сб. научн. статей / Под ред. *Д. М. Проэктора* и др. М., 1995.

Россия и Германия в Европе: Сб. научн. статей / Сост. *Б. Орлов, Х. Тиммерманн.* М., 1998.

Россия и Германия в историческом ракурсе: Сб. научн. статей / Отв. ред. *Я. С. Драбкин.* М., 2002.

Россия и Германия на пути к антитоталитарному согласию: Сб. научн. статей / Отв. ред. *Л. Кюнхардт, А. О. Чубарьян.* М., 2000.

Семиряга М. И. Как мы управляли Германией: Политика и жизнь. М., 1995.

Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991.

Ткачев С. М. Левый либерализм и проблема утверждения веймарской демократии (1918–1926 гг.). М., 1997.

Тоталитаризм в Европе XX века: Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / Рук. авт. коллектива *Я. С. Драбкин, Н. П. Комолова.* М., 1996.

Тоталитарный менталитет: проблемы изучения, пути преодоления (Серия «Германские исследования в Сибири». Вып. 3.). Сб. научн. статей / Отв. ред. *Ю. В. Галактионов, Б. Бонвеч.* Кемерово, 2003.

Туполев Б. М. Германская империя // История Европы. В 8 т. М., 2000. Т. 5. Ч. 5–6.

Уильямс Ч. Аденауэр: Отец новой Германии / Пер. с англ. *А. М. Филитова* М., 2002.

Урьяс Ю. П. Механизм государственной власти в ФРГ. М., 1988.

Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999.

Федоров В. П. ФРГ: 80-е годы: Очерки общественных нравов. М., 1988.

Ференбах О. Крах и возрождение Германии: Взгляд на европейскую историю XX века / Пер с нем. *Г. Сахацкого.* М., 2001.

Фест Й. Адольф Гитлер: Биография. В 3 т. / Пер. с нем. *А. А. Федорова* и др. Пермь, 1993. Т. 1–3.

Филитов А. М. Германский вопрос: От раскола к объединению: Новое прочтение. М., 1993.

Френкин А. А. Западногерманские консерваторы: Кто они? М., 1990.

Хакке К. Великая держава поневоле: Внешняя политика ФРГ / Пер. с нем. М., 1995.

Хаффнер С. Самоубийство германской империи / Пер. с нем.; ред. *З. С. Шейнис* М., 1972.

Храмов И. В. Русская душа «Белой розы». Оренбург, 2001.

Черкасов Н. С. О германском фашизме и антифашистском Сопротивлении: Избранные труды. Томск, 2006.

Черная Л. Б. Коричневые диктаторы: Гитлер, Геринг, Гиммлер, Борман, Риббентроп. М., 1992.

Чубинский В. В. Бисмарк: Политическая биография. М., 1988.

Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха: В 2 т. / Пер. с англ. под ред. *О. А. Ржешевского.* М., 1991. Т. 1–2.

Abelshauser W. Die Langen Fünfziger Jahre. Wirtschaft und Gesellschaft der Bundesrepublik Deutschland 1949–1966. Düsseldorf, 1987.

Alltag unter Hitler / Hrsg. von *W. Schneider.* Berlin, 2000.

Anatomie des SS-Staates / Von H. Buchheim, M. Broszat, H.-A. Jacobsen, H. Krausnick. München, 1994.

Angrick A. Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943. Hamburg, 2003.

Benz W. Die Grundung der Bundesrepublik. Von der Bizone zum souveranen Staat Munchen, 1999

Benz W. Geschichte des Dritten Reiches. Munchen, 2000

Benz W Potsdam 1945· Besatzungsherrschaft und Neuaufbau im Vier-Zonen-Deutschland. München, 1994.

Bracher K. D Die Auflosung der Weimarer Republik: eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie Konigstein, 1978.

Britische Deutschland- und Besatzungspolitik 1945–1949: eine Veroffentlichung des Deutschen Historischen Instituts London / Hrsg. von *J Foschepoth* Paderborn, 1985

Craig G A. Deutsche Geschichte 1866–1945: vom Norddeutschen Bund bis zum Ende des Dritten Reiches Munchen, 1993.

Der Tag X — 17. Juni 1953 / Hrsg. von *A. Mitter u. S Wolle* Berlin, 1995.

Deutschland 1933–1945 neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft / Hrsg. von *K. D. Bracher* u. a. Bonn, 1993.

Deutschland unter alliierter Besatzung 1945–1949/55 / Hrsg von *W Benz*. Berlin, 1999.

Die DDR als Geschichte: Fragen Hypothesen Perspektiven / Hrsg von *J Kocka* u *M. Sabrow*. Berlin, 1994.

Drei Wege deutscher Sozialstaatlichkeit. NS-Diktatur, Bundesrepublik und DDR im Vergleich / Hrsg. von *H G. Hockerts*. München, 1998

Enzyklopadie des Nationalsozialismus / Hrsg von *W Benz, H Graml, H Weiß* Berlin, 2000.

Erdmann K. D. Der Erste Weltkrieg Munchen, 1982.

Fischer F. Griff nach Weltmacht: Die Kriegspolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18 Dusseldorf, 1994.

Flasch K Die geistiege Mobilmachung: Die deutschen Intellektuellen und der Erste Weltkrieg. Berlin, 2000.

Frei N. Der Fuhrerstaat: Nationalsozialistische Herrschaft 1933 bis 1945. Munchen, 2002.

Frei N. Vergangenheitspolitik: die Anfange der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. Munchen, 2003.

Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Hamburg, 1999.

Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. 4 Bde. / Hrsg. von *W Benz*. Frankfurt. M., 1989. Bd. 1–4

Glaser H. Deutsche Kultur 1945–2000. Munchen, 2000.

Goldhagen D. Hitlers willige Vollstrecker. Berlin, 1996.

Gorlitz W. November 1918: Bericht uber die deutsche Revolution. Oldenburg, 1968.

Gortemaker M. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland: von der Grundung bis zur Gegenwart. Munchen, 1999.

Handbuch der deutschen Einheit 1949–1989–1999 / Hrsg. von *W. Weidenfeld*. Bonn, 1999.

Handbuch der Geschichte der Sozialpolitik im Deutschen Kaiserreich / Hrsg. von *J. Frerich* u. *M. Frey.* 3 Bde. München u. a., 1996. Bd. 1-3.

Hanrieder W. Deutschland, Europa, Amerika: Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: 1949-1994. Paderborn 1995.

Heinemann I. "Rasse, Siedlung, deutsches Blut". Das Rasse- und Siedlungshauptamt der SS und die rassenpolitische Neuordnung Europas. Göttingen, 2003.

Henke K.-D. Die amerikanische Besetzung Deutschlands. München, 1996.

Herbert U. Geschichte der Ausländerpolitik in Deutschland: Saisonarbeiter, Zwangsarbeiter, Gastarbeiter, Flüchtlinge. München, 2001.

Hillgruber A. Deutsche Geschichte 1945-1982: Die «deutsche Frage» in der Weltpolitik. Stuttgart, 1984.

Hoffmann R. Geschichte der deutschen Parteien: Von der Kaiserreich bis zur Gegenwart. München, 1993.

Hüser D. Frankreichs "doppelte Deutschlandpolitik": Dynamik aus der Defensive-Planen, Entscheiden, Umsetzen in gesellschaftlichen und wirtschaftlichen, innen- und außenpolitischen Krisenzeiten: 1944-1950. Berlin 1996.

Jäger M. Kultur und Politik in der DDR: 1945-1990, Köln, 1994.

Kaiser M. Machtwechsel von Ulbricht zu Honecker. Funktionsmechanismen der SED-Diktatur in Konfliktsituationen 1962 bis 1972. Berlin, 1997.

Kershaw I. Der NS-Staat. Geschichtsinterpretationen und Kontroversen im Überblick. Reinbek bei Hamburg, 1994.

Kleßmann Ch. Die doppelte Staatsgründung: Deutsche Geschichte 1945-1955. Bonn, 1991.

Kleßmann Ch. Zwei Staaten, eine Nation: Deutsche Geschichte 1955-1970. Bonn, 1997.

Kolb E. Die Weimarer Republik. München, 1993.

Kriegsende 1918: Ereignis, Wirkung, Nachwirkung / Hrsg. von *J. Duppler.* München, 1999.

Krüger P. Die Aussenpolitik der Republik von Weimar. Darmstadt, 1985.

Kulturpolitik im besetzten Deutschland 1945-1949 / Hrsg. von *G. Clemens.* Stuttgart, 1994.

Mai G. Das Ende des Kaiserreichs. Politik und Kriegführung im Erste Weltkrieg. München, 1993.

Mai G. Der Alliierte Kontrollrat in Deutschland 1945-1948: Alliierte Einheit — deutsche Teilung? München, 1995.

Mallmann K-M./Paul G. Karrieren der Gewalt. Nationalsozialistische Täterbiographien. Darmstadt, 2004.

Malycha A. Die SED: Geschichte ihrer Stabilisierung: 1946-1953, Paderborn u. a., 2000.

Mann G. Deutsche Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Frankfurt. M., 1998.

Marcowitz R. Die Weimarer Republik 1929-1933. Darmstadt. 2004.

Mommsen H. Aufstieg und Untergang der Republik von Weimar: 1918-1933. München, 2001.

Morsey R. Die Bundesrepublik Deutschland. Entstehung und Entwicklung bis 1969. Munchen, 2000.

Muller R.-D., Ueberschar G. R. Kriegsende 1945. Die Zerstorung des Deutschen Reiches. Frankfurt am Main, 1995.

Naimark N. Die Russen in Deutschland Die sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. Berlin, 1999

Neubert E. Geschichte der Opposition in der DDR 1949–1989 Bonn, 2000

Nipperdey Th Deutsche Geschichte 1866–1918 Burgerwelt und starker Staat Munchen. 1990.

Nolte H-H (Hrsg.). Haftlinge aus der UdSSR in Bergen-Belsen, Frankfurt, 2001.

OMGUS-Handbuch: Die amerikanische Militarregierung in Deutschland 1945–1949 / Hrsg. von *Ch. Weisz.* Munchen, 1995.

Przybylski P. Tatort Politbüro. 2 Bde. Berlin, 1991–1992 Bd. 1–2

Ruck M. Bibliographie zum Nationalsozialismus. Koln, 2000

SBZ-Handbuch: Staatliche Verwaltungen, Parteien, gesellschaftliche Organisationen und ihre Fuhrungskrafte in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands· 1945–1949 / Hrsg von *M. Broszat, H. Weber.* Munchen, 1993

Schollgen G. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Von den Anfangen bis zur Gegenwart. Munchen, 2001.

Schroder K. Der SED-Staat. Partei, Staat und Gesellschaft. 1949–1989. Munchen u.a, 1998.

Schwarz H.-P. Adenauer. 2 Bde. Stuttgart, 1986, 1991 Bd 1–2.

Sozialgeschichte der DDR / Hrsg. von *H. Kalble* u. a. Stuttgart, 1994.

Stalingrad Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht / Hrsg von *W Wette, G R Ueberschar.* Frankfurt am Main, 1992.

Staritz D. Die Grundung der DDR: Von der sowjetischen Besatzungsherrschaft zum sozialistischen Staat. Munchen, 1995.

Staritz D. Geschichte der DDR: 1949–1990. Frankfurt M., 1996.

Über Deutschland: Die Bundesrepublik in der deutschen Geschichte / Hrsg von *G. A. Ritter* u a. München, 2000.

Weber H. Die DDR: 1945–1990. München, 2000.

Wehler H.-U. Das deutsche Kaiserreich: 1871–1918. Gottingen, 1994.

Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. 3 Bde. Munchen, 1987–1995 Bd. 1–3.

Wendt B -J. Das nationalsozialistische Deutschland. Opladen, 2000.

Widerstand in Deutschland 1933–1945: Ein historisches Lesebuch / Hrsg. von *P. Steinbach* u a Munchen, 1997.

Winkler H. A. Der lange Weg nach Westen. 2 Bde. Munchen, 2000. Bd. 1–2.

Winkler H. A. Weimar 1918–1933: Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München, 1998.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1871 г., 18 января — провозглашение Германской империи.

1871–1890 гг. — канцлерство О. фон Бисмарка.

1873 г. — образование «Союза трех императоров».

1875 г. — образование на съезде в Готе Социал-демократической рабочей партии Германии (с 1891 г. — Социал-демократическая партия Германии).

1878 г. — принятие рейхстагом «Закона против общественно опасных устремлений социал-демократии» («Исключительный закон»).

1879 г. — заключение в Вене союзного договора между Германией и Австро-Венгрией.

1882 г. — заключение Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии, Италии; — принятие закона о медицинском страховании рабочих.

1884 г. — принятие закона об обязательном страховании рабочих на случай травм, инвалидности и смерти; — начало германских колониальных захватов в Африке.

1887 — подписание «перестраховочного договора» между Германией и Россией.

1888 г., 15 июня — вступление на престол Вильгельма II.

1889 г. — принятие закона о пенсионном обеспечении рабочих.

1890–1894 гг. — канцлерство Л. фон Каприви.

1894–1900 гг. — канцлерство Х. фон Гогенлоэ.

1895 г. — выход в свет 1-го тома «Собрания сочинений» Ф. Ницше.

1898 г. — принятие первой программы строительства ВМС.

1900–1909 гг. — канцлерство Б. фон Бюлова.

1901 г. — открытие первых литературных кабаре в Берлине и Мюнхене.

1901 г. — выход в свет романа Т. Манна «Будденброки».

1905 г. — принятие «плана Шлиффена».

1905–1906 гг. — Первый Марокканский кризис.

1909–1917 гг. — канцлерство Т. фон Бетман-Гольвега.

1911 г., июль–ноябрь — Второй Марокканский кризис.

1913 г. — Цаберинский конфликт

1914 г. — выход в свет романа Г. Манна «Верноподданный».

1 августа — начало Первой мировой войны.

5–12 сентября — сражение на Марне.

1916 г., 29 августа — назначение П. фон Гинденбурга начальником Генерального штаба.

1917 г., 6 апреля — вступление в войну США.

6–7 апреля — создание НСДПГ.

1918 г., 3 марта — подписание мирного договора с Советской Россией в Брест-Литовске.

28 октября — принятие рейхстагом закона о парламентаризации Германии.

4 ноября — восстание моряков в Киле. Начало революции.

10 ноября — образование революционного правительства — Совета народных уполномоченных.

11 ноября — подписание Компьенского перемирия.

16–20 декабря — первый Всегерманский съезд советов.

29 декабря — выход НСДПГ из СНУ.

1919 г., 5–12 января — вооруженное восстание КПГ.

19 января — выборы в Национальное собрание.

11 февраля — избрание Ф. Эберта президентом.

13 февраля — образование правительства «веймарской коалиции».

28 июня — подписание Версальского мирного договора с Германией.

31 июля — принятие Веймарской конституции.

1920 г., 13–17 марта — путч Каппа-Лютвица.

6 июня — выборы в первый рейхстаг Веймарской республики.

1921 г., 11 мая — принятие правительством Й. Вирта репарационного плана союзников.

1922 г., 16 апреля — подписание Рапалльского договора между РСФСР и Германией.

1923 г., 11 января — оккупация Рурской области франко-бельгийскими войсками.

октябрь — попытка коммунистического восстания. «Немецкий октябрь».

8–9 ноября — гитлеровский путч в Мюнхене.

1924 г., 29 августа — принятие рейхстагом плана Дауэса.

1925 г., 26 апреля — избрание П. фон Гинденбурга президентом Германии.

12 октября — подписание советско-германского экономического договора.

1 декабря — подписание Локарнских соглашений.

1926 г., 24 апреля — подписание договора о ненападении и нейтралитете с СССР.

10 сентября — прием Германии в Лигу Наций.

1927 г. — выход в свет романа Г. Гессе «Степной волк».

16 июня — принятие рейхстагом закона о страховании по безработице.

1928 г. — выход в свет романа Э.-М. Ремарка «На западном фронте без перемен».

28 июня — образование правительства «большой коалиции».

1929 г. — выход в свет романа А. Дёблина «Берлин. Александерплац».

21 августа — подписание плана Янга.

1930 г. — выход в свет романа Л. Фейхтвангера «Успех».

27 марта — падение правительства «большой коалиции».

30 марта — образование «президентского» правительства Г. Брюнинга.

14 сентября — выборы в рейхстаг.

1931 г., 11–12 октября — создание «Гарцбургского фронта».

1932 г., 10 апреля — переизбрание П. фон Гинденбурга на пост президента.

1 июня — образование «президентского» правительства Ф. фон Папена.

3 декабря — образование «президентского» правительства К. Шлейхера.

1933 г., 28 января — отставка кабинета К. Шлейхера.

30 января — назначение А. Гитлера рейхсканцлером.

27–28 февраля — поджог рейхстага. Указ президента «О защите немецкого народа и государства».

5 марта — выборы в рейхстаг.

23 марта — закон «Об устранении бедственного положения народа и рейха» («Закон о чрезвычайных полномочиях»).

31 марта — закон об унификации земель с рейхом. Фактический запрет КПГ.

2 мая — разгон свободных профсоюзов.

10 мая — сожжение книг в университетах. Основание Германского трудового фронта (ДАФ).

22 июня — 5 июля — запрет СДПГ, самороспуск остальных партий.

14 июля — «Закон против образования новых партий».

20 июля — заключение Конкордата с Ватиканом.

29 сентября — «Закон о наследственных дворах».

14 октября — выход Германии из Лиги Наций.

1 декабря — «Закон об обеспечении единства партии и государства».

1934 г., 20 января — «Закон о порядке национального труда».

26 января — пакт о ненападении с Польшей на 10 лет.

30 июня — «путч Рёма». Убийство руководителей СА.

2 августа — смерть президента П. фон Гинденбурга. Сосредоточение всей полноты власти в руках А. Гитлера.

1935 г., 13 января — плебисцит в Саарской области.

16 марта — введение всеобщей воинской повинности.

18 июня — подписание англо-германского соглашения по флоту.

15 сентября — принятие расовых «Нюрнбергских законов».

1936 г., 6–12 февраля — зимние Олимпийские игры в Гармиш-Партенкирхене.

7 марта — вступление вермахта в демилитаризованную Рейнскую зону.

1–16 августа — летние Олимпийские игры в Берлине.

8–14 сентября — партийный «съезд чести». Провозглашение Четырехлетнего плана.

25 ноября — заключение «Антикоминтерновского пакта» между Германией и Японией.

1937 г., 26 апреля — разрушение испанского города Герника самолетами немецкого «легиона Кондор» во время гражданской войны в Испании.

15 июля — образование имперских предприятий «Герман Геринг».

6 ноября — присоединение Италии к «Антикоминтерновскому пакту».

1938 г., 12–13 марта — оккупация немецкими войсками Австрии. Закон об «аншлюсе».

сентябрь — Судетский кризис.

29–30 сентября — Мюнхенская конференция Германии, Италии, Англии и Франции о передаче Германии Судетской области Чехословакии («Мюнхенское соглашение»).

9 ноября — «Хрустальная ночь» — массовые еврейские погромы.

1939 г., 15 марта — немецкая оккупация Чехии, образование «Имперского протектората Богемии и Моравии».

23 марта — оккупация Мемельской области.

22 мая — подписание военного пакта межу Германией и Италией («Стальной пакт»).

23 августа — подписание договора о ненападении между Германией и СССР («Пакт Молотова–Риббентропа») с секретным протоколом.

1 сентября — нападение Германии на Польшу. Начало Второй мировой войны.

28 сентября — подписание советско-германского договора о дружбе и границе с секретным протоколом.

1940 г., 11 февраля — германо-советское экономическое соглашение.

9 апреля — агрессия нацистской Германии против Дании и Норвегии

10 мая — начало вторжения вермахта во Францию, Бельгию, Голландию.

22 июня — подписание перемирия между Германией и Францией.

27 сентября — заключение Берлинского (Тройственного) пакта между Германией, Италией и Японией, создание «оси Берлин-Рим-Токио».

18 декабря — подписание Гитлером директивы № 21 о подготовке нападения на Советский Союз (план «Барбаросса»).

1941 г., 6 апреля — нападение Германии на Югославию и Грецию.

22 июня — нападение Германии на Советский Союз.

30 сентября — начало Московской битвы, провал «блицкрига».

11 декабря — объявление Германией и Италией войны США, подписание Германией, Италией и Японией соглашения о совместной войне против США и Англии.

16 декабря — взятие Гитлером на себя Верховного главнокомандования армией.

1942 г., 1 января — подписание в Вашингтоне 26 государствами Декларации Объединенных наций.

20 января — конференция в Ванзее (Берлин) по «окончательному решению еврейского вопроса».

26 мая — подписание договора между СССР и Великобританией о союзе в войне, а также о сотрудничестве и взаимной помощи после войны.

10 июня — сожжение по приказу Гитлера, как «расчет за покушение» на Р. Гейдриха, чешской деревни Лидице.

11 июня — подписание соглашения между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии.

17 июля — начало Сталинградской битвы.

1943 г., 13 января — приказ Гитлера о «тотальной мобилизации».

14–24 января — конференция Рузвельта и Черчилля в Касабланке, выдвижение требования о безоговорочной капитуляции Германии.

31 января — 2 февраля — капитуляция 6-ой немецкой армии под Сталинградом, завершение Сталинградской битвы.

19 апреля — восстание в Варшавском гетто.

12–13 июля — создание Национального комитета «Свободная Германия».

июль-август — разгром немецких войск на Курско-Орловской дуге.

19–30 октября — конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве.

28 ноября — 1 декабря — Тегеранская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании.

1944 г., 6 июня — высадка западных союзников в Нормандии.

22 июня — начало наступления советских войск против немецкой группы армий «Центр».

20 июля — покушение на Гитлера К. фон Штауфенберга.

21 октября — взятие американцами первого немецкого города — Аахена.

16 декабря — прорыв немецкой армии в Арденнах.

1945 г., 4–11 февраля — Крымская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании.

13–14 февраля — англо-американскаябомбардировка Дрездена.

19 марта — приказ Гитлера о тактике «выжженной земли» («Приказ Нерона»).

16 апреля — начало Берлинской операции Советской Армии.

29 апреля — капитуляция немецких войск в Италии.

30 апреля — самоубийство Гитлера, назначение президентом рейха и Верховным главнокомандующим гросс-адмирала К. Дёница.

2 мая — капитуляция немецких войск в Берлине.

7–8 мая — подписание Акта о безоговорочной капитуляции немецких вооруженных сил в Реймсе и Берлине.

23 мая — арест правительства К. Дёница.

5 июня — подписание в Берлине Декларации о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, США, Великобритании и Временным правительством Франции.

9 июня — образование Советской военной администрации в Германии (СВАГ).

10 июня — приказ № 2 СВАГ о разрешении деятельности антифашистских демократических партий и профсоюзов.

5–10 июля — французские войска занимают свою оккупационную зону, Франция объявляет об особом статусе Саара.

17 июля — 2 августа — Берлинская (Потсдамская) конференция глав правительств СССР, Англии и США.

10 сентября — 2 октября — первая конференция СМИД в Лондоне.

19 сентября — провозглашение образования земель Бавария, (Большой) Гессен и Вюртемберг-Баден американской военной администрацией.

10 октября — роспуск НСДАП приказом Контрольного совета.

16 октября — провозглашение образования земли Вюртемберг-Гогенцоллерн во французской зоне оккупации.

20 ноября — начало работы Международного военного трибунала в Нюрнберге.

1946 г., 12 января — директива № 24 СКС об удалении нацистов с общественных должностей.

21–22 апреля — объединительный съезд КПГ и СДПГ в Восточном Берлине, создание СЕПГ.

25 апреля — 12 июля — вторая конференция СМИД в Париже.

9–11 мая — первый съезд СДПГ западных зон в Ганновере, избрание К. Шумахера председателем партии.

23 августа — указ британской военной администрации о ликвидации бывших провинций земли Пруссия и образовании новых земель Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия и Шлезвиг-Гольштейн.

30 августа — образование земли Рейнланд-Пфальц.

4 сентября — соглашение о слиянии американской и английской зон оккупации (создании Бизонии).

6 сентября — речь госсекретаря США Дж. Бирнса в Штутгарте.

1 октября — начало 12-ти судебных процессов в Нюрнберге против военных преступников.

4 ноября — 11 декабря — третья конференция СМИД в Нью-Йорке.

1947 г., 27 февраля — закон СКС № 46 о ликвидации земли Пруссия.

10 марта — 24 апреля — четвертая конференция СМИД в Москве.

6–7 июня — конференция премьер-министров всех немецких земель в Мюнхене.

25 ноября — 12 декабря — пятая конференция СМИД в Лондоне.

6–7 декабря — первый Немецкий народный конгресс в Берлине.

1948 г., 7–8 января — совещание военных губернаторов американской и английской зон с участием премьер-министров западногерманских земель во Франкфурте-на-Майне.

23 февраля — 2 июня — Лондонская конференция шести держав (США, Англии, Франции и стран Бенилюкса) по выработке основ концепции дальнейшей политики в отношении Германии.

17–18 марта — второй Немецкий народный конгресс в Восточном Берлине, избрание «Немецкого народного совета».

21 июня — денежная реформа в западных зонах.

24 июня — блокада Западного Берлина советскими войсками, начало «Берлинского кризиса».

1 июля — вручение премьер-министрам одиннадцати западногерманских земель так называемых «Франкфуртских документов».

1 сентября — начало заседаний Парламентского совета в Бонне.

1949 г., 8 апреля — присоединение к англо-американской зоне французской зоны оккупации (создание Тризонии).

8 мая — принятие Парламентским советом Основного закона ФРГ.

14 августа — выборы в первый бундестаг.

12 сентября — избрание бундеспрезидентом Т. Хойса.

15 сентября — избрание бундесканцлером К. Аденауэра.

21 сентября — вступление в силу Оккупационного статута.

7 октября — провозглашение ГДР, избрание премьер-министром О. Гротеволя.

10 октября — прекращение деятельности Советской военной администрации в Германии и образование Советской контрольной комиссии (СКК).

15 октября — дипломатическое признание ГДР СССР.

22 ноября — подписание Петерсбергских соглашений.

1950 г., 8 февраля — создание министерства государственной безопасности ГДР (штази).

9 мая — объявление «плана Шумана». Лондонская конференция трех западных держав по германскому вопросу.

15 мая — решение СССР о сокращении на 50 % суммы оставшихся репараций, которые выплачивала ГДР.

13 июня — отклонение Бундестагом признания границы по линии Одер-Нейсе.

6 июля — подписание соглашения о границе между ГДР и ПНР по Одеру-Нейсе.

8 июля — включение ФРГ в Совет Европы на правах ассоциированного члена.

20–24 июля — III съезд СЕПГ.

27 сентября — принятие ГДР в СЭВ.

4 ноября — смертная казнь 24 осужденных на «вальдхаймских процессах» в ГДР.

1951 г., 18 апреля — подписание ФРГ, Францией, Италией и странами Бенилюкс договора об основании Европейского объединения угля и стали.

24 сентября — начало переговоров об отмене Оккупационного статута.

28 сентября — учреждение Федерального Конституционного суда в Карлсруэ.

3 октября — приговор суда в Цвиккау (ГДР) к тюремному заключению 19 подростков из-за оппозиционных высказываний и демонстраций.

1 ноября — принятие Народной палатой ГДР закона о первом пятилетнем плане развития народного хозяйства на 1951–1955 гг..

16 ноября — предложение правительства ФРГ Конституционному суду запретить Социалистическую имперскую партию (СИП) и КПГ.

1952 г., 10 марта — «Мирная нота» СССР западным державам с изложением проекта основ мирного договора с Германией.

26 мая — подписание в Бонне «Общего договора».

27 мая — подписание в Париже договора о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС).

9–12 июля — II конференция СЕПГ. Принятие решения о «строительстве социализма» в ГДР.

23 июля — ликвидация земель в ГДР, введение нового территориального деления на 14 округов.

20 августа — смерть председателя СДПГ К. Шумахера.

10 сентября — подписание соглашения о возмещении между ФРГ и Израилем.

23 октября — запрет Конституционным судом ФРГ деятельности СИП.

1953 г., 28 мая — повышение правительством ГДР норм выработки в народном хозяйстве.

17 июня — антиправительственные выступления в Восточном Берлине.

25 июня — принятие бундестагом ФРГ закона о 5-процентном избирательном барьере.

3 июля — решение бундестага ежегодно отмечать 17 июня как «День немецкого единства».

18 июля — победа В. Ульбрихта над оппозицей в политбюро ЦК СЕПГ.

6 сентября — выборы во второй бундестаг ФРГ.

1954 г., 25 января — 18 февраля — Берлинская конференция министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции по германскому вопросу.

26 февраля — принятие бундестагом первой «военной» поправки к Основному закону.

25 марта — заявление советского правительства о признании полного суверенитета ГДР.

17 июля — избрание Т. Хойса президентом ФРГ на второй срок.

19–23 октября — подписание Парижских соглашений о ремилитаризации ФРГ, включение ее в Западноевропейский союз (ЗЕС) и НАТО.

1955 г., 25 января — объявление СССР о прекращении состояния войны с Германией.

5 мая — вступление в силу Парижских соглашений 1954 г., Отмена Оккупационного статута.

7 мая — ФРГ становится членом ЗЕС.

9 мая — принятие ФРГ в НАТО.

14 мая — подписание Варшавского договора, создание ОВД.

18–23 июля — Женевское совещание глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции по германскому вопросу.

9–13 сентября — переговоры К. Аденауэра и Н. С. Хрущева в Москве, установление дипломатических отношений между ФРГ и СССР.

20 сентября — подписание в Москве договора об отношениях между СССР и ГДР, в котором устанавливался суверенитет ГДР.

23 октября — отклонение населением Саара на референдуме Саарского статута.

1956 г., 2 января — начало призыва добровольцев в бундесвер.

18 января — принятие Народной палатой ГДР закона о создании Национальной народной армии.

6 марта — принятие бундестагом второй «военной» поправки к Основному закону.

4 июня — соглашение между ФРГ и Францией о присоединении Саара к ФРГ.

7 июля — принятие бундестагом закона о всеобщей воинской обязанности.

17 августа — решение Конституционного суда ФРГ о запрете КПГ.

1957 г., 1 января — получение Сааром статуса земли ФРГ.

25 марта — подписание Римских соглашений о создании ЕЭС и ЕВРАТОМа.

12 апреля — «Гёттингенское заявление» 18 немецких ученых в поддержку отказа ФРГ от атомного вооружения.

15 сентября — выборы в третий бундестаг.

10 октября — установление дипломатических отношений ГДР с Югославией.

19 октября — разрыв дипломатических отношений ФРГ с Югославией (первый случай применения «доктрины Хальштейна»).

1958 г., 7 марта — основание в ФРГ комитета «Борьба с атомной смертью».

25 марта — принятие бундестагом решения об атомном вооружении бундесвера.

29 мая — полная отмена карточной системы на продовольствие и введение на него единых цен в ГДР.

27 ноября — «Ультиматум Хрущева» западным державам относительно статуса Берлина.

1 декабря — учреждение в ФРГ Центрального управления по расследованию национал-социалистических преступлений.

8 декабря — решение Народной палаты ГДР об упразднении Палаты земель ГДР.

14 декабря — Парижская конференция министров иностранных дел западных держав по берлинскому вопросу.

1959 г., 18 марта — принятие СДПГ «Германского плана».

24 апреля — первая Биттерфельдская конференция деятелей культуры ГДР.

11 мая — 20 июня; 13 июля — 5 августа — Женевское совещание министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции с участием делегаций ФРГ и ГДР в качестве наблюдателей.

1 июля — избрание X. Любке президентом ФРГ.

1 октября — утверждение нового флага ГДР и принятие Народной палатой закона о 7-летнем плане развития народного хозяйства ГДР на 1959–1965 гг.

13–15 ноября — принятие новой партийной программы СДПГ на чрезвычайном съезде в Бад-Годесберге.

1960 г., 1 января — вступление в силу закона ФРГ об использовании атомной энергии в мирных целях.

14 апреля — завершение в ГДР коллективизации сельского хозяйства.

30 июня — отклонение СДПГ своего «Германского плана» и признание политики западной интеграции ФРГ.

7 сентября — смерть президента ГДР В. Пика.

12 сентября — образование Государственного совета ГДР и избрание его председателем В. Ульбрихта.

1961 г., 12 апреля — принятие Народной палатой ГДР первого немецкого кодекса законов о труде.

21 июня — заявление Н. С. Хрущева о намерении СССР подписать до конца 1961 г. сепаратный мирный договор с ГДР.

25 июля — посещение американским президентом Д. Кеннеди Западного Берлина.

13 августа — начало строительства властями ГДР Берлинской стены.

17 сентября — выборы в четвертый бундестаг, потеря ХДС/ХСС абсолютного депутатского большинства.

1962 г., 24 января — принятие Народной палатой ГДР закона о всеобщей воинской обязанности.

16–17 июня — принятие документа «Историческая задача ГДР и будущее Германии» на конгрессе Национального фронта демократической Германии.

26 октября — полицейская операция против западногерманского журнала «Шпигель».

1963 г., 15–21 января — VI съезд СЕПГ, принятие Программы партии.

22 января — подписание Елисейского договора между ФРГ и Францией.

15 июля — утверждение Госсоветом ГДР директив о новой экономической системе планирования и руководстве народным хозяйством.

15–16 октября — отставка К. Аденауэра с поста канцлера и избрание канцлером ФРГ Л. Эрхарда.

14 декабря — смерть председателя СДПГ Э. Олленхауэра.

1964 г., 24–25 апреля — вторая Биттерфельдская конференция деятелей культуры ГДР.

4 мая — принятие Народной палатой закона о правах и обязанностях молодежи ГДР.

12 июня — подписание в Москве Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ГДР.

1 июля — избрание Х. Любке президентом ФРГ на второй срок.

21 сентября — смерть О. Гротеволя.

24 сентября — назначение Народной палатой ГДР В. Штофа председателем Совета министров ГДР.

28 ноября — основание в ФРГ праворадикальной Национал-демократической партии Германии.

1965 г., 25 февраля — принятие Народной палатой ГДР закона о единой системе образования.

25 марта — продление бундестагом ФРГ срока давности для нацистских преступлений.

18–25 мая — государственный визит английской королевы Елизаветы II в ФРГ.

11–12 июня — государственный визит французского президента Ш. де Голля в ФРГ.

19 августа — вынесение обвинительных приговоров охранникам концлагеря Аушвиц на процессе во Франкфурте-на-Майне.

19 сентября — выборы в пятый бундестаг.

10 октября — выборы в местные народные представительства в ГДР.

26 октября — создание второго кабинета Л. Эрхарда (ХДС/ХСС и СвДП).

3 декабря — гибель председателя Государственной плановой комиссии ГДР Э. Апеля.

20 декабря — принятие Народной палатой ГДР кодекса законов о семье.

1966 г., 13–14 апреля — принятие ГДР в экономическую комиссию ООН для Европы.

27 октября — решение фракции СвДП выйти из правительственной коалиции с ХДС/ХСС.

1 декабря — избрание К. Г. Кизингера канцлером ФРГ в результате соглашения между ХДС/ХСС и СДПГ о создании правительства «большой коалиции».

1967 г., 20 февраля — принятие Народной палатой закона о гражданстве ГДР.

19 апреля — смерть К. Аденауэра.

26 мая — принятие Народной палатой ГДР закона о перспективном плане развития народного хозяйства на 1967–1970 гг.

18 сентября — письмо премьер-министра ГДР В. Штофа канцлеру ФРГ К. Г. Кизингеру с проектом Договора об установлении и поддержании нормальных отношений между ГДР и ФРГ.

1968 г., 8 апреля — вступление в силу новой Конституции ГДР («социалистического государства немецкой нации»).

11–17 апреля — массовые демонстрации в ФРГ и Западном Берлине после покушения на Р. Дучке.

30 мая — принятие бундестагом законов о чрезвычайном положении.

11 июня — введение визового и паспортного контроля при поездках между ФРГ и Западным Берлином.

27 сентября — начало конституирования Германской коммунистической партии (ГКП).

1969 г., 5 марта — избрание Г. Хайнеманна президентом ФРГ.

12–13 апреля — проведение учредительного съезда ГКП в Эссене.

28–30 мая — VI съезд писателей ГДР.

24 сентября — ратификация Народной палатой ГДР договора о нераспространении ядерного оружия.

28 сентября — выборы шестого бундестага, формирование социал-либеральной («малой») коалиции (СДПГ и СвДП).

21 октября — избрание В. Брандта первым социал-демократическим канцлером ФРГ.

17 декабря — послание Председателя Госсовета ГДР В. Ульбрихта президенту ФРГ Г. Хайнеманну с проектом договора об установлении равноправных отношений между ГДР и ФРГ.

1970 г., 19 марта и 21 мая — встречи премьер-министра ГДР В. Штофа с канцлером ФРГ В. Брандтом в Эрфурте (ГДР) и Касселе (ФРГ.

12 августа — подписание советско-западногерманского (Московского) договора.

7 декабря — подписание польско-западногерманского (Варшавского) договора.

15 декабря — повышение минимальной заработной платы в ГДР.

1971 г., 3 мая — освобождение В. Ульбрихта от обязанностей первого секретаря ЦК СЕПГ на пленуме ЦК СЕПГ, избрание на этот пост Э. Хонеккера.

3 сентября — подписание четырехстороннего соглашения по Западному Берлину.

16–18 октября — встреча Л. И. Брежнева и В. Брандта в Крыму.

10 декабря — присуждение В. Брандту Нобелевской премии мира.

1972 г., 19 января — принятие бундестагом закона о статусе предприятия.

28 января — принятие бундестагом «Закона о радикалах».

17 мая — ратификация бундестагом Московского и Варшавского договоров.

26 августа — начало летних Олимпийских игр в Мюнхене.

10 декабря — присуждение Г. Бёллю Нобелевской премии в области литературы.

21 декабря — подписание договора об основах отношений между ФРГ и ГДР.

1973 г., 18–22 мая — визит Л. И. Брежнева в ФРГ, подписание соглашений о развитии экономического и культурного сотрудничества между СССР и ФРГ.

18 сентября — принятие ФРГ и ГДР в члены ООН.

ноябрь — избрание Х. Коля председателем ХДС.

11 декабря — подписание чехословацко-западногерманского (Пражского) договора.

1974 г., 6 мая — отставка В. Брандта.

15 мая — избрание В. Шееля президентом ФРГ.

16 мая — избрание Х. Шмидта канцлером ФРГ.

1975 г., 1 августа — подписание Заключительного акта СБСЕ.

7 октября — подписание договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и ГДР.

1976 г., 18 марта — принятие бундестагом закона о соучастии наемных работников и их профсоюзов в управлении предприятиями с более чем 2 тыс. занятых.

18–22 мая — IX съезд СЕПГ, принятие новой программы партии.

29 октября — избрание Э. неккера председателем Государственного совета ГДР.

1977 г., 7 апреля — начало террора со стороны РАФ, убийство генерального прокурора ФРГ З. Бубака.

1978 г., 4–7 мая — визит Л. И. Брежнева в ФРГ, подписание Соглашения о развитии долгосрочного сотрудничества СССР и ФРГ в области экономики.

6 июля — решение о создании европейской валютной системы.

1979 г., 23 мая — избрание К. Карстенса президентом ФРГ.

12 декабря — «двойное решение» НАТО о размещении в Европе ракет средней и малой дальности.

1980 г., 12–13 января — учредительный съезд федеральной партии «зеленых».

5 октября — выборы в девятый бундестаг.

1981 г., 11–13 декабря — визит Х. Шмидта в ГДР.

1982 г., 10 июня — массовые демонстрации протеста в связи с визитом в Бонн президента США Р. Рейгана.

17 сентября — выход членов СвДП из правительства Х. Шмидта, разрыв социал-либеральной коалиции.

1 октября — избрание Х. Коля канцлером ФРГ, формирование консервативно-либеральной коалиции (ХДС/ХСС — СвДП).

1983 г., 6 марта — внеочередные выборы в бундестаг, образование парламентской фракции партии «зеленых».

1984 г., 23 мая — избрание Р. фон Вайцзеккера президентом ФРГ.

1985 г., 11 марта — избрание М. С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС.

16 октября — образование в земле Гессен коалиционного правительства СДПГ и партии «зеленых».

1986 г. — начало «спора историков» ФРГ.

3 июня — учреждение федерального министерства по охране окружающей среды.

1987 г., 25 января — выборы в бундестаг.

7–11 сентября — визит Э. Хонеккера в ФРГ.

29 декабря — встреча в Кремле М. С. Горбачева и Ф.-Й. Штрауса.

1988 г., 17 января — новая волна арестов и высылок в ГДР.

12–15 июня — визит М. С. Горбачева в ФРГ.

июль–август — массовое бегство граждан ГДР в ФРГ через посольства ФРГ в Варшаве, Праге, Будапеште.

3 октября — смерть Ф.-Й. Штрауса.

24–27 октября — визит Х. Коля в Москву.

1989 г., сентябрь–октябрь — массовые политические демонстрации в ГДР.

18 октября — уход Э. Хонеккера в отставку со всех постов в партии и государстве, избрание Э. Кренца Генеральным секретарем ЦК СЕПГ.

9 ноября — падение Берлинской стены, открытие границы ГДР с ФРГ и Западным Берлином.

13 ноября — избрание Х. Модрова премьер-министром ГДР.

28 ноября — оглашение плана Х. Коля «10 пунктов».

3 декабря — отставка Политбюро и ЦК СЕПГ.

7 декабря — начало работы «круглого стола» правительства и оппозиции ГДР.

1990 г., 5 февраля — формирование в ГДР «правительства национальной ответственности».

10–11 февраля — визит Х. Коля в Москву.

1 марта — постановление Совета министров ГДР о приватизации государственной собственности.

18 марта — победа «Альянса за Германию» на парламентских выборах в ГДР.

12 апреля — избрание Л. де Мезьера премьер-министром ГДР.

5 мая — начало переговоров по формуле «2+4».

18 мая — подписание Договора о создании экономического, валютного и социального союза ФРГ и ГДР.

1 июля — введение западногерманской марки в качестве валюты ГДР.

15–16 июля — переговоры Х. Коля и М. С. Горбачева на Ставрополье.

31 августа — подписание договора между ФРГ и ГДР о восстановлении единства страны путем присоединения восточногерманских земель к ФРГ.

12 сентября — подписание договора об окончательном урегулировании в отношении Германии.

3 октября — вступление в силу решения о присоединении пяти восточногерманских земель к ФРГ, объединение Германии.

9 ноября — подписание между ФРГ и СССР договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве.

2 декабря — проведение первых выборов в бундестаг единой Германии.

1991 г., 20 июня — принятие бундестагом решения о переносе столицы из Бонна в Берлин.

1992 г., 7 февраля — подписание ФРГ Маастрихтских договоров (вместе с другими 12 государствами) о создании Европейского союза (ЕС), экономического и валютного союзов.

12 марта — создание бундестагом комиссии по изучению «последствий диктатуры СЕПГ» и их преодолению.

8 октября — смерть В. Брандта.

12 ноября — начало судебного процесса над Э. Хонеккером.

1993 г., 12 января — освобождение тяжело больного Э. Хонеккера, его отъезд в Чили.

1994 г., 23 мая — избрание президентом ФРГ Р. Херцога.

июль — принятие Конституционным судом ФРГ решения о возможности использования бундесвера за пределами территории ФРГ и НАТО.

31 августа — завершение вывода советских войск с германской территории.

16 октября — выборы в бундестаг.

1995 г., 26 марта — вступление в силу Шенгенского соглашения.

1996 г., январь-декабрь — впервые подразделения бундесвера участвуют в боевых действиях НАТО по обеспечению мира в Боснии.

1997 г. — подписание ФРГ Амстердамского договора о расширении компетенции ЕС в области социальной, внутренней, экологической политики.

1998 г., 28 сентября — выборы в бундестаг и приход к власти «красно-зеленой» коалиции во главе с Г. Шрёдером.

20 октября — заключение СДПГ и «Союзом 90/Зеленые» правительственного коалиционного соглашения.

16 ноября — визит Г. Шрёдера в Москву.

1999 г. — участие ФРГ в военных действиях НАТО против Югославии.

23 мая — избрание президентом ФРГ Й. Рау.

декабрь — начало расследования дела о незаконном финансировании ХДС.

2000 г., 1 января — принятие закона о гражданстве.

2001 г., 30 января — возбуждение правительством ФРГ в конституционном суде ходатайства о запрете правоэкстремистской партии НДП.

апрель — подписание Г. Шрёдером и В. В. Путиным соглашения о «Петербургском диалоге».

2002 г., 1 января — введение на территории ФРГ евро как единственного средства расчетов.

апрель — избрание на экстренном съезде ХДС председателем партии А. Меркель.

22 сентября — выборы в бундестаг ФРГ, в результате которых у власти осталась коалиция СДПГ и «Союза 90/Зеленые».

2003 г., октябрь — вынесение правительством Г. Шрёдера на обсуждение бундестага документа «Агенда 2010».

2004 г., 23 мая — избрание президентом ФРГ Х. Кёлера

2005 г., 1 января — вступление в силу «Закона об иммиграции».

21 июля — заявление президента ФРГ Х. Кёлера о роспуске бундестага и назначении досрочных выборов на 18 сентября 2005 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

австр. — австрийский
америк. — американский
англ. — английский
АЭГ — Всеобщее электрическое общество
АЭС — атомная электростанция
БНП — Баварская народная партия
ВВК — Верховное военное командование
ВВП — валовый внутренний продукт
ВВС — военно-воздушные силы
ВКП(б) — Всероссийская (Всесоюзная) партия большевиков
ВМС — военно-морские силы
ВМФ — военно-морской флот
ВНП — валовый национальный продукт
ВОНП — объединение свободных немецких профсоюзов
га — гектар
ГДР — Германская Демократическая республика
гер. — германский
Гитлерюгенд (ГЮ) — организация «Гитлеровская молодежь»
ГКП — Германская коммунистическая партия
ГУЛАГ — Главное управление лагерей
ДАФ — Германский трудовой фронт
ДЕФА — объединение «Немецкий фильм»
ДКПГ — Демократическая крестьянская партия Германии
долл. — доллар
ЕВС — европейская валютная система
ЕОС — Европейское оборонительное сообщество
ЕОУС — Европейское объединение угля и стали
ЕС — Европейский союз
зам. — заместитель
зап. — западный
ЗЕС — Западноевропейский союз
итал. — итальянский
кг — килограмм

КдФ — организация «Сила через радость»
км — километр
кв. км — квадратный километр
КПГ — Коммунистическая партия Германии
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КЦ — Концентрационный лагерь
ЛДПГ — Либерально-демократическая партия Германии
МВТ — Международный военный трибунал
МГБ — Министерство государственной безопасности
млн — миллион
млрд — миллиард
МПС — машинопрокатная станция
наст. — настоящий
НДП — Немецкая демократическая партия
НДПГ — Национально-демократическая партия Германии
нем. — немецкий
НИОКР — научно-исследовательские и опытно конструкторские работы
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКСГ — Национальный комитет «Свободная Германия»
ННА — Национальная народная армия
НННП — Немецкая национальная народная партия
ННП — Немецкая народная партия
НСДАП — Национал-социалистическая немецкая рабочая партия
НСДПГ — Независимая социал-демократическая партия Германии
НСФС — Немецкий союз физкультуры и спорта
НТР — научно-техническая революция
НЭК — Немецкая экономическая комиссия
НЭС — Новая экономическая система планирования и руководства
ОВД — Организация Варшавского Договора
ОЕЭС — Организация европейского экономического сотрудничесва
ОКВ — Верховное главнокомандование вермахта
ОНП — Объединение немецких профсоюзов
ООН — Организация Объединенных Наций
ПДС — Партия демократического социализма
полн. — полный
прусск. — прусский
псевд. — псевдоним
РАФ — «Фракция Красной Армии»
род. — родился

рос. — российский
РП — Республиканская партия
русск. — русский
СА — «Штурмовые отряды»
САО — Советские акционерные общества
СБСЕ — Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе
СВАГ — Советская военная администрация в Германии
СвДП — Свободная демократическая партия
СВТ — Советские военные трибуналы
СД — Служба безопасности
СДС — Социал-демократический союз
СЕПГ — Социалистическая единая партия Германии
СИП — Социалистическая имперская партия
СКС — Союзный Контрольный Совет
СЛРП — Союз лишенных родины и прав
СМИ — средства массовой информации
СМИД — Совет министров иностранных дел
СНСС — Социалистический немецкий союз студентов
СНУ — Совет народных уполномоченных
сов. — советский
СОИ — программа «Стратегическая оборонная инициатива»
СС — «Охранные отряды»
ССНМ — Союз свободной немецкой молодежи
ССНП — Союз свободных немецких профсоюзов
СХПК — сельскохозяйственные производственные кооперативы
США — Соединенные Штаты Америки
СЭВ — Совет экономической взаимопомощи
ТЭЦ — тепловая и электрическая центральная станция
фам. — фамилия
франц. — французский
ФРГ — Федеративная республика Германия
ХДС — Христианско-демократический союз
ХСС — Христианско-социальный союз
ЦК — Центральный комитет
ЦС — центральный совет
ЮНЕСКО — Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

Учебное издание

Алексей Михайлович Бетмакаев
Татьяна Александровна Бяликова
Юрий Владимирович Галактионов
и др.

ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ
В 3 томах

Под общей ред. *Б. Бонвеча* и *Ю. В. Галактионова*

Том 2. От создания Германской империи до начала XXI века

Учебное пособие

Зав. редакцией *Игнатова Е. С.*
Ведущий редактор *Климкин М. С.*
Редактор *Антонов Д. С.*
Корректор *Макарова Л. Н.*
Художник *Терехова Г. Д.*
Компьютерная верстка *Писаренко Т. В.*

Директор издательства *Чепыжов В. В.*

Подп. в печать 08.08.2007
Формат 60×84/16. Бумага офсетная
Гарнитура «Minion Pro». Печать офсётная
Усл.-печ. л. 39,06. Тираж 1000 экз. Заказ № 4504.

ООО «Издательство «КДУ». 119234, г. Москва, а/я 587
Тел./факс: (495) 939-57-32, 939-40-51
Http://www.kdu.ru. E-mail: kdu@kdu.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИЯ
ШВЕЦИЯ
ДАНИЯ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
Северо-Фризские о-ва
о. Рюген
Кильская бухта
Пр. Фемарн-Бельт
Поморская бухта
Фленсбург
Шлезвиг
Рондсбург
Киль
Ноймюнстер
Штральзунд
Росток
Любек
Куксхафен
Вильгельмсхафен
Гамбург
Шверин
Нойбранденбург
Нойштрелиц
Бременхафен
Эмден
Люнебург
Эльба
Бремен
Ольденбург
Эбельсвальде-Финов
Шведт
Виттенберге
Ильцен
Мелпен
ПОЛЬША
Одер
Нинбург
БЕРЛИН
Бранденбург
Ганновер
Оснабрюк
Потсдам
Франкфурт-на-Одере
Брауншвейг
Нейсе
Хильдесхайм
Зальцгиттер
Магдебург
Мюнстер
Билефельд
Губен
Детмольд
Дессау
Гарц
Зале
Котбус
Дортмунд
Гёттинген
Галле
Эссен
Вайсвассер
Лейпциг
Кассель
Вупперталь
Мейсен
Дрезден
Мёнхенгладбах
Эрфурт
Кёльн
Зиген
Йена
Гера
Гота
Кемниц
Бонн
Цвиккау
Рейн
Вецлар
Фульда
Тюрингенский лес
Плауэн
Кобленц
Висбаден
Франкфурт-на-Майне
ЧЕХИЯ
Мозель
Дармштадт
Байрёйт
Майнц
Вюрцбург
Трир
Мангейм
Майн
Вайден-ин-дер-Оберпфальц
Гейдельберг
Нюрнберг
Саарбрюккен
Гейльбронн
Карлсруэ
Пфорцхайм
Регенсбург
Дунай
Баден-Баден
Штутгарт
Ингольштадт
Пассау
Тюбинген
Аугсбург
ФРАНЦИЯ
Лар
Инн
Шварцвальд
Мюнхен
Мемминген
Кауфбойрен
Фрайбург
Розенхайм
Гармиш-Партенкирхен
Кемптен
Рейн
АВСТРИЯ
Боденское озеро
ШВЕЙЦАРИЯ
ЛИХТЕНШТЕЙН

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ФРГ
ДАНИЯ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Северо-Фризские о-ва
Кильская бухта
Пр. Фемарн-Бельт
о. Рюген
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
Киль
ШЛЕЗВИГ-ГОЛЬШТЕЙН
Поморская бухта
МЕКЛЕНБУРГ ПЕРЕДНЯЯ ПОМЕРАНИЯ
Гамбург
Шверин
БРЕМЕН
Бремен
ГАМБУРГ
Эльба
НИДЕРЛАНДЫ
БЕРЛИН
Одер
БЕРЛИН
НИЖНЯЯ САКСОНИЯ
Ганновер
Потсдам
Магдебург
БРАНДЕНБУРГ
Нейсе
Заале
СЕВЕРНЫЙ РЕЙН - ВЕСТФАЛИЯ
САКСОНИЯ - АНГАЛЬТ
Эльба
Дюссельдорф
Дрезден
Эрфурт
САКСОНИЯ
ГЕССЕН
Рейн
БЕЛЬГИЯ
ТЮРИНГИЯ
Висбаден
ЧЕХИЯ
РЕЙНЛАНД-ПФАЛЬЦ
Майнц
Майн
СААРЛАНД
Саарбрюккен
ЛЮКСЕМБУРГ
Штуттгарт
БАВАРИЯ
Дунай
БАДЕН - ВЮРТЕМБЕРГ
ФРАНЦИЯ
Инн
Мюнхен
Дунай
Рейн
Боденское озеро
АВСТРИЯ
ШВЕЙЦАРИЯ
ЛИХТЕНШТЕЙН